Архимандрит Тихон (Агриков)

У Троицы окрыленные

Воспоминания

УДК 271.22(470.311)(092)
ББК 86.372
Т46

Рекомендовано к публикации Издательским Советом
Русской Православной Церкви

ИС 13-319-2481

Печатается по изданию: Тихон (Агриков), архимандрит. У Троицы окрыленные. Воспоминания. — 2-е изд., испр. — СТСЛ, 2012. — 720 с.

Т46 **Тихон (Агриков), архимандрит**
У Троицы окрыленные. Воспоминания. — М.: УКИНО «Духовное преображение», 2013. — 608 с.

ISBN 978-5-905983-65-8

Эта книга — получившие широчайшую известность воспоминания, автор которых, будучи очевидцем возрождения Троице-Сергиевой Лавры, подробно и трепетно запечатлел в них духовные черты тридцати двух подвижников того времени — живого воплощения традиций русского монашества.

УДК 271.22(470.311)(092)
ББК 86.372

ISBN 978-5-905983-65-8

От издателя

Дорогие читатели!

Книга «У Троицы окрыленные» переиздавалась уже много раз за последние десятилетия и приобрела большую популярность у православного читателя. Поэтому, издавая серию книг отца Тихона, мы не могли обойти вниманием этого самого известного произведения автора — драгоценных его сердцу воспоминаний о насельниках возрождаемой Троице-Сергиевой Лавры.

«Когда я пишу... — говорит автор, — то сердце мое прямо-таки разрывается от стеснившегося желания: как хочется, чтобы каждая душа христианская, дорогая, милая душа, купленная бесценною кровью Христовой, и особенно та, которая поручена мне Самим Господом, окрылилась, окрепла, воспрянула духом, питаясь молитвами Преподобного Сергия! Чтобы ни один человек, хоть раз в жизни посетивший Сергиев монастырь, не погиб в сетях вражеских, но чтобы как можно больше людей спаслись и достигли вечной жизни».

Преемственность духовного опыта — вот то, чего так недостает нам, современным христианам, пришедшим к вере после опустошительного царствования советской власти, так продолжительно и яростно уничтожавшей русское православие в XX веке.

Изранили, почти погубили Святую Русь богоборцы, но и сами чуть не погибли от руки иноплеменников, фа-

шистских войск. В этом — вечное повторение истории Израиля, избранного народа Божия. И вот, Промыслом Божиим, вновь затеплилась жизнь в самом сердце русского православия — в Троицкой Сергиевой Лавре. И вновь стекаются в нее расточенные чада, чтобы возродить монашескую жизнь.

Были среди них и простые, малограмотные люди — портные, ремесленники, и бывшие фронтовики, прошедшие разные испытания в миру и всем сердцем желавшие жить в обители на послушании, — такие как автор книги, которому Лавра дала богословские знания и заложила духовные основы существования. Но были и те, кто взрос духовно на пажитях древних монастырей и скитов еще до начала безбожных гонений.

Первым настоятелем после открытия обители стал архимандрит (впоследствии епископ) Гурий (Егоров) — пастырь и монах, воспитанный на традициях Оптиной Пустыни, духовный сын старца Анатолия (Потапова) и исповедника веры Георгия Коссова (известного также как отец Егор Чекряков).

Инспектором Московской духовной семинарии был архимандрит Вениамин (Милов) — смиренный инок и блестящий богослов, принявший постриг в Даниловом монастыре в 1920 году.

Несколько подвижников, к которым обращает духовный взор отец Тихон, были пострижены в монашество в начале века на Святой Горе Афон: игумен Прокопий (Зинин) в 1911 году, схииеродиакон Варнава (Зайцев) в 1899-м. Схиигумен Стефан (Лазарев) принял постриг в 1902 году в скиту Параклит близ Троице-Сергиевой Лавры. В 1952 году вернулся в стены родной обители архимандрит Филадельф (Мишин), живший в Лавре с 1904 по 1921 год. Даже среди прихожан были опытные подвижницы, например монахиня Людмила (Ребракова).

Таким образом, новые лаврские иноки перенимали духовный и аскетический опыт у монахов, прошедших весь

путь иноческого искуса, приобщались к тайнам их сокровенной жизни сердца. Одним из этих первых насельников вновь открытой Лавры и был автор этой книги — отец Тихон (Агриков). Подобное духовное становление помогло ему пережить годы изгнания из обители, скитаний по отдаленным приходам, вынужденный затвор.

И желая передать нам этот утерянный духовный опыт, эти живые традиции русского монашества, отец Тихон подробно и трепетно запечатлевает черты тридцати двух замечательных подвижников того периода в своих воспоминаниях. У Троицы окрыленные — это новые чада, ученики, новые голуби преподобного Сергия, новые монахи, воспитанные в стенах обители его. Но вот какие слова добавляет автор к этому: «Скажу вам о той непреложной истине, довольно утешительной не только для иноков сей святой обители, но и для всех верующих людей, которые молитвенно связаны с Лаврой Преподобного Сергия, посещают ее, исповедуются у лаврских духовников: Преподобный Сергий и их считает своими чадами, учениками. И они ему очень милы и дороги, и за них он непрестанно возносит свои молитвы к Богу».

Последние годы жизни отец Тихон провел в подмосковном селе Тайнинском, недалеко от Балашихи. Там принял он схиму с именем Пантелеимон — в честь святого целителя был назван великий врач душ человеческих, схиархимандрит Пантелеимон (Агриков). Там 15 ноября 2000 года, на утреннем богослужении, со словами возгласа «Слава Тебе, показавшему нам свет!» замкнулись навеки уста батюшки. Но окрыленное надеждой сердце его по-прежнему зовет нас к памяти окрыленных у Троицы и вознесенных в горние обители.

От автора

Эти воспоминания написаны мною в результате наблюдения за жизнью хороших людей. Написаны для того, чтобы показать, что и в наше время были и есть люди, которые всей душой стремятся к Богу, к вечной жизни, к горнему блаженному Иерусалиму. Ведь теперь многие говорят, что нам будто и не спастись: времена стали не те, суета застилает наши очи, как утренний туман, благодати не стало нигде — ни в монастырях, ни в храмах, ни в людях. И так многие говорят — и только себе вредят, уныние нагоняют, и туман печали еще больше сгущается над нашими душами. А ведь так говорить не только вредно, но и грешно. Правда-то правда, что наши времена трудные и туманные, и даже бурные и грозные, но ведь в бурю-то и Господь ближе к грешной и немощной душе — и ближе, и милостивее, и нежнее. Как мать бывает нежнее и внимательнее к ребенку больному и худенькому, так и Господь наш Спаситель ближе к нам в трудные и опасные времена.

Вот я и хочу в своих воспоминаниях со всей ясностью показать, что и теперь люди добрые спасаются и достигают высокой духовной зрелости и даже святости. В них описывается жизнь людей, монашествовавших в доме Святой Троицы — в Лавре Преподобного Сергия Радонежского — на протяжении пятнадцати лет: с 1950 по 1965 год, то есть в период моего личного наблюдения благодатной жизни под священным кровом Сергия

Преподобного. Спешу оговориться, что это не сочинение и даже не художественное повествование. Нет, это просто-напросто воспоминание о добрых, хороших людях, с которыми я вместе жил, молился, трудился, радовался, скорбел, плакал, утешался, тем более что они живут в моем сердце и доселе. Они, эти добрые отцы и братия мои по духу, уже скончались, их нет больше в земном доме Святой Троицы. Они переселились к Троице Небесной, вечно сияющей, вечно озаряющейся радугами небесных сияний. Они сейчас там, куда мы поднимаем свои печальные, заплаканные взоры. Но дела их добрые еще живут, помнятся в священных стенах Сергиевой Лавры. Для того чтобы об этих делах узнали и другие верующие люди, я пишу эти воспоминания. «У Троицы окрыленные» — так они называются. Это название имеет символический смысл, разъяснение которого читатель найдет дальше — во введении.

А сейчас скажу только о том, что эта книга разделена на три части. В первой части (1950–1955 годы) описана жизнь восьми дивных мужей; во второй части (1955–1960 годы) раскрываются судьбы тринадцати старцев-тружеников и в третьей части (1960–1965 годы) — одиннадцати человек. Всего в книге дается жизнеописание тридцати двух человек.

Ко всему этому добавлю: пусть читатель не смущается и не обижается на меня из-за скудости сведений об указанных лицах. Тем более что я не имею намерения описывать полную биографию того или иного старца. Это мне не под силу. Да и сведений таких теперь с огнем не найдешь.

В своих воспоминаниях я коснусь только последних лет жизни этих людей, то есть того времени, которое они провели в земном доме Святой Троицы у Преподобного Сергия. Вот об этих последних годах их жизни, не касаясь детства и юности, я расскажу моим добрым читателям.

Хочется сказать, что я никакой иной цели не преследую, когда пишу эти воспоминания, кроме одной, самой

заветной, самой святой, самой высокой, — сколько-нибудь помочь моим милым и дорогим читателям озариться светлым стремлением к небесной жизни, окрылиться, согреться благодатным теплом от святых людей, которые, как и мы все, совсем еще недавно жили с нами, ходили, страдали, терпели, радовались, унывали, а вот теперь их нет уже среди нас, они ушли, воспарили в иной мир. Хочется, чтобы читатель хорошенько понял суету этой земной жизни и с большим стремлением и энергией взялся за спасение своей души. Если эти мои бедные строки коснутся близко чьей-либо души, если они вызовут в каком-либо сердце горячее желание спасения, если они вызовут в чьем-либо взоре слезы умиления и тихие благодатные воздыхания — цель моих денных и нощных трудов будет достигнута, и лучшей награды мне никакой не надо.

Введение

Была тихая лунная ночь. Дремучий бор как бы заснул, задремал. Только высокие сосны тихо покачивали своими шапками, показывая тем, что лес бодрствует, что он не спит в эту дивную таинственную ночь. На опушке темного леса приютилась маленькая келейка; она кажется совсем крошечной по сравнению с могучими соснами и елями. Келейка скромно прижалась к лесу, как бы боясь, чтобы кто ее не увидел, не обнаружил. В маленьком одиноком окошечке светил огонек. Знать, и здесь кто-то бодрствовал, не спал в такой поздний неурочный час. Огонек то замирал, как бы угасая, то снова его слабый свет отражался на сучьях и ветвях старого леса. Лучина... Да это даже и не свеча восковая, а простая древесная лучина, тихо потрескивая, бросала свои дымные лучи на древние листы Священной Псалтири и на склонившегося над ней отшельника. Кто этот подвижник, что так одиноко и напряженно проводит свою жизнь? Он уже не молод. Пряди седых, как снег, белых волос падали на его старческие худые плечи. Он читал, стоя на коленях, весь углубившись в молитву. Мертвая тишина царила в убогой келейке. Временами он поднимал седую голову и устремлял свой взор на древнюю икону Богоматери. Долго молился так старец, и казалось, что он никогда не кончит своей уединенной молитвы. Видимо, велика была его просьба; о чем-то большом и значительном, наверное, просил он Царицу Небесную. Она тихим материнским взором смо-

трела на молящегося старца, и казалось, вот-вот раскроются Ее девственные уста, Она поспешит утешить Своего угодника. Старец чувствовал своею душою, что Она его слышит, и оттого новые обильные теплые слезы бежали по его худым старческим ланитам.

Вдруг за окном негромкий крик: «Сергий, Сергий!» Старец насторожился. «Господи, Иисусе Христе... — тихо шепчут его бесцветные уста. — Знать, опять супостаты нарушают тишину этой святой ночи. Как это им неймется, беззаконникам», — думает подвижник. «Сергий, Сергий!» — будто еще ближе, прямо под самым окном, зовет мягкий и тихий голос. Луч яркого света, точно молния, озаряет окрестность. И в убогой келейке становится совсем светло. Старец чувствует, что этот луч проник даже в его сердце, и оно заиграло, озарилось неизъяснимой радостью, блаженством. Он встает, тихо подходит к маленькому окошечку и... открывает его... «Сергий, услышана молитва твоя о твоих учениках, — снова несется голос. — Как при тебе, так и после тебя, их будет так много, как вот этих голубей...» Старец не верит своим глазам: в лучах небесного света летают голуби — их так много, так много, будто весь огромный лес наполнен ими! И какие же это дивные голуби! «Нет, это не простые голуби, — думает старец, — это ангелы небесные, потому такие прекрасные и неописуемые». И белые, как чистый яркий снег, и сизые, как небо, и нежно-оранжевые, как цвет благоухающей розы. Разных цветов голуби. Порхают, летают, играют и всё будто стремятся поближе к келии Преподобного. Сергий не мог наглядеться на это дивное небесное видение. Он пошел тихонечко к другой келии, что глубже спряталась в лесной чаще, и позвал архимандрита Симона. Когда они вернулись, видение стало исчезать, и вскоре лес, келии и люди погрузились в прохладную ночную темноту...

С тех пор минуло около шести столетий. Сколько святых людей, этих земных ангелов, этих дивных кротких

«голубей», воспитал, окрылил дом Святой Троицы — обитель Преподобного Сергия! Преподобные Никон, Дионисий, смиренный Михей, Симон, Исаакий — и возможно ли их перечесть, записать, или описать, или о них рассказать?.. Как звезды на ночном тихом небе, сияют дивные имена учеников Сергиевых. Недаром он в ту священную ночь так горячо молился, не напрасно он о своих учениках проливал горячие слезы.

За шестьсот лет немало грозных бурь перенесла святая обитель Сергиева. Волны бурных кровопролитий, междоусобиц, вражды, глада, моровой чумы яростно бросались на вековые столпостены монастыря. Не один раз она была палима огнем, не один раз опустошаема. Временами камня на камне не оставалось от древней святыни. Но вновь и вновь она поднималась из пепла, как таинственная птица Феникс, чтобы жить, светить, согревать, окрылять всё новых и новых учеников Сергия Преподобного. Как могучий маяк средь житейского моря, стоит эта твердыня и доныне, сокрушая, отражая силы зла.

В нашу сложную эпоху святая обитель Живоначальной Троицы также понесла немало испытаний. Она была просто закрыта. Опечатана. Хранилась как памятник древней культуры. И так было много лет. Тем не менее и в эти годы свет благодатный не переставал излучаться от сокрытого под спудом могучего светильника. Очевидцы говорят, что тропочка к святым мощам Сергия Преподобного никогда не зарастала в эти печальные годы — ни летом, ни зимой. Одинокие богомольцы просачивались чрез закрытые двери обители и тихо-трепетно шли к восточной стороне Троицкого собора, где покоились святые мощи Великого Печальника Русской земли. Говорят, что, подходя к стене, люди тихо плакали. Они прикладывались благоговейно к белому камню, как бы к самой раке Преподобного Сергия, и, испрося его благословения, так же тихо удалялись.

Пришлось мне видеть одну престарелую монахиню, которая в это время жила недалеко от закрытой святой обители. Она и в снежную пургу, и в дождливую ночь, и в самое непроходимое ненастье всегда тихонечко ходила к Сергию Преподобному за благословением. И вот однажды заболела и несколько дней провела безвыходно дома. Ночью, когда она лежала в своей келии, вдруг услышала: кто-то тихо отворяет дверь (а дверь была закрыта на крючок, потому что час был поздний). Входит старец — тихий, кроткий. Сделав от двери три шага, он остановился. Обращаясь к испуганной монахине, ласково спросил: «Что же ты, матушка, перестала навещать меня? Ведь когда вы подходите к стенке, я благословляю в окошечко». Сказал и тихо скрылся, как и пришел. Поднявшись с колен, она долго плакала от радости, а через несколько лет и рассказала мне об этом. Так благодать Святой Троицы чрез Преподобного Сергия никогда не переставала изливаться на души близких и дальних учеников Сергиевых.

А еще хочется рассказать о чудесном случае, который совершился при открытии Лавры Преподобного Сергия в 1945 году. Было всем известно, что Лавру открывают. Настоятель святой обители архимандрит Гурий (позднее митрополит Симферопольский и Крымский) получил из Москвы разрешение служить на праздник, кажется, Святой Троицы. Но колокола на колокольне не было, чтобы звонить к службе. Тогда дано было указание поднять большой колокол на колокольню. Поставили спешно леса, подкатили лебедку, натянули тросы и колокол стали поднимать. Но тут неожиданно отца настоятеля вызвали в Москву, и он срочно выехал. Рабочие целый день маялись, поднимая колокол, и никак не могли его поднять до места. Они десять раз и больше спускали колокол к земле, потом снова тянули его кверху. Колокол доходил до половины пути и дальше не хотел идти. Никакая сила не могла его втащить выше. Тросы были стальные, узлов нигде не было, но колокол никак не хотел подниматься

выше. Десять раз и больше он доходил до определенного места и останавливался как прикованный. Рабочие выбились из сил и не могли понять, в чем причина этого несчастья. Наступил вечер, и настоятель возвращался из Москвы. Он издали увидел, как колокол медленно шел, шел — и остановился. Ему сказали, что рабочие целый день бьются с колоколом и не могут его поднять на место. Архимандрит Гурий молча вышел из машины и быстро направился в свою келию. Войдя, он сотворил молитву и накинул на себя епитрахиль, надел поручи. Потом взял требник и прочитал в нем молитву на поднятие колокола. Не успел он закончить этой молитвы, как со стороны двора раздались радостные крики. Наместник глянул на колокол: тот медленно и торжественно уже доходил до окна колокольни, где его приняли несколько рук и втянули внутрь. Так был поднят колокол и открыта Лавра.

Скажу вам о той непреложной истине, довольно утешительной не только для иноков сей святой обители, но и для всех верующих людей, которые молитвенно связаны с Лаврой Преподобного Сергия, посещают ее, исповедуются у лаврских духовников: Преподобный Сергий и их считает своими чадами, учениками. И они ему очень милы и дороги, и за них он непрестанно возносит свои молитвы к Богу. Уместно здесь вспомнить случай, происшедший в Лавре в недавнее время.

Одна глубоко верующая девица, питающая горячую веру и любовь к Сергию Преподобному, в большой скорби приехала в святую обитель. Она хотела излить здесь свою скорбь знакомому ей иеромонаху-духовнику, но тот, как нарочно, к этому времени приболел и не пришел исповедовать. Убитая двойным горем, девушка пошла в Троицкий собор, спряталась за колонку храма и стала горько-горько плакать. В порыве острого душевного горя она стала даже роптать на Преподобного, что он отнял у нее последнюю опору в жизни, и ей нет возможности поведать кому-либо свои скорби.

Так она плакала и плакала за колонкой, по временам печально бросая свой взгляд на священную раку угодника Божия.

Вдруг она отчетливо заметила, что священная рака неожиданно подернулась белой дымкой, точно облако или белый покров взметнулся над гробом Преподобного. Вслед за этим сам Сергий Преподобный поднялся из раки и тихо, как бы скользя по воздуху, направился к скорбящей девице. Девушка перепугалась и упала вниз лицом на пол. Она дрожала от страха всем телом и не могла даже молиться.

Но вот чувствует она, будто легкая рука опустилась на ее голову, и вслед за этим послышался мягкий голос: «Не скорби так сильно, дитя мое; когда некому поведать, то я сам принимаю ваши скорби».

Как ни страшно было девушке в эту минуту, но от слов самого Преподобного она не могла сдержаться и навзрыд заплакала, вздрагивая всем телом. Окружающие успокаивали ее, не зная причины ее крайнего расстройства, она же никого не хотела ни видеть, ни слышать, только слова Преподобного звучали в ее ушах: «Не скорби, дитя мое... Я сам принимаю ваши скорби».

Успокоившись, она встала. Неописуемый мир и неземная радость наполнили ее душу. Ни на кого не глядя, она тихо вышла из Троицкого собора...

Да, Сергий Преподобный всех почитает своими учениками: не только свою монастырскую братию, но и всех, всех к нему приезжающих со всех краев матушки-Руси. А с каким нетерпением он ждет к себе богомольцев, отечески помогает им преодолеть все препятствия и приехать во святую Лавру помолиться, исповедаться и причаститься Святых Таин Христовых! Одна убогая старушка долго-долго собиралась посетить святую обитель Сергия Преподобного, но всё никак не могла собраться. То старческая немощь ей не позволяла, то погода: зимой — снег, пурга, летом — дождь, слякоть; но вот все-таки собралась к Тро-

ице. «Как же, бабуся, поедешь? — говорили ей соседи. — Да еще и попутчика у тебя нет». — «Нет у меня, милые, нет никого, — крестясь, говорила старушка. — Знать, сам Сергий Преподобный мне поможет добраться».

Взяла она свою ветхую котомочку, сучковатый посох, перекрестила широким крестом трижды дверь своей покосившейся хатки и тихо вышла на дорогу. Не успела она шагнуть и пяти шагов, как сзади затарахтела телега. Ехал мальчик, видимо, в районное село, вез жбаны с молоком. «Бабуся, ты до поезда? Садись, довезу», — произнес он участливо. «Да, касатик, до поезда», — ответила старушка и, крестясь, забралась на повозку. Всю дорогу она сидела и тихо шептала молитву, да всё удивлялась, как это скоро Сергий Преподобный послал ей доброго попутчика. Проехали они так без малого пятнадцать верст и, когда нужно было сходить, она спросила мальчика: «Как же тебя зовут, милый?» — «Сережа», — улыбаясь, ответил тот. «Сережа, Сережа», — тихо повторила старушка, что-то соображая, и, поклонившись, побрела к поезду.

Не сделала она и здесь больше десяти шагов, как догоняет ее молодой военный. «Бабуся, а бабуся, ты на поезд? Я помогу тебе сесть». Она не успела и опомниться, как военный почти внес ее в двери вагона и усадил на свободной полке. А народу-то, народу сколько было! Где бы ей, старой да немощной, сесть в поезд! Она ехала и всё всматривалась в молодое и доброе лицо военного. Ехать им пришлось вместе целый день. Когда уже под вечер военный стал собираться выходить, она тихонечко дернула его за рукав и сказала: «Спасибо тебе за все, милый; как же твое имя-то?» — «Меня зовут Сергей Сергеевич, — ответил тот. — До свидания».

Старушка долго не могла опомниться от этих слов. «Боже ты мой, — тихо шептала она, — там Сережа, здесь Сергей Сергеевич. Знать, сам Сергий Преподобный, что ль, везет меня к себе». Но ее неотвязчиво беспокоила мысль: как же она теперь найдет святую обитель, ведь

наступает осенняя ночь, идет дождь за окном, а монастырь-то, говорят, далеко от станции... Сидит она и тихо молится: «Сергий Преподобный, не оставь ты меня, помоги мне добраться до твоей обители святой». Народ засуетился: поезд подходил к Загорску. На дворе темень, дождь, грязь. Подходит почтенный мужчина, не то доктор какой, не то священник: «Бабушка, ты, видимо, к Преподобному едешь, да совсем одна, пойдем, я довезу тебя». — «Да как же, сынок, ты сам-то?» — пыталась говорить старушка. «Меня здесь ждет машина, — успокаивал ее благодетель. — Я тебя на машине прямо в монастырь доставлю». Ее усадили на мягкое сиденье, и она, как следует еще и не опомнившись, мигом оказалась в святой обители. Когда она выходила из машины, ее добрый благожелатель помогал ей, а потом сказал: «Матушка, а ты помолись обо мне у Преподобного». — «А как твое...» — заикнулась старушка. «Меня зовут отец Сергий, я священник».

Был канун большого праздника. Трапезная церковь была открыта для богомольцев. Старушка стояла в уголочке храма и... слезы, слезы, обильные слезы ручьем текли из ее старческих глаз. «Батюшка, Сергий Преподобный, — неслышно шептали ее уста, — ты сам, знать, всю дорогу ехал со мной...»

После этого рассказа как не радоваться всем нам, что Преподобный и ждет нас к себе, и помогает нам приехать во святую его обитель. Поэтому, когда мы даем нашим воспоминаниям название «У Троицы окрыленные», то имеем в виду не только тех добрых иноков, которые подвигами поста и молитвы «окрылились» и духовно возросли под кровом Преподобного Сергия, но и всех верующих — чад его, рассеянных по всему лицу земли русской, и не только русской, но и других славянских и восточных православных народов: болгар, румын, сербов, арабов... Сыны этих народов учатся здесь, в нашей Московской духовной академии, и питают к Преподобному Сергию самые благоговейные святые чувства.

Когда я пишу эти воспоминания, то сердце мое прямо-таки разрывается от стеснившегося желания: как хочется, чтобы каждая душа христианская, дорогая, милая душа, купленная бесценною кровью Христовой, и особенно та, которая поручена мне Самим Господом, — окрылилась, окрепла, воспрянула духом, питаясь молитвами Преподобного Сергия! Чтобы ни один человек, хоть раз в жизни посетивший Сергиев монастырь, не погиб в сетях вражеских, но чтобы как можно больше людей спаслось и достигло вечной жизни.

Эти строки мне приходится писать в дни отдания Святой Пасхи и Вознесения Господа нашего Иисуса Христа на небо. Щемит сердце: чувство скорби охватывает его. Печаль учеников Христовых от их разлуки с возлюбленным Учителем как-то передается сердцу. Господь вознесся на небо к Своему Отцу, а ученики остались одни среди злобного, грешного мира. Окрыленные надеждой ниспослания им обетованного Святого Духа, они все-таки страдали душой оттого, что любимого Господа с ними нет. Они Его больше не видят своими глазами, хотя невидимо Он обещал быть с ними до скончания века. Это чувство разлуки волнует и мое бедное сердце. Мысль переносится на тех, с которыми Господь соединил меня духовными узами. Их нет здесь со мной. Они рассеяны по разным краям. Что сейчас там с ними? Какие скорби и опасности обуревают их дорогие души? И как Господь обещал невидимо быть всегда со Своими учениками, так и меня утешает сознание невидимой постоянной молитвенной духовной связи с дорогими мне душами. Нужно сказать, что сила страдания в разлуке тесно связана с силой любви. Если сердце умеет много любить, то оно и много страдает, а если сердце мало любит, то ему и страдания любви совсем непонятны. Святитель Иоанн Златоуст дня не мог прожить один, без своей паствы, и когда заболевал физически и не мог быть в храме, дома он мучился, тоскуя и страдая, как мать, у которой отняли ребенка.

Но мысль моя идет дальше. Я с ужасом вспоминаю об иной разлуке, о разлуке не временной, но вечной, когда там, в загробном мире, грехи разлучат нас друг с другом навсегда. Я не могу спокойно писать эти строки. Жгучие слезы застилают мне глаза. Боже мой, можно ли перенести такое состояние!.. Под силу ли оно человеческой душе? Но вечная разлука друг с другом непременно ведет к другому ужаснейшему состоянию. Трепет, ужас охватывают душу. Цепенеет кровь в жилах, мысль отказывается осознавать — это вечная разлука с Господом... Святые отцы не знали и не ведали более ужасной мысли, как представление о вечной разлуке с Господом. Они были готовы нести все муки, страдания, скорби, даже соглашались быть заключенными в глубине ада, преисподней, но только бы и там быть не отлученными от Господа. Я немножко пишу об этом для того, чтобы мы боялись греха, как яда. Ибо грех нас ведет сначала к временной, а потом и к вечной разлуке друг с другом и с Господом.

«...Помяни стадо свое, еже сам упасл еси, и не забуди посещати чад своих. Моли за ны, отче священный, за дети своя духовныя...»* — неумолкаемо слышится этот вопль скорбящих душ пред священной ракой Сергия Преподобного. И мы верим, что он слышит эти молитвы, и они не напрасны.

Я хочу выразить во введении еще одну важную мысль, побудившую меня писать эти воспоминания: мысль о неизбежности и неизвестности смерти. Ведь все эти люди, подвизавшиеся последние дни своей жизни под кровом Преподобного Сергия, умерли в разном возрасте. Одни из них — престарелые, другие — средних лет. Иные молодые, а есть и совсем юные послушники. Это положение призывает нас всех никак не медлить в своих подвигах спасения. Не откладывать на будущее время, мол, еще успею, покаюсь, подготовлюсь. Это великая ошибка,

* Из второй молитвы акафиста Преподобному Сергию Радонежскому.

которую внушает нам диавол, стремясь погубить наши души. Я вот даже сейчас прихожу в трепет от воспоминания, как один наш молодой послушник как ни в чем не бывало пошел отдохнуть в свою келию среди бела дня, и часом спустя его нашли уже похолодевшим, лежащим недвижимо на своем бедном келейном одре. Поэтому, когда мы говорим об окрыленных душах, воспаривших от Троицы земной к Троице Небесной, имеем в виду людей разных лет жизни — и молодых, и старых, и юных, и престарелых, — чтобы этим напомнить себе о непрестанной готовности к смерти, к загробной жизни. И среди нас есть молодые, есть пожилые, есть здоровые, есть больные, и для всех тайна перехода совсем неизвестна: когда Господь позовет, в какой день и час. Поэтому блаженны всегда бодрствующие (см. Лк. 12, 37) и неунывающие, борющиеся и неослабевающие. Враг — диавол — не дремлет. Он, *как лев*, рыкая, *ходит, ища, кого поглотить* (ср. 1 Пет. 5, 8).

Вспомнился один случай из моей жизни, который как нельзя лучше говорит о непримиримой злобе врага к нам и о нашей постоянной готовности к смерти.

Однажды в тихий солнечный день шел я по двору нашей Лавры. Была полная тишина. Все братия после службы отдыхали в своих келиях. Небо было сине-голубое и очень ясное, легкий ветерок гнал белые, как чистый пух, облака. Вдруг вверху, над головой, что-то зашумело, засвистало, жалобно застонало, точно сильный порыв вихря в зимнюю ночную пору. Я не успел поднять головы, как пред глазами блеснуло что-то снежно-белое и... ударилось о каменную дорожку. Боже мой! На камнях лежал, распростершись крыльями, необыкновенно белый голубь, точно ангел светозарный слетел с неба. На белых перышках груди зияла смертельная рана. Он был мертв...

Я остановился как вкопанный и невольно поднял вопрошающий свой взор к небесам... Прямо над головой, на порядочной высоте, кружился хищник. Он медленно

делал круг и черной точкой уходил всё дальше и дальше... Я почувствовал, как по моим щекам одна за другой покатились слезы и упали на невинную чистую жертву. Жаль было бедного беззащитного голубя. Но как бесконечно жаль те милые и безгранично дорогие души, которые по своей беспечности бывают так же беззащитны, так же неожиданно смертельно убиваемы коварным и вечно озлобленным душеубийцей и врагом нашего спасения — диаволом!.. Тогда я особенно почувствовал себя обязанным не покладая рук трудиться и молиться за всех, кто мне так дорог и за кого я должен отдать не только свои силы и здоровье, но и самую жизнь. А как ярко этот случай говорит нам о неожиданной кончине нашей земной жизни!

Прежде чем закончить свое введение, чтобы оно наиболее полно раскрыло моему любезному читателю главную тему всего сочинения, предложу еще один рассказ-воспоминание, который вплотную, как я думаю, и приведет нас к главному описанию.

Дело-то всё в том, что тема этой книги — окрыленные и на небо вознесенные, и о них я буду писать дальше. Но мне хочется привести маленький пример того, как сюда, к Преподобному Сергию, приезжают души умученные и почти убитые или же еще младенческие и неоперившиеся и получают душевные и вместе физические силы, окрыляются по молитвам Преподобного Сергия и затем вновь улетают в неведомые края, в нелегкую и опасную земную жизнь.

Одна совсем больная девушка приехала во святую обитель. Хотя была тихая и ясная погода, она шла и почти падала, как клонится и падает былинка от дыхания ветра. Девушка была семнадцати-восемнадцати лет, маленькая ростом. Бледность ее лица показывала довольно плохое состояние здоровья, а потухший взор говорил о безнадежности, о потерянной молодой жизни. Она совсем птенец, выброшенный из теплого гне-

зда. Неоперившаяся крошечная птичка среди бурных волн жизни.

Но вот ее стали часто видеть в Троицком соборе. Она обычно стояла в тени колонны и внимательно вслушивалась в пение молебна. Как много нового увидела и услышала она здесь! Точно совершенно иной мир открылся ей на земле святой обители Сергия. Она видит, она чувствует живую силу, какую-то новую жизнь, доступную и ей, заброшенной, больной, обманутой. Несколько дней она молилась или не молилась, а просто присматривалась к этой новой жизни.

И вот однажды, когда чредной гробовой иеромонах особенно четко и прочувствованно читал акафист Преподобному Сергию, она неожиданно почувствовала, что плачет. Стыд-то какой, нелепость — плакать, когда кругом чужие люди! Да она ни разу в жизни ни от чего не плакала. Сколько ей пришлось претерпеть обид, горечи, неправды, унижений — она никогда не плакала. Нет. А вот теперь плачет. Отчего, почему? Да и слезы эти такие сладкие, радостные... Отчего это они такие? А когда иеромонах стал читать Святое Евангелие и дошел до того места, где Господь говорит: *Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененные* (Мф. 11, 28), бедная девочка прямо зарыдала вслух. Было слышно, как слова срывались с ее дрожащих уст: «Господи, Господи, где же Ты был, как же я Тебя не знала раньше? Как мало я прожила, но как много сделала зла, и Ты зовешь меня к Себе...»

После этого видели ее причастницей. Она была необыкновенно тиха, кротка и светла, как ясный день. В потухших ранее глазах теперь загорелась новая жизнь. Даже бледные ланиты покрылись розовым румянцем. Когда ее осторожно спросили: «Как тебе, Лида?» — она помолчала, незаметно смахнула незваную гостью-слезу и тихо-тихо, как-то стесняясь, ответила: «Я ведь не знала, что так хороша жизнь с Господом... Несколько раз я пыталась покончить с собой, но вот...» — она запнулась. Волнение

охватило ее сердце. Слезы радости обновленной жизни заструились по ее щекам. Плакали и люди, старушки утирались кончиками своих головных платков. Девушки, чтобы не заплакать, стыдливо отворачивались.

Успокоившись, Лида твердо сказала: «У Преподобного я вновь возродилась, я окрылилась... Я теперь опять лечу в мир, чтобы загладить грехи прежней своей жизни». И, воодушевленная, укрепленная силой Божией, окрыленная, она со слезами покинула святую обитель Сергия Преподобного и... улетела... Где она сейчас, эта бедная одинокая птичка? В какие края занес ее бурный ветер жизни?..

Вот и всё. Кончилось мое введение. Теперь пойдет главное сочинение о душах, у Троицы окрыленных и в горний мир вознесенных.

Часть I
1950–1955

УЧЕНЫЙ ВЛАДЫКА

Архимандрит Вениамин
(Виктор Дмитриевич Милов)
(1887–1955)

> Монахов множества наставника тя почитаем, отче наш Сергие: твоею бо стезею воистину право ходити познахом...
>
> Стихира Преподобному Сергию Радонежскому

Тихой утренней звездой явился Сергий Преподобный на благодатном церковном небосводе. И как на бурном море мореплаватели направляют свой корабль на правильный путь, руководствуясь небесной звездой, так на бурном житейском море благодатная тихая звезда Радонежского смиренного подвижника вела к Небесному Иерусалиму многие, многие души. Они добровольно избрали стезю Преподобного Сергия и по этой узкой, но правильной тропе поднимались к духовным высотам. Бесконечно счастливы те люди. *Презирая дольняя, они всей душой искали горняго* (ср. Ос. 11, 7; Кол. 3, 2). Возлюбив Господа Иисуса Христа, они возлюбили и тот тесный, но спасительный путь, который Он, наш Спаситель, указал во Святом Евангелии.

Вот пред нами тихой смиренной поступью проходят сонмы святых апостолов, мучеников, святителей, преподобных, праведных, — и сколько, сколько их... Они идут, еле касаясь земли, идут через века, через поколения. Какие они счастливые! Сколько в них света, сколько тепла, радости, надежды... Идут они и тихо манят и нас за собой... «Монахов множества наставника тя почитаем, отче наш Сергие...»*.

* Служба Преподобному Сергию Радонежскому 25 сентября (ст. ст.), стихиры на стиховне на великой вечерне, «Слава», глас 8.

И раньше, и теперь, и в будущем, и до скончания века евангельская стезя Преподобного Сергия не зарастет. Это мы видим своими глазами, видим, удивляемся и... прославляем Промыслителя Бога, так дивно всё устрояющего к нашему спасению. Так дивно, предивно и премудро...

Нет лучшего счастья на земле, чем испытать духовное возрождение, обновиться душой для новой святой жизни, на своем опыте почувствовать радость богообщения. Нет большего счастья под солнцем, чем познать на себе красоту жизни в Боге и твердыми ногами встать на стезю заповедей Божиих. А самое высокое и превысокое счастье — прожить остаток дней своей земной жизни благочестиво и богобоязненно и увенчаться венцом нетленным, венцом вечной награды на небесах. Именно об этом счастье и сказал святой апостол Павел, когда писал к своему ученику Тимофею: *Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды...* (2 Тим. 4, 7–8).

Тихим ранним утром я встал на братский молебен. Многие семинаристы еще спокойно спали, но кое-где койки уже были аккуратно заправлены, и одинокие фигурки уже спешили в учебные аудитории, чтобы на свежую голову повторить урок. На дворе был утренний майский полумрак. Тихая заря победно шла от востока и прогоняла ночную мглу. В Троицком соборе мягко мерцали лампады. Точно звездочки в далеком небе, звали, манили они к себе. «Господи, — шептали невольно уста, — как же близок Ты и прекрасен в этой утренней тиши! Точно любящая мать, нежно питаешь Ты душу, которая тянется к Твоей ласке и любви...»

Закончился братский молебен, и студенты Духовной академии по одному-по два спешат в свою школу. Начинается учебный день. Войдя в здание школы, слышу звонок к утренней молитве. Высокий, строгий, с несколько добродушной улыбкой на устах, ходит по спальням отец инспектор, подгоняя учащихся не опаздывать. Голос его, густой и приятный баритон, слышится то там, то здесь.

Вот он подходит к одному воспитаннику, который как-то вяло и неловко прибрал свою постель. Опытный глаз отца инспектора сразу отмечает причину. «Ты, дружок мой милый, болен, — мягко говорит он юноше, — лучше отдохни, а если что, то и доктора пришлю». Студент виновато улыбается и беспомощно опускается на стул. «Вот так, дружок мой милый, а потом ляг да еще полежи». Отеческая доброта глубоко трогает юношу, и он глазами, полными слез, смотрит на удаляющегося наставника. Так начинается безмерно трудный день у архимандрита Вениамина (Милова), инспектора Московской духовной семинарии и академии.

Но позволю себе вернуться несколько назад. Открытая еще в 1946 году в Москве, в Новодевичьем монастыре, Духовная школа переживала целый ряд трудностей. Особенно не хватало помещений для учащихся. Например, где проводились занятия, там же и кормили студентов. Общежития наши большей частью были подвальные.

Вспоминаю 1948/49 учебный год. Год довольно трудный, сложный, особенно для меня. Пройдя тяжелый путь военной жизни, побывав не один раз на волосок от страшной смерти, пережив все страхи и муки войны, я, по великой милости Божией, вернулся под родительский кров, а вскоре потом попал и под кров Преподобного Сергия.

Особенно мне запомнился сам момент прихода в Духовную школу. Я об этом вспоминаю потому, что это был поворотный этап в моей жизни. Причем так явно действовал здесь Промысл Божий, что дивно и трепетно вспоминать об этом. Вот уже минуло около двадцати лет, но я как сейчас помню эти исторические дни в моей личной жизни.

Я приехал в Москву по вызову от Академии. Помню как сейчас: шел я по улицам Москвы и спрашивал Большую Пироговскую улицу. Одет я был в военную форму: темная шинель с петлицами танкиста, высокая армейская фуражка с блестящим козырьком, офицерские темные брюки и солдатские сапоги. Словом, вид мой был особенный, солидный. Причем в одной руке чемодан среднего

размера, а в другой — сетка с огромнейшим арбузом. Этот большущий арбуз я купил на одной из станций, кажется, в Мичуринске, купил просто для того, чтобы угостить московских студентов, да и начальников, сладким волжским арбузом. Оценив мой представительный вид, прохожие москвичи охотно указывали направление по моему адресу. Так я добрался до Новодевичьего монастыря. Помню, как первый раз в жизни переступил я порог возрожденной Московской духовной школы. Священный трепет охватил мою душу. Самое место — Новодевичий монастырь, его зубчатые стены и башни — вызывало глубокое чувство удивления и возносило душу ввысь. Было тихое летнее утро. В храме шла Божественная литургия. Кстати, хочу пояснить, что хотя это место и называется Новодевичий монастырь, но там ни монахов, ни монахинь никаких не было. Службу совершал старенький, но довольно представительный священник (потом я узнал, что это был ректор школы протоиерей отец Сергий Савинский, теперь он уже скончался).

Постояв в притворе некоторое время, я поспешил представиться дежурному надзирателю и сообщить о своем прибытии. Помню, вначале мой внешний вид вызывал у дежурного опасения, но потом он принял меня очень вежливо и душевно. Так как я прибыл в школу одним из первых, то мне без особых затруднений выделили койку (помню, за печкой), где я и расположился. Арбуз свой я сразу разрезал. Он был очень спелый и сладкий. Часть его я отнес дежурному (он любезно принял и поблагодарил), часть раздал студентам. Да еще большая часть его осталась до следующего раза. Словом, этот арбуз мы ели несколько дней. Очень большой был.

Поступив в Духовную школу на второй год ее открытия, я вначале жил в Трапезном храме, где проходили службы. Вернее, в восточной его части был сам храм, а в западной — помещения для воспитанников. Помещения были неважные, темные, загроможденные.

Койки стояли очень близко одна от другой. Всё было бедно, убого. Так началась моя новая, студенческая жизнь. На занятия и в храм я так и ходил в военной форме. (Потом я узнал, что ребята, да и начальство, считали меня офицером Советской армии.) Учился я упорно, не жалея сил. Особенно трудно давался мне русский язык. Хотя я от роду являюсь русским человеком, но вот по чистописанию и разбору частей речи я почти всегда получал двойки. Самое большее — это «два с половиной». По другим предметам у меня были четверки и даже пятерки, но вот по русскому языку — обязательно были двойки. Это потому, что в школе-то я учился очень давно, прошло более двадцати лет, все правила я позабыл, и у меня было полно ошибок при диктантах и разборе предложений. Переживал, но все-таки учился.

Другим моим несчастьем было то, что я сильно дремал на уроках. Причиной тому было раннее вставание. Помню, студенты все еще спят, а я уже тихонечко поднимаюсь, чтобы заучить урок по катехизису или еще по чему-либо. Не забыть мне тех благодатных тихих утренних минут, когда, смотря на нежное сияние утренней зари, я умилялся сердцем и испытывал в своей душе неописуемое блаженное чувство. Помню, особые благодатные переживания доставляло мне чтение Святого Евангелия. Как полезно, спасительно читать слово Божие в тихом, благодатном уединении! Сколько святых озарений, сколько слез... А потом на уроках спал. Неудобно было: преподаватель говорит урок, а я дремлю и ничего не понимаю. Для того чтобы разогнать сон, я в перемены бегал вокруг храма, особенно зимой. И сон быстро улетучивался, но когда я садился за урок, то опять засыпал...

В первую же зиму, помню, к нам приехал новый ректор — отец Николай Чепурин, пожилой ученый протоиерей. Добрый был человек. Когда говорил студентам проповедь, всегда плакал. Носил он очки, и вот эти слезы текли из-под очков, обильные отеческие слезы. И пропо-

веди его были потому очень трогательными. Недолго он у нас был. Месяца три, даже меньше. Никогда я, наверно, не забуду того бурного снежного утра, когда мы встали пораньше, чтобы подучить уроки, и у нас во всей школе неожиданно погас электрический свет. Недоумевая и смущаясь, мы сидели во тьме. Вдруг в класс врывается дежурный со словами: «Отец ректор умер!» Это известие явилось для всех тяжелым потрясением... Когда выносили гроб, на дворе был густой снежный покров. Все студенты со слезами провожали своего доброго ректора. Много он плакал о нас... Но и немало слез было пролито о нем... Сиротами мы почувствовали себя тогда. И, наверное, потеря дорогого наставника, отца — едва ли не самое страшное горе для человека!

В 1948 году Московская духовная семинария и академия были переведены в Троице-Сергиеву Лавру, под кров Преподобного Сергия. Это было промыслительно. Перст Божий отечески нежно заботился о Московской духовной школе. Забыл упомянуть, что вначале наша Духовная школа называлась Богословские курсы, а не семинария и не академия, а потом уже она стала так называться.

Я о начальных годах обучения написал для того, чтобы их не забыть никогда. И еще для того, чтобы всем-всем показать, какой я был плохой и бесталанный (хотя сейчас еще хуже стал — и по летам, да и по грехам).

Вот на новом месте учебы в Троице-Сергиевой Лавре у нас и был первый инспектор — архимандрит Вениамин. Это был человек большой отважной души. Говорили, что он пришел в нашу Академию прямо из ссылки. Темных дел за ним, конечно, не было, но все-таки он попал в ссылку и там показал себя хорошим человеком*.

* Архимандрит Вениамин отбывал наказания в Устьвымлаге с 1939 по 1946 год. С этого же года — в числе братства Троице-Сергиевой Лавры. В 1948 году назначен инспектором МДА, в 1949-м вновь арестован. — *Прим. ред.*

В нашей школе его сразу все полюбили. Да он и достоин был этого и по внешним, и по внутренним качествам. Высокий, стройный, подвижный, довольно энергичный, с черными, но уже проседью подернувшимися на голове и в бороде волосами. Правильные черты лица, глаза большие, через очки проникающие прямо в душу. И весь его вид представлял настоящего подвижника, аскета. Не забыть мне тех трепетных, благодатных минут, когда впервые увидел отца архимандрита за богослужением.

Вообще нужно сказать, что, совершая богослужение, человек становится совсем иным. И не потому что он облачается в светлые священные одежды, хотя и это имеет свое значение. Но главное то, что, став на высокое священническое место, став у престола Божия, человек невольно внешне и внутренне преображается, просветляется, делается совсем другим. И мысли-то у него другие, духовные, и чувства, и даже движения, голос. Благодать Божия действует. Это она — сила Божия — вливается в человека. Сам Господь вселяется в его душу, и всё делается иным. Даже если священник недостойный, плохо он живет, не постится, не молится, не подвизается, то и тогда благодать Божия действует через него.

А вот у нас в простонародье многие думают, что если батюшка плохо живет, то на нем нет и благодати Божией. В тот храм, где он служит, и идти будто не стоит, потому что там Господь не услышит. Это совсем неверно. Так думать даже грешно, потому что унижается благодать священства и вообще появляется недоверие к самой Церкви Христовой.

Святитель Иоанн Златоуст об этом говорит так: «Недостойный священник, стоящий у престола Божия, подобен неомытому человеку, который стоит у чистого кладезя и золотым сосудом черпает живительные струи. Черпает и раздает эту чистую воду другим». Вода остается кристально чистой и святой, кто бы ее ни раздавал. Так точно и недостойный священнослужитель. Будь это

епископ, или священник, или диакон. Надо, чтобы была нерушимая вера в Бога, в Святую Церковь, в таинства, и люди будут спасаться всегда.

А еще хочу напомнить, что диавол ничего так не хочет, как разделить пастыря и народ. Он хочет, чтобы люди потеряли к своему пастырю всякое доверие, всякую любовь. И тогда диаволу очень легко погубить этих людей.

Я пишу об этом потому, что в наше время многие думают: «Раз батюшка плохой, то и в церковь не пойду, лучше дома помолюсь». Это самое настоящее бесовское наваждение. Оно гибельно. Оно ведет к самому страшному — сатанинской гордости, когда теряется вера сначала к одному, потом к другому, к третьему, а затем ко всем священнослужителям. «Все они такие стали хапуны, да обжоры, да пьяницы», — так вот и говорят. А неверующие еще больше смеются над Святой нашей Церковью Православной. А сатана прыгает от радости. Сохрани Господи каждого от такого состояния! Лучше в смирении прийти в храм Божий, какой бы батюшка там ни служил. Прийти да встать в уголочек, да помолиться, поплакать о своих грехах и о грехах всех людей. И о том особенно поплакать, что времена-то стали какие! Соблазнов сколько везде, даже в храме Божием! О батюшке лучше помолиться, чтобы Господь его исправил, образумил, сделал хорошим и добрым пастырем. Вот такая смиренная молитва будет угодна Господу, и Церковь наша Святая будет крепнуть, объединяться, сплачиваться.

Я отвлекся немного от главной темы. Но считаю это тоже немаловажным. Потому и написал об этом в связи с воспоминаниями о богослужении отца архимандрита Вениамина. Как он служил! Как трепетно, как благодатно! Собранный, сосредоточенный, просветленный. Голос проникновенный, возгласы ясны, слова прочувствованны. Движения плавны, благоговейны. Чудилось, будто светлые благодатные волны, как легкие воздушные облака, плывут, плывут из священного алтаря в народ, рас-

ходятся, растворяются, как благовонный фимиам, по всему храму, и... сердце чувствует неизреченную радость, блаженство. Вот так служил отец архимандрит Вениамин. А служил он часто — каждое воскресенье и каждый праздник.

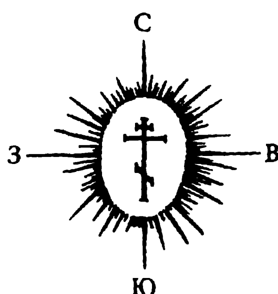
Хочется рассказать еще о том, как он, обратясь к народу, говорил проповедь или отпуст. Проповедь он говорил всегда с крестом, по окончании литургии. Подняв крест над самым лицом своим, он говорил слово. Впечатление было непередаваемое. Через крест с распятием Христа лилась дивная богодухновенная речь. Лицо архимандрита Вениамина светилось каким-то тихим сиянием. Ясный и звучный голос, баритон, волнами расходился по храму и слышался в каждом уголке и... в каждом сердце.

В те годы (1948–1950) собственного храма Духовная школа не имела, поэтому на службу ходили в лаврские храмы. Семинаристы и студенты Академии в храм шли рядами по два человека. Это было довольно трогательное зрелище. Верующие смотрели на пеструю (костюмов специальных тогда еще не было) длинную цепочку и умилялись душой и плакали.

Отец архимандрит жил в лаврской келии. Это был небольшой уголок с бедной обстановкой. В переднем углу — много икон, горит неугасимая лампада. Небольшой стол, стул, книги и кое-что из необходимых вещей и принадлежностей. А внутренняя келейная жизнь, ночные молитвенные часы, слезы — кто их может описать? Кто их видел? Кому они ведомы?.. Да, можно не сомневаться, что малая и убогая келейка много видела тайных подвигов, сокровенных трудов, Богу одному ведомых, которые совершал архимандрит Вениамин в тиши глубокой ночи. Утром его всегда можно было видеть идущим на братский молебен, собранным, с несколько бледным, строгим лицом. А затем шел он в Духовную школу, чтобы вновь и вновь отдать все свои силы на великое дело воспитания молодых пастырей.

Отец Вениамин занимал кафедру пастырского богословия — предмет довольно трудный, сложный, тем более что по этому предмету было очень мало пособий. Отец архимандрит вел свой предмет умело, с любовью. Студенты Академии всегда его слушали с захватывающим интересом и вниманием. Читал он свои академические лекции, сидя за кафедрой. Лицо освещала добрая улыбка. Речь лилась плавно, четко, а лекции имели аскетический уклон и были необыкновенно увлекательными. Студенты их любили и слушали с затаенным дыханием. После отца Вениамина остался сборник лекций по пастырскому богословию. Читал я их. Чудесные лекции. Глубокие, прочувствованные, душевные. Думаю, что, питаясь дивным содержанием этих лекций, многие, многие студенты стали теперь добрыми пастырями и выполняют успешно, во славу Божию, свой великий пастырский долг.

Вспоминается мне одна из многих проповедей отца Вениамина, сказанная им в виде беседы после обеда в академической столовой. Дело в том, что до 1952 года в Академии был один замечательный обычай, который теперь упразднен: когда студенты приходили на обед, то непременно был с ними и отец инспектор. Он наблюдал за порядком, за подачей пищи — словом, за всем, что было нужно. Когда заканчивался обед и умолкал чтец житий святых, начинал говорить отец инспектор. Он обычно говорил какое-либо назидание — или на тему праздника, или относительно дисциплины, или делал какие-нибудь сообщения. И вот помню я, как сейчас, содержание проповеди отца инспектора, кажется, чуть ли не на праздник Воздвижения Креста Господня. Он говорил о кресте. Крест — наша сила, наше украшение, наша радость. Жизнь христианская крестна. Любовь христианская, и особенно пастырская, сугубо крестна, да и вся Вселенная создана во образ креста. Север, юг, восток, запад.



Мы живем в кресте, с крестом и крест носим в себе. На Кресте распят Христос Спаситель за нас грешных, мы должны распинать свою плоть греховную за Христа Бога нашего. Крест — «ангелов слава, демонов язва...»

Это слово о кресте мне врезалось в память на всю жизнь. Да, отец инспектор любил говорить о кресте. Он, видимо, горячо хотел внедрить в юные сердца студентов смысл крестной пастырской жизни. Он хотел, чтобы юные пастыри не боялись креста и крестных жизненных страданий, но желали всей своей юной душой этих страданий. Он хотел показать, что в кресте самое высокое счастье человеческой жизни. И что чем больше человек страдает за имя Христа распятого, тем он больше проникается великой радостью и счастьем. Святые мученики! Они шли на страдания за имя Христово, и лица их сияли брачным веселием. Да ведь и у каждого христианина, не только пастыря, жизнь крестна, жертвенна. А вот мы, наоборот, ничего так не боимся, как страданий, ничего так не избегаем, как их. Мы боимся, выходит, креста Христова. Не понимаем его красоты и сладости. Избегаем крестной жизни.

Вот я пишу эти строки, и мне вспоминается рассказ одной почтенной женщины, которая говорила следующее. Она ухаживала за больной монахиней или даже схимонахиней. Эта болящая уже несколько лет лежала на одре. И вот однажды, когда в комнате никого не было, кроме них двоих, болящая тихонько подозвала эту женщину и на ее глазах открыла на себе одеяло до половины. Там у ее ног лежала

труба, ну, может быть, с полметра длиной. Толстая железная труба. Подтянув ее поближе, больная выдернула тряпку из одного конца этой трубы, и... что же там оказалось?.. Пачки денег. Много, много денег. Ужас охватил женщину. Она чуть не убежала из дома. «Матушка, — сказала удивленная женщина, — да ты бы лучше раздала эти деньги в монастыри, и там бы за тебя молились! А то вот умрешь, и твои племянники пропьют их и прогуляют». Но матушка как-то неохотно соглашалась на эти слова доброй женщины и, заткнув трубу грязной тряпкой, снова натянула на себя одеяло.

Вот тебе и крестная жизнь. Сколько страданий несет человек, сколько мук, и змий сребролюбия рано или поздно задушит несчастную жертву... Боже, сохрани нас всех от этого! Я говорю о том, что крестная жизнь требует от нас полного вручения себя воле Божией, безграничной надежды на Него, а не на прах и пепел.

И вот, как учил нас отец инспектор крестной пастырской жизни, так он и сам шел путем крестоносца, да и умер как великий страдалец.

Был тихий майский вечер. Солнце, купаясь в огненно-фиолетовых лучах, уходило на закат. К главным вратам Духовной школы подошла легковая автомашина. Усталый и озадаченный, вышел из нее отец инспектор. Он благословил собравшихся и быстро удалился в свою квартиру (он уже жил в Академии, в отдельной комнатке). Буквально через три минуты после приезда по всем уголкам школы поползли слухи: отец инспектор скоро будет епископом. Значит, мы скоро лишимся своего любимого наставника, скоро его не будет среди нас, скоро... Весть оправдалась. В следующий воскресный день архимандрит Вениамин был рукоположен во епископа города Саратова*. Ходили настойчивые слухи, будто отец инспек-

* С 1949 по 1954 год архимандрит Вениамин находился в ссылке в Казахстане. В феврале 1955 года рукоположен в епископа Саратовского и Балашовского. Умер 2 августа 1955 года. — *Прим. ред.*

тор долго отказывался от епископства, указывал на свои седые волосы, на свое слабое здоровье, но всё тщетно. Так дорогой наш инспектор стал, волей Божией, ученым владыкой. Наутро после хиротонии, когда он прощался со своими любимыми питомцами, все увидели, что владыка Вениамин стал совсем-совсем седым.

Это было примерно в 1953 году. А почти через год до Академии дошли печальные, страшные новости: владыка Вениамин скоропостижно умер в городе Саратове. Случилось это так. Когда Владыка покидал родную Духовную школу, то тогда еще говорил окружающим его: «Нет-нет, мне скоро умирать, непременно, да-да, скоро, скоро». Говорили, что в Саратове очень плохо встретили нового владыку. Особенно враждебно отнеслось к нему городское духовенство. Сразу же по приезде под владыку стали подкапываться, измышлять всякие обвинения, поднимать всё прошлое, что было и чего совсем не было. Особенно не понравилось местному духовенству строгое поведение владыки, его требования исправить среди клира разные грубые недостатки. Не понравилось это «изгулявшимся» батюшкам, и они решили его во чтобы то ни стало «съесть». Ровно через год, полагаю, что в 1954 году, владыки Вениамина (Милова) не стало. Он ярко горел и угас, как свеча. Быстро сгорел, потому что сильно пламенел.

Вследствие постоянной травли, нервных переживаний, бессонных ночей и прочих архипастырских трудов не выдержал организм святителя, и... он склонился, как спелый колос, погас, как небесное светило...

И на моей памяти это была первая оперившаяся светло-чистая голубка, взращенная под кровом Преподобного Сергия, благодатно окрыленная в доме Святой Троицы. Она, увенчанная ореолом мученическим, молнией взмыла от земли на небо. А там?.. Верим, что там она присоединилась к светлой стае других душ, ранее возлетевших из дома дольней Троицы к Троице горней, чтобы и там, в небесной обители Бога Отца, вечно парить в лучах не-

изреченного света, радости, счастья и неописуемого блаженства. Стремительный взлет на небо... Остался светлый след, не тускнеющий, не изглаживающийся временем. «Твоею бо стезею... ходити познахом»*. Какая светлая стезя! Начинается она на земле от дня рождения, потом — путь скорбей, испытаний, тревог, озлоблений. Затем ведет эта стезя чрез пропасть смерти, вернее, чрез победу над смертию. И — стремительный, полный неизведанных тайн взлет в область Вечного Света.

О Сергий Преподобный, велико твое духовное окрыление, велика и спасительна твоя стезя жизни! Научи и нас ходить твоею стезею, ведь и мы — твои ученики. Может быть, дальние, по своим многим грехам, но всё же твои. Окрыляй и наши души, чтобы и нам окрепнуть духом и подняться выше земных страстей, скорбей, опасностей и потом воспарить туда же, ввысь...

КРОТКИЙ БАТЮШКА

Архимандрит Маврикий
(Михаил Яковлевич Томин)
(1891–1953)

> Возбранный от Царя сил Господа Иисуса, данный России воевода и чудотворче предивный...
>
> Акафист Преподобному Сергию Радонежскому

Это было очень и очень давно. Среди вечного небесного света, среди вечной тишины, среди дивной небесной гармонии жизни зародился вихрь буйной зависти,

---

* Служба Преподобному Сергию Радонежскому 25 сентября (ст. ст.), стихира на стиховне на великой вечерне, «Слава», глас 8.

как смертоносный яд в благоухающей середине дивного цветка. Тогда сердце Верховного Денницы вмиг вздрогнуло, затянулось мраком злобы против Бога Вседержителя, и он, гневно и завистливо взирая на сидящего на Престоле Вечного Бога, сказал: *Выше звезд* поставлю *престол мой и буду подобен Всевышнему* (ср. Ис. 14, 13–14). Сразу всё как будто замерло... омрачилось, затихло, затуманилось, вдруг задрожало... затрепетало... от Престола славы засияли молнии пламени и огня... Ангелы и Небесные воинства на миг от страха закрыли свои очи...

Вдруг, пылая огнем ревности по славе Божией, явился, как гора, Архангел Михаил. Он поднял к небу свою могучую десницу, и его уста, как гром, изрекли: *Кто яко Бог наш...* (ср. Пс. 112, 5). Сразу мрак, на миг будто победивший свет, сполз, как змея. Сияние лучей правды вновь залило Вселенную. Гармония небесной жизни опять воцарилась, и дивно заиграл гимн неизменной любви к Богу. Верные ангелы засияли еще светлее. Несчастный Денница, сын зари, возомнивший себя богом, со всем своим исчадием бесов исчез, как дым...

Это было очень и очень давно. Но это было, и было непременно. Денница, восставший на Бога, теперь низвержен в глубину, а Архангел Михаил с Небесным воинством неизменно служит в вышине Вечному Богу... Какое чудное имя — Михаил! «Михаил» в переводе на русский язык значит «кто как Бог наш», или «кто может быть равен Богу нашему».

Кроткий батюшка, о котором будет идти речь ниже, в миру звался Михаилом. Михаил Яковлевич Томин, в монашестве архимандрит Маврикий, родился в 1891 году. В Троице-Сергиеву Лавру прибыл одним из первых по ее открытии, в 1945 году.

Как кроткие невинные голуби вновь слетаются после бури, так один за другим приходили в Лавру иноки, когда ее открыли после второй мировой войны. Мне пришлось видеть снимки развалин и разрухи в Троице-Сергиевой

Лавре во время открытия. Это было что-то ужасное. Храмы, башни, стены монастыря, здания, корпуса, часовни — всё в полуразвалившемся состоянии. Всюду валялись камни от стен, кирпичи, песок, взрытая кем-то земля. Нельзя было пройти свободно, чтобы не споткнуться, не упасть и не разбить себе голову. Такова была Лавра в 1945 году.

Отец Маврикий тихо шел с котомочкой за плечами по направлению к Сергиеву монастырю. Это был человек старше средних лет. Роста также среднего. Подержанная ряска покрывала его тело. Рваные сапоги на ногах. Вид у него был бодрый, на лице даже играла благодушная улыбка. Еще бы: ведь Москва дала ему разрешение поселиться навсегда в открывшемся знаменитом монастыре Преподобного Сергия, Радонежского чудотворца. Он и раньше слышал об этой славной обители. И вот теперь ему после долгих скитаний Господь судил остаток дней прожить здесь. Повернув за угол, он неожиданно остановился. Рука его невольно потянулась к старой шапке. Сняв ее, медленно перекрестился. «Боже ты мой, — зашептали уста, — Лавра, Троице-Сергиева Лавра». Впереди, километрах в полутора, на холме стояла Лавра. Даже в руинах она была красива! Как человек в страданиях делается более человечен, более нежен, более чуток, более чист, так святая Лавра Преподобного Сергия, испытав многие годы запустения, в этот момент выглядела великомученицей, прекрасной страдалицей. Она была вся залита солнечными лучами тихого утра. Восходящие лучи переливались сиянием цветов на куполах и крестах лаврских храмов. Лавра, Троице-Сергиева Лавра... Как зачарованный, стоял путник, с восхищением взирая на нее. Затем он утер слезы радости, струившиеся по его щекам, и тихо двинулся к святой обители...

Я был еще студентом, когда в первый раз встретился с архимандритом Маврикием во дворе святой обители. В то время он был благочинным Лавры. И, кажется, приняли меня послушником в Лавру через его ходатайство.

Мне хочется здесь остановиться и вспомнить о моем приходе в Троице-Сергиеву Лавру, подробнее описать поступление мое в монастырь, как описал я уже кое-какие подробности своего прихода в Духовную школу. Ведь это тоже был решающий момент в моей жизни, который забыть никак нельзя.

Помню, как я с трепетом в душе в первый раз вошел во двор монастыря. Всюду велись восстановительные работы. Наместник Лавры, архимандрит Иоанн (впоследствии архиепископ Псковский и Порховский) бегал по двору во весь дух. Это был человек большого размаха и огромной энергии, человек доброй души и крепкого атлетического телосложения. Помню, я его больше всех боялся. Однако он принял меня очень любезно, внимательно выслушал мое пожелание — быть послушником в Троице-Сергиевой Лавре и выполнять любое послушание, хотя даже самое последнее и низкое.

О монастырской жизни я думал очень давно. Когда был еще чумазым мальчуганом, много читал о подвижниках благочестия. Конечно, и о Сергии Преподобном тоже читал. Читал и о другом русском подвижнике, преподобном Серафиме Саровском. Помню, в нашей крестьянской избе на стене висела большая картина, где преподобный Серафим, сидя на пне, кормит из своих рук огромного бурого медведя. Моя мама, когда она была еще шестнадцатилетней девочкой, ходила на богомолье в Саровскую обитель со своей мамашей, моей бабушкой, и вот тогда еще и принесла из Сарова домой, в свою деревню, эту дивную картину. Я всегда восхищался этой картиной и, конечно, в своей маленькой душе хотел подражать Саровскому чудотворцу. Были у нас картины и о Преподобном Сергии. Ведь он тоже водил дружбу с лесными зверями. О Радонежском чудотворце я читал в «Троицких листках» — довольно потрепанном сборнике разных статей. Вот там, на обложке, я и видел Сергия Преподобного, тоже одиноко сидящего в лесу и кормящего медведя. С тех дет-

ских лет в моем сердце и затаилось горячее желание монастырской жизни и монашеского подвига.

Надо сказать, что особое влияние имел на меня и на всю нашу семью один святой жизни иеромонах по имени Нифонт. Он вначале был в монастыре, а потом его перевели на приход — небольшой хутор, от нас километрах в двенадцати. Этот святой батюшка бывал и в нашем доме. Про него ходили дивные слухи. Он исцелял разные болезни, прогонял бесов, восставлял недужных. Потом он умер мученически в тюрьме.

Однажды, помню, по случаю какого-то праздника батюшка Нифонт был в нашем доме. Было и человек десять-двенадцать его почитателей. Сидели все тихо и пели стихи. Батюшка подпевал легким баском. Он смотрел на своих духовных чад необыкновенно добрыми глазами, чистыми, как лазурь неба. Мне тогда было не больше восьми лет. Помню, залез я за печку (вернее, это была железная голландка, как называли ее в нашей местности) и очень боялся показаться на глаза. Батюшка Нифонт заметил меня и зовет: «Вася, Вася, иди-ка сюда». Я еще дальше залез. Но меня оттуда вытащили. Помню, отбивался, но не кричал, хотя страшно было. Батюшка приглашал меня к себе, спрашивал, пойду ли я в монастырь. Не помню, говорил ли я что-нибудь батюшке, наверно, ничего не говорил. Перепугался. И снова забрался за голландку. Оттуда всё выглядывал, смотрел на батюшку, как на Господа. Святой он был человек, вот я и боялся. Прошло уже более сорока лет, а я всё помню батюшку Нифонта и глубоко уверен, что живу только его святыми молитвами. Да и священство-то получил только по его великому ходатайству. Святой был батюшка. Несомненно. А смерть его была какая!

За то, что к нему шло много народу, его изолировали — посадили в Сызранскую городскую тюрьму, да, чтобы ему было плохо, посадили с уголовниками. Они смеялись над ним, издевались. А когда батюшке приносили передачи, то они всё поедали, ему ничего не давали. Да,

видимо, он и сам, если что имел, всё отдавал им. Тихий был, безответный, беззащитный. Настоящий агнец. Потом он заболел, занемог и, так как был слаб здоровьем, скоро и скончался. К нему никого не пускали. Одна преданная его почитательница следила за ним, поселившись рядом с тюрьмой. Темной ночью видит: открываются тюремные ворота и выезжает телега, на которой вывозили умерших заключенных и сваливали в большую яму, выкопанную за тюремной оградой. Она увидела эту телегу, на которой рогожей был покрыт умерший батюшка, рванулась за ней. Умоляла отдать хоть умершего, чтобы похоронить его как положено. Плакала, тащилась, ухватившись за телегу. Так и не отдали. Свалили в общую яму и зарыли. Вот так умер наш дорогой батюшка Нифонт.

Помню, незадолго до его смерти мы с мамой пришли к нему в тюрьму. Пришли за шестьдесят километров. Пешком шли. Лесами, степями, по грязи, в дождь, ночью. Принесли ему «пышков» деревенских, «лепешков» сушеных. Не забыть мне этих мрачных стен и огромного тюремного здания. Всё, что принесли, а также маленькую записочку, передали в проходную. И вот, минут через двадцать, смотрим — в одном окне четвертого этажа тюрьмы открылась маленькая форточка, показалась рука и помахала нам... Вот и всё. Мама стояла и плакала, а я — не помню, что делал, наверное, не плакал, а только смотрел. А вот сейчас, вспоминая, плачу. А тогда не плакал. Не понимал многого.

А еще доброе влияние оказал на меня архиепископ Филипп Астраханский*, ныне уже почивший. Батюшка Нифонт имел влияние на мое детство, а владыка Филипп — на юность. Владыку я встретил в Астрахани, где он был на кафедре, а я работал. Жил я тогда вдали от своей родной семьи, у одной благочестивой пожилой вдовушки. У нее была дочь-институтка. Всё уроки зубрила, помню.

* Речь идет об архиепископе Астраханском и Саратовском Филиппе (Ставицком (1884–1952)). — *Прим. ред.*

Как я узнал потом, эта старушка имела тайное желание выдать свою дочку за меня замуж. Я как-то этого ничего не понимал. Жил у нее, платил за квартиру. Боялся по половице пройти. В воскресные дни ходил в Покровский собор молиться. Там и познакомился с владыкой Филиппом. Да, вернее, не сам познакомился, а благодаря этой вдовушке, у которой я жил. Она такая дотошная была, везде знала дорогу. А познакомила-то как! Она просила у владыки благословение на брак своей дочки со мной. Владыка сказал: «Лиде нужно докончить институт, а Васе идти в семинарию». Спасибо ему, дорогому владыке. Сам Господь через его святые уста указал мне путь жизни.

Святые уста... Да, и этот человек, владыка, как и батюшка Нифонт, был святой. Раньше он находился в долголетней ссылке, а потом, по возвращении, был послан в Астраханскую епархию. Много говорили дивного про его святую жизнь. Помню, проповеди он говорил — всегда плакал. Голосок был тонкий-тонкий. Наверное, первый тенор, как по-нашему называют, или даже выше. И смерть его была почти мученическая. Умер в московской больнице. А похоронен сейчас в северной стене Успенского собора в Астрахани. Тоже святой человек был. Несомненно. Вот он-то и послал меня учиться в Духовную школу. Знал он, что я совсем непригодный, никуда негожий, а всё-таки послал. Надеялся, видимо, на благодать Божию, что она «обтешет» этот негодный, угловатый камень и положит в здание Церкви Божией.

По молитвам этих святых людей я и попал в стены Троице-Сергиевой Лавры. Да еще к этим святым молитвам прибавилась молитва моей родной мамы. Могу ли я умолчать о ней! Кажется, ей-то я больше всех обязан. Ведь она — мать. А какие были ее молитвы! Но сначала о ней самой.

Мама моя была тихого и кроткого нрава, совсем неграмотная. Но какая светлая душа! Какое терпение! Какое молчание! О, если бы было больше таких матерей! Жили мы не очень бедно, но и совсем не богато. Домишко

в селе. Лошаденка с коровенкой во дворе. Куры с петухом на задах, полоски посева в разных местах. А потом ничего этого сразу не стало. И домишко-то отошел другим. А мы оказались в казенном бараке, где миллион и триллион клопов. Сколько я помню маму, она всегда была больная, но всё умела переносить молча. Это была мученица жизни, бывало, не ест, не пьет целыми днями. Лежит и не охает, только всё вздыхает, и глаза полны страдания.

— Мама, что болит? — спросишь.

— О, сыночек, всё болит, всё ноет, — тихо ответит, и глаза затуманятся слезой.

Когда уже я учился в семинарии, ездил на каникулы домой. Помню, последний раз (наверное, в 1949 году) приехал, а мама заболела, да сильно-сильно. Лежит на коечке и отвернулась к стене.

— Мама, ты опять болеешь? — спрашиваю.

— Да, сыночек, — отвечает тихо, — но мне теперь не страшно умирать: как вспомню, что мой сынок учится в семинарии на батюшку, так сердце мое как будто маслом обольется (ее выражение, то есть на сердце у нее радость появлялась, когда вспоминала, что я учусь в Духовной школе).

А сколько она перенесла скорбей! Семейных, личных... Умерла тихо, благодатно, с именем Матери Божией на устах. Сидела на скамеечке у стола, облокотясь, и всё повторяла: «Матерь Божия, Матерь Божия». Потом вдруг одна рука дрогнула, локоток согнулся, и головка упала на стол. Ни звука, ни стона. «Мать, мать!» — позвал ее вошедший папаша. Но она уже уснула. Положили на кровать. Лицо ее сияло всё сильнее, сильнее. Потом папаша говорил, что никогда, даже в юности, не видел ее такой светлой и красивой, как при смерти. Тоже мученица была и праведница. Я не видел смерти мамы, но папаша в письме мне об этом писал, плакал и писал, слезы падали на письмо, и оно было всё в слезах. Письмо это и сейчас хранится у меня.

А как она умела молиться! Два сына ее были в пекле войны. Сколько они видели смертей!.. А вот ведь верну-

лись невредимыми. Вымолила. Помню, когда я еще приезжал на каникулы домой, то ночью случайно приходилось просыпаться. И всегда, как ни просыпался, слышал тихий шепот молитвы. Она ночью молилась. И так целыми ночами. О эта материнская молитва! В воде не тонет и в огне не горит. А как она сильна, эта материнская молитва! Кажется, ничто не может сравниться с ней. Вот поэтому как надо молиться матерям о своих детях! Тем более теперь, когда дети находятся в бурном житейском море, да без молитвы, без креста на груди... А у нас бывает совсем по-другому. Дети непослушны, грубы. Мать обижена, ропщет, нервничает, ругает, проклинает. А ведь надо молиться, да молиться усердно, настойчиво. Я говорю не только о матери мирской (по плоти), но и о матери духовной. Как ей-то тоже надо молиться за своих духовных детей! Молиться усердно, дерзновенно, настойчиво.

Таким образом, за усердные молитвы батюшки Нифонта, владыки Филиппа и моей родной мамы я оказался в стенах дорогой для меня Сергиевой Лавры.

Как я уже сказал, первым, кто меня здесь встретил и приютил, был отец благочинный Лавры архимандрит Маврикий. Я стал послушником. Послушаний я прошел много, они довольно быстро менялись, и два, и три послушания нес одновременно. Надо сказать, плохой я был послушник, скорее ослушник, чем добрый послушник. Но всё-таки в течение примерно года или больше я был и на кухне (чистил картошку), и на просфорне, и в библиотеке, и в переплетной, и в плотничной мастерской, и на клиросе, и во дворе, и черные работы выполнял. Я это пишу в связи с описанием жизни отца Маврикия, а не с тем, чтобы себя показать, что я делал да как подвизался. И много было переживаний всяких. Да еще пономарем был. А службу-то знал неважно, всё путал, хотя уже учился в Академии. Стыдно было: «академик», а службу плохо знает. Монахи-то шушукались, да кто и вслух скажет. И я всё переживал. А отец благочинный никогда не укорял меня за это. Бывало, подойдет

и тихо скажет: «Брат Василий, а ты пойди да сделай то-то и то-то». А сам благословит и уйдет.

Это был тихий и кроткий батюшка. Он часто исповедовал и народ, и братию. Никогда не забуду его теплых, отеческих слов, которые и сейчас звучат у меня в ушах. Однажды так тяжко было у меня на душе, что не знал, куда себя деть и к кому идти. Шла вечерняя служба. Я подошел к отцу Маврикию и сказал: «Батюшка, поисповедайте меня». Он сходил в алтарь, надел епитрахиль и поручи, взял Святое Евангелие и крест и вышел ко мне на клирос. Было это в Трапезном храме, где есть два маленьких закрытых клироса впереди и два больших клироса сзади, где обычно поют монахи в праздничные дни, а иногда и в будние дни поют там. И вот на левый маленький клирос и вышел отец Маврикий, чтобы меня поисповедовать. Прочитал он тихо начальные молитвы и, обратясь ко мне, кротко сказал: «Брат Василий, встань на коленочки».

Я и так был взволнован, а когда услышал добрые, так отечески нежно сказанные слова «на коленочки», я встал на колена и заплакал... Помню, что тяжесть улетучилась из моего сердца, и я получил от кроткого батюшки полное душевное исцеление.

Как иногда одно доброе слово, отечески тепло сказанное, остается в памяти на всю жизнь! И это доброе слово может переродить душу, окрылить ее, воодушевить и поставить человека на новый путь жизни. Добрым был батюшка отец Маврикий, любил он братию святой Лавры и никому, кажется, не сказал обидного слова.

А как он служил Божественную литургию! Редкий батюшка так служит. Какой-то особый благодатный мир наполнял святой алтарь и весь храм, когда служил отец Маврикий. Чувствовалось веяние силы Божией, и благодать волнами исходила из алтаря и наполняла весь храм и сердца молящихся. Самый главный недостаток современной службы — это спешка, нервозность и сокращение. У батюшки Маврикия ничего этого не было. Он служил тихо, спокойно,

благодатно. Если даже что не сделают вовремя, ну, например, кадило не подадут в свое время или хор быстро пропоет, а батюшка еще не прочитал тайные молитвы, он никогда не волновался. Он весь уходил в молитву. Переживал содержание возгласов. Он не просто говорил или возглашал возглас, а, возглашая, молился, прославляя Господа и прося Его.

Особенной высоты молитвенного подъема он достигал в момент Евхаристического канона, когда пресуществляются хлеб и вино в Пречистое Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа. Это самый страшный, самый таинственный момент в богослужении. Святые ангелы, невидимо предстоя у престола в алтаре, от страха закрывают свои очи, не смея взирать на святой престол славы Божией. И батюшка Маврикий молился в это время с особым трепетом, с глубоким чувством сокрушения и со слезами. Он ничего не видел около себя, ничего не замечал. Его умиленный взор был обращен к Святым Тайнам, которые покоились на святом престоле. И казалось, что батюшка видит телесными очами Самого Господа, пришедшего снова заклатися за грехи мира. И сам внешний облик батюшки Маврикия изменялся. Он постепенно просветлялся всё более и более, озарялся каким-то дивным озарением, будто обильные лучи солнца падали на его вдохновенное лицо. Страшно было стоять около него в этот момент. Многие уходили из алтаря и, став где-нибудь на клиросе или за колонной храма, плакали.

Я как-то читал о Кронштадтском молитвеннике отце Иоанне, как он совершал Божественную литургию и как он вообще умел молиться. Вот нечто подобное было и с отцом Маврикием. И люди, стоявшие в храме вне алтаря, чувствовали в своем сердце, что батюшка Маврикий горячо молится за них: все притихали, замирали в храме. Слышны были только вздохи и шептание молитвенных слов. Многие падали на колена, а иные — ниц, склонив голову на каменный церковный пол.

Особенная сила молитвы чувствовалась у батюшки в последние дни его жизни, когда он еще мог ходить. Его пра-

ведное сердце, наверное, предвидело близость кончины. Он затих, ушел в себя и постоянно читал Иисусову молитву.

Я не помню, какой недуг беспокоил отца Маврикия; видимо, по старости им овладели общая слабость и недомогание. Его часто видели сидящим на скамеечке в монастырском дворе. Он опирался на свой посошок и мало с кем вступал в разговоры. Близость перехода в иной мир не омрачала его. Он делался с каждым днем тише и светлее. Лучи неземного света всегда озаряли его кроткое и открытое лицо. Теперь его уже мало волновали монастырские дела. Послушание благочинного нес другой батюшка, назначенный из братии. Но молитвенно он всегда был связан со своей родной, любимой Лаврой.

Так постепенно угасал светильник земли, поставленный на свещнице в столь трудное время. И Лавра Преподобного Сергия, кажется, заметно беднела, теряя такого дивного труженика. За давностью времени я не помню подробностей кончины отца Маврикия. Скажу только одно: кончина его была подобна тихому угасанию дня, когда светлое солнце, пройдя дневной путь свой, тихо уходит за пылающий горизонт. День постепенно бледнеет. Вечерняя прохлада и полумрак настают повсеместно, и — тихий вечер сменяется мраком непроницаемой ночи... Вот почти так скончался и кроткий батюшка наш отец Маврикий.

Окрылившись под молитвенным кровом Преподобного Сергия, он светлым взмахом крыльев души взмыл, как светозарный голубь, в небесную высь. И теперь радуется среди ангелов Божиих и святых в вечных селениях Небесного Отца.

Помню, проводил я его в последний путь, будучи уже иеромонахом. Нес маленькую церковную свечу в своей руке и... думал, думал о нашей скоротечной жизни. Как она ничтожна, как мимолетна...

Десяток лет тому назад отец Маврикий тихо шел по направлению к Троице-Сергиевой Лавре. Ветхая одежонка, старая котомка, худые сапоги были его богатством. А теперь — теперь он наследник вечного Царства. Теперь он

сын (по благодати) Небесного Отца. Теперь он обладатель бесчисленных духовных сокровищ. И всё это достигнуто им здесь, в земном уделе Святой Троицы, достигнуто в обители святой Сергия Преподобного.

На просторном кладбище Сергиева Посада* видна тихая могилка, поросшая зеленой травкой. Стоит крест — символ вечной жизни. Кроткий батюшка отец Маврикий покоится здесь вечным сном... Спи, наш дорогой и милый собрат и труженик. Спи, кроткое и послушное чадо Сергия Преподобного. Настанет час — встретимся, увидимся. Слетимся в одну большую и светлую стаю голубей Радонежских лесов. А пока молись о нас. Да, молись, дорогой и милый батюшка, покрепче, ибо трудно нам. Мало минуло времени после тебя, но море пролито слез...

СВЕТЛЫЙ СТАРЕЦ

Архимандрит Доримедонт

(Дометий Чемоданов)
(1871–1950)

> Ангелов Творец, предуведевый, по самовластному чистаго сердца твоего изволению...
>
> Акафист Преподобному Сергию Радонежскому

В земном мире всё течет, всё меняется. И самое страшное то, что в нем всё забывается... Забываются светлые события, дивные имена, забывается святое, хорошее. Таков уж мир дольний: несовершенный, непостоянный. Не потому, что он был создан таким от начала, а потому, что его

* Архимандрит Маврикий похоронен на кладбище около церкви в честь Спаса Нерукотворного Образа в селе Деулино. — *Прим. ред.*

исказили так грех, зло, непослушание. О эти страшные минуты первого падения! Это ужасное начало зла на земле!.. Куда делись дивная гармония святой жизни, дивная красота девственной, нежной чистоты?!

Да, в земном нашем мире всё течет, всё меняется, исчезает, восстанавливается и вновь забывается. Вот так уж почти забылось имя архимандрита Дормидонта* — светлого старца. Как утренним туманом затушевываются очертания предметов, так затушевался немногими прошедшими годами светлый образ старца-труженика. Жил он, трудился, подвизался, как и все люди, скончался — и... почти забыли.

Что есть человек, что Ты помнишь его, или сын человеческий, что Ты посещаешь его... (ср. Пс. 143, 3). Да, только Ты всех помнишь. Ты, Господи Боже наш, всех живишь и восставляешь. Только у Тебя вечная память живет о людях: о народах, о каждом отдельном человеке. И сколько отрады в этом сознании, сколько радости! Человек — маленький комарик, почти совершенно ничтожное существо, и он не забудется никогда. Он единица, член, даже больше — сын вечной жизни. О Боже наш, сколько Ты даешь нам радости! И как вообще радостна жизнь с Тобой!.. А без Тебя мрак непроницаемый, жизнь без будущего, бытие случайное и бесцельное.

И вот, когда мы говорим, что дорогой наш отец Дормидонт умер всего только каких-нибудь четырнадцать-пятнадцать лет назад, и люди почти его забыли, то у Господа он не забыт. Он, верим, там, в ином мире, как бы возродился для вечной небесной жизни. Вот в чем красота и смысл нашей святой веры: она дает нам право не только на жизнь земную — это право имеют и животные, — но дает нам радость надеяться на жизнь небесную, вечную, бесконечную. «Благословен Бог наш, сице благоволивый. Слава Тебе...»

Был холодный январский день. Светило по-зимнему солнце. Яркие кристаллы снежинок сияли в воздухе, на деревьях, на земле.

---

* Разговорный вариант имени Доримедонт. — *Прим. ред.*

По узкой тропиночке тянулись люди к Троицкому собору. Жажда духовная влекла их к Преподобному Сергию. Земное, мирская жизнь так тяжело сдавили сердце, так пусто стало на душе — вот и потянулись люди вдохнуть небесного воздуха, облегчить тяжесть души у святой раки угодника Божия. Ведь он обещал помогать всем, кто к нему будет приходить за помощью. А раз уж обещал, то разве святой человек не выполнит своего обещания?

О русская душа, как ты счастлива, что имеешь у себя небесных покровителей! Как ты блаженна, что имеешь возможность время от времени оторваться от земной суеты, от этой повседневной, будничной пыльной жизни и вдохнуть всей грудью чистый горний воздух возле дорогих святынь... Какое это счастье! Какая это милость Божия...

Войдя в Троицкий собор, я увидел множество народа. День-то хотя и зимний, и холодный, но собор полон молящихся. Воскресенье. Отошла далеко-далеко земная суета. Здесь хотя и многолюдно, но дышится легко и свободно. Всё здесь родное и близкое душе, и радостно на сердце.

Служился очередной молебен Сергию Преподобному. Старенький батюшка скороговоркой читал акафист Радонежскому чудотворцу. Он хотел бы пояснее выговаривать слова акафиста, но речь его срывалась, как быстрый горный поток, и неслась помимо его воли дальше и дальше. Это отец Дормидонт, архимандрит Троице-Сергиевой Лавры, совершал свое очередное дежурство у раки с мощами Сергия Преподобного. Беленький, худенький, немного сутуловатый, в длинной простой монашеской мантии, стоял он у самой головы батюшки Сергия и по-особенному просто, необыкновенно живо говорил ему обо всех нуждах народных. «Радуйся, милости превеликия и скорбным сострадания сокровище; радуйся, всеусерднаго о людех промышления приятелище. Радуйся, душу свою за человеки положити готовый...»* Живой он, вот

* Акафист Преподобному Сергию Радонежскому, икос 4.

здесь, рядом он, слышит, видит, жалеет и готов немедленно помочь. Преподобный отче, батюшка Сергий!..

Почти у самых ног отца Дормидонта склонилась старушка. Худенькая, исстрадавшаяся, вся в слезах. Какое горе терзает ее больное сердце? «Сергий Преподобный, батюшка, — шепчут ее холодные, бесцветные уста, — кормилец ты мой, мочи мне нет, сын испился, весь изгулялся, бьет, душит...» И слезы... Материнские старческие слезы ручьем падают на каменные плиты церковного пола.

А немного сзади боязливо, как-то неловко прижалась к колонне собора девушка. Она и глаз своих не смеет поднять на святую раку. Головка ее низко упала долу, плечи нервно вздрагивают. Что она здесь, эта молодая, юная девица? Разве мало в миру удовольствий? Разве там негде провести время, развлечься, повеселиться, сорвать цветы юности? Да в том-то и дело, что мир, как вихрь, кружит молодую душу, обещая ей веселие, счастье, радость в шумных праздниках земной жизни. Но может ли он дать истинную радость душе? Истинное счастье сердцу? Никогда. Обманет он молодую душу, обворует ее. А потом бросит, как потребитель бросает использованный, выжатый лимон. Бросает в мусор, в грязь. А истинного счастья мир дать не может человеку. Истинное счастье только со Христом Богом...

И пошел, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней; И он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему (Лк. 15, 15–16). Так обманут был миром и мнимой свободой блудный сын. От родного отца ушел сам, а чужой хозяин оказался для него суровым тираном (диаволом).

Девушка поняла это вот только теперь, сейчас. Мир потешился ею, и она миром. Но как низко с ней поступили даже эти ее так называемые друзья, которым она отдала и тело, и душу... Долго рыдает она у святой раки Сергия Преподобного. Молнией проносится пред ней вся ее прошлая жизнь: надежды, падения, унижения, решение покон-

чить с собой... Покончить... Нет, подожди, стой... И она разом притихает, задумывается, прислушивается... «Стена еси всем человеком, к заступлению твоему прибегающим. Преподобне богомудре Сергие... буди стена крепкая и ограждение непреоборимое»*, — скороговоркой читает старец. И как громко отдаются эти слова в сердце юной грешницы! «Нет! — тихо шепчет она. — Он, Сергий Преподобный, — мой заступник, и я пришла к нему». И девушка еще сильнее зарыдала и тихо опустилась на колени...

А кто это в притворе, в самой толкучке, в проходе склонился долу? Тоже плачет... Мирская женщина или монахиня? Темная одежда, покрывало темное. Она совсем не поднимается с колен. Ее мнут, толкают; иные, вглядываясь, обходят. Что ей всё это! Она ничего этого не замечает. «Батюшка Сергий, — слышится порывистое, — что же я так плохо живу! Ведь я надела ангельское одеяние... обещалась... а сама не исправляюсь... Помоги... Доколе так будет?..»

Вдруг все стихли, замолкли. Собор замер. Слышно горение свечи, веяние ветерка. Отец Дормидонт читает Святое Евангелие. *Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии*, — тянет тонким голосом отец Дормидонт, и вдруг голос дрожит и срывается, батюшка старчески как-то стушевался... плачет сам старец, слезы туманят очки, падают на открытую страницу Святого Евангелия. Пауза. Рядом слышится всхлипывание многих людей... Старец собирается с духом и снова: *Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28). Поднимаются с пола девушка, которая так сильно рыдала, монахиня, старушка, что жаловалась на пьяного сына, — все стихли, успокоились. Что-то отрадное, великое, родное, теплое и радостное влилось в сердца. Покой... *упокою вы*. Да, только Он, Господь Спаситель, Страдалец наш великий, что за нас всё перенес, всё перестрадал, умер и воскрес, — только Он может дать покой человеческой душе.

---

* Акафист Преподобному Сергию Радонежскому, икос 10.

Кончился молебен. Отец Дормидонт пробивается через народ. Его окружили со всех сторон. Просят благословения, и старец благословляет. Но разве можно всех, весь собор? Да и рука старческая изнемогла. Он только кладет свою десницу на сложенные руки или на головы и... дальше, дальше вперед.

Когда он добирается до своей келии, как-то сразу сникает, опускается: устал, утомился. Еще бы! Хотя и два часа стоял у Преподобного, но как будто прошла целая вечность. Ведь вокруг море горя, слез, воздыханий! И всё это он переживает, всё ему близко и болезненно. Пастырь. Душу свою полагает за овцы. Кто же их пожалеет? Кто за них и вместе с ними поплачет? Кто заступится пред Богом? И уже в своей одинокой келии, никем не видим, старец снова заплачет, зарыдает. Его седая головка беспомощно упадет на стол. Боже ты мой, сколько в народе горя, сколько слез! И так каждый Божий день, каждый молебен.

Жил старец тихо, скромно, даже убого. Ничего не требовал у монастырского начальства. Всем был очень доволен. За всё благодарил Бога. Всех любил, за всех молился, за всех плакал своими старческими слезами. Потому и вид его был всегда светлый: просветленный народным страданием, очищенный своими и людскими слезами. Его лицо, волосы были светлые, белые, как чистый яркобелый зимний снег, и душа была мягкая, светлая.

Мы совсем не знаем, когда, откуда, в какие годы пришел отец Дормидонт к Преподобному Сергию. Не знаем его детских и юных лет жизни. Ничего не знаем об этом светлом старце, кроме того, что осталось в нашей памяти. Неизвестно и сколько времени старец прожил под кровом Преподобного. Но верно то, что он был здесь в годы восстановления святой обители, когда всем насельникам Лавры было много дела, труда, забот, когда всё было еще бедно, худо, не устроено. Да и в народе русском, после страшных ударов последней войны, сочились еще кровью свежие раны военного горя: потеря дорогих, близких и любимых людей. Потому и нужны были в то время такие пламенные молитвенники,

как отец Дормидонт, чтобы уметь исцелять раны, облегчать скорби, утолять душевные страдания мятущихся сердец.

Если говорить сущую правду, то такие утешители и теперь крайне нужны. Нужны они всегда, везде, всюду. Нужны потому, что человеческая душа всегда страдает. Враг рода человеческого — диавол — всегда строит ей козни. Зло всегда свирепствует. Вот и нужны такие пастыри, каким был светлый старец отец Дормидонт. Как мало их, таких, у нас теперь! И становится все меньше и меньше... Беднеет земля старцами, беднеет. Сиротеем мы с каждым днем и часом. Господь силен дать нам новых молитвенников, новых печальников за Русскую землю. Но что будет с нами через десять, пятнадцать, двадцать лет?.. Если теперь и великие столпы падают, то что будет с нами — маленькими столпиками или даже тросточками? На Тебя единого надеемся, Господи, Ты «времена и лета во Своей власти положивый...»*

Была бурная февральская ночь. Ураган рвал всё, что попадалось на пути, и уносил в поле. Снежная метель завывала, точно голодные звери в лесу, и забивала все щели и углы мягким февральским снегом. Ночь на двадцать первое февраля была неописуема. Точно самое небо раскололось на две части и пустило буйные вихри на грешную землю. Когда настало утро, всё улеглось, затихло, замолкло. Но затихло и замолкло на дворе, на улице, а заклокотало в обители Преподобного Сергия. В эту ночь умер светлый старец отец Дормидонт.

Его соседу по келии нужно было о чем-то спросить старца. Сотворив молитву и постучавшись, он не получил ответа. Немного постояв, он снова постучал. Но и на этот раз было всё тихо, спокойно. Не слышно было ни шороха, ни шагов внутри келии старца. «Знать, молился всю ночь, а теперь забылся», — подумал брат и, сотворив еще раз молитву, тихо толкнул дверь. Она открылась. (Старец никогда не закрывался на крючок, тем более на замок, у него всегда было всё открыто. Да и что было брать у него? *Не собирайте*

* Тропарь индикта — Церковного Новолетия, глас 2. — *Прим. ред.*

себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и воры подкапывают и крадут... (Мф. 6, 19). Эти слова Спасителя всегда помнил отец Дормидонт, потому он и приобретал иное сокровище, некрадомое. Да и сберегал-то его не в келии, а в более надежном месте — на небесах. И как счастливы такие люди! Как они мудры и рассудительны!) Открыв дверь, брат остановился в страхе, точно грозный ангел преградил ему дорогу дальше: на скромном монашеском одре покоился светлый старец. Он был точно ангел Божий, слетевший с неба и забывшийся в сладком сне. Какая-то невыразимая тайна окружала почившего старца. Он лежал лицом вверх, скрестив на груди свои руки. У святых икон тихо мерцала лампада и бросала мягкий луч света на строгое, задумчивое лицо труженика Божия.

Вмиг узнала вся Лавра, что светлый старец почил. Не стало его среди братии. Улетел дух его бессмертный в небесный дом Святой Троицы. Ночная буря породила бурю душевную: на похоронах братия плакали. Плакали и пели: «В путь узкий хождшии прискорбный, вси в житии крест яко ярем вземшии, и Мне последовавший верою, приидите насладитеся...»*

Когда запели последнюю стихиру «Плачу и рыдаю...» и братия стали подходить прощаться, подошла вместе с ними почтенная и интеллигентная дама. Все посторонились. «Из Москвы... знаменитый доктор», — зашептали в толпе. Дама будто никого не замечала. Невыразимое горе было на ее красивом лице. Она тихо подошла к ногам почившего и положила на них дорогое покрывало. Потом, подойдя к покрытой темным платком главе почившего (когда хоронят монахов, иеромонахов, архимандритов, то лицо покрывают специальным платком), она долго стояла в печальной задумчивости, потом тихо опустилась на колени и горько зарыдала... Она рыдала так же, как десять лет назад у колонны собора. Тогда, убитая горем, она была воз-

* Тропарь по непорочных из чинопоследования панихиды.

вращена к жизни во время молебна Преподобному Сергию, и молебен служил в тот день отец Дормидонт. А вот теперь она рыдает у его гроба. Никто из присутствовавших не знал этой великой тайны, только Господь и Преподобный.

Февральский вечер на городском кладбище был настолько светлый, будто солнце никак не решалось спрятать свои лучи, освещавшие свежую могилку. Угасающий день как бы уносил с собой и светлого старца. Уносил в иной мир, где светлое Солнце правды, Христос Бог наш, всегда светит благодатными лучами истины и правды и где никто никогда не умирает, а вечно живет в радости и блаженстве.

Так, окрыленный, освященный, воспарил от обители Сергия Преподобного еще один светозарный голубь, оставив по себе добрый след благодатной жизни для нашего назидания.

И поныне стоит печальная могилка на старом городском кладбище Сергиева Посада. И когда на высокой лаврской колокольне гудит праздничный благовест, голос его доносится и до этого одинокого могильного кургана. Гудит, будит, поет свою мелодию у самой могилки, а затем, не дождавшись ответа, как златокрылая пчела, покружившись, уносится в безбрежную синюю даль...

Схиигумен Алексий
(†1954)

> Силою, данною ти свыше, будущая
> яко настоящая созерцая, возвещал еси
> и великому князю Димитрию о победе
> многочисленных прегордых агарян...
>
> Акафист Преподобному Сергию
> Радонежскому

Бывают на свете люди, которых трудно охарактеризовать какими-либо словами. Они подобны закрытому в ящике сокровищу, недоступному любопытному

взору. И даже не предполагаешь, что хранится внутри, какая драгоценность скрывается под внешним убогим видом.

Вот такими свойствами внутренней красоты при внешней, может быть, убогости, всегда отличались истинные рабы Божии. «Человек смотрит на лицо, а Бог смотрит на сердце», — говорит слово Божие. И какая в этом мудрость, какая правильная оценка достоинства человеческого! Когда Преподобный Сергий копался в своем бедном огородике, на нем была старая-престарая ряска, вся в заплатах. Мужичок, пришедший пешком за пятьсот верст, чтобы посмотреть на знаменитого святого игумена, не увидел в нем ничего особенного. И когда, при его назойливом требовании показать славного чудотворца, ему сказали, что это и есть тот самый Сергий, то мужичок обиделся: «Сколько трудов я принял, чтобы прийти сюда и поглядеть на Сергия, а вы показываете мне этого рваного монаха».

Так оценивал и оценивает мирской глаз истинных рабов Божиих. И теперь говорят: «О, эти попы и монахи — бездельники. От них никакой пользы нет ни людям, ни семье, ни обществу. Дармоеды, да и только, — наденут длинные платья, да с большими карманами, чтобы денег больше впихнуть туда, и ходят, махая широкими рукавами». Вот такая современная оценка служителей Божиих.

Пишущий эти строки однажды по делам службы шел по улице города. Шел, конечно, в рясе, скуфейке, как положено, чин чином. В стороне от дороги играют два карапуза лет по шести. И вот, когда я поравнялся с ними, они бросили свое занятие и уставились на меня. Один из них, посмелее, подошел и стал внимательно разглядывать мою одежду. Ну с ног до головы и с головы до ног оценивать. Он, по правде говоря, никогда не видел еще такого явления. Потом вполне серьезным тоном вопросил: «Дядя-тетя, а кто это тебя так обрядил?» Оставалось сочувственно улыбнуться юному философу и, потрепав любовно его за вихор, идти дальше. Вот так же — или почти так — оце-

нивают нашего брата и люди вполне взрослые и по летам, и по разуму, но младенцы по вере.

А вот другой подобный случай — это мнение более серьезного человека. Институтка, совершеннолетняя девушка, случайно попала на территорию Троице-Сергиевой Лавры. В одно прекрасное утро вместе с другими богомольцами она из любопытства подошла на исповедь. Конечно, молитвенного настроения у нее и капли не было. Благодушно, несколько иронически, но не язвительно стала выяснять у исповедующего: «А о чем здесь спрашивают и о чем говорят? Да и вообще, отчего вы так странно одеты и как вы называетесь?» Когда ей кротко и вразумительно заметили, что здесь совершается исповедь и подобные вопросы здесь совсем неуместны, она нисколько от этого не смутилась, но с еще большим интересом и любопытством продолжала свое: «А что такое исповедь? Почему она называется так, а не иначе?» И главное — всё это вполне серьезно, по-деловому, без всякого лукавства. Мало этого, спустя недели две шлет письмо, кажется, из Горького (и адресом запаслась!), пишет такому-то монаху. В этом письме искренне выражает свою благодарность за внимание, а в конце сочувственно добавляет: «Неужели вы еще до сих пор носите это ваше несуразное длинное платье?»

Это оценка своеобразная, деловая, с точки зрения людей мира сего, чисто внешнего порядка, только видимого, наглядного облика. Оценка по внешности не только далеко не полная, но, по существу, неверная, ошибочная.

Я говорю о том, что среди мира земного есть люди, которые остаются не оцененными по достоинству. Часто дается незаслуженно отрицательная оценка их образа жизни, их внешнего вида. К великому сожалению, так поступают по отношению друг к другу не только люди мирские, с нашей верой ничего общего не имеющие, но и люди духовные, верующие, церковные.

Дело в том, что в наше время с огромной скоростью развивается чувство недоверия людей друг к другу. Это

настоящая язва, травма неисцельная. Это прямо бич нашей жизни. Жить рядом с таким же человеком, как я, и не иметь к нему дружеского доверия, видеть в нем своего неприятеля, который будто хочет сделать мне только одно зло, вред, — это положение крайне нечеловечное. Тем более не Божеское. И даже в духовной среде, среди служителей Церкви — такое же положение, если не еще большее отсутствие взаимодоверия. Спрашивается, откуда взялось такое недружелюбие, такое недоверие человека к человеку?

Святое Писание, вечно живое, вечно истинное, гласит, что *по причине умножения беззакония во многих охладеет любовь* (Мф. 24, 12). А когда любовь охладевает в сердцах, то что же остается?! Нелюбовь, холодность, неприязненность, вражда, недоверие людей друг к другу — всё это от утраты любви к Богу и ближним. *Огонь пришел Я низвесть на землю,* — говорит Спаситель, — *и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!* (Лк. 12, 49). Огонь есть любовь, которая всё согревает, всё освящает, жизнь украшает, отношения улучшает, сердце облагораживает, человеческое достоинство возвышает. Любовь! А где ее нет или где ее мало — там недоверие, неверие, холодность, недоброжелательство, эгоизм, низкое самолюбие, жадность, жестокость, гордость! Дальше идти некуда. Сатана потерял любовь к Богу, потерял доверие к Нему, потерял веру в Него как Всемогущего Бога. Без этого он стремительно пошел по лестнице гордости, а гордость, как известно, низвергает.

Приснопамятный схиигумен Алексий жил тоже в атмосфере недоверия. Хотя он и был в братстве обители Преподобного Сергия, но и здесь его недооценивали, недопонимали. Как истинный схимник, он проводил жизнь довольно суровую и воздержанную. Его внешний облик напоминал древних египетских подвижников, которые проводили время в постоянных трудах, подвигах и молитве. Среднего роста, несколько сгорбленный, с седыми волосами, он постоянно был погружен в какую-то глубокую

тайну внутренней жизни. Всегда он будто с кем-то имел невидимую беседу. Ветхая ряска, схимнический куколь, параман — всё говорило о его особой, подвижнической, благодатной жизни. Тихая старческая походка, ровный, хотя и слабый голос. Светлый проницательный взгляд...

Когда и откуда прибыл старец Алексий в Лавру Преподобного Сергия, знает один Господь. Какова была его прежняя жизнь, каково происхождение, образование — всё это, конечно, интересно знать, но для спасения, в сущности, эти вопросы являются второстепенными, маловажными. Главное — духовная жизнь, близость к Богу, степень духовной зрелости. А этими свойствами схиигумен Алексий обладал в полноте. Близость его к Богу и сила его молитв были для всех очевидны. В народе, да и среди иноков святой обители, настойчиво ходили слухи о чудотворности его святых молитв. Можно больше сказать: старец был обладателем дара прозрения. Не раз его слова, сказанные как бы между прочим, сбывались в точности. Мы не можем здесь говорить о тех или иных чудесных случаях из жизни схиигумена Алексия (это дело будущего историка), но то, что это был человек высокой души и большой святости, несомненно.

Непосредственным послушанием старца было духовничество. Он исповедовал многих из братии святой обители, а главное — масса верующего народа волной текла к нему на исповедь, чтобы сложить тяжесть грехов своих и получить чрез его молитвы благодать обновления. Всегда строгий, сдержанный, несколько задумчивый, всегда молитвенный, старец Алексий исповедовал с большим вниманием и любовью. Сила его пастырского слова была велика. Кажется, ни одно слово, ни один звук не проходили даром: всё, что старец говорит в назидание, имеет прямое отношение к тому человеку, с кем он беседует.

Старец читал душу человека, видел все душевные изгибы, раны, скорби. Его слово, согретое отеческим участием и любовию, было целительным бальзамом для больной,

измученной души. Никто от него не уходил неутешенным, неободренным. У него для всех хватало отеческой любви, ласки и привета. И старенькая старушка, у которой всё горе в том, что ее куры перестали нестись, находит для себя живой, теплый отклик в душе схимничка. И мудрый ученый, блестяще освоивший науку покорения космоса, но потерявший веру, в совершенно простых словах старца получает разрешение волнующих его вопросов. И студент духовной школы, томящийся под тяжестью разных знаний, но потерявший прежнюю детскую молитву, успокаивается душой от старческого увещевания и молитвы. Словом, люди всякого возраста, пола, образования, занятия находили себе утешение и разъяснение жизни у доброго и мудрого схиигумена Алексия.

Но как уставал старец от этого трудного и тяжелого подвига — духовничества! Бывало, с каким неимоверным трудом возвращался он из исповедной в свою одинокую келию! Как много горя и грехов нес он на своих старческих плечах! Последнее время его обязательно кто-нибудь вел, осторожно придерживая за руки, иначе старец сам не добрался бы до своего угла.

Надо сказать, что у отца Алексия никогда не было келейника. Он делал всё сам, никто за ним не ухаживал. Представьте теперь положение одинокого старца-схимника. Пришел он еле живой в свою монашескую келию. Кто его здесь ждет? Кто и что ему приготовил? Кто для него позаботился хотя бы о самом нужном и необходимом? И тем не менее в его бедной келейке были порядок и чистота. Одежда его была хотя и бедная, монашеская, но чистая, опрятная, приличная.

Внешняя опрятность и чистота говорили о внутренней душевной его чистоте. И какой большой урок дает нам этим старец! Часто у нас, по нашей лености и нерадению, бывает «образцовый беспорядок» в наших келиях, жилых комнатах. Не говорит ли это о том полном беспорядке, хаосе, неустроенности, которые царят в наших душах? Если

уж мы не можем или не хотим навести внешний порядок в том, что у нас перед глазами, что мы видим, то как же приведем в порядок свою душу, очистим, выметем свои грехи, которых так часто не видим и не замечаем!

Любил старец порядок, любил он внешнюю и внутреннюю чистоту, сам ее соблюдал и учил этому других. Особенное тяготение к нему имели воспитанники и студенты духовных школ. Они старца просто-напросто осаждали. Не давали ему никакого покоя, никакого прохода. Ведь сколько у них разных вопросов, скорбей, волнений! Решиться идти по духовному пути, да еще быть священником в наше туманное, тревожное время — дело совсем не легкое. А тут еще неудачи в учебе: то по грамматике славянского языка получил семинарист двойку, то по догматике ничуть не больше, то по пению — нет слуха, следовательно, тоже «два». Вот с этими всеми скорбями и бегут ребята к схимнику Алексию, выкладывают ему свои переживания, нужды.

Старец понимал своих юных друзей, он знал прекрасно, на что идут эти молодые люди, что их ожидает в будущем, какой крест, может быть, кровавый, готовится им на жизненном пути. Потому он и относился к ним с особой любовью, отеческим вниманием, а главное — горячо молился за них.

Вспоминается одно его краткое, но страшное предсказание. Оно было вызвано поведением одного семинариста, который, находясь в составе студенческой десятки, вел себя на клиросе как-то развязно и непристойно. Видя его «не блестящее» поведение, один монах сказал об этом схиигумену Алексию, который проходил мимо клироса. Старец кротко посмотрел в сторону семинаристов и тихо сказал: «Не брани их, не надо. Они ведь учатся на великое горе...» Когда мне сказали об этом, я был поражен словами старца и в душе своей грешной был недоволен, что он так резко и устрашающе говорит об учащихся. Мне казалось, что надо было бы ободрять учащихся на тяжелом пути и оте-

ческим словом воодушевлять их, а тут совсем наоборот: старец устрашает своим пророчеством об их будущем горе. Но ведь, по существу, пастырский подвиг есть мученичество. Вот старец Божий и имел в виду, что будущее у этих молодых людей горькое, трудное и многострадальное.

Предо мной старая групповая фотография 1953 года. На ней отец наместник и некоторые из братии. С правой стороны от отца наместника четвертым сидит схиигумен Алексий. На нем вся схимническая одежда. Смущен он, озадачен и как-то неловко сидит в кресле. Послушание: приказали — вот и пришел. Монашеское ведь дело. Что скажут, куда пошлют — пойдешь. Конечно, заставили, — и как он неудобно, неуютно чувствует себя перед объективом фотоаппарата! Кроткая и нежная душа! Точно дитя малое смущается пред лицом взрослых, так он чувствует себя неловко за этим мирским незадачливым занятием. Да разве бы он стал фотографироваться? И зачем ему всё это? Так говорит вся его фигура, выдает весь его внешний вид. Но как ни трудно тогда было фотографироваться отцу схимничку, а нам теперь очень приятно посмотреть на него. Посмотреть, умилиться душой и озариться светлыми о нем воспоминаниями.

Бурно течет река, далеко расходятся ее волны. Несет она на своем пути всё, что попадается, всё дальше и дальше. Но вот расширяются берега, умиротворяются воды, тише и ровнее скользят они по необъятно широкому руслу. И чем ближе безбрежное море, тем спокойнее и торжественнее становится река, пока не вольется своими водами в неизмеримый, бесконечный океан...

Вот так и жизнь всякого человека, особенно же человека святого, праведного. Сначала бурна и клокотлива его жизнь — жизнь юного подвижника. Сколько борьбы со страстями и пороками! Сколько страшных опасностей и падений! Но чем дальше течет река жизни, тем ровнее, спокойнее становятся дни. Утихают страсти, расширяется духовный кругозор и растет жизненный опыт, глубже

и умереннее делается душа, светлее и радостнее открываются загробные дали, пока не придет душа к своему земному пределу и... трепетно переступив грань смерти, окажется в океане вечности...

Земная жизнь схимника Алексия подходила к своему концу. Можно было не сомневаться, что Господь открыл Своему избраннику время его кончины. Старец стал более задумчив, более собран, кроток в разговоре. Он совсем редко стал появляться на исповеди, редко и в храме Божием. Часто болел. Часто причащался Святых Христовых Таин. Находился более всего в своей келии и, сидя или лежа, читал Иисусову молитву.

Я не ведаю тайны его блаженной смерти. Не знаю, в какие минуты светлые ангелы озарили бедное его жилище... Я... я увидел новый гробик. Он стоял посреди Трапезного храма. Стоял одинокий, украшенный, освещенный горящими свечами. «Умер схимник отец Алексий», — ответил один из братии на мой вопросительный взгляд. Вечером его отпевали. Народ плакал, монахи сосредоточенно собирали в путь своего дорогого собрата. Один из духовных детей старца (ныне он уже архиерей нашей Православной Церкви) сказал глубокое, прочувствованное слово. Помню, почти все рыдали. Был потрясен и я. Потом — последнее целование умершему, и... мерные стуки молота навеки закрыли от нас дорогого отца и молитвенника. Окрыленный духовно молитвами Преподобного Сергия, и этот странник земли, великий труженик святой обители, закончив свой земной путь, голубем светлым воспарил на Небо, где и теперь веселится радостью неизреченной в вечном блаженном чертоге рая.

Слава Тебе, Боже наш, что Ты даешь покой и веселие труженикам земли сей! Слава Тебе, Преблагий, что Ты так щедро награждаешь людей за малые земные труды, соделанные во имя Твое! Как хорошо жить, трудиться, плакать, молиться, когда знаешь, что Отец Небесный так добр, так милостив: не оставит без награды и малое доброе дело наше.

Вот сижу у открытого окна своей келии и вижу, как чистое небо раскинулось над святой обителью. Мерно плывут белые пушистые облака; то озабоченно быстро, то тихо и спокойно пролетают птицы. Веет ветерок и колышет верхушки деревьев. Нерушимо стоят зубчатые стены древней святой обители, оградив собою святые храмы, соборы, часовни, дорогие святыни...

...По двору святой Лавры тихо идет согбенный схимничек. Он как-то странно... или идет, или просто плывет над белой дорожкой... Весь он сияет, весь светится... На лаврской колокольне вдруг раздался вечерний благовест... Как хорошо он будит задремавшего инока. Привидится же такое! Да, ходили они здесь, и совсем недавно. Бывают и теперь они среди нас — но как? Невидимо.

«Вечная ваша память, достоблаженные отцы и братия наша, присноспоминаемии».

БЕССРЕБРЕНИК

Иеромонах Антиох

(Андрей Ильич Ильин)

(1875–1955)

Радуйся, вся мира сего красная,
яко скоро исчезающая, презревый...

Акафист Преподобному Сергию
Радонежскому

Бывают на свете люди, которым можно особенно позавидовать (хотя завидовать и грех). Но мы говорим так попросту, по-человечески. Очень уж эти люди счастливы, блаженны! Они так легки и свободны, точно небесные птицы. Легкая птица парит высоко-высоко в лазурном небе и, кажется, совсем не связана ни с чем земным. Так

и эти люди. Они живут на земле, ходят по ней, делают свои дела, вращаются, как и все живые люди, среди других живущих, но у них есть одно прекрасное качество, которое поднимает их выше всего земного, тленного, мимолетного.

Вот они идут, идут, идут — сонмы пророков, апостолов, мучеников, преподобных, праведных, девственных. Идут светлым строем по два, по два, по два... Идут, едва касаясь земли... Какие это дивные люди! Жили на земле, ходили по ней, но едва касались ее ногами, то есть жили, не пристращаясь, не привязываясь к земным, тленным вещам, а были выше их. Смотрели выше всего тленного. Они идут, идут, едва касаясь земли, а мы ползем, ползем, на мгновение еле оторвавшись от земли, взглянем на небо — и снова ползем, ползем... Ох, как тяжело писать эти строки!.. Но что же делать-то, писать надо. Ведь это правда.

Рассказывают про одного бедного монаха, который был так беден, что ничего решительно не имел у себя. Ничего, кроме... одной златницы, только одной. И эту златницу он любил больше, чем Бога. Гораздо больше. О Боге он очень редко вспоминал. Ну, например, когда читал свое правило монашеское, тогда невольно вспоминал Бога и, хотя машинально, но всё же произносил Его имя. Но об одном ни на минуту не забывал: где бы он ни был, что бы он ни делал, даже во время молитвы, он думал об одной вещи — о златнице. Ужас какой! И вот рассказывают, что когда этот монах приходил в свою келию, то вместо молитвы скорее бросался к несчастной своей златнице и нежно говорил: «Ну, а здесь ли находится мое сокровище?»

Какой несчастный, безумный, жалкий этот человек! Многие скажут так же. Назовут этого человека глупцом, безумцем и еще как-нибудь, если не хуже, потому что он Бога променял на металл, вечную жизнь — на преисподнюю. Осудить мы его, пожалуй, осудим, а сами-то потихонечку делаем то же. Сами-то не меньше этого монаха привязаны и к вещам земным, и к деньгам ничтожным.

Особенно это имеет место в жизни людей безродных, бессемейных, одиноких девиц, вдов и даже монахов и монахинь! «А если я заболею, что тогда будет со мной?! Придет старость — кто меня накормит? Кто похоронит?» И кладут златницу к златнице, прибавляют одну к другой. Скажут: что здесь особенного? Это естественно, предусмотрительно, даже разумно — смотреть вдаль, заботиться о будущем. Но как сухое полено, брошенное в огонь, усиливает пламя, так новая златница, приложенная к другой, увеличивает пламень греховный... Ох, если бы сердце наше осталось беспристрастным к этому! Ведь Господь недаром сказал:*...где сокровище ваше, там будет и сердце ваше* (Мф. 6, 21).

Недавно рассказывали страшный случай, как где-то в Летове (Рязанская область) неожиданно пропала одна молодая инокиня. Она обычно пела в храме. И вот началась вечерняя служба — а ее нет и нет. На другой день — тоже нет. И на третий, и на четвертый... Милиция всех поставила на ноги. Ищут — нет ее. На пятый день бабы пошли по грибы и... увидели в лощине человеческую ногу в ботинке... Прибыли милиция, следователь. Разбросали ветки, землю: она! Пропавшая инокиня Мария, бедная, вся порезанная. Глаза выколоты. Сотни ножевых ран... Кто виноват? Златница. Только не эта бедная великомученица Мария виновна в златнице, нет: она пела в храме почти безвозмездно. Это злодей — лиходей, разбойник. Он узнал, что Мария пошла на почту получать перевод для старой монахини, и вот погубил невинную. Златница... Как это ужасно! Страшно.

Надеющиися на Господа, яко гора Сион: не подвижится в век живый во Иерусалиме (Пс. 124, 1). Чтобы быть свободным от привязанности к чему-либо, надо крепко уповать на Господа. Он кормит. Он хранит. Он утешит, защитит. Уж если о малых птичках, букашечках промышляет Он, то забудет ли Он о человеке? О наше маловерие, холодное безверие! Нищета духа!..

Батюшка, о котором пойдет речь, прибыл в Лавру поздним майским вечером 1948 года. Это был человек старше средних лет, одетый в подержанное осеннее пальто, зимнюю шапку, большие, не по размеру, сапоги. Из вещей — маленькая дорожная сумка. Тогда трудно было определить его занятие. Священник ли он? Монах ли? Мирской ли человек?.. Но по всему его внешнему облику можно было судить, что этот человек нелегко прожил годы прежней своей жизни.

Это был священник, проживший в миру много лет, служивший на многих приходах, отдавший Церкви Божией большую часть своих сил. Как и другие служители престола Божия того времени, он пережил много разных потрясений, обид, огорчений, но за всё благодарил Бога и был бессребреник. Другой его замечательной чертой было то, что он любил всех людей. Хотя он и был в жизни не раз оскорблен, обманут, унижен, однако не потерял веры в человека, в лучшее, святое в нем. Батюшка знал, что как ни глубоко пал человек в тех или иных грехах, преступлениях, однако в нём всегда живет образ и подобие Божие, и поэтому он всегда может быть возвращен на путь добра. В нём всегда живет семя доброе, которое может возрасти при благоприятной обстановке.

Словом, в сердце этого доброго батюшки жил голос евангельской любви. Да и в его ветхой котомочке хранилось завернутое в чистую тряпицу Святое Евангелие — единственное сокровище его души. Он всегда питался словом Божиим, как младенец молоком своей матери. Читал его при всяком удобном случае. В минуты горьких переживаний и искушений он не раз обливал эти священные страницы своими слезами. И особенно связала этого человека со Святым Евангелием трудная земная жизнь, постоянные тревоги и переживания. Не один раз он готов был низвергнуться в пропасть уныния и отчаяния, но когда брал в руки эту святую книгу, всегда приходили в душу отрада и успокоение. Какая-то новая благодатная сила,

как свежая живительная струя, вливалась в измученное сердце и возрождала его к жизни. Да, любил старец Святое Евангелие. Любил его всей душой, так как обязан был слову Божию своей жизнью.

Как часто мы слышим наставления, проповеди о том, что надо читать ежедневно слово Божие, надо непременно освежать свою душу чудесным *источником* этой *живой воды* (ср. Откр. 21, 6). И сами-то мы прекрасно понимаем, что слово Божие есть пища для души нашей, воздух для духовной жизни, что без него мы не сможем спастись и побороть все козни вражии. Но вот читать Святое Евангелие мы никак не научимся, никак мы не привяжемся к нему всей нашей душой. Отчего все это? Да, видимо, оттого, что беремся читать слово Божие с легким, холодным сердцем. Оттого, что мало переживаем душой. Мало или совсем не хотим заниматься крестоношением. А может быть, еще и оттого, что мало несем скорбей, мало страдаем. Живем обычной, мелкой, суетной жизнью.

Одна молодая женщина, когда жила преспокойно со своим мужем, никак не могла приучиться читать ежедневно Святое Евангелие. Но вот угодно было Богу послать ей тяжелое несчастье. Однажды муж ее, возвращавшийся домой глубокой ночью, был зверски убит и обезображен так, что его едва распознали. Несчастная женщина, убитая горем, не находила себе покоя больше ни в чем, как в чтении Святого Евангелия. Она поняла, что всякое земное счастье мимолетно, изменчиво, непостоянно. И до самой своей смерти она читала Евангелие ежедневно. А если позволяло время, то несколько раз в день.

Да, скорби очень роднят нас с Богом и со словом Божиим. А как святые отцы наши — преподобные Серафим Саровский, Тихон Задонский, Дмитрий Ростовский — любили читать Евангелие! Как дорожили им! Несли в душе свои страдания и главное — страдания всего народа своего. Страдали. Из сокровища слова Божия они получали себе утешение и силу в этих страданиях души. Как счаст-

ливы люди, горячо любящие Евангелие, читающие его ежедневно и ревностно исполняющие написанное в нем.

По прибытии в Лавру наш батюшка был принят в число лаврской братии и вскоре пострижен в мантию с именем Антиоха. Иеромонах Антиох нес послушание в Духовской церкви. Там раньше, до 1950 года, ежедневно совершались заупокойные требы: отпевания, панихиды, записывались имена усопших на поминовение. Старец должен был всегда там находиться.

Поскольку Духовская церковь — здание каменное, причем с почти глухими, без больших окон, стенами, и не имеет отопления, то батюшка Антиох всегда там мерз. Потому, чтобы сохранить способность к службе, он имел привычку всегда одеваться так, как будто на дворе вечный январь и сорок градусов мороза или несносная февральская буря. Словом, зимняя засаленная теплая ряса, довольно ветхая скуфья, натянутая до отказа, подшитые валенки и даже варежки на руках были постоянным его «обмундированием».

В Духовской храм мало кто заходил, особенно в зимнюю пору, потому что там была нестерпимая стужа, и старцу совершенно нечего было делать. Он обычно усаживался на поломанный стул, закутывался потеплее и сидел до тех пор, пока не чувствовал, что замерзает. А если заходила какая старушка и во весь голос (так как батюшка был совершенно глухой) заказывала старцу панихиду, то он медленно вставал, зажигал пару маленьких свечек, ставил их к Голгофе и... затягивал таким голосом, что под него никто никогда не мог бы подстроиться. Отец Антиох был совершенно без слуха, пел сразу на все тона и гласы. Голос у него был такой грубый-прегрубый. Пел он без всяких мелодий и ритма, а просто так, как ему вздумается, поэтому старец и служил, как правило, один. Петь с ним вместе было совершенно немыслимо и невозможно.

В летний период Духовская церковь оживала, вместе с ней оживал и цвел отец Антиох. Как он любил летнюю и особен-

но весеннюю пору! Жизнь начинала бить ключом у отца Антиоха обычно после Святой Троицы и Духова дня. В Духов день — престольный праздник этого храма — совершалась там по лаврской традиции праздничная Божественная литургия. Отец Антиох обычно вместе с другими священнослужителями служил и причащался Святых Христовых Таин. В этот день его можно было видеть особенно просветленным, одухотворенным, благодатно-радостным. «У вас, старец, сегодня вторая Пасха», — бывало, скажет ему кто из братии. Он приветливо улыбнется, покивает своей седой головой, будто слышит, потом что-то грубым голосом добродушно пробормочет и тихо-тихо пойдет в свою келейку.

Душой своей человек этот был ангел. Никого он никогда не обидит, никого не обманет. Даже всякому послушнику поклонится, по-своему улыбнется. Чувствовалось, что в этом простом, мужиковатом старце живет крепкий, сильный дух, благодать Божия, большой духовный и жизненный опыт.

Если говорить об особых добродетелях отца Антиоха, то мы уже ранее упомянули, что душа этого старца украшалась бескорыстием. Совершая отпевания и панихиды в Духовской церкви, старец постоянно был вынужден обращаться с деньгами. Этот «мусор», как называл он деньги, всегда был пред его глазами. Но сердце его было свободно от какого-либо пристрастия к ним. Старец жил высокой духовной жизнью, и потому земные вещи для него были совершенно ничтожными, бесценными. Он знал другие ценности; другое, духовное сокровище влекло его сердце — добродетельная жизнь, жемчужины смирения, чистоты, кротости, воздержания, бескорыстия. Эти ценности всегда высоки, вечны, и только они являются истинным украшением человека. И только они вводят душу в вечную жизнь, в жизнь с Богом, святыми ангелами и святыми угодниками Божиими.

Как корабль, наполненный всякими сокровищами, тихо подходит к заветной пристани, так и душа праведника, укра-

шенная добродетелями и исполненная духовным богатством, тихо приближается к концу своего земного странствования. Иеромонах Антиох с каждым днем заметно физически увядал, как цветок на заходе солнца. Он уже меньше стал появляться среди братии Лавры. Иногда казалось, что его уже совсем и нет в живых. Но он жил духовно-благодатно и сокровенно, мало показывался людям, физически делался всё слабее и слабее. В любимую им Духовскую церковь он теперь приходил изредка, только помолиться. Там отправлял требы уже другой иеромонах, помоложе. А отца Антиоха, как слабенького старца, освободили на покой. Придет, помолится, посмотрит, утрет незваную слезу стареньким платочком — и снова в свою тихую келию.

Он очень привык к своей старенькой зимней рясе. Хотя теперь было лето и он не должен был, как раньше, сидеть в Духовской церкви, но у него и надеть-то больше было нечего. Одним словом, отец Антиох по одежде оставался тот же, что и раньше; физически, телом, увядал, а душой обновлялся.

...Если внешний наш человек тлеет, то внутренний со дня на день обновляется (2 Кор. 4, 16), — говорит святой апостол. Кто может в полноте понять эту нашу христианскую радость? Радость нового рождения для жизни в ином мире! Радость духовного обновления при бесповоротном ветшании тела! Какое огромное утешение дает нам наша вера в будущую жизнь! Земная жизнь заканчивается, приходит к неизбежному своему концу. Но жизни еще не конец. Она, по существу, только начинается. Настоящая, полная, живая жизнь, жизнь — только в другом, лучшем мире, мире горнем, небесном. Отсюда вполне понятно становится то благодушное настроение старца, когда он доживает уже считанные дни на земле и не теряет душевной радости, великодушия, а напротив, по мере приближения к смерти всё более и более радуется и веселится.

«Батюшка, отец Антиох, — скажет ему с удивлением брат, пришедший посетить его в болезни, — да ты ведь

вот скоро-скоро умрешь, а всё шутишь да улыбаешься». — «О дитятко мое, — ответит грубоватым голосом старец, — я только еще начинаю жизнь, только-только!..» А сам тихонечко задумается, затихнет после этих слов. Еще более как-то просветлеет, озарится. Вот она, духовная жизнь-то, как богата и радостна! Чем же, спрашивается, будет утешать себя на склоне лет своих человек, не знающий Господа? Если впереди только одна холодная мрачная могила, сырая земля, черви, тление, небытие?!

Вот и сейчас есть такие ветхие старцы, которые одной ногой, как говорится, стоят уже в сырой могиле. Но сколько света, ясности, воодушевления, надежды в их старческих очах!

Кончился очередной учебный день. Ученые монахи шли из Академии. По дороге встречается отец благочинный: «Только вот сейчас скончался отец Антиох». Входим в открытую келию. Старец лежит недвижим на своем бедном монашеском одре. Лицо его покрыто белым полотном. Тайна, непостижимая тайна смерти ощутимо витает вокруг. «Только сейчас испустил дух свой», — говорит тихо стоящий около почившего брат. Так и кажется, что старец стоит душой здесь, среди нас, и смотрит на нас своими глубокими очами. При этой мысли трепет охватывает все члены и рука невольно творит победное крестное знамение.

Старец умирал очень спокойно и благодатно. Накануне он причастился Святых Христовых Таин и потому душой был спокоен и светел. Часа за два до исхода он даже встал со своей постельки и попил горячего чайку, чтобы немного согреться. Что-то тихонечко говорил, будто с кем беседовал. Потом успокоился, вдруг тихонечко запел, тише, тише... и замолк. Глубоко вздохнул, потянулся и — скончался. По келии прошел тихий ветерок, и... всё затихло.

Отпевали отца Антиоха в любимой им Духовской церкви. Народу, кроме братии, было довольно много. Похоронили его на общем городском кладбище в тихой могилке, где он почивает и теперь вечным сном до гласа архангела.

Когда после всего пришли в его келию, то в ней ничего не нашли. Стол, стул, койка да теплая зимняя ряса. Бессребреник. Трудился целый век в поте лица. И что приобрел, и что оставил? Приобрел сокровище бесстрастия и с ним воспарил к небу. А оставил по себе добрую и светлую память истинного труженика на ниве Преподобного Сергия.

ПО ЗОВУ СЕРДЦА

Послушник Александр
(Александр Сергеевич Мелихов)
(1931–1955)

Возлюбил еси смирение; и зельным бдением и молитвами душегубные страсти умертвив...

Канон Преподобному Сергию Радонежскому

Молодость... Какая прекрасная пора! Сколько радужных надежд, мечтаний, планов рождается в душе молодого человека! Молодость — весна человеческой жизни, самое цветущее время человеческого бытия. Свежесть, красота, грация, сила — отличительные свойства юности.

Но есть не просто обыкновенная юность, но юность святая. Это нечто гораздо больше, выше, ценнее. Обыкновенная юность предполагает внешнюю красоту, физическую бодрость, смелость фантазии, жажду мирских наслаждений и прочее. Святая же юность выше этого. Она безмерно ценна внутренней красотой, благоуханием нежности, девственной кристальной чистотой и высоким благодатным настроением. Есть такая прекрасная книга, которая носит название «Святая юность». В ней описана

жизнь святых людей, отражено дивное обаяние их детства, показаны прекрасные черты их благодатной юности. Это не книга, а нежный райский цветник, букет дивной красоты, принесенный из небесных селений. Как счастливы люди, у которых юность была святой! Счастливы, кто не падал в эти ранние годы своей жизни грехами плоти, кто не омрачил своей совести тяжким падением духа.

Вспоминаются здесь слова одного святого отца, который сказал: «Кто прошел безопасно юношеские лета, тот как будто проплыл бурную реку и, оглянувшись назад, благодарит Бога. А иной со слезами на глазах обращается назад и горько ругает себя... Того никогда не воротишь, что потерял в юности. Кто падал, тот достигнет ли того, чем обладает не падавший?..»*

Мы живем в такие времена, когда юность окружена многими тревогами, переживаниями, смутами. Минувшая мировая война — сколько она погубила юных душ! Истерзала, изуродовала, искалечила. А теперь разве не гудит грозный набат военной истерии в разных местах земного шара? Но юность хочет жить. Она хочет мира — мира в душе, мира с Богом.

Особое счастье находит юная душа, когда она прилепляется всем сердцем к Господу. Невозможно выразить никакими словами тех блаженных переживаний, какие испытывает юное сердце от любви к своему Создателю. Ведь юной душе, особенно чистой, неоскверненной, смиренно-кроткой и послушной, доступны самые высокие ангельские чувства. А как любит Господь чистое юное сердце! Какой обильной росой нисходит в эту душу благодать Божия! О святая юность! Великий Иоанн Златоуст не находит слов, чтобы достойно воспеть тебя. Да и святые ангелы Божии удивляются твоей красоте и непорочности. И как златокрылые пчелки спешат охранять свой

---

* *Святитель Феофан Затворник.* Путь к спасению. М., 2000. С. 108. — *Прим. ред.*

улей, так святые ангелы слетаются светлой толпой, чтобы охранить юную девственную душу.

Александр был еще совсем юн, когда в первый раз трепетно переступил порог Сергиевой обители. Пришел он вместе со своей родной мамой, которая привела его сюда как единственное свое сокровище. Может быть, она исполнила свой материнский обет, данный Богу в ранние годы ее замужней жизни? Или он сам, этот тихий, кроткий юноша, воспалился горячим желанием служить Господу и, умолив свою милую маму, понудил ее проводить его сюда? Или еще какие благодатные мотивы, ведомые только одному Богу, привели их в обитель Сергия Преподобного?

Когда у ворот святой обители их встретил игумен, они оба упали пред ним ниц и не вставали с земли до тех пор, пока он не пообещал взять юношу в свой монастырь. Надо было видеть ту трогательную картину расставания, какая произошла на этот раз у ворот святой обители. Мать-вдовушка разлучалась навсегда со своим единственным любимым сыном. Сын-малолетка, никого не знавший в своей жизни, кроме своей родной мамы, разлучался с ней. Она, обнявши свое любимое дитя, не могла оторваться от него. Оба плакали слезами разлуки и слезами радости. Наплакавшись, мать отпустила сына. Но, отойдя на несколько шагов от него, она оглянулась и... дальше идти не могла. Подбежав к сыну, она снова его обнимала, снова плакала, а затем, отпустив, пыталась уйти.

Но материнское сердце не выдерживало, чтобы не оглянуться последний раз на милого малютку. Оглянувшись, увидев его печальным, она снова бежала к нему, снова обнимала и плакала — и так несколько раз. Собравшиеся у Святых ворот братия с болью в сердце наблюдали трогательную картину разлуки матери с сыном. Сам престарелый игумен утирал платком слезы. Кроткий юноша стоял, как ангел Божий, и ничего не говорил. Замечательно, что и мать не кричала, не голосила, а только нежно-

нежно смотрела на сына. Наконец юноша поклонился матери до земли и вместе с настоятелем скрылся за Святыми воротами.

Так молодой послушник Александр оказался в Лавре Сергия Преподобного. Тогда ему было не более шестнадцати-семнадцати лет. Так как он хорошо знал грамоту и имел прекрасную память, игумен дал ему послушание продавать свечи.

Надо сказать, что первые дни молодой послушник очень скучал по своей маме. Он часто задумывался о ней, представлял ее дорогое лицо. А когда вечером, помолившись, он ложился спать, то долго не мог заснуть. Всё думал и думал о своей маме. Плакал о ней, а во сне звал ее к себе нежными словами.

Но так было недолго. Постепенно брат Саша стал привыкать к инокам, которые к нему относились с отеческой любовью. Стал дружить с ними. Особенно он привязался сердцем к одному старенькому архимандриту, с которым стоял за ящиком и продавал свечи. Это был старый монах, много-много лет потрудившийся в монастырях и на приходах. Приветливый, подвижный, внимательный, он отечески жалел брата Сашу и развлекал его ласковыми словами в минуты уныния. Особенно Саша повеселел, когда его одели в длинный подрясник. Этот день был для него второй Пасхой. Он, как малое дитя, смеялся, прыгал, бегал в этом длинном одеянии по двору монастырскому, путался, падал, вставал, снова бегал, пока не умаялся. Маму свою, с тех пор как простился с ней у Святых ворот, он больше не видел, но молился о ней горячо, со слезами.

Свое послушание за ящиком брат Александр полюбил, хотя оно и было очень и очень беспокойным и суетным. Особенно сильно доставалось в большие праздники, воскресные дни, поминальные, заупокойные субботы — словом, когда было много народа, и он до изнеможения уставал. В такие дни старушки плотной толпой обступали Сашу, и каждая требовала, чтобы он быстро отпустил ее.

Им хотелось скорее купить свечки, послушать службу, хорошенько помолиться, помянуть своих родных о здравии или за упокой.

Труднее всего было Саше в это время разговаривать и отвечать на вопросы, так как он вообще не любил многословие, всегда молчал и молчал. А здесь вынуждали его к ответам. Свечи были разной цены, до десяти разных сортов. Богомолки всё требовали: той надо за такую-то цену, подороже, а другой подешевле, а третьей самую дорогую и самую дешевую — сразу две, а четвертой несколько дешевых и одну средней цены, не совсем дорогую и не совсем дешевую, а пятой надо разъяснить, почем венчальные свечи, а шестой, а седьмой... О Боже мой, да что это за послушание такое! Но за ящиком, кроме свечей, и просфоры были. И их надо продавать Саше. Да просфоры тоже разные: то самые большие (с явлением Божией Матери Преподобному Сергию), то самые маленькие (с крестиком или с образом одного Преподобного Сергия), то праздничные просфоры, то девятичинные, то заказные, то простые, то с записочкой, то без записочки, то за упокой, то за здравие, то с талончиком, то без талончика, то такие, то другие. Вот тут Саша и разберись. А некоторые обязательно берут и свечечку, и просфорочку, да еще не одну свечечку и не одну просфорочку, а две-три свечечки разного сорта и две-три просфорочки разного сорта. А иные ждать-то не могут — уезжают раньше окончания службы; они заказывают на следующий день или даже на следующую заупокойную субботу. Иным надо записать сорокоуст или выяснить, когда день Ангела, или когда «Госпожинка»*, иным — когда и сколько продолжается мясоед, а иным — в каких числах будет Пасха.

Кроме того, Саше трудно было объясняться с глухими старушками. Дает он ей свечечку, а она говорит (да так медленно: куда ей спешить-то!), что ей совсем свечки-то

---

* «Госпожинка» — праздник Успения Божией Матери. — *Прим. ред.*

не надо, а дай ей просфору. Саша дает ей просфору, а она говорит: «Нет, касатик, мне вовсе не простую надо просфору, а заказную». — «За сколько вы заказываете?» — спросит Саша старушку. А она руку прикладывает к уху: ей еще раз повтори, она не расслышала. Но если Саше удается всё разъяснить, то здесь возникает новое замешательство. Надо подождать, пока бабушка достанет свои деньги: они у нее за восемью узлами. А народ шумит, гудит. Надо скорее. Вот Саша и нервничает. В таких случаях он совсем уходил в себя. Углублялся в свою душу и, чтобы не потерять самообладания, читал Иисусову молитву.

Тяжелое у Саши было послушание. Очень и очень тяжелое. Но он не горевал. Он знал, что его на это дело поставил сам Преподобный Сергий. Поэтому он и не роптал и тем более не отчаивался. Награды себе он здесь, на земле, не ожидал. Да ему ничего и не надо было. Радость его была вся в Боге, в молитве, в послушании. Если у него выпадала свободная минутка, он читал духовные книги. Читал жития святых — это было его самое любимое чтение. Бывало, сидит на скамеечке, сожмется весь в комочек, ничего и никого не видит и читает, читает...

Роста он был невысокого, даже ниже среднего. Сложения плотного. Крепкий он был телом. Иначе, с плохим здоровьем, такое послушание не вынести. Одежда у него всегда была ветхая, плохонькая. Сапоги слишком большие. Ходил он как-то по-особому, совсем не как другие. Шмыгал сапогами, задевал за углы, камни. Вот от этого обувь у него всегда была рваная. «Саша, да у тебя сапог-то каши просит», — скажет, улыбаясь, встречный брат. Саша и виду не подает. Тихонечко поклонится — и пошел дальше.

Года через два по приходе Саши в монастырь ему дали рясофор. Сильно радовался он этому. Старец его, которого Саша особенно любил, благословил ему эту новую одежду, окропил святою водичкой, прочитал особую молитву и обрядил его в рясофор. Чудно и не-

ловко ему было вначале ходить в рясофоре. Особенно клобук налезал ему на глаза, и он не мог видеть, что творится вокруг. А ряска сильно мешала широкими своими рукавами. Когда он продавал свечи или просфоры, то длинные и широкие рукава так мешали Саше, что он прямо не знал, что с ними сделать. А мешали они вот как. Достанет, например, Саша просфорочку, положит ее на ящик, а сам потянется за свечкой, вот тут рукав и заденет за просфорочку, и она полетит вниз. Надо искать. А там, внизу, темно, надо свечку зажигать. Но потом Саша привык и к широким рукавам, и к клобуку. Он просто делал. Когда, например, видел, что народ, как волны, прибывает, прибывает, он снимал свою рясу с длинными и широкими рукавами, снимал клобук и в одном подрясничке работал.

Но бывало и так, что в храме совсем нет народа. Совсем не берут ни свеч, ни просфор. Тогда Саша успокаивался и внимательно-внимательно слушал службу. Он отдыхал и душой, и телом. Но так бывало редко, вечерами в будние дни.

Однажды случилось совсем неожиданное, страшное. Шла торжественная всенощная. Народу был полон собор. Стояло жаркое лето, и хотя собор был каменный и большой, но все же духота была необыкновенная. Вдруг сзади раздался сильный крик — и замолк. На мгновение многие оглянулись. Но всё было спокойно. Только стоявшие около ящика увидели, как Саша взмахнул руками и... рухнул на пол. Он был... нет, не мертв, но в глубоком обмороке. Будто мертв. Совсем недвижим. Его укрыли. Он полежал около получаса и встал как ни в чем не бывало. Только яркая бледность оставалась на его юном лице.

Это происшествие вызвало беспокойство у настоятеля монастыря, и он, разузнав адрес матери, описал ей происшествие с Сашей. К великому огорчению всех, оказалось, что Саша — припадочный с младенческих лет, что с ним это бывало и раньше. Мать пыталась лечить Сашу, но вра-

чи отказались, потому что болезнь была непонятной и душевной. Настоятель предлагал маме взять Сашу домой, но она сказала, что сын дома месяца не проживет, умрет от скуки и болезни. Тогда оставалось разгрузить Сашу от трудной работы за ящиком, что настоятель и сделал.

Однако Саша так привык к своему послушанию, что не переставал приходить по-прежнему за ящик, и когда его силой выводили оттуда, он горько плакал. И плакал так сильно, что настоятель стал опасаться за благополучный исход. Припадки участились. Саша стал падать и во дворе, и в трапезе, и везде. Обращались к врачам не один раз. Возили Сашу в больницу. Вызывали врача на дом. Врачи не смогли помочь. Улучшения не было.

Наступил Великий пост 1955 года. На улице заметно потеплело. Природа пробуждалась к жизни. Солнышко стало ласковее смотреть на землю. Саша повеселел. Болезни как не бывало. Туча задумчивости, хмурости сошла с лица Саши. Он стал разговорчив, общителен, даже ласков с братией монастыря и с народом, когда продавал просфорочки и свечи за ящиком. Но что-то новое появилось в его лице. Все стали это замечать. Не то грусть какая, не то робость, не то луч радости какой-то. Словом, новые, никому не ведомые чувства стали охватывать его душу. Он заметно возмужал, стал серьезным, торжественно-задумчивым. И как-то по-особому стал здороваться с братией. Раньше, бывало, встретится с кем, поклонится молча. Ни слова. И даже в лице не изменится. А теперь при встрече как-то мягко улыбнется — и вдруг, будто тучка темная найдет на его лицо, остепенится и чуть не заплачет... Заметили, что он чаще, чем раньше, стал плакать. То за ящиком призадумается, склонит головку и... заплачет; то на клиросе (где он бывал весьма редко) прослезится, но быстро оправится; а более всего — в своей келии. Брат, с которым он жил, стал часто видеть его плачущим. Особенно когда они вместе читали правило и вечерние молит-

вы. Как-то Саша даже проговорился своему собрату: «Что же мне, брат, оставить тебе на память?..» — и сразу замял свой разговор, перевел на другое. Да, заметно было, что Саша готовился к чему-то важному, серьезному, решающему...

Святой Великий пост, как тихая полноводная река, шел к концу. Святая обитель Сергиева готовилась к встрече великой Светлой Пасхи. Заметно было везде оживление. В храмах чистили подсвечники, мыли полы и натирали их опилками. В алтаре тоже приводили в должный идеальный порядок священные предметы, утварь. На дворе послушники в длинных и рваных подрясниках красили зеленой краской железные ограды. И Саша кое-что прибрал за своим ящиком. Ну, например, заточил красиво карандаши, которыми старушки пишут свои записочки о здравии или за упокой. Еще он привел в порядок свечи, поправил их по-праздничному. Они теперь ровно и красиво лежали на своих местах. Собрал в углу бумажки, которых была всегда куча, и вынес их из храма. Да и у себя в одежде он кое-что исправил. Например, зашил дырочки на ряске, сапоги подбил гвоздями, так что большой дыры не стало. Ну и еще кое-что уладил.

Канун праздника Благовещения. Это зарница Святой Пасхи, первые тихие лучи пасхального настроения. Благовещение. Архангел Гавриил с неба принес благую весть Деве Марии о рождении от Нее Спасителя, Сына Божия. Мы не знаем тайн Божиих... Сколько их, нераскрытых, ведомых одному Богу! Сколько их, этих тайн, совершается и теперь в нашей жизни, в судьбе каждого из нас! Сколько этих тайн! Мы не знаем: может быть, в канун Благовещения и к Саше прилетал ангел с неба, чтобы возвестить ему радость... Он об этом никому не говорил, ни с кем не делился. Да и разве о таких вещах говорят? Ведь это тайна Божия...

В канун Благовещения, утром, часов в восемь, Сашу нашли мертвым... Его ждали в храм на послушание —

нет. Искали в храме, во дворе — нет. Пошли в его келию. Постучались, сотворили молитву — ответа не было. Дверь была не заперта. Открыли... Он лежит бочком на койке. «Саша, вставай! Скорее, Саша!» Ответа не было. Один из двух пришедших братьев подошел ближе к койке. Какой-то страх охватил всё его существо. «Саша!» Саша лежал недвижим. Подошел другой. Посмотрел в лицо — спокойное, тихое, как будто он заснул. «Ну, Сашка, вставай же, ждут тебя в храме». Один, что посмелее, взял его за голову, стал трепать потихоньку. Саша не просыпался. Вдруг страшная мысль осенила их обоих. Умер? Боже мой, неужели умер Саша? Да, послушник Александр, по прозвищу Свечник, был мертв... Смерть неожиданно постигла его в канун праздника Благовещения. Ангел смерти незримо взял его святую душу и восхитил в небеса. Взмыл, как молния, к Престолу Божию, туда, где вечно горят свечи сиянием неизреченным, где поют ангельские дивные голоса, где радость веселит сердце блаженством неизглаголанным...

Тихо мерцает лампадочка, освещая кроткий образ Богоматери... Тот образ, который так любил при своей краткой земной жизни Саша. Тихо горит свеча в руке брата, который читает Псалтирь по усопшему. Мерно и трогательно звучит в убогой монашеской келии голос: *Блажени непорочнии в путь, ходящии в законе Господни. Блажени испытающии свидения Его, всем сердцем взыщут Его* (Пс.118, 1–2). «Боже Ты мой! — молнией врывается мысль. — Какая же краткая жизнь человеческая; человек, как трава... Только вчера Саша ходил, трудился, молился, переживал, а вот теперь... Ничего ему не надо. Всё осталось здесь. Как он любил вот эти иконки, что украшают его келию! И они остались. Собирал, устраивал, хлопотал... А сейчас тихо-тихо лежит, успокоился навеки. Что наша жизнь? Господи, Господи, упокой душу его в месте светле, в месте злачне... а здесь он мучился,

страдал, болел — неужели и там?! Нет, Господи, не надо, упокой его. Он так мало жил, больше переживал, молился Тебе, и Ты, Господи, его утешал... Он по зову сердца пришел в эту святую обитель, чтобы Тебе послужить, Господи...»

Тихо догорает свеча, капли воска падают на пол. Плачет она, эта свечечка, роняет свои горячие слезы... Так он любил трудиться с этими свечечками! Всю свою молодую жизнь отдал им. И сколько теперь зажжется их за упокой послушника Александра, и все они будут плакать, ронять свои слезы... «Господи, упокой душу его...»

Брат взял другую свечу, зажег и продолжал читать. Длинные тени ложились по стенам, полу, потолку. Пламечко свечи колебалось. Тени чудовищно изгибались, ходили, как живые, причудливые, темные, как призраки, как могильные ночные тени духов на кладбищах в темную осеннюю ночь... Духи... призраки... страшные призраки... В эту минуту на колокольне часы ударили двенадцать ночи. В открытую форточку окна волной пахнул ветерок. Лампадочка у иконы потухла... Дрожь пробежала по всему телу брата. Страх и трепет охватили его душу. Рука дрогнула и выронила горящую свечу... Непроницаемый могильный мрак воцарился в келии... «Бам, бам, бам», — протяжно неслось с колокольни. Двенадцать ночи... один на один с мертвецом... Будто шорох послышался сзади от гроба... Скрип пола, шаги... «Духи, призраки», — пронеслось в голове...

В дверь раздался стук. Тихий голос читал: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас». — «Слава Богу», — глубоко вздохнул брат всей грудью и перекрестился. Пришла смена.

Когда Сашу хоронили, народу было совсем мало. А родных — одна мать. Но, как бы в награду Саше, на подсвечниках, которые стояли по углам его гроба, горело много-много свечей. Они горели ярко, весело, без всякого дыма и треска. Тихо было на душе у всей

братии. И тихим был день похорон. Второй день Благовещения.

Когда братия вернулись с кладбища домой, одного среди них не хватало: Саша-свечник остался там... Почти самый юный и самый счастливый. Он остался в сырой и темной могилке... И теперь, когда иеромонах в Радоницу или какой другой день поминовения с кадилом и фимиамом придет на кладбище навестить своих усопших братий, то обязательно остановится около одинокой могилки с небольшим крестиком. Пропоет панихиду о свечнике Саше. Соберутся около него богомольные старушки и наставят прямо на могилку много-много свечей... И они горят, горят. Пламечко ветром колеблется, фимиам кадильный по ветру несется...

Мало пожил послушник Александр у Преподобного Сергия, мало пожил он на свете, но душой окрылился. Троица Святая, в доме Которой он так любовно трудился, возлюбила его. Очищенная душа его, окрыленная благодатию и молитвами Сергия Преподобного, воспарила в светлый день Благовещения в синюю лазурь неба. Там сияет теперь новая маленькая звездочка в дивном хоре небесных светил. Сияет вечно.

Дорогой брат наш Александр, по зову сердца ты пришел во святую обитель Преподобного Сергия. Юность свою святую употребил на послушание. Оно тебя и возвысило, и вознесло к горним райским селениям, к сияющему, как молния, Престолу Святой Троицы. Поминай нас, не забывай, поставь за нас пред вечно живым Богом горящую свечку... Ты был свечник здесь, в земном доме Троицы, значит, и там, в Ее небесном доме, пребывать тебе в вечном благодатном свете... Аминь.

ЕЩЕ ОДНА ЗВЕЗДОЧКА

Иеромонах Киприан
(Козьма Емельянович Стороженко)
(1872–1953)

Светло житие твое, Преподобне Сергие, и известно всем концем явися, и божественныя доброты исполнено...

Канон Преподобному Сергию Радонежскому

В тихую зимнюю ночь небо сияет миллионами ярких звезд. Как драгоценный бисер рассыпан по необъятному небосклону — звезды великие и малые. Ярко-светлые и менее светлые, а иные и совсем затемненные. Какая дивная и непередаваемая красота! Какое величие! Какая бесконечность!.. Еще в глубокой древности великий пророк, поднимая к небу свою убеленную сединами главу, с изумлением взывал: *Небеса поведают славу Божию, творение же руку Его возвещает твердь... Яко возвеличишася дела Твоя, Господи, вся премудростию сотворил еси...* (Пс. 18, 2; 103, 24).

На церковном небе тоже есть звезды. Одни из них ярко-светлые, другие потемнее, третьи еще темнее, четвертых совсем не видно. И если небо видимое вызывает у людей восхищение, то небо невидимое, благодатное не удивит ли своей красотой внимательного наблюдателя? Как оно красиво, как величественно! Как бесконечно дивно и восхитительно! А какие там светлые звезды! Какие светила! Это наши святые отцы Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, святители Московские Петр, Иона, Алексий, Филипп, Гермоген... Да сколько их!.. Звезды, звезды, звезды...

Святой апостол сказал: *Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; звезда от звезды разнится в сла-*

ве (1 Кор. 15, 41). Полное прославление святых Божиих людей будет в день Страшного Суда, после всеобщего воскресения мертвых. А теперь? Теперь праведники (непрославленные) сияют сокровенным светом, малозаметным, затемненным. Вглядись внимательно в жизнь добрых людей, даже наших современников, — увидишь дивное... Увидишь сияние многих невидимых звезд, горящих благодатным светом на церковном лазурном небе. Но вот в одно таинственное мгновение присоединилась к ним еще одна маленькая-маленькая звездочка... Это случилось тихой апрельской ночью 1953 года.

В одной из келий Троице-Сергиевой Лавры тихо мерцает огонек. Вокруг все спит глубоким сном, лишь ночной мрак разливается повсюду. Вот только в этом одиноком оконце тихим мерцанием виднеется свет. Да, кажется, и келия совсем пустая, будто там никого и нет. Но вот кто-то тихо вздыхает... будто стонет. Или молится... В одном углу келии виднеется монашеский одр. Тихий свет лампады падает мягким лучом на этот угол. Там иеромонах отец Киприан с молитвой на устах бесстрашно встречается со смертью. Он совсем один. Братия его духовные спят каждый в своей келии. Одному глубокой ночью встретить страшную гостью — смерть! Смерть... Как многие ее боятся, трепещут от одного ее названия! Сильные, ученые, славные, богатые — все с ужасом о ней вспоминают. Еще бы! Ведь она никого не щадит. Она со всеми ведет короткий разговор. Готов или не готов, хочешь или не хочешь — давай, кончай все расчеты с земными делами. Пришел конец жизни. Теперь — к грозному ответу. К ответу...

Рассказывают про одного крупного богача, который собрал несметное богатство, но вдруг заболел. Чувствует душой, что идет к нему смерть. Зовет знаменитого профессора и умоляет его дать ему здоровье, дабы пожить, не умереть. Доктор с сожалением говорит, что больному осталось жить всего три дня. Богач в ужасе. Он со слеза-

ми молит профессора, чтобы тот продлил ему жизнь хоть на три месяца и в дар обещает дать половину своего богатства. Но доктор покачал головой и снова сказал, что этого сделать нельзя. Тогда несчастный еще сильнее, с отчаянием, слезно просит его, чтобы он хоть на три недели продлил ему жизнь, и обещает отдать ему все свое богатство. Доктор кратко ответил: «Невозможно». Как не хотелось умирать этому богачу! Как он боялся страшного конца, боялся смерти!.. Умер несчастный. Всё оставил. Богатство не помогло. Вот где мудрость жизни и тайна науки умирать. Надо учиться хорошо жить, но еще более надо учиться хорошо умирать.

...Отец Киприан один в пустой келии. Темная ночь. Только тихий луч лампады мягко освещает старческое лицо и придает ему еще большую бледность. Глубокие глаза отца Киприана открыты и неподвижно смотрят на святой угол. «Господи, — шепчут холодные уста, — Господи, с миром приими дух мой». Вдруг что-то загромыхало в темном углу, будто что-то рухнуло: валятся, рушатся потолок, стены, крыша — и сразу всё смолкло, затихло, как в могиле, только в этой гробовой тишине слышалось чье-то глухое рычанье, свист, клокотание... ближе, ближе — и у самого уха умирающего разразился злорадный демонский смех... Не шелохнулся старец, даже не вздрогнул. Не сводя потухающего взора со святых икон, он тихо шептал молитву... Чары продолжались. Старец не уступал. Вся келия шаталась, потолок валился, летели бревна, доски, стекла. Старец мужественно и бесстрашно боролся и призывал помощь Божию. Вдруг будто солнце осияло келию. Сильный луч света озарил святой угол, стены, умирающего. Мрачные козни бесовские исчезли, как дым... Всё стихло. Видно было, как лицо старца приняло мирное, блаженное выражение. «Господи Ты мой, Господи, Матерь Божия, Сергий Преподобный», — всё тише, тише шептали уста. Потом старец будто хотел выпрямиться, потянулся, глубоко-глубоко вздохнул и... скончался.

Единственная лампадочка у святых икон продолжала гореть, тихо освещая блаженного покойника. Мертвая тишина водворилась в келии. А со двора монастырского видно было, как в одиноком оконце отца Киприана светится огонек...

Козьма Емельянович Стороженко — так звали отца Киприана в миру. Одному Господу известно, где он родился и воспитывайся. В Лавру, под спасительный кров Сергия Преподобного, он пришел примерно в 1948–1949 году. Какое он имел образование, занятие — всё это ведомо одному Богу. Известно только, что он исполнял все послушания, а определенного послушания не имел.

Отец Киприан был старец среднего роста, немного сутуловат. Волосы на голове и в бороде седые. Лицо доброе и открытое. Глаза по-детски чистые, лучистые. Одевался просто и даже бедно. Любил общаться с братией, побеседовать, поговорить о всем добром и спасительном. Любил церковную службу. Правда, певец и чтец он был неважный. Голос неопределенный: не то баритон, не то легкий бас или даже, скорее, второй тенор. Почти всегда он служил молебны у священной раки Преподобного Сергия. И делал он это с большой любовью и усердием. Служил он и панихиды по седмицам, то после ранней литургии, то после поздней — по очереди, как обычно делается во святой Лавре. Любил отец Киприан прочитывать записочки все до одной. Ни одну не пропустит, хотя читать ему было трудно. Носил он очки: зрение было слабое.

По своим внутренним свойствам он был настоящий монах. Девственник, кроткий по нраву, добрый по сердцу, смиренный по душе. Молитвенник, некорыстолюбивый. Деньги терпеть не мог. «Это мусор, да еще прикрашенный», — говорил он о деньгах. Любил подавать милостыню. Хотя своего у него ничего не было, но ему подавали старушки — так он одной рукой брал, а другой отдавал.

Особенной его добродетелью была святая простота. Он так был прост, так бесхитростен, что похож был на малое

дитя. Однако очень любил говорить мудрые изречения, пословицы, поговорки, но такие, которые были полезны для души. Так, встречая одну старушку, у которой много было семейных скорбей, он говорил ей: «Мать, умудряйся и пред всеми смиряйся... И в этом получишь себе благодать и утешение».

Молодым и неопытным в духовной жизни он обычно говорил так: «Как хочешь живи, спасайся, но своему разуму не доверяйся». Или такую пословицу: «Что хочешь делай, а по своей воле не будешь белой». Ученым мудрецам или студентам Духовной академии он сказывал такие, например, слова: «Если хочешь, дружок ты мой, убедиться, надо прежде смириться, а потом и покориться».

Часто приступали к отцу Киприану целой стайкой юные и резвые девушки, зная, что он что-нибудь скажет им остроумное, смешное. А он вдруг сделается совсем-совсем строгий и тихонечко внушительно скажет: «Розы всегда растут в шипах, а добродетель — в скорбях. Идите охотно тернистым путем, он приведет вас к вечной радости. Храните целомудрие, уста заключенные, сердце неуязвленное...»

Старец очень и очень не любил ленивых и нерадивых, к которым был чрезвычайно суров и строг. Одной монахине он говорил так: «Себя понуждайте, сердце свое смиряйте, никого не осуждайте. Леность для монаха — смерть, болтовня — ад, а нечистота — преисподняя». Любил старец говорить о чистоте души, о сочетании со Христом — Женихом Нетленным. Молодую девицу он наставлял: «Умри для всего на свете и сочетайся браком духовным с Небесным Женихом. Он — вся радость, вся красота, вся чистота, всё веселие вечное...»

Охотникам поболтать, поговорить, порядить он обычно говорил: «А вы, мои други, всех любите и всех бегите. Хорошо быть вместе, но лучше — с Богом. Хороший разговор — серебро, а молчание — золото, пустой же разговор — зловонная пыль, которая разъедает глаза».

Одной особе, которая была чрезвычайно изысканно разряжена, отец Киприан внушительно сказал: «О, матушка, одеты-то мы хорошо бываем, да каково сердце сохраняем?» Любил старец в человеке более внутреннюю сторону, сокровенные качества души, скрываемые добродетели, хранимые в глубокой тайне по смиренномудрию истинному.

Одна молодая девица сильно рвалась в монастырь. Старец удерживал ее, зная ее горячий нрав и строптивость. А однажды, когда она особенно стала наступать на старца и требовать от него благословение жить в монастыре, он посуровел, подумал да и говорит: «Э, горькая пташка, да ведь жить в монастыре без смирения — одно мучение. В миру терпения нужно воз, а в монастыре — целый обоз».

А одна почтенная инокиня до того надоела старцу своими суетными делами да всякими мирскими хлопотами, что батюшка отец Киприан прямо вскипел и сказал: «Живем-живем да всё тужим и никому толком не служим: ни Богу, ни людям, ни своей душе, — а избрали путь-то какой?..»

В беседе с одной опытной послушницей отец Киприан долго-долго слушал ее высокое рассуждение. Она горячо говорила старцу о близости души к Богу, о том, что она так много пережила высоких благодатных порывов, что она всегда чувствует теплоту благодатную у своего сердца. Старец слушал-слушал да и говорит: «Вот что, сестра, если хочешь жить легко и быть к Богу близко, держи сердце высоко, а голову — низко». Этим он призывал свою собеседницу к истинному смирению, чтобы она не гордилась своими благодатными переживаниями, не высказывала их другим, а хранила бы их глубоко в своем сердце. Ибо смиренное сердце высоко-высоко пред Богом.

А другой подобной собеседнице, которая приехала из какого-то пустынного места, старец сказал: «Живешь-то ты в пустыне, а дела-то у тебя пустые. Живи смирнее и для всех будешь милее; ищи душе прибыли и не желай другим гибели...»

Одна добрая и ревностная игуменья, управлявшая женским монастырем в Киеве, много говорила отцу Киприану о сестрах своих, что с ними трудно: они бывают непослушные, гордые, самодовольные, самочинные, а иные прямо-таки неисправимые. О последних матушка отзывалась так, что их надо бы просто гнать из святой обители как заразительных, опасных для других сестер. Отец Киприан всё это слушал, покачивал своей седой головой, а потом и говорит игуменье: «Вот что, матушка, жемчужина, бывает, родится в грубой раковине, да такой неприглядной-неприглядной. Не сбывай с рук постылого: отберет Бог и милого». Этими словами старец напоминал настоятельнице, что и в плохом человеке живет душа — жемчужина, над которой надо много-много терпеливо трудиться, чтобы очистить ее от грубой коры. И тогда она засияет чудным сиянием красоты, чистоты и всеми христианскими добродетелями.

Как часто мы неосторожно судим человека, впавшего в какой-либо грех! Судим строго, как будто мы настоящие судьи. А оказывается, мы сами-то подсудимые. Нас самих надо бы судить еще строже. Святые отцы говорят, что осуждение другого есть признак неочищенной, порочной души. Святой апостол учит быть строгим к себе и снисходительным к другому. Господь наш Иисус Христос обещает не осуждать на Страшном Суде того, кто никого не осудил в жизни. *Не судите, да не судимы будете* (Мф. 7, 1). Долго старец беседовал с этой игуменьей, говорил ей о пользе рассуждения, о пользе молчания, о пользе целомудрия и многое другое полезное, а в конце сказал: «Матушка, матушка, умудряйтесь, друг перед другом смиряйтесь! Это основное и главное в монашеской жизни».

Так трудился и совершал свой земной путь отец Киприан под кровом Сергия Преподобного. Любил он горячо свою святую обитель. Жил и дышал ее молитвами и постепенно укреплялся душой, готовя себя к вечной жизни. В начале апреля 1953 года он сильно заболел. Болезнь его была какая-то непонятная. Скорее всего, он крайне обес-

силел по старости: ведь ему было уже за восемьдесят. Но он всё продолжал служить молебны у священной раки Преподобного, хотя уже с трудом передвигался. «Старец Божий, — скажет ему кто-либо из братии, — тебе уже пора на покой, а ты всё трудишься». Улыбнется отец Киприан, да и скажет опять присказку свою любимую: «Поделай, поделай, пока есть день белый...»

В середине апреля он совсем занемог. Сидел или больше лежал в своей келии. Келейника он себе никогда не просил, — даже теперь, когда сам почти ничего не мог делать, он обходился без келейника. «Старец, — сказал ему однажды отец благочинный, — может, дать тебе келейника, ведь сам-то ты совсем беспомощный?» — «Спасибо, батюшка, спасибо, — ответил отец Киприан, — у меня хороший свой келейник есть». — «Да кто же это у тебя?» — поинтересовался отец благочинный. — «А Киприан-то иеромонах — он у меня всё делает».

Так старец до последнего дня не оставлял своего благочестивого юмора. И всё мудрил своими шутками. Потом он совсем слег в постель. Почти перестал есть, хотя ему приносили каждый день с братской кухни всё горячее. А потом, видя, что старец всё равно ничего не ест, и носить совсем перестали.

И диво — чем только жил отец Киприан? Правда, он часто причащался Святых Христовых Таин — почти каждые два дня. Вот это было его пищей и радостью. После Святого Причащения он всегда как-то свежел, делался веселее, радостнее. Даже встанет со своей коечки да походит немного по келии. Спал он тоже очень мало. Чуть-чуть забудется и опять откроет свои глаза. И всё шептал Иисусову молитву. Она была его главным и постоянным утешением. Иногда он совсем затихал. Даже не слышно было и шепота. Но по выражению лица можно было видеть, что старец молится умной молитвой, сокровенной.

Сначала, когда он заболел, к нему всё ходили братия навещать, а потом совсем не стали ходить. Целыми дня-

ми и ночами старец был совсем один. И он не обижался ни на кого. А если что-либо подать — так ему ничего не нужно, он ничего не употреблял. Вот и лежал день за днем, готовясь переходить в иной, загробный мир. Так как койка стояла недалеко от окна, то ему хорошо был виден кусочек неба. Старец устремлял свой взор то на небо, то на святой образ в углу. Особенно внимательно он вглядывался в небесную высь в ночное время, когда небо было усеяно яркими звездами. В его маленькое окно видна была одна яркая звездочка. Хотя она и была совсем-совсем крошечной, но сияла так сильно! Эта звездочка одиноко блестела в стороне от всех других. Но в эту ночь — в последнюю свою ночь — старец с изумлением заметил, что около одинокой звезды загорелась еще одна. «Еще одна звездочка, — тихо промолвил себе старец. — Еще одна загорелась...»

В эту ночь он и скончался. На дворе монастырском всё было по-ночному темно и спокойно, только в одном оконце — в келии отца Киприана — тихо светился огонек... И внимательный глаз духовного человека мог заметить, наверно, что в эту ночь в далеком небе — благодатном, церковном — загорелась еще одна звездочка...

Хоронили батюшку, как и всех братий, тихо, скромно, по монашескому чину. Старички-иноки поплакали: им тоже подходила очередь. Молодые сосредоточенно хлопотали у гроба. Отпели, положили гроб в закрытую машину и отвезли на место покоя. Курганчик могильный и теперь чуть-чуть возвышается над землей. Стоит крестик, растет трава, тихо веет ветерок.

Так один за другим воспаряли к высокому небу окрыленные «голуби» из обители Преподобного Сергия. Одни улетали ввысь, а другие занимали их место, чтобы снова трудиться, прославлять Святую Троицу и собой украшать обитель святую великого Сергия.

НЕРАЗГАДАННАЯ ТАЙНА

Послушник Константин
(†1951)

Светом Божественным осияем, и со ангелы ныне на небесех водворяйся...

Канон Преподобному Сергию Радонежскому

Тайна. Какое это великое и многозначительное слово! Есть тайны личные, тайны семейные, тайны государственные, церковные, Божественные... Сколько этих тайн? Самые малые тайны — это личные, а самые большие — Божественные. В христианском понятии (говорим: в промыслительном) тайны личные сорастворяются, если можно так выразиться, в тайнах Божественных. Например, жизнь человека, его судьба совершаются в плане Божественного Промысла, то есть всё, что ни случается в человеческой жизни, — всё это не без воли Божией. Отсюда и жизнь христианская — это особая жизнь. Так младенец растет и сохраняется под опекой родной матери: мать за ним смотрит, она его учит ходить, она кормит его, бережет от всего недоброго, вредного. Так точно и Господь поступает с христианином: хранит его, питает, наставляет, наказывает, спасает. Какая в этом радость для нас, верующих в Господа! Даже когда мы нагрешим, Господь нас больше очищает, исправляет, чем наказывает или карает.

Да, в жизни человека много тайн, очень и очень много. Кругом тайны, везде тайны, каждую минуту совершаются тайны.

Ну, например, начнем с раннего утра. Пробудился человек от сна. Знает ли он, что проживет этот день благополучно или умрет в этот день? Не знает. Тайна. Пошел он на свою службу. Уверен ли он в том, что на работе у него

сегодня всё обойдется без несчастья? Не уверен. Тайна. Задумал он что-нибудь сегодня сделать. А может ли он вас заверить, что непременно это сделает? Не может. Тайна. Ложится спать. Проснется ли утром в здравии и вообще проснется ли? А может, умрет ночью? Тайна. Кругом тайны, тайны, тайны. И если говорят, что всё возможно для человека, что человеческий разум всемогущ, это — ошибка. Всё возможно только одному Богу. Он один Всемогущ, Всеведущ, Всесилен. Ему слава, держава вовеки! Аминь.

Хорошо жить с Господом, хорошо во всем доверять Ему. Хорошо любить Его, веровать в Него, служить Ему. Счастливы люди, которые сделали правильный выбор в жизни — жить с Господом. Им никакие неожиданности, никакие тайны не страшны.

***

В Италии горел город. Падали, рушились огромные здания. Пламя, как море, бушевало везде. Гибло множество людей. Их живьем заваливали камни зданий, пожирал пламень огня. Они бежали по горящим улицам, кричали, взывали о помощи, давили друг друга. Ад кромешный! На краю города, где пламя и смятение были так же сильны, у калитки одного дома стояли два человека: маленький мальчик и седой старик. Они были очень спокойны, будто их совсем ничего не касалось, хотя рядом с ними всё пылало в огне, и рушились с грохотом стены домов. Мимо бежали люди, гонимые страхом и ужасом, а эти двое стояли спокойно. Мальчик тонким голосочком говорил: «А мы не боимся, нам совсем не страшно». В своих тонких ручонках он держал образ Божией Матери, а дед стоял и тихо крестился... Какие они счастливые! Даже в таком ужасе, в пасти смерти, в бездне огня им не страшно. Они спокойны... С Господом, с надеждой на Его великую помощь люди делаются неустрашимы.

***

На обрывистой скале у моря стоит мрачный замок. В нем когда-то жили люди, он был светел, устроен, красив. Теперь он мрачен и пуст. Мореплаватели на кораблях обходят подальше это место. Пешеходы совсем не бывают здесь. Недоступно высоко, страшно. К тому же по ночам в этом старом неприступном замке творится ужасное. Будто удары грома раскатываются по окрестности, блистающие молнии вырываются из темных, как адская пасть, окон. Вся огромная гора, на которой стоит это чудовищное сооружение, шатается, трясется, дрожит, будто вот-вот расколется, разлетится и обрушится в море. Но минуты две-три — и снова тишина, как в могиле. Снова стоит на неприступной скале замок — угрюмый, страшный, таинственный. Что за ужас! Что там делается? Кто там внутри? Для многих, многих это была тайна, страшная, неразгаданная тайна.

А вот для юной Матроны всё было ясно, нестрашно и даже спасительно. Она одна жила в этом страшном старом замке. Она забралась сюда чудом и спасалась в одиночестве. Но враг рода человеческого не терпел ее подвига. Он гнал ее отсюда страхованиями, привидениями, кознями. Матрона не уходила. Тогда диавол метал громы и молнии, устрашая ее этим. Она не уступала. В одну из ночей он в виде злой, страшной, костлявой старухи приблизился к ней... Матрона прижалась спиной к стене и вынесла ужасную встречу, молясь в душе, призывая Господа на помощь. Наутро единственный человек, который знал о ней и изредка приносил ей пищу, нашел ее в крови, без памяти лежащую на камнях. Очнулась. Не ушла. И не бесы ее, а она прогнала их с этого места*.

Какая сила у человека, когда он с Господом! И кто его может побороть?.. И чтó для него все тайны! Даже тайны страшные, ужасные.

---

* Из жития преподобной Матроны» (память 9/22 ноября). — *Прим. ред.*

Но мы хотим поведать читателю о тайне особой, неразгаданной, ведомой одному только Богу.

...Ему было, как говорят очевидцы, не более тридцати пяти лет от роду. Звали его послушник Константин. Чем занимался, где родился, как воспитывался, какое получил образование — неизвестно. Известно только то, что он пришел в обитель Сергия Преподобного одним из первых по ее открытии. Тогда был период послевоенный, тяжелый во всех отношениях. Люди искали себе места жительства, устроения. Церковь собирала свои рассеянные силы. Монастырь требовал восстановления. Константина потянуло сюда, к святой обители. Видимо, он нелегко пережил эту страшную войну. Вероятно, был в рядах действующей армии. Не один раз, наверно, витала над его головой смерть! Но он остался жив. Хотя и потерял многое в этой ужасной бойне.

Теперь он спокойно трудился и молился под кровом Преподобного Сергия. Принял его авва. Приютил. Приголубил. В свою очередь Константин платил Преподобному сыновней любовью, глубокой преданностью и ревностным усиленным трудом. Ничего не знал Константин о том, что ожидает его впереди. Тайна Божия. Он привык еще с войны доверяться Богу, поручать себя всего Его святой воле. Не думал ни о славе, ни о почестях, ни тем более о богатстве. Просто он пришел в эту святую обитель спасать свою душу — и всё. Но ему готовилось нечто неожиданное, даже почти невероятное. Вот ведь жизнь-то наша человеческая! Живешь и не знаешь, что тебя ожидает завтра: или доброе, или худое, или радость, или горе, или дальнейшая жизнь, или смерть... Вот так было и с Константином. Жил, с любовью Преподобному служил, трудился и совсем не знал, что ждет его в скором времени... Как интересна святая жизнь, жизнь в Боге, доверие Богу, служение Ему до последнего дыхания!

Ранним утром Константин проснулся. Помолившись Богу, хотел идти в храм. Вдруг в дверь его келии посту-

чали. Услышав молитву, он ответил: «Аминь». — «Вас, брат Константин, срочно вызывают в Москву», — сказал ему вошедший отец благочинный. «Меня — в Москву? Да с какой стати?» — с недоумением отозвался послушник. «Поезжайте немедля. Вот вам адрес». Отец благочинный ушел. «Господи, что же это такое? — взмолился послушник Константин. — Знать, беда какая готовится мне. Но да будет на мне Твоя святая воля». Он упал ниц пред образами и так долго лежал недвижим. Потом встал, оделся, взял всё необходимое и вышел. Всю дорогу он молился, читал псалмы на память, какие знал, молитвы. Всё читал, но голова была занята другим: «В Москву зовут. Да почто я им понадобился? Кто я такой и что из себя представляю?»

Когда он вошел в одну из комнат Патриархии, его встретило высокое духовное лицо. «Послушник Константин из Троице-Сергиевой Лавры?» — «Да, Ваше Высокопреосвященство», — смутившись, тихо отвечал пришедший. «Быть вам епископом города...» Брат Константин где стоял, там и присел. «Я плохо слышу, Ваше Высокопреосвященство», — сбиваясь, еле слышно проговорил Константин. «Вам быть епископом. Через два дня хиротония», — четко повторил владыка.

Когда послушник Константин ехал обратно в Лавру, он ничего не соображал. Он только твердил: «Господи, помилуй». У Святых ворот Лавры стояла его родная мать. Она жила недалеко в селе, за городом Загорском. Господь привел ее сюда в этот час. «Сын мой, ты, кажется, из Москвы?» — спросила его ласково мать. «Да, мама, но я сейчас сильно устал», — ответил Константин и быстро удалился в свою келию. Закрывая дверь проходной, он невольно обернулся, взглянул еще раз на свою маму и скрылся в корпусе.

Наутро его нашли мертвым... Когда вошли в келию, все были поражены этой неожиданностью. Он лежал на своей койке вверх лицом. Руки были сложены крестообразно на груди. Лицо выражало не то удивление, не то страх пе-

ред неведомым. Никакого смятения, беспорядка в келии не наблюдалось. Всё было чинно и скромно. Приехавший из Москвы специальный уполномоченный отец архимандрит стоял растерянно в дверях, держа в руках официальное распоряжение от Синода о том, что послушник Константин — епископ.

А он лежал мертвый... Тайна смерти была непроницаемой. Говорили, что послушник Константин сильно переживал неожиданное назначение его епископом. И когда он ночью особенно об этом думал, с ним произошел приступ — разрыв сердца. Это предположение закрепилось навсегда в монастыре. Другие версии, например, будто он в порыве расстройства покончил с собой, а также многое другое, что говорили, было неосновательно. Тем более что мать, присутствовавшая при погребении, говорила, что сын ее Константин с детства страдал повышенной нервозностью и какой-то особой острой возбудимостью. Так или иначе, сам факт неожиданной смерти послушника Константина был чрезвычайно трагичным. Со всех сторон смерть эта была окружена тайной. Даже медицина не могла ничего прояснить. Знал только один Господь, пред Которым открыты все тайны нашей жизни и смерти.

Посудили, порядили, поплакали и похоронили послушника Константина на городском кладбище. Это событие произошло примерно в 1951 году. Мало прошло времени с тех пор, но люди уже успели забыть это имя и сам факт этой таинственной смерти. И только всегда будет помнить об этом родная мать послушника Константина. Она живет где-то недалеко от святой Лавры и время от времени приходит помолиться во святую обитель Преподобного Сергия. И всегда она, встречая кого-либо из монахов Лавры, говорит: «А вы не забудьте моего сына послушника Константина, который умер накануне хиротонии во епископа...» О это материнское сердце, святое и нежно любящее! Никогда оно не забудет свое родное дитя, пока само не разрушится и не умрет!..

Вот и вся история инока Троице-Сергиевой Лавры послушника Константина. Многому она нас научает и вразумляет. Она говорит, что жизнь-то наша вся целиком в руках Божиих, и часто люди предполагают, а Бог располагает... Люди намереваются сделать одно, а Господь делает совсем другое. Поэтому и святой апостол учит нас никогда не загадывать, что, мол, завтра поеду туда или сюда, сделаю вот то-то и то-то. Или куплю, мол, такую вещь да такую. Всё это очень неосновательно и шатко. Всё это человеческое предположение. Но нужно говорить, что вот, если Господу будет угодно, то завтра поеду туда или сюда, сделаю то или это. Так делали и святые отцы наши и все праведники и праведницы, мужи и жены, юноши и девы, угодившие Господу. А нам будто другой закон. Мы делаем всё по-своему. Самовольно да самочинно, самовластно да бесчинно. Очень уж все мы мудры теперь стали. Всё хотим сами поделать да часто и без Бога. Одной человеческой волей. И вот получается у нас всё прахом и на песке.

Господи, помоги Ты нам жить по Твоей святой воле. Научи нас во всем полагаться и надеяться только на Тебя. Ведь Ты один только знаешь и ведаешь всё и везде. И всё по Твоей святой воле существует. Вразуми нас, укрепи, сохрани и спаси, ибо Тебе подобает слава и держава во веки веков. Аминь.

Заключение

Вот и заканчивается первая часть моих «Воспоминаний». В ней говорится, как видите, о восьми иноках Троице-Сергиевой Лавры, которые жили во святой обители до 1955 года. Воспоминания эти написаны простым языком, чтобы они всем были понятны и доступны. Я хотел даже писать еще проще и яснее, но у меня, как видите, это не получилось. Сожалею. Но что делать, говорят, что простота, как и всё доброе, есть дар Божий, и дар очень большой. Но в будущем, если Господь благословит, поста-

раюсь отдать все свои силы, чтобы продолжить свои воспоминания до 1960 года, а потом и дальше. Да и написать лучше, и интереснее, и содержательнее.

Прошу своих читателей, прошу очень убедительно о том, чтобы они не только терпеливо прочли эти мои скучные строки о бывших насельниках святой обители нашей, но чтобы они в своих святых молитвах никогда не забывали эти дорогие имена братии наших, о которых я пишу в этих воспоминаниях, чтобы о них всегда молились Господу, чтобы всегда подавали на проскомидию их имена. Хотя мы верим, что Господь, по молитвам Преподобного Сергия, удостоил их вечной радости на небесах, тем не менее наша общая молитва еще более утвердит их положение в загробном мире. Да и для нас самих, как учат нас святые отцы, в этом есть большая-пребольшая польза. Потому что, поминая за упокой добрых людей, мы этим подвигаем их на молитву о нас, грешных. Они больше молятся о нас, помогают нам своими святыми молитвами в спасении. Вот это моя первая просьба к моим благодушным и дорогим читателям.

Есть и вторая просьба. Она выражается в том, чтобы, когда читатель прочтет эти мои воспоминания о добрых подвижниках нашей святой обители, он великодушно снизошел к моим всем немощам. Ведь греха таить нечего — написано очень плохо... Бесталанно, может быть, бессодержательно, безынтересно. Вот и прошу простить мои ошибки, немощи. Тем более что я ведь не какой-либо писатель или художник слова, или еще кто. Совсем ни тот, ни другой, а просто монах — и всё. А писать-то об этом взялся только из послушания, чтобы сохранить память о добрых иноках-старцах. А еще чтобы показать, что и теперь святая Лавра не бедна хорошими боголюбивыми тружениками, которые отдавали свои силы и самую жизнь во славу Божию.

Третья просьба к моим дорогим читателям — это помянуть писавшего в своих святых молитвах.

Но и это еще не все. Есть и четвертая просьба, может быть, самая большая. Очень бы хотел, чтобы прочитанное здесь послужило тебе, мой любезный брат или сестра, на спасение души, чтобы чтение было не простым любопытством и тратой драгоценного для нас времени, но добрым назиданием, наставлением. Полезным для спасения. В этом вся моя радость и цель моих трудов. И если хоть немного помогут мои воспоминания читателю во спасение души его, моя цель будет достигнута и я буду счастлив.

Конец первой части. Аминь и слава Богу.

ДУХОВНЫЕ НАСТАВЛЕНИЯ

(Приложение к I части)

Мужество

Убеждаю вас ободриться.
Деян. 27, 22

Апостол Павел среди других узников плыл в Италию. Неожиданно поднялась сильная буря и обрушилась на корабль... Небо потемнело, ветер обратился в ураган, волны бешено били в борт судна, бросая его, как щепку. В корабле открылась течь... Четырнадцать суток, не видя ни солнца, ни звезд, носились, отдавшись волнам. Каждую минуту все ожидали смерти, не ели, не пили. На корабле было двести семьдесят шесть душ.

Один только человек — святой апостол Павел — был вполне спокоен: он твердо верил Богу, Который обещал спасти его и плывших с ним. Мужественно возвысив голос, апостол сказал: «Мужи и братия, я *убеждаю вас ободриться, потому что ни одна душа из вас не погибнет*... Так сказал мне Ангел в эту ночь...» Действитель-

но, с наступлением дня все увидели залив с отлогим берегом. То был остров Мелит. Никто не погиб — все спаслись (см. Деян. 27; 28, 1).

Друзья мои, нужно быть мужественными, решительными. Ничего славного нельзя сделать без мужества. Легко делать только худое. А разве не мужество увенчало святых мучеников вечной славой? А пустынники, подвижники, столпники?..

Все великие ученые достигали открытий настойчивостью, мужеством. «Каким образом Вы открыли закон всемирного тяготения?» — спросили однажды Ньютона. «Неотступностью, постоянно думая о нем», — отвечал он. А Архимед и другие ученые?..

Мужество нужно, чтобы усиленно работать, учиться, подвизаться, встать пораньше на молитву (на братский молебен), потерпеть с любовью посты, длинные богослужения, найти пути примирения с обиженным другом... Особенно когда спасение так трудно дается, какое надо мужество, чтобы до конца всё перенести!..

Мужество нужно и чтобы безропотно терпеть страдания. Мало мы пожили, но уже и нас страдания коснулись своим огненным крылом. Ведь страдания, под разными видами (например, болезни, горе, нужды, тревоги, унижения), занимают огромное место в нашей жизни. *В мире скорбни будете* (Ин. 16, 33), — сказал Господь. — *Претерпевый же до конца, той спасен будет* (Мф. 10, 22). И как мужественно простые люди умеют переносить страдания!

В 1871 году шла война. У сестры милосердия Агриппины были ранены обе ноги. Ей было всего двадцать лет. «Сестра, вам необходимо ампутировать ногу», — сказал ей профессор. «Исполняйте», — тихо ответила она. «Сестра моя, вам нужно ампутировать и другую ногу». — «Если есть на то воля Божия, доктор, исполняйте». После операции, придя в чувство, она тихо молилась: «Господи, не допусти меня возгордиться моими страданиями». Вскоре она тихо угасла навсегда.

...Госпиталь полон раненых. Предстояло много еще операций. Наркоз на исходе. У маленького ростом и слабого на вид солдата раздроблена рука. «Доктор, вы дадите что-нибудь, чтобы меня усыпить, не правда ли?» — «О Боже, да у нас наркоз на исходе, есть совсем слабые братья». — «Доктор, делайте мне так, я вынесу, а им сделайте полегче». И он выдержал страшную операцию, не испустив ни одного стона...

Мужество требуется и для того, чтобы говорить правду. Говорить правду — это основа всех добродетелей. Это достоинство каждого человека, христианина. Честность, правдивость — украшение верующего человека. *Блажени алчущие и жаждущие правды: яко тии насытятся* (Мф. 5, 6). Посмотрите на человека, любящего правду: он открыт, ясен, благороден; добрые, чистые глаза. Он внушает доверие... А на другого посмотрите: он хитрит, лицемерит, в поведении отпечаток низкого человекоугодия... Он не может прямо смотреть вам в глаза...

А какое мужество нужно для того, чтобы устоять против искушений! Чтобы в самой трудной обстановке вести себя и говорить так, как подобает христианину, любящему своего Господа!

Дело было холодной зимой. Воспитанник 3-го класса семинарии оказался среди неверующих товарищей. Они потащили его в ресторан на берегу Волги. Усадили... «Пей с нами, дружок, в попы записался... Ты не хочешь? Пережиток ты, такой отсталый, эгоист...» В эту минуту с улицы послышался вдруг душераздирающий крик... Семинарист вскочил и мигом исчез за дверью... Вскоре, еле переводя дыхание, он вылезал из ледяной воды... Кровь текла по лицу: острая льдина ударила его по голове... На руках он держал мокрую полузамерзшую трехлетнюю девочку... Мужество!

Что нужно для того, чтобы иметь мужество? Корень мужества — искреннее желание делать людям добро. И в этом надо закалить волю.

Если вы наметили себе высокую цель — быть верными Господу, — стремитесь быть мужественными. Для этого надо возлюбить Бога, людей, укрепить в добре свою волю и просить помощи у Бога — и вы будете мужественны.

Царство Небесное дается людям мужественным, энергичным, стойким, преданным до конца Господу. Спаситель говорит: *Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11, 12).

Пастырь добрый душу свою полагает за овцы. Только с этим прекрасным качеством — мужеством — вы сумеете выполнить свой христианский долг. Сумеете хорошо трудиться, нетрепетно говорить правду, найдете силы перенести жгучие страдания — окажетесь победителем в любых огненных искушениях и своим мужеством, самоотвержением дадите прекрасный пример своим собратьям верующим и даже в инакомыслящих вызовете законный восторг и уважение.

Мужество — сила...

Уроки воспитания

Не оглядывайся.
Быт. 19, 17

Ужасное событие... Представьте себе огненный серный дождь... охваченных пламенем людей... грохот падающих зданий, треск пожара, вопли и крики... ужас толпы бегущих... Страшная катастрофа... *Велик вопль Содомский и Гоморрский, велик вопль на них, восходящий ко Мне, и грех их весьма тяжел* (ср. Быт. 18, 20–21).

...Лот с женой и дочерьми бегут на рассвете, бегут к горам. Как они спешат! Повеление Ангела: *Спасайтесь, не оглядывайтесь назад, чтобы* вам *не погибнуть...* (ср. Быт. 19, 17). Позади — грохот и раскаты грома, зловещая молния... земля вздрагивает, колеблется... будто всё небо горит... *Спасайтесь, не оглядывайтесь назад...*

С восходом солнца Лот с дочерьми достигли гор. Но где же жена Лота? Какой ужас: ее нет!.. Зовут, ищут, идут обратно и наконец — о зрелище, леденящее кровь! — они узнают труп несчастной женщины, задохнувшейся в ядовитых испарениях, покрытой уже толстым слоем соли... Будто каменная стоит она... *Вспоминайте жену Лотову* (Лк. 17, 32).

Что же заставило обернуться назад жену Лотову? Может быть, любопытство? Да, может быть, ей хотелось посмотреть... чуть-чуть... взглянуть... Она боролась с искушением (приказ Ангела был ясен и строг: не оборачивайтесь), не выдержала, обернулась, согрешила — пламень мгновенно охватил ее...

Есть вещи, на которые смотреть нельзя. Но есть и любопытство детское — подсматривать, что делают старшие. Есть также любопытство преступное, заставляющее молодых людей совершать поступки единственно с целью испытать, какое в них удовольствие. Например, любопытство почитать безнравственную книгу... Нет ничего опаснее такого рода любопытства. Любопытство погубило человечество.

Может быть, нерешительность заставила жену Лотову обернуться назад? Колебание, сожаление об оставленном?.. Ведь там, позади, — родной дом, имущество, родные, близкие... Ах, как опасно иметь сердце раздвоенное: полуотречение, полурешение, полупослушание. *Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия* (Лк. 9, 62).

Человек с двоящимися мыслями не тверд во всех путях своих (Иак. 1, 8).

...Французский генерал Шанзи имел привычку много курить. Однажды доктор сказал ему: «Вы, генерал, поступаете неблагоразумно: табак вам очень вреден!» — «Вы полагаете?» — спросил Шанзи. «Могу вас в этом уверить», — ответил доктор. Этого было достаточно: генерал навсегда отказался от курения... Как прекрасна подобная

решительность! Как похвальна! Или пример обратного свойства: студент, окончивший Академию, до сих пор никак не решится принять священство...

Не зная настоящей причины, почему жена Лота оглянулась, можно предположить, что она вообще любила помедлить, не спешить и т. д. Многие грешат в этом отношении: еще успею, покаюсь, исправлюсь. Откладывать на последние дни свое спасение — опасно, страшно, преступно.

Вспоминайте жену Лотову... Не медлите... Не оглядывайтесь назад... Мы призваны на великое дело спасения — будем спешить вперед! Остановка, раздумье, греховное любопытство, раздвоенное сердце, замедление, полурешимость равносильны смерти...

Преступное малодушие

Как лед и пламя, огонь и вода, так добро и зло не могут ужиться рядом. Каждое стремится уничтожить другое. Добро старается образумить людей искренним сердечным словом, горячим призывом к правде Божией, будит в человеке уснувшую совесть, собственным примером укрепляет его слабую волю, властно влечет за собой. Зло, наоборот, желает задушить в зародыше всякий добрый почин, всякую благую мысль; никакими средствами оно не брезгает: где можно, оно действует прямым насилием; где нельзя взять силою, прибегает к хитрости, лести, обману; в крайнем случае, довольствуется грязной сплетней, скверной клеветой, обидной шуткой, злой насмешкой, грубым издевательством.

Припомните Евангелие. Только что родился в Вифлееме обещанный миру Спаситель, и с Ним полностью снизошла на землю правда Божия, а зло уже пытается погубить Его в колыбели: Ирод избивает тысячи младенцев, чтобы вместе с ними умертвить и Богомладенца Иисуса... Проходит тридцать лет. Иисус Христос в пустыне постом и молитвою готовится к делу спасения людей,

готовится призвать их к новой, доброй, Божией правде, жизни — дух зла различными искушениями, соблазнами, лестью, лукавством пытается отклонить Господа от Его миссии. Выступает Иисус на проповедь, словом Божественной любви собирает вокруг Себя несметные толпы, очищает сердца блудниц и мытарей — над Ним смеются, называют Его веельзевулом (см. Мф. 12, 24), не хотят считать своим, иудеем; говорят, что Он самарянин, отверженный, отщепенец избранного народа, что Он беса имеет в Себе (см. Ин. 8, 48; Мк. 3, 22). Таков неизбежный тернистый путь правды, добра и любви и тех, кто служит им, работает во имя их. Так было, есть и всегда будет. Спаситель говорит Своим ученикам: *Так гнали и пророков, бывших прежде вас,* так гонят Меня, так *будут гнать и вас* (ср. Мф. 5, 12; Ин. 15, 20).

Жизненный путь людей густо порос колючим тернием: людские неправды, беззаконие и всякое распутство, словно дремучий лес, непроходимой чащей преграждают нам дорогу к Богу, к Его любви и истине, к Царству Божию на земле. Надо, чтобы кто-то в этой дремучей чаще протоптал дорогу к Божией правде, прорубил просеки и расчистил колючий терн, а без труда и царапин это дело не исполнишь: порою больно хлестнет веткой, зацепит сучком, глубоко вопьются терновые иглы. *Царство* Божие *силою берется, и употребляющие усилие восхищают его,* — предупреждал Иисус Христос (ср. Мф. 11, 12).

Путь на гору всегда бывает тяжел и утомителен, но какая даль открывается с вершины, какие дивные картины рисуются взору, какой чистый и укрепляющий воздух веет наверху, как легко и свободно дышит грудь! «Горé имеем сердца».

Стыдно и преступно бояться труда и тягот подъема нашей жизни на вершину правды Божией. Сколько усилий мы употребляем, чтобы лучше устроить внешнее благополучие свое, наших детей и потомков! Ради торговли и наживы люди десятками дней идут по безводным пу-

стыням, переплывают бурные и опасные моря, пробираются через страшной крутизны горные хребты; чтобы добыть насущный хлеб, люди ныряют за жемчугом на дно океана, взбираются на неприступные скалы за дорогим пухом боязливой птицы гаги; как кроты, роются глубоко в подземельях, добывая металлы и каменный уголь.

Неужели золото правды Божией и жемчуг любви Христовой не стоят таких же трудов? Нет более ценного наследства для детей, чем наследство любви, добра и правды. Если мы действительно хотим устроить благополучие свое и ближних, то для этого прежде всего необходимо направить свои собственные силы и силы других людей на устроение доброй, правдивой и братски-любовной жизни. В Евангелии сказано: *Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все,* остальное, *приложится вам* (Мф. 6, 33).

Было бы неправдой, обидной клеветой, если бы кто стал утверждать, что люди не ищут правды Божией, не стремятся к добру, чуждаются евангельской любви, что нет работников, которые бы трудились для дела Христова, отдавали бы силы на устроение Царства Божия на земле. И теперь евангельские слова «*жатвы много, а делателей мало*» (Мф. 9, 37) не утратили своей силы; так или иначе, а ряды работников на ниве Божией растут. Главный недостаток не в числе работников (Иисус Христос послал на проповедь всего только горсть апостолов, а они преобразовали жизнь всего мира), а в недостатке силы духа, веры в свое дело у тех, кто берется за дело Божие.

На христианском поприще мы порою готовы бываем самоотверженно трудиться во имя Христово, отдаем бескорыстно на то или другое доброе дело свои силы, время и труд, но при этом нуждаемся, чтобы нас и наше дело поддерживали общим сочувствием. Когда же в награду нам дают терновый венец и никто не хочет нам помочь, а все смеются над нашим делом, как над праздною, ненужною затеей, мы падаем духом, у нас опускаются руки и пропа-

дает охота дальше трудиться. Это позорное, преступное малодушие. Мы забываем пример Самого Господа Иисуса Христа, апостолов, древних христиан-мучеников и тех великих тружеников Царства Божия, трудами которых и теперь семя Христово растет и множится в людях. Против Иисуса Христа был царь Ирод, синедрион, все книжники и фарисеи — вожди и учители народа; Его не принимали самые близкие Ему по плоти люди, не разумели во многом постоянно бывшие с Ним ученики; народ, о котором Иисус так болел сердцем и которому оказал столько благодеяний, предпочел Ему разбойника Варавву и, несмотря на всё это, Спаситель ни разу ни на шаг не отступил от Своего дела. Он говорил: *Мне должно делать дела Пославшего Меня* (Ин. 9, 4). А что другие будут делать, как они отнесутся к делу Божию — в том они сами дадут отчет Богу, это дело их совести. То же Спаситель заповедует и нам: ты знаешь, что людям прежде всего и больше всего надобна истина Божия, — так и сей ее вокруг тебя; делай добро, как можешь и сколько позволяют силы, — это твой долг, твоя обязанность.

Хочет ли больной принимать лекарство или не хочет, хвалит врача или бранит, встречает ли его с радостной улыбкой или отворачивается со злобой — врач всё же не оставляет больного и думает только об одном: как бы помочь ему, вернуть силы, поставить его на ноги. Будь таким врачом для душ твоих слабых братьев. *Иисус*, сказано в Евангелии, *говорит* ученикам: *Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его* (Ин. 4, 34). Не будь никогда пресыщен этой пищею, не бросай ее потому, что она не нравится другим. Эта пища — воля Божия — главный источник жизни вечной. Люди пока плохо знают вкус ее, не умеют ценить ее. Как малые дети, они, вместо сытной здоровой пищи, тянутся к вредным лакомствам, пагубным сластям. Если и ты отвернешься по малодушию от здоровой пищи, кто их научит питаться тем, что одно действительно питает?

Над древними христианами смеялись за их проповедь Христа, считали их безумцами, хотели тюрьмами, пытками и казнью отвратить от новой веры — христиане твердо держались своих взглядов на жизнь и своими страданиями за веру внушали даже врагам уважение к христианству. «Значит, христианство не пустое суеверие, — думали язычники, — если за него так охотно жертвуют жизнью; в нем, стало быть, есть что-то, что может быть людям дороже жизни», и, таким образом, твердость духа христиан внушала язычникам высокое уважение к учению Иисуса Христа.

Заставить других ценить выше всего дело Божие можно только тогда, когда сам ценишь его выше всего и об этом свидетельствуешь жизнью.

***

Несколько лет тому назад в Швейцарии в одно фабричное селение прибыл для проповеди Евангелия отряд «Армии спасения». Жители селения — рабочие окрестных фабрик и заводов — представляли из себя людей крайне испорченных; пьянство, грубый разврат, страшная брань и богохульство, постоянные драки делали деревню маленьким Содомом.

В первый же субботний день, когда, после получения рабочими заработной платы, эти трудовые, добытые потом и кровью гроши пошли затем на дикий бесшабашный разгул, прибывшие проповедники, мужчины и женщины, стали обходить трактиры и кабаки. «Добрые люди, — говорили они, — опомнитесь, побойтесь Бога, пожалейте своих жен и детей! Дома вас ждут холодные и голодные семьи, а вы здесь пропиваете последние деньги». Не понравились эти слова рабочим. Призыв к исправлению, к трезвой доброй жизни был встречен насмешками, грубой бранью, угрозами зажать рот.

Проповедники не смутились неприятностью первой встречи, всю неделю ходили по домам, по местам рабо-

ты, беседовали с женщинами и детьми, а в субботу снова начали свой поход против пьянства их мужей и отцов. Раздосадованные рабочие от брани перешли к драке и незваных пришельцев с побоями вытолкали из деревни. Те безропотно подчинились, но в следующую субботу опять были в той же деревне и опять делали то же свое дело, стараясь вразумить огрубевший народ. Пьяные рабочие обезумели от злобы: со страшными проклятиями набросились на тех, кто говорил им о Боге и о Его правде; били их смертным боем и, наконец, схватили начальника отряда... Они пригвоздили его, по примеру Христа, ко кресту и с пением богохульных песен носили крест с распятым по деревне, а потом его и всех его друзей, избитых до бесчувствия, выкинули за деревню.

Наутро, когда хмель прошел, рабочие вспомнили вчерашнее и с ужасом стали размышлять, что им теперь будет за их дикое буйство и насилие. Они ждали тяжелых наказаний властей; но случилось то, чего они никак не предполагали.

Избитые, измученные рабочими, проповедники покаяния, как только немного оправились и собрались с силами, наутро снова пришли к своим вчерашним мучителям и, словно ничего не было, снова кротко и любовно говорили им о позабытом ими Боге, о поруганной Его правде, о загубленной ими их собственной душе. Любовь оказалась сильнее злобы; рабочие были не в силах более упорствовать перед словами благовестия; со слезами окружали тех, кого вчера заставляли плакать, целовали им руки, ноги, молили о прощении, клялись начать другую жизнь, просили не уходить от них. Прошло два года, деревня стала неузнаваема: ад сменился раем, трезвость жителей, семейный мир, достаток в домах стали примерными и небывалыми в округе.

Вся эта перемена в жизни испорченных жителей рабочего селения зависела, конечно, не от числа пришедших к ним добрых людей, а от силы духа последних, от стой-

кой, несокрушимой любви их к погибающим братьям, от глубокой убежденности, твердости веры в то, что свет победит, осилит тьму, что правда одолеет ложь и что добро возьмет верх над злом. Не только потому, что в добре неодолимая сила, а потому что и мы должны быть тверды в борьбе с миром, при первом же отпоре с его стороны малодушно не бросать начатое доброе дело, не отходить в сторону и не оставлять жизнь идти прежним грустным путем.

Как часто достаточно бывает нескольких глупых насмешек, чтобы охладить пыл, казалось, искренней вдохновенной души, ослабить энергию пастыря, в зародыше загубить его добрый почин! А смеются у нас над всем: станет ли человек религиозным, богомольным; примется ли за изучение слова Божия; бросит ли разгул и начнет трезвую жизнь; отстанет ли он от картежной или иной какой игры; начнет ли добрым словом останавливать других — всё высмеют, надо всем будут издеваться. Кто-то справедливо сказал: «Потому у нас так часто и приходится плакать над многим, что очень уж много мы смеемся над всем».

Не то грустно, что часто слышится и громко раздается глупый смех, а то, что многие его боятся, прячутся от него, словно стыдятся своего доброго дела, своих прекрасных слов, благородных мыслей, светлого замысла. Многие не боятся привидений, зная, что это бред больной головы, бесстрашно стоят под пулями на поле брани, не пугаются гнева начальства, смело скажут правдивое слово, но как огня боятся насмешки, косого взгляда толпы, смущаются тем, что станут говорить о них вокруг.

Один английский писатель рассказывает такой случай. В казарму, в среду грубых, испорченных солдат, попал кроткий, богобоязненный юноша. Он у себя дома привык начинать и кончать день молитвой к Богу. То же стал делать и в казарме. Товарищи с первого же дня осы-

пали его насмешками, кидали в него подушками и сапогами, с хохотом, свистом и богохульным пением окружали его и не давали ему молиться. Смутился молодой солдатик, не выдержал насмешек. «Бог, — думал он, — видит ведь везде, буду молиться в постели, под одеялом». Так и стал делать. Прошло долгое время. Однажды наконец сосед по койке, старый закаленный в бою солдат, заметил это и, улучив минуту, когда они были одни, стал его стыдить: «Я не молюсь, потому что огрубел, отвык от молитвы, а тебе стыдно прятаться с молитвой. Какой ты после этого солдат! Испугался насмешек, прячешься под одеяло. Что же, в битве, когда на тебя посыплются пули, ты тоже будешь прятаться под одеяло? Не хочешь молиться — не молись, а если дорожишь молитвой, не прячься с нею. Глупые люди смеются, а ты и уступил, нет, ты стой на своем и их заставь уступить тебе». Ободрился солдатик, снова стал открыто молиться. Насмешки поднялись опять, но он не обращал на них больше внимания, и они постепенно смолкли; и как-то даже уважать стали больше.

Малая закваска, — говорит апостол, — *заквашивает всё тесто* (Гал. 5, 9), а *соль* и в большом количестве, если *потеряет силу... уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на попрание людям* (ср. Мф. 5, 13). Что же, друзья мои, чем мы с вами будем для окружающей нас жизни: доброю ли закваскою Христовой или солью, потерявшей силу? Пойдем ли к людям вместе со Христом и вместе с Ним, если понадобится, будем терпеть и смех, и поругание, и скорби или заодно с неправдою людскою и человеческим невежеством сами посмеемся над евангельским словом, поставим крест на деле Спасителя?

Две разные дороги лежат перед нами, а какая лучше — пока не поздно, выбирайте сами, если кто еще не выбрал твердого пути. *Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает* (Мф. 12, 30).

Красота жизни

У древних греков был знаменитый оратор Демосфен. Когда он говорил на площади перед народным собранием, толпы народа с затаенным дыханием слушали его целыми часами. Его сильный ясный голос слышался в самых далеких рядах; речь лилась плавно, осанка, движения рук и головы — всё было изящно и прекрасно, дополняло впечатление от его слов.

Однако когда Демосфен в первый раз выступил перед толпой, он потерпел позорную неудачу: ему велели замолчать, прогнали с возвышения, где он пытался говорить, и насмешками и свистом проводили с площади. Демосфен шел домой, от стыда закрыв голову плащом. По дороге его догнал какой-то незнакомец. «Милый юноша, — сказал он, — тебя сегодня жестоко осмеяли, и осмеяли по заслугам. Ты говорил очень скверно, как нельзя хуже. У тебя слабый голос, тебя не слышно за десять-пятнадцать шагов, ты очень часто запинаешься, останавливаешься, чтобы набрать воздух, ты картавишь, неправильно выговариваешь некоторые слова и, наконец, очень смешно подергиваешь плечом и некстати болтаешь руками. Между тем в тебе есть задатки оратора. Я много слышал всяких речей и вижу, что из тебя будет толк. Надо только работать над собою. Не учась, нельзя садиться на горячего коня: он сбросит тебя. Как же ты хотел вдруг оседлать тысячную толпу, заставить идти у тебя на поводу, действовать по твоей указке, если сам не подготовился, не научился, как лучше словом действовать на народ? Всякое искусство, кроме природной способности, требует еще упражнения, работы над собой. Будешь работать — выйдет из тебя большой оратор».

Послушался Демосфен доброго совета. Решил упорной работой над собой избавиться от недостатков. Чтобы ничто не развлекало его, не мешало делу, он удалился в пустынное место, на берег моря, в уединенную лачугу, а чтобы не соблазниться, не вернуться раньше времени

в город, он начисто выбрил полголовы. В уединении он стал укреплять голос и развивать слабую грудь. Для этого он старался взбегать на гору без передышки, не переставая кричать. Вначале он мог пробежать только малую часть дороги, а затем останавливался отдохнуть. Но чем чаще он упражнялся, тем пробегал всё далее. Наконец он оказался способным с громким криком вбегать без передышки на самую вершину.

Чтобы укрепить голос, Демосфен в часы бури, когда море ревело и с грозным воем билось о скалы, выходил на берег и старался перекричать бурю. Вой и рев волн заглушали его, но с каждым разом голос крепчал и наконец смог меряться силою с ревом бурного моря. Против картавости Демосфен придумал класть камешки под язык. Он ворочал язык на разные лады, пока слово не выходило правильно. Так он научился говорить совершенно ясно и отчетливо. Оставалось отучиться смешно подергивать плечом. Демосфен придумал простой способ. Он в своей низенькой лачужке прикрепил к потолку острием вниз кинжал и становился плечом прямо под ним. Затем, представив, что перед ним народ, громко держал речь. Пока помнил, что не следует дергать плечом, шло хорошо, а когда, увлекшись речью, забыл, дернул, то больно укололся. Один, другой, и двадцать, и тридцать раз кольнул себя до крови — перестал дергать плечом.

За полгода обросла выбритая голова. Вернулся Демосфен в город, пошел на собрание. Взошел на возвышение, начал речь. Народ вспомнил первую неудачу, стал смеяться, но Демосфен громким, властным голосом остановил смех. Толпа затихла, и умная изящная речь полилась, как широкая полноводная река. В самых дальних уголках площади голос звучал ясно, движения юноши были плавны, красивы. Народ жалел, что кончилась речь... Так долго и много приходилось работать Демосфену над собой, чтобы научиться красиво говорить, сделаться великим оратором.

Чтобы научиться красиво жить, красиво поступать, сделаться хорошим человеком, надо работать над собою еще более. *Я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя* (Пс. 50, 7), — говорит псалмопевец Давид. Мы рождаемся уже со многими грубыми задатками. Как иные тяжелые болезни, так и многие дурные навыки мы получаем по наследству. Родители передают детям не одно телесное, но и душевное сходство. Деды получили много злых навыков по наследству от прадедов; своей распущенностью, потворством всякой своей блажи развили, укрепили их и прибавили еще новых от себя. Всё это передали нашим отцам. Отцы, в свою очередь, принятое еще более укрепили и кое-что вновь прибавили. Сколько, стало быть, злых семян мы носим в себе? Душа наша, выходит, не чистая земля, а густо засоренная вредными зернами. В иную пору и западет в душу доброе семя: тронет евангельское чтение, умилит церковная песнь, поразит умная книга, пленит добрый пастырь, — но всё это глохнет среди густой поросли зла. Требуется много труда, особенно в юные годы, много усилий воли, большая борьба с дурными навыками и задатками, чтобы расположить душу к доброй жизни, к красивым делам.

Один древний мудрец говорил: «Человек, если он действительно хочет быть человеком, а не грубым животным в человеческом виде, должен работать над собою, как кожевник над кожею». Долгим трудом кожевник из толстой и грубой кожи выделывает мягкую замшу, нежную, тонкую лайку. Так и человек, если он хочет стать красивым делателем добра, должен долго и много работать над собою. Как работать? Первое условие — быть внимательным к своему внутреннему миру, храму внутреннему. Мы часто знаем улицы и площади самых отдаленных городов — и не знаем собственного сердца. Много лет подряд упорно изучаем Святое Евангелие и много делаем внешних дел, но иногда годами не подумаем: всё ли в порядке у нас внутри. Наш внутренний мир для многих

из нас — полные потемки, и мы там, как в густом тумане, ничего не можем разобрать.

Нам мало помогает даже наша совесть. Совесть — это зеркало, в котором отражаются всякая кривизна души и каждое пятнышко сердца, но зеркало, как бы оно велико и прекрасно ни было, в потемках служить не может. Необходимо в темную горницу нашей души внести свет — свет Слова Божия. Это второе условие. При свете правды Божией мы увидим, что наше сердце — не тот храм Божий, каким оно должно быть по слову апостола: *Вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас* (1 Кор. 3, 16), а может быть, и вертеп разбойников, какой-то дремучий лес со всякими страстями и пороками. Чтоб укротить их, единственное средство — не распускать себя, не потакать своим дурным чувствам. Дурные чувства и наклонности, как и всё остальное, образуются не вдруг, а постепенно: большой пожар возгорается от ничтожной искры. И Москва сгорела от двухкопеечной свечи, и громадное дерево вырастает из малого зерна. Надо тушить искру пожара, вырывать корень в зародыше.

На побережьях больших морей в известные часы дня бывают приливы и отливы. Во время прилива вода начинает подниматься и заливает берег на целые версты. Кому случится быть на берегу во время морского прилива, чуть только замечают подъем воды, убегают от волн. Когда же мы замечаем, что то или другое скверное чувство при данных условиях и обстановке может подняться, вырасти и затопить нас, — мы должны избегать этого чувства и этой обстановки. Это третье условие.

Одному христианину представился удобный случай сделать очень неприятное дело своему обидчику. Даже, кажется, и голос справедливости говорил ему, что следует вскрыть, обнажить, обнародовать скверный и даже злостный поступок обидчика. Однако он этого не сделал, не отомстил; он долго боролся с собой, но удержался от мести. Он поступил очень красиво: наедине сказал

приятелю, что, мол, не надо бы ему делать больше таких скверных дел (он воровал вещи у других), иначе будет очень плохо. Приятель сделал усилие над собой, исправился. Красивый подход, разумный.

Другой совершил более высокий подвиг, прямо-таки жертвенный, христианский, благородный. Его коллегу по курсу постановили отчислить за неблаговидный поступок. Однокурсник пошел к директору школы и сказал: «Я виноват во всем, в чем вы обвиняете того человека, гоните меня, я это заслужил». Представьте, остались оба в школе. Красиво поступил.

А вот один молодой батюшка шел на службу, спешил. Заплаканная женщина сунула ему бумажку: «Помолись! Горе у меня...» В бумажке десять рублей. Батюшка так небрежно взял эту бумажку и так грубо ответил, что бедная женщина отскочила, как обваренная. И, стоя за литургией, напрасно напрягала слух, ожидая услышать родное имя болящей дочери, о которой просила батюшку помолиться. Сунув записку в карман, он забыл эту слезную просьбу. Безобразный поступок.

Когда нам не нравится какой-нибудь запах, мы зажимаем нос; неприятные звуки — затыкаем уши; страшит нас видение — мы закрываем глаза. Так следует поступать и против дурных чувств и наклонностей. Трудно это, конечно, но Спаситель и предупреждает, что *Царствие* Божие *силой берется и* что только *употребляющие усилие восхищают его* (ср. Мф. 11, 12). Демосфен, язычник, чтобы научиться хорошо говорить, долгие месяцы работал над собой. Неужели мы, христиане, испугаемся внутренней работы, чтобы учиться по-Божьему, красиво жить? Пора приниматься за работу, пора взяться за себя. Много всяких травм душевных получено нами по наследству, много их нажили уже мы сами. Что же, и дальше пойдет всё так же, по-старому, всё глубже будем забираться в тину? Или когда-нибудь наконец остановимся? Пора начинать жить красиво, жить

так, как это прилично верным чадам Божиим. *Вы храм Божий.* А если так, то этот храм должен быть светел, чист и прекрасен.

Наука покаяния

Если вы решили говеть, немедленно явится множество препятствий и внутренних, и внешних. Но они исчезнут, если проявить решимость непременно покаяться. Нам, одержимым «дреманием лености», неискусным в покаянии, необходимо вновь и вновь учиться каяться; это во-первых. А во-вторых, необходимо тянуть некую ниточку от исповеди к исповеди, чтобы промежутки между говениями были наполнены духовной борьбой, усилиями воли к добру, возбуждаемы воодушевлением близкой новой исповеди.

Здесь же непременно возникает вопрос о духовнике: к кому идти? Держаться ли одного духовника? Можно ли менять духовников?..

Опытные в духовной жизни отцы утверждают, что менять не следует, даже если это только духовник твой, а не духовный отец, руководитель твоей совести.

Бывает, правда, особенно после первой хорошей исповеди у священника, последующие исповеди у него же проходят как-то вяло, холодно, неглубоко, без особых переживаний, и вот тогда является мысль о перемене духовника. Но это недостаточное основание для такого важного шага. Недостаточный духовный подъем во время исповеди часто бывает не по вине духовника, а по причине нашего духовного неблагополучия. Для человека, страдающего язвой греховной, безразлично, через кого он исповедует свой грех, лишь бы как можно скорей сбросить с себя это ярмо греховное и получить прощение. Другое дело, если человек оставил в стороне личное покаяние в своих грехах, занимается на исповеди духовной беседой или, еще хуже, житейскими вопросами. Ибо беседа, хотя

и о духовных предметах, может только рассеять, расхолодить исповедующегося, коснуться осуждения других и ослабить покаянное чувство. Исповедь не есть беседа даже о своих недостатках и сомнениях, а есть горячее покаяние сердца, жажда очищения, идущая от острого ощущения близости святыни — невидимо стоящего Христа, Евангелия и креста на аналое, — умирание для греха и оживание для святой новой жизни. Искренняя раскаянность уже есть начальная степень святости. Холодность — удаление от святости, умирание вне Бога.

Как же следует относиться к таинству Исповеди? Какова наука самого покаяния?

Первым действием на достойной исповеди должно быть испытание сердца. Обычно люди неопытные в духовной жизни не видят ни множества грехов, ни их гнусности. «Ничего особенного, как у всех, только мелкие грехи, не украл, не убил», — так говорят обычно многие. А самоуверенность, черствость, раздражение, человекоугодие, слабость веры, недостаток любви, малодушие, ропот, уныние — разве это мелкие грехи? Разве кто может сказать, что он достаточно верит в Бога, что любовь его совершенна? Что каждого человека он любит как брата во Христе? Что мы достигли кротости, безгневия, полного смирения? Если же нет, то в чем же заключается наша христианская жизнь? Чем объяснить нашу самоуверенность на исповеди, как не окамененным нечувствием, как не холодной мертвенностью сердца, душевной смертью, которая приближает и телесную? Почему святые отцы, оставившие нам покаянные молитвы, считали себя первыми из грешников, с искренней убежденностью взывали к Иисусу Сладчайшему: «Никтоже согреши на земли от века, якоже согреших аз, окаянный и блудный»? А мы убеждены, что у нас всё благополучно!

Чем светлее луч солнца в подземелье, тем яснее выступает беспорядок в разных предметах; чем ярче свет Христов озаряет сердце, тем яснее выступает беспорядок

в душе, осознаются грехи, язвы и раны душевные. И наоборот, люди, погруженные в мрак греховный, ничего не видят в своем сердце, а если и видят сколько-нибудь, не ужасаются, так как им не с чем сравнить себя. Поэтому прямой путь к покаянию — в испытании сердца, познании своих грехов через приближение себя к свету Христову. Готовясь к исповеди, следует проверять свою совесть по заповедям Божиим, по жизни наиболее близких нам святых, по некоторым молитвам (например, 3-я вечерняя, 4-я перед Причащением).

Разбираясь в своей душе, надо постараться различать основные грехи от производных. Например, рассеянность на молитве, дремота, невнимание в церкви, отсутствие интереса к чтению Священного Писания — не происходят ли эти грехи от маловерия и слабой любви к Богу или от лености и беспечности? Нужно отметить в себе своеволие, непослушание, самооправдание, нетерпение упреков, упрямство, но еще важнее открыть их связь с самолюбием, высокоумием и гордостью. Если мы замечаем в себе усиленную заботу о своей наружности, обстановке дома и прочее, не является ли это признаком скорого тщеславия? Если мы слишком близко принимаем к сердцу житейские неудачи, тяжело переносим разлуку, неутешно скорбим об усопших, то не свидетельствует ли это о неверии в Промысл Божий?

Есть еще одно средство, ведущее нас к познанию своих грехов, — вспомнить, в чем обычно обвиняют нас люди, особенно рядом с нами живущие, близкие. Почти всегда их обвинения, укоры, нападки имеют основания. Необходимо также взаимное прощение грехов друг другу, во исполнение заповеди о прощении (см. Мф. 6, 12).

При таком испытании сердца нужно следить, чтобы не впасть в чрезмерную мнительность и мелочную подозрительность ко всякому движению сердца; став на этот путь, можно потерять чувство важного и неважного, запутаться в мелочах. В этих случаях святые отцы советуют

временно оставить испытание своей души и, посадив себя на простую духовную диету, молитвой и добрыми делами упростить и прояснить душу.

Приготовление к исповеди заключается не в том, чтобы только вспомнить или даже записать свои грехи, а в том, чтобы осознать свою вину, довести свое покаянное чувство до сердечного сокрушения и, если можно, пролить слезы покаяния. Отсюда возникает второе положение, нужное на исповеди, — сокрушение сердца.

Знать свои грехи — это еще не значит каяться в них. Скорбь о содеянном, плач о грехах важнее всего на исповеди.

Но что делать, если «иссохшее греховным зноем» сердце не орошается живительными водами слез? Всё равно надо каяться, каяться в самой холодности и бесчувственности своей, в надежде единственно на милость Божию. Наше бесчувствие на исповеди большей частью имеет своим корнем отсутствие в нас страха Божия и скрытое маловерие или даже неверие. Сюда должны быть направлены все усилия. Вот почему так важны слезы на исповеди. Они смягчают окаменение, устраняют главное препятствие к покаянию — нашу самость (епископ Феофан Затворник). Гордые и самолюбивые не плачут. Не могут плакать и те, кто не прощают ближнего, кто таят в сердце зло и обиду, обвиняя других и оправдывая себя. Какое счастье — иметь слезы покаяния! И они даются смиренным грешникам.

Не нужно стыдиться слез на исповеди, если они орошают наше лицо. Пусть очищается душа от скверны греховной и облекается вновь в одежду невинности и чистоты. Испытание совести и сокрушение сердца неизменно ведут к чистосердечному словесному исповеданию грехов. Таким образом, возникает третий момент исповеди — словесное исповедание грехов.

Святые отцы учат, что на исповеди не следует ждать вопросов духовника, а самому нужно исповедовать свои

грехи, не стыдясь, не скрывая и не умаляя их тяжести. Исповедь есть подвиг самопринуждения. Говорить надо точно, не затемняя неприглядности греха общими выражениями (например, «грешна против 7-й заповеди»).

Очень трудно, исповедуясь, избежать соблазна самооправдания, попыток объяснить духовнику «смягчающие обстоятельства», ссылаясь на других людей, будто содействующих греху. Всё это есть признак самолюбия, отсутствия личного, глубокого покаяния. Бывает, что, каясь в каком-либо грехе (например, гневе, ссоре), исповедники невольно входят в осуждение других, выгораживая себя и обвиняя ближнего. Это ложное покаяние, лукавое, лицемерное, противное Богу.

Иногда на исповеди ссылаются на слабую память, не дающую, будто, возможности вспомнить грехи. Действительно, часто бывает, что мы забываем грехи свои. Но от слабой ли это памяти? Совсем нет. Ведь, например, похвалы, льстящие нашему самолюбию, мы помним многие годы. А вот грехопадения свои не помним. Не значит ли это, что мы невнимательно и рассеянно живем и не придаем нашим грехам серьезного значения?

Признак совершившегося искреннего покаяния — чувство легкости, чистоты, неизъяснимой радости, глубокого мира. И наоборот, недостойное покаяние характеризуется душевным неудовлетворением, сугубой тяжестью на сердце, каким-то смутным, неясным чувством тревоги.

Нужно отметить, что раскаяние не будет полным и полезным, если кающийся не утвердится внутренне на камне решимости не возвращаться к исповеданному греху. Но, говорят, как это возможно? Не будет ли ближе к истине как раз обратное — уверенность, что грех снова повторится? Ведь опытом всякий знает, что через некоторое время опять возвращаешься к тем же грехам; наблюдая за собой из года в год, не замечаешь никакого улучшения: шагнешь вперед и опять стоишь или еще хуже — шаг вперед и два назад.

Было бы ужасно, если бы это было так. Но, к счастью, это не совсем так. Не бывает случая, чтобы при наличии доброго желания исправиться последующие исповеди и Святое Причащение не производили бы в душе добрых перемен. Но дело в том, что, прежде всего, мы не судьи себе. Правильно говорить о себе мы не можем: стали мы лучше или хуже. Может быть, возросшая строгость к себе, обостренный страх греха создали иллюзию, что грехи умножились и усилились и что душевное состояние не улучшилось, а ухудшилось. Кроме того, Господь, по особому промышлению Своему, часто закрывает нам глаза на наши успехи, чтобы защитить нас от злейшего врага — тщеславия и гордости.

Часто бывает, что грех-то остался, но частые исповеди и Причащение Святых Таин расшатали его и значительно ослабили его корни. Да к тому же и сама борьба с грехом (может быть, с падениями), страдания о грехах — разве это не приобретение? «Не устрашайся, — говорит святой преподобный Иоанн Лествичник, — хотя бы ты и падал каждый день и не отходил бы от путей Божиих, стой мужественно, и Ангел, тебя охраняющий, почтит твое терпение».

Таким образом, наука истинного покаяния определяется тремя вышеуказанными моментами:

а) испытанием сердца;

б) сокрушением души;

в) словесным исповеданием своих грехов.

Сущность христианских страданий

У религии много противников. Но есть у нее три бессмертных друга, которые никогда не дадут ей погибнуть. Первый — величие человека (благородные порывы, божественные стремления); второй — человеческая слабость; наконец, третий, самый сильный и бессмертный союзник, — страдание.

Чем дольше мы живем, тем яснее видим, что страдает всякая душа, и убеждаемся, что страдание — во благо. Страдание спасает людей, оно не позволяет окончательно ослепнуть, зачерстветь, оледенеть. Оно размягчает сердце, отрезвляет ум, укрепляет волю к добру. Вот почему вы не в силах оторвать свой взор от глаз, в которых искрятся слезы. Приходится задуматься глубже о смысле страдания. Откуда оно? К чему? Есть ли вне религии врачевание для него? Какова доля пастырских страданий? Кто не страдал, тот не поймет этих рассуждений; кто не страдал, пусть не слушает нас. Бесполезно. Напрасно. К страдавшим, и страдающим, и готовым на страдания — наше слово.

Зачем страдания?

Зачем страдать, если мы живем под властью милосердного Бога? Однажды этот вопрос был мною предложен старцу. И не забыть мне того изумления, с которым я выслушал ответ: «Именно потому и страдаем, мой друг, что благ Господь». Я тогда готов был возмущаться таким ответом. А теперь говорю: «Да. Это так и есть!» Слышу возражения: иным кажется невыносимым парадоксом мысль, что страдания и горе в этой жизни происходят от Божественного милосердия. Поясним примерами.

Ребенок играет на краю пропасти. Он тянется сорвать цветочек, поймать бабочку, он наклоняется над бездной и... сейчас в нее упадет. Вдруг две сильных руки подхватывают его, и тем стремительнее, чем они нежнее. Ребенок кричит и отбивается. Откуда же на него нашло это страдание? Ясно, что из любящего сердца его матери.

Взгляните на другого ребенка. Он играет с ножом и сейчас себя ранит. Но тут приходит отец его и вырывает у него из рук эту опасную игрушку. Ребенок кричит и про себя обвиняет отца, но впоследствии он благодарит его.

А вот мать берет больного ребенка и подносит к ножу хирурга. Ребенок кричит. Он отпихивает доктора. Он хочет бить свою мать, но кто же скажет, что в эту минуту мать проявила к своему ребенку жестокость?

Применим эти примеры к Богу милостивому, спасающему нас, и станет ясно, для чего мы несем страдания. Может быть, у вас нет веры в Бога или она слабая? Тогда вам остается только молча или с ропотом питаться вашим горем, не беспокоя вашими криками ни людей, которые вам не окажут помощи, ни Небо, которое для вас пусто. Жить без Бога — страдать без утешения.

Таким образом, смысл страданий в том, что они — основа Божественного врачевания. И крест пастырской жизни имеет такое же значение. Страдание очищает и просвещает душу. Страдание возносит сердце горé. Страдание усиливает любовь, делая ее пламеннее, святее и благодатнее.

На нашей печальной земле, кроме опасности прилепиться к одним лишь временным ничтожным вещам, есть другая опасность: соприкасаясь со злом, потерять красоту своей души. Грех всегда влечет за собой печальные последствия. Вы сегодня совершили преступление — вы даете повод вас законно карать. Что будет, если вы сделаете сто, тысячу таких преступлений? Гроза гнева Божия висит над вами. Изживайте корень греха в самом начале. Не устраненная своевременно течь в корабле грозит ему скорой гибелью — он будет на дне моря. Пастырская совесть очищается и возвышается скорбями. Из всех наказаний самое грозное — быть свободным от страдания. Если пастырь плохо исполняет свой долг, плохо молится, мало верит, сомневается или совсем погасла в нем вера — знаете ли, почему он живет? Почему он доселе не поражен? Потому что люди около него молятся, жена плачет, родные страдают душой и свои страдания кладут на чашу весов и тем уравновешивают все его беззакония.

Христианские страдания радостотворны, очистительны, лучезарны. Золото очищается в огне, душа — в страданиях. Страдает христианин пороком винопития — скорбь или болезнь отрезвляют его; равнодушен он к своим христианским обязанностям — горе семейное или служебные

неприятности заставят его серьезно подумать и изменить отношение к ним. Крестные страдания, очищая и просвещая душу человека, возвышают его и возносят к Богу.

Тесна земля, слишком тесна для бессмертного существования. Всякий день мои шаги становятся всё тяжелее. Люди-друзья изменяют, верных похищает смерть, слава и знания меркнут, здоровье увядает, как иссохшая трава... Где надежная отрада и постоянство? Где неувядаемая красота и немерцающий свет жизни и счастья?..

Христианин более чем кто-либо ощущает непостоянство и ничтожность временного и тленного. Его душа невольно рвется туда, где живет вечная Правда. Неся свой крест, он знает, что не напрасно он терпит напасти и гонения, скорби и лишения... Если удары учащаются, слышится как бы неперестающий гром, он знает, что именно тут-то и раскрывается вся нежность Божественной любви.

...Человек высокообразованный и почтенный имел двух красавиц дочерей шестнадцати и девятнадцати лет. Он был горд отцовской гордостью, чувствуя, что возродился в детях. Но неожиданно младшая была скошена тифом; старшая заразилась от нее и пошла следом... Целую неделю отец не выходил из уединения... Вышел же другим человеком. Его счастье, что он был убежденный христианин. Он понял, что эти удары — ласка Божественной любви. Его взгляд на жизнь земную стал иным. Когда он умер и вознесся от этой жизни, две его красавицы дочери встретили его, преображенные сиянием небесной славы. Бог разлучил их на мгновение, чтобы соединить в блаженстве вечного света.

Так христианский крест светлеет всё ярче и ярче среди испытаний жизни. Драгоценные камни, изумруды всё более и более украшают венец на главе того, кто смиренно несет свои страдания. Из этих страданий вытекают свет и красота, чистота и воздушность, которые возносят душу к Богу.

Очищаясь и возвышаясь страданиями, душа расширяется в любви. Страдание животворит и умножа-

ет пламень духовной крепости. *Сердце наше расширено* (2 Кор. 6, 11), — говорит святой апостол Павел в Послании к коринфским христианам. «Ты, страдание, производишь истинных людей», — говорит поэт. Мы видим самую великую и существенную причину страдания: оно расширяет душу и умножает любовь. Чуть было не сказал, что страдание вновь созидает душу, вкладывает в нее красоту глубоких чувств, трогательность, величие. Ни гений, ни слава, ни добродетель без страдания не могут дать человеку истинного величия. Вот почему все святые герои, гении, все великие души были воспитанниками страданий. Лавровый венок всегда покоился лишь на измученном челе. Никогда душа не раскрывает своих сил в более трогательной и истинной красоте, как перед лицом страданий, когда она забывает себя ради ближнего. Это высшие красота и величие. Один мыслитель сказал: «Знаете, в чем завидуют нам ангелы? Ни в чем, кроме того, что мы, люди, можем страдать ради Бога, а они никогда ради Него не страдали».

Величие и красота души расположены по ступеням, по силе страдания. На вершине те, у которых горит на челе пламя добродетели и страдания, ниже — менее страдающие и более легкомысленные, еще ниже встречаешь уже смеющихся. Высота страдания кладет на душу красоту серьезности как спутницу великих людей. Лицо, как и сердце, становится более прекрасным и одухотворенным.

Страдание творит чудеса. Оно почти как таинство со своей невыразимой внутренней силой. Молодой человек, без страха и благоговения прикасающийся к святыне, нечувствительный к духовному озарению, рассеянно погруженный в свои страсти, как только коснулось его страдание, стал серьезным, тихим и молитвенным. Жизнь — это громадная мастерская, в которой души закаляются в горниле страданий и готовятся на небо.

Итак, сущность христианских страданий кроется в обновлении человека и любви Небесного Отца. Человек

страдающий, болезнующий, лишаемый, гонимый идет по ступеням терпения выше и выше; он ведет за собой других к вершинам горних озарений и вечного спасения.

Пророк Божий Моисей

Когда мы говорим о ветхозаветном священстве, то его нельзя мыслить без Моисея. Он является основателем ветхозаветной Церкви и ее пастырства. Он — как бы пастыреначальник иерархического ветхозаветного священства. Это положение обязывает нас сказать несколько слов о пророке Божием Моисее, о его исключительной твердости в вере, полной жертвенности и преданности делу своего служения.

...*Он, как бы видя Невидимого, был тверд* (Евр. 11, 27). «*Он был тверд*» — какое прекрасное выражение, которым слово Божие характеризует всю жизнь Моисея, представляя поразительный контраст со всем тем, что мы видим ныне!

Находятся ли среди нас люди воли? Кто из нас не стонал, размышляя днями, а может, годами, и колеблясь от одного верования к другому, без действительного направления и цели? Кто не испытал с унижением и горечью, как ныне трудно желать и упорствовать? Многие, может быть, в некоторые часы чувствовали, как в тайнике их существа принципы колебались вместе с верованиями до такой степени, что их нравственная жизнь казалась им на точке разрушения.

Итак, слабые дети расслабленной эпохи, вот перед вами пример человека Божия, который тверд, — пророка, который был дан человечеству как бы для того, чтобы показать в его делах эту господствующую черту характера и основать здесь, на земле, нечто самое непреклонное и устойчивое, что только видел свет, — Церковь Божию.

Законодатели сего века, создатели многих постановлений, более кратковременных, чем листья лесов! Зрите то необыкновенное чудо, единственное пережившее века,

по прочности сего творения узнавайте Творца, и если вы не видите здесь Божественной руки, то признавайтесь, что человеческий гений не производил ничего чудеснее!

Если бы мы спросили у пророка Моисея, что составляет секрет его силы, то он сказал бы нам, что сила его не является даром природы или результатом развитой воли. Робкий и малоспособный для посягательства на миссию пророка Божия, он отступал перед своей задачей и принял ее дрожа. Его сила явилась ему «не от плоти и крови» — она нисходила по Божественной милости, и он обрел ее верою. *Ибо он, как бы видя Невидимого, был тверд.* Практическое, живое толкование этих дивных слов я хочу вам показать на примере земного поприща Моисея.

Священное Писание отмечает в его столетней жизни три последовательных и одинаковой продолжительности периода. Дни своей юности Моисей проводит в Египте, при дворе фараона; во время возмужалости, когда его волосы начинают седеть, он блуждает одиноко в необъятной пустыне, предаваясь созерцанию своего высшего назначения; наконец, последние сорок лет своей жизни он борется во главе своего народа, ведя его к обетованной земле.

Мы в Древнем Египте, в той эпохе, когда эта страна была колыбелью мировой просвещенности. Именно там в первый раз на нашей земле появились искусства и науки, и Египет предвестил свою великую судьбу. Еще поныне ум останавливается в некотором остолбенении пред чудесными памятниками, построенными народом Египта, и мы спрашиваем себя: с помощью каких тайн, неизвестных нашим инженерам, возвысились его гигантские пирамиды? На современных всемирных выставках можно видеть великих художников, рассматривающих с восхищением изящные драгоценные изделия и украшения двора фараонов.

Моисей, молодой израильтянин, был призван, по странному стечению обстоятельств, к самому блестящему будущему, какое когда-либо льстило тщесла-

вию человека. Сын изгнанников, он мог достигнуть всех почестей; свет протягивал ему свою обольстительную чашу: ему стоило лишь наклониться, чтобы пить из нее большими глотками. Если он жаден к наслаждениям, то где он может их найти изысканнее и утонченнее, как не при дворе, где было всё для удовлетворения прихотей господ? Если его влечет наука, он лучше всего может проникнуть в ее тайны, собрав вокруг себя всех мудрецов и исследователей природы, теснящихся в школах и таинственных святилищах этой страны, одаренной всеми преимуществами. Если, наконец, его соблазняет власть, если он хочет повелевать толпами, направлять армии, видеть, как его прохождение приветствуется криками восторга, слышать свое имя, возглашаемое тысячами голосов, и при жизни присутствовать при своем обоготворении — ему открыт трон.

Моисей видел, как проносились пред ним эти мечты и великолепие. Когда-нибудь, может быть, его сердце и смущалось обольстительными видениями, но его преследуют другие мысли, не давая покоя. Он мечтает о своем народе и своем Боге; народ в рабстве, Бог непризнаваем; Моисей видел своих братьев, избиваемых сборщиками податей, подавленных работою под жгучим африканским солнцем, покрываемых поношениями; он видел в царских дворцах и общественных местах чудовищных идолов, пред которыми египтяне склоняли колени, и, как у апостола Павла на афинских улицах, его верующее сердце наполнялось горечью и глубокой скорбью. Видимые обольщения богатством, удовольствиями и славой могут его настигнуть, но волны моря не поколеблют скалы. Он тверд, потому что видит Невидимого. Он Его видит, и этого достаточно: это его Бог, Которому он хочет послужить. Моисей хочет, чтобы Божие дело восторжествовало, и так как его народ несет с собою обещание Освободителя, долженствующего прийти, то есть Мессии, Который должен основать Царство Божие, то Моисей,

как говорит Писание, *поношение Христово почел большим для себя богатством, нежели египетские сокровища* (Евр. 11, 26), потому что он служил делу Христа и спасения мира.

Юные мои друзья! На жизненном поприще всякого человека есть час, в который совершается самый важный выбор, определяющий направление всей его жизни. Внешние обстоятельства нашей жизни изменяются, и ничто не напоминает теперь о Древнем Египте с его соблазнами и обольщениями; ничто не напоминает также о жестоком рабстве и поношении израильтян. Но вникните глубже, войдите в сущность дела — и вы увидите, что на земле ничто не изменилось. Всё тот же выбор между Богом и суетным миром, между материальными благами и преданностью Истине. «Живи для себя, — говорит искуситель, — употребляй на пользу себе самому дары твоего разума; требуй у науки блестящей известности, ищи успеха и влияния; если же подобная будущность тебе покажется слишком отдаленной и для ее достижения требуется слишком много усилий и трудов, склони голову и пей из опьяняющей чаши доступных наслаждений и требуй от настоящего часа всех его очарований». Этому голосу, вкрадчивому и вероломному, следует большинство. Итак, в мрачные часы, когда воля колеблется под напором вожделений или гордости, единственное, что может вас спасти, — это устремление взора на Того, Который невидим, противопоставление всему, что видимо, что блестит и пленяет, — правосудия и истины, которые невидимы.

Я знаю, что так поступают нечасто, что свет не подает своего голоса за этот выбор и не дает своего одобрения. В истинной вере, в жизни глубоко христианской всегда найдется для мира повод к удивлению и насмешке; то, что Священное Писание называет поношением Христа, ныне стало действительнее, чем когда-либо. Над вашими упованиями смеются, спрашивая, какому исступлению уступили вы и, называя мечтательностью, может быть,

даже фанатизмом, вашу веру в Бога и доверие к Его слову. Моисей был безумцем для людей своего времени, потому что пожертвовал всем, чему свет завидует, ради высшего безумия Царства Божия в неведомом будущем. Блаженны вы, если подобно ему несете поношение за святое дело; блаженны, если вы тверды, видя Невидимого и противопоставляя всем преходящим обольщениям света непреклонную уверенность в том, что вечно!

Проходят дни за днями, год за годом, медленно пробегая свой однообразный круг. Каждый вечер солнце склоняется к воспламененному западу, и верующий говорит себе: «Бог будет говорить со мной завтра, Он услышит меня». Каждое утро восток сверкает огнями зари, и Моисей говорит себе: «Мой час близится». Но Предвечный остается молчалив. Приходится ждать еще, ждать постоянно, чувствовать свою душу переживающей ужасные сомнения и спрашивать себя, может быть, как позднее спрашивал себя Илия: «Не покинул ли Бог совсем Своего дела?» или как спрашивал себя Исаия: *Напрасно я трудился, ни на что и вотще истощал силу свою?* (ср. Ис. 49, 4). Кто из нас не ведал этих долгих губительных опасений? Кого из нас не удивляло часто молчание Божие? Кто из нас, уверовав, не грустил, видя, как мир продолжает свое течение и всё, как говорит Писание, остается по-прежнему? (см. 2 Пет. 3, 4).

Взгляните на Моисея! Его вера не оскудевает: *он, как бы видя Невидимого, был тверд*. Годы проходят, его волосы седеют, но он не сомневается в верности Божией и торжестве дела, которому служит далеко в изгнании.

Поймите хорошенько, дорогие мои, наше назначение. Следует сказать нашему положительному веку, что только одно невидимое может спасти мир. Наш век тщеславится тем, что верит лишь тому, что можно видеть и осязать. Познавать видимое — вот его мудрость; действовать в видимом — вот его занятие; наслаждаться видимым — вот его счастье; кроме этого, всё теряет значение и исчезает в его глазах.

Но следует признавать открыто и повторять неустанно, что если и сохранился на нашей бедной земле какой-нибудь вечный принцип — утешение ли, твердая ли надежда, — то этим мы обязаны людям, которые, подобно Моисею, жили верою, а не видимым.

Если бы человек, живущий среди мира сего и ожидающий счастья только от мира видимого, получил бы от него отрицание этого счастья, проходил одни испытания и лишения, — это и составило бы конец всему земному. Но мир дает ему кратковременное наслаждение материальными благами и удовольствиями. Для верующего же, и особенно для пастыря, земная жизнь есть школа горького прозрения и непрерывных отказов. Конечно, я не забываю бесконечных вознаграждений, которые Бог примешивает к ним, не забываю и особой победной радости, которая для священника есть высшая награда веры. Но он их получает не на земле, и святой апостол Павел выразил это первым, сказав, что если бы наши христианские надежды существовали только для этой жизни, то мы были бы самыми жалкими из людей (см. 1 Кор. 15, 19). Нет, не здесь, не на земле мы должны уготовлять себе жилище. Обетованная земля — по ту сторону завесы. Туда будем стремиться без устали, одолевая зло добром и пребывая до конца твердыми, видя Невидимого, как Моисей.

Что есть священник?

Пастырь добрый полагает жизнь свою за овец.

Ин. 10, 11

Какая громадная общественная величина — хороший священник, такой священник, которым дорожит народ, как он дорожил отцом Иоанном Кронштадтским и тянулся к нему потому, что пастырь сам преследовал своей заботой, своей любовью души людские. «Сердце мое рас-

ширилось для вас» — эти великолепные и сильные слова апостола (ср. 2 Кор. 6, 11) приложимы ко всякому настоящему священнику — всякому, который не тщетно носит это имя.

Как необъятно назначение — стоять при человеке, при живой душе, в самые важные минуты существования. Человек родился из небытия — и священник погружает его в воду «во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Взрослый человек основывает семью с избранной девушкой — и вот опять: «Обручается раб Божий Иоанн рабе Божией Анне во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Священник владеет словами, которые он один имеет право произносить и которые обладают великою тайною силою: произнесет их — и совершится за литургией страшное чудо пресуществления, и в Чаше, куда было влито вино, закипит Христова Кровь; не произнесет — и ничего не совершится.

Перед священником раскрыты все страшные тайны дел человеческих. И в исповеди он видит жизнь не такою, какою она кажется даже осведомленным людям, давно уже не строящим себе относительно ее никаких иллюзий, а какая она есть в действительности, в беспощадном и совершенном своем обнажении.

Известный петроградский священник, большой работник на ниве народной трезвости, рано умерший отец Александр Васильевич Рождественский рассказывал мне о впечатлении первой принятой им исповеди на первой неделе Великого поста: «В этих коротких признаниях, произносимых отрывистыми фразами, я наслушался таких ужасов о том, что люди делают втайне, что я еле верил этим признаниям. В голове у меня мутилось. Я еле держался на ногах, а когда пришел домой, я бросился, не раздеваясь, на кровать, закрыл глаза, зажал уши руками и долго громко стонал. Вся моя душа болела невыразимо перед этими обнаженными, сочащимися язвами жизни... Господи, до чего проедена насквозь грехом человеческая природа!»

И вот, накидывая на голову человека епитрахиль — над всеми этими ужасами жизни, над людьми, которые тайно кого-нибудь убили, над детьми, живущими по-брачному со своими родителями, над опомнившимися богохульниками, клятвопреступниками, над всеми, грешившими по естеству и против естества, — священник имеет право произнести великие разрешительные слова: «Прощаю и разрешаю».

Вы только подумайте: умирает человек, и вторым зрением, которое является у умирающих, уже видит неизбежную и несомненную вечность. Какое томление, какое позднее раскаяние и какой страх! И в эти минуты, когда все вокруг испытывают ужас и смятение, спокоен и уверен один священник, с силою данных ему таинственных чудотворных слов. Опять звучит над столько раз прощенным и столько раз согрешившим человеком новое «прощаю и разрешаю» — и груз грехов летит бесследно в бездну, исчезает навсегда. И пусть говорят: «Что за лицемеры эти церковные христиане: каются и грешат, грешат и каются...» Да, грешат, потому что они люди, слабые люди, но никогда грехом не насладятся вполне; грешат — и в те же минуты покаянно вопиют к Богу, чувствуя, что созданы для высшего и лучшего, чем грех. И не ставят греха своего в закон.

В скорбный час отпевания, пред тем как близкие подойдут ко гробу «воздать последнее целование», прислушивались ли вы к этому новому торжественному всесовершенному разрешению души и полному зачеркиванию всех решительно долгов? И разве не значительны своею страшною властью и своими таинственными словами священники? И пусть некоторые из них относятся механически к своим обязанностям, но даже из целого их ряда блеснет вдруг яркой звездочкой убежденный человек и замолит, и разрешит, и пожалеет не только людей своего прихода, но и тех, о ком он никогда и не слыхал при жизни, людей, которых неко-

му жалеть, людей, всеми отброшенных и презренных, и пожалеет их, и устроит их души.

В Москве среди верующих ходит такой рассказ из Филаретовых времен. Был в одном приходе, где-то у Девичьего поля, «пьяненький» священник. Человек добрый, сердечный, но очень уж пьяненький, так что прихожане просили митрополита* избавить их от него. Просителями были люди, хорошо известные митрополиту. Делать было нечего, определение об отстранении священника было составлено и уже положено митрополитом на стол для подписи.

Ночью митрополиту снился трижды один и тот же странный сон. (Митрополит придавал значение снам, и за несколько времени до его смерти ему снился отец его, произнесший: «Береги девятнадцатое число». Митрополит и умер девятнадцатого ноября.) Он видел себя окруженным множеством несчастных, изнуренных людей, из которых некоторые имели вид кто удавленников, кто утопленников; все эти люди, наступая на него, громко кричали: «Оставь нам священника, он нам нужен!»

Рано утром митрополит послал за тем священником и стал допытываться у него насчет его жизни. Тот сразу покаялся в своей слабости, о своей жизни отозвался, что у него в жизни нет ничего хорошего, и только после долгих уговоров митрополита открыл ему, что имел обыкновение молиться о всех покойниках, о которых узнает, особенно же о людях, погибших несчастною смертью под рукою убийц, об утонувших и о наложивших на себя руки. Митрополит, большой мистик, заключил из этого рассказа, что священник нужен всем этим людям, и рассказал ему свой сон. Всё это произвело на священника такое впечатление, что он совершенно расстался с вином и стал примерным батюшкой.

* Святитель Филарет (Дроздов (1782–1867)), митрополит Московский и Коломенский. — *Прим. ред.*

Пройдите когда-нибудь в подземный храм-усыпальницу Петербургского Иоанновского монастыря на Карповке, к могиле отца Иоанна Кронштадтского. Нет такой минуты, чтобы вы не нашли там людей, стоящих на коленях пред громадным надгробием белого мрамора и что-то шепчущих. Это всё те же люди, которые при его жизни, когда он ездил по Петрограду из дома в дом и по всей России из города в город, бежали к нему, требуя молиться о себе, и он ради них хватался за ризу Христа, Которого воочию пред собою видел, и не выпускал ее из рук, пока не бывал услышан. И идут к нему, теснятся, потому что он был открыт для всех одинаково — и для человека, которого он знал десятки лет, и для того, кто, издалека приехав, подходил к нему на минуту — в первый и последний раз в своей жизни.

Да, такой священник, до которого всякому есть дело и которому до всех есть дело, такой священник есть большой, громадный человек, и его приход разрастается из одной церкви во весь город и из этого города порою во много разных городов и во всю страну.

Мне пришлось на днях слышать восторженный рассказ одного серьезного и авторитетного человека, крупного общественного деятеля, вместе с тем человека глубоко верующего, любящего Церковь. «Если бы вы знали, — сказал он, — какое необычное впечатление произвел на меня в Н. (и он назвал большой русский порт) тамошний портовый священник... Вы знаете, что я ездил туда на освящение новых кораблей. Молебен служил портовый священник отец Иона».

«Постойте, — прервал я рассказчика, — я о нем уже давно слыхал: он возится с подонками общества, ходит по ночлежкам. Мне уже лет десять назад люди из этого города говорили о нем как об очень замечательном священнике».

«А если бы вы знали, как он служит!.. Кто из нас не отстаивал молебен в глубочайшем равнодушии, еле кре-

стясь? Священники говорят слова, которых и не чувствуют, которые их и не интересуют, и мы поэтому тоже ничего не чувствуем. Надо вам сказать, что этого священника я заметил в первый раз, когда присутствовал в Н. на панихиде по одному из наших капитанов. Голос у него негромкий, но выразительный, а задушевность службы прямо поразительная. Так и чувствуешь, что этот человек видит Живого Бога, пред Ним предстоит. Во время нашего молебна у меня на глазах были слезы, и слезы были на глазах некоторых моих соседей, среди которых были и католики, и лютеране.

Вы знаете, что он делает? Когда подымается на море буря, он зовет причетника, чтобы открыть церковь, и молится на коленях Богу о плавающих на море».

«В нашем обществе, — вставил я, — при дальних и опасных рейсах по очень неспокойным морям почти не бывает несчастий; может быть, ради его молитв? Может быть, когда буря начинается ночью, он даже ночью встает и идет в церковь, и на коленях промолится иногда целую ночь... Есть очень сильные по выразительности картины французских художников из жизни нормандских рыбаков. На берегу, о который яростно бьют волны, рыбачки молятся пред статуей Мадонны о спасении дорогих людей. А тут картина еще более захватывающая: яростные морские волны, на берегу — одинокая портовая церковь, в темноте — священник, вопиющий к Богу об избавлении от гибели незнакомых ему, плывущих в эти часы по бурному морю людей».

«Вы понимаете, — продолжал мой собеседник, — его жизнь, его взгляды отражаются в его внешности, интонации голоса. И как он на всё смотрит просто! Когда я узнал об этих его ночных молитвах, я высказал ему мое радостное изумление. И мне показалось, что ему было бы приятнее, если бы никто о них ничего не знал. И с какой скромностью ответил он мне: “Ведь это моя паства, как же мне не молиться за них!”.

А его воздействие на чернь порта, на это бесшабашное пьянствующее и драчливое население! Вы знаете, какое громадное значение для человека имеет то, чтобы у него была хоть одна какая-нибудь святыня за душой — что-нибудь светлое, во что он верит, чему поклоняется. Вот для них такой святыней является отец Иона. У них лица расцветают, когда они произносят его имя. И это потому, что среди всех людей, которые смотрят на них, как на диких зверей, он один верит в искру Божию, теплящуюся под внешним и внутренним безобразием, и эту искру в них чтит. И они это чувствуют.

Нет... Вы не можете себе представить, до какой степени я счастлив, что узнал о таком человеке. А какие удивительные дела совершаются по его молитвам!»

Возможно ли в наши дни быть подобным священником? Да, возможно, и даже нужно. Разве теперь меньше потребности в молитвенниках? Наоборот. Истомившийся народ ищет их. Но чем ярче горит в темноте ночи светильник, тем больше летят на него насекомые: для сердечного пастыря, жалеющего народ, умножаются опасности и скорби до предела.

«Ты что, братец, не служишь?» — спрашивает священника его друг по семинарии. «Да вот, видишь, — отвечает печально батюшка, — не возлюбил настоятель, говорит: “Ты уж очень горячо взялся, отдохни немного...”».

А как украшается жизнь такими священниками! Как поучительно для других горение их душ, их настроенность! Золото очищается в огне, пастырский крест светлеет, сияет в трудностях. А с какой благодарностью и восторгом будет вспоминать их имена история! И как печется о них Господь!

Молодая девушка горит желанием подвига. «Замуж? Да что вы! Если уж так судил Бог, то только за священника», — и она готова быть там, где труднее путь, тяжелее долг, благороднее цель. Да, нужны теперь добрые священники, очень нужны, и они есть; нужны и вер-

ные им спутницы, и их немало у Матери Церкви Православной.

Что есть священник? Великий труженик, подвижник. А добрый, сердечный священник — отец всем. Живая личность как абсолютная ценность — таковой она может считаться только при наличии веры и бессмертия. Священник-отец стоит за эту живую личность, он ее спасает, и в этом его счастье вечное. Аминь.

Часть II

1955–1960

От автора

Это вторая часть моих «Воспоминаний». Она охватывает период с 1955 по 1960 год, когда Лавра Преподобного Сергия уже начала свое возрождение. Хотя еще не залечились раны разрухи, но жизнь святой обители потекла уже своим нормальным порядком. И вот в этот период, как после какой-то бури, наблюдается в Лавре большая смертность ее насельников. В нашей памяти сохранились образы четырнадцати человек, в эти годы ушедших в горний мир из мира дольнего. Все они были людьми огромного труда, великого подвига и всецелой жертвенности. Это были представители народа русского, пришедшие в монастырь, чтобы молиться денно и нощно о своих собратьях и о своей дорогой Родине. Вот о них-то мы и расскажем во второй части нашего труда всё, что сохранилось в памяти.

СВЕЧА НЕГАСИМАЯ

Архимандрит Филадельф
(Митрофан Петрович Мишин)
(1876–1959)

Боготечная пресветлая звезда явился еси, Преподобне отче Сергие, небо церковное украшаяй.

Акафист Преподобному Сергию Радонежскому

Земная жизнь человека есть великий дар Божий. И многие этот дар Божий совсем не ценят! Даже есть такие неблагодарные души, которые тяготятся жизнью, считают ее каким-то бременем неудобоносимым. Конечно, земная жизнь наша есть не что иное, как сплошной подвиг. Она есть, по апостолу, *странничество. Странники мы пред Тобою и пришельцы* (1 Пар. 29, 15; см. 1 Пет. 17, 2). А разве странничество легко? Разве оно не связано с постоянными усилиями, трудностями, опасностями?

Когда же люди своим вторым зрением — духовными очами веры — смотрят в даль будущей жизни, которая непременно откроется после смерти, смотрят так уверенно, твердо и убежденно, — тогда настоящая земная жизнь приобретает в действительности совсем ничтожный, временный характер. И только миролюбцы, отчаянно хватающиеся за эту временную жизнь, не видя будущей, могут подчинять свои интересы исключительно узким земным планам. Как все-таки прекрасно жить, терпеть, страдать и даже умирать, имея твердое упование на будущее свое личное загробное существование! Тогда и кругозор раздвигается широко-широко, и интерес к жизни увеличивается, и главное — достоинство человека как вечно живой личности возрастает до неизмеримых высот.

Да, действительно, жизнь человека есть великий дар Божий. И как этот дар надо ценить! Надо им дорожить и благодарить непрестанно Господа, давшего нам эту временную жизнь, а за ней и жизнь вечную, бесконечную.

Особенно светло и ярко проводят жизнь свою люди, которые сдружились с любовью, то есть кто приобрел святую любовь к Господу и всем людям. Это бесконечно счастливые души. Это избранники Божии, вместившие в свое сердце любовь — Божественную стихию, дивную красоту, украшение ангелов.

В наше время, скудное верою и благочестием, к сожалению, можно наблюдать очень печальное явление. Всюду в жизни мы видим оскудение любви. Это большое несчастье. Это страшное состояние наших дней. Жизнь без любви — жизнь без Солнца. И надо с уверенностью сказать, что такое явление в современной жизни нашей не случайно. Священное Писание ясно говорит о наших временах:*...и, по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь...* (Мф. 24, 12). Поэтому наблюдаются всюду распри, раздоры, разногласия, ссоры, поэтому гремят в мире войны. В сердце человека, в семье, в обществе, даже в Церкви Божией нет настоящего твердого мира. Нет любви — того жизненного тепла, без которого всё увядает, остывает, леденеет до ужаса.

Огонь пришел Я низвесть на землю, — говорит наш Господь и Спаситель, — *и как желал бы, чтобы он уже возгорелся* (Лк. 12, 49). Огонь — это и есть любовь Божественная, которая всё согревает, всё оживляет, всему дает настоящую полную жизнь!

О эта любовь, эта святая небесная жемчужина! Святые отцы наши богоносные не находили слов, чтобы восхвалить тебя по достоинству. Каким именем назвать тебя? Как изобразить твою красоту, как описать твое вечное тихое сияние, любовь, святая любовь?!

Сижу и плачу оттого, что не имею этого святого сокровища, не обладаю этим божественным неоценимым

даром. Только по временам, как малая вспышка огонька, появляется она в сердце. И тогда готов обнять весь мир, всех людей, всех врагов, обласкать лучами любви всё живое: малую букашечку, цветочек, листочек, обойти и не смять былинку, травинку. Как страшно жить без любви! Как жутко...

Мать колет своего ребенка иголками в головку, чтобы только он не жил. А что он сделал, милая крошка, в чем его вина? За что его так мучить, убивать? Другая мать бросает своего младенца темной ночью в глубокую реку, а мальчишки вытягивают его удочками на берег... Там непутная дочь, чтобы избавиться от своей старушки-матери, вливает ей, сонной, в открытый рот кипяток из чайника... Здесь пьяный сын вместе с товарищами после гулянки рубит топором своего старика-отца... Там ожесточенный бандит-муж, закрыв изнутри двери дома, сжигает паяльной лампой мученицу — законную жену, мать двоих малюток... А здесь жена, сговорившись со своей родной сестрой, ночью убивает обухом топора спящего мужа... Молодая девушка в расцвете сил бросается в глубокую реку, гибнет... Молодой человек, так рано потеряв смысл жизни, вонзает в сердце свое острый нож... Боже Ты мой, да разве можно описать все ужасы, которые неизменно бывают там, где нет любви, где она потеряна, где она грубо и жестоко попрана?! Там, где нет любви, — самоуничтожение, смерть.

С какими слезами умиления, благодарения, нежной признательности мы должны вспоминать о нашем Господе Иисусе Христе — Источнике любви и радости! Ведь Он принес нам с высокого неба *огонь любви*, Он согрел холодную землю нашу теплом Божественной любви. Он и теперь зажигает наши холодные сердца Своей любовью. Он открыл нам через Своего апостола любви святого Иоанна Богослова, что *Бог есть любовь*. И кто живет в любви, тот живет *в Боге, и Бог в нем* (ср. 1 Ин. 4, 16).

Как хочется пожелать моему дорогому читателю, чтобы любовь святая жила в его сердце, чтобы любовь святая

согревала его жизнь, чтобы любовь святая озаряла его дни сиянием своих лучей, чтобы любовь святая, как на крыльях могучего орла, вознесла его выше всего земного, выше всего тленного, вознесла до самого высокого неба, где всё живет любовью, всё движется ею и ею наслаждается вечно! Как хочется пожелать этого великого счастья моему милому, дорогому читателю!

Пред образом Спасителя в терновом венце молится дитя. Вокруг всё тихо и спокойно. В кроватке рядом спит маленькая сестренка, блаженная ангельская улыбка озаряет личико. Мать, утрудившись за день, отдыхает в соседней комнате. «Господи, — шепчут детские уста, — помилуй мою маменьку, мою бабыньку, мою сестренку Таню, нашу собачку Жучку и нашего рыжего кота Ваську». И курчавая детская головка низко-низко клонится к земле... А потом снова: «Господи, помилуй мою маменьку, мою бабыньку, мою сестричку Таню, нашу собачку Жучку и нашего рыжего кота Ваську...» — и опять головка тихо-тихо склоняется к земле... (из воспоминаний детских лет в Бозе недавно почившего владыки).

Любовь, всеобъемлющая любовь неиспорченного детского сердца... Всех ему жалко — и маменьку родную, труженицу, и бабыньку старенькую, и сестренку, и домашнюю собачку Жучку, и рыжего кота Ваську...

...Глухая зимняя ночь. Во мраке высится монастырь... Тихая уютная келия. Горит лампада, освещая кроткий девственный лик Богоматери. «Господи, Матушка Заступница, — шепчут еле-еле слышно старческие уста, — да как же всех жалко-то! Да сколько же страданий на земле, сколько слез, горя, воздыханий, невыразимой муки! Как же трудно спасаться всем! Как тяжело дышать на этом грешном свете! Господи, Матушка Заступница...» Седая голова падает ниц и долго-долго не поднимается... А потом снова: «Господи! Матушка Ты наша

Заступница, да как же всех жалко! Да сколько страданий на земле, сколько слез, горя, воздыханий, невыразимой муки, как же трудно спасаться стало, как тяжело дышать на свете! Господи, Матерь Божия...»

Молится архимандрит Филадельф, восьмидесятилетний старец. Сколько он ежедневно видит слез, сколько скорбей слышит! И отеческое сердце обливается кровью...

Он был еще не совсем старым, когда пришел в святую Лавру. Это ежедневные людские скорби сломили его крепость. Он не может не принять их к своему сердцу, не считать эти народные скорби своими скорбями. Они, как острый меч, вонзаются в его пастырское сердце...

С вечера немного отдохнет, а ночью, когда все-все заснут, когда всё умолкнет, он встает и опять свое: «Господи, Матерь Ты Божия, Заступница Ты наша, да как всех жалко-то, да сколько горя-то, слез, воздыханий на земле!» К утру немного успокоится, а когда пойдет исповедовать, то горя, слез, бед и воздыханий слышит еще больше. И старец под их тяжестью всё ниже и ниже склоняется станом. Голова его всё белее и белее делается — седеет, а очи — эти глубокие очи! — всё глубже и скорбнее...

В мире его звали Митрофан Петрович Мишин. Где он родился, кто его отец и мать, каков путь его прежней жизни — покрыто тайной минувшего. Известно только, что он пришел в святую Лавру Сергия Преподобного в сороковых годах*, то есть вскоре после ее открытия, пришел уже довольно измученным пожилым монахом, чтобы уже никогда больше не возвращаться в суетный мир. Полюбил его авва Сергий Преподобный за святую детскую простоту, всеобъемлющую любовь к людям. Вскоре отец Филадельф (Филадельф по-гречески значит «братолюбец») стал иеромонахом, затем архимандритом и духовником

* С 1904 по 1921 год архимандрит Филадельф был насельником Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, куда вернулся в 1952 году. — *Прим. ред.*

народа, богомольцев. И в этом святом подвиге — послушании духовника — он провел несколько лет.

Какую великую радость приносит свеча, горящая во мраке ночи! Какой восторженной радостью и надеждой жизни зажигает она сердца людей, затерявшихся, заблудившихся в подвальных мрачных ходах жизненного пути! Идет человек в непроницаемой, жуткой, зловещей тьме. Идет наугад. А вдруг — пропасть, бездна, глубокий колодец, обрыв?.. Впереди горит свеча... Яркое, светлое пламя ее рассеивает тьму. Луч света прогоняет мрачный страх и из сердца человека. Идет он уже уверенно, легко, целеустремленно. Свеча, да еще свеча негасимая! Какое это богатство для людей, живущих во мраке ночи!

Облаченный в монашескую мантию, епитрахиль и поручи, согбенный, с белой головой и белой бородой, стоит отец Филадельф у аналоя. На аналое — Святое Евангелие и крест как свидетели невидимо стоящего здесь Господа Христа. Уже довольно уставший, ослабевший, отец Филадельф еле держится на ногах. Праздничный день. Много причастников — приезжие, издалека. «Кто еще?» — кротко спрашивает старец слабым голосом. Подходит юноша. «Отец, жизнь померкла, — говорит он безнадежным голосом, — неудача в любви — и вот стало мрачно, как будто ночь страшная нависла над моей бедной головой. Отец святой, и веры нет в душе, всё угасло». Юноша замолк. Голова касается аналоя. Черные кудри упали на Святое Евангелие, на святой крест. «Отец, отец, а грехов сколько!» — еще глуше откуда-то снизу слышится голос. Старец утирает слезы. Потом он кладет свою десницу на голову юноши и отечески проникновенно говорит: «Дитя мое, зажги потухший свой светильник. Христос — Свеча негасимая. В Нем едином истинная жизнь, счастье, смысл всего!» Обласканный, согретый, ободренный отходит юноша от аналоя. В его душе затеплился огонек надежды. Он понял смысл неудач в жизни. Он прикоснулся холодной душой к негаси-

мому светильнику горячей веры и... увидел другой путь жизни — при свете Божественной благодати.

На исповеди батюшка Филадельф был ко всем добр, и не было случая, чтобы он на кого-нибудь покричал, или кому после искреннего покаяния запретил Святое Причастие, или еще что такое подобное. «Бог простит, Бог простит. Бог простит», — только и слышится его уверение на открываемые грехи кающегося, как бы страшны они ни были. Это всепрощение выражало особое его дерзновение пред Господом. Батюшка вполне был уверен, что Господь непременно простит грехи кающемуся. А уж он по доброте своего отеческого сердца тем более не может не простить. Батюшка Филадельф хорошо знал, как трудно, особенно теперь, спасаться людям, как много, много у них искушений, как безмерно много соблазнов, опасностей. Он хорошо помнил милостивые слова Спасителя: *Грядущаго ко Мне не изжену вон* (Ин. 6, 37), *не здоровые имеют нужду во враче, но больные* (Мф. 9, 12) и еще: *Милости хочу, а не жертвы* (Мф. 9, 13). Потому отец Филадельф предпочитал любовь строгости и всепрощение — наказанию. «Ты, милая детка, не горюй, — бывало, скажет он унывающей монахине или какой девице, — а поделывай, поделывай, сколько можешь. И всё будет ладно...»

Такое мягкое и ласковое отношение ко всем отнюдь не баловало людей, не расслабляло их в духовной жизни, а наоборот — поддерживало, воодушевляло и настраивало малодушных на борьбу с грехами, вызывало решительное желание начать новую жизнь, порвать с прежними пороками и больше не возвращаться к ним. Имея большой духовный опыт, старец хорошо понимал и прозревал, в чем именно настоящий человек нуждается, что ему может помочь в ведении доброй жизни, чего главного не хватает для спасения. Он верил в зиждительную силу любви. Он знал, что теперь-то особенно все люди нуждаются в ней, как в воздухе, что без любви жизнь совсем завянет, затмится, угаснет.

Предпочитая любовь строгости, старец, однако, не был ко всем безразборчиво ласков и безволен. Если он видел, что человек упорствовал в своих грехах, явно глумился над всем святым и не желал вставать на праведный путь жизни, старец просто замолкал, переставал говорить. Отпускал собеседника, не грубя ему, но в душе у него залегали ужасная скорбь и мука. Ленивых и нерадивых он по-отечески стыдил: просто, кротко, но убежденно. Одной старой деве, которая жила лениво и невоздержанно, он говорил: «Ну что, дитя мое ленивое, ты смеешься над моими сединами! Ведь тебе желаю добра одного и спасения, а ты нерадишь, и нерадишь, и нерадишь... Святой апостол сказал: *Блюдите, како опасно ходите* (ср. Еф. 5,15), а ты, неразумная дева, и не смотришь, куда ступаешь: в лужу, аль в трясину, аль в пропасть...»

Особенно не любил старец, когда за ним бегали неотступно разные кликуши да пристрастные души. «Батюшка наш, — говорили они, — святой да прозорливый. Он исцеляет болезни и бесов прогоняет». Отец Филадельф нервничал, из себя выходил. «Вот дуры-то, — сурово говорил он, — нашли себе прозорливца. Да какой же я прозорливый-то? Не прозорливый я, а прожорливый, не святой, а косой. Исцеляет-то ведь Господь наш Иисус Христос. Он единый Врач и Целитель. А я-то кто такой? Вот дуры бабы, вот дуры так дуры. Филадельфа сделали прозорливым! Грамматику не учили, что ли? Почитай-ка возьми. Вот чего еще надумали».

Когда старец так расстраивался, то одно и то же повторял и повторял без конца. Кажется, что он и не уймется никогда, не успокоится. «Старец, — скажет какой-нибудь брат, — да ведь они, может быть, и правду говорят про тебя, ведь их не обманешь». — «Не обманешь, не обманешь, — зачастит отец Филадельф, — Бога вот не обманешь, а их — обманешь. Нашли себе прозорливого! Да какой я прозорливый — прожорливый я, да и только. Грамматику не знают, вот и говорят

так — прозорливый», — и старец опять «заведется», и конца не видно.

Удивительное смирение побуждало отца Филадельфа отводить от себя всякую людскую славу. Он не мог признать за собой чего-либо высокого и святого и считал себя последним из всех людей.

Имел старец от юности своей немало способностей. Одной из них было стихотворство. Когда чьи-либо именины — отца наместника или какого другого должностного лица Лавры, — он обязательно смастерит стих по этому случаю. Сам надумает, напишет красиво, обведет нарядным орнаментом. И всё это устроит на большущем листе бумаги, чтобы было внушительно и солидно, как грамота почетная. Напишет так, да и молчит, чтобы никто не знал, чтобы всё это было неожиданностью и сильнее всех поразило. Придет в трапезную, а свое творение свернет трубочкой да в широкий рукав рясы спрячет. Сидит с братией и переживает: вот сейчас обед кончится, все встанут, помолятся, и тогда он выйдет на середину да совсем неожиданно будет читать стих пред именинником. Сидит и переживает.

Кончался обед, звенел звонок, вставали, молились. И вот тогда наступал самый страшный момент для отца Филадельфа. Он выходил на середину трапезной и как можно торжественнее, деловитее разворачивал у всех на виду свою грамоту, несмело и будто виновато читал поздравительный стих. А руки-то, руки у него трясутся — грамота так и пляшет в воздухе. Старец бодрится что есть силы. Но по улыбающимся лицам братии можно понять, что все видят, как отец Филадельф изрядно трусит, слова у него путаются, и язык-то плохо ворочается, и голос-то срывается. Но уж когда торжественная декламация завершится, старец счастлив, как малый ребенок. Он смущенно улыбается, щурится, прячется за других, прямо не знает, куда и деть себя. Тут братия подходят и поздравляют его с успешным, даже блестящим высту-

плением, и нашему поэту достается похвал вдвое больше, чем самому имениннику.

Торжественно и по-братски весело проходили такие выступления батюшки Филадельфа. «Старец, — скажет ему, улыбаясь, брат, — да ты у нас настоящий оратор и поэт». Отец Филадельф ухмыльнется как-то по-детски, повернется и скорее уйдет, скроется, спрячется.

Особым достоинством старца было то, что он очень любил святых угодников Божиих. Как он их любил! Как он благоговел пред ними! Это вот тебе в науку, мой любезный читатель. Хотя мы тоже любим святых угодников Божиих, но когда мы о них вспоминаем? В несчастиях, когда нам нужна какая-либо помощь, — вот тогда мы и кидаемся к ним: «Помогите мне, угоднички Божии! Сергий Преподобный, Серафим Саровский, Иоанн Воин, все святые, помогите!» Сестра ли при смерти, или сосед нападает, или нога-рука заболела, опухоль ли злокачественная...

А вот отец Филадельф жил живой связью с Божиими угодниками. Всегда был духом соединен с ними, не только в горе, но и в радости, и всегда молился им.

Особенно он любил Сергия Преподобного и Николая Чудотворца. Преподобного Сергия он полюбил здесь, в Лавре, Николая же Чудотворца всю свою жизнь любил за то, что тот очень милостив ко всем бедным и несчастным. А отец Филадельф и был как раз более всего несчастным в жизни своей. Особенно до Лавры. Сидели мы однажды во дворе святого монастыря. Да, кажется, в садике монастырском. Маленький садик такой, две-три скамеечки поставлены в нем, стоит бочка с водой, и кошка серая монастырская бегает с двумя озорниками-котятами. И вот старец разговорился о своей минувшей жизни. Мы, тогда молодые студенты, с интересом слушали. Зная его особую любовь к святителю Николаю, один молодой монах-семинарист спросил: «Отец Филадельф, расскажи нам, как Николай Чудотворец спас тебя от голода». Мы

притихли. Старец благодушно прищурился. Посмотрел на всех любовно, потом воодушевленно перекрестился и начал: «Угодник Божий Николай Чудотворец всю жизнь меня хранит и питает. А вот однажды он спас меня от неминуемой злой голодной смерти». Голос его дрогнул. Старец умолк. Долго копался в своей рясе, вынул платочек и стал утирать непрошеные слезы. Нам стало неудобно, и мы понурили свои головы, чтобы не видеть слез старца.

Кстати, оговоримся, что отец Филадельф, хотя и звали его братия иногда оратором и поэтом, рассказчик был довольно плохой, незавидный. Он сильно сбивался, путался, повторял одно и то же. Словом, по своей скромности и застенчивости он очень терялся при народе, особенно когда был предметом всеобщего внимания.

Он справился со слезами и продолжал: «В ссылке я был. Голодный был год. Есть было совсем нечего. Работа очень и очень тяжелая, а есть нечего. Да еще зима была суровая-пресуровая. Транспорт не мог ходить, и доставка продуктов прекратилась. Мы несколько суток были совсем голодные и холодные. Да еще, как на грех, мороз прибавил до сорока градусов. Птица мерзла на лету. А одежонка-то арестантская какая?» И старец окинул всех многозначительным взором. «Арестантская-то какая? — повторил он снова. — Многие мои собратья слегли: обессилели и не могли ходить. Я тоже готовился умирать с голода и холода. Ночевали мы в хибарках, маленьких таких и совсем худых. Окна заткнуты тряпками. На полу снега надуло в щели. Дверь полуоткрыта — понамерзло на ней льда целый вагон... Был холодный вечер. Я лежал, укутавшись в тряпки; мороз лез и леденил всё тело. Сильно захотелось спать. Я знал хорошо, что такое состояние — предвестник смерти. Чуть засни — и всё, больше не встанешь вовеки. С трудом поднявшись, я решил последний раз помолиться святителю и чудотворцу Николаю. "Угодник Божий, — сказал я ему, — ведь я помираю. Ты всё видишь. Ты — скорый помощник, сам приди ко мне, по-

моги!" Дальше не помню, что говорил или не говорил, только слышу: сильный стук в дверь. Открыл. Порыв холодного ветра со снегом обдал лицо. Никого нет. Но что это такое? Свежие следы от двери... Заглянул за угол — сумка большая стоит. И снег еще не успел ее замести. Боже мой, да что же это такое за привидение?! Еще раз оглянулся на следы — они уходили в сторону леса. Кругом — ни души, только буря сильней расходилась. Взял я эту сумку. Тяжелая. Принес в хату. Открыл... Милые вы мои дети, — и старец навзрыд заплакал, — в сумке-то были свежие хлебы. Да еще теплые, совсем горячие! Будто только вот из печки их вытащили. А какая там печка?! На пятьдесят верст не было ни одной хозяйской хаты, только ссыльные да арестанты...

Вот этим хлебом мы и жили целую неделю, пока не утихла пурга и не привезли нам паек. И никто тогда не умер. В других лагерях, слышно было, многие позамерзали в ту метель, а наши-то никто не замерз. Чудотворец Николай спас».

Старец замолчал. Видно было, что он сам взволнован этим дивным воспоминанием. А какое сильное впечатление осталось в наших сердцах! Какое великое счастье — жить живой верой в помощь святых угодников Божиих, любить их, благоговеть пред ними, молиться им в минуту опасности и вообще молиться им всегда! А еще важно — иметь нежную любовь к какому-либо одному святому. Любить-то их всех надо, но считать близким покровителем — одного из них и всегда чтить его особой любовью в своем сердце. Отец Филадельф любил особенно святителя Николая Чудотворца, а кто-либо из нас любит Сергия Преподобного, а другой — преподобного Серафима, а третий — Иоанна Воина, а четвертый — Адриана и Наталию, а пятый — Косму и Дамиана и т. д.

Мой милый и любезный читатель, подумай об этом. Тем более если ты еще не имеешь у себя в сердце небесного покровителя, особого для тебя. Хорошенько помолись

и избери его себе, и молись ему, и подражай ему в жизни. Каждый из святых является учителем и покровителем какой-либо особой добродетели, например святитель Николай Чудотворец — милосердия, Преподобный Сергий — смирения, преподобный Серафим — кротости; Адриан и Наталия — учителя целомудренной семейной жизни, Косма и Дамиан — бессребреники, Иоанн Воин — избавитель от смерти внезапной.

Вот видите, как Господь хорошо всё устроил для нашего спасения! Особенно теперь, когда мы бываем далеко оторваны от своих духовных отцов, нам так нужны святые угодники Божии! А если кто и имеет счастье жить рядом со своим духовником, то и тогда часто нет возможности к полному духовному окормлению: духовник сильно загружен, болен или ленив, нерадив, невнимателен. И это тоже у нас бывает. Вот его духовные чада и страдают, не имеют правильного духовного окормления. Чахнут душой, как нежное растение без солнечного тепла. Ропщут, унывают, обижаются. А иные настолько охладевают к спасению души своей, что совсем перестают спасаться и говорят: «Теперь мне всё равно, погибла я. Молитвы у меня нет, терпения и не было. Чистоты — как в болоте: разные скверные мысли, чувства. Духовный отец бросил, не слушает меня. Благословит — и всё, да и то кое-как...»

Что же сказать на это? Видимо, жизнь нашего века такая сложная. Время такое страшное и трудное для спасения. Враг сильно взялся за нас, видя, что ему осталось малое время быть на свободе. А духовники бывают в этом большей частью совсем невиновны. Они — мученики нашего времени. Их так ограничили во всем, что и дохнуть свободно некогда.

Отец Филадельф об этом всё скорбел. «Не плачь, моя горькая птичка, — говорил он одной монахине, — не плачь очень-то, что так мало меня видишь. Зато я много о тебе молюсь в келии да у престола Божия молюсь...» А это и есть самое главное.

Однажды отцу Филадельфу пришлось поехать в отпуск: предложил ему отец наместник поправить здоровье. Как старец переживал, что оставит своих духовных детей одинокими! Когда поезд увозил его дальше и дальше от Лавры, он всё поднимался на сидении и смотрел на удаляющуюся святую обитель. И слезы, слезы текли из его старческих глаз. «Ну что вы, батюшка, так убиваетесь, — говорил ему провожавший его студент Духовной школы, — ведь скоро вернетесь, увидите опять своих детей». Старец сквозь слезы отвечал: «Увижу-то увижу, но ведь это будет через целую неделю. А как они будут здесь скорбеть да тосковать! Вся надежда только на Матерь Божию. Я Ей всех их поручаю...»

Любил старец духовных детей горячо и нежно. Знал, как трудно им спасаться без духовного руководителя. Конечно, каждому из нас надо избрать себе духовного покровителя из святых угодников Божиих (они-то уж всегда будут с нами, никто не сможет нас с ними разлучить), но, чтобы спасение наше было более верным, хорошо иметь и духовного отца. Это очень хорошо и спасительно. Такие теперь времена шаткие! Как трудно бывает духовное окормление! А если кто из духовников особо выделяется своей духовной жизнью, то таких совсем изолируют, переводят в другие места, чтобы разъединить с верующими.

Примерно за год до своей смерти отец Филадельф стал заметно слабеть телом. Особенно его изматывала исповедь народа. Он так уставал, что еле-еле добирался до своей келии. Его стала мучить жажда. Помню, как он, отправляясь на исповедь во Всехсвятский храм, что под Успенским собором, стал брать с собой бутылочку воды с источника. Оставлял эту водичку в алтаре и, когда жажда сильно начинала мучить его, приходил в святой алтарь, принимал несколько глоточков этой воды и снова шел на свое исповедное место.

Затем его стала сильно мучить одышка. Пройдет, бывало, старчик несколько шагов и остановится. Постоит,

поглядит на всех своими кроткими слезящимися глазами да и скажет: «Эх-ма, братцы, не те времена, как раньше бегал. Вот скоро понесут совсем». — «Еще поживешь, отче, — говорили ему, — ведь ты нужен Преподобному. Он тебя любит». — «Любит-то любит, а вот болезнь-то нудит...»

Как солнце угасает на вечерней заре, скрывая свои благодатные лучи от живущих, так тихо, незаметно угас старец Филадельф. В день его смерти, утром, какой-то незнакомец вошел в Троицкий собор, взял за ящиком большую свечу, подошел к иконе Преподобного Сергия, зажег свечу и, ставя ее у святого образа, сказал: «Гори дольше и не сгорай, ты — свеча негасимая...» И свеча эта большая горела целый день, с утра до вечера. Когда она уже догорала и осталось совсем-совсем немного, неожиданно в собор вошел иеромонах и, обращаясь к гробовому дежурному, тихо сказал: «Умер отец Филадельф». И свеча тотчас погасла...

Его хоронили всей братией. Сам отец наместник отпевал по монашескому чину. Народ плакал, провожая своего доброго пастыря в путь дальний. Кто теперь примет их скорби на себя? Кто их, сирот, утешит? Кто приласкает добрым словом? Кто помолится за них?

Плакали люди мирские, плакали и братия. А когда закончился день и солнышко спрятало свои лучи, на кладбище прибавился новый курганчик из свежей суглинистой земли. На другой день здесь был поставлен могильный крестик и прибита к нему дощечка с надписью, которую сделал лаврский художник. А надпись самая простая, самая краткая: «Здесь покоится прах архимандрита Филадельфа (Мишина)...»

Простой глаз ничего здесь больше не заметит. А вот люди веры, проходя глубоким вечером или ранним утром мимо кладбища, видят, как у могилы отца Филадельфа тихо мерцает лампада негасимая. Остановятся, подивятся, перекрестятся и идут дальше. Еще бы, ведь это не про-

стая могила, а особенная. Там покоится большое любящее пастырское сердце. Любящее... А любовь, как сказано в Писании, никогда не умирает.

ПОСЛЕДНИЙ ПРАЗДНИК

Иеродиакон Даниил
(Павел Иванович Маланьин)
(1926–1956)

Аще бо и умерл еси на земли плотию, но душею в вышнем селении всегда жив сый.

Акафист Преподобному Сергию Радонежскому

В высокие узкие окна величественного собора Успения Божией Матери пробиваются предзакатные лучи солнца. Весь он становится легче, воздушнее, не теряя своей внушительной силы, которая покрывает и защищает собравшихся людей от всех невзгод. От его массивных стен словно лучится уверение: здесь можно чувствовать себя спокойно и надежно. Высокий пятиярусный иконостас с золоченой резьбой колонок, сужающихся кверху, подхватывает и увлекает ввысь. И тогда, оглянувшись на хлопоты жизни, навязчивые и мучительные, легче понять, что все они — только *суета сует и томление духа* (Еккл. 1, 2, 14; 4, 4). Сверху — с купола — благословляет всех Господь, напоминая такие знакомые евангельские призывы: *Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28).

Всегда хорошо в Успенском соборе Троице-Сергиевой Лавры, но особенно — простым летним теплым вечером. В узкие щели-окна часто заглядывают голуби, как бы

интересуясь, хорошо ли там людям. Вечерня, а особенно всенощная, к своему концу как бы приберегла самые трогательные молитвы. Хорошо так стоять и молиться: «Христос, Свет истинный, просвящаяй и освящаяй всякого человека, грядущего в мир, да знаменуется на нас свет лица Твоего»*. И дальше: «Да в Нем узрим свет неприступный»**. Здесь, у Преподобного, всякое напоминание о свете Лица Божия становится понятнее, ближе. Верно то, что этот свет сиял и тогда, когда шумели здесь вершины вековых сосен и елей, когда росла по пояс буйная некошеная трава, когда дымила трескучая лучина в тесной келии Преподобного Сергия у образа Всемилостивого Спаса. Недоступный обычному зрению, он сиял всегда, а видимый чудесный — лишь в особенные моменты. Опять вспоминается видение Преподобному Сергию, о котором пишет поэт:

Встав с колен, перекрестившись,
Слышит Сергий, как во сне,
Чей-то дивно-властный голос,
Прозвучавший в тишине:
«Сергий, Сергий! Скоро будешь
Утешителем сердец.
Горьки будут испытанья,
Дивен будет твой венец».
Вышел он, и свет великий
Засиял в его глазах:
Птицы стаями порхали
В ослепительных лучах.
«Сергий! Видишь — это дети
Собрались к тебе твои.
Ждут они благословенья,
Ждут они твоей любви».

* Священническая молитва на первом часе.
** Там же.

Дальше автор стихотворения пишет о растаявшей дымке грядущих столетий, о золоте куполов и малиновом звоне, несущемся далеко-далеко за белостенную лаврскую ограду, о несметных толпах народа, теснящихся перед собором...

Тихий свет святой славы! В его живительных лучах очнулась Лавра, гудит разбуженный богатырь-колокол, почувствовав прилив новых сил. Очнувшись, Лавра стала на глазах обновляться внешне и впитывать новые молодые силы. Сразу же потянулись к Преподобному игумену те, кто услышал его зов. Услышал и откликнулся. Откликнувшись, решился на трудный подвиг борьбы с собой, подвиг постоянный, многолетний, неослабный. Особенно дорого и радостно было видеть этот отклик в юных душах.

Юности много дается — широкие возможности, разные дороги, свободный выбор любого пути. Почти всегда в таком возрасте руководствуются больше сердцем, чем доводами ума. Мелочность, расчетливость, жажда сытого покоя приходят позже. Поэтому-то серьезное намерение выбрать из всех дорог узкую и тернистую тропинку в обитель Преподобного Сергия особенно ценно.

Из всех, кто влился в число лаврской братии, из вновь пришедших молодых вспоминается почивший почти десять лет назад иеродиакон Даниил, в миру Павел Иванович Маланьин. Не заметить его в те годы было невозможно. Яркие, бросающиеся в глаза внешние данные — высокий рост, почти черные волосы, крупные и выразительные черты лица — очень хорошо гармонировали с завидным голосом — могучим, очень приятного тембра басом. Он любил служить и служил собранно, серьезно, не мешая каждой душе выразить в молитве, соединить с ектениями свое сокровенное, — прямо, непосредственно, просто. А ведь как велик соблазн молодому сильному голосу заглушить всё и всех, насладиться своим диапазоном и оттенками звучания! Когда иеродиакон Даниил пел

величания, мне невольно вспоминался писатель Тургенев: «Русская правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны». И еще: «Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким» (из рассказа И. С. Тургенева «Певцы»).

Конечно, в таком положении особенно трудно хранить свою душу от въедливых помыслов тщеславия, от увлечения собственной значимостью, от желания настоять на своем при всякой несправедливости. Трудно любому, а еще больше серьезному монаху с полной ответственностью относящемуся к своим обетам.

Отец Даниил, по отзывам знавших его, старался работать над собой и эти старания укреплял молитвой. Рано утром вместе со всеми насельниками обители спешил он к Преподобному игумену Сергию за благословением.

В соборе еще темно. Только дежурный монах зажигает лампадки. Пока не пришел отец наместник, все богомольцы стоят в притворе, оставив неширокий коридор для прохода монахов. Как только прозвучит возглас предстоятеля «Благословен Бог наш», вспыхнут разноцветные стаканчики паникадил, хлынет могучим потоком «Царю Небесный».

После братского молебна отец Даниил шел к литургии. Когда он не служил, то пел на клиросе. Церковное пение было его стихией. Даже в отпуск, желанный и необходимый его болезненному состоянию, он ехал петь. Уезжал в Киев, пел в древней колыбели русского православия — Лавре преподобных Антония и Феодосия Киево-Печерских.

Не прошло и десяти лет с момента поступления отца Даниила в Лавру, как подкрался конец — неслышно, нежданно, неотвратимо. Говорят, утром он служил, вечером читал после трапезы вечерние молитвы... А следующим утром уже облетела всех весть о его смерти. Он умер в тот год, когда исполнилось ему ровно тридцать лет.

О внезапной, по церковнославянскому выражению напрасной, смерти издревле молятся христиане, прося Господа сохранить от этой беды. И всё же иногда случается такое: внезапно умирает кто-то. Только не всегда это беда. Думается, Господь, «глубиною мудрости человеколюбно вся строяй и полезная всем подаваяй», допускает иногда и такую решительную меру, зная заранее, что может встретиться человеку на пути и будет ли это тому на пользу. Как опытный садовник срезает распустившийся бутон точно в срок, чтоб не выветрился аромат, не осыпались до времени лепестки, так и внезапная смерть подкашивает иногда человека в лучшую пору его цветения. Понимание и уверенность в этом могут утешить и примирить со всеми беспокойными вопросами. Об этом говорит и псалмопевец: *Всякия кончины видех конец, широка заповедь Твоя зело* (Пс. 118, 96).

Опять воркуют голуби над крышей, так же внешне величаво и спокойно течет жизнь за древними стенами Троице-Сергиевой Лавры. Многих прежних ее питомцев нет — разлетелись в разные края. Другие пришли на смену. Так теплеет на душе, когда слышишь, что ушедших не забыли, с благодарностью берегут в памяти всё лучшее, что отдавали они во славу Божию, трудясь в любимой обители славного игумена Сергия Преподобного!

Здесь надо добавить, что отец Даниил был серьезно болен. Внешне он выглядел крепким, сильным, даже солидным человеком. Но молодой организм его страдал неизлечимым недугом — эпилепсией, которую в простонародье называют падучей болезнью.

Мне пришлось видеть довольно страшный момент из жизни отца Даниила. Он служил праздничную литургию. Я тогда был еще иеродиаконом (самым-самым плохим). Служба шла торжественно, благодатно. Предстоятельствовал отец наместник. Успенский собор был полон народу. Певчие (студенты Духовной школы) пропели на клиросе «Блаженны», затем тропари праздника; всё ду-

ховенство в алтаре перешло на Горнее место. С ними перешел и иеродиакон Даниил. Когда хор замолчал и нужно было говорить одному из иеродиаконов «Вонмем, премудрость вонмем...», неожиданно случилось ужасное. В алтаре раздался страшной силы нечеловеческий душераздирающий крик... Все вздрогнули и оцепенели. В это мгновение иеродиакон Даниил упал, как подрубленный, замертво на пол церковный... При своем падении он задел взметнувшимися руками престольный семисвечник, упали на пол три-четыре лампады, пролилось из них масло... А он лежал ничком на полу совершенно недвижим, в полном иеродиаконском облачении. Многие думали, что он мертв, но он был жив, только глубокое обморочное состояние охватило его.

Придя в себя от неожиданности, два молодых батюшки за руки оттащили отца Даниила в сторону, в придел. Служба пошла своим чередом. Но лично на меня это событие произвело потрясающее впечатление. Я таких случаев еще ни разу в жизни не переживал. Притом этот крик, вырвавшийся из самого больного сердца, был каким-то необыкновенным, страшным, трагичным. Этот крик целый месяц звучал в моих ушах и вновь и вновь разил, терзал мою душу.

Пролежав около часа в приделе, отец Даниил встал, отряхнулся, как-то болезненно, виновато улыбнулся, затем тихонько разоблачился и ушел в свою келию. Вид его был явно болезненным, бледность лица и расслабленность всего тела показывали, что он претерпел острый физический и душевный кризис и нуждается в полном покое. На другой день он снова служил Божественную литургию, хотя уже за ним тихонечко наблюдали, охраняя его от возможных падений и ушибов.

В «Троицких письмах» (это такая маленькая книжечка, где описываются особые чудесные события, бывшие в Лавре Преподобного Сергия) есть подобное повествование, как один, тоже лаврский, иеродиакон (не помню

его имени) хотел совершить богослужение, будучи неподготовленным. Он пришел в алтарь, взял стихарь, орарь и поручи и собирался приблизиться к святому престолу, чтобы поцеловать его, как это делают священнослужители пред облачением. Но лишь только он приблизился к престолу Божию, как неожиданно остановился, побледнел, как белое полотно, вскрикнул от страха и повалился на пол... Когда он очнулся, то со слезами рассказывал следующую страшную повесть.

Он совсем не готовился служить: ни монашеское правило, ни молитвы к Святому Причащению не читал, исповедь не проходил. И вот, когда он вошел в алтарь и хотел, с облачением в руках, приложиться к святому престолу, увидел у престола стоящего Ангела в образе светлого юноши, облаченного в голубой стихарь. Ангел, гневно взирая на иеродиакона, быстро подошел к нему, резким движением вырвал из его рук облачение и грозно сказал, показывая одновременно рукой в угол: «Если бы не его молитва за тебя, я поразил бы тебя на месте этим огненным мечом...» В руке его горел, переливался огнями пламенный меч. Иеродиакон мгновенно заметил, что в углу, стоя на коленях, молится за него Ангел Хранитель, и на нем был белый стихарь. Больше иеродиакон ничего не помнил. От страха затряслись все его члены, и он, лишившись чувств, упал на землю. Так страшно приступать к святыне в недостойном виде, а как часто, часто мы это делаем! Боже Ты наш! И Ты всё терпишь! Ты ждешь, когда мы исправно будем служить Тебе, Страшному Богу...

Я ничуть не допускаю мысли, что случай с иеродиаконом Даниилом произошел тоже по недостоинству, как наказание. Нет. Это совсем иное. Отец Даниил всегда аккуратно готовился к богослужению, всегда и служил с чувством глубокого сокрушения, покаяния. А то, что с ним произошло, — исключительно по его болезни. Господь возлюбил его душу и еще чистую, не оскверненную мирской греховной грязью, взял ее к Себе, в Небе-

сный святой чертог. Да и как хорошо-то умереть в такие юные годы! Юная роза, ты переносишься в горний вертоград, чтобы там еще более цвести и благоухать. Как хорошо умереть в юные годы! Как хорошо не видеть всей этой земной муки, неправды, горя, слез, засилья всякого рода зла, коварства!..

Мне пришлось видеть юную девушку (Наташа имя ее), этот увядший на земле цветочек, лежащую в новом гробике. Сколько неземной красоты, невинности, нежной чистоты сияло в застывших светлых чертах ее лица! Можно ли думать, что она умерла, что она больше не будет жить? Неужели эта жизнь — случайная шутка, рок несправедливой судьбы, мимолетный дар, втоптанный в грязь цветок? О нет! Тысячу раз нет! Она лежала, как живая, словно уснула глубоким сном. И святая девственная красота говорила о бессмертии ее души. Господи, да как же счастливы они, эти святые души, в младенчестве, детстве, юности ушедшие к Тебе! И как неразумно делают те люди, которые убиваются, горюют неутешно о потере своих детей, братьев, сестер, юными ушедших в вечность.

Вспоминается еще одна святая юная душа (Аннушка имя ее), которая в самом расцвете девственной красоты неожиданно завяла, как ранний цветочек в морозное утро. Прошу моих дорогих читателей помянуть их имена в своих святых молитвах.

Вполне по-христиански отнеслись к внезапной смерти иеродиакона Даниила его родители, и ныне проживающие в Москве. Смиренно, безропотно, даже с благодарением Господу приняли они этот страшный удел. Родитель отца Даниила отец Иоанн (он принял священство после смерти сына) и теперь бывает в Лавре, но уже слаб по старости и болезни ног.

Вновь и вновь воскресает в нашей памяти светлый образ иеродиакона Даниила в праздник Введения Божией Матери. Ведь этот святой день он особенно любил.

Надо заметить, что отец Даниил вообще любил праздники Божией Матери и всегда старался послужить в эти дни. А праздник Введения был любимейшим днем в его жизни, как бы второй Пасхой. И вот эту праздничную литургию он отслужил в 1956 году в последний раз... Несомненно, его сердце чувствовало, что больше этот праздник ему на земле не придется служить. И были особые переживания в его душе. Последний праздник! Последний... И вот теперь, когда беру в руки его скуфейку (она осталась мне на память), я вспоминаю, что тот, кто ее носил, ходил в ней в последний праздник. Но в последний ли?.. «Да», — скажут люди, не просвещенные верой. А вот мы, верующие, скажем «нет». Священноиеродиакон Даниил и теперь служит праздники Божией Матери. И теперь он их любит отмечать, да еще больше. Только не здесь — на грешной земле, а там — на небе, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, где жизнь бесконечная, где Господь наш царствует и все святые Его.

Спустя месяца полтора после смерти отца Даниила один из братии Лавры (благочестивой и святой жизни человек) видел умершего в видении. Облаченный в светлый диаконский стихарь, тот стоял среди Трапезной церкви. Кругом его было много-много маленьких ангелов. Все пели. Дивные небесные мелодии наполняли храм. Но что это было за пение! Кто может его передать? Слезы, слезы умиления! Видевший говорил об этом и — плакал. И у меня, когда я вспоминаю и пишу об этом, тоже слезы катятся по щекам...

Когда отец Даниил был жив, то он очень любил регентовать на клиросе, хотя это занятие у него что-то плоховато получалось: то ли его сильный голос забивал остальные, и не было гармонии, то ли спешка мешала ему быть хорошим регентом — словом, с регентством у него не ладилось. И вот там-то, на небесах, видимо, и воплощаются все наши лучшие желания, а отец Даниил совершенствует свои певческие и регентские способности. Поет,

да еще пришел попеть со своим небесным хором к нам сюда, в Трапезный храм, в Лавру родную.

А как всё это радостно и утешительно для нас, грешных! Как радостно сознавать, что наше земное служение будет совершенствоваться еще более там, на небе! Если кому-нибудь по каким-либо причинам трудно поверить в рассказанное об иеродиаконе Данииле, то приведем документальную повесть из книги «Троицкие письма». В ней повествуется об иеродиаконе Никодиме.

***

Он был пономарем в Троицком соборе, ставил свечи у священной раки. И вот однажды утром чредной иеромонах приходит служить молебен Преподобному и видит, что пономарь Никодим стоит на своем месте и улыбается. «Все ли в добром здравии?» — спрашивает иеромонах Никодима. «Все, слава Богу», — весело отвечает Никодим. Немного погодя иеромонах видит, что пономарь-то другой, а совсем не Никодим. И говорит: «Брат, а где Никодим? Ушел, что ли?» — «Нет, батюшка, Никодима-то совсем нынче не было». — «Да как же? — удивляется священник. — Ведь я только что его видел и с ним разговаривал». Почувствовали что-то неладное. Пошли в келию отца Никодима. Открыли, а он лежит недвижим, да уже и похолодевший. Ужаснулись и прославили Бога, что Господь, знать, и по смерти ведет души наши на наше прежнее служение.

Легко высится крест на могиле иеродиакона Даниила. Большой, высокий, красивый. Другие крестики могильные как-то ниже, меньше его. Оградка, маленькая скамеечка и холмик могильный, на котором лежат поверженные, увядшие цветы... Покойся, наш дорогой и милый собрат! Не потеряна твоя золотая молодая жизнь. Твоя жертва чтится. Геройская святая жертва принята Господом. И цвет благоухающей молодой жизни, если и завял

на твоей могилке, посвежеет там, где вечная прохлада рая, где молодость так нежна и благородна, где глас хвалы неумолкаемо звучит Всеблагому Богу в вечных гимнах небесной любви...

Вот будто всё написал, что помнил об иеродиаконе Данииле, и даже закончил маленьким стишком. Но вдруг память обновила еще один случай, связанный со смертью отца Даниила. Придется о нем написать. Ведь я пишу не что-либо такое ученое да складное, а воспоминания. Вот и вспомнился довольно интересный случай.

Отец Даниил, как я уже писал, умер рано утром, в четыре часа по местному времени. Все это хорошо запомнили. Спустя неделю из Пюхтицкого монастыря приезжает матушка Сергия (Голубцова, 1896–1977). Приезжает в Лавру Сергия Преподобного, не зная ничего о смерти отца Даниила. Она раньше жила около Лавры и была с ним знакома. Как старая монахиня, она давала юному иеродиакону много добрых советов. И вот, когда ей сказали о скоропостижной смерти отца Даниила, она побледнела. Потом, что-то соображая, тихо промолвила: «Да, я знала, что с ним что-то неладное». И рассказала потрясающее...

В день смерти отца Даниила она была в своей келии в Пюхтице. Рано утром, когда она спокойно спала, ей приснилось, что кто-то будто вошел в ее келию. Неизвестный, таинственный... Она в страхе проснулась. Открыв глаза, замерла. Боже мой, у ее койки стояла высокая мужская тень... Ясное знакомое лицо спокойно смотрело на нее. Насмерть перепуганная матушка Сергия зачитала Иисусову молитву. Но призрак не уходил. Он стоял, колебался в воздухе, легкий, прозрачный, белый, как изваяние. К великому своему удивлению, она узнала в пришедшем иеродиакона Даниила, что находится в Троице-Сергиевой Лавре. Посмотрев на старую монахиню живыми добрыми глазами, он слегка улыбнулся. Трудно было понять, что это за выражение: тихая ли улыбка или скор-

бная тень печали, сострадание ли какое. Видение длилось с минуту. Потом как-то странно, не по-земному, телесному, призрак заколебался, будто задрожал, как дымок при дуновении ветра, не отрывая теперь умоляющих глаз от монахини, стал удаляться. Дальше, дальше и... затем совсем пропал в переднем углу, как бы растаял, в тихих лучах мерцающей лампады. Оправившись от страха, матушка Сергия встала. Первым делом почему-то она бросилась к двери. Бежать? Нет — посмотреть, заперта ли дверь. Да, дверь была закрыта, как всегда: задвижка была плотно вдвинута в паз. Обернувшись к святым иконам, матушка Сергия перекрестилась. Очень уж всё было реально и живо. Будто не видение, а живое посещение живым человеком. Но ведь он же, можно сказать, ее духовный сын, сейчас находится в Лавре! Как же он был теперь здесь, в ее келии? Ведь расстояние-то без малого тысяча километров. Да еще таким ранним утром. Она посмотрела на часы. Четыре утра...

Когда она рассказала это монахам в Лавре, все ужаснулись. Ведь надо же, один миг — и в Пюхтице. О, дивны Твои дела, Господи! Всё премудро Ты сотворил. Знать, душа отца Даниила, освободившись от оков тела, метнулась к духовной своей матери, как ребенок бежит к своей мамочке в минуту опасности. Так, верно, всякая душа, связанная духовными узами с духовным отцом или духовной матерью, устремится в час смерти к ним, чтобы получить утешение, поддержку, чтобы подвигнуть на молитву. Ведь что может быть опаснее, страшнее, таинственнее, чем смерть — новое рождение в другую жизнь, неведомое счастье или... мучение!

Поразительный случай этот ясно показывает, как крепка связь между людьми, имеющими духовное родство. Мой милый читатель, подумай хорошенько об этом, подумай и сделай выводы о себе.

Наверное, вот и всё теперь об иеродиаконе Данииле.

К СВЕТУ

Архимандрит Иоасаф

(Павел Леопольдович Альбовский)
(1877–1960)

Радуйся, от юности на тело свое,
на мир сей и диавола вооруживыйся.

Акафист Преподобному Сергию
Радонежскому

В один поздний вечер в дверь моей келий раздался стук. «Кто бы это мог быть? — подумал я, вставая со стула. — Ведь и час-то поздний. Полночь скоро». Стук повторился. За дверью послышались слова молитвы. «Аминь», — ответил я и открыл дверь келии. Предо мною стоял старец с худым и бледным лицом и белыми волосами. Он был одет по-келейному просто, как будто у себя дома. Глубокие выразительные глаза смотрели прямо мне в сердце.

«А, это батюшка пожаловал в такой поздний час», — проговорил я, впуская отца Иоасафа в свою келию. Не слыша моих слов (отец Иоасаф был почти глухим), гость заговорил тихим голосом: «Простите, я пришел к вам по очень важному и большому делу. Уж не откажите мне в моей просьбе». Я обещал всё исполнить. «Вот, — начал снова отец Иоасаф, — ведь задыхаюсь, совсем задыхаюсь. Нет, не от недостатка воздуха, совсем нет, а вот душой задыхаюсь. Всё в келии своей сижу да с бумагами своими вожусь...»

Немножко поясним читателю, что батюшка отец Иоасаф нес в Лавре послушание очень скучное и сильно беспокойное да склочное. Он был казначеем Лавры, то есть заведовал братской казной. Ну, если по-мирскому это разбирать, то был как бы такой хозяйственник, что ли. У него хранились деньги монастырские. В келии стоял же-

лезный шкаф-сейф, куда он складывал всё это братское достояние. Все монастырские покупки: продукты, всякие вещи, материалы для ремонта одежды, обуви, помещений и прочее (у нас называется это «шурум-бурум») — всё шло через отца Иоасафа. Расходом ведал только он. Словом, послушание у старца было нелегкое, тем более что он уже был в преклонных летах (за восемьдесят). Но со всеми своими делами он справлялся аккуратно и смотрел на свое послушание как на порученное ему самим Преподобным Сергием, небесным игуменом Лавры. Вот краткое пояснение об этом старце, архимандрите Иоасафе, казначее Лавры — святой обители Преподобного Сергия.

Теперь, в довольно поздний час ночи, он сидел в моей келии и выражал свое душевное состояние. «Нет ли у тебя такой книжечки, — говорил он, обращаясь ко мне, — которая бы сразу хватала за сердце? Ведь мне некогда читать большие книги. Некогда, да и стар, зрение слабое. А вот чтобы она сразу, с первых слов хватала за сердце, трогала душу. Ведь задыхаюсь со своими бумагами, задыхаюсь, совсем задыхаюсь», — твердил одно и то же старец. Не помню сейчас, дал ли я что тогда батюшке такое, «хватающее сразу за живое». Не помню. Да, по правде, и сам-то я был в затруднении: не знал толком, что бы предложить ему на его просьбу. Посоветовал читать слово Божие, молитву краткую Иисусову. Старец смиренно соглашался. Но всё-таки хотел иметь какое-то особое, «сильнодействующее» средство. Признаться, мне тогда стыдно было (да и теперь тоже, когда пишу эти строки). Меня самого-то надо было будить да раскачивать как следует. Я и сам-то духовно дремал и был в крайнем охлаждении, а тут надо старцу что-то посоветовать.

Проводив тогда отца Иоасафа, я подумал: «А ведь батюшка-то приходил неспроста. Он явился напомнить мне о моем состоянии. Указать мое нерадение. Побудить меня — искать средство, сильно действующее на душу мою, грешную и ленивую...»

Вот так они, эти Божии старцы, вразумляют нас, грешных, своими мудрыми словами да простыми делами. А неопытный ум подумает: «О, какой я уже знатный да духовный сделался, что ко мне обращаются большие люди за советом...»

Бывает у нас и такое, и часто бывает: чуть только начнет человек касаться духовной жизни — ну, думает, я уже и святой, и прозорливый, и знатный... и не знаю уж, какая птица, высоко летающая. О бедные мои люди, младенцы духовные, школьники, начинающие только что учиться, а уж готовые других поназидать да понаставить!

Душа отца Иоасафа рвалась к свету, он, конечно, сильно уставал от постоянной канцелярской работы. Уставал. Седая его голова изнемогала в этих сухих бумажных и счетных трудах, а душа хотела дышать свежим благодатным воздухом, хотела соприкоснуться с родным духовным миром, с живым Богом. Освежиться, очнуться, освободиться от знойной склоки жизни. О, как и мы все страдаем этой «одышкой» духовной! Как закручивает нас мирская суета жизни! Задыхается душа от обыденных суетных земных забот и дел!

К горним вершинам! Ввысь, к Богу! «Го́ре имеем сердца»... Рваться душой туда, где вечная свежесть и чистый воздух для бессмертного духа нашего, где вечное обновление и легкость благодатной жизни и счастья! *Возведох очи мои в горы, отнюдуже приидет помощь моя* (Пс. 120, 1).

Рассказывают, что в Швейцарии есть высокие горы, где воздух так чист, что сразу очищает больные легкие и восстанавливает весь организм человека. Воздух там возрождает человека к жизни, обновляет его силы и делает как бы снова юным и прекрасным.

Горние вершины... Вот к этим вершинам и стремилась богомудрая душа старца Иоасафа. Вдохнуть чистый благодатный воздух рвалась его святая душа. Какой дивный порыв! Какое благородное стремление!.. Как оно поучительно для всех нас, как назидательно! Ведь долу мы по-

никли, живем и питаемся подножным кормом, как овечки, как скотинушка бессловесная. Она только и смотрит себе под ноги, только и ищет корму, чтобы утолить свой животный голод.

К горним вершинам! К высоте, к свету немерцающему ты должен стремиться постоянно, человек. Ведь ты — человек, твое и построение прямое, с лицом, обращенным к небу. Ты и создан таким, чтобы больше взирал на высоту и на красоту горнего неба. А ты всё под ноги смотришь, питаешься подножным кормом и думаешь, что в этом всё твое счастье и вся жизнь...

А вот еще один назидательный пример из природы. Где-то далеко в Тихом океане есть такой остров — чудесный остров, совсем необитаемый. На этом острове воздух настолько чист, что там не могут находиться никакие нечистые животные: нет никаких пресмыкающихся, не живут никакие гады. Чистый остров, святой воздух. Это уголок небесного рая, в котором также не живет ничто нечистое, скверное, грешное. Какое же дивное место! Какое благодатное! И как рвется душа к такому прекрасному месту, как хочет она туда, где всё чисто, всё свято, где нет мерзости греховной, где одна правда и святая простота!

О мой милый читатель! Чувствуешь ли ты, как блаженны эти места, как они неописуемы и прекрасны? Но есть несравненно более прекрасные святые места, и они не в высоких горах Швейцарии, не в далеком Тихом океане и не в другом каком-либо месте земли, а там — в светлых небесных далях, в горнем Божием мире. Там, где Сам Господь обитает, где Его Пречистая Матерь, святые архангелы и ангелы, святые Божии люди, угодившие Богу. Вот туда стремись, моя милая душа, туда поднимай свой заплаканный взор. Туда рвись своим сердцем непрестанно. Ты устала от суеты и забот этой жизни. Ты измучилась от греха и страстей. Ты истомилась от клеветы и холода людских отношений. Не горюй, тем более не отчаивайся. Есть для тебя такое высокое место, где

вечный чистый воздух, где вздохнет свободно измученная твоя грудь. Есть для тебя такое место, где нет ничего нечистого и скверного, где насладится твое очищенное сердце правдой Божией, нежной любовью и девственной красотой...

Ты плачешь... Слезы текут по твоим ланитам. Говоришь, грехи, страсти не пустят туда. Их много у тебя. Милая детка, родная душа Божия, успокойся, не плачь. Силен Бог. Силен, чтобы очистить тебя, убелить. Много у Него Любви, и горяча эта Божия Любовь, она пожжет все твои тернии, она возведет тебя к горним вершинам. Не плачь, милая душа, утешься. Ведь ты создана для горнего блаженства, хотя и загрязнилась в этом болоте земной жизни. Сам Господь Спаситель, приходивший за тобой на землю, зовет тебя туда. Туда, ввысь, за горные снежные вершины, где чистые души, святые ангелы, Божии люди, где вечный любимый наш Господь...

Ах, как жаль людей, которые не ведают горнего счастья, которые так бедны и печальны, что, отказавшись от вечного рая с Богом, мечтают устроить сами, без Бога, рай на земле. Возможно ли это? Не насмешка ли это диавола над бедным и недалеким человеческим разумом? Ведь этот лукавый обманщик уже не один раз жестоко предавал человека. Тогда еще, в раю, обманул Адама и Еву, обещая им, что станут счастливыми без Бога. Какой горький опыт получили первые люди, послушавшие губителя, изгнанные из рая сладости на тяжелый труд, болезни и смерть! Диавол обманул и вавилонских строителей, научив их построить Великую башню до неба, чтобы поравняться с Богом. Результат — смешение языков, рассеяние всех народов. И теперь он, лжец, обманывает нас, завлекая земным счастьем, будто в нем смысл и цель человеческой жизни.

А как он, гордый и ничтожный дух, обманывает человека, внушая ему, будто человек всё-всё может, будто всё ему доступно?

Вот капризный ребенок! Он всё время кричит на своих родителей. Он требует, чтобы всё и все ему служили. Он ведь вполне серьезно думает, что он — самый большой человек в семье, самый что ни на есть главный. Вот он капризничает и требует, а не знает, не помыслит, что он самый слабый, самый немощный, и живет-то он только нежной заботой о нем родителей. И если они оставят его хоть на одну минуту, то, гляди, он сейчас упадет в яму, или порежет себя ножом, или сожжет спичками. Да чего он только ни наделает — взрослый и не придумает. И всё себе во вред...

Такие вот и мы, современные люди. Забываем, что мы очень и очень слабые, малые младенцы. Да еще капризные такие! Говорим: о, да мы всё-всё можем. И зачем нам нужен Бог? Да Его и вовсе нет. Его просто выдумали люди, чтобы Богом припугивать слабых рабов, дабы легче было над ними властвовать. Мы сами сильные: на небо заберемся, на звезды, на солнце, на другие планеты!..

А Вечный Глагол твердит свое громовое: «Человек, не гордись! Ты ведь как трава, как цвет травы... Опомнись, не думай о себе так много! Это для тебя гибель! Оглянись на историю, поучись из Слова Божия...» Твердит, твердит. Вначале тихо, потом громче, громче, громче... «Трах-тарарах!..» Боже Ты мой, да что это такое случилось? В эту самую минуту, когда я пишу эти вот строки, на Сходне ударил ужасной силы гром! Я в своей жизни не слыхал подобного удара. Будто само небо раскололось. Будто тонны железа, разрываясь и скрежеща, стремительно летят на землю... Крики страха раздались вокруг. Боже Ты мой, вот как бывает! И главное — как раз в те минуты, как я пишу об этом!

«Наверное, треснуло кого-нибудь», — слышу тревожный женский голос за забором. «Это не просто так, это не случайно», — так мы говорим всегда, когда гремит гром, ревет буря, мечет огнем молния. А как только всё стихнет, говорим другое: «О, да это же так, случайность.

Туча нашла, разряды электричества; вот, видите, опять всё по-прежнему, всё спокойно...»

Капризный ребенок — вот кто ты, современный человек!

Нам совершенно неизвестно, как жил, как проводил прежние годы своей жизни архимандрит Иоасаф. Знаем только то, что видели своими глазами. Он стал подвизаться в Лавре Преподобного Сергия примерно с 1946–1947 года*. Говорят, да и он сам говорил о себе, что он был офицером польской армии. И фамилия его — Альбовский — свидетельствует, что он был польского происхождения. За то, что он относился братски к солдатам, начальство его не любило. Так и совсем прогнали его из армии. Военная выправка во всем была видна у отца Иоасафа и теперь, когда он уже давно был монахом, духовным человеком.

Я уже немного пытался описать отца Иоасафа, как он выглядел внешне. Добавлю только, что он был чрезвычайно худ. Сухой был до удивления. Одежда на нем висела, как на колу. А когда облачался и надевал митру, то митра совсем закрывала его худое лицо, так что видны были только нос и маленькая беленькая бородка. (Митра эта и теперь жива, надеваю я ее иногда.) Голосок у него был, наверное, второй тенор, и настолько слаб, что его не слышно было рядом. И так как батюшка отец Иоасаф был довольно глух, то разговаривал с людьми глазами, намеками, догадками. Он вечно спешил куда-нибудь, бежал с бумагами, что-то кому-то шептал на ухо. Постоянно серьезный, сосредоточенный, по-солдатски подтянутый был батюшка Иоасаф. Глубокий, кажется, недоступный. Но что это была за душа! Что за жемчуг бесценный хранился внутри ее! Какая богатая духовная жизнь таилась

* Архимандрит Иоасаф стал насельником монастыря в 1949 году. — *Прим. ред.*

под бедной и слабой внешностью! Это был гигант духа. Бесстрашный воин Царя Небесного.

Когда братия заходили по каким-либо делам в келию, где он жил и работал, то видели везде и всюду образцовый порядок. Он будто всегда кого-то встречал: гостей высоких, что ли, начальство или ангелов? На письменном столе, на самом видном месте, стоял (не лежал, а стоял) большой конверт — завещание... Так вот оно что! Отец Иоасаф каждую минуту ждал к себе страшную гостью — смерть. И ждал бестрепетно, безбоязненно. Всё прибрал, приладил, подчистил в своей келии.

А ведь это очень поучительно, мой дорогой и милый человек, очень замечательная черта в жизни нашего старца отца Иоасафа. Знать, он очень хорошо усвоил наставления святых отцов: «Помни последняя своя, смерть, Страшный Суд и вечные муки...» Помнил и готов был в любую минуту перейти от здешнего земного мрака к горнему невечернему свету.

Мы с тобой, мой дорогой читатель, ни о чем, кажется, так не забываем, как о своей смерти, как о Страшном Суде, о вечном наказании. О, если бы мы постоянно помнили об этих важных вещах! Об этих неотвратимых, неизбежных моментах... Тогда меньше бы грешили, боялись бы ответа, наказания, боялись бы оскорбить любимого нами Господа, Который так любит нас с тобой...

***

Один батюшка служил молебен. Он совершенно не думал о смерти: уж очень много треб было у него на каждый час. Ему, бедному, и подумать некогда было ни о чем: ни о смерти, ни о себе, ни о родных. Требы, требы, требы, как заведенный механизм.

Служит — вдруг запнулся, будто чего-то испугался. В упор уставился перед собой. Побледнел. Покраснел, снова побледнел. «Что с ним? — всполошились старушки. — Что это такое делается с батюшкой?» Не могут понять...

А батюшка сразу всё понял, мигом догадался. Пред ним неожиданно предстала смерть... Как будто какое-то привидение, явилась она, вся в белом, встала пред ним и не то печально, не то грозно в упор взглянула ему прямо в глаза... Старушки ее не видели, а вот батюшка увидел и растерялся. Когда после его спросили о причине замешательства, он тихо, но решительно сказал: «За мной приходила смерть. Я с вами последние дни, а может быть, и минуты».

О мой дорогой и милый читатель! Умоляю тебя: будем помнить о смерти! Помнить, чтобы бестрепетно ее встретить. А если забудем ее, она сама напомнит о себе. И как мучительна и страшна будет эта решающая встреча!..

У отца Иоасафа были и еще добрые качества, которым нам следовало бы подражать. Его святая душа вообще богата была добродетелями. Даже очень богата.

Он добросовестно и правдиво относился к своему служебному долгу. Прямо готов был всю душу отдать, все свои силы, всё-всё. Каждую бумажку, каждую копеечку, каждую кнопочку он хранил и берег как Божие и народное добро. Бывало, сидит целыми ночами, составляя какой-нибудь отчет, или расписание, или рапорт начальству. Сам худенький, бледненький, слабенький, он показывал удивительную силу духа во всех делах, касающихся его послушания.

Вспоминаю, как отец Иоасаф ходил к отцу наместнику, жившему в верхних этажах, с недельными отчетами. Вот он, собранный, аккуратный, сосредоточенный, с крестом на груди и в камилавке, с папкой под мышкой, сидит на диване около закрытой двери келии наместника. Жалко смотреть на отца Иоасафа. Дело в том, что наместник как начальник всегда на него почему-то кричал, и кричал сильно. Подчас просто обижал старца резкими словами, нелестными выражениями, всякими придирками, часто ненужными и бестолковыми. Старец на этих приемах

с отчетом терялся, пытался что-то возразить или оправдаться, видя, что совсем не за дело его обвиняют и оскорбляют. Но это плохо у него получалось. Защитить себя он никак не умел. Ну просто не мастер был заниматься самозащитой. Да и, правду сказать, он предпочитал вообще не оправдываться, по примеру Самого Господа: когда Его били, мучили, издевались над Ним, Он молчал.

И вот старец снова сидел у закрытых дверей своего начальника. Прекрасно знал, что его снова ожидает «баня». Поэтому он сидел, как мученик, приговоренный к истязанию, да притом незаслуженному истязанию, а ведь он был архимандрит. После унижений он никогда не расстраивался, тем более не оставлял своего дела. Не терял работоспособности. Возвращаясь снова в свою келию, он как ни в чем не бывало снова в простоте сердца брался за свое послушание, даже с большим усердием, как будто он получил поощрение или награду, а не оскорбление и унижение.

Какой дивный пример для нас с тобой, мой дорогой брат или сестра! Как часто мы небрежно, неаккуратно, без любви относимся к своим обязанностям! Тяготимся ими, ленимся. Опаздываем на службу. А уж если нас обидят — не только начальник, а просто рядовой наш собрат — мы теряем всякое настроение, энергию, усердие к своему делу. Отец архимандрит Иоасаф хорошо знал, что незлобие, безгневие есть великая добродетель пред Господом. Она искупает множество грехов. Как учат святые отцы, незлобие — брат смирения. И наоборот, памятозлобие стоит рядом с гордостью. А гордым, как мы все знаем, противится Бог. Тем более в монастыре с гордым сердцем и делать нечего. Да и спастись с гордостью совсем невозможно.

Мой любезный читатель, сделай для себя вывод из всего сказанного. Загляни поглубже в свое сердце, посмотри, не свил ли там себе гнездо «ядовитый змий» — гордость? И встань рядом с нашим дивным и милым старцем отцом Иоасафом и научись его незлобию.

Хочу я поделиться с вами и рассказать еще об одной святой добродетели старца Иоасафа — о его братолюбии. Как он любил братию! Как он старался каждому сделать что-нибудь приятное, полезное, нужное! Вот он бежит, бежит по двору монастырскому, ссутулившись, с папкой под мышкой. Особенно это можно было наблюдать пред каким-нибудь праздником. В это время он как казначей обыкновенно раздавал братии так называемые «кормовые» (это небольшая сумма денег к празднику на всякие мелкие принадлежности: мыло, зубной порошок и прочее). Как-то особенно таинственно, с большим секретом старец подойдет к брату и шепнет ему на ухо, а потом и выдаст ему положенное. Всегда чувствовалась его особая любовь к братии Лавры, да и ко всем людям. Любил он и нищих. Когда ему случалось подать какому-нибудь несчастному или больному копеечку, он, как дитя, радовался. При этом делал такой суровый вид, так страшно хмурился, тем самым показывая, чтоб проситель молчал, никому об этом деле не разбалтывал. Любил старец Иоасаф подавать милостыню. И очень, даже очень не любил славы человеческой.

Ждал старец свою гостью — смерть и дождался. Отец Иоасаф был сердечник, и притом в преклонных летах. Когда он стал особенно глух и болезнен, когда рука его не могла написать даже одного слова не иначе как только каракулями и дрожащими линиями, тогда его отстранили от послушания. На его место был поставлен другой иеромонах, а старец перешел жить из канцелярии в свою келию, во второй корпус. С той поры он стал еще худее, еще бледнее и был как дитя. Бывало, встретишь его, сидящего на лавочке, и спросишь как можно громче: «Ну как ты, батюшка, поживаешь, как твое здоровье?» Улыбнется, покивает своей седой головой и ничего не скажет. Не слышит. А сам бледненький, худенький, как былинка, — одни косточки. И белый-белый как лунь.

Убился он. Жил один в келии. Берегли его, смотрели за ним — знали, что остались за ним считаные дни.

А всё-таки не уберегли. Знать, такова воля Божия над старцем. Видно, Господь восхотел увенчать его дивную жизнь еще и мученическим венцом...

Когда его хоронили, он лежал, как ангел Божий, беленький, худенький. Даже казалось, что во гробе и нет ничего, что он пустой, будто одна темная одежда в новом гробике. А вот если бы открыть наличник (плат, который полагают на лицо умершего монаха или священнослужителя), то вы увидели бы на бледном лице покойника глубокий шрам. Хотел что-то достать для себя, приподнялся с койки, встал, шагнул два, три раза и... потеряв сознание, ударился головой о стул. И больше не встал. Когда вошли в его келию, он лежал на полу. Выражение лица было тихое, спокойное, с легкой улыбкой. Лампада у его святых икон продолжала гореть, бросая тихий луч на почившего старца. А он угас. Худенькое тело старца лежало здесь, а его святая душа, окрыленная и очищенная, воспарила ввысь, к Вечному Свету, куда при жизни он всегда стремился и рвался душой, где и царствует Вечный Свет негасимо.

Отпевали его торжественно, а главное — со слезами. Любил отец Иоасаф братию, любила его и братия.

А гробик-то несли только двое — один у головы, второй у ног. Да и монахи несли самые слабенькие: нести-то нечего было. Худеньким был, сухоньким, как былиночка.

После похорон вошли в его келию. Нашли несколько мелких монет и завещание. А в завещании-то что было написано! «Рясу — одному брату, подрясник — другому брату, камилавку — третьему». Да всё такое старенькое да худенькое. Казначей был, казной заведовал, и вот — всё его «богатство». К свету стремился, да к свету-то горнему — небесному, земное всё было ни к чему.

Когда вам придется быть на кладбище в селе Деулино, то у церкви вы найдите самую маленькую могилку, где и холмик-то сравнялся с землей. А крест стоит нерушимо. По надписи вы узнаете, что здесь покоится прах архимандрита Иоасафа. Помяните его имя пред Господом. А если

вы будете очень добры, то запишите даже его имя в свое поминание, чтобы помнить о нем всегда, во всю вашу краткую земную жизнь. Худенький он был, слабенький телом, но душой — гигант. И когда вам судит Бог перешагнуть пропасть смерти и оказаться в ином мире, он там встретит вас как архимандрит, как служитель Престола Божия. И вам тогда будет не страшно.

Вспоминайте. Молитесь. Если можете, посещайте его одинокую могилку. Постойте около нее. Подумайте. Вздохните душой о упокоении раба Божиего архимандрита Иоасафа. И вы выполните свой христианский долг. Он был монахом святой обители Преподобного Сергия. Худенький был, слабенький. Но молитва его пламенеет у Престола Вечного Света...

Вечная тебе память, милый мой старец отец Иоасаф! Ты жил рядом с моей келией — умоли Господа, чтобы мне быть там рядом с тобой, в твоем вечном покое под одним Вечным Светом. Аминь.

ХРИСТОВ ТРУЖЕНИК

Игумен Тарасий
(Тимофей Иванович Мишин)
(1875–1957)

Радуйся, в подвизех дневных
и нощных течение совершивый...

Акафист Преподобному Сергию
Радонежскому

Случается в жизни, что духовные дети забывают своего духовного наставника, забывают своего путеводителя к вечной жизни. Как это страшно и печально! Только неблагодарное, легкомысленное сердце может посту-

пить так. А ведь так бывает. Иначе святой апостол не нашел бы нужным указывать, чтобы мы помнили наставников своих, которые говорили слово Божие. Помнили и не забывали их.

В маленькой комнате пятиэтажного здания, на верхнем этаже, почти под самым небом, собралась небольшая кучка людей. Здесь были старушки старенькие-престаренькие, средних лет женщины и две-три молодых. Они о чем-то мирно беседовали, рассуждали. Иные сидели и плакали. Что заставило их собраться в такой поздний час, да еще подняться по целому ряду лестниц на такую высоту, куда взойти стоит больших трудов и усилий? Собрало их одно важное дело — желание спастись, желание вечной жизни, жажда духовного очищения и правильного шествия к Богу.

Но вот кручина, вот беда постигла этих людей: старец, их духовный наставник, заболел. Приехал он из Загорска к ним погостить — и вот занемог. Слабенький он у них стал, совсем немощный. Потому сидят и плачут.

На другой день ему стало полегче. Он вышел к своим духовным чадам. Они облепили его, как малые птенцы. Плачут, целуют его одежду, кланяются ему в ноги. А когда он сказал, что ему недолго быть с ними, то они просто взревели, заголосили: «На кого ты покидаешь нас, батюшка дорогой наш, кому мы теперь нужны и к кому мы теперь пойдем со своими грехами? Как ведь хорошо нам было с тобой спасаться! Как ты нежно заботился о наших душах! Кто же теперь помолится за нас, кто пожалеет, кто приласкает нас, сироток?» Жалко стало старцу своих духовных детей. Ведь он их окормлял более десяти лет. Сжился с ними, каждого полюбил, как свою душу. Знал скорби и нужды каждого. И вот теперь он должен покинуть их, оставить навсегда в этом море житейском. Очень жалко старчику своих милых чад, и он сам заплакал. Потом, немного успокоившись, тихим голосом ска-

зал им, чтобы они не сетовали и не плакали сильно. Будет у них старец и после него, только помоложе да поученее, пограмотнее, хотя духовно и менее опытный. «Но держитесь его, он будет вас вести по моему пути. Только тогда времена будут труднее и семья ваша духовная будет больше. Я же буду молиться о вас всех там, у Бога, на небе... Помните все мои наставления, помните мои труды, мои старческие слезы...»

Это была последняя беседа игумена Тарасия с его духовными детьми. Говорим «последняя», так как ровно через два месяца его не стало...

Игумен Тарасий, в миру Тимофей Иванович Мишин, был насельником Троице-Сергиевой Лавры. В какие годы он прибыл во святую обитель — неизвестно, но, наверное, не позднее 1947 года, когда обитель была в стадии восстановления. Глубоко духовный, рассудительный, ревностный ко спасению, он нес послушание духовника богомольцев и прекрасно исполнял эти обязанности. Как сейчас помню его, по внешнему виду полного, медлительного в движениях, стоящим в Трапезной церкви среди исповедников. Идут одновременно Божественная литургия и исповедь. Всехсвятского храма тогда еще не было, и исповедь проводилась в Трапезной церкви.

Среднего роста, седоватый, он медленно и сосредоточенно, проникновенным голосом читает исповедальные молитвы. Сразу можно заметить в нем опытного духовника, жертвенного молитвенника, доброго пастыря, готового душу свою положить за своих овец. В его старческой душе светилась живая любовь к людям, к своим духовным чадам, верующим и даже неверующим. Он готов был за всех пострадать, лишиться не только необходимого для старческих лет покоя, но и самой жизни. Живая пастырская любовь пронизывала всё его существо, и обращение-то у него к исповедникам было не как у других батюшек, но какое-то особенно теплое, простое.

В одно время в далекой Индии разыгралась смертельная проказа. Люди гибли сотнями: мужчины, женщины, дети. Чтоб сохранить народ от неминуемой гибели, начальство решило прокаженных отправить на необитаемый остров. Там им суждено было без лекарств, без лечения закончить свою страдальческую жизнь от страшной болезни.

Как известно, проказа неизлечима. Еще когда Господь наш Иисус Христос ходил по земле, и тогда прокаженные бродили группами, изгнанные из селений. И только Господь по милосердию Своему исцелял их. Здесь же некому было исцелять несчастных. Медленная страшная смерть настигала одного за другим. Люди падали посреди дороги, обезображенные, изуродованные проказой. Дома были наполнены трупами, где среди мертвых живые ожидали своей участи. Какая страшная болезнь проказа! По всему телу появлялись черные пятна, струпья, и особенно поражались мягкие части тела. Лицо обезображивалось до неузнаваемости. Нос, глаза проваливались, щеки разъедались болезнью, и всё тело покрывалось гнойными ранами. Живой мертвец. Ходячий зловонный труп. Люди, ожидая неминуемой смерти, ходили по улицам и, как сумасшедшие, пели, кричали, ругались, смеялись. Под ногами валялись дети, мертвые и полуживые. Никому до них не было дела. И таких — целый остров, сотни тысяч людей, оставленных всеми и обреченных на смерть. На место умерших привозили новых страдальцев. Как несчастны были эти люди, заживо оплаканные родными!

Один молодой священник, жертвуя своей жизнью, решил добровольно поселиться на этом острове. Горя живой любовью к несчастным, он решил помочь им чем только сможет. Он привез на остров вместе со священными предметами врачебные средства. Сам здоровый, живя среди заразных больных, он рисковал каждую минуту. Он служил им литургию, причащал их Святых Христовых Таин, помогал лечебными средствами, напутствовал

в последний путь. Надо было видеть слезы радости, умиления, благодарности, которыми отвечали несчастные прокаженные своему благодетелю.

Двенадцать лет жертвенно трудился молодой священник на «острове смерти». Бог его хранил как светлого ангела. Он был в самых опасных местах, среди самых заразных больных и оставался невредим. А вот однажды он заметил на своем лице малое темное пятно. Вначале он несколько растерялся, но потом, овладев собой, спокойно сказал: «Настал и мой час...» Через неделю он был неузнаваем. Проказа покрыла всё его тело. Но живая любовь к ближним горела в его сердце еще сильнее. Он умирал спокойно. Вокруг рыдали несчастные прокаженные. Они лишались последней отрады, угасала их последняя надежда...

Живая любовь подвигла на живую жертву этого молодого пастыря. Живая любовь горела и в сердце игумена Тарасия. Он добровольно каждый день страдал, находясь среди греховно-больных и душевно-прокаженных, он не щадил своих сил и здоровья, чтобы только подать помощь духовно нуждающимся людям.

Особенно трогательна была его любовь к молодым и престарелым. Он знал, что жизнь человека зависит от его детства и воспитания. Поэтому с чисто евангельской любовью он нежно ласкал детишек и с особой теплотой и отеческим вниманием относился к юным. Знал старец, что юной душе грозят многие опасности. Юность всегда бурна, стремительна, подчас нерассудительна. Она особенно нуждается в поддержке. Как молодое деревце, если его вовремя не выправят и не привяжут к ровной опоре, на всё время останется кривым, так и юная душа, если ее не направить на истинный путь, если ей не внушить истинное понятие о Боге, о вечной жизни, о душе, — всю жизнь будет блуждать во мраке неведения. И погибнет.

Батюшка отец Тарасий всё это знал. Он знал и то, что современная нам юность особенно слаба нравственно,

особенно нуждается в поддержке, особенно бедна духовно. А сколько в юности падений, искушений, соблазнов, огорчений, даже отчаяния! Хотя юная пора и богата радужными представлениями, светлыми мечтаниями, высокими идеалами, но, когда она остается без Бога, всё это меркнет и не приносит полного счастья.

«Что ты, детка, так грустна и печальна? — обращается старец к юной девице. — Не горюй, люби Господа и храни целомудрие». Это было обычное обращение старца к молодым и юным душам. И, смотришь, человек прояснился. Печали как не бывало на лице его, точно луч брызнул с неба и осиял печальную душу. И снова захотелось жить, трудиться, радоваться, молиться.

Любил старец направлять юную душу по пути воздержания и девства. Он знал, что девство велико пред Богом. Оно возвышенно, свято. Эта жертва благоприятна в очах Божиих. Ведь Сам Христос Спаситель, Пресвятая Дева Мария, большинство апостолов, праведников и мучеников были девственники.

О девство, как ты драгоценно, как прекрасно, как благородно, возвышенно! Даже так говорил отец Тарасий, что доброе девство — половина святости.

За такую нежную любовь к молодым людям старец нес всякие поношения, клевету, даже оскорбления. На него лили всякую грязь. И кто? Прежде всего свои братия, близкие и его же духовные чада. Ведь всегда, в любой семье бывают уроды. В духовной семье отца Тарасия были люди и невоздержанные в словах, и ревнивые, и завистливые, и всякого-всякого сорта. Особенно старец не терпел ревность между духовными детьми. Ведь он всем желал добра. Всех вел ко Христу. Всем вымаливал у Бога вечную жизнь. А они, его духовные чада, ревновали. Одна говорила, что вот батюшка ко мне относится хуже, а к той лучше, что ее любит больше, а меня меньше, что с ней беседует дольше, а со мной короче. А другая говорила, что вот батюшка дал той то-то и то-то, а мне нет,

или ей лучше иконочку, а мне хуже, что ей просфорочку больше, а мне меньше, что моя просфорочка совсем сухая, давнишняя, а у нее свеженькая. А третья говорила, что вот батюшка меня благословил плохо, а вот молодую лучше благословил. Да ей еще что-то и дал, а мне ничего не дал. Что и посмотрел-то на меня совсем неласково, а той улыбнулся. И многое-многое другое говорили. И всё на батюшку, будто виноват один он, а не наше завистливое нечистое сердце. Да еще что! Говорить неудобно. Батюшку обвиняли, что он блудник, что в незаконной связи, что где-то у него есть дети. И какое терпение нужно было иметь отцу Тарасию, чтобы всё это переносить! Расстраивался, конечно. Скорбел. Даже многомного плакал, что так несправедливо на него нападают, так больно и незаслуженно его оскорбляют. Было бы легче слышать это от неверующих, от чужих, но когда свои духовные дети... Это ужасно!

Имел старец большое внимание и к престарелым людям. Знал, что и они нуждаются в особом попечении духовного отца. Ведь эта вот старушка пришла к нему на исповедь, может быть, в последний раз. Может быть, она завтра умрет. И какой он даст ответ Богу за то, что плохо с ней обошелся, что невнимательно ее исповедовал? Сам Господь, может быть, прислал к старцу человека перед смертью, дабы очистить его покаянием и приготовить к вечной жизни. И старец этого не сделает?

Любил отец Тарасий всех: и малых, и молодых, и зрелых, и престарелых, и девственных, и брачных, и верующих, и неверующих, и ленивых, и усердных, и постников, и невоздержанных, и любящих его, и ненавидящих его — всех любил, как Небесный Отец согревает лучами солнца и злых, и добрых, и праведных, и неправедных.

Батюшка отец Тарасий был на кресте. Этот крест был крестом унижения, страдания и осмеяния. Он был на том кресте, на котором был распят и Христос.

Рыбаки нашли в море деревянное распятие Христа Спасителя. Распростертые руки, прободенные ноги, терновый венец на главе... Бережно привезли они это распятие к себе домой, сделали крест из дорогого дерева и подняли на него Спасителя. Когда прибивали Его руки и ноги гвоздями, то одна старушка заметила, что по ланитам Спасителя текли слезы. Он плакал. Это распятие поставили в церкви на почетном месте. Когда пришли утром, то увидели, что Спасителя нет на кресте. Он лежал на жертвеннике. Подняли шум, искали виновных, но никто ничего не знал. Тогда подумали, что, видимо, Господу не нравится крест. Сделали золотой крест, драгоценный. Но Спаситель и его оставил: когда пришли утром, Христос лежал на жертвеннике. Что делать? Стали молиться, плакать, просить, умолять о вразумлении. В это время с берега моря прибежал мальчик. Он сказал, что в море плавают две доски крест-накрест — остатки лодки, на которой погибли в море отец и сын. Когда принесли в церковь этот простой крест — крест страданий, слез и нищеты, принесли и на него подняли Христа Спасителя, Он остался на нем навсегда...

Батюшка отец Тарасий знал, что крест Спасителя не есть крест из золота или драгоценных камней, но крест нищеты, унижения, крест страдания... Поэтому он переносил всё, благодаря Бога. Только одного просил для себя у Господа — терпения, а чадам своим — спасения.

Отец Тарасий часто болел. Болезнь его была желудочная, как у многих монашествующих. Да еще он был сердечник. Часто отпрашивался в Москву полечиться. Но там его встречали духовные дети и тоже не давали ему никакого покоя. Лечился он народными лекарствами и почти не принимал никаких химических средств. Он часто говаривал: «Поведешься с аптекой — не проживешь и полвека». Главной помощи и здоровья себе он искал

у Господа. Часто, почти через каждые два дня на третий, он причащался Святых Христовых Таин. А когда он стал совсем слабым, то уже из своей келии не выходил и причащался запасными Дарами, которые хранились у него в келии у святых икон.

Старец сам вел особенную борьбу со всякими страстями и учил этой борьбе своих духовных детей. Я видел его книжечки, в которые он записывал своим ровным крупным почерком советы святых отцов, как надо вести борьбу с гордостью, с тщеславием, унынием, леностью, невоздержанием и прочими страстями. Особенно он не терпел гордых и самонадеянных: «Ну, что это ты нос-то задрала, всезнайка. А вот не знаешь, что прах и пепел завтра будешь...» «Почто уж так нам гордиться да превозноситься, — повторял он, — трава мы и цветок, быстро увядающий. Вот ведь кто мы. А всё дуемся да пыжимся, будто всё-всё знаем...»

Да, хорошо знал старец цену человеку с его немощами и недостатками и поэтому указывал всем идти путем истинного смирения и послушания. Поскольку сам он вел внутреннюю духовную жизнь и постоянную брань с грехами, то хорошо видел эти грехи в сердце другого. Он сразу определял, кто и с чем пришел к нему на исповедь, видел и недостатки греховные. Как опытный врач с первого взгляда определяет болезнь, устанавливает диагноз и дает верное лечение, так и батюшка Тарасий сразу видел, каким грехом заражена душа человека.

Один брат пришел к отцу Тарасию и жаловался на духовную жизнь, что вот-де спасаться ему трудно, условия спасения плохие. Что люди тоже ему не все нравятся: одни очень уж хорошие, а другие очень и очень плохие. Да такие плохие и негодные, что он их обходит за три версты. Слушал старец, слушал брата, а потом прямо и просто сказал: «Уймись, что ли, полно тебе молоть-то. Исцелись сам скорее, ведь ты, брат, страдаешь двумя страстями: гордость и леность у тебя первого разряда. Вот это полезное для тебя дело, а не то, о чем говоришь...»

Истинные духовные дети горячо любили отца Тарасия и ценили его о них заботы. Они готовы были на всё, чтобы только облегчить своему духовному отцу его тяжелый крест жизни. Особенную любовь к нему питали московские духовные чада. Они, как говорят, прямо души не чаяли в старце. Присылали ему из Москвы легкое питание, нужную одежду, врачебные средства, готовы были душу отдать за своего старца. И такая верность и преданность духовных детей была приятна ему. Не потому, что он искал от них себе хвалы и почтения, совсем нет, а потому, что он видел в этом истинное христианское отношение детей к духовному отцу, истинное братолюбие между детьми, Христову любовь в их сердце. Это его радовало и утешало. Он не любил только излишнюю привязанность к нему некоторых. Излишнюю плотяность. Когда видел, что вместо духовного отношения начинается полудуховное или уже совсем плотяное, тогда он в душе скорбел о таких людях. А наедине когда и скажет: «Ну вот ведь беда-то какая, Дарьюшка, с тобой и обойтись-то по-доброму нельзя. Пожалеешь тебя, приласкаешь, как отец свою детку, а ты уж и раскисла, и привязалась, и Господа забыла, и только всё бегаешь за мной да подслеживаешь, что делаю да с кем говорю... Стыдно, стыдно так, родная, ведь мы духовные люди. И потому надо во всем поступать по-духовному, а не по-плотскому...»

Любил старец истинно преданных чад, ценил их преданность, если она была чисто духовной и благодатной.

Хочешь, мой милый друг, услышать, что такое истинная преданность чад своему духовному отцу?

***

Дело было в Риме. Одного христианского священника решили бросить зверям на растерзание. «Он совращает людей, особенно юных, в христианскую ересь», — говорили язычники. И вот он уже стоит на арене цирка, чтобы бесстрашно, с молитвой на устах встретить смерть. В это

самое время по улице Рима бежала молодая женщина. Она так спешила, так спешила, будто на какое веселие или на бракосочетание. Подбежав к дверям цирка, женщина пыталась пройти вовнутрь, но ее не пускали. Она умоляла, плакала и говорила: «Я должна умереть вместе с ним». Вдруг она рванулась к двери, оттолкнула стражу и мигом оказалась около священника. «О Боже мой, зачем ты здесь, Мариамна!» — с болью в душе произнес осужденный и пытался скорее обратно проводить женщину. «Нет, отец, — сказала она решительно, — ты учил нас Христовой любви. И если ты, пастырь, полагаешь душу свою за овец своих, то и овцы должны полагать души свои за отца духовного. Позволь мне вместе с тобой умереть за Христа». В эту минуту скрипнула железная дверь, и на арену вышел огромный лев. Сначала он щурил свои глаза на солнечный свет, но когда заметил две беззащитные жертвы, насторожился и... тихо двинулся вперед... Увидев свирепого зверя, священник быстро снял с себя плащ и накинул его на женщину, как бы защищая от злой смерти. Не успел он и сотворить крестного знамения, как почувствовал сильный удар в голову...

Спустя минуту с арены цирка выносили останки двух мучеников, умерших за своего Господа, — священника и его духовную дочь...

Отец Тарасий учил своих духовных детей взаимной любви, верности Христу и до смерти преданности Богу. Низкого предательства не выносила его правдивая душа. Всегда, когда он читал или слышал в Святом Евангелии о предательстве Иудой Господа, он возмущался, расстраивался, волновался. Святая душа его не выносила мерзкого поступка неблагодарного ученика Божия Иуды, и он не мог равнодушно слышать о такой дикой подлости человеческого сердца.

«Старец, ну что ты так расстраиваешься, — скажут ему его духовные дети, — ведь это же так положено было,

чтобы Иуда предал своего Господа на смерть». Отец игумен Тарасий, бывало, посмотрит на говорящего, покряхтит-покряхтит: «Эх, детка, положено-то оно положено, но каково же это было Господу, ведь ученик же, ученик предает, как же это вместить-то?» Скажет, бывало, и не выдержит — заплачет. «Ведь свой же ученик, — всхлипывает старец, — да Кого же это — ведь своего же Спасителя! Да как же это, разве так можно делать?»

Мы уже упоминали, что отец Тарасий сильно не любил славы человеческой. Эта слава пустая была ему уж очень не по душе. Между тем его имя знали и в Москве, и за Москвой, и в других городах России: Ленинграде, Ростове, Саратове, Тамбове, Свердловске, Челябинске, Сочи — везде знали о нем как о мудром и опытном духовнике, пламенном молитвеннике и ревностном пастыре, заботящемся о спасении душ человеческих. Когда старцу говорили о том, что его знают везде-везде, то он как-то виновато, как ребенок, конфузился, смущался, а потом и говорил: «Да ведь это всё неправда, они ведь всему по-детски верят. А я-то ведь что? Ведь вот говорят в народе, что за горою — гармоника, а подойдешь — лукошко. Вот так и меня превозносят. Когда не видят меня, то и говорят: старец, старец, да еще великий; а подъедут сюда да посмотрят на меня — говорят совсем другое... Ну прямо лукошко, лукошко и есть. Гремит оно, лукошко-то, а дела-то никакого. Вот так и я, — закончит старец, — говорю, говорю, а сам не делаю».

Так отец Тарасий смотрел на свой авторитет. Так он низко и смиренно ценил себя.

Примерно за полгода до смерти отца Тарасия лаврское начальство сильно восстало на него. И больше всего по зависти, что его почитает народ, бегут за ним, чтобы взять благословение, почти в каждой записочке пишут его имя о здравии. И вот начальство возненавидело старца, очень даже возненавидело, и стало его сильно гнать. А он, бывало, заберется в свою келию и не выходит оттуда целую

неделю. Тогда решили выгнать старца из келии и переселить в другое место. Для этого начальство избрало Митрополичьи покои, где в самом-самом низу были две-три комнатушки, похожие на собачьи конуры. Вот в одну из них и вознамерились поселить старца. Когда ему сказали об этом, то он промолчал, а потом закрыл свою дверь и долго-долго никого не пускал. Ведь и правду сказать, это было большой обидой для отца Тарасия. Смиренный был старец, послушный, но вот здесь уж он не выдержал. Он грубого ничего не говорил, а просто не хотел уходить из келии — и всё. Сидел-сидел, а потом еще и приболел. И так долго тянулось, больше месяца.

И вот однажды отец Тарасий вышел из своей келии во двор. Его увидели. И опять началось гонение. Послали молодого иеромонаха и приказали ему выбросить все вещи из келии, принести носилки и перетащить отца Тарасия в другую келию на носилках. Иеромонах так и сделал. Пришел в келию отца Тарасия. Старец лежал, раздевшись, на койке. Иеромонах приказал ему собираться. А батюшка лежал и всё молчал. Читал Иисусову молитву, чтобы не расстроиться.

Пришедший настаивал, чтобы старец выбирался из келии. Тогда отец Тарасий чуть-чуть приподнялся да и совсем спокойно говорит: «Ну что ты, брат, расстраиваешься, собирай да и неси мои вещи, куда хочешь, а я останусь здесь, умирать буду». Ну, иеромонах призвал послушников, заставил их собирать вещи, нести в назначенную конуру. А послушники-то знали, что старца гонят напрасно, не прикасаются к его вещам, а потом и совсем сбежали.

Так или иначе, а всё-таки отца Тарасия выселили из его келии. Вещи перенесли, бросили в угол, а потом он и сам пришел. И Господь, заботящийся о Своих рабах, сделал для него лучшее. Наш старец зажил в новой келии, как на даче. Хотя конура его была маленькая и тесная, зато не нужно было подниматься по лестнице, как это было прежде. А самое-то главное — здесь стар-

цу был полный покой. Никто его не тревожил, никто не беспокоил. Лежит себе на коечке и читает молитовку. А потом соберется да и выйдет в садик. А садик-то был совсем-совсем рядом. Хотя и садик-то одно горе, а все-таки было где посидеть.

Вот слышу — за дверью кто-то шаркает башмаками. Идет отец Тарасий. Проходит мимо моей двери — и прямо в садик. Смотрю в маленькое окно — сидит на скамеечке старец, на нем белый подрясничек, голова и борода тоже белые, на ногах — большие рваные башмаки. В руках «Лествица». А сам задумчивый-задумчивый. Часто я видел старца в таком положении. Часов в десять утра, когда немного пригреет солнце, он появлялся на своем месте, сидел, думал. О чем думал батюшка в эти часы? Наверное, не о себе, но о своих духовных детях. Любил он их сильно. Собирал, как птенцов, под свои крылья, заботился о них, как мать о своих младенцах, радовался вместе с ними и вместе плакал. А вот теперь скоро он их оставит. Оставит сиротками. Кому они будут нужны? Кто о них позаботится, как заботился он? Кто оградит их молитвой, как ограждал он? И вспомнилась старцу их последняя беседа в маленькой комнате пятиэтажного здания... Старец возмутился духом и заплакал...

Потом я заметил, что он всё реже и реже стал появляться в садике, а затем и совсем перестал ходить. Сейчас помню, как я видел его в последний раз. Мы пришли навестить старца в его маленькой келейке. Она была вся заставлена банками-склянками, пустыми бутылками, на столе — загнивающие фрукты. Не продохнешь. Старец лежал на койке. Он был неузнаваемый — бледный, худой, оставленный всеми. Из духовных чад к нему никого не пускали.

«Причащался, старец?» — спросил его благочинный. «Да», — тихо ответил батюшка. «Ну, теперь выздоравливай, Бог милостив». Батюшка покивал головой и сказал: «Ладно, ладно, помолитесь».

Мы ушли. А потом еще раз навестили мы старца. Это было ранним утром, часа в четыре утра. В дверь моей

келии раздался сильный стук. Собрался, открыл. «Умер отец Тарасий», — сказал пришедший отец благочинный. Пришли в его келию. Дверь открыта, старца нет. Смотрим — в коридоре лежит в уголочке, только-только отошел, еще теплый. В коридоре был умывальник и туалет. Видимо, старец пошел умыться, с ним произошел удар, и он свалился в уголок. Так и преставился...

Хоронили отца Тарасия, как всех братий, ранее умерших. Старички плакали, молодые пели, а потом со свечами, со слезами проводили его на кладбище. И сейчас там стоит могилка. На кресте надпись с именем почившего, годы его рождения и смерти и... его фотография, выцветшая от солнца, омытая дождем. Только что прошла туча, был дождь. Серебристые капельки его остались на лике старца. Мы стояли и думали. Нам казалось, что старец и поныне плачет о своих духовных детях. Хотя он с ними разлучился давно, но помнит их и теперь. Молится за них, ходатайствует о них пред Богом. Сам окрыленный под кровом Сергия Преподобного, он не перестает заботиться о них, чтобы они скорее оперились, как птенцы, окрылились и воспарили к нему. А они — как малые дети: некоторые забыли завет своего батюшки и разбрелись по распутиям мира. Ведь говорил же он им: «Держитесь вместе, живите дружно, не забывайте Преподобного Сергия».

На груди одного из братий Троице-Сергиевой Лавры сияет наперсный крест. Этот крест достался ему от отца Тарасия. Хороший крест, серебряный, большой... Да еще епитрахиль, духовнические принадлежности и исповедальная книжечка, старенькая, потрепанная, написанная рукой старца. А потом этому брату достались от отца Тарасия живые души, которых тот вел за Христом. Это самое дорогое и самое тяжелое... Крест, настоящий, сияющий, — и всё это досталось ему. Но в наше время как тяжел крест духовнический!..

Как сейчас вижу отца Тарасия в окно своей келии: сидит в белом подрясничке, печальный, задумчивый...

Молись же о нас, дорогой и милый наш старец. Молись, не забывай. Трудно было тебе в твоей пастырской жизни. Совсем мало прошло времени, как ты ушел от нас, но как много изменилось, как много осложнилось в жизни. Трудно было тебе, а нам-то каково?.. Молись о своих оставленных чадах. Молись о том, кому ты их поручил. Молись о всех. Ты был Христов труженик, и теперь на твоей главе венец награды.

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие, ихже взирающе на скончание жительства, подражайте вере их (Евр. 13, 7).

ПОД СВЯТЫНЕЙ КРЕСТА

Игумен Прокопий
(Петр Ионович Зинин)
(1878–1960)

Блажен еси, Христу работав,
и вражию обличил еси силу.

Стихира Преподобному Сергию Радонежскому

Какое счастье — жить под сильной охраной, быть уверенным, что ты в полной безопасности, что о тебе заботятся, что тебя любят, что тебя защитят и что никакое зло не коснется твоей души!

Счастливы те дети, которые свое золотое детство проводят под кровом своих любимых родителей. Счастливы те юноши и девы, которые бурную юную пору жизни находятся в среде своих родных и близких людей. И люди средних лет счастливы, если пора их зрелого возраста протекает среди надежных и верных друзей. А как счастлива тихая старость, когда она безопасно и благодатно доживает в скромном родном и теплом уголочке, ожидая

заката своих дней... Счастливы все эти люди со своим земным благополучием и удобствами жизни...

Но есть совершенно иное счастье — счастье, далеко превышающее земное благополучие, безмерно полнее и блаженнее объемлющее нашу жизнь. Это счастье — жить под крепкой охраной святыни, под сильной защитой Животворящего Креста. Вот это счастье! Да счастье-то какое! С ним не может сравниться никакое земное богатство, никакое земное благополучие.

***

Это было очень давно. Но непременно это было. Римский воин Никон — славный герой. Он — любимец матери, один у нее. Всю душу свою она отдала ему, любимому сыну. Но сердце матери неспокойно. Она страдает. Она ночей не спит, молясь о сыне... Никон — язычник. Христианка-мать одного только и хочет, чтобы сын ее Никон стал христианином. И тогда она готова спокойно умереть.

Разразилась страшная война. Несметные полчища варваров, как черные тучи, нахлынули на римлян. Мать провожала своего славного воина на войну. «Никон, сын мой любезный, — говорила она ему, — ты знаешь, сколько слез пролила я за тебя, чтобы ты только был христианином. Но вот ты уходишь на брань, и, может быть, я больше тебя и не увижу. Исполни мою последнюю просьбу. Когда тебе будет угрожать смертельная опасность, огради себя знамением креста, и ты будешь спасен».

...Никон попал в самое пекло войны. И однажды, пробиваясь вперед, он оказался совершенно один среди лютых варваров. Их были сотни, а он — один. Вспомнил тогда Никон совет любимой матери, вспомнил и... первый раз в жизни перекрестился... Вдруг явилась у него неимоверная сила. Он, как лев, стал поражать врагов. Они рвались к нему со всех сторон, пускали стрелы, метали копья, заносили над ним свои смертоносные мечи — Никон был неуязвим. Он разил своих врагов смертельно, и много их тогда

полегло вокруг одинокого юного воина. Когда всё стихло, Никон ужаснулся. Около него валялись десятки вражиих трупов. Он не мог понять, как это произошло. Сила креста помогла ему! С этой минуты он стал христианином*.

Великое счастье жить под силою креста Христова. Носить его на своей груди от самого дня крещения. Носить его в своем сердце до самой смерти. Благоговейно с верой ограждать себя им.

Как часто мы забываем, что мы — христиане, что на нашей груди, как лучшее из всех украшений, сияет крест! Как часто мы неблагоговейно изображаем на себе знамение креста! Особенно же в минуты опасности, скорби, искушений. Потому мы так часто падаем в борьбе, так много страшимся, *идеже не бе страх* (Пс. 13, 5), бываем немощны и раздражительны, а подчас злы, гневливы, невоздержанны и ленивы, что не прибегаем к силе животворящего победного креста Христова. Правда, мы, люди, живем в миру, среди мирских людей, находимся на службе в совсем недуховной обстановке, едем в поезде среди неверующих людей. Как же тут пользоваться крестным знамением? Можно ли свободно креститься? Можно ли на виду у всех людей показывать свою веру? Можно. И нужно. Господь сказал: *Итак, всякого, кто исповедует Меня пред людьми, того исповедую и Я пред Отцом Моим Небесным. А кто отречется от Меня перед людьми, отрекусь от того и Я пред Отцом Моим Небесным* (Мф. 10, 32–33).

Потому мы с каждым часом слабеем, остываем, да всё прячемся, боимся чего-то, а Бога не боимся.

Когда на воина Никона напали враги, он вооружился не только мечом, но и силой креста Христова. Он победил. А когда на тебя, мой милый друг, нападают невидимые враги — злые помыслы, нечистота, блудные мысли, рабская боязнь и прочее, и прочее, — ты стыдишься перекреститься и потому всегда будешь побежден.

* Из жития святого великомученика Никона.

«А как же, — скажешь ты, — ведь будут смеяться надо мной, когда увидят, что я перекрестилась». Пусть посмеются, если кому захочется. Пусть поглумятся неведающие или враги креста Христова. А другие люди укрепятся в вере, особенно малодушные, слабые. Увидя знамение креста, они воодушевятся и прославят Бога. Вот так должен поступать истинный христианин, любящий Господа и дорожащий своей верой.

«А если мне грозит опасность, мука, смерть, — скажешь ты, — тогда тоже креститься?» Слушай, что скажу тебе на это. Господь учит, чтобы мы остерегались людей и не шли на явную опасность. Благодарение Господу, что еще такой опасности нет, а когда будет, тогда Господь укрепит нас Своей силой. Если кто настолько слаб, что и вправду боится перекреститься, тогда уж надо прибегать к другому оружию — имени Господа Иисуса Христа. Надо про себя от всего сердца вздохнуть и сказать: «Господи, помоги мне. Господи Иисусе Христе, Сын Божий, укрепи меня».

Как хорошо, надежно, радостно жить и спасаться под святыней креста Христова, умело пользоваться его силой и метко поражать им невидимых врагов! Какие мы слабые и немощные, но как силен Бог, давший нам непобедимое оружие — крест Христов. Даже святые отцы приходили в удивление от того, как мудро Господь оградил христианина: где бы он ни был, где бы ни находился, всё у него могут отнять, всего он может разом лишиться, но вот знамение креста всегда будет при нем.

В жизни каждого христианина есть крест: крест детства, крест материнства, крест пастырства. А сколько у нас частных крестов: болезни, скорби, неудачи, искушения, грехопадения, немощи, ссоры — и всё это кресты, кресты, кресты...

***

Трудно жилось трем малюткам у чужого дяди. Их любимая мама умерла от тяжелого недуга и непосильного

труда. Еще невзлюбила их хозяйка дяди. «Едите наш хлеб, дармоеды», — говорила она сироткам, да так грубо и зло, что как ножом по сердцу. Не один раз эти малютки забирались в старый сарай и там плакали, плакали о том, что им тяжело жить без мамы. А когда однажды хозяйка озлилась на них и даже одного ударила поленом, детки-сиротки скрылись. Они ушли на могилку матери и стали там жаловаться, что им без мамы очень, очень и очень трудно. «Маменька милая, — в один голос плакали они, — ты нас бросила одних, а нас тетя не любит, ругает и даже бьет... Мы от тебя не уйдем, нам некуда идти, нас никто не любит, никто не жалеет». Плакали детки, плакали и по-детски всё ждали, что вот-вот мама придет к ним и им будет совсем хорошо, тепло и спокойно.

Зимнее солнце давно уже село за горизонт. Детки и не заметили, как стемнело. Подул сильный ветер, запела свою песнь вьюга, и деткам сильно-сильно захотелось спать. Сначала им было холодно, а потом они, прижавшись друг к другу, сладко заснули...

Дядя с его хозяйкой поздно хватились ребятишек. Поискали, потужили, погоревали и успокоились. А когда теплое весеннее солнышко приласкало землю, когда тихие его лучи согрели могилку умершей матери, тогда нашли и сироток. Они, как ранние весенние цветочки, лежали, прижавшись друг к другу на могилке мамы, и будто детские слезы еще не высохли на их влажных глазах. Успокоились они навечно, с мамой родной им хорошо стало...

Это крест детский, сиротский. Тяжелый это крест, мучительный. Не дай Бог никому такого сиротского креста в детстве.

Но есть еще крест материнский — материнского страдания, когда мать, любя свое дитя, страдает за него материнским сердцем. Как много теперь таких крестов, таких мучениц и даже великомучениц — матерей, которые, терпя непослушание детей своих, перенося их грубости,

а подчас и побои, плачут за них кровавыми слезами сердца. Очень уж молодежь теперь стала непослушна, груба, непризнательна, невоздержанна. Неблагодарные дети жестоко топчут святыню материнской любви и грубо попирают материнские слезы. И когда смотришь на всё это, то диву даешься, как это возможно при современном высоком уровне образования и культуры? Читатель пусть сам решит этот вопрос. Может быть, это непосредственно касается и его, если он в юных летах. А мне думается, что всё это беззаконие происходит оттого, что наша юность далеко, очень и очень далеко отошла от Бога.

Как цветочек растет и благоухает, когда он купается в нежных лучах теплого солнца, так юная душа цветет добротою сердца, нежностью отношений и правильно развивается, если она с Богом.

Мать всегда мученица. Если она терпеливо переносит скорби, если не помнит зла, не перестает со слезами молиться за своих детей, — всегда спасется. Хотите, мой дорогой брат, или сестра, или чадо, видеть нагляднее всю красоту материнского креста и силу материнской молитвы?

***

Это было поздней осенью. В бурном океане шел корабль. Стихия грозно бушевала. Волны яростно, как лютые звери, рвались на палубу корабля. Капитан находился в своей каюте. Он дремал. «Держи на юго-запад», — услышал он сквозь сон ясный женский голос. Проснувшись, он подумал, что над ним кто-то подшутил. Пройдя в общий кубрик, где живут матросы, он резко спросил: «Кто посмел войти ко мне в каюту и разбудить меня?» Все отказывались и недоумевали. Успокоенный капитан снова вернулся к себе и прилег. И только он закрыл глаза, как снова слышит тот же голос, но более настойчивый и требовательный: «Держи на юго-запад! Полный ход! Ради человеческих жизней». Капитан вскочил. «Тут что-то не так», —

сказал он и быстро вышел на палубу. Океан бушевал. Добравшись до рулевой будки, он приказал дежурному держать на юго-запад. Корабль резко повернул в сторону и стремительно пошел по новому курсу. На палубе стояли матросы и зорко всматривались вдаль.

Спустя полчаса пути по курсу заметили черную точку. Подойдя ближе, все ясно увидели в воде двоих людей: юношу и малого ребенка лет шести. Это были потерпевшие кораблекрушение — привязанные к обломку мачты, полузамерзшие и потерявшие сознание.

Когда их подняли на корабль и привели в чувство, то, оправившись, юноша рассказал: «Наш корабль разбило волнами. Я бросился в море и ухватился за обломок мачты. Рядом погибал ребенок. Я подхватил его, и мы плавали так по океану несколько суток. И когда крайне обессилели, то привязали себя веревками». И вдруг юноша зарыдал. «Родная мама, — говорил он, — ты молилась за меня в эту страшную бурю». Капитан, стоявший рядом, прослезился: это ее голос, приказывающий ему держать на юго-запад, слышал он в полудреме. Это она, родная мать, чувствуя гибель на море своего сына, явилась на корабле и побудила капитана изменить курс.

Вот это крест материнский. Мать, страдая душой за спасение своего сына или дочери, идет на любую жертву. А сколько история знает подобных поразительных случаев! Сколько и теперь христианка-мать своими слезами и молитвой спасает своих детей, плавающих по бурному морю жизни! Да, тяжел крест материнский!

Но есть крест более тяжелый, чем сиротский и материнский, — крест пастырский...

В миру его звали Петр Ионович Зинин. Он пришел во святую обитель Преподобного Сергия уже немолодым иеромонахом. После бурных, тревожных лет скитаний, всевозможных переживаний, скорбей он водворился на-

конец в тихой пристани. По своему нраву он был человек кроткий, безответный, молчаливый. Внешний облик его внушал к себе уважение и даже благоговение. В Лавре его все полюбили. Начальство отвело ему отдельную келию, хотя очень маленькую, бедненькую — можно было только поставить коечку, тумбочку и стул, а пройти уже было негде. Ну прямо келейка-каморка, безо всяких удобств жизни. Поселился там отец Прокопий (так звали иеромонаха) и был очень даже доволен.

Где родился, где трудился, где служил до этого времени отец Прокопий, мы не знаем*. Господь один знает. Но, по всей видимости, он в своей жизни перенес много-много скорбей. Выполняя свое послушание у святых мощей Преподобного Сергия и совершая там ежедневно молебны, он всегда плакал...

А ровно через полгода он ослеп. Это крест слепоты. Нелегкий был крест отца Прокопия. Хотя его скоро наградили — сделали игуменом, но зрение ему никто вернуть не мог...

Кто из нас не видел, как несчастный слепец, протягивая руки вперед, идет по улице? Кто из нас не читал трогательные евангельские сказания о слепцах, которые, протягивая руки к Господу Христу, кричали: «Сыне Давидов, помилуй нас!» Господь жалел слепцов. Он сразу отзывался на их вопли и, как Светодавец, возвращал им зрение.

Отца Прокопия никто не мог исцелить, кроме Спасителя Христа. Господь медлил. А батюшка Прокопий не просил. Он покорно и безропотно нес, таким образом, два креста — крест пастырства и крест слепоты.

Помню, когда мы вошли в его убогую келию, он сидел на маленькой коечке, высоко подняв седую голову. Почему, мой друг, мы всегда видим слепцов с поднятым к небу лицом? Почему они ходят не так, как все, нормальной ровной

---

* Известно, что отец Петр принял монашество в 1911 году на Святой Горе Афон, а в сан иеромонаха рукоположен в 1925 году. — *Прим. ред.*

походкой? Может быть, они выражают этим свой упрек небу о несправедливости наказания, о тяжести наложенного на них креста? Нет, отец Прокопий не роптал на Господа. Он знал, что Господь, любя своих детей, не дает им скорби выше их сил. Но хотя батюшка наш и был смиренный сердцем, хотя он совсем-совсем не роптал, всё-таки, когда мы вошли в его келию, он седую свою голову держал кверху, и к небу были устремлены его темные глаза.

«Старец Божий, да ты что-нибудь видишь?» — спросил отца Прокопия мой приятель. «Совсем нет, совсем нисколечко не видно», — тихо ответил слепой старец. «А чего же ты всё смотришь на небо?» Из темных очей выкатились две крупные слезы. «Там свет негасимый, там всё мое лучшее и там я надеюсь увидеть Христа», — сказал он и стал утирать свое лицо ручным платочком. Нам стало не по себе. И мы вышли расстроенные.

Особенно любимым занятием слепого старца была Иисусова молитва. В ней он находил всю отраду своей жизни. Как часто бывало, что ему по целым дням не приносили пищи. Забывали его, как не существующего. Старец никогда не обижался. Он питался больше от Иисусовой молитвы и всегда был спокоен. Припоминаю, как однажды я услышал, что в дверь моей келии будто кто царапал. Кошка? У нас их не было. Открываю: стоит слепой старец отец Прокопий, в руках держит маленький деревянный ящичек — не то чемодан, не то еще что. Трудно было определить, что это за предмет. «Я принес тебе вот это, пусть постоит». Это было всё богатство старца. Ящичек долго стоял под моей койкой, а когда старца не стало и ящичек открыли, то там оказалось... несколько рваных книжечек, потертый бумажник без денег и разбитые очки...

Кто больше знал отца Прокопия, говорили, что прошлая его жизнь была неимоверно тяжела. И, видимо, удары этой тяжелой жизни, как молотком, ковали душу угодника Божия. Оттого и нрав его стал таким кротким и покорным, оттого он и лишился зрения, что много плакал.

О мой дорогой читатель, возблагодарим Господа, что Он дал нам с тобой видеть красоту Его творения. Видеть дорогие лица близких людей, видеть бесконечно красивое звездное небо, усеянное миллионами светил. Видеть на земле малую былинку, цветочек, так мудро и прекрасно созданные. Да используй же этот дар зрения во славу Божию! Не взирай на соблазнительные вещи и предметы, которые препятствуют тебе спасаться. Не читай соблазнительных историй, которые замусоривают твой ум. Взирай лучше на красоту Божия творения и разгорайся любовью к своему Творцу. Как мы с тобой счастливы, видя дорогой для нас с тобой сладчайший образ нашего Господа, пришедшего на землю во плоти. Как счастливы, что видим Его святых рабов, украшенных красотой смирения, кротости, нежности, целомудрия, любви. «Слава Тебе, показавшему нам свет!» — будем говорить от души, когда тихая заря светлого дня загорается на востоке. «Слава Тебе, милосердный Господи, даровавший нам зрение!» — будем повторять, когда каждое утро открываем свои очи на новый возродившийся день...

О милый друг, да не будем никогда забывать еще о свете невечернем, который открывается для каждого верующего человека за гранью смерти, чтобы нам не лишиться и его. Чтобы нам вечно зреть не только красоту дольнего земного мира, но и красоту мира горнего, где вечная красота сияет в смиренных лицах святых ангелов, всех святых, и видеть Красоту неизреченную, неописуемую — Самого Господа.

Вспоминаю, что отец Прокопий очень любил голубой цвет — цвет неба. Голубая лазурь — цвет Богородичных церковных облачений. Как старец любил надевать эти голубые облачения в Богородичные праздники! Даже коробочка, в которую старец клал свои очки, была у него голубого цвета. Всё он любил голубое. А когда ему дали однажды маленькую иконочку Богоматери, где Она одета в голубую мантию, которая вся в звездочках, отец Прокопий заплакал.

И вот теперь он ничего не видел. Постоянная ночь в его темных очах, постоянный непроницаемый мрак всегда перед ним. И старец ни о чем так не скучал, как о голубом цвете. Ведь этот цвет зовет его к небу, напоминает ему о Боге, о горней жизни. И когда ему было очень тоскливо, скорбно на душе, он вставал с койки и всё шарил, шарил на тумбочке, у святых икон, везде — искал Богоматерь в голубой мантии со звездочками, Которую он так горячо любил.

Еще старец сильно переживал за своих духовных чад, с которыми он теперь был разлучен телом. Он их не видел, не мог им сказать доброго слова. Не мог утешиться встречей с ними. Он был совсем-совсем одинок теперь да в постоянной тьме. Бывало, тихонечко подкрадешься к его двери (жили мы недалеко друг от друга) — дверь открыта. Смотришь — старец сидит на своей койке и утирает слезы. Одинокий, слабенький, слепенький. Жалко-жалко его станет. И уходить-то обратно неохота, так и тянет подойти к нему да чем-нибудь развлечь его. «Батюшка, да что ты всё плачешь?» А он смутится от неожиданности: думал, что никто его не видит. «Да так, — скажет, — вот вспомнил своих (а свои-то у него — это духовные дети), вспомнил о них да и взгрустнул. Где они сейчас, в каком краю, в какой беде, кто их пожалеет, кто их защитит, кто их оградит от падения и соблазна? Вот я вспомнил о них, и сердце мое обливается кровью. Ведь как трудно теперь им спасаться, как тяжело! Везде над ними смеются, везде глумятся, а то и обидят горько. Вот мне и скорбно о них, и жалко их сильно». И старец снова заплачет своими старческими слезами.

Отец Прокопий готов был на всё, чтобы только помочь своим духовным чадам. Но он был совсем слабенький. Одно сильное средство оставалось при нем — его всемощная пастырская молитва. И он молился...

Крест пастырский...

***

Стояла осенняя ночь. Лил дождь. В окно дома, где жил священник, постучали: «Отец, отец, открой!» Приехали за батюшкой причастить умирающую старушку. Он быстро собрался и поехал. Добравшись до места, он причастил умирающую, утешил, ободрил и собрался обратно. Но обратно пришлось идти пешком. Подводу умышленно не дали: «Дойдешь и так, не маленький». И батюшка пошел. Почти всю ночь шел. Лил дождь. Он вяз в грязи и промок до костей. Еле-еле добрался до дому. И когда на следующий день за ним приехали хоронить ту бабушку, то отпевать было некому. К вечеру все увидели, как два гроба принесли в церковь...

Пастырь добрый полагает жизнь свою за овец (Ин. 10, 11). Да, тяжел крест пастырский!

В последнее время его, как болящего, перевели в изолятор. Старец не возражал. Он простился со своей каморкой. Его взяли под руки. Впереди послушник нес в узелочке его «богатство». И старец, подняв высоко голову, как бы желая вновь увидеть голубое небо, добрался до места нового поселения.

В изоляторе он был не один. Там были еще три старца, такие же больные, такие же слабенькие. Но слепец был он один. Жили они дружно, как дети малые. И молились все Иисусовой молитвой. За ними ухаживала старая дева: приносила горячую пищу, убирала, смотрела, как мать за своими младенцами. В этом изоляторе старцы часто умирали по старости: уже их час пришел. Их настрадавшиеся святые души, как спелые гроздья винограда, Господь брал к Себе.

Пришли мы как-то хоронить одного умершего старца. Рядом, на своем месте, тихонечко лежал старец Прокопий. Он ничего не видел, что происходило около него, а только слышал. Когда же запели «Со святыми упокой», отец Прокопий сел, и, как всегда, темный взор его устремился к небу. Неожиданно лицо его просветлело, он весь как-то

подтянулся, преобразился. Один Господь знает, что видел старец-слепец своим просветленным духовным взором. Может быть, душу своего новопреставленного собрата? Может быть, сонм ангелов светлых, пришедших за нею? А может быть, и самого Преподобного Сергия или Саму Пречистую Деву в голубой мантии, Которую он так любил? Пока братия совершали здесь панихиду, он так и сидел недвижимо, часто меняясь в лице и устремив свой взор к горнему миру.

Кроме Богородичных праздников, любил старец особенно праздник Преподобного Сергия. Когда он еще видел свет Божий, он не мог налюбоваться на толпы народа, которые, как волны морского прилива, наполняли святую Лавру. Тогда старец радовался как ребенок и переходил с места на место, поднимался на цыпочки и всё хотел больше видеть, как бы хотел всех обнять, приласкать. Ведь это же все свои, близкие, родные. У всех — один Господь и все пришли к одному Сергию Преподобному. А главное-то, в праздники, и особенно в этот день Преподобного Сергия, отец Прокопий сильно изнемогал. Со всех концов страны приезжали его духовные чада, и всех их надо было поисповедовать, утешить, духовно укрепить. Ведь они к нему приехали из далеких утолков России, да с какими большими скорбями и бедами! Старец всю ночь исповедовал народ. Всю ночь брал на себя тяготы людские, а утром, когда уже светало, он добирался до своей келии. Спустя час-другой он снова был на исповеди. И так целыми днями, целыми ночами, пока не кончался праздник. «Кому праздник, а тебе, старец, работа», — говорили ему братия. А он, бывало, тихонечко улыбнется и скажет: «Жалко их, как птички слетаются они к Преподобному, вот и не жалеешь для них ничего».

Любил отец Прокопий праздники Преподобного Сергия, но и доставалось ему в эти дни. А вот однажды, когда река жизни несла всех вперед и приближался летний праздник Преподобного Сергия (5/18 июля), отец Проко-

пий серьезно заболел. Весь праздник пролежал в постели. А когда народ разъехался по своим домам, старец-слепец отправился насовсем в свой родной Небесный дом.

28 июля (н. ст.) его хоронили. Смерть его была тихая и спокойная. После причащения Святых Христовых Таин он лег отдохнуть, и никто не заметил, как старец почил вечным сном. Только тихая улыбка играла на его старческих устах и темные очи были закрыты навсегда. А всё прочее было по-прежнему. Лежал как живой. Как спелая гроздь, сорванная для вечной трапезы.

Под святыней креста старец прошел весь свой жизненный путь. Под лучами непобедимого оружия Христова он пронес все скорби. Тяжелы были его кресты — крест пастырства и крест слепоты телесной. Но зато Господь удостоил его великой награды — венца мученичества.

Помни, мой дорогой читатель, святое имя старца-подвижника. Позаимствуй у него красоту добродетелей, какими сияла его душа. Заручись его святыми молитвами, ибо они сильны пред Престолом Святой Троицы. Он шел под святыней креста Христова. Иди и ты под этим великим непобедимым знаменем. Я знаю, мой дорогой и милый друг, что много у тебя скорбей, искушений, злостраданий, но не смущайся этим. Сила креста Христова всё победит. Только не оскорбляй эту великую святыню своими грехами и небрежением. Смело носи ее на своей груди, ограждай себя крестным знамением и твердо знай, что крест Христов — лучшее украшение твоей жизни. Он есть наисильнейшее утешение в минуту твоих горьких страданий. Взирай на крест Христов как можно чаще. Вспоминай распятого нашего Спасителя и Господа. Молись Ему неотступно и со слезами, и твой жизненный крест будет тебе во спасение.

В СТРАНУ ЛУЧЕЙ

Иеромонах Пахомий
(Серафим Павлович Уржумецкий)
(1904–1960)

Мира красоту и сладость временную отнюд возненавидел еси, монашеское житие паче возлюбив.

Стихира Преподобному Сергию Радонежскому

Есть такие страны прекрасные, куда люди всегда стремятся. Эти страны изобилуют сокровищами, богатствами, ценными материалами, самыми лучшими условиями жизни.

В Библии говорится, что еще в глубокой древности богоизбранный народ стремился в обетованную землю, которая течет медом и млеком. К этой земле израильский народ шел сорок лет. Шел через большие трудности и опасности. На его пути стояло множество врагов. Разные народы — моавитяне, филистимляне, египтяне и многие другие — яростно заграждали ему путь к обетованной земле, воевали огнем и мечом, днем и ночью, во всякое время года. Сотни, тысячи врагов стояли на пути.

Но богоизбранный народ всё равно шел к своей цели. Он вступал в смертельную борьбу, лилась кровь рекой, гибли тысячи людей, но народ шел вперед. С помощью живого Бога израильтяне побеждали врагов, сметали их со своего пути и шли дальше. И так целых сорок лет. Надо еще упомянуть, что во время этого пути, проходя знойные безводные пустыни, народ переносил ужасные страдания, жажду и голод, недомогание и недоедание, моры и много-много других злостраданий и испытаний. Но народ израильский все-таки достиг своей цели. Он дошел до обетованной земли, текущей медом и млеком, и навсегда в ней поселился.

Это было давно, в древние времена. Так написано в Библии.

Есть и теперь дивные страны. Есть и теперь обетованная земля. Есть и теперь страна, в которую стремятся тысячи, миллионы людей, стремятся неустанно, денно и нощно, в солнце и непогоду, стремятся всю жизнь. Только эта страна не близко. Она очень далеко. Если даже и залезть на самую высокую-высокую гору, то и тогда мы эту страну не увидим. Она не за горами, не за долами, не за морями и океанами — она на небе. И как прекрасна эта страна! Как великолепна! Как дивна и неописуема! *Ихже око не виде и ухо не слыша, что приготовил Бог любящим Его* (ср. 1 Кор. 2, 9). Но как на пути в обетованную землю были многие препятствия для идущих, так и на пути в эту высокую страну — Царство Небесное — много-много лежит препятствий.

Первое препятствие, и самое тяжелое, — это неведение, когда люди говорят, будто на небе нет никакой жизни, нет никакого рая, нет никакого Царства Небесного. Это первое — самое большое и тяжелое препятствие. А когда говорят, что нет Царства Небесного, то еще добавляют, что нет и души в человеке, которой бы он стремился к невидимому Небесному Царству. Ведь вот говорят так, и говорят серьезно, как разумные, как ученые, как будто они и вправду знают об этом, будто не ошибаются. А какая в этом роковая ошибка!

***

Девушка умирала от тяжелого недуга. Совсем еще юная и нежная душа. Ей было всего только двадцать лет. Это ранний цветочек, вышедший из земли и тянущийся к солнцу, к теплу, к жизни. Как она хотела жить, радоваться и любить! Но жизнь ее неожиданно обрывалась. И всё это против желания, против воли. И кто мог бы избавить ее от этого трагического конца, от этой неминуемой смерти?..

Умирая, она не роптала. Но мучило другое: однажды, во время Крещения, ей сказали, что у нее есть душа и что эта душа живет вечно. Вот об этом-то она теперь и думала. Если она имеет бессмертную душу, то это значит, что она будет жить и после смерти. Там, за гробом, уже была ее горячо любимая мать. Находясь теперь на смертном одре, эта юная крошка сильно боялась вечной разлуки со своей любимой матерью. Она металась в горячке. Ее бедная головка вся пылала. Мысль, страшная мысль пронзала ее мозг: «А если нет души, а если только говорят, что она есть, а на самом-то деле ее нет? Тогда что? Тогда вечная разлука, и любимого человека не увидеть никогда...» От этой мысли умирающая страдала, как от острого оружия, вонзенного в сердце.

К девушке подошла почтенная старушка. Это была ее кормилица и воспитательница с детства. Старая женщина нежно положила свою руку на пылающее чело страдалицы и, нагнувшись над ней, тихо спросила: «Что с тобой, милая моя малютка, почему так смущена в этот страшный час?» — «Скажи мне, тетя, — простонала еле слышно девушка, — есть ли у меня душа?» Старая женщина поняла всё. Она знала, что это самый страшный вопрос для умирающего человека. Достав платочек, она утирала слезы. А в это время глаза больной, как две горящие звезды, впились в ее старческое лицо. Утерев слезы, старая женщина низко наклонилась над умирающей, поцеловала ее нежно в горящую голову и тихо, но твердо ответила: «Милое мое дитя, у тебя душа есть, раз она так сильно страдает...»

Девушка разом вся опустилась, напряжение ее ослабло, она тихо прошептала: «Больше мне ничего не надо, теперь я знаю, что буду жить и встречу *там* свою маму». Две крупных слезы, как две жемчужины, выкатились из ее закрытых глаз. Она тихо угасла, как потушенный огонек, как сорванный цветочек, чтобы там жить и цвести вечно.

***

О мой дорогой и милый друг! Ведь в тебе есть живая бессмертная душа! Душа, которую ты не видишь телесными глазами, но которую можешь ты чувствовать, ощущать. Откуда у тебя высокие стремления, благородные порывы, творческие идеи, жажда истины и красоты? Ведь у кого нет вечной души, как, например, у животных, у того нет и этих высоких качеств. А у тебя всё это есть. Значит, ты не животное бессмысленное, а разумный и мыслящий человек.

И как это гордо и высоко звучит: человек с разумной и бессмертной душой! А без живой души может ли существовать человек в полном смысле этого слова?

Я думаю, что многим из нас всё-таки хотелось бы увидеть человеческую душу. Ведь слова мало убеждают, а вот если бы увидеть своими собственными глазами — это другое дело.

***

В детской кроватке умирал малютка. Мать, вся в слезах, стояла рядом и помочь своей милой детке ничем не могла. «Господи, хоть бы увидеть душу моего милого ребенка», — взмолилась несчастная. Малютка вздрогнул, немножко потянулся и... затих навеки. В этот миг мать ясно увидела, что от головки умершего ребенка потянулось как бы белое облачко и, приняв форму младенца, остановилось в воздухе. Мать в страхе и удивлении вскрикнула. Прямо на нее живыми глазами смотрело родное детское личико. «Душа», — прошептала женщина и упала без чувств.

***

В день своего Ангела отец Василий пошел на родную могилку жены, чтобы послужить панихидку. Оканчивая ее, он запел последние трогательные слова: «Со святыми упокой, Христе, душу усопшия рабы Твоея...»* В это самое

* Последование панихиды, кондак по 6-й песни канона, глас 8.

мгновение около могилки заколебался воздух, даже трава, цветочки низко погнулись. Отец Василий ясно услышал знакомый голос жены: «А я тебя, друг мой, поздравляю с днем твоего Ангела».

***

В глубокую ночь на Алтае в доме одного христианина было неспокойно. Вся семья была напугана какими-то странными криками. Пришедший с озера отец видел на кладбище две тени, которые встали из земли и двинулись к дому. И вот теперь в доме полное смятение. Через минуту все увидели, как два призрака пронеслись мимо окон, издав при этом крик о помощи. «Это души покойников, которых похоронили вчера», — сказал отец, и вся семья встала на молитву.

Душа есть, мой дорогой читатель. Душа живая, бессмертная. Настанет час, и ты увидишь ее своими глазами.

Вторым препятствием на пути к вечной жизни и Царству Небесному является враг рода человеческого — диавол. Вот он-то уж сильно старается, чтобы заградить нам путь к Горнему Иерусалиму. Господь по Своему правосудию прогнал его с неба за гордость и ожесточение. А мы с тобой, мой милый друг, стремимся на небо. И это диаволу противно. Вот он и старается, вот и изворачивается, чтоб только устрашить нас всякими кознями, опорочить нас всякими грехами и не допустить до небесного рая, откуда он низринут.

Если ты горячо возлюбила Господа, если ты решилась во что бы то ни стало пробиться к вечной жизни, то вооружись против невидимого врага молитвой, терпением, знамением креста. Гони диавола прочь с твоего пути. Не бойся его козней. Не страшись его страхований. Он от тебя не отступит: или он тебя погубит, или ты его должна победить. Какая это страшная борьба! Какая мучительная и продолжительная... Но делать нечего, другого пути нет.

И преподобные отцы, и святые жены, и юные девы шли этим путем. «Идите сквозь тесные врата, — слышится голос Спасителя, — ибо широкие врата и просторный путь ведут к погибели, а узкий путь ведет к жизни вечной» (см. Мф. 7, 13–14). Пойдем и мы с тобой этим путем через все трудности и скорби и будем верить, что мы достигнем цели — вечной жизни.

К обетованной земле, в страну лучей — в Царство Небесное шел и наш дорогой собрат и отец иеромонах Пахомий (в миру Серафим Павлович Уржумецкий). Он пришел в Лавру Преподобного Сергия мирским человеком. С виду почтенный, солидный, средних лет мужчина, он был принят с любовью. Что привело его сюда? Может быть, утрата любимой жены? Может быть, желание загладить покаянием свою прежнюю жизнь? Или полная потеря материального состояния? Не думаю. Он пришел спасать свою душу. Еще с детских лет в нем горела жажда монашеской жизни, но только в средних летах он смог попасть в монастырь. Враг не пускал. Препятствия строил. Но всё-таки настал час, Господь привел к желанному месту.

Послушание Серафим Павлович нес в монастыре какое-то такое «интеллигентное». То ли он был инженер (ведь в монастыре и инженерные дела бывают), то ли прораб на восстановительных работах при монастыре. Право, не поймешь, кем он был в обители, какое он нес там послушание. Но, будучи всегда серьезным, скромным, деликатным, он вызвал к себе уважение начальства и вскоре был пострижен в монашество с именем Пахомий. Монах он был неплохой. Обеты свои, послушание и прочее выполнял аккуратно. Имея образование, авторитет, строгое монашеское поведение, он скоро получил ходатайство о рукоположении в иеродиакона, а потом и в иеромонаха. Помню, когда я был еще иеродиаконом, то служил с ним литургию, и даже не одну литургию, а много. Не забыть мне той глубокой сосредоточенности и молитвенной бла-

годатной собранности, которая отражалась на лице отца Пахомия при совершении им Божественной литургии. Особенно всегда удивляло меня его исключительное молчание. Казалось, что он забывал всё окружающее и уходил в молитву.

В своей келии он занимался чтением душеполезных книг и неопустительно при этом выполнял свое монашеское правило. Особенное его качество заключалось в его тактичности со всеми: с начальством, с равными себе, с подчиненными и даже с детьми. Со всеми он был ровен, мягок и искренне любезен.

Как всё-таки поучительно для нас, мой любезный читатель, видеть эти качества в образованном священнослужителе! Не относимся ли мы грубо и дерзко к окружающим нас людям, даже родным и близким, чем порочим себя и оскорбляем Бога? И я должен сказать тебе, моя милая душа, что это немаловажная вещь. Это не мелкий грех обыденной нашей жизни. Это грубый проступок, страшный грех и большое беззаконие. Посмотрите на эту миловидную девушку, которая даже мечтает чуть ли не о монашестве, — как она на вид скромна и смиренна, точно ангел Божий слетел с неба на нашу грешную землю, даже и крылышки еще не обсохли от полета. А попробуйте троньте этого «ангела»! Скажите ей какое-нибудь слово не по ней, даже и не очень обидное слово, как увидите нечто ужасное! Вы увидите, что это совсем и не ангел, а прямо демон в образе ангела света, да какой злой-презлой демон! Увидите, как она резко сбросит личину ложного смирения и ответит вам такими словами, что вам и в страшном сне-то не снились. Или устроит такое, чего вы и не ожидали от нее.

Вы скажете, что это нервы у всех расшатаны да развинчены, даже у молодых. Конечно, нервы-то нервами — мы всегда найдем на что сослаться. Но главное здесь совсем и не нервы, а распущенность, развязность, несмиренная душа. Вот и выходит всё это наружу.

Мне приходилось слышать на исповеди, как иные девушки с легким сердцем каялись в том, что они поднимали руки на своих родителей! А ведь это же ужасно! Кощунственно, преступно! Как огонь с неба не попаляет нас за такие дела?

И не думай, мой милый друг, что здесь осуждается только прямое буйство. Нет. Совсем нет. А даже и резкое неприличное слово, сказанное в порыве гнева в адрес старших или равных себе и даже детям — тяжелый грех. И что нам тогда делать, спросите? Одно: смиряться душою. Ломать свою гордыню и стремиться изо всех сил украшать себя истинным смирением.

Особенно же, мое дорогое дитя, страшно безобразят, прямо уродуют юную душу гордость, гнев и ярость. Ярость, гнев, буйство в юной душе — это аспид, скорпион, который забрался в нежный благоухающий цветок, это рак смертоносный на здоровом юном теле. Как бояться надо этого чудовища, этой страшной беспорядочности чувств и следовать почтенному нашему отцу Пахомию! Степенность, выдержанность, скромность, деликатность — вот была его стихия жизни.

Покажу тебе, мое милое чадо, еще один светлый луч добродетели в жизни отца Пахомия. Иеромонах Пахомий как зеницу ока хранил целомудрие своего тела и своей души. Он не допускал и помысла скверного до своего сердца, гнал от себя всякую блудную и грязную мысль. Он хорошо знал, что блудная мысль подобна грязной свинье. Если грязная свинья прорвется в двери и вбежит в чистую комнату, то ее не вдруг выгонишь оттуда. Она будет бегать из угла в угол, пачкать чистый пол, вопить по-свински, а обратно в двери не захочет выбежать. Всё испачкает в комнате, перевернет, разобьет посуду, кое-что поломает, поколет, и чего только она, эта свинья грязная, не наделает в чистой комнате! Хаос, грязь, беспорядок! И всё оттого, что хозяин просмотрел, прозевал, и свинья проскочила в двери. Если бы он задержал свинью сразу

в дверях, отогнал бы ее хорошей палкой подальше, комната была бы чистой. А если уж прозевал или просто сказал: «Ну ладно, пусть пройдет, она плохого ничего не сделает», — вот тут-то он и ошибется сильно. Свинья — пусть она будет самая тихая, спокойная, будто кроткая, — всегда свое грязное дело сделает.

Вот так же, мой милый друг, и грязный блудный помысел. Если бы ты бодрствовала и не впустила его в двери сердца своего, то он бы не забрался к тебе в душу, не осквернил бы ее чистоту. А раз ты живешь невнимательно и не следишь, кто лезет в двери твоего сердца, в ум твой — хороший или плохой помысел, — то вот так и получается. Нечистый помысел заходит в ум (двери сердца), а ты его не останавливаешь. Он лезет дальше, в сердце твое, и начинает всё осквернять, пачкать. Ты хватишься — и давай с молитвой гнать помысел нечистый из сердца, да не тут-то было! Он уворачивается, бегает туда и сюда. Вот тогда и мучишься, пока не заплачешь и слезами и воплем к Богу не избавишься от мерзкой блудной нечистоты.

Даже если с помощью Божией и прогонишь нечистоту из сердца, то после долго остается какое-то нехорошее чувство. Точно так и после свиньи остается плохой запах в комнате.

О мой милый друг, стой, стой неустанно у дверей своего сердца, храни ум и не давай грязной мысли пролезть в душу. И святые наши богоносные отцы учат этому, и слово Божие к этому нас призывает. Особенно страшно, когда человек скверной мыслию услаждается, то есть удерживает эту мысль, она ему нравится, доставляет какую-то сладость, удовольствие его сердцу. Это уже страшный грех, который ведет к смерти души. Как яд прислащен, чтобы обмануть человека, и когда он выпьет этот яд, то немедленно умирает, — так и блудная страсть: она доставляет человеку плотскую сладость, но потом приносит душе смерть.

Чтобы избавиться от блудной страсти, следует чаще исповедоваться духовнику. Да не стыдиться, не запираться и не скрывать того змия, который хочет свить себе гнездо в твоем сердце, а поплакать и рассказать батюшке всё, как Самому Богу. И чем чаще будешь так исповедоваться, тем быстрее враг отстанет от тебя. А мы вот стыдимся говорить о блудной страсти на исповеди. Это самое страшное дело. Это бесовский стыд, гибельный. А чего бы бояться-то да стыдиться-то? Ведь батюшка свой, он тебя не просмеет, тем более не прогонит тебя за это, а, наоборот, за твою искренность будет больше тебя любить, больше за тебя молиться.

Да, для молодых девиц, юношей самое мучительное откровение на исповеди — это в блудных помыслах или блудных делах. Это самое страшное для них. Но ведь и самое спасительное! Ведь если ты, девушка или юноша, не откроешь своевременно своих помыслов, то они заразят всю твою душу.

Вот у тебя на руке неожиданно появилась злокачественная опухоль. Если ты своевременно не покажешь ее врачу и с болью и кровью не удалишь — она разовьется и заразит всё тело, и ты умрешь. Так и всякий грех, и особенно блудный.

Покаяние и смирение — самое страшное оружие против змия — блуда. Пишу я об этом, мой милый друг, для того, чтобы тебе запомнить, что нечистый не войдет в жизнь вечную. А я очень хочу, чтобы ты был участником этой вечной радости, чтобы тебе иметь удел со святыми и чистыми ангелами и святыми людьми. Очень я этого хочу и об этом молю Господа. И знаю хорошо, что этот грех — нечистота — в наше время особенно силен. Он, как дракон ужасный, обвил своим гнусным телом всю молодежь, всю вселенную, всех людей.

В страну лучей, к вечной жизни и Горнему Иерусалиму устремлялся иеромонах Пахомий. Он знал, что доступна эта вечная жизнь только для смиренных и чистых сердцем, душой и телом.

И если тебя, моя милая душа, неослабно обуревают волны блудных страстей, если они рвутся и заливают твой малый челн, если ты изнемогаешь с ними в борьбе, — не унывай, тем более не отчаивайся. Есть еще спасение и для тебя...

Вот апостолы плывут по бурному морю. Волны заливают их лодку. Гребцы борются с волнами, противятся им. Они употребляют всё свое искусство моряков, но улучшения нет — близится гибель. Когда же апостолы поняли, какие они беспомощные, какие они слабые в этой борьбе и что морское искусство не приносит им спасения и они всё равно гибнут, — они обратились к Иисусу Христу. «Господи, — взмолились они, — *неужели Тебе нужды нет*? Ведь *мы погибаем*!» Иисус встал (пока они Его не просили, Он не проявлял Себя, спал), запретил ветру, и на море сделалась тишина. А потом, обращаясь к апостолам, сказал: *Маловерные, где ваша вера?* (см. Мф. 8, 23–26; Мк. 4, 36–40; Лк. 8, 22–25).

Не справишься с помыслами — блудными, хульными, суетными, всякими-всякими — не надейся на свои силы, а смирись и скажи: «Господи мой, Господи, Ты уж Сам утиши бурю в моей душе. А я совсем-совсем слабая и немощная, а буря-то жестокая... Вручаю всю себя Тебе...»

Отец Пахомий по каким-то причинам должен был покинуть Святую Лавру Преподобного Сергия и выехать на приходскую службу. Не без боли в сердце он расстался со святой обителью. И расстался... навсегда.

Помню, как он в последний раз прощался с любимой им братией в трапезе, после обеда. Выйдя на середину, он сквозь слезы сказал собравшейся братии: «Простите меня, отцы и братья мои милые, если чем вас обидел, оскорбил, укорил. Не поминайте меня лихом и не забывайте в своих молитвах», — и сам повалился в ноги.

Потом слышно было, что отец Пахомий служит где-то около Москвы, что народ его уважает, любит. Он и там оставался монахом и верным пастырем словесных овец. Сам стремясь постоянно ввысь, к вечной жизни, в страну вечных лучей и негасимых сияний, он и других вел туда же. Он нисколько не изменился на приходе. Будучи хорошим монахом в монастыре, он таким же остался и в миру: тихим, скромным, целеустремленным, целомудренным, молитвенным.

Как часто мы оправдываем себя условиями жизни! «О, если бы я жила в монастыре где-нибудь, — как и ты говоришь, дитя мое, — то тогда бы спасалась по-настоящему. А то живу в миру, да на мирской службе, среди стольких соблазнов, искушений! Возможно ли тут спасаться, да и спасусь ли вообще?» Так вот мы и говорим. Так себя и выгораживаем.

Конечно, в миру гораздо труднее спасаться, да еще в современном мире. О Господи, да ведь Ты всё это видишь и знаешь. Знаешь и... снова нам говоришь: *Маловерные*, ну *где* же *ваша вера*?» С твердой верой, где бы мы только ни были — в море ли, в океане ли, в самой ли геенне — не погибнем. А если вера слабая или совсем пропала (буря жизни выдула незаметно), тогда что? Опять, как апостолы, взывать: *Господи, умножь в нас веру*... (Лк. 17, 5). Молиться, просить — и непременно будет.

В одно зимнее утро 1960 года захожу в Трапезную церковь. Служат раннюю литургию. На солею выходит, как обычно, иеродиакон и провозглашает ектении: «...Еще молимся о упокоении души усопшего раба Божия новопреставленного иеромонаха Пахомия». Боже Ты мой, да какая же это жизнь наша земная?.. Почти в расцвете сил, шестидесяти лет! Крепкий, сильный, деятельный...

Так мы похоронили нашего бывшего брата по обители иеромонаха Пахомия. И нет его могилки около нас. Где-то она на сельских кладбищах, но иноческая душа его всегда с нами, в нашей родной святой обители. Здесь он окры-

лился в мужа совершенна. Здесь достиг определенной высоты нравственной жизни. Отсюда Преподобный Сергий отправил его на новое послушание в мир, где отец Пахомий и довершил свой жизненный путь.

Вечная тебе память, наш дорогой друг, и брат, и отец. Ты от юности устремился к лучшему. Ты сладость временную отнюдь возненавидел, а монашеское житие паче возлюбил... Не ошибся ты в своем выборе между миром и Богом. Не пропала напрасно твоя земная жизнь; добрые стремления, воздержание, молитвы подняли твою душу на высоту духовной жизни, и унеслась она на крыльях веры в бескрайнюю высь, в страну лучей — Небесное Царство, где вечное сияние света негасимого, красоты неизреченной, где жизнь так хороша и возвышенна, ангелы и люди так прекрасны и чисты, где вечно царствует Всемогущий Бог. Ему слава, держава во веки веков. Аминь.

ОН ЖИВ

Иеромонах Павлин
(Павлин Агапиевич Мельник)
(1882–1958)

Радуйся, яко с тобою всегда бе благодать Господня.

Акафист Преподобному Сергию Радонежском

Милый ты мой старец! Слабенький, убогонький, согбенный. Вижу тебя идущим по двору монастырскому, да всё ты останавливаешься, всё покашливаешь да за грудь держишься одной рукой. Милый ты мой старец, вижу тебя, да уж очень плохо, тускло, истаял ты из моей памяти, улетучился. А какой ты был дивный, ка-

кой милый, какой смиренный и терпеливый! И вот теперь давно-давно тебя не видать, не слыхать твоей грубоватой скороговорки. Давно... Прости меня, мой милый старец, что забываешься ты в моей короткой памяти, что исчезает уже твой милый образ из моего бедного воображения. Где ты сейчас? Куда ты скрылся из нашего вида, как далеко подался от своих собратий по духу и званию?..

Как счастливы люди, умирающие о Господе! Как они блаженны! Мы не можем себе представить их светлую и радостную судьбу.

Тело иеромонаха Павлина принесли на кладбище, опустили гробик с тихим покойничком в глубокую темную могилку, стали бросать свежие комья земли. Со всех сторон летят они, градом ударяются о крышку гроба — всё больше и больше земли на гробе. Братия взяли лопаты, стали ковырять ими свежую кучу земли и бросать ее вниз на гробик, и его уже совсем не видно стало. Земли в могиле всё больше и больше становилось, всё выше и выше ее насыпали. Вот уже полная яма, а люди еще и еще стараются целую кучу навалить, чтобы был и холмик над свежей могилкой, чтобы земли как можно больше было, чтобы толще она лежала, будто боятся люди, что если мало будет земли над покойничком, то он может вылезти из могилы...

Так же мы прощаемся со всеми нашими умершими собратиями и, уходя с кладбищ, глубоко вздыхаем, крестимся и говорим: «Упокой, Господи, душу усопшего новопреставленного раба Твоего...» А потом снова продолжается обыденная жизнь. Суетимся, переживаем, заботимся, крутимся, пока очередная жертва смерти не заставит нас опять побывать на кладбище. И опять мы видим свежую могилку, новый гробик. Летит земля в глубокую яму, растет бугорок, водружается крест — и люди уходят. А потом опять приносят новый гробик с покойничком, а в этом новом-то гробике — я или ты, мой милый и любезный друг. И летит сырая земля на твой гробик

и уже заваливает тебя, да всё больше и больше валят на тебя земли, стараются, стараются, чтобы темнее было тебе в сырой могиле...

Колесо нашей жизни... Круговорот нашего земного бытия.

Ну что, спросишь, это вот и всё? Этим всё и кончается? Нет. Этим-то как раз и не кончается. С печального момента, как новый гробик с покойничком запрячут далеко в землю, набросают на него много-много земли, — с этого момента начинается новая жизнь, новое рождение...

Три рождения у человека. Первое — из утробы матери, второе — с момента благодати Крещения и третье — из утробы земли, когда тело — в землю, а душа — к Богу.

***

Один иеродиакон отслужил Божественную литургию, причастился Святых Животворящих Таин и возвратился в свою келию. Взяв глиняный кувшин, сходил за водой и у самой двери келии упал мертвым. Наместник Лавры вместе с братией горячо молились о нем сорок дней: служили заупокойные литургии, совершали панихиды, поминали имя его на проскомидии. Вскоре после этого в одну из ночей в келию отца наместника тихо открылась дверь. Входит покойный иеродиакон. Обращаясь к перепуганному наместнику, он говорит: «Спасибо, Ваше Высокопреподобие». — «За что?» — «За ваши общие молитвы». — «А как ты знаешь?» — «Мы всё видим. Если человек зароется и на три метра в землю, всё равно мы видим, что он делает». — «А как ты прошел мытарства?» — спросил наместник. «Как молния». — «Отчего?» — «В этот день я причастился Святых Христовых Таин. Меня никто не задержал». — «Вот в Хотькове умерла монахиня недавно, как она?» — спросил наместник. «Она выше меня». Мигнула лампада, и видение скрылось. Он хотя и умер, но он жив...

***

Люсе было всего три годика. Она совсем недавно похоронила свою родную маму. И, похоронив, стала задумываться о ней. Да так уж сильно тосковала! Она подолгу застаивалась у окна и всё смотрела куда-то вдаль. «Люся, детка, да что ты всё смотришь в окно-то? Или что там видишь?» — спрашивает ее тетя. «Там мама моя зовет меня к себе, да всё манит, манит меня рукой». Тетя старалась развлечь девочку. Ходила с ней на улицу, занимала ее играми, рассказывала ей веселые сказки. Люся была задумчива. Она всё думала и думала о чем-то. Однажды тетя опять спросила ее, о чем она думает. «Мама зовет меня к себе», — ответила девочка.

Через неделю Люся заболела. Ее старались лечить, но она с каждым днем таяла. Потом перестала есть и пить. И спать стала совсем мало. И так она извелась! Стала как тень — маленькая, худенькая, легонькая...

Однажды ранним утром, когда еще все спали, раздался радостный крик больной девочки: «Мама, мамочка пришла, а с ней много-много ангелочков!» Когда подбежали к больной, то она уже тихо умирала. «А ты не плачь, тетя, — тихо, еле слышно сказала умирающая, — они очень-очень красивые. Вот они около меня и ждут», — прошептала крошка и тихо преставилась.

Так приходят живые души из иного мира — загробного — к своим близким и дорогим, чтобы дать о себе знать или чтобы позвать родных за собой к вечной небесной жизни.

Иеромонах Павлин пришел в Лавру в сороковых годах*. Тогда он был энергичный и крепкий. Но годы, проведенные в постоянном труде и непрестанных молитвах, постепенно состарили его, сделав больным и немощным.

«Что ты, батюшка, всё держишься за живот, или болит что там?» — бывало, спросишь старца. «Что, что ты

* В октябре 1950 года. — *Прим. ред.*

сказал?» — подставляя ухо, спросит старец. Повторишь ему свой вопрос. «О, — протянет отец Павлин, — да там у меня болит не болит, а совсем плохо работает. Вот я и не замечаю, как держусь за живот». Потом старец низко поклонится, помотает своей седой головой. «Никуда я не гожусь», — протянет он своим грубоватым голоском и пойдет дальше.

Ему советовали принимать разные таблетки, травы и другие средства, но совсем ничего не помогало. Ведь старцу было уже под восемьдесят, и организм его был ветхий-ветхий, уже плохо работал, и никакие внешние средства ему не могли помочь. Жил старец в маленькой келейке. У него был вечный «образцовый беспорядок»: ложки, кружки, чашки, вилки и разные разности валялись у него на столе. Да и кто бы ему прибрал всё это? А ему-то было уже не под силу заниматься внешней чистотой келии. Да и одежда-то его была не в идеальном порядке. На старой ряске были латки и заплатки, а то и остатки какой-нибудь пищи. Клобук его был так засален и смят, что ни на что не был похож. И лествичка вся засалена и связана белыми ниточками. Одним словом, внешний вид старца был не из блестящих. Но при этом душа старца была в ангельской чистоте. Как сокровище, спрятанное в грубом сосуде, или как жемчуг в грубой раковине, так ангельская душа жила и окрылялась в старческом невзрачном теле.

Мой милый друг, как часто мы обманываем себя, когда оцениваем человека по внешнему его виду! Какая в этом большая ошибка! Так могут судить только люди совсем-совсем мирские, грубые, материальные, которые, кроме тела, больше не способны ничего видеть. А мы-то ведь считаемся духовными людьми, и какими осторожными нам надо быть, чтобы не осудить человека по одной его внешности. *Человек смотрит на лице*, а Бог *на сердце*, — говорит слово Божие (ср. 1 Цар. 16, 7). И особенно когда человек приблизится к своей тихой старости, он живет исключительно внутренней жизнью. Зачем ему всё внеш-

нее? Ведь это всё пустяк. Мишура. А вот главное — совершенство души и чистота внутреннего одеяния.

О эта дивная тихая старость! Это годы второго, позднего, детства. Сколько в тебе благодатной прелести и тихой старческой простоты!.. Вот он идет, раскачиваясь из стороны в сторону, в свою келию. Согбенный стан и низко опущенная седая голова. Замасленный, помятый клобук низко опущен на глаза.

«Что ты, старчик Божий, так незаурядно облачен?» — с улыбкой спрашивает его отец наместник. — «Да ладно, отец наместник, лишь бы душа была красива и чиста», — обычно ответит отец Павлин и идет себе дальше.

Да, он жив. И теперь он жив. Ибо эта святая детская душа, пережившая так много бед, перенесшая так много скорбей, не может умереть и не должна. Так судил Правосудный Бог наш. Отец Павлин жив и находится в ином мире, в иных условиях, в иной стране — более совершенной, более прекрасной, чем наша.

В каждом человеке живет жажда жизни. Но жить надо с толком. Жить надо так, чтобы жизнь эта, земная, рождала новую жизнь — небесную. И как хорошо делают люди, когда своим духовным взором устремляются вдаль или, поточнее сказать, когда они, находясь на земле, очами веры видят другую, лучшую — небесную жизнь. Этих людей можно назвать дальновидными. Их вера в жизнь будущего века открывает им горизонты в невидимое, открывает жизнь духовных обителей.

Вот этот простой старец, своим изможденным телом всё ниже и ниже склонявшийся к земле, — своей окрыленной душой стремился к вечной жизни.

«Старец Божий, а ты, небось, с бесами-то воюешь?» — иной раз спросит отца Павлина встречный брат. Старец заставит повторить вопрос (глухой был отец Павлин) и ответит: «О дитятко мое, они, эти бесы-то, коварны и хитры, а я-то дюже немощен. И с ними надо, братец мой, постоянно драться, а я сплю много, да всё болею, где

уж мне с ними сражаться!» Но отец сражался, и злые духи побаивались его крепко.

Мы не знаем всей внутренней жизни отца Павлина. Не знаем его ночных келейных молитв. Не знаем его многих старческих слез. Не знаем всей силы брани, которую он вел с бесами. Знают это один Господь Бог да Ангел Хранитель как свидетель всей его жизни. Теперь старец давно помер, но бесы и сейчас его помнят.

На том месте, где была келия отца Павлина теперь расположена столовая-кухня. Поздним вечером, когда все уже улеглись спать, по коридору кухни шел молодой иеродиакон. Вдруг слышит он: на кухне за дверью звон посуды. И этот звон-то не простой, а особенный. Как будто кто выбивает ритм. Как будто там, за дверью, происходит пир какой. «Боже мой, да ведь скоро двенадцать ночи, кто же это там веселится?» — вслух сказал себе молодой иеродиакон. Он остановился у двери. Постоял. В коридоре темно. Ему стало жутко. За дверью вовсю наигрывали посудой: и ложками, и чашками, и пустыми кастрюлями, и Бог знает только чем. Иеродиакон хотел идти и звать других, но все спали. Да и что он так боится, маленький, что ли? Ему стало стыдно за себя. Перекрестившись, он шагнул вперед, рывком открыл дверь, нажал в знакомом месте кнопку выключателя и дрожащим голосом крикнул: «Кто здесь?» Гром упавшей к его ногам кастрюли оглушил его. На кухне никого не было. Посуда стояла на своих местах. Ложки и чашки были собраны в кучу. По телу иеродиакона побежали мурашки...

И так было несколько раз. Духи зла не унимались и после смерти отца Павлина. Но чему они радовались? Отчего веселились? Может быть, оттого, что мы, современные монахи, нерадиво живем? А может быть, они совершали свое последнее ликование? Но таковы уж, видимо, затеи бесовские. Бесы без них, наверное, и обойтись-то не могут. Особенно во святом месте. И особенно в наше скудное верой время.

Вот, например, их торжество, бывшее несколько раньше, и не в Троицкой Лавре, а в другом месте.

***

Это было в 1917 года. Ямщик по фамилии Казакин проезжал темным лесом. Вдруг он слышит — льется песня. Посмотрев на левую сторону, он увидел на поляне странных мужчин и женщин. Они были наряжены в какие-то острые колпаки, сидели на пнях, деревьях и пели песню: «Наши годы — наша воля, наши годы — наша воля». Казакин начал истово креститься, но бесы и не думали исчезать. Они продолжали петь свою песню и по-бесовски веселиться. Тогда ямщик ударил лошадей и рванулся вперед. Ему было не по себе. Он чувствовал, как шапка поднимается на его голове, и чем быстрее он ехал, тем больше ему казалось, что песня становится всё сильнее и сильнее. Глянув вверх, он увидел, что по обе стороны дороги на деревьях сидят эти причудливые певцы и провожают его своей музыкой. Он подлетел к реке, лошади остановились. Нужно было ждать парома. «Боже Ты мой!» — воскликнул перепуганный ямщик. У ног своих он увидел страшного змия, который пытался уязвить его... А вдали всё слышалась песня: «Наши годы — наша воля, наши годы — наша воля...»

***

А вот другой пример. Молодая инокиня поздним вечером выполняла свое правило. Вокруг была мертвая тишина. Свет от маленькой свечи бросал причудливые тени на окружающие предметы. Она почувствовала в сердце какой-то страх. Ей вдруг показалось, что сзади кто-то вошел в ее комнату. Даже дверь скрипнула на ржавых петлях. Мороз пробежал по всему телу. Хотелось оглянуться назад и посмотреть, что там делается. Но она пересилила себя и продолжала молиться, хотя уже и не понимала слов молитвы, которую читала. Вдруг в левом углу, самом

темном, раздалось какое-то рычание, будто зверь рычит на свою добычу. Она перекрестилась и положила земной поклон. Прямо у ее ног извивался змей! Она даже помнит ледяное его прикосновение... Вскочив, она вскрикнула от страха: «Господи, что же это такое!» — и выбежала за дверь...

Так темная вражья сила всегда препятствует людям совершать добрые дела, молитву, пост и прочее и устрашает своими кознями.

Надо ли нам бояться этих бесовских страхований?

Совсем нет. Но вместе с этим и не надо их желать. Особенно проявляются бесовские козни тогда, когда человек молится ночью или берет на себя чрезмерный пост без благословения духовника. Самовольно вздумал и начал подвизаться. А диаволу это только и нужно. Он сам — гордость, самочинник и других к этому беззаконию толкает. Тем более что благодать Божия отходит от самочинно подвизающегося, и враг получает полный доступ к этому человеку. Самоволие, самочиние — страшный грех. Даже и на доброе дело самоволие противно Господу.

«Я пришел, чтобы исполнить *волю Отца* Моего, а не Свою волю», — говорил всегда Господь наш Иисус Христос (ср. Ин. 6, 38). А мы всё свою волю выдвигаем, а волю Божию не выполняем, и волю служителя Божия — Его священника — тоже не хотим исполнять. Вот Господь и отступает от такой души, а коварный враг берет над ней свою власть.

О мой милый друг, бойся, как гееннского огня, самоволия и самочиния. Даже в добром деле оно смертельно. Оно губительно. Спроси благословения у своего батюшки или у любого другого и тогда молись, постись. Господь примет твой подвиг.

Но у нас бывает совсем по-другому. Не то что стремиться к подвигу, а совсем ничего не хочет делать человек. До того обленится, до того опустится, что даже вечер-

ние или утренние молитвы не хочет прочесть. Вот это уже самая настоящая беда. Ужас какой-то! И приходится его не то что удерживать от чрезмерного подвига, где уж там, а прямо побуждать: «Да читай же ты эти необходимые-то утренние и вечерние молитвы! Что ты такая лентяйка стала, о чем ты только думаешь?»

Особенная небрежность проявляется в чтении вечерних молитв. Часто их прочитывают не полностью, а то и вообще не читают. «Вот я, батюшка, устану днем, приду с работы и немножечко прилягу отдохнуть; думаю: отдохну немного, потом встану и помолюсь — да и просплю до самого утра и совсем ничего не прочту» — так вот обычно говорят неопытные души. Слушаются врага. «А ты передохни, — шепчет он в ухо, — ведь устала, что ты так себя убиваешь, ведь и так больная да слабая. Ляг, полчасика отдохни, а потом со свежей головой и помолишься лучше».

Вот нашелся какой доброжелатель-то! Вот добряк! Как сильно заботится о нашем здоровье, как жалеет-то нас. Ах, окаянный обманщик! А ему-то ведь только и надо, чтобы сделали по его воле. Это ему радость, веселие...

«И правда, — думает лентяйка, — что это я так уж стараюсь, не как другие. Полежу немножечко, а потом и помолюсь». А бес-то, бес-то радуется! Прыгает, скачет, как на празднике: «Моя воля, моя воля...»

Особенным качеством отца Павлина было тихое состояние духа. Какая-то благодатная, ангельская тишина всегда окружала его. Вот идет он мне навстречу, и еще далеко, а уже на душе делается тихо, мирно, спокойно. Будто он весь был овеян каким-то особым мирным благодатным воздухом, и одно его появление проливало на мятущееся сердце успокоение и мир. Этот дар дается не всем старцам. А вот отец Павлин его имел от Господа.

Именно теперь, в наши буйные дни, как нам нужны такие мирные люди, как нам нужны мир, тишина, спокойствие! Вот одна раба Божия волнуется о своей работе, что

там неспокойно, не так, как ей хочется. Другая — не видит мира в своей семье, со своей родной сестрой, с матерью, отцом, братом. Третья беспокоится о плохом своем здоровье: что-то стали болеть голова, желудок, сердце, душа. А четвертая вообще не поймет, что с ней творится. Всё будто у нее болит, всё ноет, всё ее тревожит, всё нервирует, всеми она недовольна, все ее обижают, никто ее не любит, все ей колдуют, хотят только именно ей одной зло причинить, и, Боже Ты мой, так без конца! Спрашивается, что нужно этим душам? Мир, тишину духа, успокоение сердца. Такое благодатное состояние нужно, которое бы дало душе покой, твердость, незыблемость.

Если говорить определенно, то такое спокойствие духа дается людям смиренным, кротким и надеющимся на Господа. Слышите вы, как у святой раки Преподобного Сергия Господь терпеливо и нежно повторяет одно и то же: *...научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29)?

Слышим, конечно, и очень часто слышим. Но слова эти летят мимо наших ушей, а вернее, мимо нашего сердца, и мы опять не учимся от Господа смирению, не учимся кротости. А потому и не имеем до сих пор спокойного душевного состояния.

О, какое это великое богатство! Какое огромное благодатное сокровище — мирный, тихий дух, невозмутимое состояние духа! Святые отцы говорят, что мирная душа подобна светлому глубокому озеру, которое, сколько ни бросай в него камней, сколько ни возмущай его, чуть-чуть восколеблется, погрузит в свою глубину камень, и опять — полное спокойствие, тишина. Как бы я хотел, мой милый друг, чтобы душа твоя обогатилась этим мирным духом, чтобы она вкусила сладость полного спокойствия и благодатной тишины, вопреки окружающему нас постоянному беспокойству, немирности, какому-то расстройству жизни, всех дел, какой-то безумной спешке, смятению духа.

Как тихое светлое солнце распространяет свои благодатные лучи на всех и вся, так и мирный тихий дух отца Павлина вносил везде спокойствие и благодатную тишину. И каждому хотелось как можно дольше побыть около него, послушать его простые слова, посидеть у его ног.

Были и другие добродетели у отца Павлина. Их было очень много в его святой душе, но я смею указать на основные. Любил старец что-либо обязательно дать человеку, пусть совсем незнакомому, а всё-таки дать ему что-либо. Это была прямо болезнь старца Божия. Иной человек норовит обязательно чего-нибудь стянуть, украсть, взять, похитить. Иначе он не может жить, если чего не возьмет, не стащит, не сунет в свой карман. Пусть даже и вещь-то совсем ему не нужную. Но ему обязательно хочется это взять, непременно стянуть, иначе он не успокоится, иначе он заболеет, если не возьмет. Есть такие люди. Несчастные они, больные, достойные большого сожаления. А вот отец Павлин — другое. Совсем обратное: он «страдал болезнью» — отдать, непременно что-либо сунуть человеку, дать ему какую-нибудь вещь, чем-то сделать ему приятное.

Ну вот, к примеру, он сидит за трапезой в братской столовой. Все кушают, что каждому подают. Суп, кашу, чай, сахар, иногда летом фрукты. Вот рядом с отцом Павлином сидит молодой иеромонах. Подали чай. Иеромонах, как и все почти делают, бросил свои три кусочка сахару в кружку с чаем, размешал и пьет. Смотрит — под его носом еще лежат три кусочка сахару. Откуда? Кто принес? Кто положил? Оглядывается, недоумевает. Отец же Павлин и виду не подает, сидит и пьет свой будто сладкий чай. А потом повернется к брату да тихонечко и намекнет: «А что это ты, братец, без сахару-то пьешь? Постишься?..»

Или вот идет он, согнувшись, из храма по дороге, встречается ему послушник: «Батюшка, благословите» — и протягивает сложенные руки. Отец Павлин благословляет и идет дальше. Послушник смотрит: что за чудо? В руках у него «откуда ни возьмись» три красивые конфетки!

Как это старец ухитрился и благословить, и еще конфеты дать? Это уже его тайна. Значит, он заранее, увидев издали идущего послушника, полез в карман, достал конфеты, которые ему дала встречная старушка помянуть усопшую, и вот, благословляя, сунул их молодому брату, чтобы он не унывал, а немного развлекся этими гостинцами.

Любил старчик дать от всего любящего сердца. Дать всё, что только мог.

Вот является в его келию монах-студент. Пришел навестить старца, а главное-то — занес ему передачу с проходной. Какая-то землячка привезла старцу две баночки: одну — варенья малинового, а другую — грибов засоленных белых. Вот студент и принес их, чтобы отдать старцу.

«Э, брат ты мой любезный, — скажет вполне серьезно отец Павлин, — да ты совсем не по адресу попал. Здесь, на баночке-то, написано не Павлину совсем, а другому». — «Да нет же батюшка, — протестует пришедший, — я сам читал, что это вам передали. Вот ведь здесь же и написано: отцу Пав... Пав... Пимену». — «Ну вот, вот, — оживляется старец, — я же говорю, что не по адресу попал. Неси-ка, братец, скорее это к отцу Пимену. Он как раз, слышно, что болен. Простыл, знать, и ему малиновое-то варенье кстати...» Отец Павлин уже успел подписать на баночке другое имя и торопит смутившегося инока отправить малину по новому адресу. Брат, благословившись, уходит и всё недоумевает, как это он, студент Академии, мог спутать имена. Ему стыдно делается за себя. Он снова вертит и крутит банку. «Да, верно, я ошибся. Ах, это экзамены меня закрутили, ведь сегодня два сдал. И вот запутался».

Еле решив проблему с надписью, студент слышит позади какой-то шум. Бежит отец Павлин. Догоняет. «Эх, братец мой, да ты совсем память-то свою оставил в Академии. Ушел, а грибы-то свои забыл», — и сует студенту банку с солеными грибами, которую только что тот принес отцу Павлину. Не успел студент опомниться, как старец быстро юркнул за угол, и его теперь не найти.

Какое это прекрасное занятие, какая дивная привычка — дать... *Блажени милостивии, яко тии помиловани будут* (Мф. 5, 7).

Как-то совсем незаметно отец Павлин добрался до «тихой пристани»... Конечно, он давно-давно готовился к переходу в иной мир. Но для нас-то это было неожиданно. Однажды, когда я возвращался с Божественной службы, мне сказали, что в два часа дня будет вынос тела почившего отца Павлина.

Вечная тебе память, дорогой и милый старчик!.. Ты всю жизнь свою стремился к Богу, к жизни вечной. Ибо Господь сказал: *Я есмь путь и истина и жизнь* (Ин. 14, 6). Ты не обманулся, избрав путь за Господом. Ты возлюбил жизнь, но не временную, земную, обманчивую и мимолетную, но жизнь вечную, бесконечную. Жизнь с Богом. Потому ты теперь жив. И всегда будешь жив, и жив будешь бесконечно. Потому что сказал Господь: *Веруяй в Мя имеет живот вечный; веруяй в Мя не умрет во веки* (Ин. 6, 47; 11, 26). Аминь.

ВСЁ ДЛЯ БОГА

Иеромонах Арефа
(Афанасий Евстафьевич Синьков)
(1880–1959)

> Не отступай от нас духом, сохраняя нас от стрел вражиих, и всякия прелести бесовския, и козней диавольских, пастырю наш добрый.
>
> Молитва Преподобному Сергию Радонежскому

Бывают на свете люди, которые без конца суетятся. То они что-либо строят, то куда-либо едут, то что-либо планируют на будущее. Словом, никогда не имеют покоя

для себя. Днем и ночью, во всякое время года, во всяком возрасте — в детстве, в юности, в зрелости, в старости — они живут какой-то стихийной жизнью, каким-то случаем, мимолетной и временной идеей. Так и живут, так и проводят свою короткую земную жизнь, свои драгоценные дни. Проводят мелко, неразумно — они, как будто дети, играют в игрушки.

А ведь время — это самое дорогое и ценное в жизни человека. Время — это такое сокровище, которое ничем не покупается. Всякие ценности: драгоценный металл, дорогие одежды, изящные предметы, ученость — всё это приобретается временем, а затем — усилием, трудом и разными другими путями. Одним словом, приобретается во времени. А вот само время ничем не приобретается, а дается человеку Богом.

Все мы знаем, что дня человека самое ценное — это его жизнь, и эта жизнь дается человеку не кем иным, как только Богом. Говорят, что человеческая жизнь, да и вообще жизнь — случайное явление, стихийная вещь, но только это совсем не так. Господь Бог — Жизнодавец. Он дает дыхание и жизнь всему: и маленькой букашке, живущей инстинктом, и человеку как разумному, совершеннейшему на земле существу.

Да, много на земле людей, которые живут без великой идеи — вечного спасения. Живут, мыслят, трудятся, страдают, веселятся, а потом исчезают с земли, как будто их и не было, как будто они и не жили. И что их ожидает *там?* Какая участь?

Вот молодая девица ночей не спит, себя не жалеет, отдает все свои силы, чтобы выучиться и стать человеком с высоким положением. Ну, например, стать доктором, или педагогом, или хорошим ученым. Но проходят годы, убывают силы, исчезают красота и прелесть юности. Откуда-то взялась болезнь, да такая, что и медицина не в силах справиться. А за болезнью явились немощь, упадок сил, постепенное увядание и... смерть.

Или вот человеческая жизнь, такая солидная жизнь, мудреная, отдана в жертву мамоне, то есть богатству. Человек всю свою жизнь потратил на приобретение денег. Уж очень сильно он их полюбил. Даже ночами во сне видит свежие пачки денег: собирает их и прячет подальше, чтобы не украли. Ведь это цена всей его жизни! Ему хочется всё больше и больше скопить, и ему думается, что он очень разумно и предусмотрительно поступает. А вдруг он заболеет, вдруг останется без родных в старости? Кому он нужен будет? И вот он еще больше занимается стяжанием.

Однажды многодетная вдова, убитая нуждой и болезнью, пришла к нему и упала в ноги: «Добрый человек, не дай погибнуть сироткам, помоги несчастной семье кусочком хлеба, пожалей нас, беспомощных и больных!..» «Добрый человек» грубо отказал бедняжке матери, и она ушла со слезами домой.

Ровно через неделю он заболел. И заболел-то не на шутку. Страшась за свое будущее, он всё-таки позвал священника. Последний пришел к нему. И что же увидел? О ужас! Больной лежал на своем смертном одре и жевал деньги. Полон рот денег, и в руках своих он крепко держал пачки денег.

«Что ты делаешь, несчастный?!» — ужаснулся священник.

Тот молчал и только судорожно старался проглотить деньги. И на глазах священника умер.

Богатство, деньги — это жертва мамоне. Как это ужасно! Бессмысленно! Безумно! А ведь бывает и такое. О жизнь! Как ты разнообразна, разновидна и разнодельна! Каждый человек живет по-своему и живет для чего-либо. Подчас совершенно для пустого, бесценного, глупого и нелепого.

Иеромонах Арефа, насельник Троице-Сергиевой Лавры, жил совсем иначе. Он жил только для Бога. Как это разумно и ценно — жить для Бога и в Бога богатеть! *Не со-*

бирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе... ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше (Мф. 6, 19–21).

Отец Арефа, живя только для Бога, собирал себе сокровища не на земле, а на небе, то есть в самом надежном месте.

В миру его звали Афанасий Евстафьевич Синьков. Родился он в 1880 году. Место его рождения мы совсем не знаем, не знаем и его родителей. Кто они были? Рабочие, крестьяне, служащие или еще кто? Да это нам и знать не обязательно. Мы даже не знаем прежней жизни отца Арефы. Где он жил, где служил, трудился, молился? А вот знаем самое главное — последние годы его земной жизни. Сказано, что конец венчает дело. Вот этот конец земного бытия из жизни иеромонаха Арефы нам и хочется показать.

Прежде всего изобразим по возможности перед читателем внешний облик этого труженика святой обители Сергия Преподобного. С виду отец Арефа был похож на человека совсем не русского: смуглый, с густой черной бородой. Высокий ростом, стройный станом, крепкий телом, он представлял собой сильного и здорового мужчину. Характером он был душа-человек: мягкий, кроткий, отзывчивый, внимательный, даже нежный в обращении с людьми. За эти качества души все в Лавре его любили. Почитали его как истинного монаха и ревностного труженика-отца.

Вот примерно таким мы знали отца Арефу, таким он запечатлелся в нашей памяти. Но хочется побольше рассказать об этом скромном ученике Преподобного Сергия, для того чтобы извлечь из его жизни поучительные для нас уроки, душевную пользу, назидание для нашего спасения.

Отец Арефа выполнял послушание у святых мощей Преподобного Сергия. Он очень аккуратно и благоговей-

но служил молебны, читал акафисты, прочитывал все до одной записочки, которые подавали верующие о здравии своих сродников. Молиться он умел. Но, не обладая музыкальными способностями, пел и читал скороговоркой, как будто с кем беседовал. Однако в его словах и молитве чувствовалось движение живого духа. Чувствовались сила, дерзновение, и всегда, когда он совершал молебны, бабоньки около него плакали, утирая слезы, и воздыхали. Очень уж он умел коснуться глубины сердца человеческого и понять все скорби человеческой души.

Особенным его качеством было памятование о Страшном Суде Божием. Вспоминая об этом неизбежном состоянии, он всегда плакал сам и других побуждал к тому же.

Да, мой дорогой и милый друг! В нашей жизни есть моменты, о которых не следует никогда забывать... Страшный Суд Божий — это грозное событие, которое неизбежно для каждого человека. Рано ли, поздно ли, а человек непременно предстанет пред Страшным Судом Божиим, где должен будет дать ответ Богу за всю свою жизнь. Многие задаются вопросом: когда будет Страшный Суд? И где он будет — на земле или на небе, днем или ночью? Многие об этом думают. А иные совсем просто решают этот вопрос. Чтобы избавить себя от страха наказания за свои дела и избежать ответа на Страшном Суде, они просто говорят, что никакого Страшного Суда вообще не будет, что его выдумали попы и монахи, чтобы запугать простой народ... И ведь говорят же так! И не только говорят, но и другим внушают, других убеждают в этом.

Но Страшный Суд будет, и непременно. Он должен быть. Справедливость и правосудие требуют этого. Как же, скажи ты мне на милость, может восторжествовать правда, если не будет Страшного Суда? Ведь много на земле преступлений, которые избегают земного правосудия: порабощение и убийство слабых народов, убийство детей и матерей, невинных стариков, одиноких путников, войны, насилие, кражи и прочее. Их скрывают,

ухитряются уклониться от наказания земных судей, и они остаются ненаказанными. Как ни строго земное правосудие, а многие преступники избегают его. Для того чтобы правда восторжествовала, нужен Страшный Суд, где всякое зло, всякое беззаконие, всякое преступление должны быть наказаны и где должна правда иметь конечную победу как над частным, так и над мировым злом.

Это доводы здравого рассудка. Но есть прямые указания слова Божия на то, что Страшный Суд непременно будет. *Как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого»* (Мф. 24, 27), то есть день Страшного Суда Божия.

Но вот в чем наша беда, и беда большая. Чем ближе к нам это страшное событие, тем меньше мы о нем думаем. Даже удивительно! Или враг-диавол затмевает наше сознание, усыпляет наши чувства, чтобы Господь нас застал врасплох? Или такое уж время наше суетное, бездумное? Или мы сами такие беспечные, забывчивые, приземленные, сонные? Чтобы нас разбудить от духовной спячки, нужен сильный голос, нужна забота о нас Матери-Церкви. Но голос ее слаб, а подчас и совсем не слышен.

Аще они умолчат, то камни возопиют (Лк. 19, 40). И камни вопиют, природа возмущается. Вы слышите, как в одном краю земли свирепствуют бури и ураганы, в другом — землетрясения и пожары, в третьем — бурные воды поглощают сотни, тысячи человеческих жизней. Природа, стихии возмущены до предела. А мы с тобой, мой дорогой и милый друг, дремлем, духовно спим, ничего не видим своими сонными очами, а если что и видим, то думаем: так и надо, так и должно быть. Говорим, что так было и раньше, ничего нового и особенного в этом нет.

А вот отец Арефа своим духовным взором видел, что есть что-то особенное в нашей жизни, есть что-то новое и необыкновенное в мире, о чем предсказано в Писании и о чем надо серьезно подумать...

***

Два приятеля ночуют в одном городе, но в разных местах. Один — в доме своего друга, а другой — в трактире, у совсем незнакомых людей. И вот первый приятель видит ночью страшный сон. Он видит, как второй, что ночует в трактире, просит скорее прийти к нему и помочь ему в беде, ибо трактирщик хочет ночью его убить. Первый приятель проснулся, быстро собрался и пошел. Но дорогой подумал, не вздор ли это какой, и вернулся обратно. Только он лег в постель и заснул, как опять видит сон. Друг его лежит весь в крови и упрекает, почему же он не пришел на помощь. А теперь вот несчастный убит и вывезен за город, где зарыт там-то и там-то. Проснувшись, приятель сильно перепугался. Берет с собой другого человека, и вдвоем они идут на указанное во сне место. Действительно, за городом они находят окровавленное тело второго приятеля, зарытое в землю...

Так и тебя успокаивает диавол и всё шепчет: «Ну чего ты волнуешься да выдумываешь? Всё это вздор. Успокойся. Ничего особенного и нет. Всё тихо, спокойно. Поспи еще...» А душа гибнет от злой и коварной руки, и твоя душа, и души твоих близких.

Но бывает и так.

***

...Враг рода человеческаго неустанно и настойчиво внушал одному пустыннику вот что: «Ну что ты всё мудришь да всё воюешь против меня? Ведь я сильнее тебя. Я всё время буду тебя беспокоить и искушать, если ты не послушаешь меня. Если хочешь, чтобы я оставил тебя в покое, сделай что-нибудь одно: или убей человека, или сблуди с женщиной, или напейся допьяна вина, и вот тогда я совсем оставлю тебя в покое».

«Ах, коварный бес, — думает пустынник, — до чего же ты мне надоел! Когда только ты оставишь меня в покое?

Лучше уж и вправду что-нибудь сделать, лишь бы отвязался от меня, окаянный». И думает: «Что же легче сделать? Убить человека — страшно. Сблудить с женщиной — мерзко. Лучше напьюсь допьяна, а потом отосплюсь, и всё будет хорошо. И сатана от меня отвяжется навсегда». И вот он идет, берет вина, напивается допьяна и собирается уже ложиться спать. Вдруг в дверь его келии постучали. Он открывает: женщина. «Раб Божий, — умоляет она, — я заблудилась, не дай погибнуть в безлюдной пустыне, пусти переночевать». Пустынник борется с собой, но хмель берет свое. Он очарован женщиной, пускает ее в свою келию, ночью блудит с ней, но когда немного протрезвился, то ужаснулся от того, что наделал! Ведь теперь все пустынники узнают, что он блудник и пьяница! Стыд-то какой! Ужас-то!.. Что же делать теперь? А враг-то ему на ушко: «А ты убей эту женщину и зарой в песок. Ведь пустыня — кто узнает?» Пустынник убивает женщину, зарывает ее в песок, а когда наконец-то совсем опомнился, увидел, что кругом обманут, осмеян, жестоко оскорблен. Сделал уступку врагу в одном, будто в самом малом, а получилось, что соделал все преступления: и напился, и сблудил, и убил...

Да, так диавол проводит нас, слабых, малоопытных, а подчас уступчивых и непостоянных, и вроде бы на малых делах, но жестоко губит наши неопытные души. Вот так же и птицелов ловит птицу. Довольно того, чтобы птичка зацепилась коготочком за сети, — она тут же становится добычей птицелова. Довольно душе чуть-чуть зацепиться за диавольскую приманку, как вся она оказывается во власти сатаны и делает большие — смертные — преступления. «Блюди убо, душе моя, не сном отяготися, да не смерти предана будеши»*.

О, как страшна смерть вечная! С вечным тартаром, с вечным червием и невыносимым зловонием. Да мы

* Тропарь «Се Жених грядет в полунощи» на полунощнице.

и представить себе не сможем те ужасы и муки гееннские, которые приготовлены для нас, нерадивых и нераскаянных грешников. «Блюди убо, душе моя... да не смерти предана будеши, и Царствия вне затворишися»*.

Хочешь, мой милый друг, видеть наглядно, как страшны гееннские муки и как невыносим адский смрад?

***

Н. А. Мотовилову, почитателю преподобного Серафима Саровского, пришлось заночевать на одной станции по дороге из Курска. После чая он взял свои рукописи и стал их разбирать. Ему попалась записка об исцелении бесноватой девицы из дворян. Мотовилов подумал: как это может случиться, что православная христианка приобщается Пречистых и Животворящих Таин Господних и вдруг одержима бесом? Он сказал себе: «Этого не может быть! Посмотрел бы я, как бы посмел в меня вселиться бес, раз я часто прибегаю к Таинству Святого Причащения!» И в это самое мгновение страшное, холодное, зловонное облако окружило его и стало входить в его судорожно сжатые уста.

Как ни бился несчастный Мотовилов, как ни старался защитить себя от льда и смрада вползающего в него облака, оно вошло в него всё, несмотря на все его нечеловеческие усилия. Руки были точно парализованы и не могли сотворить крестного знамения, застывшая от ужаса мысль не могла вспомнить спасительного имени Иисусова.

После вселения в него этого смрадного тумана ему пришлось испытать три ужасные гееннские муки: гееннский огонь, гееннский холод и гееннского червя.

В течение трех дней он чувствовал, как сжигается, но не сгорал. По шестнадцать-семнадцать раз в сутки снимали с него гееннскую сажу, что было видимо для всех. Далее геенский огонь сменился страшным холодом, и в те-

* Тропарь «Се Жених грядет в полунощи» на полунощнице.

чение двух суток огонь его не только не жег, но и согреть не мог. Он держал руку над горящим пламенем свечи, она покрывалась копотью, но даже не согревалась.

Третья мука продолжалась только полтора дня, но какой это был ужас и какое страдание от неописуемого и непостижимого!

Неусыпаемый гееннский червь грыз все его внутренности. Он выползал через уста, нос, уши и снова возвращался внутрь. Мотовилов мог брать его в руки и растягивать. И червь этот никому, кроме самого Мотовилова и архиепископа Антония, не был виден.

Муки эти ослабевали и прекращались только лишь после исповеди и Причащения Святых Христовых Таин по молитвам высокопреосвященнейшего Антония.

И только по обещанию и молитвам Преподобного Серафима Мотовилов дождался исцеления...

Есть среди нас и такие, которые, не подумав, скажут: «Ну что это? Сказка, да и всё. Нет здесь ни капли правды. Всё выдумка полная. И ничего путного нет». Можно говорить и так. Можно что угодно говорить, и даже посмеяться можно, что выдумали так ловко и искусно. А всё-таки гееннские муки существуют, и они нисколько от наших суждений не уменьшаются, а даже еще более воспламеняются и разгораются.

Помнил отец Арефа о Страшном Суде Божием и о том, что неизменно предшествует этому Страшному Суду: помнил о неизбежной смерти своей. Ведь Страшный-то Суд и правда — когда он будет? Скоро, а может быть, и не очень скоро. А вот смерть-то может быть прямо завтра, а то и сейчас. Пошел человек, споткнулся, неловко упал и умер. А может быть, и совсем не пошел, а сидел на месте, и с ним неожиданно произошел приступ. Сердечник он. И вот приступ — и человека нет.

Тут уже никто не скажет, что смерти нет, что человек вечно будет жить и никогда не умрет. А впрочем, говорить всё можно. Язык без костей. И пока мы живы — мы сво-

бодны: один говорит то, другой — другое, третий — третье. Ведь люди мы. Как мухи, жужжим каждый по-своему и летим, куда хотим, особенно по ветру — куда он дует.

Но закон Божий неизменен, непреложен. Нерушим и... неотвратим. Есть Страшный Суд и есть страшная смерть. Отец Арефа помнил и о том, и о другом и особенно ждал последнюю — смерть. Она всегда рядом с человеком, как в народной пословице говорится: «Смерть не за горами, а за плечами...»

А ты, мой дорогой и милый читатель, как относишься к этим великим вещам — смерти, Страшному Суду и вечным мукам? Может быть, и в твоем уме тоже копошится недоумение и, как червь, подтачивает твою веру? Может быть, и ты незаметно для себя думаешь: где там Страшный Суд и где там вечные муки? Может, совсем о смерти своей забываешь? А она так за тобой и ходит, так и тянется, как нитка за иголкой. Смерть-то мы в себе носим, в своем грешном и бренном теле. «Беззаконие рождает грех, а грех рождает смерть».

Примерно за год до смерти с отцом Арефой произошел удар на нервной почве. Когда пришли в его келию, он лежал совсем недвижим и не подавал никаких признаков жизни. Доктор поставил диагноз — двусторонний паралич и сказал, что старец вряд ли теперь выживет. Совсем его собрались хоронить, а он неожиданно стал вставать с постели, с палочкой передвигался из угла в угол, но на улицу не выходил. Правда, он долго не мог говорить, а всё чего-то «брюмчал». Смотрит на тебя и пытается что-то сказать. А понять его совершенно было невозможно. Лаврский духовник каждую неделю причащал его Святых Христовых Таин.

Всем показалось, что отец Арефа чуть ли не выздоровел. Он стал веселенький, светленький, выбирался посидеть на скамеечке, погреться под теплыми лучами солнца. Говорил совсем мало, всё больше молчал. Когда с ним заговаривал кто из братии, он в ответ только как-то по-дет-

ски улыбался. И больше ничего. А о своей-то смерти он ни на минутку не забывал. Он ждал ее, как неизбежную гостью, не смущаясь и не ужасаясь.

Да, есть такая наука, которая выше всех земных наук. Это наука хорошо умереть. Умереть так, как бы встретить светлый праздник, ну например Пасху — светлый радостный день. Много людей ученых, много людей славных, много богатых, много знатных — всяких много. А вот людей, которые умели бы правильно умереть, мужественно и бесстрашно встретиться со смертью, — таких очень и очень мало.

***

В бедной деревенской избушке сидит на скамейке старик и гребешком расчесывает волосы и бороду.

— Мать, — обращается он к своей старухе, — дай-ка мне новую холщевую рубаху, что на смерть-то приготовила, да лапти новые принеси. — А сам сидит и всё чешет свою бороду гребенкой, на которой прядут лен.

В хату вбегает маленькая девочка, она зарумянилась от зимнего мороза. Девочка бросается прямо к деду и кричит ему в ухо:

— Деда, а деда, куда ты так принарядился, или на праздник?

— На праздник, милая, на большой праздник, — и дед нежно ласкает малютку.

Потом лицо его немного темнеет, становится скорбным, и, обращаясь к девочке, старик ласково говорит:

— Вот, моя крошка, когда бабынька уйдет к соседке, ты с улицы прибеги ко мне: возьмешь на подоконнике два медных пятака и положишь мне их вот сюда, — и дед показал на свои глаза.

— А зачем так, дедуня? — смеясь, спрашивает девчушка.

— Да так положено, милая, так уж ведется испокон веков, — будто про себя отвечает старик.

Она убежала на улицу играть, резвая, радостная, счастливая. А дед тихо поднялся со скамьи, взял восковую свечку у святых образов, зажег ее, прилепил к одному концу лавки. Потом положил в изголовье старый пиджак и лег, растянувшись во весь свой могучий рост на лавке. В хате никого не было. Старик лежал и широко крестился. Вдруг он немножко вздрогнул, будто испугался, но потом лицо его снова приняло прежнее спокойное и даже торжественное выражение. Он еще раз перекрестился, потянулся и... почил.

В изголовье у него горела, тихо потрескивая, свеча. А он лежал на лавке, одетый в белую холщовую рубаху и обутый в новые лычные лапти. Всё на нем было новенькое... В это время, играя и резвясь, вбежала девчушка. Она схватила на подоконнике два медных пятака, подбежала к деду и положила ему на глаза.

— Вот так, дедулька, — как бы играя с дедом, сказала она, — как ты велел, так я и сделала. — И снова убежала на улицу.

А он лежал спокойный, светлый. Свеча в изголовье догорела и угасла...

Так честные люди встречают смерть. Так просто, безбоязненно они умирают.

***

А вот другая картина. В большом доме много-много света. Все комнаты наполнены людьми. Во всем видны тревога и смятение. Умирает хозяин дома, богатый и знатный человек. Он мечется из стороны в сторону на широком и мягком ложе. Его лицо выражает неописуемый страх и ужас. Доктора, родные не знают, чем ему помочь. Вот он на мгновение очнулся, к нему вернулось сознание. Осмысленным взором он посмотрел на книги, написанные им самим и ровными стопами лежащие на полках. Печальными глазами он обвел присутствующих. А потом с чувством крайнего отчаяния спросил: «Неужели никто из вас не может мне помочь?» — и вновь потерял

сознание. Вокруг стояли знаменитые доктора, писатели, военные чины, родные — все беспомощно пожимали плечами. Ни ученость, ни богатство, ни знатность, ни величие — ничто не могло помочь ему в этот страшный час смерти. Как ему не хотелось умирать! Как ему трудно было расстаться с жизнью! Как он много собрал богатства, как много он написал, много-много учился, а научиться умирать — не мог. *Смерть грешников люта* (Пс. 33, 22).

Для того чтобы нам научиться легко и радостно умирать, надо чаще думать о смерти, вспоминать о ней, не страшиться ее. Еще надо крепко верить в Бога, любовно, по-детски стремиться к Нему, как ребенок к своей матери. И побольше, побольше иметь за душой своей добрых дел. Да поменьше суетиться, поменьше прилепляться к земным вещам. Да смотреть подальше вперед очами веры и искать себе счастье на небесах.

Отец Арефа всё отдал для Бога: и всю жизнь, и свои силы и способности, и все свои думы. Для Него он жил, для Него трудился, Ему служил. И не прогадал. Не ошибся...

Отец Арефа лежал в своем новом гробике. Смуглое чернобородое лицо его сияло светлой, ясной улыбкой. Он даже как-то помолодел, стал красивее. Торжественное спокойствие запечатлелось на его кротком лице. Казалось, что светлый ангел принес ему с неба самую радостную весть. Старца звали туда, где были все его мысли и чаяния. Туда, где успокаиваются самые смелые мечты. Его звал к Себе Тот, для Кого он трудился, жил, страдал. Его звал к Себе Бог. Звал для того, чтобы наградить.

Любезный и милый мой друг, живи и ты для Бога. Посвяти Ему свою жизнь: детство, цветущую юность, зрелость, старость — всю жизнь целиком, без остатка. Когда ты это сделаешь, тогда и усвоишь себе великую науку — помнить всегда о своей смерти, о Страшном Суде и вечных муках. И не только помнить, но и научиться тихо, светло, спокойно умирать.

Будем стараться и просить Бога, чтобы Господь помог нам в этом великом, важном деле. «Христианския кончины живота нашего безболезненной, непостыдной, мирной... у Господа просим»*. Аминь.

СМИРЕНИЕ ПРЕД БОГОМ

Иеромонах Питирим
(Степан Яковлевич Полухин)
(1871–1960)

> **Светом Божественным осияемь, и со ангелы ныне на небесех водворяяся, поминай верою чтущих память твою.**
>
> Канон Преподобному Сергию Радонежскому

Иеромонаху Питириму было восемьдесят девять лет, когда он закрыл свои очи на этот грешный мир. Целых восемьдесят девять лет он шел по земному пути через трудности, превратности и скорби. Он, как путник, пустился в дальнюю дорогу, как мореплаватель — в большое морское плавание. Восемьдесят девять долгих лет он учился одной науке, такой большой-большой науке...

Иные мудрые люди учатся земным наукам. Ну что же, тоже ведь дело, бывает, и большое дело. Но есть мудрецы, что всю свою земную жизнь учатся бессмертным наукам: как лучше любить (конечно, любить только достойное), как лучше благотворить, как лучше терпеть, как лучше умереть и прочее. А вот отец Питирим все восемьдесят девять лет учился, как лучше смиряться. О, какая это светлая наука, какая благородная, какая возвышенная!

* Просительная ектения.

А ты, мой милый друг, дорогое мое дитя, подсчитай-ка, сколько лет ты прожила на свете и сколько уделила времени, чтобы научиться смирению? Может быть, очень мало, может быть, только на словах ты смиряешься, может быть, только еще собираешься учиться этой святой добродетели. А время идет. Время, как быстрая река, уносит тебя всё дальше и дальше.

Он всю свою жизнь, целых восемьдесят девять лет, брал уроки смирения, а мы с тобой сколько?..

Есть сокровища, доставая которые люди рискуют жизнью. Они бросаются в глубину моря, чтобы на дне его найти драгоценный жемчуг. Лазают по горам и вершинам, пропастям и стремнинам, чтобы там найти редкий драгоценный цветок; уходят в непроходимые пустыни, дабы там отыскать редкие металлы. Словом, люди идут на всё, рискуя здоровьем, покоем и самой жизнью, чтоб только обладать теми или иными сокровищами, той или иной драгоценностью.

А мы с тобой какой приняли на себя труд, чтобы научиться смирению? Чтобы приобрести эту редкую драгоценность, которая ведет не к славе, не к богатству, не к величию, а к вечной, нетленной, бесконечной жизни?

Когда мы стоим с тобою в Троицком соборе Сергиевой Лавры, стоим у мощей великого отца и молитвенника земли Русской Преподобного Сергия, то здесь мы получаем самый лучший урок смирения. Нам не надо с тобою, мой милый друг, опускаться в глубину моря, повисать над пропастью или уходить в жаркую пустыню, а надо приблизиться в благоговейном трепете к раке святых мощей Сергия Преподобного и, стоя так, мужественно опускаться в глубину своего грешного сердца и смотреть, что там...

Да, великое счастье имеют люди, которые часто бывают во святой обители Радонежского чудотворца. Но великое несчастье для них, если там они не приобретают для себя смирения.

Смирение — это неземное сокровище, оно принесено с неба Господом. Противоположный ему порок — гордость — тоже принесен оттуда, но диаволом. Гордость с неба низвержена, а смирение утвердилось там навсегда! Поэтому смирение — это высокая добродетель, высокое качество. Оно свойственно и высоким благородным душам.

О Преподобном Сергии сказано, что он «смирением возвышаемый, в вечные кровы возлетевый»*. Таким образом, смирение возносит, воскрыляет, несет на крыльях веры в безбрежную высь голубых небес, и там смиренный блаженствует.

Как-то даже странно и таинственно получается: чем ниже ставит себя человек в смирении, тем выше он возносится. И, наоборот, чем выше человек себя мнит, тем глубже он низвергается. *Всякий, возвышающий сам себя, унижен будет* (Лк. 14, 11; 18, 14). *Смиритесь пред Господом, и вознесет вас* (Иак. 4, 10).

Если ты, мой друг, хочешь стяжать красоту смирения, то окинь своим взором окружающий нас мир. Ведь когда ищут сокровище, то изучают окружающие условия, чтобы легче было найти искомое. А вот мы с тобой решили искать смирения. Что же мы видим везде и всюду, что находим?

Прежде всего, мы видим, что в нашем грешном мире становится всё меньше и меньше смирения, мир беднеет смирением. А раз он беднеет этим сокровищем, то, следовательно, наш мир не возвышается, а принижается, то есть своими идеалами и делами падает всё ниже и ниже.

Как это может быть, спросишь ты, ведь всюду прогресс, всюду движение вперед, всюду жизнь принимает всё более и более совершенные формы? Да, это верно. Внешние условия жизни улучшаются, совершенствуются, а вот сам человек с каждым днем, годом, десятилетием все больше беднеет внутренне, духовно падает или, правильнее ска-

* Акафист Преподобному Сергию Радонежскому, икос 8.

зать, ниспадает, и идеалы его принижаются. Он в моральном отношении делается всё хуже и грубее.

Чтобы было тебе яснее, покажу на примере.

Раньше, ну, например, в первые времена христианства, к чему христианин стремился, что он ценил больше всего в жизни?

Он стремился к вечности, стремился к более совершенной жизни. А временное всё, преходящее и гниющее, он считал за мусор. И даже малые дети тогда понимали это правильно.

***

Вот ребенок стоит пред игемоном (правителем). Мать его горит на костре. Они христиане. «Дитя мое, — притворно ласково говорит мучитель, — я тебе всё дам — и гостинцев, и игрушек, а большой будешь — и славу, и богатство, только оставь свою мать, забудь Христа, сними свой крест и брось на землю». Но ребенок вместо ответа рвется к своей матери, чтобы с ней вместе умереть за Господа. «Нет, — говорит он, — Христос выше, лучше. Он дороже мне всяких твоих земных сокровищ». Мальчика удерживают, уговаривают, а он рвется в пламя к своей матери, кусает руки игемону, вырывается, бежит к ней — и они вместе сгорают за Господа...

***

«Всё это прах и пепел, всё это сгниет и превратится в вонь», — говорит красивый юноша-христианин царю, который, указывая ему на красоту и молодость тела, призывает пощадить себя и поглумиться над Христом. И этот красивый цветущий мальчик, имея в душе лучшие идеалы, умирает за них, презирая низшее и худое.

Вот как поступали люди в те золотые времена, когда идеалы человека были безгранично высоки и прекрасны. А мы теперь ценим совсем другое. Мы ценим то, что они

почитали за грязь и мусор. Мы живем, страдаем, трудимся, переживаем ради того, что для них было пустой суетой. Мы предельно высоко оценили то, что святые мученики, преподобные, праведные считали за бесценок. Мы теперь питаемся тем, что они и за пищу не считали. То есть выходит, что мы теперь живем ради праха, питаемся прахом и идеалы-то наши стали такие же низкие, обесценились.

Вот пред нами святая девица — великомученица Варвара. Она облачена в драгоценные одежды, на ее груди и руках золотые ожерелья, славно и знатно имя ее. «Нет, — говорит она, — всё это пустое, ничтожное, совершенно бесценное». Она снимает с себя украшения и бросает их на землю. «Христос мой, — говорит она, — дороже, безмерно ценнее, лучше. А всё это — прах». И она умирает за Христа Спасителя. Какая правильная оценка жизни! Какая сила духа, какое благородное и разумное суждение!

А сегодня что делает наша девица? Она говорит: «Нет, то, что Варвара бросила, это действительно ценность. Это действительно богатство и сокровище. Ради этого всего я и живу. Вот дура, — говорит она о святой девице, — зачем она променяла драгоценности на Христа?» И бросается, несчастная, и жадно хватает брошенное Варварой. Надевает всё это на себя и считает себя истинно счастливой...

Может быть, и ты, моя любезная читательница, этого же, последнего, мнения? И ты хлам земли считаешь ценнее нетленного Господа Христа с Его вечной жизнью? Ты скажешь: о нет, что я, такая неразумная, что ли? Только скажешь, а сама-то незаметно для себя хочешь одеться получше да покрасивее, хочешь, чтобы о тебе подумали не как об отсталой, невежественной, некультурной девушке, а наоборот. Вот-де она какая, как и все другие, идет в ногу со всеми и со временем. А Христос остается тобой осмеянным...

Словом, теперь мы снова встаем на прежнюю грубую языческую основу жизни. Тогда, до христианства еще, язычники говорили: «Нам ничего не надо духовного. Дайте нам хлеба и зрелищ!» И мы теперь возвратились

к этому старому языческому времени и говорим, что всё ценное, красивое, достойное находится только на земле, а на небе нет ничего.

Да что это я так расфилософствовался, ведь сам-то ползаю, как муравей, по земле, и духовного-то во мне с огнем не отыщешь... Грешен, грешен, это всё так. По тебе, мой милый друг и дитя, желаю лучшего, чтобы ты ценила то, что действительно достойно цены, чтобы ты любила то, что действительно прекрасно, что действительно высоко и благородно, чтобы ты любила Христа и жила для Христа. И тогда вместе с великомученицей Варварой и многими-многими другими святыми девами получишь нетленный венец славы и блаженства на небесах.

Итак, мы определили, что на нашей грешной земле теперь очень мало смирения и мы бедны высокими идеалами жизни.

А что еще мы видим с тобой на земле, мой милый друг? Мы еще видим, что земля наша полна гордости. Как по удалении света на его месте водворяется тьма, так по уменьшении на земле смирения растет, увеличивается змий гордости.

О Боже мой, какое это несчастие, какое бедствие — гордость! Словно огромный лютый дракон своим отвратительным, гнусным телом, как железным кольцом, охватил всю землю. Как будто какая зараза, гордость наполнила все области земной жизни, все отрасли человеческой деятельности.

Смотрите: в деловой жизни — гордость; в ученом мире — гордость; в спортивном — гордость; даже в церковном мире, где должно быть сплошное смирение, и там — гордость; и в твоем сердце, мой милый друг, да и в моем — тоже гордость. Везде эта опасная «злокачественная опухоль» внедрилась теперь в нашу жизнь.

Посмотрите на этого молодого ученого. Он так пыжится, так уверенно говорит: «Я всё знаю, я всё изведаю, я во все тайны проникну, я человек, я бог». Говорит, думает и крепко уверен, что это так. Ну где же здесь смирение?..

Он всё знает, всё-всё. А вот совсем не знает о том, когда он заболеет или когда он умрет, и этого ему не узнать. Тогда где же наше всезнание, если мы о себе самих не знаем, сколько мы проживем на земле, что ожидает нас завтра, какой умрем смертью? Вот сколько находится рядом с нами вопросов, которые нам никогда не разрешить!

О, это наше всезнание! Одна глупость, одно самовнушение, самообман, младенческая самоуверенность!

Рассказывали про одного немца (это когда я еще был на войне), как он хвалился: «О, я своим сапогом раздавлю весь мир, все народы!» И вот когда он однажды снял свои сапоги на отдыхе, то подкрался к нему партизан и его же тяжелым сапогом разбил ему голову.

Вот и ты, моя дорогая и милая душа, тоже, наверное, говоришь: я верующая, а другие неверующие, я спасусь, а другие все погибнут. А разве это не гордость говорит в твоем сердце? Разве так по-христиански надо относиться к людям?

Одна девушка, такая добрая-добрая, говорила мне, что вот-де, батюшка, я видела какой сон-то: как будто на голове у меня растут два рога. Сначала маленькие, а потом растут, растут всё больше и больше. Это как раз гордость.

А хотите видеть плоды гордости или состояние, вызывающее гордый дух?

***

Священник совершал Божественную литургию. Один старец соблазнился и сказал: «Не буду причащаться у этого священника, он такой-то и такой-то, пьяница и блудник, он грешник. Таинство через него не совершается». И не стал причащаться. В следующую ночь ему было такое видение: пред ним золотой кладезь, цепь золотая, черпало золотое. Но черпает и наливает прокаженный. И слышит старец голос: «Почему ты не пьешь из этого кладезя? Какую вину имеет черпающий? Он ведь только черпает и наливает, а чрез него всё совершает Дух Святой». Очнулся старец и стал оплакивать свой грех.

***

Один брат целых десять лет был борим помыслами по гордости. Гордый помысел ему говорил: «Ну что ты здесь живешь, в этом монастыре, только мучаешься, и всё. Иди, брат, в другой монастырь, там в десять раз лучше тебе будет». Брат имел терпение. Он каждый день собирал свои вещи, клал их в угол и говорил помыслу: «Завтра уйду, а сейчас отдохну немного». Наступал другой день, помысел опять ему твердил: «Иди в другой монастырь, что ты здесь засиделся, там в десять раз лучше тебе будет». Брат отвечал: «Подожду до вечера, а потом в ночь и двинусь». Наступал вечер. Помысел твердил назойливо: «Вот уже вечер, как хорошо тебе идти ночью-то, никто тебя не увидит». Брат отвечал помыслу: «Нет, ради Бога потерплю до утра, а потом уж утречком, как рассветет, так и отправлюсь». А вещи всё лежат да лежат в углу в куче, собранные и приготовленные к путешествию.

Так дух гордости всё побуждал и побуждал брата идти, а он, имея терпение, всё откладывал да откладывал. *Терпением вашим спасайте души ваши* (Лк. 21, 19). *Претерпевший же до конца спасется* (Мф. 24, 13).

***

А вот тоже дух гордости. Он отнимал у человека веру — веру в будущую жизнь.

В Италии жили два крупных ученых — Меркати и Марсилий. Они расходились во мнениях: Меркати говорил, что есть душа, есть будущая жизнь, а Марсилий отрицал и то, и другое. И так как они были большие друзья, то ссориться не хотели, а заключили между собою договор: кто первый умрет, тот явится, если возможно, к другу и признает свою ошибку.

И вот однажды Меркати глубокой ночью сидел один в кабинете и так погрузился в свое дело, что ничего вокруг не видел и не слышал. Вдруг он вздрогнул: раздались три четких удара в оконное стекло. Он поспешил открыть

и внизу, на освещенной лунным светом аллее, ясно увидел закутанного в белый дорожный плащ всадника, в котором узнал Марсилия.

«Ты прав, друг мой», — прокричал всадник изумленному ученому, а затем, быстро повернув коня, скрылся во мраке ночи. Меркати записал час и минуту этого видения, а наутро получил телеграмму, что его друг Марсилий, отправившись в путешествие, погиб.

***

Вот еще подобный случай.

Русский князь Петр Долгорукий не раз писал своему родному брату Владимиру Долгорукому, который жил в Пруссии, что вольномыслие последнего очень неосновательно и даже опасно. Владимир читал письма своего брата, посмеивался над набожным Петром, а затем рвал эти письма и бросал в печку...

Однажды Владимир, возвратясь от короля прусского, лег на диван отдохнуть и забылся. Вдруг он слышит: кто-то отдергивает занавес его спальни, и звучат шаги, приближаясь к нему. Затем он чувствует, как холодная рука крепко-крепко жмет его руку... Владимир смотрит — пред ним его родной брат. «Верь», — сказал Петр тихо.

Владимир вскочил и готов был броситься к брату в объятия (они давно не встречались), но видение исчезло. Он спрашивал слугу: «Где брат Петр, куда вышел?» Слуга крестился и божился, отвечая, что никакого брата он не видел и в комнату никто не входил.

Владимир был в недоумении, он записал время этого посещения, а к вечеру из России пришло известие, что брат его Петр умер скоропостижно в такой-то день и час. Время кончины и видения точно совпадало.

Отец Питирим всю свою жизнь ломал в себе гордость и учился смирению. В мире его звали Степан Яковлевич Полухин. Был он красив и строен, ловок и умен. И уче-

ность имел приличную. И всё-таки он пришел в Лавру и стал монахом. Пред ним были большие пути и дороги, но он избрал один — тернистый монашеский путь. И когда отец Питирим пошел по нему, то дух гордости стал преследовать его каждую минуту. Будучи умен и учен, монах Питирим прекрасно понимал, что с этим спутником — с гордостью — далеко не уйдешь, дела не будет. Гордость — советник плохой. Тогда он вступил в непримиримую, смертельную борьбу с бесовской гордостью.

Мы не будем входить в подробности, как монах Питирим боролся с гордостью. Да об этом и трудно говорить, так как мы не знаем всей внутренней жизни этого Божьего человека. Но, несомненно, монах Питирим боролся с гордостью по-святоотечески, то есть как учат этому святые отцы. Оружием непобедимым против гордости он избрал смирение. Он пред всеми смирялся, пред всеми умолкал, всех считал лучше себя и всех просил о себе помолиться.

«Э, брат, да ты сам-то молитвенник неплохой, — говорили ему братия, — ты лучше о нас помолись». А он, потупя взоры долу, тихо отвечал: «Прах я и пепел, и моя молитва, как дым, стелется по земле».

Отец Питирим стремился иметь смирение истинное. Это истинное смирение выражается в исключительной покорности Богу, в полной Ему преданности. Что бы с ним ни случилось, что бы ни произошло — хорошее или плохое, радостное или скорбное — он всё-всё принимал как от Господа, как происшедшее только по Его святой воле и только с благой для человека целью.

Особенно трудно смиряться тогда, когда у человека, как говорят, тяжелая судьба. И кажется этому человеку, что Бог поступает с ним очень жестоко и даже несправедливо.

Вот молодая девушка — сиротка, отец и мать ее умерли от чахотки. Она их совсем не помнит: крошкой еще была. А как тяжела сиротская доля!.. Девушка как-то незаметно всё же выросла, поднялась. Но что за жизнь у нее сло-

жилась! Одни скорби, одни испытания, горечи, болезни. Еще маленькой она упала с лестницы, и ей делали операцию за операцией — всего пять. Всю порезали. Годами она лежала в больнице.

«Лида, ну как себя чувствуешь?» — спросит ее внимательная больничная сестра. «Да так, ничего», — ответит она и тихо, будто виновато, улыбнется.

А тут у Лиды еще оказалась язва желудка. Она перестала совсем есть пищу, сделалась как тень, вся иссохла. Молодая девушка, ей бы только жить, цвести, радоваться, а она — живой мертвец. И никакого просвета, никакого улучшения.

Ты только войди, мой милый друг, в положение этой юной души, пойми ее. Поставь себя на ее место. Ты ужаснешься, заропщешь, взбунтуешься, справедливо по-человечески скажешь: «Ну где же Бог-то, где Его любовь, где справедливость?»

Но она этого не говорила. И не потому, что Лида была недоразвита, тупоумна, тяжелодумна. Нет, она была способной девушкой, смышленой, мыслящей, довольно умной и культурной. И при этом она всё же не бунтовала на жизнь, тем более на Бога, хотя она и не была глубоко духовным человеком, а просто верила, что Бог есть. Ей об этом говорила еще бабушка. А раз Он есть, то, значит, Он всё делает к лучшему. Какое доверие, какое смирение пред Богом!..

Смотрите, вот — крестьянин, вечный труженик. Сколько сил он кладет, чтобы обработать землю: роет-копает ее, очищает ниву от сорняков, бросает в нее семена, хранит, бережет свою полоску. Но когда уже надо пожинать плоды многих трудов, прошла гроза и всё-всё повалила, помяла, погубила, уничтожила...

И смотрит бедный крестьянин и думает: что же это такое? Трудился, трудился я, мучился, изнемогая до крайности, а тут разом всё погибло. Так и напрашивается на ум: где же?.. Но он смиряется пред Богом и говорит: что же поделаешь, знать, так надо, так угодно Богу.

А вот крупный ученый, конструктор. Создал замечательный самолет, скоростной, вместительный. Ну просто чудо, игрушка. Он стоит и наблюдает, красуясь, как его прекрасное создание быстро рассекает небо, несет в себе сотни счастливых пассажиров. «Эх, какой я замечательный изобретатель, какой творец», — думает ученый... Но вот его взор устремляется на птицу, высоко-высоко парящую в небе. Как она прекрасно ориентируется в воздухе, как великолепно и быстро несется! Да как красиво, главное — грациозно, бесшумно. Какая красота! Ученому ну просто от души завидно. «О, — думает ученый, — как я далек еще от совершенных летательных конструкций! Природа, что создала птицу, много-много умнее. Да как, право, скверно гудит и шумит мой самолет, как он гремит в воздухе, будто небо ломится, скрежещет, оглушает, нервирует. А эта птица! Как она ловко и бесшумно несется в небе!»

О человек, прекрасные вещи ты строишь, но природа мудрее. «Как так — “природа”? — ловит себя на мысли умный ученый. — Что же, выходит, она разумная, если создает такие мудрые творения? А, может быть, совсем не природа, а...» Не хочется смиряться крупному ученому пред именем Бога, но всё же здравая логика непременно приведет его к этому заключению. Смирение пред Богом...

А вот знаменитый художник, который годами пишет картину. И когда ее напишет — дивится весь мир. Шедевр искусства! Но вот этот художник вышел на лоно природы. Он поражен! «Что это за дивная красота! — думает. — Я и сотой доли ее не мог воспроизвести в моей картине. А ведь писал ее целых семь лет. Да, как красива и мудра природа! А что такое “природа”? — старается расшифровать это слово умный художник. — Если она так красиво устроена, то она должна быть очень умна. Но ведь ум-то только у разумного существа?» Умный художник зашел в тупик. «Так что же, — думает он, — Бог, что ли, всё это сделал? Нелепо очень, откуда же тогда Бог произошел?»

И снова он в тупике. «А пожалуй, что Бог — это как-то умнее, как-то складнее получается, чем неразумная природа».

И он смиряется пред Богом.

А сколько, мой милый друг, у тебя в жизни бывает таких случаев, когда ты намереваешься сделать одно (и такое разумное дело), но получается у тебя совсем другое. Наметила себе поехать куда-то, а не поехала или поехала совсем в другое место. Сколько в жизни у нас невыполненных замыслов, неосуществленных дел! Человек гордый раздражается, нервничает, что получается всё не так, как бы он хотел и замышлял, даже ропщет. А вот ты, моя милая детка, тогда лучше смирись пред Богом и скажи себе: «Кто я такая, чтобы всё было по-моему? Ведь я — мошка малая, комарик ничтожный». И это будет правильно и спасительно.

Батюшка отец Питирим чувствовал сердцем: чтобы жить умно и правильно, надо смиряться пред Богом. И он смирялся.

Так, идя путем смирения, руководствуясь этой дивной добродетелью, он быстро поднимался по духовной лестнице всё выше и выше.

В возрасте шестидесяти одного года он был уже опытным иеромонахом. К нему обращались за духовными советами, и многие находились под его мудрым руководством. Благодаря неустанной борьбе с духом гордости он украсил свою душу благодатным смирением. Смирение было стихией его жизни, ее дыханием. Как воздух нужен был для его тела, так смирение нужно было для его души. Когда он, бывало, по оплошности поступал по духу гордости, то всю ночь плакал, омывая свой грех слезами.

Как известно, враг не терпит смирения, и вот он ополчился против отца Питирима, не давал ему никакого покоя. И днем и ночью он преследовал его — искушал, соблазнял и строил ему всякие неприятности, огорчения, а ночью совершенно не давал спать, лишая отдыха. Его келия (ма-

ленькая клетушка) была недалеко от моей. Вот однажды, идя в свою келию, встречаюсь со старцем Питиримом. Тогда он был уже плохонький, старенький, седенький.

«Как поживаешь, старчик Божий?» — спрашиваю его.

«Слава Богу, — отвечает старец. — Да вот по ночам что-то плохо, сна у меня нет».

Оказывается, враг не дает ему покоя: стучит в дверь его келии, голосит то плачем, то воплем или начнет шатать что есть мочи стены, пол, потолок. А то и заберется прямо в уголок, где жил старец.

Однажды он мне рассказал: «Лежу этак я ночью на своей коечке, дверь у меня закрыта на крючок. Кругом тихо и спокойно. Только лампадочка мерцает у святых образов. И вот что-то не спится, какое-то предчувствие на сердце. Вижу: кто-то стоит на пороге моей келии. Кто он такой и когда прошел через дверь, я не знал. Только стоит он у двери, высокий, в черной одежде, лица не видно. Потом тихо двинулся ко мне. Я немножко испугался, заробел, особенно когда он подошел к моей койке. Как будто гигант какой заслонил от меня весь свет луны и лампады. Быстро перекрестившись, я вскричал: "Кто здесь?" Вместо ответа что-то заскрежетало, и темная тень скрылась в окно».

Подобных случаев у отца Питирима было очень много, но он о них молчал. Смиренный был старчик. Всё скрывал, поступая по смирению.

В связи с этим повествованием мне хочется рассказать об одном случае, который, хотя и не связан с жизнью отца Питирима, но связан с бесовскими кознями.

***

Это было в 1843 году в городе Чернигове, в семье священника.

Отец Иоанн (Манилов) стал замечать, что в его доме не всё ладно. Не только ночью, но и днем происходит какое-то движение предметов: то веник полетит по воздуху через всю комнату, то стул встанет кверху ногами, пойдет

ходить туда и сюда. Одним словом, какие-то такие озорные проделки. Однажды к отцу Иоанну по какому-то делу пришла соседка. Она знала об этих бесовских кознях. И вот пришла и начала причитать: «Что же это за оказия такая, да еще в доме священника», — говорила, охая, соседка. Вдруг откуда ни возьмись поднялся грязный веник и бьет ее по лицу. Соседка — бежать.

Весь город побывал в доме священника отца Иоанна и удивлялся странным событиям. Была и полиция, и чиновники. Составляли акты, донесения. А вот однажды приехал к отцу Иоанну архимандрит по имени Адриан. Он был человек высокой духовной жизни, и о нем знала вся губерния. Отца архимандрита попросили отслужить водосвятный молебен в доме отца Иоанна. Приехали жандармы, певчие соборные, знатные люди. Начался молебен. Вдруг мгновенно вся мебель в доме перевернулась кверху ногами. Все ахнули. Но молебен продолжался. После этого с печки летит кукла женщины во весь рост, свернутая из тряпок (отец архимандрит особенно избегал женщин). Эта кукла, слетевши с печки, встала во весь рост пред архимандритом и стала кланяться ему...

Вот какие козни враг строит праведным людям по какому-то особому попущению Божию.

Вместе со смирением старец Питирим украсил свою святую душу еще и терпением.

Как мы все знаем (а если ты не знаешь, мой милый друг, то вот теперь знай), что терпение тоже есть великая добродетель. Без терпения нельзя стяжать ни одной другой добродетели. Ну, например, тебе захотелось приобрести любовь к Богу и ближним. Без терпения этой любви ты не приобретешь. Поскольку любовь сразу не дается, а постепенно возрастает в сердце человека, то как же без терпения ты ее усвоишь в полноте? К тому же еще враг, узнав о твоем намерении, будет вместо любви внушать тебе ненависть к Богу и ближним, раздражение, нетерпение и всё

такое, что противно любви. И как, я спрашиваю тебя, ты можешь всё это перенести без терпения?

Так и во всякой добродетели без терпения тебе не обойтись. Поэтому отец Питирим, борясь с гордостью и другими страстями и приобретая смирение, совершенствовался и в терпении.

Терпение нужно особенно и для того, чтобы доверить Богу всё свое будущее и не любопытствовать, что будет с тобой, например, завтра или через неделю.

Есть в людях такая страшная болезнь — ворожба, гадание, с помощью которых им хочется узнать, что будет с ними завтра. Девушка, например, хочет знать, кто будет ее жених. Женщине любопытно, как она будет жить с мужем — хорошо или плохо. Есть даже такой народ — цыгане. Их женщины и девушки тем только и занимаются, что ходят и гадают людям, предсказывают, обманывая их, выманивая деньги и всё, что попадает им на глаза.

И вот печально: христиане, верующие в Господа Бога, тоже гадают и тем смертно грешат. А почему гадают? Нет терпения, нет полного доверия Промыслу Божию.

Вот что рассказывается про двух таких гадалок, которые хотели знать о своих суженых.

***

Ночью, под праздник, они ждут женихов, чтобы погулять, повеселиться. Но любимцев нет, не едут. Девки начинают гадать у зеркала. «Будут, будут, — кричит одна из них, — едут, уже подъезжают!»

На дворе раздаются шум, гам, свист, гигиканье. Действительно, подъехали. Одна девица сломя голову бежит в объятия к своему любимому. А другая, чувствуя запах мертвецов, медлит, чего-то боится. Ей кажется, что какие-то искры сыплются из глаз ее любимого. Он, кажется, готов пожрать ее... Она выбегает в коридор и, крестясь, прячется в курятник. В доме начинаются суматоха, смех, пляска, возня какая-то, дикий хохот... и так целый час, а то и два, а то

и больше. Уезжая, гости в коридоре крикнули: «Эй, спряталась, приедем еще!» Когда рассвело, пришли соседи со всей улицы, собралась почти вся деревня, и увидели ужасное. В доме всё было перевернуто, переломано, перепачкано. Девицу, которая гуляла с гостями, нашли в подполье: до половины втиснута в квасную бочку, мертвая, обезображенная. А другая вышла из курятника и, трясясь от страха, рассказала, что видела и слышала ночью.

Отец Питирим последние свои дни провел в изоляторе. Свою старческую слабость и болезни он переносил со смирением и терпением. Он никогда не роптал, никогда не обижался ни на Бога, ни на людей. Он во всем смирился перед Богом и за всё Его непрестанно благодарил. А людям, которые приходили его проведать, — братьям, родным, знакомым, духовным детям — всем он тихо улыбался и говорил одно и то же назидание: «Учитесь смирению, оно вас спасет. Смиренных любит Бог, а гордым противится. Учитесь, учитесь терпеливо, учитесь смирению. С ним и жить-то хорошо, и спасаться-то легко, и награда-то великая смиренным».

Последние дни своей жизни отец Питирим провел в каком-то благодатном забытьи. Он лежал на своей постельке, никого будто не видел и не слышал, и только левая рука его перебирала четочки.

Угас он, как тихий благодатный день, когда солнце прячет свои лучи за горизонт и пламенеющий запад предвещает темную, длинную ночь. Гробик его унесли на кладбище, завалили сырой земелькой, и тихий ветерок гуляет теперь над его могилкой. Только крест как символ бессмертия возвышается над ней. Он напоминает, что старец Питирим, окрыленный, украшенный смирением и терпением у Сергия Преподобного, совсем и не умирал, что он и теперь жив. Что дух его смиренный, как голубь светозарный, молниеобразно возлетел к Богу. «Смирением возвышаемый, в вечные кровы возлетевший».

ЛЮБИМАЯ СВЯТЫНЯ

Протодиакон Григорий
(Григорий Леонтьевич Михеев)
(1889–1955)

Радуйся, святыням чистое и непорочное жилище.

Акафист Преподобному Сергию Радонежскому

В жизни каждого человека есть вещи, к которым он проявляет особое внимание, имеет особую любовь. Еще в детстве одно дитя любит играть в пароходики, другой ребенок — в коня, третий — в кукушку. Девочки играют в куклы, или в мяч, или в хороводы. Даже по отношению к пище у человека возникает вкус особый, и это ощущение остается на всю жизнь, до самой смерти. Приходилось видеть человека в преклонных летах, который говорил, что он с самых юных лет, даже с младенчества, любит кушать гречневую кашу, а другой говорил, что он всю жизнь безумно любит молочный кисель, а третий обожает горький перец, четвертый — горчицу и так далее. В каждом человеке живет привязанность к какому-либо цвету. Один любит цвет белый, другой — красный, третий — синий, четвертый — зеленый. И этими любимыми вещами, предметами, цветами обставляет человек свою жизнь. Например, одежду носит любимого цвета или комнату красит в любимый им цвет и обставляет любимыми предметами. Случается даже, что у человека проявляется особая любовь к тем или иным буквам, которые он при письме выводит с большим старанием, любуясь ими, или любовь к некоторым словам, которые он произносит с особым чувством, протягивая их и всячески подчеркивая. Так же он разбирает и людей: одних любит, других ненавидит, третьих терпит, четвертых поносит. Да и такие есть, которые любят сидеть на месте, другие любят

путешествовать, третьи предпочитают подольше поспать, а четвертые — побольше и послаще поесть. А вот чтобы побольше помолиться — таких, наверное, совсем мало.

Таков человек с его вкусами и взглядами, с собственным отношением к жизни и вещам. Хотя, правду сказать, есть и такие непонятные люди, которые ничего, кажется, ничего на свете не любят, ничем не хотят заниматься, а хотят закрыть на всё глаза и день и ночь только спать. Да, есть на свете и такие.

Одним словом, человек — это сложное существо, глубокое и таинственное, со своими внутренними и внешними запросами, высокими и низкими идеалами, со смелыми мечтами и глубокой человеческой немощью.

Но всё это — обычное, житейское, чисто человеческое, земное. Таков человек с земными потребностями и привязанностями, которые имеются и у животных: лошадка любит сено, коровка — солому, овечка — свежую травку, а поросенок любит грязную лужу.

А вот человек с духовными запросами — это совсем другое. Его трудно заставить полюбить что-то временное, житейское, например какую-нибудь пищу. Его трудно привязать к этому. Во всем земном и обыденном он не найдет удовлетворения и смысла. У него возникают высшие стремления, более глубокий взгляд на жизнь.

Приходилось видеть человека довольно образованного, культурного, просвещенного, который всю жизнь носил в кармане своей гимнастерки маленькую иконку. С этой маленькой иконкой он прошел все бури и невзгоды жизни. Пережил не одну войну, подвергался тысячам опасностей. Над ним не однажды витала смерть. Он был и в огне, и в воде, и под землей. У себя на груди, как зеницу ока, он хранил любимую святыню.

Есть люди на свете, которые с самого раннего детства и до самой смерти имеют и чтут какую-либо святыню. Благоговеют пред ней, нежно берегут ее и даже, больше сказать, — ставят всю свою жизнь под ее защиту...

Есть среди нас такие счастливые люди, которые не расстаются с благословением материнским, не расстаются никогда. Где бы они ни были, куда бы ни ехали, они всегда носят эту любимую святыню при себе, завернутую в платочек, в кармане на груди, а потом и в своем сердце. И эти люди, хотя их и считают чудаками и фанатиками, гораздо счастливее тех, которые их осмеивают и позорят. Они спокойнее и безопаснее живут, легче переносят всякие трудности, невзгоды, увереннее и определеннее смотрят в будущее. Любимая святыня с ними, и им всё нипочем. Им ничто не страшно, они знают по опыту, что их вера не посрамит, не подведет.

Особенно хорошо делают те, которые не расстаются со своим нательным крестиком. Если не могут его носить открыто, то прикалывают к одежде. Но эта святыня с ними всегда. Она незримо хранит человека, оберегает его от несчастья, прикрывает от всяких бед, а главное — прогоняет бесов, не дает им полной власти над человеком.

Очень похвально делают и те, которые особенно любят и чтут какого-либо святого и всегда призывают его в своих молитвах.

Любовь к святыне выражается и в том, что человек от души полюбит ту или иную святую обитель, тот или иной монастырь, как, например, мы любим Лавру Преподобного Сергия.

Но есть люди, даже из верующих, которые носят при себе крестик или иконку только для того, чтобы эти святые вещи, как талисман, охраняли их от несчастий, и только. Такое отношение к святыне не просто грешно, но даже и преступно. Надо носить ее при себе по самой любви к святыне, то есть я ношу крестик на груди или иконку не только для того, чтобы они меня сохраняли от беды, но потому, что я всей душой люблю эту святыню, не могу с ней расстаться никогда и нигде.

Один молодой человек имел при себе маленькую иконочку — благословение матери. Он надеялся на эту иконку, как на вещь, которая его сохранит от всего недоброго. Одна-

ко он не питал к ней сердечной любви как к святыне. С ним случилось несчастье, и он бросил эту иконку, сказав: «Никакого Бога нет, если бы Он был, Он бы сохранил меня».

А вот одну девушку не переставали упрекать: «Зачем ты носишь этот крестик, ведь всё равно ты болеешь, всё равно Бог тебе не помогает. Если бы Он был, Он бы помог тебе, дал бы здоровье, счастье». А она в ответ убежденно и решительно говорила: «Я люблю эту вещь, я не просто к ней привыкла, а люблю ее всем своим существом и расстаться с ней не могу, тем более что я больна и одинока».

Любимая святыня! С ней всегда тепло и отрадно, к ней всегда стремится человеческое сердце, и когда достигнет любимой святыни — или Божиего храма, или святой обители, — оно успокаивается.

Как любили наши дорогие предки ходить по святым местам, как они стремились к любимым святым обителям! Сотни верст идет иной старичок с котомочкой за плечами, в лычных лаптях. Он переносит и холод, и голод, и бессонные ночи, и все тяжести пути, а всё-таки идет к желанному месту.

А мы теперь едем к любимой святыне в комфортабельных поездах, удобных электричках, а то и на такси подкатим...

Умеем ли мы благоговеть пред любимой святыней, умеем ли ценить ее? Мы даже на поездах ездить к ней ленимся, и потому если и приезжаем, то мало успокаиваемся.

Всякая святыня требует к себе благоговейного отношения и особенно смирения, то есть определенного приуготовления к встрече с ней. А мы, приезжая в святую обитель, не имеем ни того, ни другого. Потому часто и говорим себе: «Лучше бы я не ездила в эту Лавру, так можно помолиться и дома». А не знаем или забываем, что в святой обители само место, орошенное слезами, овеянное молитвами святых, способствует нашему спасению и незаметно, незримо действует на наши души.

Отец протодиакон Григорий Михеев больше половины своей жизни прожил в миру. Он был человек образованный и семейный, имел детей, которые занимали видные общественные должности. Служил в больших соборных храмах, в больших городах и столицах. Одним словом, он был человек «большого полета» и большого практического дела. И по внешнему виду он был замечательным во всех отношениях: солидный, высокий, с приличной бородкой, с благообразным открытым русским лицом и сильным протодиаконским басом.

Трудно определить, какими путями протодиакон Григорий оказался в Троице-Сергиевой Лавре. Но, видя его крайнюю любовь к святой обители, а главное — к ее основателю Преподобному Сергию, можно с уверенностью предположить, что отец Григорий пришел в святой монастырь не по расчету, не с намерением заработать или найти себе здесь спокойный и тихий уголок. Он любил святую обитель и Преподобного Сергия. И любил давно, с самого детства.

Вот маленький Гриша в доме своего отца, известного священника, сидит в уголочке детской и увлеченно читает «Троицкие листки». Любил эту книгу маленький Гриша, нежно берег и прятал подальше от своей озорной сестренки, чтобы она не вырвала из нее картинки. Гриша особенно любил читать в этой книге о Сергии Преподобном. Он замирал и весь уходил в себя, когда читал строки об отшельнических подвигах этого дивного и любимого им старца.

Ему хотелось быть рядом со старцем, вместе с ним молиться ночами, поститься и трудиться. Как-то ночью после чтения маленький Гриша долго не мог заснуть. В детской, кроме него, никого не было. Он встал на своей постели на коленочки и молился Сергию Преподобному, чтобы тот взял его к себе. Он стал бы носить ему воду из источника, дрова из лесу, стал бы держать ему свечку, когда отче читал священные книги. Молился по-детски чистосердечно, и помнит, как ему тогда было хорошо!

Будучи юношей, он не забывал своего заветного желания — побывать в святой обители Сергия Преподобного, пожить в ней и потрудиться. Когда Григорий уже был хорошим семьянином, в минуты досуга он рассказывал или читал своим малым деткам о Троицкой обители и славном Сергии.

Начались годы тяжких испытаний. Григорий Михеев был уже к этому времени почтенным протодиаконом. Ему пришлось пережить много огорчений, напастей и злоключений. И чем больше жизнь обрушивала на него свои испытующие удары, тем больше и чаще думал он о Троице-Сергиевой Лавре. Отец его погиб где-то на трудных работах, мать-старушка умерла и тоже переселилась к вечной жизни. Жена, по воле Божией, пожила недолго, приболела и умерла. Детки, как оперившиеся птенцы, разлетелись в разные стороны. Отец Григорий понял, что настал его желанный час.

...Ранним зимним утром, когда еще все спали и только в дежурной будке горел огонек, к святой обители Преподобного Сергия подошел человек. Он был похож на духовное лицо и имел приличный вид. Дежурный монах сказал ему, что придется немного подождать, так как наместник Лавры еще не выходил из своей келии. Незнакомец вежливо поклонился, поблагодарил и тихонько подался к Успенскому собору. Он шел и всё поднимал свой взор на золотые главы святых храмов. Его уста шептали неслышные слова: «Любимая святыня, любимая святыня...» Спустя два часа этот человек сидел в келии отца наместника архимандрита Иоанна и выражал свое горячее желание потрудиться в святой обители и быть постоянным ее жителем. Так протодиакон отец Григорий Михеев оказался в Троице-Сергиевой Лавре.

Послушанием, а правильнее сказать, обязанностью его было в качестве протодиакона служить богослужения в праздничные дни, когда совершал их наместник Лавры или кто из старших: благочинный, эконом, казначей. Слу-

жил он хорошо, благоговейно, торжественно, а главное — молитвенно. Как сейчас вижу его пред собою, стоящего в полном протодиаконском облачении, поющего с народом «Верую». Его представительный вид и воодушевление были исключительными — служить он любил. И так продолжалось лет пять.

Монашество он не принимал, но всё готовился, и уже по самому образу жизни и по положению своему он был почти монахом. Жил в отдельной приличной келии, которая была у него в идеальной чистоте.

Особым его качеством было тщательное приготовление к Божественной службе. Перед службой он всегда вычитывал все каноны, акафисты, молитвы к Святому Причащению и крайне не терпел нерадения, которое ведет к сугубому наказанию Божию. В связи с повествованием об аккуратности отношения отца Григория к правилам приготовления к Божественной службе мне хочется привести пример совершенно обратного отношения человека к этому делу.

***

Однажды к схимнику отцу Гавриилу*, который находился в одной из наших русских обителей, приехал священник исповедаться. И вот на исповеди схимник вопрошает:

— А вы правила читаете, когда служите?

— Что? — будто не слыша, переспрашивает его священник.

— Правила-то вы читаете? — повторяет схимник.

— Ах да, правила. А как же, читаю — газеты.

— Как газеты? — возмущается схимник. — Да вы что, веруете хоть сколько-нибудь?

— Я верующий, а как же иначе, я же священник.

— Ну чему же вы учите народ, когда сами...

— Я считаю, что это мое внутреннее дело. Других учу, а сам как хочу.

* Схиархимандрит Гавриил (Зырянов (1844–1915)). — *Прим. ред.*

— Боже мой, — вздыхает схимник, — да что же это такое? Значит, у вас на устах — мед, а в сердце — лед? Преступник, лицемер, обманщик! Что вы делаете?! Как это можно!..

И схимник стал самыми грозными словами обличать и вразумлять нерадивого священника. Последний растерялся. Потом стал утираться ручным платком и наконец зарыдал...

Отец Григорий не относился к числу таких священнослужителей. Он свято и благоговейно исполнял свой долг.

Проверь себя, мой милый друг, может быть, и тебе следует приложить большее усилие для подготовки к Причащению? Может быть, и ты вместо правила и молитв читаешь если не газеты, так свои суетные мысли или рассеиваешься по всему свету своим воображением? А то, может быть, просто отделываешься небольшими молитовками и потом бесстрашно и дерзко приступаешь к Святым Тайнам? Какое это страшное дело! Как мы будем сурово наказаны за свое нерадение и неблагоговейное отношение к святыне! Надо читать правило к Святому Причащению, кто бы ты ни был, какие бы обязанности ни тяготили тебя. Особенно если ты имеешь на себе священный сан, или монашеский чин (явный или тайный), или иноческий. Господь взыщет с тебя за невыполнение твоих обязанностей, а если не исправишься, то и накажет.

Вторым особенным качеством отца протодиакона была его любовь к чтению о христианах первых веков. Он всегда с трепетом говорил о мучениках и мученицах, которые ради Господа Христа не щадили своей цветущей юности и самой жизни. Он читал эти исторические бытия со слезами и благоговением. Он восхищался героизмом этих людей и поражался их мужеству, беззаветной преданности Христу, их верности своей христианской идее и стойкости до смерти.

***

...Кикилию схватили в восточных дверях, ведущих в катакомбы, где христиане первых веков совершали богослужения скрытно от язычников.

Ей было всего девятнадцать-двадцать лет. Стоя с зажженной лампадой, она освещала путь христианам — братьям и сестрам, скрывающимся внутрь катакомб. Как привидение, стояла она во всем белом, высоко подняв над головою светильник.

— Кикилия, бежим, мы последние, — быстро сказал ей брат и скрылся в подземелье.

— Нет, я буду здесь, — ответила Кикилия и осталась на своем месте.

— Ты кто? — раздался голос сотника-язычника.

— Я христианка.

— А где другие?

— Ушли, и вам их не найти.

— Взять ее, — раздался грубый приказ воина.

— Да она слепая!

(Кикилия действительно была слепой от рождения).

— Взять! — раздался повторный приказ.

И когда ее пытали, она говорила одно и то же: «Я христианка, и у нас плохого ничего не делают». Ее распяли на колесе, как на кресте, привязав руки и ноги.

— Отрекись от Христа, принеси жертву нашим богам!

— Я христианка...

Кикилия умерла и чистой душой своей воспарила к любимому Господу.

Так отдавали свою жизнь за Господа святые мученики и мученицы первых веков христианства.

***

Это было в далекой Африке. Десятилетний мальчик-негр по имени Измаэль не имел ни отца, ни матери. Господин, у которого он был рабом, — суровый язычник.

Однажды Измаэль зашел в христианскую церковь и был восхищен ее красотою. Его поразила проповедь священника, который говорил о Христе Спасителе, пришедшем в мир спасти всех людей, и особенно бедных, сирот и беззащитных. Мальчик плакал от умиления и от любви Христовой. Он раньше не знал, что Христос и его любит, и его жалеет, и за него страдал и умер.

Когда мальчик вернулся домой, то господин уже знал, где был его маленький раб.

— Если ты еще зайдешь в христианскую церковь — убью, — сурово пригрозил хозяин.

Но как было маленькому негру не пойти в христианскую церковь, когда душа его рвалась туда, рвалась к Господу Спасителю? О, эта бедная сиротская душа рвалась к свету! И маленький Измаэль опять был потихоньку в христианской церкви.

— Ах ты, такой-сякой, негодяй, не слушаешься, — взревел злобно господин. — Дать ему двадцать пять ударов палкой!

Когда маленького мученика били, хозяин насмешливо спросил:

— Ну, что, помогает тебе твой Христос?

Сиротка, утирая слезы, тихо ответил:

— Он помогает мне терпеливо сносить все эти наказания.

— Дайте ему еще двадцать пять! — закричал мучитель. — Ну а теперь помогает тебе Христос твой?

— Он внушает мне надежду будущего блаженства, — тихо ответил отрок.

— Еще двадцать пять! — заревел жестокий тиран. — Ну а как теперь, Он помогает тебе, твой Бог?

— Он учит молиться за тебя, мой господин, — чуть слышно произнес маленький мученик и тихо отдал душу свою в руки Божии.

Какой в этом большой урок для нас с тобой, мой дорогой и милый друг! Как мы-то слабы и немощны, чтобы

так бесстрашно и жертвенно идти за Христом! Чтобы всё-всё, даже смерть, понести за Него, нами нежно любимого и чтимого. Как эта юная девица или этот негритянский отрок обличают нас с тобой за наше нерадение и небрежение к нашему христианскому долгу!

Ведь для нас с тобой нет ничего дороже на свете, чем Господь наш Спаситель. И любим мы Его, и чтим, и молимся Ему. А случись что, сразу прячемся в кусты. Говорим, что мы почти и неверующие, мы как все. О иудино окаянство! О преступное малодушие! Низкий, животный страх!

Одна девушка рыдала у креста и Евангелия: она вот так же отреклась от Христа, от своего Господа Спасителя. ...К ним в дом пришли. Девушка была одна. «Это что, иконы твои? Ты на них молишься?» — спросили ее. Она перепугалась. А вдруг да с работы снимут? Сошлют? Осмеют да еще что-нибудь сделают. «Нет, — говорит девушка, — это мама молится, это ее иконы, а я-то... я-то перестала молиться...»

А когда ушли, она заплакала: «Что я наделала? Как теперь я буду жить без Господа? Отреклась. Отказалась. Предала Его, как Иуда...»

О Боже, сохрани каждого из нас от этой страшной участи! Лучше и не жить, чем так делать. А всё это бывает по боязни, по ложному страху человеческому. Все боимся, как бы чего не случилось с нами, как бы худо не было. Людей боимся, а вот Бога не боимся.

***

«Кто боится Бога, тот не должен ничего бояться на свете», — сказал прусский король и бесстрашно открыл дверь...

Это было в Пруссии. Король проснулся ночью и увидал в окно, что зал заседаний сильно освещен. «Кто в зале в такой поздний час?» — спросил он адъютанта. Тот ответил, что там никого не может быть, двери все заперты, а ключи у него. «Смотрите же, — указывал король на окно, — весь зал освещен, в окнах свет. Кто там может быть в пол-

ночь?» И он решил сам идти в палаты и посмотреть, кто там, тем более что в освещенные окна видны были какие-то люди. Его тяготило какое-то страшное предчувствие. Взяв ключи, он пошел по коридору. Адъютант — следом. «Боже мой, — ужасается король, — да и стены-то в коридоре все обтянуты черным. Что такое ужасное делается в зале заседаний?» Когда они подошли к главной двери, ведущей в зал, в страхе остановились. Дверь была заперта. «Открывайте», — приказал король адъютанту. Последний трясся от страха и наотрез отказался. Король чувствовал, как дрожат его колени и на голове поднимаются волосы. Секунду помедлив в нерешительности, он сказал: «Кто боится Бога, тот не должен ничего бояться на свете» — и... открыл дверь... И что же они увидели?

По полу зала бежали потоки крови. Какие-то таинственные люди совершали казнь нескольких осужденных. Им рубили головы, и тела, обливаясь кровью, падали на пол. Это было зловещее предсказание будущей судьбы прусского государства. «Когда это будет?» — страшным голосом воскликнул король. «Ровно через сто лет», — ответил ему некто, и видение скрылось. В зале сделалось темно, страшно. Король и адъютант выбежали из зала, не закрыв дверей...

Кто боится Бога, тот ничего не должен бояться, а кто Бога не боится, тот будет бояться всего, и даже там, где бояться-то нечего.

Несколько лет подвизаясь в Лавре, протодиакон отец Григорий незаметно подходил к неизбежному концу своей жизни. Любимая святыня — Лавра Преподобного Сергия — подняла его на высокую ступень духовной жизни. Он, как бы окрыленный молитвами небесного игумена Преподобного Сергия, стал человеком глубоко духовным и благодатным. Время, свободное от богослужения, он большею частью проводил в своей одинокой келии. Тихо сидел он у келейного стола и углублялся в чтение священных книг, черпая из них благодатную пищу для своей души.

Читал он также книги о святых отцах-подвижниках прежних и настоящих времен. Особенно любил читать повествования о жизни современных ему благочестивых старцев. Его боголюбивая душа хотела видеть свежие подвиги. Она жаждала убедиться в том, что наша современная Церковь также не бедна святыми мужами и чудесами, связанными с их жизнью.

***

...Старец Гавриил, настоятель одного из монастырей, проснулся ночью от страшного смрада в его келии. Открыл глаза. Боже мой! Полна келия бесов. Черные, отвратительные, гадкие, с оскаленными зубами. Старец сел на своей постели. Бесы обступили его со всех сторон и стали клеветать ему на братию. Брат такой-то — пьяница, другой — вор, третий — блудник, четвертый — обманщик. Старец сидел, слушал, а потом сказал: «Вон отсюда, хулиганы! Как вы смели прийти сюда и клеветать на братию?» Бесы не уходили. Тогда старец встал с койки и пошел в угол, где стояла его иерусалимская палка-посох. Взяв ее, он стал грозить ею бесам: «Ах вы, забрались в келию, да еще хватают за рубашку, за подол! Прочь отсюда, клеветники!» И бесы скрылись. Старец долго потом ходил по келии из угла в угол и всё стукал своей иерусалимской палкой о пол. «Ишь чего выдумали, обманщики, хулиганы, да еще за подол хватают!»

В дверь постучали. Келейник принес старцу чай. А он всё ходит из угла в угол, грозит своей иерусалимской палкой и приговаривает: «Ишь, хулиганы, забрались, не на того напали...»

Читая подобные повести, отец Григорий воодушевлялся, проникался особым чувством любви к монашеской жизни и удивлялся бесовским козням. Но Господь не судил умереть ему монахом, он умер священнослужителем, живущим в монастыре. Ведь бывают судьбы Божии неисповедимы в жизни человека. Так было и в жизни про-

тодиакона Григория. Что-то таинственное, непостижимое виделось в его судьбе. И как он ни стремился к монашеской жизни, умер простым священнослужителем.

Может быть, и у тебя, мой милый друг, есть в жизни нечто подобное? Может быть, и ты всю жизнь стремишься к монашескому подвигу, но Господь не приводит тебя к этому? Так ты не горюй, не опускай руки. Терпеливо жди и не ослабляй своей духовной жизни. Помни, что Господь лучше знает твою душу и на что она способна. И в мирском звании ты спасешься, если не будешь лениться. И монашество тебя не спасет, если не будешь радеть, будешь без конца спать, ссориться, клеветать и делать прочие мирские дела.

Однажды отец Григорий отправился в отпуск. Он захотел съездить в одно знакомое место, отдохнуть и поправить свои физические силы. Тем более что он стал чувствовать общее недомогание и болезнь в желудке. По прошествии недели, не больше, обратно в Лавру его принесли на носилках. Он был в крайне болезненном состоянии. Когда мы пришли в его келию, чтобы проведать его, он лежал в постели. И волосы, и лицо, и руки его были белыми... Мы его не узнали: как мог человек измениться в такой короткий срок! Он был настолько слаб, что без посторонней помощи не смог бы подняться с постели. Чтобы достать что-либо со стола — водички, просфорочки — он подтягивался за полотенце, привязанное одним концом к спинке койки в ногах, и так садился. Он почти ничего не ел. Внутренний жар палил его организм, и он утолял свою жажду маленькими кусочками апельсина. Ничего другого желудок не принимал.

Не забыть мне бесконечно мучительного взгляда, такого страдальческого, мученического, которым он встретил нас. Когда мы стали выражать ему чувство соболезнования, он слабым голосом отвечал: «О, еще послужу, еще потружусь у Преподобного Сергия». Но по всему видно было, что отец Григорий уже не жилец, что здесь он уже отслужил. И действительно, через два дня его не стало. Его бессмертная душа, так много лет стремившаяся в святую обитель Преподобного Сергия, нашла там покой. Под

кровом любимой святыни он завершил свой жизненный путь. Окрыленный благодатью Божией, очищенный подвигами и молитвами святых, да и своими постоянными трудами и богослужением, он воспарил на небо.

Отец Григорий умер простым человеком, но как украсилась и окрылилась его душа! Как она очистилась и убелилась терпением и святостью!

Говорили, что он в последние годы, бывая в отпуске, особенно стремился скорее вернуться в святую Лавру. Он боялся, как бы ему не умереть где-то на стороне. Как бы ему не остаться одиноким вне святой обители. Любимая святыня влекла его к себе. Отец Григорий даже чувствовал, что Сергий Преподобный зовет его умирать в свою обитель и что он только там найдет себе покой.

После похорон, придя в его келию, мы нашли ее в абсолютной чистоте и порядке. Каждая книжечка, карандашик, каждая вещь лежали аккуратно на своих местах. Как любил отец протодиакон чистоту и порядок в жизни! Несомненно, что, любя внешнюю чистоту, он любил и внутреннюю. Содержа келию в образцовом порядке, он строго следил за порядком в своей душе. В последние дни жизни тяжелая болезнь очистила его от остатка греха, приготовив к вечной блаженной жизни.

Отец Григорий при жизни особенно любил быть в мире с братией. Он готов был во всем уступить, перед всеми себя унизить, всё отдать, лишь бы достигнуть мира в отношениях со своими ближними. И особенно хранил он свою душу от гнева и раздражения, когда предстояло ему служить и приступать к Божественному престолу.

Так и нам, мой дорогой и милый друг, читая эти строки о жизни нашего собрата и отца протодиакона Григория, надо стремиться душой к вожделенному миру, согласию, любви. Ничего не жалеть, не щадить своего самолюбия, гордости, чести, чтобы только достигнуть мира и любви со своим братом или сестрой. И чем раньше ты попро-

сишь у своего противника прощения и примиришься с ним в сердце, тем больше покажешь свои благородство и разумность. Сумей найти в жизни отца Григория, этого труженика Божия, для себя пользу, чтобы душа твоя обогатилась красотой добродетели.

Покойся же, наш дорогой собрат, в селениях вечного света, в блаженном сожитии со всеми учениками Сергия Преподобного. Мы верим, что ты перед смертью своей сказал истинно пророческие слова — и поныне они звучат в наших ушах: «Еще послужим, еще потрудимся в обители Преподобного Сергия». И ты служишь, только не здесь, не с нами, а там — в горней обители славного Сергия — ревностно приносишь молитвы за нас, грешных.

Любимая святыня усовершила твой дух для жизни вечной. Молись, чтобы и нас она воспитала для небесной жизни, чтобы и мы все, любящие святую обитель Сергия Преподобного, хотя и живем многие в миру, как мирские люди, тоже удостоились бы назваться учениками великого заступника нашего аввы Сергия и водвориться в его горней обители вместе со всеми святыми. Аминь.

ОБНОВЛЕНИЕ

Диакон Илия

(Илья Петрович Ефремов)
(1894–1957)

Очищение наших даруй неведений, яко безгрешен.

Канон Преподобному Сергию Радонежскому

В глубоком подземелье, вдали от всего мирского, сидел царственный узник. Он был заключен сюда двадцать лет назад. Суровая судьба, не щадя его цветущей и свет-

лой юности, замуровала его в этот каменный мешок, где нет ни луча света. Только летучие мыши, жители мрачных, сырых темниц, иногда нарушали могильную тишину страшного места своим зловещим шипящим полетом. Целых двадцать лет царственный узник провел безвыходно в этом страшном подземелье. Когда его привели сюда, он был еще совсем молодой юноша, даже отрок. Как малую птичку, поймав на ветке, заключают на всю жизнь в клетку, так этого юного царственного отрока однажды, схватив в светлое раннее утро, заключили в темную зловещую яму.

Там, наверху, над ним течет светлая веселая жизнь. А он за долгие годы не увидел и малой доли света. Как будто он рожден для жизни во мраке, как будто на роду была ему написана такая страшная судьба, и вот он теперь старик, хотя ему от роду не больше тридцати пяти лет. Он истощал, извелся, исстрадался. Его худое безжизненное лицо скрыто мраком. Он ходит по темным углам сырого подземелья, как тень среди могильных крестов ночного кладбища.

Как ему хочется света! Как его душа, исстрадавшаяся от вечного мрака, хочет видеть свет Божий! Там, наверху, выше его темницы, лишь иногда прорежет могильную тьму тонкий светлый луч. «Свет, свет», — тогда невольно шепчут его мертвенно бледные уста. И снова он во мраке...

Можешь ли ты себе представить, мой милый друг, при предельном напряжении своего воображения, ту могильную тьму, в которую навеки зарывают вашего любимого друга?

Подобное испытывает грешная душа, будучи осуждена безвыходно пребывать в объятиях вечного адского мрака.

***

Есть такой дивный рассказ, как один больной человек сильно страдал тяжелым недугом. Он даже много роптал на свою злосчастную судьбу. Вот однажды явился ему Ангел Божий и сказал: «Трудно тебе так страдать, вот и вы-

бирай из двух одно: или тридцать лет еще болеть на земле, или три часа пробыть в аду, в вечном непроницаемом адском мраке». Тогда несчастный страдалец выбрал последнее. Он сказал себе: «Лучше провести три часа в аду, нежели еще долгих тридцать лет терпеть на земле эти тяжкие страдания». Ангел тихо улыбнулся ему и, взмахнув крыльями, в мгновение ока перенес его в кромешную адскую тьму. Это была глубокая пропасть, куда никогда не проникал и малый луч света.

Можем ли мы, мой милый друг, хотя на мгновение представить себе эту страшную адскую темницу? Оставляя несчастного в аду, Ангел тихо сказал: «Через час приду проведать» — и скрылся, как молния блеснув в вышине.

Страдалец остался один. Он сразу почувствовал себя самым несчастным из всех людей. Адский мрак, как железным кольцом или тисками, сковал его члены. Невыразимо жуткое, необъяснимое чувство стало немилосердно терзать его душу. К тому же он услышал, как со всех сторон раздаются вопли и стенания узников ада. То раздавался страшный звериный вой, то крик о помощи и плач человеческой души, то зловещий скрежет... Что только пережил несчастный узник, находясь в непроницаемом адском мраке! Ему показалось, что прошло уже, по крайней мере, полгода, а то и год со времени его заключения. Он даже разочаровался в верности сказанных ему Ангелом слов. «Неужели и Ангел может обманывать?» — подумал он и... безутешно заплакал.

В эту минуту в вышине блеснула струйка молнии. Пред ним стоял Ангел. Бедняга узник готов был разразиться укором за невыполнение Ангелом обещания.

«Минул только один час, — тихо улыбаясь, сказал Небожитель. — Еще два часа тебе оставаться здесь», — добавил он сочувственно.

Страдалец взмолился. Он не может здесь оставаться ни на одно мгновенье. У него не осталось сил дальше сносить эти адские муки. Ему уже казалось, что он провел

здесь многие-многие годы. «Лучше я буду тридцать лет или больше страдать на земле, чем останусь здесь хотя на одну минуту!»

Ангел взмахнул крыльями, и больной оказался на своей постели, где он терпеливо и безропотно переносил свой тяжелый недуг еще не один десяток лет.

Страшный рассказ. Даже очень и очень страшный. Это настоящая действительность, которая существует там, где отсутствует тихий свет Христов.

Тяжело жить во мраке. И очень тяжело не видеть долго Божиего света. Но вот бывают такие несчастные и достойные сожаления души, которые годами лишены света.

Разве ты, мой милый друг и дитя, не встречала слепцов, которые от рождения находятся в непроницаемой ночи и не видят белого света? Разве не сочувствуешь им? Разве ты их не жалеешь? А если до сих пор не жалела, то пожалей, как самых жалких и бедных людей, лишенных счастья видеть Божий свет. И, думая о несчастной участи этих слепцов, горячо благодари Бога за бесценный дар — свет Божий.

Но, кроме света физического, есть свет духовный. Кроме мрака вещественного, есть мрак более страшный — невещественный. Страшно жить без света телесного. Но еще страшнее и ужаснее не иметь света духовного, обновления Духа. «Свет Христов просвещает всех». Свете тихий, святыя славы...

Душа человеческая всегда стремится к свету обновления, как цветочек тянется к теплому солнцу. А без этого Христова света душа увядает, замирает, главное — грубеет. Нежная красота, благородство, изящество жизни, прелесть бытия, обновление — всё возможно только Христом — Светом благодатным, Божественным, тихим и неугасающим. В Нем вся полнота и свежесть жизни, вечная радость, бесконечное наслаждение...

Схииеромонах Парфений Киевский закрылся в глухой маленькой келии. И единственное маленькое оконце ее

он заложил иконой Божией Матери с Предвечным Младенцем. «Зачем мне свет чувственный? — говорил старец. — Для меня лучше и краше Свет благодатный». И он добровольно жил в темноте. Иов Почаевский, Сергий Радонежский и многие другие почитали ни за что свет вещественный и всецело устремлялись к свету духовному, свету благодатному.

Да, были и теперь есть люди, которые добровольно отказались от света солнечного как большого земного счастья для человека и прежде всего искали и ищут света благодатного Христова, ищут обновления.

Диакон Илия (в миру Илья Петрович Ефремов) также стремился более всего к свету благодатному. Он стремился к новой жизни со Христом. Как и мы с тобой, мой любезный друг и мой усердный читатель, диакон Илия имел драгоценный Божий дар — свет видимый. Но его душа искала большего, лучшего. Она искала для себя света невещественного, благодатного, невидимого, который очищает и обновляет всю жизнь человека и все его чувства.

Он пришел в Лавру Преподобного Сергия будто простым мирянином. На вид он был невзрачный, потрепанный жизнью человек, ему тогда было лет около пятидесяти. По всей видимости, прошлая его жизнь была сплошной борьбой с немощами и недостатками человеческой природы. Говорили, что он служил где-то диаконом и по неизвестным причинам перешел на гражданскую работу. Как он сам рассказывал, имея музыкальные навыки, он занимался хоровым делом: был руководителем или организатором какого-то музыкального кружка. Кстати сказать, он хорошо играл на скрипке, выводил самые замысловатые, самые высокие, такие заоблачные мелодии, которые ни один голос не мог взять. Уже в монастыре он с увлечением занимался этим делом. Собрал группу из послушников, почти бездельников, и учил их этому замысловатому инструменту — скрипке, которая в его руках то

пела трогательным и умилительным напевом, то рыдала, как мать об умершем единственном дитяти, то выводила трудно постижимые торжественные мелодии, — словом, на всё способна была его скрипка.

Помню как сейчас: Илья Петрович, как мы его звали вначале, в нашем библиотечном корпусе терпеливо, с особой прилежностью ремонтировал никуда не годное допотопное пианино. Это был инструмент старинного изготовления и стоял в нашем корпусе только потому, что никому абсолютно не мешал, занимая самый дальний темный угол, куда никто из монахов никогда не заглядывал. Илья Петрович из каких-то соображений решил во что бы то ни стало привести в возможно приличное состояние этот полуразвалившийся инструмент. Он был совсем не нужен ни ему, ни тем более монахам, но вот захотелось же Илье Петровичу с ним повозиться. Помню, как он с утра до вечера и с вечера до утра, весь в пыли и грязи, «приводил в сознание», то есть в рабочее или близкое к нему состояние, это пианино. Лепил, клеил, сколачивал, разламывал, вновь собирал, вновь ломал. И всё это дело совершал молча, без единого стона и раздражения. Так продолжалось несколько суток, а может, и с месяц. Монахи, проходя мимо Ильи Петровича, тихонько ухмылялись, а в душе своей молились, чтобы Господь помог ему справиться с этим серьезным делом.

И вот после долгих дневных и ночных трудов Ильи Петровича пианино наконец заиграло. Надо было видеть ту неописуемую победную радость, которая отражалась на измученном лице «специалиста». Но искреннее счастье Ильи Петровича было непрочно, как и всякое человеческое счастье. «Воскресшее» пианино как-то разом всё расклеилось, запыхтело на причудливые голоса и замолкло навсегда. Разочарованному Илье Петровичу посоветовали больше не приближаться к развалившемуся инструменту. Ему сказали поучительно: «Раз не хочет играть — не надо, как стоял, так и пусть стоит до Второго пришествия». Илья Петрович тогда смирился и послушал доброго совета.

Это было как бы первым крещением в его монастырской деятельности. Потом Илья Петрович стал не по дням, а по часам расти, обновляться. Его облекли как примерного труженика в послушнический подрясник, на голову надели скуфеечку, на ноги сапоги, и стал он выглядеть совершенно по-иному. В таком приличном виде он стал посещать клирос, где громогласно пел басом. Но надо сказать, что вначале он пел больше без тона, чем в тон. Он как-то не мог сдержать силы своего голоса, который, как горный поток, то срывался сверху вниз, то перескакивал через огромный камень, то тихо и спокойно гудел в своих берегах.

Позже Илья Петрович то ли за неимением регента, то ли по какому-то счастливому случаю даже стал управлять хором. Регент он был деловой, дотошный. Голос его звучал по-особенному. Он часто тянул куда-то в сторону, и притом таким сильным непутевым басом, что всех сбивал. Хор распадался, все пели врозь. Молодые монахи переглядывались, пряча улыбку, а старцы немного нервничали, раздражались, так как хорошее пение случалось редко. Но какая была смиренная душа! Сколько было братолюбия и братской доброты! Была и большая молитвенность. Особенно когда Илья Петрович был в хорошем настроении, в добром расположении духа и вообще серьезен.

Года через два-три начальство монастыря нашло нужным, даже необходимым, походатайствовать перед Святейшим Патриархом об Илье Петровиче о восстановлении его в прежнем диаконском достоинстве. Илья Петрович безмерно был рад и взялся собирать документы о прежнем своем служении, разослав запросы по разным местам. Через два месяца он был диаконом. Монашество принимать не спешил, да и так его Господь вел по праведному духовному пути.

Ведь бывают же такие совпадения, и как только их понять? Случайны ли они или промыслительны? Когда я

пишу эти строки об отце Илии, то невольно и с трепетом вспоминаю его светлого Ангела — славного пророка Божия Илию, память которого совершается именно в этот день*.

Грозный пророк Божий Илия, ревнитель о правде Божией, пламенный защитник вдов и сирот, сегодня прославляется Церковью. И как трепетно страшится душа, призывая это святое имя! Совесть невольно заставляет нас возносить великому пророку пламенную молитву об исправлении нашей нерадивой жизни. Сколько примеров грозного наказания и кары, совершенных пророком Божиим Илией над нерадивыми грешными людьми, знает история! До этого дня бушевала стихия: то дождь, то буря, то гроза. А вот сегодня, в день его памяти, тихо, небо чистое, голубое, ясное и светлое солнце ласкает лучами землю. Что за тайна, непостижимая нашим умом, совершается в судьбах Божиих? День памяти грозного пророка, когда за грехи наши вся природа должна бы, кажется, бунтовать и гневаться, — тихий, ясный. Может быть, справедливый гнев великого пророка уступил чьему-то милосердию?

***

В студеную зимнюю ночь по заснеженной дороге шла под видом странницы Матерь Божия. Трещал мороз, бушевал ветер, и ледяные его порывы обжигали лицо. Придя в деревушку, Она попросилась обогреться и переночевать. Ей грубо отказали. Она пошла к другой хате. Здесь не только отказали, но и оскорбили. Пошла к третьей — там не только оскорбили, но и прогнали. И так по всей деревне. Богородица изнемогла от стужи, обессилела от дальнего пути. Она идет по распутиям мира спасать грешников, а Ее — Матерь Божию! — никто не пускает и не хочет признавать. Она пошла на задний двор одной из хат, спряталась от бури за стог сена и... заплакала.

* Автор имеет в виду 2 августа (н. ст.). — *Прим. ред.*

В это время над деревней нависла черная туча. Раздался страшной силы гром (в зимнюю пору!), засияла молния, и гнев ревностного пророка Божия Илии, защитника обиженных, обрушился на жестоких жителей. Деревня разом запылала и вся оказалась в огне. Послышались крики и вопли, проклятия и мольбы о помощи...

Богородица, увидев справедливую кару, обрушенную великим пророком на людей за Ее оскорбление, как Мать пожалела и всё им простила. В знак Своей милости Она сняла с главы покрывало и высоко подняла его на руках... Грозный пророк увидел спасительный омофор Владычицы, покрывающий несчастных жителей, и уступил. Гнев возмездия и заслуженное наказание, посланное пророком Божиим, покрылись всепрощающим милосердием Царицы Небесной, и грозная кара разом затихла.

Гнев великого пророка Божия Илии также смягчается на милость и там, где есть покаяние. Посмотри, мой дорогой и милый друг, на свою земную жизнь и подумай, насколько она заслуживает милосердия от Бога или суровой кары от пророка Божия Илии?

Есть люди, которые, опасаясь гнева великого пророка, в день его памяти хранят праздничный покой и отказываются что-либо сделать ради ближнего, подобно тем евангельским фарисеям, которые боялись нарушить субботу, а *поедали домы вдов* и сирот (ср. Мф. 23, 14). Надо почитать день памяти великого пророка не только из-за страха наказания, но по сердечной к нему любви как к ревнителю правды Божией и пламенному молитвеннику за нас, грешных.

На огненной колеснице воспарил он к Престолу Божию. Клубящееся пламя и огненный вихрь были его спутниками — это проявление ревности духа великого пророка о правде Божией.

Когда ты, мой любезный друг, увидишь, как поносится и оскорбляется Бог, как осмеиваются Его святая правда

и любовь, вспомни о пророке Божием Илии. «Ревнуя возревновах о Боге моем» (ср. 3 Цар. 19, 10), — возопил он в дни нечестия Ахава, царя Израильского. А что ты говоришь и думаешь, когда видишь подобное? А может быть, тебя совсем не трогает никакой грех? Может быть, тебе безразлично, когда оскорбляется любовь Божия и унижается и осмеивается святыня? Может быть, ты совсем и не ревнуешь о Боге своем?..

Прошу тебя и очень прошу, ради Бога, помни об уроке, который дает нам пророк Божий Илия!

Отец Илия, наш дорогой труженик в Лавре Преподобного Сергия, горячо чтил память своего Ангела — пророка Божия Илии. В его праздник он был особенно сосредоточен, молитвенен, углублен и, как правило, обязательно причащался Святых Христовых Таин. Он знал, что милость великого пророка бывает к людям, которые исправляют свою жизнь, которые искореняют из своего сердца разные нечестия, грехи и пороки. Поэтому отец Илия всеми силами стремился к очищению души своей и к окрылению ее благодатью Божией. Он понимал и чувствовал, что сродство с духом великого пророка может он иметь только тогда, когда похоронит в своей душе все прежние свои привычки и страсти. А лучше сказать, не похоронит, но выбросит, вычистит со дна своей души всё гнилое и смердящее, что мешает ему духовно расти и стремиться к Богу.

***

Среди океана стоял красивый остров. Это был райский уголок: и воздух, и растения, и живоносные источники, и тихая прохлада полей — всё светилось радостью. И на этом дивном острове на живописных отвесных скалах был расположен чудный замок. В нем было всё благоустроено и улажено, всё сияло чистотой и красотой, удобством и бесподобной роскошью.

В этот замок-дворец каждое лето приезжал отдыхать с семьей один видный сенатор. И, казалось бы, он должен здесь веселиться, наслаждаться и поправлять свое здоровье. Но было совсем наоборот. Сенатор начинал тосковать, унывать, хиреть и терял последние силы. Все недоумевали: в чем тайна? И вот однажды два человека спустились в подземелье дивного замка и обнаружили там гнилые кости мертвецов. Тайна была открыта! Кости собрали и захоронили, подземелье вычистили, и в замке стало весело, спокойно и радостно.

Вот так же и в человеческом сердце: когда в его глубине скрываются гниль порока и нечистоты, даже при полном материальном достатке и благополучии жизни человек не видит радости и счастья никогда. Ему нужно во что бы то ни стало обновиться внутренне, обнаружить в глубине своей души греховные язвы, мужественно осознать их как свои недостатки и пороки, а потом выбросить их из сердца и очистить его слезами покаяния. Тогда возможна новая жизнь во Христе, тогда духовная радость водворится в сердце.

Особенным качеством диакона Илии было его неослабное стремление к внутреннему обновлению. По всей вероятности, он испытал в жизни греховный мрак, и душа его теперь тянулась к благодатному свету.

Для того чтобы стремиться к обновлению, нам с тобой, мой милый друг, необходимо знать темные дела духа злобы, распознавать их в себе и освобождать от них свою грешную душу. Вот ты сегодня грубо и сурово обошлась с родной матерью, рассердила ее, расстроила, сказала ей в порыве гнева обидное слово, а потом еще вдобавок не попросила у нее прощения. Это дело тьмы, грех гордости и твоего высокоумия.

А вчера утром в положенное время ты не встала на молитву, жалея и оправдывая себя болезнью и немо-

щью. А потом так и не осознала свою вину перед Богом и не просила у Него прощения в слезной молитве. Это тоже дело тьмы — грех лености и нерадения.

А вот ты, идя дорогой в храм, не подала милостыню нищему и даже осудила его в душе за то, что он, дескать, такой-сякой, пьяница и разгульник. Это тоже дело тьмы и грех осуждения. А блудные и хульные помыслы, объядение и невоздержание? А холодная невнимательная молитва? А забвение о смерти, о Страшном Суде, о вечных муках, а привязанность к земному, временному, мимолетному, а неприязнь к ближнему, родному, а сластолюбие, гнев, пристрастие к внешней красоте и прочее, и прочее? Разве это всё не дела тьмы? Да сколько их, этих пороков, гнездится в нашем сердце, и все они усиливают тьму нашей жизни, лишают нас благодатного света!

***

У одного монаха умер нерадивый и непутевый брат. Так как монаху было его жаль, то он сильно за него молился. Спустя значительное время монах видит сон, будто пришел к нему в келию его покойный брат, очень печальный и унылый.

«Плохо мне», — сказал он глухим голосом. Монах, оправившись от страха, спросил его: «Какая же мука терзает тебя?» — «Ты не можешь себе представить мою муку», — ответил пришедший и поднял до колен свое длинное платье. О ужас! Страшные черви кишели в сплошных ранах страдальца, и при этом адский смрад наполнил келию. От этого смрада монах проснулся. Он не мог дышать! Он задыхался! Не медля ни секунды, он выскочил из келии, не затворив за собою дверь. Зловоние разлилось по коридору и келиям других иноков, а затем и по всему монастырю. Иноки просыпались, задыхаясь, пытались бежать в другие помещения, но и там их преследовал смрад. Пришлось оставить это место и всей братии переселиться в другой монастырь. А монах, которому

явился несчастный брат, не мог избавиться от этого зловония несколько лет.

Этот адский смрад берет свое начало от смрада наших страстей.

***

«Илюша, скажи своей жене, пусть приготовит чай для гостей», — просил больной отец своего сына. Сам он, немощный, лежал в постели. Сын грубо отказал отцу в просьбе: «Много тут ходит к тебе разных гостей, всех не напоишь». — «Ну, Илюша, дай тебе Бог здоровья», — сказал обиженный родитель.

К вечеру Илья заболел, а через два дня умер от страшной горячки.

Это смрад греха неуважения родителей.

***

«Ой, накажет же тебя Бог», — говорили односельчане пьяному мужичку, который не переставал издеваться над своей матерью. «Ну и пусть накажет, если Он есть», — отвечал грубиян.

Смиренной, кроткой и тихой была его мать-старушка, всё молилась и всё терпела. Однажды едут они с сыном на торг. Сын снова разбуянился из-за пустяка, расходился, разбушевался.

«Вот ты меня ругаешь, — сказала со слезами мать, — чего доброго, еще и ударишь». — «А что тебя не ударить!» — размахнулся сын и... застонал. К вечеру рука его заметно похудела, а через пару дней стала, как плеть, сухая. Это дело тьмы — дерзость, непочтение.

***

В два часа ночи девушка проснулась от страха: здоровая черная кошка лезла к ней под одеяло (а кошек в квартире не держали, и все двери были закрыты). Девушка перекрестилась, и черная кошка соскочила на пол. По-

том прыгнула на постель, передними лапами вцепилась девушке в плечо и потянула вниз, к полу. А сила какая! В ужасе девушка закричала: «Матерь Божия, спаси!» Кошки как и не было...

Не помолилась вечером на сон грядущий — грех лености.

Так человек каждый день и час грешит, совершая дела тьмы и умножая тем адский мрак в своей жизни.

Надо освобождаться от темных дел порока и обновляться душой. К обновлению во Христе зовут нас все святые, все праведные. Без очищения и духовного обновления невозможна никакая новая жизнь, никакое счастье. *Если наш внешний человек тлеет, то внутренний со дня на день обновляется*, — говорит святой апостол Павел (ср. 2 Кор. 4, 16).

И как же ты, мой дорогой и милый друг, как же ты хочешь войти в новую вечную жизнь, если так плохо или почти совсем не обновляешься душой?

Солнце восходит и заходит над нашими главами, снова восходит и опять заходит. И с каждым днем волосы главы моей седеют, огонь очей с каждым часом тускнеет. А душа? Обновляйся же, душа моя! Гаси в себе навсегда пламень страстей кипучих, очищай глубину сердца от всякой мерзости, гнили, порока и обновляйся, пока не поздно! И если еще, мой милый друг, солнце светит над твоей главой, то знай, что любовь Божия не иссякла и зовет тебя к покаянию и обновлению.

Отец Илия неустанно украшал свою душу подвигами благочестия. Лавра Преподобного Сергия покрывала его от всех бурь и невзгод жизни, и он все свои силы теперь отдавал обновлению души. Хотя он и стал чаще похаживать в медицинский изолятор, чтобы там получить помощь от телесных недугов, но душа его с каждым днем крепла, возвышалась благодатию Божией. Но вот он забо-

лел. Какой-то недуг, как потом говорили, рак желудка, всё больше и больше поражал его тело. Отец Илия перестал ходить на клирос, не мог больше служить Божественную литургию, а всё сидел в своей келии. Старая скрипка — верная подруга его жизни — висела на стене и, оставаясь в одиночестве, творя внутреннюю молитву, он доставал инструмент и тихонечко пел вместе с ним молитвенные песнопения. Его музыкальная душа жаждала небесных звуков и мелодий, той гармонии, с какой ангельские чистые голоса непрестанно воспевают хвалу Творцу.

Болезнь всё больше и больше подкашивала отца диакона, и он был уже уверен, что ему скоро надо переходить туда, куда непременно уходят все люди земли. Смерти он не боялся, потому что душа его, обновленная подвигом молитвы и труда, и особенно последними днями страдания, сама рвалась в иной мир, к новой жизни, в область вечного Света. В последние свои дни он совсем не показывался из келии. И монахи-то его мало навещали, хотя он не обижался. Но со стороны всё-таки обидно было: пока человек здоровый, он нужен и к нему ходят, а как приболел, то забывают его все, даже и свои, близкие.

Возьми себе за правило, мой дорогой и милый друг, никогда не забывать людей — врагов или друзей — в минуты их несчастий или болезней. Это очень важно, и спасительно, и благородно. *Был болен, и вы посетили Меня* (Мф. 25, 36). Стремись не только исполнить завет Христа Спасителя — посетить больного и сущего в беде, но от всей души искренне посочувствуй ему, от всего сердца поплачь вместе с ним, посетуй, утешь, сколько можешь, а главное — помолись за него горячо Богу, чтобы над ним исполнилась воля Творца.

В самые последние дни перед смертью отцу Илии настолько тяжко было сносить болезнь, что ему делали болеутоляющие уколы, иначе вся его внутренность, как ему казалось, разрывалась на части, и хотя он не стонал, но на лице его отпечатлевалось глубокое страдание.

Как одинокое старое деревце в поле вырывается из земли порывом ветра, так жизнь отца Илии поникла под ударами страшной смерти. Он умер спокойно, без единого звука. И когда декабрьским утром братия вошли в его маленькую келейку, он уже ни о чем никого не просил. Его заветная подруга — старая скрипка — спокойно висела над его головой. У святых образов теплился малый огонек, который говорил, что душа почившего не угасла и так же горит. Оставив бренное тело, она воспарила к вечному Богу, воспарила обновленная и окрыленная.

Был холодный декабрьский день, когда гробик с почившим нашим братом после отпевания отвезли на кладбище. Белый саван пушистого снега лег новым покрывалом на замерзшую землю.

Помню, как мерзлые комья земли ударяли в крышку гроба, как бы стараясь разбудить отца диакона от вечного сна. Но он не вставал... Так и остался лежать в могилке, заваленный холодной, мерзлой землей.

И теперь, когда на амвоне во время ранней заупокойной литургии иеродиакон вспоминает имя почившего приснопамятного диакона Илии, вновь и вновь воскресает пред нашим взором образ дорогого собрата.

Он с юных лет стремился к благодатному свету и жаждал обновления. Святая обитель Сергия Преподобного дала ему и то, и другое. И как отрадно нам всегда думать о том, что эта дивная Лавра дарит и теперь своим насельникам и всем, приходящим в нее молиться, радость обновления, готовя наши души к новой, вечной жизни!

Се, творю все новое (Откр. 21, 5), — говорит Господь. И вот теперь, моя дорогая милая душа, когда ты вновь будешь, по милости Божией, в Лавре Преподобного Сергия, вспомни, что здесь место твоего духовного обновления, здесь «баня пакибытия». И если ты чувствуешь, что твои приезды в Лавру Сергия Преподобного благотворны и полезны для тебя (а они непременно полезны и спасительны), то посещай это святое место, пока оно, как зве-

здочка, сияет в ночи. Обновляйся с каждым разом душой и всё больше и больше устремляйся горé, к Свету невечернему, к Создателю неба и земли, к Богу вечной радости и вечного обновления.

И как бы мне хотелось — говорю это от всего сердца, — чтобы душа твоя, начав обновление здесь, в святой обители, вечно обновлялась и там — в обители горнего мира, где мы призваны к вечному обновлению и вечному совершенству.

Когда мы теперь приходим на старые могилки, где среди других стоит и крестик отца Илии, то всегда вспоминаем прожитый путь его жизни, и чувство глубокой благодарности к Богу возникает в глубине души.

Как хорошо и прекрасно жить на земле с Богом в сердце! И как ни ломает нас жизнь, как она нас ни бичует своими ударами и скорбями, а всё-таки хорошо жить с Господом и со дня на день обновляться душой. И нет большего счастья, чем это. Нет большей радости, чем эта радость.

Но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется (2 Кор. 4, 16).

Начав описание жизни отца диакона Илии в день памяти великого пророка Божия Илии, мы с особым чувством удивления пред Промыслом Божиим заканчиваем в этот же день нашу маленькую повесть и глубоко верим, что грозный служитель Божий пророк Илия, вознесшийся к небу на огненной колеснице, восхитил и смиренную душу нашего собрата диакона Илии в вечные Небесные обители Отца светов, где он и ныне больше и больше обновляется и совершенствуется душой, восхищаясь дивной гармонией небесных песнопений смиренных небожителей.

Читая эту маленькую историю о последних днях жизни диакона Илии, обновляйся и ты душой, милый и дорогой мой друг. Этим доставишь ты мне наибольшую радость.

КРАСОТА ДУШИ

Монах Венедикт
(Василий Михайлович Залеткин)
(1876–1957)

В пощениих непреклонен пребыл еси, мудре, и до отшествия своего храня сие опасно, имже сподобился еси яве нетленнаго блаженства.

Канон Преподобному Сергию Радонежскому

Был жаркий летний день. Солнце пекло немилосердно, будто было оскорблено, рассержено за что-то на людей. Пламенные лучи его жестоко палили жителей Иерусалима. Священный город был чем-то взволнован, возмущен. Улицы его были полны народа. Как бурный поток несет свои воды в море, сметая всё на своем пути, так несметные толпы народа бушевали в узких улицах, устремлялись за город, на вершину горы...

В одной из улиц было особенно тесно и многолюдно. Здесь происходило главное: вели на казнь галилейского Учителя, чтобы всенародно и позорно распять на Голгофе. Он шел, смиренно склонив Свою голову и весь стан под тяжестью большого креста. Лик Христа настолько измучен, что трудно узнать прежнего молодого и красивого Назарянина, Который ходил по городам и селам Галилеи, призывая людей ко спасению, к вечной блаженной жизни. Очень уж Учитель озлобил начальников иудейских, называя их слепыми вождями, лицемерами, лжецами, поедающими дома вдов и грабящими сирот. Вот они и решили Его убить, да самой страшной и позорной смертью — распять на кресте, как злодея и разбойника, возмущающего будто народ. И удивительно: ночью в саду Гефсиманском Он Сам отдал Себя им в руки, сказав, чтобы не трога-

ли только Его учеников. И вот теперь Учителя ведут на казнь. Многотысячная толпа бурлит, шумит, клокочет. Начальники злорадствуют, воины бьют Его плетками, подгоняют. А Он — Он один спокоен. Но как Он устал, измучился, обессилел! Вот Он упал под тяжестью креста и долго не встает. Послышались проклятья, крики, угрозы, засвистели бичи воинов, и удары, озлобленные удары обрушились на Осужденного. Он лежит на мостовой, тяжело дыша... Вот к Нему подходит здоровый и крепкий человек, берет Его крест, поднимает себе на плечи. Тогда, тихо шатаясь, поднимается и Учитель. Медленно обернувшись назад, Он говорит плачущим женам: «Что вы о Мне плачете? Плачьте не о Мне, а о детях ваших, ибо наступают дни...» (см. Лк. 23, 28–29). Затем снова тихо идет за Своим крестом, который несет впереди Него Симон Киринейский.

Но как сильно печет солнце, как оно жжет огнем своим землю! Проходя мимо одного из домов, Страдалец снова падает, томимый жаждой и бессилием.

«Воды, каплю воды», — раздается из толпы сочувственный женский голос.

У дверей дома стоит мужчина. К самому порогу упал Христос, и глава Его, увенчанная колючим тернием, со сбившимися, смоченными потом и кровью волосами, легла к ногам старого иудея. Тот, не подав воды, ударил Осужденного ногой. «Вон отсюда, обманщик», — послышался его грубый голос. И Христос, медленно поднявшись, пошел дальше...

С той страшной минуты прошло почти две тысячи лет. На крыльце одной крестьянской хаты стояла молодая женщина. К ней подошел незнакомец и попросил пить. Это был измученный многолетней тоской старик, вечный скиталец, оскорбивший и ударивший Христа, когда Тот шел на Голгофу. «Воды, каплю воды», — шептали его бледные уста. Крестьянка быстро побежала в хату и вынесла кружку свежей живительной влаги. Он жадно выпил, потом утер пот с бледного лица рукавом старой своей оде-

жды и сказал: «Люди, люди, страшитесь оскорбить своего Творца, ибо мучениям вашим не будет конца...»

«Вечный жид!» — в страхе воскликнула крестьянка, и ей всё стало ясно.

Этот человек отказал в милосердии Страждущему и с тех пор скитается по земле вечным странником, не имея никакого покоя. Ей стало жалко старика, и она печально смотрела ему вслед. А он, изветшалый, измученный, согбенный, гонимый страхом и тоской, устремился дальше, в свое вечное бесконечное скитание. И долго-долго после этой встречи в ушах крестьянки звучали страшные слова: «Люди, люди, страшитесь оскорбить Творца своего, ибо мучениям вашим не будет конца...»

Да, на земле много всяких несчастий, но самое страшное из них — это оскорбить Бога. Большего несчастья, чем это, у людей нет и быть не может.

Вот обидел или оскорбил ты человека — сослуживца, начальника, любимого друга. Как ты об этом сожалеешь, как скорбишь! Как хочется тебе вновь с ним примириться, сделать ему что-либо приятное, хочется загладить свою вину!

Но какое чувство волнует тебя, когда ты грешишь и оскорбляешь своего Творца? Почти никакое. Ты бесстрашно нарушаешь одну заповедь Божию за другой и нимало не смущаешься этим. Что это за состояние такое? И где твоя совесть? Где страх перед Богом?..

О мой милый и дорогой друг, знай и хорошо помни, что, согрешая, оскорбляя Господа, ты не только нарушаешь Его святые заповеди, не только глумишься над любовью Божией, но ты бесконечно вредишь своей душе, ты ранишь свою душу, ты калечишь и безобразишь ее.

Во всей вселенной нет ничего дороже и красивее души человеческой. Недаром Сам Сын Божий приходил на землю страдать и умирать на Кресте, чтобы только исцелить и спасти человеческую душу. *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой*

выкуп даст человек за душу свою? (Мф. 16, 26). Так высоко оценил душу человеческую Сам Господь Спаситель наш Иисус Христос.

Да, много на земле всяких ценностей, сокровищ, драгоценных камней. Но дороже всех их вместе взятых — душа человеческая. Как она прекрасна, как изумительно чиста, как драгоценна! Только вот грех ее уродует, безобразит, и она делается самой несчастной из всего живого на земле.

Думал ли ты когда, мой милый друг, брат ты или сестра, юноша ты или девушка, инок ты или мирянин, верующий ты человек или неверующий, думал ли ты когда о том, что носишь в себе дивное Божие творение — прекрасную душу, душу, которая дороже всех земных сокровищ? И вот теперь сам посуди, как бесконечно возвышается достоинство человека при наличии у него души. И как он делается ничтожен и плох без души и вечной жизни.

Святые отцы Церкви говорят, что достоинство нашей души — в ее неизменной и вечной красоте. Как отражение образа Божия душа наша прекрасна своей чистотой.

Красота и чистота тесно связаны между собой. Если ты чист душой и телом, то ты и красив. А если ты намазал свой нос грязью и душу грехами, то ты не просто некрасив, ты — безобразен. Бывают люди, которые годами не умываются и носят рваную одежду, а душой своей — ангелы, например, несущие подвиг странничества или юродства. Но это святые Божии люди, избранники Божии, достигшие в подвигах поста и молитвы такой внутренней чистоты, что она как бы подавляет собой внешнюю нечистоту. У нас же, людей обычных, рядовых, мирских, бывает иначе. Мы стараемся красить свои щеки, глаза, уста — всё что ни попало, только бы быть красивыми. А в душе у нас — грязь грехов: гордость, самомнение, блудная похоть, нерадение и чего только там нет! Как в сыром подземелье: и гады, и змеи, и скорпионы.

Когда однажды большой грешник каялся пред духовником, то святой Павел Препростый видел своими духовными очами, как из уст кающегося выползали всякие гады —

грехи, которые с каждым искренним признанием не могли оставаться внутри человека, а выходили наружу и погибали.

А какое же диво бывает с нами! Как мы стремимся, как стараемся украшать свое грешное тело, всё думаем: «На люди иду. Надо одеться получше, почище, а то скажут: вот какая она неряха да замарашка». Следовательно, в нас живет жажда красоты и чистоты. Но, как ни странно, о главном — о красоте своей души — мы не печемся.

А хочешь знать, чем особенно украшается твоя душа? Ведь ты уже знаешь, что душа обезображивается грехами, а вот чем она украшается? Чистотой, и более душевной, чем телесной, то есть когда человек, особенно девушка или юноша, а еще больше инокиня, монахиня, хранит свою душу от блудных помыслов и дел. Это чистота. Это украшение души воздержанием, целомудрием. Святые мученики, мученицы, великомученицы умирали в страшных страданиях, но сохраняли свою душу и тело в целомудрии и чистоте.

Вот это и есть первый цветочек, украшающий душу человеческую лучше бриллиантов.

Второй, такой же прекрасный, — смиренная простота. Посмотрите, пожалуйста, на эту девушку. Как она смиренно идет, будто по воздуху. И головку-то вниз, и руками-то не размахивает, и взор-то у нее только долу, долу. Знать, она часто ездит к Преподобному Сергию, думаете вы, вот здесь и научилась смирению. Только вы подумали так, как совершилось нечто невыразимое, неописуемое. Вы не верите своим глазам! Девушка уже с кем-то схватилась; думаете — лобзается? Нет. Она яростно дерется, ладно хоть не кричит, не ругается, не бранится, а молча, по-культурному. Но как она озлобилась, с какой ненавистью бьет старушку!.. Что же произошло? Да почти пустяк. Старушка укорила девушку, что она-де ходит в Лавру не молиться, а будто только покрасоваться. Девушка, как спичка, мигом вспыхнула и давай драться... А ведь она, кажется, еще и о монашестве мечтает!

Какой грязный поступок, какая некрасивая душа!

А вот другая девушка, да такая видная, красивая; ее, кажется, ударили по лицу, да еще оскорбили. Да, да, но что она делает? Утирается платочком, да как-то мило, по-младенчески улыбается. Может быть, она виновата в чем, раз не защищается? Нисколько. Но с каким смирением и кротостью переносит она клевету и нападки!

О тихая, смиренная, незлобная простота, как ты прекрасна, как высока пред Богом! Как ты украшаешь душу человеческую! А третий драгоценный цветочек — милосердие и воздержание.

...Как спешит богомолка в Лавру Сергия Преподобного! Как торопится! Смотрите, всё бегом, всё бегом и не пообедает как следует дома-то. И что же она делает дорогой? То схватит, другое схватит. А тут еще подвезли сласти и мороженое на тележке. «Свежее, свежее», — кричит румяная продавщица. И наша богомолка давай покупать, и тут же без молитвы, без крестного знамения всё это есть. Вот она уже в Лавре, подходит к церковным дверям. «Ради Христа, подайте», — слышится жалобный вопль калеки. «О, эти нищие да безногие, — бурчит недовольная «молитвенница», — все вы пьяницы да кутяги». Вот идет она вглубь храма, чтобы у Бога испросить себе милости и прощения грехов. «Да ведь надо свечечку взять», — думает она. Но в кармане пусто. Всё проела, всё потратила на сладости, и на свечку маленькую-премаленькую не осталось.

Спрашивается, могут такие поступки украсить душу? Нет. Не могут. А только обезобразят еще больше.

Кротость и молчание — четвертый цветочек, украшающий душу.

Вспомни, милый мой друг, о Матери Божией. Первыми же благодатными качествами, какими украшалась Ее пресвятая душа, были кротость и молчание. Какое это дивное сокровище для всякой христианской души, и особенно для души юной! Юности подобает молчание — говорит древняя народная пословица.

Но вот посмотрите вы на эту юную девицу. Она и красива, и образованна, и даже талантлива, прекрасно поет и читает церковное. Но как она болтлива! Она, кажется, и минуты помолчать не может или не хочет. Всё у нее хорошо, всё прекрасно, а кротости и молчания нет. Как малые капли дегтя портят целую бочку меда, так и болтливость портит все добродетели. Посмотрите вы, ведь эта талантливая певица даже на клиросе — во святом месте! — и там не может вести себя прилично. Она улыбается, крутится туда и сюда, как вертушка, а главное — нисколько, нисколько не молчит. Она знает, что молчание — золото. Она и желает, и хочет быть молчаливой, и даже дала на исповеди батюшке обещание, что будет стараться молчать. А вот на деле болтливость снова прорывается. И уж если кто делает ей замечание, так она готова вспылить и наговорить тысячу грубостей. Какой ужасный грех — многословие; какое прекрасное и благодатное украшение для души — кротость и молчание!

И терпение украшает душу. И рассуждение, и трудолюбие, и много-много других добродетелей христианских, которые, как живые цветы, вплетенные в венок добродетельной рукой, являются украшением души нашей. Как мы должны, мой милый друг, стараться, чтобы душа наша была красива, чтобы одежда ее сияла девственной белизной и не было бы на ней грязных и темных пятен.

Когда ты была совсем еще крошкой, то в водах таинства Крещения твоя милая душа омылась от первородного греха. О, как тогда ты была хороша, как прекрасна и чиста!

Но вот жизнь! Как она уродует наши души, как калечит! Оставляет на них пятна греха, язвы порока и всяких душевных болезней. И тем не менее мы должны всегда стремиться к лучшему — к истинному покаянию — и в слезах этого второго крещения очищать душу и украшать ее цветами добродетелей.

Монах Венедикт, в миру Василий Михайлович Залеткин, от юности своей стремился украшать свою душу добродетелями, хранил себя от всяких нечистых помыслов и недобрых дел. Вся его жизнь была постоянной борьбой с гордостью, высокоумием, стяжанием, нецеломудрием и всеми другими страстями. И в Лавру Преподобного Сергия он пришел с этой же целью.

Какой это был дивный монах! Настоящий, не то что мы теперь — только носим название монахов, а по делам своим совсем не монахи. А он был истинный монах.

Весь восемьдесят один год своей жизни он только и стремился к тому, чтобы исполнить свои монашеские обеты и угодить Христу.

Помню, что отец Венедикт в первое время исполнял послушание «за ящиком». Продавал свечи, просфоры богомольцам. Отвечал на разные вопросы. Ну, например, когда Пасха будет, сколько мясоеда в этом году. Но слышал он плохо и, когда совсем оглох, стал отвечать невпопад. Спросят его, когда Пасха, а он говорит про Рождество. Спросят у него просфорочку, а он подает самую большую свечку. Ему и денег-то не давали, а он дает сдачи. Вскоре отца Венедикта освободили от этого послушания. Он просто стоял за ящиком в уголочке, ничего не слышал, да и видел-то очень плохо, хотя очки у него были самые-самые сильные, с толстыми линзами.

Старец Венедикт с виду был худенький-прехуденький старчик, весь белый как лунь. Но в у нем, в этом изможденном постом и молитвою теле, горела пламенная любовь ко Христу Спасителю. Он сильно любил Господа и всегда носил Его в своем сердце. Он всё отдал для Него: детство, и юность, и все свои чувства и мысли и теперь не разлучался с Ним ни на одну минуту. Житейское море, бурное и опасное, он переплывал со Христом. Он знал, как страшно плыть без Христа Господа! Даже ученики Христовы, и те погибали без Христа в волнах бушующего

моря. Но как только они приняли Господа в свою лодку, море утихло, водворилась тишина.

Как страшно жить без Христа! Как опасно! Отец Венедикт знал это, и потому он никогда не разлучался с Господом, безгранично был предан Ему, любил Его и всё был готов отдать Ему. Старец Венедикт очень напоминал мне того мудреца, который тридцать три года искал Христа Спасителя, чтобы принести Ему свои дары — три драгоценных камня.

***

Это было в дни земной жизни Спасителя. Мудрец и звездочет Артабан угадал по звездам, что на Востоке родился новый Царь, Который должен принести спасение всему миру.

Артабан продал всё свое имущество и приобрел три драгоценных камня: рубин, смарагд и жемчуг. Затем он сел на коня и поспешил к условленному месту, чтобы вместе с другими мудрецами (волхвами) отправиться на Восток, так как звезда таинственная влекла их туда. Но вот в глухом лесу он почти наехал на человека, который лежал на дороге без сознания. Это был старый еврей, пораженный горячкой. Артабан сошел с коня и оказал старику помощь. Пока он приводил больного в чувство, рассвело. Артабан опоздал к месту сбора, волхвы уехали без него.

Старый еврей сказал ему: «Не скорби, сын мой, я читал, что новый Царь родится в Вифлееме; поезжай туда — и ты Его найдешь».

Артабан вернулся домой. Он продал один драгоценный камень и снарядил караван. Преодолев долгий путь по безводным пустыням, ранним утром он достиг Вифлеема. Слезы радости сияли в очах Артабана: сейчас он увидит новорожденного Царя и оставшиеся два драгоценных камня принесет Ему в дар.

Но что это за крики и вопли разносятся по Вифлеему и его окрестностям? Женщины с распущенными волоса-

ми, прижав к груди своих детей, бегут по улицам города. Суровые воины, настигая их, хватают младенцев и разбивают о камни. Артабан вбежал в один домик и увидел женщину с ребенком на руках. Она в ужасе и страхе за своего малютку закричала, обращаясь к мудрецу: «Спаси ребенка, и Бог тебя не оставит!» Волхв рванулся к двери — там уже стоял отряд воинов. Мудрец достал хранившийся у него на груди второй драгоценный камень и сунул начальнику. Тот, увидев сокровище, увлек своих воинов в другое место. Малютка остался жив, а мать упала к ногам Артабана и плакала от радости. Затем она рассказала мудрецу, что Мать нового Царя, недавно родившегося в Вифлееме, вместе с Ним бежала в Египет. Артабан зарыдал: «Опять я опоздал, — сказал он. — Вновь пойду искать Его».

Он долго-долго бродил по разным странам, ища Царя мира, но нигде не находил Его. За многие годы мудрец состарился. Волосы его побелели. Блеск очей потух. Стан его склонился к земле. Он всё искал и искал своего Царя, чтобы последний драгоценный камень отдать Ему.

Вот Артабан на улицах Иерусалима. Но куда сегодня спешит народ? Отчего все так возбуждены? Люди бегут за город смотреть на казнь. Там на Голгофе распинают Учителя из Вифлеема. И Артабан понял, что опять он опоздал. Он не мог дальше идти, сел на камень и горько заплакал. Всю жизнь он искал Его. Великое свое сокровище — три драгоценных камня — он готовил для Него, и вот теперь оставшийся, так долго хранимый камень Артабан не может принести Ему в дар.

Вдруг мудрец и волхв услышал крик о помощи. Воины вели молодую женщину-персиянку. Узнав по одежде земляка, она упала к ногам волхва и просила о помощи. Артабан достал последний камень и отдал воинам, выкупив пленницу.

В этот момент вокруг стало темно, как ночью. Солнце померкло среди белого дня, земля задрожала, камни полетели

из стен домов. Один из камней ударил Артабана по голове, и тот, обливаясь кровью, упал на землю. Освобожденная персиянка склонилась над ним. Луч солнца, пробившийся сквозь тучи, осветил лицо несчастного. Вдруг Артабан весь просиял, и уста его, запекшиеся кровью, произнесли: «Господи, когда же это я видел Тебя алчущим и жаждущим или в темнице и помог Тебе?» — «Что ты сделал малым сим, то сделал и Мне», — послышался тихий голос Спасителя. Лицо Артабана приняло блаженное выражение, он просветлел, последний раз вздохнул и... замер навеки.

Так дары, приготовленные Господу, отданные бедным и неимущим, принимает Сам Господь.

Подобно этому персидскому мудрецу, отец Венедикт все сокровища своей души отдал в жертву Господу. Он искал Его всю жизнь и нашел в Лавре Преподобного Сергия.

Любовь к Господу была главным качеством души отца Венедикта, а вторым его качеством была любовь к Преподобному Сергию. Сильно он любил авву Сергия и восхищался дивными чудесами и исцелениями, которые проистекали от святых его мощей.

***

Одна христианка, Ирина Жаринова, двадцать пять лет страдала параличом. Ноги ее совсем высохли, и муж оставил ее, немощную. На руках приползла она к Преподобному Сергию и здесь две недели молилась со слезами о помощи. 20 марта 1909 года у святой раки Преподобного Сергия она стала подниматься на руках, чтобы приложиться к святым мощам. В это время кости ее ног затрещали, жилы выровнялись, оживились, и она на глазах у народа свободно приложилась к святым мощам...

***

Параскева страдала мучительными болями в желудке и пояснице. Доктора признали Параскеву неисцелимой.

Она пишет открытку в Лавру Преподобного Сергия и просит за нее помолиться: «Прочтите мою открытку у Преподобного». И когда ее открытку получили и прочли и помолились, ей стало лучше. «Спасибо Сергию Преподобному и всем вам», — пишет она в благодарственном письме.

***

Девица Екатерина Грезенкова сильно заболела: свело ноги. Страдания были ужасные. Она молилась о помощи Преподобному Сергию. Во сне явился ей святой старец и говорит: «Будешь здорова, но не скоро, иначе скоро забудешь. Поезжай в мою Лавру». Однако родные не поверили Екатерине. Преподобный снова явился ей с Матерью Божией. «Жаль, что ты так страдаешь. Поезжай к Преподобному в Лавру, он исцелит тебя», — сказала Пречистая Дева. На этот раз поехали и несколько раз носили Екатерину в собор на доске. И вот последний молебен. Читают молитву Преподобному. Екатерина всё плачет. Вдруг она вздрогнула, ноги ее стали выправляться. «Я сама приложусь к Преподобному», — сказала она. На своих ногах подошла к раке и приложилась и плакала от радости, и народ, который здесь был, плакал.

***

Монах Иона пять лет молился об исцелении своей сухой руки и ставил свечи у раки Преподобного. В канун праздника обретения мощей Преподобного Сергия (5 июля ст. ст.) он особенно плакал и молился об исцелении. Придя в келию, заснул. Неожиданно проснулся и увидел, будто молния в окне засияла. Подошел к окну — небо чистое, ясное. Снова лег. Вдруг в келии воссиял яркий свет: стоит в ней сам Преподобный и смотрит на Иону. «Слышу, слышу, — сказал Преподобный, — твою молитву-то, вот и пришел к тебе». Затем он положил свою руку на плечо сухой руки и сказал: «Вот и всё, трудись». И стал невидим. Будто какая-то теплая струя потекла по сухим

тканям, и рука задвигалась и пополнела. Иона рассказал о своем чудесном исцелении наместнику архимандриту Антонию, а тот — митрополиту Филарету.

***

Девятнадцатилетняя девушка К. неловко упала с лестницы: сильное повреждение левого бедра. Операция неудачная. За ней вторая, третья, четвертая. Долгое время К. безвыходно пролежала в больнице, и наконец ее выписали как безнадежную. «Нет, я хочу жить», — сказала девица и поехала в Лавру Преподобного Сергия. Она помолилась у раки со святыми мощами. На двух костылях она прошла весь путь к источнику Преподобного Сергия, искупалась и вернулась домой. «Мама, ты мне дай палочку, а костыли-то возьми, я с палочкой пойду». Поставив костыль в угол, она потихоньку с одной палочкой стала ходить по хате. Через неделю она пришла к своему лечащему врачу. «Кто это вам такую успешную операцию сделал?» — воскликнул удивленный профессор. Девушка рассказала всё по порядку, как было. Профессор подумал, а потом сказал: «Если так, то иди и молись».

Ее видели недавно в святой обители. Она ходит свободно, без костылей и без палочки, только чуть-чуть прихрамывая на одну ногу (при операции эту ногу укоротили). Теперь болей никаких нет.

***

Высокий и худой мужчина на двух костылях приближался к Лавре. Это был отставной протоиерей, страдавший неизлечимой болезнью — туберкулезом костей. Он прожил в Лавре несколько суток. Его часто видели у мощей Преподобного, он молился, спрятавшись за колонну. Через четыре дня встречает его один знакомый брат из Лавры и удивляется, что священник совсем изменился. Радостный и восторженный, он говорит брату: «Мне стало значительно лучше». А через два дня он, простившись

с Лаврой, совершенно здоровый, уезжал домой, оставив в монастыре свои костыли.

***

Иустин был в обители Преподобного хорошим чтецом и певцом, но жил худо. Братия увещевали его исправиться, он обещал и никак не исправлялся. Да и сам он скорбел об этом. Однажды вечером он усердно помолился Преподобному Сергию и лег спать. В полночь проснулся от сильного света, который резал ему глаза. Открыв их, Иустин замер: пред ним стоял сам Преподобный! «Иустин, — сказал явившийся, — ты своим дарованием меня утешаешь, а поведением сильно оскорбляешь. Исправься, и если не сладишь с собой, то читай Царице Небесной акафист ежедневно», — сказал и скрылся. Заплакал Иустин, как ребенок, ведь сам Преподобный заботился о нем. Стал ежедневно читать акафист Матери Божией и исправился.

***

Возвратившись домой в Новочеркасск, Елизавета привезла с собой от Преподобного пузыречек масла. В Новочеркасске в храме подходит к ней болезненного вида женщина. «Нет ли чего у тебя от Преподобного?» — спрашивает она. — «Есть, вот маслице». Больная взяла, перекрестилась и всё сразу выпила, поблагодарила и ушла. Елизавета не видела эту женщину около двух месяцев. «Умерла, наверное, — думает Елисавета. — Целый пузыречек масла выпила натощак, знамо, умерла». В храме к ней снова подходит женщина — полная, солидная. «Спасибо вам», — кланяется она. — «За что?» — «Вы меня не узнаете? А помните, вы дали мне масло-то от Преподобного Сергия, я выпила, и вот...»

***

Дмитрий Иванович Королев болен: беснование.

Однажды ночью он слышит голос: «Ты уже был у Преподобного Сергия, поезжай еще и получишь помощь».

Дмитрий Иванович усомнился в пользе: два раза был, а толку мало, почти никакого, а тут еще ехать. Но всё-таки снова поехал, поисповедовался, причастился. Домой вернулся сияющим и больше никогда не болел.

***

У Анны Д. из Кисловодска заболела голова. Боль с каждым днем усиливалась. Лечили, предлагали операцию — отказалась. Ее охватило отчаяние при мысли о близости смерти. В Лавру поехал помолиться ее знакомый священник отец Петр. Анна собиралась с ним, но по болезни не смогла. Он вернулся и привез ей маслица. Помолилась, помазала голову и почувствовала облегчение — «как бы кто с усилием передвинул болезнь со лба вверх» (ее слова). Теперь она работает уже несколько лет, никакой боли в голове не чувствует.

***

«Преподобный Сергий, помоги», — плакала ночью молодая женщина. Утомившись, она заснула. Вот видит, что подходит к ней старец, знакомый-презнакомый. «Что, детка, трудно тебе? Я всё знаю, еще потерпи». Ей стало необыкновенно легко, она проснулась с облегченным сердцем.

В другой раз ночью ее сильно бил диавол, бил по всему телу. От ударов она проснулась. Когда хотела прочесть молитву, он ударил ее по устам. И потом несколько дней она чувствовала боль в передних зубах. Стала класть под голову Святое Евангелие — враг мудровать перестал.

***

Старушка приехала в Лавру и привезла кусок домотканого холста. «Это Преподобному», — подавая, сказала она служащему иеромонаху. «Зачем ему такое?» — грубо ответил тот и не взял. Старушка вышла из собора и плачет. Ткала-ткала, везла-везла, а он не берет. Подходит к ней старчик и говорит: «Не плачь, бабуся, он не берет — я возьму». Взяв полотно, он дал ей деньги. Утром игумен на братском

молебне стал открывать мощи. Крышка не открывалась. Подошли двое, трое, — как прибитая! Стали молиться, просить самого Преподобного. Открыли, а там что? На мощах — кусок холста, который старушка ткала, ткала и Преподобному отдала. Монах не взял — Преподобный взял.

***

Девятнадцать лет юноша ползал на коленях. Юноша — и всю жизнь на коленях! Какой ужас! Он плакал у раки Преподобного Сергия. Подняли его приложиться, а он вдруг встал на свои ноги и пошел, и кожи бросил, на которых прежде ползал. Мужчина и женщина из его деревни заверяли, что он действительно всю жизнь так ползал, а как теперь ходит, они не знают. Это было в Великую Пятницу. А в другую Великую Пятницу — другой безногий получил исцеление. Накануне, в четверг, ему стало полегче, а в Великую Пятницу он уже бегал на своих ногах.

***

Юноша-раскольник каждый день делал по шестисот поклонов. Он болел непонятной болезнью, никто не мог его исцелить. «Даром что ты много молишься, а всё без толку, — говорили ему. — Ходи лучше в православные церкви, к Сергию Преподобному...» Юноша-раскольник приехал в Лавру, исповедовался, причастился, выучился Символу веры, сложению перстов по-православному. Теперь он здоров и благодарит Бога и Сергия Преподобного.

***

Иеродиакон Варлаам ходит как в каком-то забвении. «Однажды, — говорит, — я побывал в вечности. Был в небесной обители Преподобного Сергия и снова туда собираюсь. Там видел церковь, а в ней братию. Но Преподобного не видел. Нельзя. Пели очень хорошо. Хотел узнать кого-нибудь из братии, но все они по виду были одних лет, и лица не разные. Мне сказали: “По земным приметам здесь не узнают.

Впрочем, мы жили, — сказали они, — в одно время с Преподобным. Это, по-вашему, четыреста лет назад". Ангел вострубил к службе, да так шумно, что сильнее в несколько раз царя-колокола, что самый большой в Лавре. На вопрос, почему в церкви нет оконец, мне сказали: "Здесь ни ветра, ни стужи, ни тьмы нет, и оконец не нужно"».

Как звездочки, сияющие на высоком небе, так чудеса Преподобного Сергия неисчислимы.

Отец Венедикт, пока его глаза еще видели, всегда с глубоким увлечением читал про чудеса Сергия Преподобного. Читает и плачет, а потом расскажет другим. В последние свои дни он совсем стал плох: ходил, еле двигаясь, и всё натыкался на углы и заборы. Жил он один в маленькой келейке. По ночам он не спал и очень беспокоил своих братий, блуждая темной тенью по коридору, шаркая босыми ногами и шаря руками по стенам и дверям, или шумел в своей келии, не давая спать другим. Старчик ничего не ел и был худенький, щупленький. Причащали его Святых Таин — он только этим и жил. После Причастия всегда успокаивался, был тихий, светлый, радостный.

Пока образ его жив в нашей памяти, мне хочется вспомнить об одном его хорошем качестве: он очень любил молиться об усопших. И какая это великая добродетель! Какое спасительное дело для каждого христианина!

***

Игумен Сергий умер в 1963 году молодым, всего тридцати двух лет. Раньше учился в Московской духовной академии, был ризничим, потом заболел, поехал в один город к знакомым, там лечился разными лекарствами, а вскоре и умер. И вот видит одна монахиня страшный сон: будто черные кошки с красными глазами скребут большими когтями ноги игумена. В другой раз видит: он во мраке непроницаемом страдает. Стали сильно за него молиться, подавать милостыню, поминать на проскомидии. Спустя

небольшое время знавшая его старушка видит сон: отец Сергий служит. На нем сияющая одежда. Вот он повернулся к народу, на его руках дивный образ Матери Божией. Кругом — свет, сияние, благоухание...

***

В шесть часов утра в двери комнаты, где жила одна женщина-врач, постучали. Вошла незнакомка в черном платье. Вся фигура ее была точно окутана вуалью. Кошка, что сидела на стуле, грозно заворчала, выгнула спину, и шерсть на ней поднялась. Через некоторое время доктор узнала, что ее близкая подруга в ту минуту скоропостижно скончалась далеко в Индии, и вот теперь пришла напомнить о себе, чтобы за нее помолились.

***

Старая монахиня вернулась с Пасхальной заутрени и легла немного отдохнуть. В комнате никого не было, дверь — на крючке. Вдруг у самого изголовья постели раздался женский плач. Монахиня вздрогнула; боясь открыть глаза и пошевелиться, она спросила: «Кто здесь и что вам нужно? Это ты, Екатерина?» Монахиня подумала, что это призрак сестры, недавно погибшей при железнодорожном крушении. «Нет, я не Екатерина, а Мария, — раздался ответный голос. — Помолись за меня на Божественной службе». И плач еще более усилился. Монахиня обещала, после чего в комнате водворилась тишина.

Сколько история знает подобных поразительных случаев, когда души умерших, возвращаясь на землю, просят у нас, живущих, помощи! И скажи, мой милый друг, как за них не помолиться? Как за них не поплакать пред Богом?

Отец Венедикт до самой последней минуты своей земной жизни молился об усопших. Он их поминал на проскомидии, а когда была копеечка в кармане, подавал нищим. За это Господь удостоил его тихой блаженной кон-

чины, вечного покоя в небесной обители Преподобного Сергия. Прекрасная его душа, как благоухающий цветок, нашла себе место в горнем вертограде небесного рая.

За его простоту, постоянную борьбу с грехами, за его целомудрие и чистоту, за его милосердие к живым и мертвым Господь удостоил его безболезненного перехода в вечность. Тихая смерть была наградой за святую жизнь отца Венедикта. В памяти братии святой Лавры он живет и поныне. И мы верим, что старец Венедикт и там, в горних обителях Сергия Преподобного, еще более украшает свою бессмертную душу.

Не забудь же нас, тихий и кроткий наш брат и отец. Молись за нас пред престолом Святой Троицы, чтобы нам в нашем земном странствии с каждым днем и часом украшать свою душу, очищать ее от грехов. Дабы и мы под молитвенным кровом Преподобного Сергия окрылились духом, возмужали сердцем и уготовили себя к переходу в иную — вечную — жизнь.

Вот и всё, конец, и слава Богу.

ПОД БЛАГОДАТЬЮ

Монах Мелетий
(Михаил Кириллович Рукосуев)
(1884–1959)

Духа Пресвятаго храм, отче, был еси, и жизненных вод река исполняема.

Канон Преподобному Сергию Радонежскому

Если ты, мой милый друг, хочешь быть счастливым, хочешь быть мирным и благополучным, то я открою тебе одно условие, без которого ты не можешь быть ни счастливым, ни мирным, ни радостным, ни благополучным.

Какое же это условие, спросишь ты? Но я прошу тебя набраться терпения, а потом рассуждения.

Вот больная магометанка (а магометане — это не христиане, они вместо Христа почитают Магомета). Приходит врач и видит страшную картину: сидит на кровати женщина и в ее сверкающих огнем глазах — страшная мука и отчаяние, в руках она держит ножницы и хочет ими проколоть себе живот. Подоспевшие муж и врач спасли несчастную и уложили в постель. Ее шестнадцатилетняя дочь спрашивает: «Доктор, это бесы мучают ее?» — «Да, это они». — «Мать мне говорила, — продолжала девушка, — что к ней ночью приходят какие-то черные люди и истязают ее». — «Ах, так, — спохватился доктор, который был христианином, — тогда вот что сделаешь. Когда ее будут мучить бесы, то ты положи ей на грудь это Святое Евангелие». Ночью у женщины случился страшный приступ боли. Она горит, как в огне, и рвется к ножу, чтобы зарезать себя. Девочка подбежала и, как велел ей доктор, положила на грудь больной матери Святое Евангелие. Больная сильно вздрогнула и... утихла. С той поры бесы оставили ее. Она крестилась и стала жить христианкой.

Вот теперь понимаешь ты, моя милая душа, что за условие твоей счастливой и мирной жизни? Для того чтобы жизнь твоя текла, как тихая полноводная река, чтобы она была правильной и спасительной, тебе надо жить постоянно — и день, и ночь, и час, и минуту — под Благодатью Божией.

О, какое это счастье, какое богатство! Какое обретение — постоянно жить и спасаться под благодатью! А знаешь ли ты, что такое благодать? Вот и это понятие надо тебе растолковать. Благодать — это сила Божия, которая спасает человека от всех грехов, опасностей, несчастий. Идешь ли ты куда или едешь, днем или ночью, в бурю или непогоду, одна или с людьми, в лесу или в пустыне, на опасном пути, где змеи и скорпионы, звери и хищные птицы, — где бы ты ни была, благодать Божия — сила

Божия — тебя хранит, оберегает, покрывает, а при нападении врагов видимых и невидимых — защищает.

Когда ты была совсем еще малюткой, как берегла тебя твоя родная мать! Как она хранила тебя от всего опасного, страшного, болезненного! И когда ты заболевала или какие обидчики оскорбляли тебя, то как родная мама о тебе хлопотала, как она заботилась и защищала тебя от этих обидчиков! А когда ты скорбела и унывала, то мамочка брала тебя на ручки или сажала на коленочки, прижимала тебя к своей материнской груди, и тебе становилось хорошо-хорошо, и отрадно, и весело, и радостно.

О детство, о святое невинное детство, кто о тебе теперь не пожалеет! Кто не вспомнит с умилением и радостью!

Правда, бывает и детство безотрадное, сиротское, мучительное, когда дитя или не любимо своей родной мамой, или совсем осталось одиноким, без матери: умерла она, оставив свою детку страдать на белом свете. Это несчастное детство, сиротское. Не дай, Господь, никому такого детства! Несчастное детство кладет печать уныния на всю жизнь человека.

Но всё-таки детство — самое отрадное время. Особенно если дитя окружено нежной материнской любовью.

Вот точно так же и живет человек под благодатию Божией. Благодать Божия как бы заменяет родную мать. Как в младенчестве и отрочестве хранит ребенка материнская любовь, так всю жизнь человека хранит благодать Божия. Она и хранит, и утешает, и бодрит, и вразумляет — ведет человека по правильному пути и в болезнях исцеляет его. Главная цель благодати Божией — вести человека ко спасению и вечной жизни.

Вот и все наши святые, преподобные, праведные стремились оградить себя этой благодатью Божией, старались не оскорбить благодать грехами. Как пчелка боится дыма и улетает, унося с собой сладкий мед, так и благодать Божия, встречая смрад греха, отходит от человека, лишая его сладости духовного утешения. Потому святые отцы

и учат нас, чтобы мы не оскорбляли благодать Божию своими грехами, смрадом греховным не отгоняли ее от себя.

Как часто человек жалуется, что трудно ему спасаться, трудно переносить скорби, бороться с бесами, достигать мира в семье и в отношениях с другими людьми. Много, много у него всяких трудностей на пути спасения. И увеличиваются они тогда, когда от нас отходит благодать Божия и мы остаемся один на один со своими немощами и грехами. Бывает даже так, что человек, лишившись благодати Божией, доходит до крайности, до отчаяния. Ему ничто не мило. Ничто не любо. Он считает себя ненужным, лишним человеком на земле. Он просто и жить не хочет. Так и погибает...

Да, самое страшное, когда отступает благодать Божия от человека. Тогда приступает к нему сатана, которому открывается доступ к душе и который ищет ее погубить. Раз благодати нет около человека, тогда около него враг-губитель.

Кроме того, если с человеком благодать Божия, то с ним неотступно бывает и Ангел Хранитель, который также хранит человека во всех путях его жизни. Даже если человек и согрешает, оскорбляет Бога, Матерь Божию и всех святых, то и тогда Ангел Хранитель не оставляет человека, но только отдаляется от него. Бесы же приближаются к человеку, и когда они хотят погубить человека, то Ангел Хранитель подлетает и отгоняет их.

Очень хорошо спасаться человеку, когда с ним благодать Божия и Ангел Хранитель! А когда нет ни благодати, ни Ангела Хранителя, тогда вообще спастись невозможно, и человек погибает.

О милый мой брат или сестра, как бы я желал от всей души, чтобы с тобой в жизни всегда были благодать Божия и Ангел Хранитель! С ними ты всё перенесешь, легко всё перетерпишь, легко решишь любой трудный вопрос жизни. Ты безбедно переплывешь с этими кормчими бурное и опасное житейское море.

Я не только хочу, чтобы ты, милая душа, была в благодати и с Ангелом Хранителем, но я молю Бога моего, слезно молю, чтобы Всесильный Бог Господь наш Иисус Христос никогда от тебя не отнимал благодать Свою и Ангела Хранителя, но чтобы они всегда были с тобой, охраняя твою милую душу на всех путях этой опасной жизни.

Святая Православная Церковь наша учит, что благодать, а также и Ангел Хранитель даются человеку при Крещении, то есть тогда, когда нас крестили, дали нам имя и надели на нас крестик святой. Вот с этого момента благодать Божия нас стала покрывать, а Ангел Хранитель — охранять.

Хочешь видеть наглядно, как страшно жить без покрова благодати Божией, когда каждую минуту ожидает человека гибель?

***

Накануне Прощеного воскресенья некая генеральша устраивала блестящий бал. Все барышни были в восторге. Но одна почтенная дама предупредила генеральшу: «В этот день читается Евангелие о Страшном Суде». — «Полно вам, сударыня, — ответила та, — повеселимся, а там что будет». Стали веселиться. Зал сияет огнями. Танцы, смех, улыбки, песни и прочее. Одна барышня, подавая руку кавалеру, задела канделябр. Воздушное платье ее вспыхнуло и запылало огнем. Обезумевшая от страха барышня пустилась бегать по залу, зажигая собою всех остальных. Веселье сменилось криками, воплями, плачем, смятением... Горящие люди выбегали на двор, бросались в снег. Когда приехавшие пожарные затушили огонь, то в зале и во дворе остались десятки жертв — задавленные, сгоревшие, замерзшие. А после и другие от травм умирали...

***

Недостойный священник не подготовился к Божественной литургии и пришел совершать проскомидию.

Он облачился и трижды пытался приступить к священному жертвеннику, чтобы начать священнодействие. И как только он подходил к жертвеннику, силы оставляли его, руки опускались, и он не мог ничего делать. Тогда он садился на стул и долго сидел. Собравшись с силами, он снова подходил к жертвеннику, но повторялось то же самое. Чтец ждет возгласа — читать часы, а священник ничего не может поделать. Вошли в алтарь, а он сидит. «Не могу, — говорит, — сил нет». Это наказание Господне за небрежение к божественной службе.

***

Женщина, рассказывая этот случай, заливалась слезами. Ее родной единственный сын, когда был маленький, так любил молиться, стоять на коленочках, кланяться в землю! Когда же он вырос, стал гулять, драться, сквернословить, ходил мрачный, как черная туча, ни с кем не ладил... Два дня назад, говорила мать, сын сильно напился. Всех ругал, гонял по хате, а того, кто попадался ему под руку, бил чем попало. Подойдя к иконам, стал над ними издеваться, смеяться, хулить их. И было в этом что-то ужасное. Мать молчала и тихо молилась Богу. Жена и дети в страхе разбежались по углам. А когда рано утром пошли за водой на колодезь, то нашли его там — утопился.

***

Александр Ф. был уже стариком под восемьдесят лет. Сорок пять лет он не был в церкви и не причащался. Духовные книги терпеть не мог, ну просто не выносил. «Всё это бред и суеверие», — смеясь, говорил он.

— Александр Ф., а вы бы причастились хоть еще раз в жизни, ведь старик уже, — говорила ему доброжелательная соседка.

— О нет, я знаю, что всё это бабьи выдумки и нет в этом никакой пользы и радости. Вся радость — на земле, а «там»... какая «там» радость?

Накануне праздника Введения во храм Божией Матери, уже под вечер, он пошел в сарай, закрылся там и долго-долго оттуда не выходил... А когда пошли звать его, он висел на веревке. А ведь такую долгую жизнь прожил!

Ох, как страшно жить без благодати! Особенно опасно оставаться без этой защиты Божией, когда на нас нападают какие-либо страсти: гнев, злоба, нечистота, уныние, хула, объядение и всякие другие. А как же трудно и страшно без благодати, когда нас обуревают скорби! Как морские волны, гонимые бурей, болезни, скорби, разные злоключения обрушиваются на бедную душу человека. Попробуйте перенести их без благодати Божией! Захлестнет, сокрушит ураган жизни — и погибнет душа в пучине бурного моря...

Что же нам делать, чтобы благодать Божия и Ангел Хранитель всегда были с нами?

Надо стараться не оскорблять их грехами, внимательно следить за собой, сохраняясь от всякого зловония греховного. Надо лучше молиться и постоянно просить у Господа милости, чтобы Он не отнимал от нас благодать. А главное — надо смиряться, чтобы благодать Божия пребывала в смиренном сердце.

Бог гордым противится, а смиренным дает благодать (Иак. 4, 6). Вот когда мы будем себя вести смиренно, кротко, молчаливо, тогда и предметы благодатные будут помогать нам. Например, крестик на груди будет сохранять нас от бесов; поясочек с написанной на нем молитвой, иконочка маленькая, крестное знамение, благоговейно положенное на груди, — всё это будет помогать нам в жизненных трудностях и сохранять наши души от бесовских искушений.

Но бывает и так, что мы своими грехами оскорбляем благодать Божию, отгоняем от себя Ангела Хранителя. И нет ничего страшнее на свете, чем это состояние. Нет ничего ужаснее, чем лишиться этой Божественной охра-

ны. Но как мы ни стараемся хранить себя, а всё-таки падаем, претыкаемся, а иногда и проваливаемся, как путник под лед, в холодную пучину.

Что же нам тогда делать? Как вернуть благодать Божию и приблизить к себе Ангела Хранителя?

Покаянием. Только слезным раскаянием и плачем о грехах своих можно вернуться снова под благодать Божию.

Но тут к одному нашему горю прибавляется другое. Согрешаем — первое горе. Каяться не умеем — второе горе. Если же мы умеем так много грешить, то надо уметь и каяться.

Как же, спросишь ты, научиться каяться?

А вот слушай. Наши святые отцы учат нас каяться так, чтобы покаяние смывало всю нечисть наших грехов. Как написанное мелом на доске стирается мокрой тряпицей, так грехи наши должны стираться слезами покаяния. Когда ты идешь каяться — смирись, со всеми примирись, всех прости, нищих угости, пост сохрани, поклоны умножь. Вспомни все свои прошлые грехи, которые еще не исповеданы перед духовником. Поплачь на исповеди, если сумеешь, а если нет, то осуди себя за холодность и бесчувственность. Получая разрешение от духовника, дай твердое обещание впредь сохранить себя по возможности от грехов, в которых покаялась. И потом, благодаря Бога, иди причащаться Святых Христовых Таин. Перед самой Святой Чашей враг напомнит тебе забытые грехи — не смущайся, тем более не отступай назад, а подходи со смирением к Причащению, в надежде на милость Божию. А когда Господь сподобит тебя причаститься Святых Таин, тогда храни их дольше в своем сердце, и ты будешь под благодатью.

Какое это счастье для души человеческой, какое сокровище — быть всегда под благодатью Божией!

Отец Мелетий, в миру Михаил Кириллович Рукосуев, всю свою долгую семидесятитрехлетнюю жизнь стремился жить под благодатью. Его мечтой было угодить Госпо-

ду смирением и добрыми делами и навсегда приблизить к себе благодать Божию.

Уже пожилым человеком он пришел в Лавру Сергия Преподобного. Это было в сороковых годах, весной. Природа снимала с себя холодный зимний покров, бурные вешние воды омывали землю, уносясь в безбрежное море.

В поздний вечерний час во святых вратах обители Сергия Преподобного появился неизвестный человек. Он, видимо, желал что-то спросить, о чем-то узнать. Подвернувшийся монах показал ему рукой в направлении проходной. Здесь незнакомец имел беседу с отцом благочинным, а через два дня он уже был зачислен в состав братии Преподобного Сергия.

Внешний вид этого человека был весьма неопределенный: трудно было понять, кто он такой — из духовных или из мирских, городской или деревенский. Всё-таки он был похож на мужичка из далекой российской деревни. Неизвестно где — или на войне, или в мирном труде — он потерял глаз и теперь был с одним глазом. Среднего роста, сутуловатый, плотного сложения, он сразу включился в монастырскую жизнь.

Первое время Михаил Кириллович был портным в Лавре. Для братии он шил разные одежды: рясы, подрясники, мантии, полумантии, даже клобуки и скуфейки. Портной он был не очень хороший, но шил всё, что попросят. Вот, например, мне он сшил легкую мантию, которую я долго хранил как память...

Через полгода, а может, и меньше, его постригли в мантию. Он стал называться монахом Мелетием и выполнял первое время всё то же послушание портного, а затем его послали на просфорню. Он и там хорошо вел свое дело. Был на кухне поваром. И это послушание нес аккуратно. Последнее послушание его — трапезничим в братской трапезе: когда братия приходили обедать или ужинать, он разносил пищу. Но вот трапезничим он был неважным, потому что был уже в летах и ходить ему было трудно.

Да к тому же и вообще он никогда не спешил. Но ничего, кормил досыта. Никто не обижался. А в свободные от трапезной часы он шил кой-чего, хотя в монастыре и был уже другой портной — отец Гавриил, иеромонах. Отец Мелетий ему помогал.

Внутренняя жизнь отца Мелетия была большой тайной. Его мало видели молящимся, как мы обычно привыкли это понимать. Внешней молитвы, например земных поклонов и прочего, у отца Мелетия не наблюдалось. Он молился сокровенной молитвой, тайной, внутренней. В храме его видели чаще всего за ящиком, где он просто стоял, а иногда помогал продавать просфорочки и свечи. Но главным его послушанием в храме было ходить со сбором (мытарь, как у нас называют) — то есть надо было пройти по рядам с тарелочкой, и кто из прихожан сколько денег положит на нужды храма, на украшение и прочее — всё это собранное принести за ящик. Одним словом, занятие такое несложное, немудрое, но отец Мелетий выполнял его образцово и аккуратно.

Выполняя всякое послушание, отец Мелетий был всегда сдержанным, углубленным, сосредоточенным. Видно было, что он постоянно внутренне занят чем-то важным, серьезным. Как потом открылось, отец Мелетий усердно хранил свой ум и сердце от всего греховного и ходил всегда под благодатью.

В нашей жизни большим недостатком, и даже врагом, является то, что мы не имеем ровного, мирного настроения. То у нас на душе весело, то скорбно, то у нас светлое настроение, то мрачное. То нам хочется поделиться с кем-нибудь любовью, то мы никого видеть не хотим, то у нас в душе благодать и мысли светлые, то вдруг всё это улетает, и мы делаемся пустыми, то мы чувствуем себя свободно, а то стесненно: подступят помыслы греховные, борьба откроется внутренняя. Такое непостоянство, неровность всегда наблюдаются в душе человека. И главная причина такой «волнистой» жизни — отсутствие благодати Божией, когда мы

остаемся наедине с собой, и нас, как маленькую щепку, бросает по волнам искушений. Вот точно так бывает в природе: то ветер, то тишина, то даже грозная буря разразится, то всё утихнет, солнце просияет, то опять всё затмится. Как трудно в такую погоду плыть одинокому пловцу по неспокойным волнам моря! Нужен опытный кормчий, чтобы правильно держать путь. Вот этот кормчий и есть благодать Божия.

Хочешь видеть, мой любезный друг, как люди спасаются под лучами благодати Божией?

***

Старец Сергий глубокой ночью слезно молится о своих учениках. Он просит Царицу Небесную, чтобы Она, как при жизни его, так и по смерти, охраняла его духовных чад. В сильных волнах старческой молитвы засияли лучи горнего света. «Се, Пречистая грядет», — раздался голос небожителя. И старец ясно увидел, как к нему идет Сама Пречистая Дева с апостолами Петром и Иоанном.

«Старчик Божий, услышана молитва твоя. Как при тебе, так и после Я буду пещись о учениках твоих и не оставлю их», — сказала Она коленопреклоненному Сергию. Тихий свет и дивное благоухание наполнили убогую келию. И долго-долго после этого на устах угодника Божия играла тихая блаженная улыбка.

***

Женщина шла глухим и темным лесом. Жуткое предчувствие тяготило ее сердце. Чтобы укрепиться душой, она читала тайную молитву. Вдруг со стороны леса раздались крики и призыв о помощи. Она сняла с себя иконку преподобного Серафима и перекрестила ею ту сторону, откуда раздавались крики. Всё мгновенно стихло. Пройдя дальше, женщина увидела повозку, на которой сидели двое связанных людей. Они рассказали, что на них напали разбойники, связали и хотели убить, но неожиданно, чего-то перепугавшись, пустились бежать.

Потом, позднее, будучи пойманы, эти разбойники признались, что в тот момент, как они хотели покончить с жертвами, вдруг увидели: из леса выбежал согбенный старичок в белом балахоне и измятой камилавке на главе, а за ним бежала и кричала толпа народа с палками и кольями...

***

У знатной дамы из Сарова открылась тяжелая болезнь горла. Голос пропал. Говорить было совершенно невозможно. Даже дышать трудно. И пища не проходила, только по нескольку капель святой водички употребляла больная. Сидит ночью на кровати, обложенная подушками, и плачет. Тихо светит лампада у святых образов... Неожиданно открывается дверь, входит седенький старичок, тихо, как бы по воздуху, подходит к болящей и, благословляя ее, говорит: «Простая, добросердечная», — и сразу вышел. В ту же минуту больная громко вскрикнула: «Старец Божий, скажи мне еще что-нибудь!» Этот шум разбудил прислугу и домашних. Больная рассказала им, что к ней ночью приходил батюшка Серафим, благословил ее, и у нее пропала разом вся болезнь, появился голос, и она стала, как раньше, здоровой.

***

В ночь на Страстную Пятницу слепая девица видит сон. Идет к ней старенькая женщина, вся в белом, на голове — веночек, и говорит: «Как хорошо, что ты молишься за Елизавету!» Следом за женщиной подходит старичок с небольшой бородкой. Он кладет свою руку на плечо слепой девушки и говорит: «Хорошо, что молишься за Елизавету, но еще молись за Феодора и Наталию. Да не ропщи, что ты спелая. А только молись, молись».

Утром к этой девице приходит ее знакомая по имени Елизавета; слепая рассказывает ей свой сон и спрашивает: «А ты не знаешь, кто это такие — Феодор и Наталия?» Елизавета ужаснулась: Феодор и Наталия были ее собственные родители, а слепая девица совсем их не знала. Умилилась

Елизавета сердцем, что Господь печется не только о ней, но и о ее родителях. Слепая описала старушку, которая приходила к ней ночью, и Елизавета узнала в ее облике умершую мать семьи, где она теперь живет и которой помогает, — Матрону. А в старчике — Преподобного Сергия, который также печется об этой семье. Дивны дела Божии!

***

Это было в городе Иванове. Девушка Л. шла темной ночью одна по пустым улицам на окраине города. Ей было очень страшно. Повернув за угол, она почти столкнулась с высоким мужчиной с собакой на веревке. Он рванулся к девушке с явным намерением оскорбить ее... «Матерь Божия, спаси!» — взмолилась Л. В этот миг собака забегала, как волчок, вокруг мужчины и замотала его ноги веревкой так, что когда он хотел шагнуть, то упал, как сноп, на землю. Девушка пустилась бежать и скрылась в соседней улице.

***

В дни минувшей войны один солдат, военный водитель, ехал на автомашине, вез снаряды на передовую. Подъезжая к городку Ченстохову (дело было в Польше), он стал подниматься на своем газике по горной дороге. Когда он достиг уже середины подъема, то вдруг увидел, что шедшая впереди огромная, как вагон, машина, на которой был целый госпиталь — раненые и обслуживающий персонал, — скатывается обратно под гору и на полном ходу приближается к газику. Дорога была очень узкая, по бокам ее — маленькие дорожные столбики, а за ними налево и направо — пропасти. Солдат не успел опомниться, как эта громада налетела, перевернула его газик, сдавила, изуродовала, превратила в кучу железа. Притормозив раздавленной машиной о камни, вагон-госпиталь остановился у самой пропасти. Шофера изувеченной машины нашли невредимым. Только лицо было поцарапано

разбитым стеклом. Все поражались: как он мог остаться живым и целым! Но дело в том, что в кармане своей гимнастерки он хранил маленькую икону Казанской Божией Матери — благословение родителей.

В другой раз он вез командира на небольшой быстроходной машине. Светало, и туман застилал дорогу. Машина неслась полным ходом. Вдруг — он скорее почувствовал, чем услышал — какой-то голос стал говорить ему: «Сбавь ход, потише, потише, дай самый тихий». Водитель невольно сбросил газ, притормозил и... замер от страха: перед самыми колесами машины зияла мрачная пропасть. Он сдал назад и вышел из кабины: впереди взорван огромный мост. Пропасть была так обширна и глубока, что вызывала головокружение. Присмотревшись вниз, он увидел там, на дне, слабые очертания разбившихся автомашин, которые с полного хода низринулись в пропасть. Туда была и его дорога... Но в кармане его гимнастерки лежала маленькая иконочка...

***

Пятнадцатилетняя девушка от рождения имела расслабленное тело. Ее донимали невыносимые боли, ломоты. Врач наложил повязки на ее сочленения. Руками она чуть-чуть владела. Находясь так в постели, она молилась на передний уголок, где были святые иконы и пред ними мерцал тихий свет лампады. «Матерь Божия, как мне тяжело, как мне горько!» — молилась девица. Вдруг она, обращаясь к тете, сказала: «Тетя, а что образ такой темный, надо его почистить к празднику-то». Тетя сняла ризу с иконы Божией Матери. «Дай я подержу иконку», — попросила девушка, взяла икону и как могла крепко прижала к груди. И вдруг сильно вскрикнула. Сбежались семейные, смотрят: она, как пласт лежавшая в постели пятнадцать лет, стоит на своих ногах. «Тетя, маменька, я здорова, совсем, совсем здорова!» А сама плачет.

***

На берегу моря стояла святая обитель. Накануне Пасхи разразилась страшная буря, которая настигла в море рыбаков на лодках. «Братцы, — сквозь свист ветра кричит рыбак Петр, — ведь мы погибаем! В самую пасхальную ночь помолимся, как можно!» Каждый стал призывать на помощь воскресшего Господа. Вдруг слышат звон. Не буря ли это воет, не волны ли ревут?..

В это время на берегу брат рыбака Петра Алексей изо всех сил звонил на колокольне. «Господи, они там гибнут, — молитвенно шептал Алексей, — сделай так, чтобы они услышали и на звон выбрались бы из пучины! Там брат Петр, Господи...»

Из обители люди пошли с крестным ходом на скалистый берег. Волны ревут, ударяясь о скалы, брызги соленой воды обжигают лицо. «Христос воскресе», — кричит во мрак бури служащий архимандрит. «Воистину воскресе», — отвечают с моря из мрака ночи. Боже ты мой, что же это такое? Грозная буря отвечает, что ли, или утопленники-рыбаки? Заглянули под скалы — а там они, рыбаки, живые, еще борются с волнами. Приплыли на звон пасхальный. Люди бросились на помощь несчастным: кто канат, кто веревку, кто доски бросает им. Вытащили на берег. «Петя!» — «Алеша!» — и братья обнялись с радостным плачем. «Христос воскресе!» — «Воистину воскресе!»

Эти случаи со всей очевидностью показывают, как хорошо быть человеку под благодатью Божией. Как надежно, как отрадно и спасительно!

Постоянно борясь с грехами и очищая душу слезами покаяния, человек как бы закрепляет за собой благодать Божию. Он, можно сказать, усваивает эту силу Божию, приближая к себе Господа и Ангела Хранителя. Такое постоянное Божественное окормление дает человеку великое счастье, благодатную тишину, умиротворенность, духовную удовлетворенность, чистоту мыслей и радость в сердце.

***

Рассказывают, что батюшка Серафим Саровский всегда был под благодатью Божией. Однажды холодной зимой он беседовал со своим почитателем Н. А. Мотовиловым на заснеженной лесной поляне. Батюшка Серафим поучал его, как жить в Духе Божием. Он взял Мотовилова весьма крепко за плечи и сказал ему:

— Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божием с тобою!.. Что же ты не смотришь на меня?

Мотовилов отвечал:

— Не могу, батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли!..

А батюшка снова спрашивает:

— Что же чувствуешь ты теперь?

— Необыкновенно хорошо!.. Чувствую я такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу!

— Что же еще ты чувствуешь? — снова спрашивает отец Серафим.

— Необыкновенную сладость!

— А сейчас что ты чувствуешь? — спрашивает батюшка Серафим третий раз.

— Несказанную радость чувствую в сердце, теплоту необыкновенную, — прошептал Мотовилов.

И во всё время беседы этой с того времени, как лицо отца Серафима просветлилось, видение это не исчезало.

Если под благодатью Божией хорошо жить и переносить с ней скорби и болезни, то как хорошо еще с благодатью умирать! Ведь нет ничего страшнее для нас в жизни, чем смерть. Кто не боится ее? Кто не страшится ее ужасного образа? И богатый, и ученый, и всеславный и просвещенный — все будут умирать. И мы с тобой, мой любезный милый друг. И к нам смерть придет со своей страшной косой.

О, если бы нам встретить ее под благодатью! Если бы в ту минуту Ангел Хранитель тихой улыбкой ободрил наш мятущийся дух!

Вот для того, чтобы смерть твоя была тиха и безмятежна, надо просить у Господа об этом: «Ангела мирна, наставника и хранителя душ и телес наших, у Господа просим», «христианския кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны и мирны, у Господа просим»*. При этих прошениях всегда вздохни душой и сделай земной поклон, если можешь. И так делай всегда, всю свою жизнь, и тогда смерть ты встретишь радостно, под благодатью.

О мой дорогой и милый друг, не только в скорбях, не только при смерти, но еще и на страшных мытарствах нам нужна будет охраняющая благодать Божия. Нам нужен будет спутник — наш Ангел Хранитель. Сколько душ, проходя воздушные мытарства, низвергались в пропасть! Чтобы нам безбедно миновать страшные места, надо путешествие это совершать с благодатью и с Ангелом Хранителем.

Ведь мы не можем даже представить себе той картины, тех страшных истязателей-бесов, тех мучительных орудий казни — всего того, что ожидает нас на мытарствах. Этих мытарств, как учит нас Святая Церковь, всего двадцать четыре, и все они ужасны. Названия они носят по роду того или иного греха. Мытарства гордости, самолюбия, корыстолюбия, блуда, прелюбодейства, убийства, непочтения, дерзости, сквернословия и прочих других страстей. И все их надо пройти, ни одного не миновать. А если где и задержат злые истязатели, то откупиться благодатью Божией и добрыми делами.

Еще есть огненная река, которая бурлит, кипит вихрем пламени неугасимого. И там, в этой огненной реке, — души многие, многие. Через омут огня и пламенного вихря пролегает узенькая дорожка, как тонюсенькая жердочка, которая качается из стороны в сторону над гееннской рекой.

* См. просительную ектению.

Скажи мне, как пройдем мы через эту огненную реку или кто нас проведет через нее, кто поддержит, чтобы мы не оступились, не сверзлись вниз?..

Окрыляющая нас благодать Божия нужна будет еще, чтобы помочь нам на Страшном Суде Христовом. Если тогда, в тот грозный, невыразимо страшный час Суда ты будешь под благодатью Божией, то она поставит тебя одесную Праведного Судии. А если ты окажешься без благодати Божией, то скажи мне, какое место ожидает тебя?.. Пишу эти строки, а сердце рвется на части от скорби: неужели кто из нашей духовной семьи, из нашего стада окажется ошуюю Праведного Судии?..

Дорогой наш брат отец Мелетий! Как он стремился, как старался закрепить за собой благодать Божию и не оскорблять ее своими грехами!

...Корабль размеренно шел по бурным волнам моря. Время от времени он подходил к берегу и на пристань высаживал пассажиров. На корабле — в обители Преподобного Сергия — было тихо и спокойно. Вот этот корабль снова приблизился к тихой пристани и, причалив, высадил еще одного своего пассажира...

Отец Мелетий тихо скончался апрельской ночью. Его хоронили всем братством Лавры. Оплакивали, как родного отца. Он многих одевал, он многих питал, и теперь те и другие возносят о нем свои горячие молитвы.

Крестик его могильный и поныне стоит на общем братском кладбище*. Его овевают бурные ветры, омывают осенние ливни, заносят снегом ураганы зимы, согревает тихая ласка солнца. И крестик могильный стоит, как бы под благодатью перенося все невзгоды этой временной жизни. А тот, который лежит под этим крестом, — лежит, охраняемый и покрываемый благодатью. Он всю жизнь свою стремился жить с этой небесной силой, он и скорби, и злострадания жизни перенес вместе с ней. Он и страш-

* Отец Мелетий похоронен на кладбище в с. Деулино. — *Прим. ред.*

ную смерть встретил безбоязненно, ободряемый и покрываемый благодатью. И воздушные мытарства безбедно прошел вместе с ней, и она, как на крыльях большого орла, перенесла его через огненный, бурлящий и кипящий поток реки гееннской и вселила его в вечные обители рая, где он и ныне живет под неугасимыми лучами благодати Божией, вечной радости блаженства.

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

Монахиня Людмила
(Любовь П. Ребракова)
(1879–1957)

Чувственныя страсти телесныя победил еси воздержания браздами, чудодейственне Сергие ...и ревность к бесплотным на земли показал еси.

Стихира Преподобному Сергию Радонежскому

Нет ничего более трудного, более сложного и даже сугубо опасного, чем духовная жизнь.

Однажды мне пришлось побывать в глубоком подземелье — в горизонтальной шахте. Ее непроглядно темные коридоры растянулись на многие сотни метров. Какой мрак! Кругом мокрые и холодные земляные стены, под ногами грязь. Могила, самая настоящая мрачная могила. Вагонетка с маленьким огоньком укатила далеко вперед. Шел я, шел и провалился... Удержавшись за какую-то палку, вылез. Еще два-три шага — опять попал в какую-то трясину. Выбравшись оттуда, снова пытался идти, но ударился, наткнувшись на мокрую стену... И всё во мраке. В непро-

ницаемой, будто адской, тьме... Вспомнив о спичках, в кармане нашарил спичечный коробок, зажег маленькую свечу и с этим небольшим пламешком двинулся вперед...

Духовная жизнь, как пишет епископ Феофан Затворник, подобна подземным проходам, в которые спустился человек без светильника. Сколько неожиданностей! Сколько трудностей и смертельных опасностей встретит человек на духовном пути, тем более если он пошел по нему без светильника.

Духовную жизнь хорошо знают святые духоносные отцы. Они глубоким внутренним опытом познали ее и с помощью Божией преодолевали все ее опасности и трудности. Но святые отцы жили гораздо раньше нас и поделиться с нами опытом духовной жизни могут только через свои писания.

Есть и в нашей современной жизни, и с нами отцы духовные, но они далеко не такие, как были раньше. К тому же во многом изменилась сама наша жизнь. Хотя законы духовной жизни остаются те же, что и тысячу лет назад, но самые условия спасения усложнились. Если и раньше трудно было идти по духовному пути и по-настоящему духовно жить, то как же теперь трудно и опасно!

Иногда душа человека живет, как в глубоком темном подземелье, не видит ни просвета, ни тепла, ни гладкого пути, ни направления, куда идти человеку. Такой человек даже маленькую молитву «Богородице» или «Отче наш» затрудняется прочесть. Не знает, как перекреститься, вместо правого плеча кладет руку сначала на левое, как неумелый ребенок. Вместо того чтобы воздержаться от пищи перед Причастием, приходит наевшись. Это люди, совсем не ведающие о духовной жизни. Они живут какой-то полуязыческой мирской суетой и духовного совсем, бедные, ничего не знают. Живут одной физической реальностью, и душа у них совсем замирает.

Жалко этих людей, очень-очень жалко. Среди них есть и такие, которые по неведению оскорбляют Церковь Бо-

жию, затаптывают в грязь ее материнскую любовь и Самого Господа не признают. Ну точно дети неразумные и озорные.

Кроме неведающих людей, есть маловедающие. Они кое-что знают о духовной жизни, но не хотят выполнять по лености, из-за отсутствия ревности ко спасению или не могут по болезни, по условиям жизни. Это люди полумирские-полудуховные. Они, зная, что есть путь духовного спасения, во многом путаются, соблазняются, проявляют маловерие, а самое главное — нерадение.

Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих (Откр. 3, 16), — говорит Спаситель. Есть среди нас и многоведающие, которые много знают из духовной жизни, а иные очень и очень много. Они разбираются в духовных вопросах и даже учат других. Но, к нашему стыду, из много знающих немного спасающихся. И здесь беда: и знаем, да не делаем, а самое страшное, что впадаем в гордость, которая всезнание обращает не в пользу, а во вред нам и нашим близким.

Вот для того, чтобы могли спастись и неведающие, и маловедающие, и многоведающие, им нужен руководитель, окормитель, вразумитель — духовный отец. Но и духовные отцы бывают разные! Одни из них очень хорошие — духовные, другие — малодуховные, а третьи совсем никуда не годятся. Первые и вторые по-разному помогают спасаться, а третьи губят.

В наше-то время, которое очень бедно верой и благочестием, мало опытных духовных отцов, а если они и обретаются, то сами себя скрывают по смирению и из опасения большой славы.

Как и раньше, духовно опытные отцы возрастают преимущественно в монастырях, где в монашестве, в глубоком внутреннем делании совершенствуют они свою духовную жизнь и знание духовной борьбы с грехами и пороками.

Мирские священники (в городах, селах) тоже бывают опытными духовными руководителями. Но испокон ве-

ков народ тяготеет больше к монашескому сословию. Мы знаем таких старцев, как Амвросий Оптинский, Серафим Саровский, Сергий Радонежский и много-много других, которые свой дух в борьбе с грехом закалили суровым монашеским подвигом. На этом основывается их огромный опыт руководства другими душами. А теперь-то есть ли опытные духовники? Есть, но очень мало, и в основном во святых обителях. Но вокруг таких духовных отцов часто происходит что-то невероятное! По причине ли скопления верующих, или по болезненности людей, или по другим неописуемым поводам бывает так, что над известным батюшкой сгущаются, точно черные тучи, ссоры, раздоры, ревнование, зависть, недружелюбие и всякие-всякие другие неприятности. Да, видимо, еще и враг — диавол — вокруг такого духовника производит свою усиленную работу, смущая, возбуждая и устраивая недовольства и смуты.

Пришлось выслушать такой вопрос: «Почему около такого-то батюшки постоянно бывают ссоры, а около другого батюшки всегда все тихо и спокойно?»

Не знаю, что ответить на это. Думаю, что это вражие дело. Где больше спасаются, там и больше сила беса проявляется. Вот и всё. А может быть, кто-то думает и по-иному.

Как трудно теперь и духовникам, и духовным детям! Если говорить более определенно, то теперь и духовников-то настоящих нет, а только исповедники. Ведь духовник — духовный отец — должен знать всю душу человека, то есть все его грехи, все немощи, все слабости его. Как, например, лечащий врач знает историю болезни своего больного и для каждого недуга прописывает соответствующее лекарство целительное.

А что же получается у «духовного врача»? Приехал человек на исповедь раз в месяц откуда-нибудь издалека, подходит к своему батюшке поисповедоваться, открыть душу, а у батюшки нет времени говорить с ним. Накрывает батюшка исповедника епитрахилью, читает разрешительную молитву, и человек уходит, может быть, не-

довольный и неуспокоенный. Хотя батюшка все грехи отпустил этому человеку, но ведь надо же разъяснить ему его трудности, дать необходимые наставления на последующую жизнь. А этого как раз нет. Но батюшка-то «свой» так мало уделяет нам времени совсем не потому, что он не хочет с нами говорить, наставлять нас, а потому, что у него сил-то уже не осталось нисколько, а народу — исповедников — видимо-невидимо, и каждый ждет, надеется, что батюшка с ним поговорит, выслушает его и даст необходимый совет. Батюшка от усталости и слово-то с трудом выговаривает и только вздыхает глубоко.

Не так давно в трех верстах от Лавры Сергия Преподобного был Спасо-Вифанский монастырь — Вифания, где подвизался духовник иеромонах Варнава. Он так был загружен беседами с народом-исповедниками, что изнемогал до крайности. Великим постом он поисповедовал много-много народа, потом почувствовал — силы вышли. Он пошел во святой алтарь, припал там к престолу и... больше не встал. Его ждут на исповедь, а его нет. Пошли за ним, а он склонился на колени пред святым престолом и умер.

Как могучий маяк в житейском море, стоит Лавра Преподобного Сергия, и на огонь этого маяка слетается множество людей с житейского моря, желая спастись.

Если Господь судил нам жить в такое тяжелое время и спасаться в таких сложных условиях, то надо как-то приспосабливаться, подлаживаться к этим трудностям, особенно в отношении исповеди, и в простоте сердца, без всякой зависти, тем более ревности или, еще хуже, гордости подходить ко кресту и Евангелию, получать прощение грехов и, благодаря Бога от всего сердца, отходить, давая место другим.

Для того чтобы сэкономить время на самой исповеди, с давних времен духовные дети пишут и передают заранее своим духовным отцам записочки, в которых называют главные свои прегрешения. Это хорошее дело, если делать его правильно и умело: писать надо самую сущность

своих грехов, а кроме того, стараться, чтобы в следующих записочках грехов было меньше и меньше, то есть раскаиваться и исправляться надо.

Самым лучшим покаянием бывает такое покаяние, когда человек еще на общей исповеди оплачет свои грехи. А вот у нас, дорогой мой и милый друг, брат, или сестра, или чадо, бывает так: стоим на общей исповеди, спим или дремлем или совсем на исповеди не были, а потом подходим к батюшке и требуем от него времени, хотим, чтобы батюшка снова начал исповедь. А если батюшка быстро отпустил и не поговорил побольше с нами, то мы остаемся недовольны. Да еще смотрим и говорим: «Вон с другой он говорит долго, а со мной нет».

Как нам надо просить Господа и Преподобного Сергия, чтобы исповедь всегда приносила нам пользу и обновление души и чтобы мы всё дальше и дальше подвигались по пути спасения!

Самыми главными условиями к искреннему покаянию являются смирение и простота. С этими добродетелями исповедь всегда будет приносить человеку большое облегчение и пользу. А если уж нет в исповеднике смирения и простоты, то здесь ожидай, духовник, зависти, гордости, недовольства, ревности, неблагодарности и прочего, то есть хоть беги с исповеди и больше не показывайся.

О Боже мой, как трудно духовному отцу по-настоящему исповедовать чад своих! Тысяча крестов накладывается на духовника, да еще враг разжигает против него разные и многочисленные смуты.

Особенно трудно бывает справляться с многоведающими, которые знают иной раз больше духовника (если тот молод). Эти люди (бедные!) невольно впадают в гордость, осуждая и унижая духовника, а то и поливая его грязью, сплетнями. Такие люди бывают из тех, которые видели разных духовников — и начинающих, и опытных, — и теперь для них никто не хорош. Тяжелое состояние! Жаль таких людей. Трудно им смириться пред

духовником, особенно молодым. А опытных духовников теперь немного.

С маловедающими легче. Это большей частью смиренные труженики и труженицы, инокини, послушницы, молодые девицы, которые ограждены смирением и скромностью. Они имеют страх Божий, принимают от духовника безропотно все наставления и исполняют всё им сказанное. Эти люди более счастливы. И среди них меньше ссор, меньше зависти, меньше ревности. Они бывают более благодарны духовнику и Господу. Таким образом, они лучше спасаются и поднимаются в духовной жизни.

Но трудно, очень трудно бывает духовнику с неведающими. Они ничего не знают о духовной жизни. Им нужно обо всем говорить, всё растолковывать, разъяснять, во всем убеждать. А времени для этого у духовника, как правило, нет. Поэтому ему приходится брать на себя всю тяжесть их грехов, и он, видя холодность исповедников, всегда отпускает их прегрешения с тяжелым сердцем.

Есть еще одно большое и тяжелое искушение в духовной жизни. Это чрезмерная привязанность к духовнику, когда человек прилепляется к наставнику не по-духовному, а по-душевному, то есть чуть ли не по-плотскому; когда он ищет своего любимого батюшку и исповедоваться желает только у него и ни у кого другого. Если же этого батюшки нет в храме, то он вообще не исповедуется, не причащается, так как он своего батюшку считает лучше всех других. Хотя духовная жизнь, как учат нас святые отцы, требует иметь одного духовника, как для больного телом — одного лечащего врача, но всё-таки уважение нужно иметь ко всем духовникам и этим избегать греха излишней привязанности.

Чрезмерное выделение одного духовника среди других вызывает большое недовольство последних, особенно в больших обителях, где духовников не один, не два, а десять и больше. И вот если народ идет больше к одному батюшке, а к другим нет, тогда они завидуют, озлобляются на этого собрата.

Непомерная любовь народа к батюшке причиняет и ему большие огорчения. Так как на исповеди, и при причащении, и при елеопомазании, и при отпусте, когда крест дается, и при других случаях народ бежит к одному батюшке, а к другим не хочет идти, тогда возникает ненависть к этому батюшке даже со стороны начальства. Им делается обидно: как это так, к ним, начальникам, народ не идет причащаться, а к какому-то подчиненному — идет. Получается гонение на этого батюшку от своих же монастырских собратий.

Всё это в добрые времена переносилось бы легче, а вот ныне — труднее и опаснее.

...Пастырь добрый полагает жизнь свою за овец. А наемник бежит... (Ин. 10, 11, 13). Как часто и батюшке приходится бежать от своих же дорогих чад! Бежать не потому, что он боится положить душу свою за овец, — совсем нет, а потому, что они его сильно прославляют, считают особенным молитвенником и даже чудотворцем! Вот батюшка от них и бежит. А иногда, чтобы умерить излишнюю любовь и привязанность духовных чад, батюшка позволяет себе даже какие-нибудь слабости пред народом, ну, например, кого-нибудь обругает или прогонит, пробежит мимо, будто не заметив, или еще что соблазнительное такое, что унизило бы его в глазах окружающих.

Духовная жизнь — как она сложна, многообразна, сколько требуется мудрости, сколько сил, терпения!

Как много вокруг батюшки разных людей: и любящих его, и ненавидящих, и строящих батюшке козни и коварства, — а ему всё равно всех жалко, всех хочется спасти и в разум истины привести. Ведь все они — дети Божии и за всех них пострадал Господь на Кресте, пролил Свою пречистую кровь. И как они все дороги Господу! И дороги должны быть батюшке как служителю Божию и духовному наставнику труждающихся...

Несколько часов подряд в ночное время принимал батюшка людей. Вот он кончил исповедь, и, кажется, келия должна дать ему покой и заслуженный отдых. Но не тут-то

было. И в своей одинокой келии, под покровом темной ночи, он всё думает о тех, кто ему дорог и кого ему поручил Сам Христос. Ведь он вовсе не оставил их там, в бурлящем круговороте жизни, а унес в своем сердце и в келии вместе с ними молится, плачет, скорбит о них и тоскует.

Духовная жизнь всегда была трудна, а в наше время — особенно. Если человек убежит от льва, нападет на него медведица. Убежит от медведицы — наскочит на него тигр. Спасаясь от тигра, он бросится в яму — там ужалит его змий... Вот как трудно спасаться чадам Божиим в наше лукавое время!

А есть страшные случаи, когда люди ищут спасения у батюшки, а находят погибель. Батюшки, особенно молодые, да и пожилые, творят со своими духовными чадами что-то ужасное. И получается по Евангелию: волк залез в овечью шкуру и расхищает стадо. И вот спрашиваю тебя, мой дорогой и милый друг: если с тобой случится нечто подобное в духовной жизни, какое у тебя останется чувство к этому духовнику, а через него и ко всему духовенству? Недоверие и отвращение.

У духовных детей часто бывает чрезмерное доверие к своим духовникам. Они думают, что если батюшка сказал, то, значит, всё непременно делай. Такое духовное чадо, например, думает, что совершить какой-либо грех, если так сказал батюшка, — это угодно Богу. Какое страшное ослепление!

И мне приходилось видеть такие юные души, простые, доверчивые, погубленные таким вот образом! А потом попробуй выправить эту душу, искалеченную — кем? — ее же духовником. Только с помощью Благодати Божией, со многими трудами и слезами возможно поставить душу эту на камень веры и спасения, избавив ее от отчаяния и вечной погибели. Каким надо быть осторожным и бодренным, чтобы не погибнуть — где? — там, где ищешь себе спасения! В этом-то и сказываются хитрость и коварство бесовские и наши человеческие немощь и слабость.

Бывает в духовной жизни и так. Вот молодая девушка, горячо стремящаяся к Господу, к духовной жизни. Ее на службе дергают, нервируют, расстраивают. Дома она тоже не в ладу с домашними. С подругами — мало общего. Она чувствует себя совершенно одинокой. Приходит она на исповедь. Батюшка ее пожалел, искренне посочувствовал ее трудному положению, поплакал вместе с ней. И вот уже девушка привязалась сердцем к этому батюшке, полюбила его душой, по-детски, как младенец свою любимую мамочку. Хорошо, если это останется так навсегда. Но враг любит грязь и нечистоту. Постепенно он начинает вселять в сердце девушки грязные мысли и чувства, желания скверные. И бедная невинная душа начинает терять покой, мир и думать больше о батюшке, как бы поскорее его увидеть, поговорить с ним или хотя бы постоять около него, то есть сердцем полностью воспринимает батюшку, а Господа своего Спасителя начинает забывать, охладевать к Нему сердцем и тем самым оскорблять Его.

Иже любит отца или матерь паче Мене, несть Мене достоин (Мф. 10, 37), — сказал Господь.

Смотришь на такую душу, которая сильно-сильно возлюбила батюшку, и жалко ее становится, и оскорбить-то ее не хочешь грубостью и черствостью. И вот осторожно, нежно старается батюшка всё же выправить эту душу и направить ко Христу, Который один только достоин к Себе любви и преданности.

Но вы спросите, как же тогда — совсем не любить батюшку? Ведь кого не любишь, тому не доверяешь свою душу, и грехи останутся не открыты, не уврачеваны.

Отвечаю тебе, моя милая душа: непременно любить! Обязанность батюшки такова, что он берет свою детку как бы за руку, нежно и осторожно ведет через ямы и опасности, охраняет от змиев и аспидов и ведет ее ко Христу, где душа находит себе истинный покой и радость. Одна девушка сказала: «Батюшка, когда ты у меня в сердце, то и Господь рядом, и к Господу у меня является горячая лю-

бовь. А когда ты уходишь из моего сердца, то я и Господа не чувствую в своей душе».

Что на это ответить? Не знаю. Может быть, и так. Но хочется сделать поправку к этим по-детски правдивым словам. Надо бы тебе, милая детка, сказать лучше так: «Когда Господь у меня в сердце — и батюшка рядом, а когда нет Господа в сердце — и к батюшке нет любви». Это лучше, духовнее, правильнее.

Духовного отца надо любить. Как же иначе? Если ребенок не любит свою мать или отца, то что из него получится? Дикарь, разбойник. Но мы говорим о том, что любовь к отцу духовному должна быть разумной, правильной и умеренной.

Когда я об этом думаю, мне кажется, мы батюшку больше любим потому, что мы его видим, что он говорит с нами, он смотрит на нас, а вот Господа мы живого видеть не можем, а только на иконе. Его полюбить труднее, потому что мы Его не видим.

Для того чтобы духовная жизнь текла тихо, спокойно и благодатно, без скачков или застоев, без уклонений от пути истинного, надо добиваться в исповедании грехов своих искреннего откровения, чтобы в душе не оставалось никаких неоткрытых мыслей. Ведь когда мы читаем жития святых, то видим, как духовные чада открывали своему духовному отцу каждую мелочь. А мы этого не делаем. Почему не делаем? По разным причинам: или по ложному стыду, или по неумению кратко выразиться, или по недостатку времени у духовника.

Кто из вас хочет спасти свою душу, тот прежде всего доверься непостижимым судьбам Божиим!

***

Один отшельник сильно молился Господу Богу, чтобы Тот показал ему пути Своего Промысла. Отшельник пошел к старцу, чтобы получить ответ через него. На пути ему попадается черноризец, который говорит: «Пойдем вместе». И вот они пошли. Заходят к одному добродетель-

ному человеку, который с любовью принял их и стал угощать. Черноризец взял со стола серебряную чашу и разбил ее о пол. Пошли дальше. Зашли в другой дом. Здесь черноризец задушил младенца. А в третьем доме он разломал каменную стену, а потом снова стал ее собирать.

— Кто ты такой? — спросил отшельник черноризца. — Или ты демон, или ангел, если делаешь такое?

— Ты хотел знать пути Божии, а они для тебя неисповедимы. Чаша, которую я разбил, была чужой, приобретенной незаконно. Малютку придушил потому, что он в будущем стал бы страшным злодеем. Стену разломал из-за того, что в ней был клад золота, и если бы кто нашел его, погубил бы свою душу. Не испытывай судьбы Божии, они неисповедимы, — сказал черноризец и стал невидим. Это был ангел Божий.

***

У святого Венедикта было два отрока-послушника — Мавр и Плакида. Плакида пошел на реку за водой. Река была очень быстрая и глубокая. Плакида поскользнулся и упал в воду. Круговорот подхватил его и понес в глубину. Святой Венедикт почувствовал это и говорит второму отроку: «Мавр, быстро беги к реке, Плакида тонет». Мавр схватился и побежал. Увидев Плакиду далеко на середине реки утопающим, он, не рассуждая, побежал по воде, как по суше, схватил Плакиду и вынес его на берег.

Когда Мавр рассказывал об этом святому Венедикту, тот сказал: «О чадо, это действовала в тебе сила послушания»*.

***

Молодая женщина Анна осталась одна, без мужа, с двумя малютками на руках. Да еще упала с лестницы и сломала ногу. Вот лежит Анна в гипсе который месяц.

* Из жития преподобного Венедикта. — *Прим. ред.*

В доме — нищета, голод, холод. Дети есть просят, плачут у постели матери.

«Как буду жить дальше, — думает женщина, — что делать? Ни родных, ни знакомых, одна, как былинка, да еще больная, две малютки голодные, холодные». Заплакала Анна: «Господи, не дай погибнуть неповинным младенцам». Долго плакала больная и молилась. Вдруг тихо открывается дверь, входит старец в монашеской одежде. Подходит он к постели больной и говорит:

— Что, Ганка, тебе тяжело?

— Да, дедунь, очень тяжело, — ответила, плача, больная.

— Не скорби, выздоровеешь, будешь ходить и работать, — сказал и, как в туманной дымке, стал невидим.

Через два дня Анна уже ходила по комнате с палочкой. А потом вышла и на двор. В воскресенье была уже в церкви. Взяла она маленькую свечку и подошла поставить ее к иконе. Взглянув на икону, Анна вздрогнула: «Боже мой, да это же преподобный Иов Почаевский! Это он приходил ко мне».

Так Анна узнала своего исцелителя.

Не унывай и ты в несчастье, а надейся на Господа.

***

Однажды преподобному Макарию [Александрийскому] ученики принесли ветку винограда. Старец, хотя и был болен, есть виноград не стал, но отнес его другому болящему брату. Тот тоже не стал есть, а отнес эту ветку третьему брату. И так виноградная гроздь обошла все келии в скиту преподобного Макария и опять вернулась к нему. И удивленный старец возблагодарил Бога, что среди его братии процветают воздержание и любовь*.

***

Маленький слепец Наффалим жил вместе со своими родителями Ездрой и Сарой в окрестностях Вифле-

* Из жития преподобного Макария Великого. — *Прим. ред.*

ема. Ночью, когда Наффалим еще не спал, он слышал, как отец рассказывал матери, что он, пася овец на поле, ночью видел Ангелов, которые сказали ему, что в Вифлееме родился Христос, и теперь им обоим надо идти поклониться Спасителю мира. «И я пойду с вами», — просил Наффалим. Но его не взяли и оставили дома с дедушкой.

Когда родители поспешно ушли, маленький слепец взмолился: «О Божественный Младенец, позволь мне увидеть Тебя, хотя я и слеп!» Дождавшись, когда дед заснул, Наффалим тихо вышел в хлев, захватив с собой ленту. Один ее конец он привязал к шее ягненка, а другой взял в руки и сказал своему маленькому другу: «Веди меня в Вифлеем, в пещеру, где родился Господь».

...У пещеры было много народа, но, увидев слепого малютку, которого вел ягненок, все расступились. У самых яслей Наффалим споткнулся и упал на солому. Богомладенец, как бы сожалея о маленьком слепце, в это время заплакал. Его слезочка, катясь по соломке, упала на слепые глаза Наффалима, и тот увидел новорожденного Христа.

«О Иегова, да ведь это же наш Наффалим!» — послышалось из толпы.

Горячая любовь неудержимо влечет нас ко Христу.

***

«Когда зазвонят колокола, возродишься душой», — сказала умирающая мать своему непутному сыну. Сын похоронил свою мать и продолжал вести беспутную жизнь.

Прошло несколько лет. Он низко пал и не видел никакого просвета в жизни. Вот однажды в зимнюю ночь он блуждал по улицам большого города. Тяжелые чувства угнетали его. Он поднял свой взор к небу — тысячи звезд с небесной высоты смотрели на него. В сердце еще сильнее защемили тоска и безысходность. Вдруг — удар колокола... Второй, третий... Как волны, полились звуки благовеста.

«Что это?» — вздрогнул непутный сын. «Рождество. Рождественская ночь», — будто кто-то тихо ответил ему.

Вспомнил он свое детство, горящую елку, свечи, свою родную мать. Сердце еще более защемило. Остановился. А звуки благовеста всё зовут и зовут, а звезды на небе всё манят и манят. Он зашагал быстрее. Храм был полон народа. С клироса неслось торжественное: «Христос рождается, славьте! Христос с небес, встречайте!»* Слезы покаяния полились из его очей. И вспомнились ему слова умирающей матери: «Когда зазвонят колокола, ты возродишься».

Если в твоей душе, мой милый друг, живут жажда возрождения и непреодолимое влечение ко Христу, жертвенность, терпение в болезнях и воздержание, любовь и послушание к духовному отцу, а также прочие добродетельные качества, то ты стоишь на верном пути духовной жизни и неизменно будешь со Спасителем Христом.

Когда мы говорим о духовной жизни, об условиях спасения души в наши времена, то невольно вспоминается одна дивная святая душа, которая жертвенно и преданно трудилась в стенах обители Сергия Преподобного. Это была женщина. Да, женщина в мужском монастыре. И вот она, уже ветхая телом, но юная душой, вела настоящую духовную жизнь и спасалась.

Ведь мы не раз говорили, что обитель Преподобного Сергия окрыляет не только братию, не только монахов-мужчин, но и женщин, которые хоть малую долю труда, веры и молитвы влагают в общий братский труд. И те, которые горячо возлюбили авву Преподобного и питают детскую привязанность к его святой обители, посещают Лавру, молятся в ней со смирением и терпением, получают спасение и будут включены в состав общего Сергиева братства в Небесном Иерусалиме. Ну что может быть отраднее этого, радостнее?

Монахиня Людмила (Любовь П. Ребракова) появилась в Лавре один Бог знает когда. Только братия увидели

* Ирмос 1-й песни канона на утрене в праздник Рождества Христова.

однажды, что по двору идет старая-престарая старушка. На вид худая-прехудая и согбенная телом. Оказалось, что это и есть монахиня Людмила — просфорница.

Да, она помогала печь просфоры в лаврской просфорне, хотя работа эта требовала большой силы и напряжения. Жила матушка где придется: и под навесом, и под кустом, и в городе Загорске на квартире, но в просфорне не ночевала. Как ни тяжел был ее физический труд, как ни слаба была она телом, но внутренне матушка Людмила жила полной духовной жизнью. Слышно было, что она с юных лет подвизалась в каком-то женском монастыре и сюда, в Троицкую Лавру, пришла с большим духовным опытом. Она здесь никому не мешала; все ее уважали как старицу и опытную монахиню. Я затрудняюсь подробно излагать ее внутреннюю духовную жизнь, она известна в полноте одному Богу, Которого она возлюбила от юности своей. Постоянное ее глубокое смирение, молчание, трудолюбие, безропотность, чистота, целомудрие и молитвенность были для всей братии примером.

В свободные от работы в просфорне минуты (а таких было очень мало) она находилась в храме. Стояла в уголочке или за колонкой и горячо молилась Богу.

Богомольцы за смирение и кротость горячо любили и уважали матушку Людмилу. Те из женщин и девушек, которые имели счастье принять явно или тайно монашеский постриг и были монахинями, брали с матушки Людмилы дивные примеры смирения, терпения, целомудрия и других монашеских добродетелей, спрашивали ее советов во многом.

Особенным качеством этой святой души была любовь ко всему церковному. Столь необходимый каждому верующему страх Божий всегда присутствовал в ее душе и порождал в ней чистую любовь к Господу. Если бы вы видели, с каким страхом она всегда переступала церковный порог! Как трепетала ее целомудренная душа, когда она шла на беседу лицом к лицу с любимым Господом!

Видела ли ты, моя милая душа, как в церкви на подсвечнике горит прямая и чистая восковая свеча? Вот так молилась монахиня Людмила, стоя пред Лицом Божиим. Не двигаясь ни одним членом тела, стояла она на молитве, и пламя ее духа молнией неслось к небесам. Так и верилось, что она своим духовным взором созерцает Самого Господа или Его Пречистую Матерь, Которая еще раз сошла с небесной высоты со святыми апостолами Петром и Иоанном, чтобы исполнить Свое обещание, данное когда-то самому Сергию Преподобному, — охранять обитель и молящихся.

С каким величайшим благоговением относилась она к святым просфорам, которые пекла по послушанию! Какой нам поучительный урок в этом!

А ты, мой милый друг, как относишься к церковной святыне? Как ты переступаешь порог церковный, идя на молитву? Как ты берешь в руки святую свечечку? Есть ли у тебя страх, смирение и любовь к Господу и ко всему высокому? Ведь ты тоже, может быть, облачена в одежду ангельской красоты или призвана так же сохранять нетленную чистоту девственного целомудрия. И хочу, наконец, спросить тебя, как проходит твоя духовная жизнь — самое важное и великое твое дело?

Может быть, мне немного известна твоя милая душа. Может быть, Господь и приоткрыл мне твое некоторое внутреннее душевное состояние. Но вся глубина многих твоих духовных переживаний, вся их полнота известны только одному Господу Богу.

Вот вспоминаю матушку Людмилу, и чувством бесконечной благодарности Господу наливается сердце. Как искренне хочется, чтобы и ты, мой милый друг, шла путем этой ангельской души! Скажешь, она, мол, жила в монастыре — ей было легко спасаться. Но ведь и ты не чужая в этой святой обители, и ты, говорю, связана с ней душой своей. Только вот телом ты вращаешься всегда в суете мира. И глубоко сочувствую тебе, моя милая душа, что спасаться в нем нелегко.

Живет в моей грешной душе одно сильное чувство — это дерзновение в спасении. Я по благодати Божией уверен, что все, кто имеют любовь к Господу и любовь к Преподобному Сергию, спасутся и не погибнут.

У духовного отца есть сильное средство, которым он спасает своих духовных чад, — горячая отеческая молитва. Это средство никто у него отнять не может: ни люди, ни время, ни обстоятельства. И где бы ни был духовный отец, где бы ни были его духовные чада — рядом они или за тысячу верст друг от друга, — всё равно он с ними тесно связан своей душой. В Ветхом Завете первосвященник, по закону Господню, всегда носил на своей груди маленький ковчежец, в котором находились все имена сынов израилевых. С этим ковчежцем первосвященник совершал богослужение и приносил жертву за грехи людские.

И теперь духовный отец всегда и везде, где бы он ни был, тоже носит с собой имена своих духовных чад. Только не в ковчежце на груди, а в своем сердце.

Отче Святый! Соблюди их во имя Твое, тех, которых Ты Мне дал... чтобы они имели в себе радость Мою совершенную (Ин. 17, 11–13), — молился Господь пред Своими страданиями в Гефсиманском саду о верующих во имя Его.

И вот когда духовный отец в силу ли многолюдства, или немощи своей, или изолированности не может близко поговорить с своими духовными чадами, полностью отдать им свое сердце, свою душу, то у него остается наисильнейшее средство — пламенно молиться за своих чад, которых он носит в сердце своем, и молиться за них везде: в келии, в пути, и особенно у престола Божия и у священного жертвенника, где он вынимает за каждого человека частицу. Эта частица омывается Кровию Христовой, значит, и душа, за которую эта частица вынута, тоже будет очищена от грехов Кровию Христовой.

А теперь мне хочется показать, милый мой друг и дитя, хочется показать тебе такие страшные примеры, которых надо тебе избегать, чтобы не погибнуть.

Дерзость

Одна пожилая женщина причащалась Святых Христовых Таин. Причастившись, она выплюнула святую частицу Животворящего Тела Христова. Когда Святая Частица упала, блеснула молния, ударил гром и небесный огонь восхитил святыню...

Глубокой ночью, когда эта женщина находилась одна в своей комнате, неожиданно явился пред ней незнакомец. Он был настолько страшен, зол, мрачен, что женщина вскричала от ужаса:

— Прочь! Прочь!

— Нет, — сказал явившийся, — мы с тобой друзья.

— Кто ты такой?!

— Я тот, кто ударил Христа в ланиту на суде Каиафы.

Женщина лишилась чувств и упала на пол.

Воровство

Один брат утаил от преподобного Венедикта пожертвованный сосуд с вином. Преподобный, провидя это, стал делать брату наставление: «Смотри, не пей из того сосуда, что спрятал под кустом, вылей на землю и увидишь, что там».

Брат был поражен знанием преподобного. Когда ему сильно захотелось пить из спрятанного сосуда, он вспомнил слова преподобного: «Вылей на землю и увидишь, что там». Брат стал понемногу выливать из сосуда. И жаль ему было вина! Каковы же были его удивление и страх, когда он увидел, что вместе с вином из сосуда выползает змей, шипя и извиваясь. Брат бросился бежать*.

Не утаивай того, что принадлежит другому.

* Из жития преподобного Венедикта. — *Прим. ред.*

Злоречие

Две инокини были великие постницы. Они много молились, много клали поклонов, удерживали себя от различных увеселений. А язык не удерживали — были злоязычницы: любили потолковать, поболтать, поклеветать. Старец их увещевал, но они и над ним подтрунивали, ехидничали.

Но, как и все люди живут и вдруг умирают, одна за другой умерли и эти великие постницы. И, раз они были такими славными монахинями, их погребли в церкви.

И вот, когда за Божественной литургией диакон, выходя на амвон, возглашал «Оглашеннии, изыдите», многие не раз видели, как две темные тени в женском одеянии выходили из усыпальницы и немедленно покидали храм. Сказали об этом святому Венедикту. Он подумал, а потом пояснил: «Это две великие постницы. За свое злоречие они не приняты в число верных и потому выходят из храма».

Была заказана ранняя литургия об этих душах. Старец за них вынул частицы у жертвенника, подавали за них милостыню, и теперь, когда дьякон возглашал «Оглашеннии изыдите», то никакие тени из храма уже не выходили*.

Нерадение

Почтенная девица видела сон. Большой светлый храм. Всюду светильники, лампады. Посреди огромного храма стоит икона Божией Матери, вся в цветах. А над этой иконой, немного повыше, в воздухе стоит Она, живая, во весь рост. На пречистых руках Ее распростерт дивный покров. Лик скорбный, задумчивый. «Идите ко Мне, Я вас успокою», — как бы говорит Она людям. Подошли к Ней несколько человек. Она их матерински нежно благословила. Больше не идут. Она стоит и ждет. «Идите,

* Из жития преподобного Венедикта. — *Прим. ред.*

идите ко Мне», — тихо шепчут Ее уста. Но люди пошли кто куда: кто на рынок, кто на зрелище, кто на гулянье, а кто просто домой поспать. Словом, все пошли по житейским своим делам, пренебрегая зовом к Себе Царицы Небесной. А Она всё стоит и стоит, зовет и зовет, и лик Ее скорбен и печален...

Неуважение

Какою мерою мерите, такою возмерится *и вам* (ср. Мф. 7, 2).

В большой крестьянской хате жили старый дед, сын его с женой и семилетний внук. Сын так не любил старика отца, не мог его сносить, что не позволял ему слезать с печи. Дед так и сидел на печи день и ночь. А сын подавал ему туда щи кислые в разбитом черепке и всегда укорял грубыми словами.

На полу играет сынишка неблагодарного сына.

— Что это у тебя, дитя мое? — спрашивает мальчика отец.

— Это, папа, черепок. Когда ты будешь старый, я тоже буду тебя кормить на печке из этого черепка.

Чти отца твоего и матерь твою (ср. Исх. 20, 12), — гласит Пятая заповедь Божия.

Беспечность

Чтобы изобразить светлого ангела, художник находит прекрасного отрока и с него рисует образ. Проходят многие годы. Художнику нужно стало нарисовать образ демона. Он идет в тюрьму, к уголовникам, и там находит преступника с подходящей внешностью. Он был ужасен с виду: темный, грубый, с жестоким лицом, злыми глазами. Но каково же было удивление художника, когда он узнал, что этот преступник есть тот самый бывший отрок, с которого много лет назад он писал светлого ангела!

Умоляю тебя, милый друг и дитя, делай добрые дела, угождай Господу верой и любовью, изменяйся к лучшему! А вознерадишь, будешь беспечным — жизнь сделает свое: из ангела сделает тебя демоном. Да не будет!

Непрощенный

Из года в год каждую полночь из угла полуразрушенного храма тихо выходила темная тень и плыла к алтарю. Остановленная незримой преградой у амвона, тень простирала руки вперед. При этом из ее груди, как бы из глубокой темной могилы, вырывались покаянный плач и рыдание: «Вскую мя отринул от лица Твоего, Свете незаходимый, и покрыла мя есть чуждая тма, окаяннаго»*. Эта могильная песнь тихо плыла среди ночного мрака полуразрушенного храма и замирала в безлюдной ночной степи. Нарыдавшись у церковного амвона, тень опускала руки и, будто колеблемая ветром, обращалась назад и исчезала в стене. Молись, мое дитя, за своего батюшку, чтобы с ним не случилось такого несчастья.

Равнодушие

Маленькая птичка высоко парила в небесах и пела. Вдруг стало темнеть. Среди белого дня угасло солнце. Птичка камнем пошла вниз.

Голгофа. Три креста. Лицо Распятого на среднем кресте бледно и измучено. Взор поднят к небу. Из головы течет кровь. Увидев всё это, птичка застонала. Ее пение сменилось как бы плачем. Она села на голову Страдальца, маленьким клювом вцепилась в большой шип терновника и стала вытаскивать его из раны. Вырвав из раны шип, она бросила его на землю. И так много раз. Затем, вырвав последний шип из головы Страдальца, маленькая птич-

* Ирмос 5-й песни воскресного канона, глас 8.

ка вскрикнула жалобным криком и взметнулась в небо. Выше, выше, выше неслась она. Ее птичий крик разрывал облака, пространство и самое небо... Люди поднимали головы и слышали жалобу к Богу маленькой птички за неправду и злобу людей. И улетела птичка на небо, на грешную землю больше не вернулась... И если эта маленькая птичка так сильно переживает распятие невинного Спасителя, то как же мы с тобой, мой друг, проходим бесчувственно и с хладным сердцем мимо Голгофы — распятия Христова?

Как маленькая светлая звездочка, пройдя свой путь по небосклону, уходит за горизонт, так жизнь матушки Людмилы, многолетняя и трудная, подходила к концу. Мать Людмила заболела. Маленькая, худенькая, слабенькая, она еще более похудела и ослабла. Она лежала в комнатке, расположенной в крепостной стене восточной стороны монастыря. В этой клетушке жили матушки-уборщицы, которые убирали храмы Лавры. Их было пять человек. Так как у матери Людмилы не было в миру ни родных, ни знакомых, то она умирала среди своих монастырских людей.

Помню, зашли мы в эту комнатку вдвоем с братом. Матушка лежала на койке, покрытая худенькой мантией. Как былинка, скошенная острой косой, падает и сохнет, так она, еле живая, увядала ежеминутно. Глаза ее были закрыты, и бледное лицо казалось безжизненным.

«Мать, матушка, ты что, или умирать собралась?» — спросили мы ее в один голос. Она очнулась, открыв глаза, посмотрела. «Или не узнаешь нас?» Лицо ее озарилось, она еле слышно прошептала: «Батюшка пришел» — и свои худенькие ручки хотела сложить под благословение. Но сил уже не хватило. А через час она угасла.

Похоронили ее очень тихо. Народу было мало. Маленький гробик был очень легкий. Отпели, а потом и отвезли на кладбище. И сейчас ее могилка там, самая маленькая,

самая низенькая. Летом на ней растут живые цветы. И зимой эта могилка не замирает — тихий ветерок поет здесь как-то по-особому нежно свою пустынную песню.

Матушка Людмила жила всю жизнь по-духовному. Духовная жизнь была ее стихией, ее дыханием и радостью. Как и у каждого из нас теперь, ее духовная жизнь была нелегка: опасности, скорби, злострадания, слезы были ее постоянными спутниками. Бывало трудно, бывало нелегко, но она шла, окрыленная любовью к Спасителю и беззаветной преданностью Ему. Эта любовь всё победила.

«Тебе, Женише мой, люблю и Тебе ищущи страдальчествую... Яко да царствую в Тебе, и умираю за Тя, да и живу с Тобою...»*. Да, она живет теперь вместе со Христом в селениях небесного рая. Не может же навеки умереть и обратиться в ничто такая жертвенная и добродетельная жизнь! Счастливы те люди, которые живут духовной жизнью и не лишаются своей великой награды. Питая детскую любовь к пресвятому Сергию, они непременно удостоятся тихой благодатной кончины. Где бы ни застал их ангел смерти — далеко ли от святой обители или близко или в самих стенах святой обители, — он принесет им тихую радостную весть о новой небесной жизни, где вечно царствует правда, мир, святость и любовь, где день никогда не умирает и тихая улыбка блаженной радости никогда не уходит с уст возлюбивших Господа и на земле свершивших духовный подвиг.

Матушка Людмила была одной из счастливых тружениц, спасших свою душу под молитвенным покровом Преподобного Сергия. И как счастливы все те, которых Господь в жизни призвал делать святые просфоры! Даже и теперь, когда священник берет в руки святую жертвенную просфору и вынимает из нее частицу, то непременно вспомнит просфорницу монахиню Людмилу.

* Общий тропарь мученице, глас 4.

Монахиня Серафима

Из письма девицы Анны духовному наставнику

«Наша семья состояла из девяти человек. Семеро детей, отец и мама. И вот нашу семью постигла беда. У троих девочек болели глаза. Когда средней нашей сестре Наташе было семь лет, у нее заболел сначала один глаз и в скором времени пропал совсем; через некоторое время заболел и другой. Уездный врач дал направление в город Яранск, к профессору. Транспорта тогда не было, и мама с Наташей отправились в больницу пешком за шестьдесят километров. Профессор поглядел и сказал, что пропадет и другой глаз, дал мазь и велел дома мазать. Когда они вернулись домой и мама помазала, то Наташа всю ночь кричала от боли, а утром глаз ослеп. Восьми лет сестра стала совсем слепой.

Наташа еще не знала мира. И вот так она прожила до семнадцати лет, а на восемнадцатом году заболела и слегла. Кроватей у нас не было, лежала на скамейке. Болела она около года. Месяца за три до своей кончины она совсем перестала спать и почти не ела, когда разве откусит хлеба — и всё.

Мама стала ее принуждать поесть. А Наташа говорит: “Мамочка, а я ведь сыта”. — “Чем же ты, дочка, сыта?” — спрашивает мама. “А меня ангелы кормят”, — отвечает Наташа.

Конечно, сначала мы не поверили, думали, что в бреду говорит, но потом поняли, что нет. За Наташей ходила я, маме было некогда: семья большая. Однажды я от нее отхожу, а она говорит мне: “Аннушка, когда ты отходишь, ангелы тебя благословляют”.

Осенью папа лен переделывал рядом с ней. Изба была маленькая, так пыли было — полна изба, и сестра лежала вся в пыли. Но ни разу не слыхали, чтобы она, с тех пор как заболела, на что-либо роптала. Только когда мама скажет ей со слезами: “Ох, дочка, пока я жива, ты со мной, а когда я умру, то кому ты будешь нужна?” — она

ответит ей: “Не плачь, мама, я, может, еще раньше тебя умру”. Так и получилось.

Мама ее спрашивает: “Дочка, чем же тебя ангелы кормят?” Она говорит: “Яблочком, раз откусишь и сыта”. Мама снова: “Что, всё одно яблочко носят?” — “Нет, — отвечает, — каждый день всё свежие, целые”.

А то, бывало, мама с папой уедут рано утром в воскресенье на базар, мы одни дома останемся, и вот Наташа говорит: “Молитесь, начинается обедня... Вот поют ‘Иже Херувимы’ ”. Поднимает ручки и поет... “Вот ‘Верую’ поют, вот ‘Отче наш’, вот ‘Достойную’...”

А церковь-то у нас за три километра. Поверьте, батюшка, ее никто не учил ни одной молитве. Маме было некогда.

И вот в одну пятницу Наташа говорит маме: “Мама, завтра мою душеньку ангелы возьмут на сутки”. А мама ее спрашивает: “Что, Наташенька, ты разве умрешь?” — “Нет, не умру. Они сказали, что завтра в двенадцать часов. Так ты ребят-то не унимай, пусть кричат и играются, я ведь всё равно не услышу”. И ровно в двенадцать часов уснула и спала до двенадцати часов следующего дня. Уснула она в субботу, а проснулась в воскресенье, и всё это время лежала как мертвая, безо всяких признаков жизни. Когда она пришла в себя, как же она горько плакала! “Мамочка, милая моя, где же я была и что я видела!” Мама плачет и спрашивает: “Что же ты, дочка, видела?” Но Наташа много не говорила, а только сказала: “Я всем вам место видела. Папе будет плохо. Мама, девчатам не давай в праздник и субботу работать, очень большой грех”. Мама говорит: “Скажи, дочка, кому какие места-то?” — “Нет, не велели. Вот когда буду умирать, тогда скажу”.

Один раз было воскресенье. Наташа говорит: “Мама, я ведь всё вижу”. И всё рассказала: кто во что одет, что где лежит. Потом просит: “Принесите мне смертную одежду, в чем вы меня положите”. Принесли. Поглядела она и всё назвала. Целый день сестра видела и всё повторяла: “Как хочется на папу поглядеть, но, наверное, уже не уви-

жу”. А отец-то был на базаре. Едет он во двор, а Наташа и говорит: “Вот уж и не вижу больше ничего”. Потом мне сказала: “Аннушка, когда я умру, ты никому не говори, а останься в избе одна и встань вот на этом месте и гляди в окно: когда меня понесут, ты увидишь ангелов, которые со мной полетят, только никому не говори”. А когда она умерла, я маме рассказала, а мама — всем родным, которые приехали ее хоронить. Я всё же осталась, но ангелов не видела, а видела как бы искру огненную. Не знаю, потому ли, что сказала другим, или не дано мне было видеть. Тогда я была еще маленькая, мне было двенадцать лет.

Наташа умирала накануне Николина дня во время всенощной, и не было никакого подозрения на то, что вот она сейчас умрет. Сказала только: “Мама, поверни меня на бочок”. Мама повернула ее, а она глазки закрыла, вздохнула — и всё. Когда хоронили, то мама батюшке говорит: “Мы забыли ее спросить насчет того, кому где место приготовлено”. А он отвечает: “Ах, Варвара, разве вы это забыли? Вам не дано знать! Это ей, ангельской душеньке, Господь открыл потому, чтобы вы знали, что есть загробная жизнь. А ты-то благодари Бога, что у тебя было такое дитятко. Она молитвенница не только за вас, но за весь ваш род”.

Да, вот еще забыла сказать: в праздники ей всё были видения. В одно воскресенье папа и мама были в городе, а мы, дети, завтракали. И вот она крестится, крестится: “Царица Небесная, Царица Небесная!” Улыбается, потом глаза закрыла и говорит: “Что же вы не молились, ведь была Царица Небесная!” — “Какая же была?” — спросили мы. “Светлая, сияла вся в золоте”. — “Ну, что Она говорила?” — спросили. “Ничего. Она меня только благословила”».

Эта семнадцатилетняя девица Наташа почти всю жизнь была слепая. Но какие дивные видения открывались ее духовному взору!..

Матушка Серафима, о которой мы хотим сказать несколько слов, тоже была почти слепая. Но матушка про-

жила длинную жизнь, ей было под девяносто лет, и была она старенькая-престаренькая. Жила она одна недалеко от Лавры Сергия Преподобного, с южной стороны святой обители, на Долгопрудной улице, рядом с озером. Ангел Хранитель всегда был с нею, она беседовала с ним и никогда не оскорбляла его. Какое это большое счастье для человека — жить вместе с Ангелом Хранителем, ясно чувствовать его около себя, каждую минуту проверять свои дела и думать: «А как Ангел Хранитель? Не оскорблю ли я его этим делом?»

Яко ангелом Своим заповесть о тебе сохранити тя во всех путех твоих (Пс. 90, 11).

Идет человек один темною ночью по пустынным улицам. Нигде ни огонька, только осенний ветер качает деревья, и их тени рисуют причудливые образы в воображении одинокого пешехода. Страшно человеку! Кто укрепит в эту минуту немощную, беззащитную душу? Ангел Хранитель. Его сила велика. Еще в древности Ангел в одиночку поразил несколько тысяч воинов Синнахирима*. И разве он не защитит одинокую душу? Как хорошо призвать его на помощь, почувствовать его рядом с собой в страшную минуту! Под его покровом и защитой тебе не будет страшно. Как часто мы чувствуем себя одинокими, слабыми, беззащитными! Но какая сила и бесстрашие рождаются в душе человека, когда он вспомнит Ангела Хранителя и своими духовными очами увидит его около себя! Нет большего оскорбления для Ангела Хранителя, чем то, когда мы забываем о нем, не надеемся на него, не призываем его к себе на помощь. Как ты, мой милый друг, относишься к своему Ангелу Хранителю? Помнишь ли всегда о нем, чувствуешь ли на себе его дыхание и веяние светлых крил?

...Матушка Серафима жила одна в своей полуразвалившейся хибарке. Она, кажется, и дверей-то никогда не запирала. Сила ее духа укреплялась близостью Анге-

* Ассирийский царь (705–681 гг. до н. э.) — *Прим. ред.*

ла Хранителя. Могу ли я заверить, что она его не видела наяву? Ее тихая сосредоточенность и постоянная молитва говорили о том, что она всё время беседует с Ангелом Хранителем и с Господом.

***

В просторной комнате в маленькой люльке спит малютка безмятежным детским сном. Тихая блаженная улыбка сияет на его чистом личике. Осторожно входит мать, на цыпочках подходит к ребенку, боясь его разбудить. И вдруг кто-то тихо говорит ей в самое ухо: «Бери младенца и беги». Она оборачивается. Никого нет. «Бери младенца и скорее беги», — еще настойчивее повторяет голос. Уже не рассуждая, она хватает малютку и выбегает за дверь. В эту самую секунду за ее спиной раздался страшной силы треск, гром падающих бревен и досок. Потолок в комнате, где только что безмятежно спал ребенок, провалился и обрушился. Ангел Хранитель спас малютку.

***

В минуту отчаяния одна мать прокляла своего ребенка.

Когда ему исполнилось десять лет, бесы пришли за ним. Была ночь. Неожиданно двери в комнату открылись, и вошло множество нечисти. Впереди — самый страшный. Глаза его горели огнем адской злобы. Он был настолько велик, что головой упирался в потолок. Отрок — маленький, щупленький — спал рядом с матерью. Увидев незваных гостей, мать, как разъяренная львица, вскочила.

«Отдай сына, ты его прокляла, он наш», — прорычал старший демон. «Нет, ни за что на свете!» — ответила она и подняла руку для крестного знамения. «Отдай!» — наступал злобный демон. «Ни за что не отдам! Ангел Хранитель, помоги!» — вскричала мать. Молния блеснула лучом яркого света, мать, не помня себя, упала без чувств.

...Когда она опомнилась, в комнате была тишина. Отрок спал тихим безмятежным сном.

***

Семья готовилась ко Святому Причастию. А храм был за семь километров, ехать нужно было рано утром на пароходе. Пока с вечера читали молитвы к Причащению, вечерние молитвы, каноны, настала глубокая ночь. Через два часа должен быть пароход. Спать — проспишь. «Ангел Хранитель, разбуди, чтобы нам не проспать!» Перекрестившись, легли...

Спустя два часа в окно раздается легкий стук. Но сон утром крепкий. Стук повторяется громче. Отец встает и выходит во двор. Никого нет. С реки доносится гудок — это пароход подходит к пристани. «Боже мой, вставайте! Ангел Хранитель как раз вовремя нас разбудил, собирайтесь».

***

Мальчику Тимофею было семь лет, а его сестре Марии — годик. Вот неожиданно она смертельно заболела. Мать ночами не отходила от ее постельки. В последнюю ночь мать так утомилась, что не могла бодрствовать и заснула. Мальчик Тимофей сидел у окна. «Мама, мама, Маньку взяли!» — вдруг закричал мальчик. «Что ты кричишь?» — проснулась мать. «Да Маньку-то нашу взяли». — «Кто взял?» — «Да вон понес, белый-белый и с крылышками».

Когда мать подошла к кроватке больной Марии, девочка уже умерла. Тихий светлый ангел унес ее душу в небесные обители рая.

***

Отец тихо вошел в детскую спальню. Он намеренно вошел так тихо, чтобы дети не услышали. Отец хотел своим незаметным приходом особенно обрадовать детей. Притаившись за ширмой, он услышал детский голос: «А как ты думаешь, они сегодня придут к нам?» — спрашивала маленькая девочка Надя свою сестру. «Да, они придут, обязательно придут», — отвечала маленькая

Катенька. Входит отец. Дети смутились... «О чем это вы, детоньки, разговариваете, кого ждете?» — «Да ангелов ждем». — «Каких ангелов?» — удивляется отец. «Ангелов настоящих, — в один голос отвечают дети. — Они ходят к нам каждый вечер, да такие тихие, светлые». Отец, роняя слезу, тихо вышел из детской.

***

Необъятное небо. Два ангела воспарили к небесам, неся душу человека. Неожиданно навстречу явилась темная толпа бесов. Они кричали, требовали, угрожали: «Куда несете эту грязную душу? Она наша. Или вы не знаете, что она всю жизнь делала грехи?» Ангелы, несшие душу, защищались. «Докажите, что она ваша», — говорили они бесам. «Всю жизнь она беззаконничала!» — наступали бесы. «Так как вы всегда лжете, то мы вам не верим, — сказал один ангел. — Спрошу Ангела Хранителя».

Ангел Хранитель ответил: «Да, действительно, эта душа — великая грешница, но я видел, как при смерти она много плакала о грехах своих». Пристыженные бесы исчезли.

Какое великое счастье для человека — всегда живо ощущать около себя Ангела Хранителя! Во всю жизнь — в младенчестве, отрочестве, юности, в зрелых и старческих летах — человек охраняется мощною силою Ангела Хранителя. А какое великое утешение для бедной души увидеть тихий и светлый образ Ангела Хранителя в минуты смерти человека, когда душа его мятется, устрашается безобразными призраками, когда от родных нет ни утешения, ни помощи! Беззащитная перед смертью, душа переживает страшную муку одиночества, полной оставленности, страх наказания за грехи, неведомую тайну будущей жизни или вечной муки... Но вот у одра умирающего тихо является Ангел Хранитель. Как солнце своими теплыми лучами, согревает он умирающего своей опекой.

Его кроткий взор вселяет надежду в грешную душу и дает твердую опору в защите от бесов. Как небесные серафимы ведут чистую и мирную жизнь с другими ангелами, так матушка Серафима жила в любви и неразрывной дружбе со своим Ангелом Хранителем.

Последний раз я видел ее в Лавре, когда она, с неизменным узелком за спиной, в котором лежали Святое Евангелие, поминание, просфорочки, — согбенная, с посошком в руке — причащалась Святых Христовых Таин. И с той поры в Лавре ее больше не видели. Тот, кого она так боялась оскорбить во всю свою жизнь, кому она так всегда горячо молилась, тихо открылся ей в минуту ее смерти. Он твердо встал у ее одинокого бедного одра и своим огненным мечом отогнал все бесовские призраки.

Похоронили ее на братском кладбище. Святое имя матушки Серафимы навечно вписано в лаврский синодик и в сердца иноков святой обители. Она жила вне святой Лавры, но вот своей любовью к небесному покровителю Преподобному Сергию, а также любовью к Ангелу Хранителю она заслужила себе венец нетленной жизни и вечного небесного счастья. Ее душа окрылилась от постоянного, ежедневного молитвенного общения с Сергием Преподобным. А воля ее укрепилась от близости к ней святого Ангела Хранителя.

Сколько теперь христианских душ, живущих в миру, среди суеты, житейских невзгод, среди искушений, всяких греховных падений, — сколько их теперь спешит под кров Преподобного Сергия и под молитвенную сень святой его обители! Все верьте, что ваша любовь к святой обители не тщетна. Ваш труд, хотя, может быть, и малый, всё равно не пропадет даром. Окрыляйтесь и вы под сенью великой Лавры, пока еще ее свет мощным сиянием горит во тьме жизни. Не забывайте своих Ангелов Хранителей, которые ежеминутно, как любящая мать, нежно берегут вас от всяких зол, и болезней, и вражеских нападений. Прислушивайтесь к советам этих Божиих послан-

ников, которые, стоя за правым вашим плечом, всегда внушают вам благую мысль. И всей силой души отвращайтесь от наветов и козней бесов, которые из-за левого плеча всегда толкают вас на погибель. Питайте самую нежную любовь к Господу, к Матери Божией, своему Ангелу Хранителю, к Преподобному Сергию, и за ваш труд в духовной жизни воздастся вам сторицею!

Матушка Сергия

Есть такая прекраснейшая добродетель, которая уподобляет людей небесным ангелам и святым Божиим человекам, — незлобие.

Вот любящая мать наказывает своего непослушного ребенка. Тот плачет, кричит, даже пытается чем-то ударить свою мать. Но проходит минутка-другая, и ребенок снова лезет на колени матери, мирно играет, не помня никакой обиды.

Аще... не будете яко дети, не внидите в Царство Небесное, — говорит Спаситель (ср. Мф. 18, 3).

Какая прекрасная добродетель — незлобие! Она уподобляет людей безобидным детям и кротким ангелам. Посмеялись, поехидничали над тобой за твою веру, обидели, унизили, перестали ценить, — как необходимо здесь тебе незлобие! А если бы мы еще помнили, что незлобие искупило мир от вечной погибели, как бы мы горячо возлюбили эту добродетель!

Посмотри-ка, мой дорогой и милый друг, как умирает на Кресте Господь наш Спаситель! Кругом насмешки, издевательства, угрозы, ехидство. От страданий Он едва не теряет сознание и всё же находит силы, чтобы молить: «Отец Небесный, Ты им прости, прости всё, что они сделали со Мной».

Какое дивное незлобие, какое благодушное всепрощение, любовь!

Да, много на земле прекрасных добродетелей, но почетное место среди них занимает святое незлобие! Добро-

детель эта велика потому, что рождает многие другие христианские качества: кротость, смирение, простоту, терпение, милосердие, уступчивость.

Уступчивость — любимая дочь незлобия. Она нужна нам, как воздух. Без уступчивости невозможно уподобиться ангелам и Божиим людям. Если уступчивость может поднять человека до святой ангельской простоты, то какое зло, даже смерть духовную и телесную, приносят человеку неуступчивость и упрямство!

Хочешь видеть живые примеры гибельной неуступчивости и спасительного незлобия?

***

Течет быстрая и широкая река. Если кто попадет в ее бурные и крепкие объятия, то тому несдобровать. Закрутят воды, завертят, понесут и поглотят...

Чрез реку пролегает узенький мостик. Только одному свободно можно пройти по этому переходику, а двоим — еле-еле разойтись.

Но вот, смотрите, смотрите, с этой стороны по переходику пошел рогатый козлик. А с другой стороны ему навстречу — другой такой же. Вот они сошлись на середине мосточка. Как бы надо кому-то одному уступить дорогу другому, потесниться! Нет, ни один не уступает. Хоть бы чуть-чуть в стороночку — и разошлись. Нет, они еще схватились бороться! О ужас, оба летят в бурный поток. Вот плод неуступчивости!

Ах, как жаль, как жаль этих козликов! Вон они барахтаются в воде и жалобно кричат. Минута — и вода понесла и поглотила их.

Когда тебе, мой милый друг, кто-либо перечит или предлагает свое, то ты не упорствуй, не противься, как упрямый козлик, но прояви благоразумие и благородство души — уступи. Даже если тебе кажется, что твое суждение правильнее, и тогда уступи. И две души будут спасены от погибели.

***

Январская ночь в поле была темной и метельной. Ветер выл, точно голодные волки. Трещал мороз. По глубокому снегу пробирался человек. Он, кажется, уже не шел, а полз. Вот сквозь снег и вьюгу он заметил огонек в оконце хатки. Но как добраться к нему? Силы вышли, руки, ноги заледенели. А хатка совсем рядом. Кричать? Да разве услышат!

...На горячо натопленной печи сидели две сестры. Они ждали родного брата с войны, так как тот сообщил, что должен прийти на днях. В эту ночь им обеим не спалось. Уже скоро полночь, а у них еще теплится лампа. Вдруг им почудилось, как будто кто-то кричит.

«Поди, Марья, поди, не брат ли приехал», — сказала одна сестра другой. «Ишь ты, Дарья, поди-ка сама, это буря в трубе визжит».

В хате вновь воцарилась тишина, только тихий свет лампы еле освещал замерзшее окошко. Вдруг снова сестрам показалось, что кто-то будто кричит о помощи, но уже слабее. Одна из них зашевелилась и сказала: «Поди, Дарья, поди, не брат ли приехал?» — «Ишь ты, Марья, поди ты сама, это ветер гудит в трубе».

И снова в хате тишина...

Всю ночь ревела метель. Всю ночь напролет рвал сильный ветер. Под утро водворилась мертвая тишина. Рассвело. Марья, закутавшись, пошла на зады за водой. Вдруг бежит обратно: «Дарья, эй ты, Дарья, поди скорее, мне страшно».

Когда Марья и Дарья вышли на зады, кругом был снег, точно белый саван. Совсем рядом от калитки, шагах в пяти, из-под снега торчала человеческая рука. Сестрам стало страшно. Они вскричали соседям. Собрался народ. Откопали замерзшего солдатика. Он шел с войны в родной дом, к родным сестрам. А они просидели на горячей печи, поленились слезть, одна другой не уступили и братца у родной хаты погубили.

***

Выходной день. В семье решается вопрос, куда ехать отдыхать. «За город», — кричит что есть силы мальчик. «Нет, лучше в городской парк», — старается перекричать его девочка. «Нет, нет, лучше на озеро, на пляж», — кричит еще сильнее вторая девочка. И в семье завязалась ссора: каждый настаивал на своем и доказывал, что там непременно лучше отдыхать, веселее. Никто не хотел уступить, но желал, чтоб было только по его. Если бы не вмешались в это дело родители, то дети бы подрались.

Наконец выбор все-таки сделали, но так как долго спорили и не хотели друг другу уступить, то на электричку опоздали и не попали ни в парк, ни на озеро, ни за город, и все остались дома. Отдохнули?

Бывает подобное и с нами. Подходит воскресный день. Одна детка говорит другой: «Поедем в Лавру к Преподобному». А другая говорит: «Нет, мы там недавно были. Лучше поедем в Елоховский». А третья говорит: «Не в Лавру и не в Елоховский, а самое лучшее — в Скорбященский». Начинается спор. Каждая доказывает свое, не уступает другой — как маленькие дети. Время идет, возбуждение и недовольство возрастают. И наконец, не достигнув согласия, разъезжаются кто куда. Одна едет в Лавру, другая в Елоховский, а третья в Скорбященский. И думают там помолиться. А душа-то и не молится. Благодати нет, потому что не уступила, и на сердце не мирно.

Да, велик грех неуступчивости, очень велик.

А вот теперь посмотрим, как благотворна для души уступчивость и как приятно Богу незлобие.

***

Две духовные сестры прожили в одной келии двадцать лет и ни разу не поссорились. И вот однажды сестра Мария говорит сестре Зинаиде: «Зина, мы с тобой ни разу в жизни не ссорились, давай хоть раз поссоримся, хоть понарошку». — «А как?» — спрашивает Зина. «А вот как:

я поставлю посреди келии ведро с водой и скажу, что это ведро мое. А ты скажешь: нет, не твое, а мое это ведро. А я скажу: ничего подобного, это мое ведро. Так и поссоримся, может быть, и подеремся».

Так сестры и договорились. Взяли ведро с водой, поставили его посреди келии. Мария говорит: «Это мое ведро». А Зина отвечает: «Твое, так и бери». И ссора не состоялась — не могла Зинаида стоять на своем. И сестры так и жили по-мирному.

***

Стояла знойная погода. Жара невыносимая. Хлеба и травы выгорали дотла.

«Батюшка, надо бы отслужить молебен о дожде», — сказал священнику старый псаломщик. «Ну что ж, отслужим, — ответил батюшка, — только сначала пойдем на кладбище да попросим умерших, чтоб они помолились о нас, о живых, чтобы Господь послал нам дождичка». — «Нет, на кладбище мы не пойдем, — настаивал псаломщик, — ни за что не пойдем, там чистое поле и жара ужасная».

Батюшка говорил свое, псаломщик — свое, и молебен не начинался. Тогда батюшка на минуту отлучился в свою комнату, а когда вышел, на нем был надет дождевой плащ, на ногах — галоши, над головой — зонт от дождя. Все ахнули: батюшка с ума сошел, знамо, сошел с ума!

«На кладбище пойдем», — тихо сказал он псаломщику. «Хорошо, батюшка, на кладбище», — мирно и кротко согласился псаломщик.

Не успели батюшка с псаломщиком и народом тронуться к кладбищу, как солнце закрыла тучка. Эта тучка росла, сгущалась, и, когда они пришли на кладбище, полил сильный дождь.

Уступчивость низводит с небес на землю благодать. А батюшка имел такую твердую веру, что всегда, когда была страшная засуха и жара, он, идя в поле совершать

молебен о дожде, заранее надевал дождевик, галоши и брал зонт. И вера его никогда не посрамлялась.

***

У неверующего отца умирает любимый сын, семнадцати лет. Отец затосковал. Дня через два после похорон, когда он пошел на кухню, увидел на пороге покойного сына. Живыми глазами посмотрел тот на отца, потом быстро повернулся и ушел в свою комнату. И на другой день, и на третий так же. Потом сын стал являться отцу во сне. Вот однажды он спрашивает отца: «Папа, ты думаешь, я совсем умер? Нет, я жив, папа». — «Как же ты живешь, Игорь?» — «Мне хорошо. За меня молится одна благочестивая монахиня». — «Игорь, что же мне делать?» — спросил в недоумении отец. «Иди, папа, в церковь и поставь за меня свечку». — «Игорь, ведь я же не верую». — «Ничего, папа, надо сходить». И отец уступил. Он сходил в церковь и поставил за сына свечку. С тех пор сын успокоился и больше не являлся отцу. (Письмо из Тулы, 1963 год.)

***

А вот тебе, милый мой друг, пример незлобия и прозорливости.

В одной семье брат смеялся над сестрой за то, что она верит в прозорливость митрополита Филарета Московского.

«Вот я сам испытаю, какой он прозорливый», — сказал насмешливо брат. Он оделся в бедную одежду и идет к митрополиту.

«Помогите на погорельщика», — попросил он плаксиво, обращаясь к митрополиту. Тот вынес ему пакет: «Вот вам на сгоревшее имение».

Торжествуя и смеясь, брат рассказывал сестре, как он обманул митрополита Филарета, когда вдруг принесли телеграмму, в которой говорилось, что от возникшего пожара сгорело имение брата в таком-то селе. Он был поражен. Но еще больше он поразился тому, что сумма ущер-

ба от сгоревшего имения совпадала с той, которая была в пакете, данном ему митрополитом Филаретом.

***

Один неверующий доктор хотел увидеть знамение Божие. Жена его говорила ему о Боге и предупреждала, что знамение может быть страшно.

Как-то прибежал к доктору старик сосед. «Доктор, спасите моего внучка, он задыхается!» — «Ни за что на свете. Ты меня обобрал, негодяй, обманул, а теперь просишь спасти внучка? Вон отсюда, уходи», — и доктор захлопнул дверь.

В комнате на стене висела гравюра, изображающая Христа, внизу — подпись: «Любите врагов ваших, добро творите ненавидящим вас». Взор доктора упал на гравюру. Где же Христос? Нет Христа. Нет на гравюре Христа! Только слова остались: «Любите врагов ваших...»

«Я с ума схожу, лишился рассудка. А может быть, это — знамение? Жена говорила, что оно страшно. Любите врагов ваших... Не помните зла... А старик, ребенок?..» Доктор быстро собрался и пошел в соседский дом. Он застал ужасную обстановку. Женщина держала на руках мальчика, который задыхался от дифтерита. Старик, безнадежно опустив руки, сидел на лавке в углу. Увидя доктора, мать радостно вскрикнула: «Боже милостивый, мой ребенок будет спасен!»

...Операция прошла успешно, ребенок стал дышать свободно. Старик упал на колени. Доктор же быстро оделся и вышел. На душе было спокойно и светло. Вот он входит в свою комнату, бросает взгляд на гравюру: Иисус Христос на прежнем месте — в центре картины...

***

Преступный сын несчастной матери осужден на смертную казнь. Мать скорбит, что погибает его душа без покаяния, без причастия, без исповеди, от которой он отказался перед казнью. «Зачем мне священник, всё равно подыхать», — сказал преступник.

Мать пришла к знакомому тюремному начальнику и упросила его отнести в смертную камеру сына маленький узелок. Отдавая узелок, мать про себя думала: «Он узнает Ее. Перед Ней в детстве он молился, он так любил Ее». А вслух сказала: «Когда всё будет кончено, я приду».

...В камере смертников на земляном полу вниз лицом лежит юноша. Он забылся тяжелым сном, страшный кошмар сдавил его душу... Тихо открылась дверь. Вошел тюремный страж. Развязав узелок, он вынул небольшую икону Божией Матери, поставил ее на стол, засветил свечку. Просфорочку вынул, в пузыречке святую воду — всё положил на стол и так же тихо вышел.

Юноша очнулся, поднял голову. В слабом луче света грустный и кроткий лик Богоматери смотрел прямо в его душу. Чем-то знакомым, родным повеяло от иконы, молнией мелькнули в душе образы маленькой детской, родимой матери и теплой материнской любви. Мать вспомнила о нем!

Дрогнуло жестокое сердце преступника. Он потянулся к родной иконе, дрожащими руками взял ее, прижал к груди и зарыдал... «Пошли христианскую кончину, о Матерь Божия!» Не отрывая икону от груди, он принял часть просфоры, запил святой водой и от наплыва чувств глубокого раскаяния и сожаления о прошлом потерял сознание и упал на пол...

В храме перед образом Владычицы молилась мать. Вдруг она почувствовала, что кто-то стоит около нее. Повернулась — сын смотрел ей в глаза: «Спасибо, мама, ты всё мне простила, я теперь свободен».

Когда в назначенный час пришли за юношей, чтобы вести его на казнь, он лежал на полу, безжизненный и холодный, крепко прижимая к груди святую икону.

Матушка Сергия жила недалеко от Сергиева монастыря. Она была уже совсем старенькая. К святой обители горела большой любовью. Одно время, пока были силы, она

пекла на дому просфорочки для монастыря. Неся такой тяжелый труд, в котором ей помогали некоторые сестры, она всегда благодарила Господа и не проявляла неудовольствия и ропота. Со своей маленькой сумочкой, в которой она всегда носила много поминаний, она появлялась в храме Лавры — маленькая и очень старенькая. Внутренняя жизнь ее была известна одному Господу. Близкие ей люди рассказывают, что матушка Сергия отличалась особенной строгостью нрава и благодатным незлобием. Во всю свою подвижническую жизнь она никогда не имена привычки в чем-либо упорствовать или стоять на своем. Радостью и великим счастьем для нее было кому-либо уступить, кому-либо услужить. А если кто ей сделает какое зло, то у нее рождалась сильная потребность за это зло отплатить добром, по слову Спасителя. Любила она святое незлобие, как дитя любит сладкую пищу. Постоянным ее стремлением было угодить Господу, сделать Ему приятное и быть Его рабой, хотя бы и в числе самых последних. Святою жизнью жила матушка Сергия. В последние ее дни огонь болезни коснулся тела матушки и окончательно ее предочистил для будущей загробной жизни.

Помню я, как последний раз причащал матушку Сергию Святых Христовых Таин. Сестры передали мне, что она очень плоха, умирает. И вот я пришел с запасными Святыми Дарами, чтобы ее причастить. Она жила на Куковской улице, в маленькой клетушке, отгороженной от комнатки. Больная матушка лежала на своей коечке, одетая во всё монашеское. Тихий свет лампады освещал маленький, но хорошо убранный уголочек святых икон. Матушка Сергия сильно обрадовалась, когда ей сказали, что пришел батюшка причащать. Когда я вошел в ее клетушку, матушка была настолько слаба, что не могла подняться, но делала усилие и хотела сесть на своей коечке, чувствуя важность и высоту момента. Ее попросили лежать. За всю жизнь привыкнув уступать другим, она и здесь уступила нашей просьбе и лежала, покрытая

мантией, в апостольничке. Вид ее был необыкновенный. Внутренне она испытывала физическую боль, но внешне она сохраняла спокойствие, и лицо ее светилось духовной радостью.

«Сейчас я буду читать молитвы к исповеди, а ты, матушка, слушай», — сказал я мягким голосом. «Хорошо, батюшка, я буду слушать», — ответила она тихо.

Когда я начал читать молитвы исповедные, она совсем затихла и лежала совершенно спокойно, не двигаясь, не издавая ни одного звука, хотя чувствовалось, что она переносит предсмертную тяжелую муку.

Исповедь я провел краткую, чтобы скорее ее причастить Святых Христовых Таин. Чувство мне подсказывало, что надо спешить и что матушка живет последние минуты. Прочитав кратко молитвы к исповеди, я ее исповедовал. Помню, как она по-детски каялась, и самый большой ее грех был, как она говорила, — нетерпение: трудно ей было терпеть, что смертушка не приходит долго. И осторожно выразила опасение, что жизнь ее прошедшая очень грешная и что Господь ее не примет к Себе в райские обители. Я успокоил ее надеждой и сам искренне был уверен, что Господь всё ей прощает и за ее святую жизнь, ее незлобие и смирение, за постоянный труд пошлет ей тихую, блаженную кончину, и Ангел Хранитель восхитит ее душу в светлые обители рая. Она, совсем успокоенная, со светлым лицом и тихой духовной радостью приняла Святые Тайны, чуть-чуть подняв свою головку от постели. Причастившись, она тихо произнесла слова благодарения: «Слава Тебе, Господи, слава Тебе», — и неуверенной рукой совершила на себе крестное знамение.

Внутренне благодаря Господа, что Он сподобил меня успеть причастить матушку Святых Христовых Таин, я уже полностью прочел благодарственные молитвы. Закончив их, я подошел проститься с матушкой. Предчувствие говорило мне, что я еще раз ее увижу, но уже в гробу. Так и получилось. Не успел я выйти из этого дома,

как сестры стали читать для матушки отходные молитвы. Ангел смерти уже приступил к ее одру... На следующее утро, после ранней литургии, я совершал о ней первую панихиду, а еще через сутки мы провожали ее в последний, дальний путь.

Помню, как на дворе крутила вьюга. Холодный ветер гнал по земле снег и заметал наши следы. Машина, которая должна была везти гробик к могилке, не могла подойти близко к дому и остановилась несколько выше, у дороги. Гробик с отпетым телом матушки вынесли на руках во двор. И когда сестры и собравшиеся понесли гробик к машине, раздалось тихое и трогательное пение... «Святый Боже»... Я проводил ее до самой машины с этим пением и кадилом в руках. Гробик поставили в кузов. Закрыли борта. Сестры сели на лавочки машины, чтобы проводить матушку до могилы. Заработал мотор. Машина, обдав нас едким газом, медленно двинулась в путь... Сильная поземка замела последние следы...

Матушка была незлобивая и трудолюбивая голубка. Свою жизнь отдала Господу Иисусу Христу, Которого возлюбила до смерти. Мы не знаем ее прежней жизни. Но говорят, что она раньше жила инокиней в Хотьковом монастыре, потом была пострижена в мантию и в схиму, в чем Господь и призвал ее душу в Свои небесные обители.

Спустя некоторое время после блаженной кончины матушки Сергии ее чистая и светлая душа благоволила, по воле Божией, навестить своих близких сестер. Однажды они неожиданно увидели наяву ее светлый образ в своей келии. Этим она показала, что Господь ее удостоил небесного покоя и душа ее светлая, незлобивая вместе со смиренными святыми ангелами находится в блаженной радости на небесах.

Вспоминай, мой милый друг и дитя, вспоминай в своих молитвах приснопамятную схимонахиню Сергию, чтобы Господь ее святыми молитвами и тебя сподобил, моя

милая душа, завершить твой жизненный путь благодатно и спасительно и перейти в иную жизнь тихо, безмятежно и радостно.

Мы написали в кратких словах о духовной жизни трех рабынь Христовых — монахини Людмилы, монахини Серафимы и схимонахини Сергии, которые спасались и закончили земную жизнь под молитвенным покровом Преподобного Сергия.

Как говорили мы и раньше, эти рабыни Христовы непосредственно не относятся к братству Троице-Сергиевой Лавры, но своими душами, своей любовью и преданностью святой обители они были близки к Сергию Преподобному. Он их так же любил, как и свою братию. И не только эти три счастливые души, о которых мы написали здесь, но и много, много других, таких же счастливых душ, нашли себе тихий приют под священной сенью обители Сергия.

Эти невесты Христовы, среди которых много тайных инокинь, взявших на себя сокровенный, никому, кроме Бога, не ведомый подвиг, подобны тем евангельским мироносицам, которые неотлучно ходили за Христом Спасителем, за что удостоились быть вписанными в Евангелие вместе со святыми апостолами.

Вот так и вы, дорогие мои и милые друзья, питающие горячую любовь к святой обители Сергия Преподобного, приносящие в нее все свои скорби и переживания жизни, следующие неизменно по стопам Сергия Преподобного, подражающие его смирению, дивному терпению, неослабному труду, внутреннему очищению, удостоитесь быть так же причисленными к святому братству его учеников, как мироносицы к святым апостолам.

Да спасет вас всех милосердный наш Господь по молитвам Своего великого угодника Преподобного Сергия!

Заключение

Вот мы, с Божией помощью, закончили второй том наших воспоминаний «У Троицы окрыленные». В нем мы рассказали о монашеской жизни тринадцати старцев из числа братии нашей Троице-Сергиевой Лавры, почивших в разное время с 1955 по 1960 год, и трех монахинь, которые любили посещать святую Лавру, молиться в ее стенах и по мере своих сил помогать ей.

Как видите, воспоминания не дают полной биографии описываемых здесь лиц, но касаются главным образом последних лет их жизни, проведенных во святой обители, где они и достигли своей блаженной кончины.

В воспоминаниях много дополнительного материала, непосредственно к биографии братии не относящегося, но имеющего прямое отношение к их добродетелям или достоинствам, что делает чтение более интересным, живым, увлекательным.

Воспоминания написаны с целью не только исторической, но и чисто нравственной, чтобы каждый читатель нашел здесь себя, увидел свои недостатки, свои сомнения, свои переживания. Особенно большое внимание обращается на духовную жизнь или духовный путь. Так как современная духовная жизнь связана со сложнейшими, трудноразрешимыми вопросами, то здесь и даются необходимые пояснения, которые могут быть полезными для каждого желающего вести правильную духовную жизнь. Например, об отношении к духовному отцу, к миру внешнему и миру внутреннему, душевному.

Написаны воспоминания простым и доступным языком, не языком рассудка или логики, а — сердца, чувства, глубокой убежденности. Автор сам пережил многие события, здесь описанные, и излагает их как личный, внутренне пережитый религиозный опыт. Тем более что, находясь в святой обители — Троице-Сергиевой Лавре — довольно

много лет, был свидетелем тех или иных чудесных событий, совершающихся в ее стенах.

Воспоминания предназначены для келейного чтения и для сохранения фактов, связанных с жизнью лаврских насельников. Это своего рода летопись, которая может быть полезна для будущего историка, который продолжит описание славной истории нашей святой обители. Время течет, как быстрый поток. Умирают поколения, рождаются на место их новые, и вот им-то, может быть, и пригодятся эти наши воспоминания, особенно людям, любящим старину, имеющим большой интерес к событиям истории.

И если кому-нибудь из современных людей придется прочесть эти строки, то пусть серьезно углубятся в них. Думаю, что они найдут много жизненной правды, а также практическое руководство для личной своей духовной жизни.

Вторая часть воспоминаний была написана в короткий срок из-за недостатка свободного времени, многих обязанностей по монастырю, отсутствия должного здоровья и по всяким другим причинам.

Единственная желаемая награда для автора за этот труд — душевная польза читателю. Если он найдет что-то полезное для себя в этих бедных словах, если они подвигнут его к большему благочестию, к большей вере и любви к Господу нашему Иисусу Христу, любви ко всем людям, живущим на Земле, — верующим и неверующим, к друзьям и врагам, — то автор будет полностью вознагражден.

Конец второго тома, и Богу слава.

Часть III

1960–1965

От автора

Милостию Божиею приступаю к завершению неоконченного труда «У Троицы окрыленные». Отзывы читателей на первые две части, написанные мною с некоторым перерывом, оставили в моей душе двойственное впечатление. Дело в том, что в наше время люди ко всему относятся очень уж критически — каждая личность, каждое дело, каждая книга, вышедшая в свет, непременно вызывает самые разнообразные суждения. И, к сожалению, в большинстве случаев каждый старается дело другого как-нибудь осудить, унизить, обесценить.

Святитель Феофан Затворник давненько ведь жил от нас, и даже в его времена подобное тоже бывало. Он пишет по этому случаю следующее: «Ох уж и времена настали, прямо удержу нет людям, каждый судит, каждый пересуживает: это что, да это почему, а это не по-моему и т. д.». Так вот теперь-то люди еще просвещеннее стали, ведь мы в двадцатом веке живем. Век-то не какой-нибудь, а двадцатый! Ныне совопросников-то (см. 1 Кор. 1, 20) сплошь и рядом уйма, бездна, счету нет, удержу нет.

Чуть малыш встанет на ноги — и уже философствует: «А где Бог? Почему я Его не вижу?» — и прочее, и прочее. Это всё потому, что теперь мы можем называться действительно «много знающими», а некоторые даже мечтают, чтобы их звали «всезнающими». Такой уж теперь народ пошел, совсем иной, чем был сорок-пятьдесят лет назад. И всё это, конечно, хорошо, чтобы много знать, даже очень хорошо, но плохо уж очень то, что иной почти совсем мало знает или даже ничего толком не соображает, а претендует на всезнание, берется решать вечные вопросы жизни с тем, чтобы его считали знающим или даже очень знающим. Вот тут-то и делается прямо обидно за человека нашего времени. Ну, например, так много разных наук разрослось теперь, что лопу-

хи в поле. Это очень хорошо, что много наук разных, но беда вся в том, что науки-то отводят человека от самого себя. Ведь современный человек так мало знает себя, просто ужас. Обидно прямо. Нет ничего дивнее, дороже, краше человека. И как бы надо изучить его подробнее, детальнее. Правда, есть специальные науки, которые изучают человека, например анатомия. Но какого человека? Внешнего, физиологического, или, как говорят, плотского. Что у него за организм, что в организме, какое качество крови, какая длина кишок и так далее. Словом, всё, что можно увидеть глазами, ощупать руками, вот это и изучаем. Но, чтобы поглубже «покопаться» в человеке, то есть подробнее изучить то, что мы не видим, но оно есть непременно, например душа человеческая, этим почти не занимаемся.

Да и что там заниматься, говорят многие, никакой души-то и нет, где она, покажи ее мне, чтобы посмотреть на нее хоть одним глазком. Вот тут-то беда и начинается. Не видно души, значит, ее и нет вовсе. Вот тебе и вывод! Да и много имеется подобных вопросов. И решаются они очень уж просто, даже чересчур просто, прямо по-детски: не видно, значит, и нет ничего.

Теперь вот появилась очень важная наука о космосе. Это действительно умная мысль: полететь на небо, самому убедиться, что же там есть, как и чем всё держится, пощупать и удостовериться... Это чем-то похоже на евангельский рассказ об апостоле Фоме. «Нет, нет, что вы, — говорил апостол Фома другим ученикам, — никакого воскресшего Христа нет, что это вы выдумали. Ни за что не поверю, пока сам не увижу. Да нет, не только не увижу, ведь увидеть можно что угодно: покажется мираж, вот и увидел. Я хочу ощупать, рукой осязать, пальцы свои в раны Его вложить. Вот тогда я действительно поверю». И что же? Господь позволил апостолу Фоме убедиться именно таким образом, как он хотел. И убедился. Да так, что убежденно сказал: *Господь мой и Бог мой!* (Ин. 20, 28),

а потом и умер за Христа и Его учение как славный мученик и исповедник.

И то же самое с этими полетами. Ведь как хорошо полетать да убедиться самим. И, к нашему счастью, современный человек летает, и летает очень высоко и далеко, и летает успешно, и что ни выше он полетит — ближе к Богу, что ни больше откроет нового — скорее прославит Создателя, Который так мудро прекрасно всё сотворил и устроил. Вот эту науку прямо можно назвать божественной, богословской. Она поистине занимается богоисканием. Да не по книгам, а прямо в эксперименте, на живом опыте.

На днях произошел довольно интересный случай. Поздним вечером на монастырском дворе собралась кучка молодых монахов. Они были сильно возбуждены. Много говорили, горячо рассуждали. О чем? О луне. В руках у одного монаха была подзорная труба, или, как теперь называют, небольшой телескоп. Он увеличивал предметы в 25 раз. Вот эти монастырские «астрономы» и задирали свои бородатые лица к луне. «Боже мой, — говорил взахлеб один из них, недавно окончивший семинарию, — да я теперь еще горячее буду молиться Богу. Ведь луна-то, братцы, оказывается, какая, прямо чудо! Даже где-то там видны моря, океаны, да чудо Божие это, больше ничего. И такая громадина идет по небу, как поезд по рельсам. Ни вправо, ни влево, а точь-в-точь. Да несется-то как быстро, смотрите, она уже заходит за башню, точно живая. Это, братцы, настоящее диво. А я, — обратился говоривший к высокому молодому академисту, — и совсем было споткнулся в вере в Бога. Не видно и вправду Его, а Он вон где — в дивном Своем творении». И все монахи подтвердили слова говорившего. Затем они разошлись по своим келиям под особым глубоким впечатлением. Даже вечернее правило они читали по-иному, с живым чувством к живому Богу, Которого они так близко почувствовали сердцем в дивном творении Божием.

Ах, какая это прекрасная наука — изучать космос, небо, Вселенную! Дай Бог, чтобы она все более и более развивалась и совершенствовалась и приближала человека к Богу, сотворившему всё и вся.

Вот такие пошли сейчас люди. Если можно сказать, это люди великих исканий, достижений, освоений. Но все-таки самая лучшая и близкая нам наука — это изучать самого себя, изучать свою душу, постигать тайну ее жизни, ее существования. Ох, какая это сложная наука и какая нужная, и даже менее опасная. Главное, лететь никуда не надо, корабль строить тоже незачем. Сидишь дома или на службе — внимательнее будь к себе, сосредоточеннее следи за движениями своей души, а если умеешь, то еще лучше — читай Иисусову молитву. Наши святые отцы давным-давно занимались этой внутренней самонаукой, и какие они были гиганты духа, какие крепкие физически и настоящие столпы святой веры православной.

Но я что-то далеконько зашел с этими рассуждениями о нынешнем человеке. Ведь я-то хотел сказать, что критика теперь сильна и что моя первая книга попала под обстрел этих критиков. Хотя я и раньше напоминал, да и теперь говорю, что эти мои «Воспоминания» совсем и не такие книги, как, например, толковые сочинения. Мои воспоминания — это просто-напросто воспоминания и только, и ничего в них делового и существенного-то и нет. А некоторые ученые люди прямо-таки распушили мою первую книжку (I–II части). Но я совсем не собираюсь защищаться от этих критиков. Давайте больше критикуйте. Я всё-таки думаю, что найдутся и добрые, простые сердцем люди, которые прочтут да и поплачут, смахнут украдкой слезинку с очей своих, смягчатся душой, вздохнут поглубже, да и возьмутся поревностнее за свое спасение. Найдутся и такие. И их больше, чем ученых-то критиков.

Так я думал, а всё же в душе-то своей остыл, охладел, руки опустил и задумался: а может, и вправду больше

не браться за продолжение воспоминаний? Может быть, закруглить всё это дело как ненужное?..

Но вот взял я в руки Святое Евангелие и прочел такие слова: *В то время проходил Иисус в субботу засеянными полями; ученики же Его взалкали и начали срывать колосья и есть* (Мф. 12, 1).

Прочитан эти строки, я заплакал почему-то. Мне очень ясно представился душный палестинский вечер. Солнце уже садилось за горизонт. Кучка бедно одетых людей устало двигалась по полю по направлению к деревне. Впереди шел молодой галилейский Учитель и рядом с Ним пожилой седоватый человек (апостол Петр). Они о чем-то серьезно беседовали. Позади цепочкой растянулись другие ученики, уставшие и голодные. Целый день они провели, может быть, в пути, идя из Галилеи в Иудею, или, может быть, где-либо в пустыне. Учитель их беседовал с народом, и им некогда было поесть. И вот теперь, проходя полем, они срывали колосья, которые, быть может, еще совсем и не поспели. Они растирали их руками, выдували мякинку и ели зерно. Какая трогательная и вместе с тем поучительная картина! Устали в пути и проголодались... В эту минуту я мигом вспомнил всех вас... Всех, кто с детским доверием и любовью читает эти строки. Я подумал о том, как трудно вам на жизненном пути, как вы устали, как вам тяжело переносить духовный голод. Многие из вас, как и святые апостолы, тянутся искренне за Господом. Уставшие, духовно голодные, а иные, может быть, и больные, недужные, иные — обиженные, оскорбленные и безутешные. Но все цепочкой, по одному-по двое тянетесь за Ним. И вот срываете «колосья», чтобы утолить голод души. Но разве голым зерном, да в таком малом количестве, можно утолить алчбу измученной души?.. Тем более что некоторые из вас, либо как малые дети, либо как старые старушки, даже не имеют, чем разжевать твердое зерно, уставшие, одинокие, беззащитные...

И я сказал себе: нет, я должен им чем-либо помочь! Хотя мне и трудно, хотя это и сверх сил моих, хотя я, по существу, и не способен на это, но я им обязан непременно помочь. Ведь как их жалко. Уставшие и алчущие... бредут, идут за Христом, спотыкаются, падают... Он далеко впереди. А они не только голодные, но еще и в опасности. Ведь вечер, темнеет; вдруг выскочит хищник из-за куста или ядовитая змея выползет, извиваясь, из-под цветка...

И вот я, благословясь, засел за стол, чтобы хотя бы вручную размолоть, раздробитъ зерно истины Христовой и в самом доступном, простом слове дать духовную пищу своим чадам, алчущим, утомившимся в пути жизни.

Эта, третья и последняя, часть моих «Воспоминаний» охватывает пятилетний период жизни в Троице-Сергиевой Лавре, то есть с 1960 по 1965 год, и дает, насколько это возможно, описание тех лиц из братии, которые, окрылившись у Преподобного Сергия, перешли в горний мир.

Здесь мы сделаем пояснение. Ранее я говорил, что всех старцев, которые будут описаны в «Воспоминаниях», — тридцать два. В первой части — восеть, во второй — тринадцать и в третьей, то есть в этой, — одиннадцать. Однако делаю поправку. За вторую половину 1965 года умерли еще старцы, и описанию подлежат здесь не одиннадцать, а двенадцать человек.

Еще я хочу напомнить моим дорогим читателям, что эта работа не имеет никакого серьезного значения. Она пишется единственно по горячей любви к нашим милым и дорогим умершим труженикам Лавры. Хочется как можно дольше сохранить в памяти их тихий, покорный, светлый образ. Хочется хоть чуть-чуть, насколько это можно, взволновать и вместе с тем лучами святой простоты согреть бедные души людей, которые будут знакомиться с жизнью и смертью этих кротких учеников Сергия Преподобного, которые на моих глазах

до конца дней своих удивительно терпеливо, покорно и с благодарением в сердце несли на своих плечах иго Христово.

Этот последний период моих воспоминаний имеет ту особенность, что 1960–1965 годы были чрезвычайно плодотворны для Лавры. Их можно назвать периодом процветания святой обители. Хотя братство Преподобного Сергия и лишилось за это время многих духовных отцов, отошедших в небесные края, но на смену им в ограду святой обители «прилетели молодые голуби», причем в довольно большом количестве, целыми «стаями». Особенно много их появилось за истекший 1965 год. Это совсем еще юные ребята — семинаристы и студенты Московской духовной академии, которые приютились под молитвенным кровом великого Игумена земли Русской Преподобного Сергия. Он их воспитывает как боголюбивых, трудолюбивых и честных молодых тружеников для Церкви Божией и Отечества. Они-то в большинстве случаев и переходят в братство монастыря, принимают монашество, затем священный сан и духовно оперяются в стенах любимой Лавры.

Таким образом, описываемый период довольно плодотворный для святой обители и по количеству насельников, и в материально-бытовом ее устроении, и, наконец, в духовно-нравственном отношении.

Лавра Сергиева цветет и трудится. Для иностранных туристов она — изумление; для живущих и молящихся в ней — окрыление; для всего нашего народа и самой России — всесильное ограждение.

Описание умерших старцев будет дано, как и раньше, в хронологическом порядке, начиная с 1961 и по 1965 год включительно.

ПОСЛУШАНИЕ БОГУ

Игумен Арсений
(Антон Георгиевич Ромащенко)
(1888–1961)

Весь от юности Богу освятился еси, к Нему добродетельми приближаяся; тленная бо, яже на земли, оставив, небесное обрел еси богатство.

Канон Преподобному Сергию Радонежскому

Нет выше счастья для человека и для ангела, как быть в добровольном послушании Богу. На всем свете нет благороднее людей, как те, которые живут в полном согласии с божественными законами и не только их принимают, но и с любовью исполняют. Поистине счастливы эти люди и в этой временной жизни, наипаче счастливее будут они в жизни вечной.

Как мило и трогательно смотреть на того кроткого и послушного сына, который с самого невинного детства живет в беспрекословном подчинении отцу своему, своим родителям! Сколько здесь красоты дивного благородства, нежной признательности! Сын всей душой любит своего отца, сознает свою полную зависимость от него (зависимость, его ничуть не стесняющую, а радующую), выполняет с удовольствием и немедленно все отцовские указания. А если сын уже взрослый, умудрен науками, украшен многими качествами и при всем этом не перестает выражать своим родителям самые нежные, искренние чувства признательности и любви, то картина становится еще милее: она достойна многих похвал и одобрения.

Ничто не в силах изгладить из моей души тех благодатных впечатлений, какие оставил в ней подобный

пример, относящийся ко времени моей еще ранней юности. Это было около 1930 года, когда наша семья жила в верховьях Волги. Трудные были эти годы, голодные, неустроенные. Мы с отцом работали плотниками на небольшом предприятии. Вместе с нами в одной бригаде трудились другие отец и сын и тоже по специальности плотники. Но что это были за люди! Прошло вот уже тридцать с лишним лет, а я о них вспоминаю со слезами на глазах. Особенно меня трогала искренняя, неподдельная нежность сына к отцу. Не помню теперь, как ему было имя, да это и не так важно, важно его прямо-таки ангельское отношение к своему отцу, которому было, наверное, под семьдесят, а сын примерно тридцати лет. Но как сын относился к отцу! Он был так внимателен к нему, так сыновне любил его, исполнял все его малейшие указания и советы. И всё это искренно, от души, с чувством глубокого удовлетворения и внутреннего счастья. Ах, какая дивная гармония жизни, какая красота взаимных отношений! Мне было стыдно за себя: как же я-то отношусь к своему родителю, какая огромная разница между тем милым юношей-сыном и мною!

Вот ведь не забудешь никогда хороших-то людей. Они, как тихие звездочки на небе или как нежные цветочки, рассыпаны десницей Божией на земле, чтобы благоухать, удивлять, украшать нашу бедную добром и любовью земную жизнь. «Да, были раньше хорошие люди с чистыми, благородными душами, а вот теперь совсем другие», — скажут некоторые читатели. Есть, слава Богу, и теперь, будут и после нас. Жив Господь Бог наш, и жива будет христианская душа на грешной земле нашей. Но мы знаем, что во время холодной, дождливой осени и особенно снежной морозной зимой погибают все цветочки на земле...

Для утешения души хочется привести еще один дивный пример святого послушания и любви сына, но уже к матери. В прошлом году мне пришлось бывать в одном

подмосковном городке. И вот там увидел тоже поистине дивное явление для наших дней. Сын, ученейший человек, готовящийся защищать диссертацию, имеющий уже солидное положение в обществе... С какими нежными чувствами и какой любовью он относился к своей престарелой матери! «Мама, мамочка дорогая, ты не расстраивайся, не волнуйся, не утруждай себя чрезмерно», — участливо говорил он обычно своей матушке. И это не только при нас, приезжих, но так всегда, и когда они были одни дома. Вот такая дивная, благородная душа, такой цветочек, благоухающий в наше время.

Какие это всё-таки яркие и поучительные примеры для нас, неблагодарных, непослушных детей! И я беру эти примеры преднамеренно не из житий святых. Тогда вы могли бы мне в глаза сказать: «О, это были святые люди. Только они умели так жить, а мы грешные люди, куда нам за ними гнаться». Чтобы вы этого не сказали, я и привожу примеры из жизни современных нам людей, которые в таких же условиях, как наши, делают то, что удивляет даже ангелов.

Приходилось видеть и другое, прямо-таки противоположное сказанному, и такое встречается гораздо чаще.

Молодая девушка лет двадцати пяти. Так она усердно ходит в храм Божий, так низко кланяется и пост-то старается как следует исполнить, а вот совсем недавно (она сама об этом говорила) приехала домой от Преподобного Сергия. Мать ее, больная женщина, не успела приготовить ей поесть. Да и без того было что поесть: и хлеб, и фрукты кое-какие. Но вот ей хотелось чего-то особого, ну, например, как она говорила, свежего борща с картошкой, луком, еще и приправленного маслом. Возмутилась наша богомолка, что мать ее голодом морит, да так разошлась, что и уму непостижимо. Схватила чашку с холодной картошкой, да и запустила в свою мамочку, — та, бедная, в угол спряталась, под святые иконы. Чашка-то угодила не в мать, а прямо в образ святой. «А, ты за иконы пря-

чешься! — взревела дочка. — Я покажу тебе, как над родной дочерью издеваться...» В порыве страшной ярости она схватила большой чайник с кипятком и...

Ну, что дальше писать? И ведь, к стыду нашему, такое бывает среди людей, духовно живущих, людей, мнящих себя христианами, богобоязненными детьми Божиими. А сколько подобных дел нераскаянных, неоплаканных, неосознанных? К нашему великому благу, мы хоть можем всё это оплакать, исправить с помощью духовника и Божией благодати, а если люди нецерковные?.. Кто им поможет в их нравственном исправлении? Кто им подскажет, что это плохо, что так делать нельзя?..

О, как прекрасно послушание пред людьми, а пред Богом наипаче! И как богомерзко и аморально непослушание и пред людьми, и наипаче пред Богом!

Но наша-то прямая задача — раскрыть важность и благотворность послушания пред Богом, послушания непринужденного, но вполне добровольного, вполне осознанного. Ведь есть послушание и такое, что человек хочет слушаться Бога и исполнять Его заповеди единственно по привычке — с детства он так привык, или хочет исполнять, потому что боится, как бы Бог не наказал страшно за непослушание, или еще и потому, что за послушание получит большую награду. Это послушание неосознанное, послушание расчета, выгоды личной и всё.

А вот когда Господь бичует человека болезнями, скорбями, всякими напастями, и человек всё равно готов благодарить Бога и быть послушным Ему — это уже иное послушание, бескорыстное, послушание по любви к Богу: хотя Господь меня и наказывает, а я всё-таки буду благодарен Ему, буду слушаться Его, потому что я сильно люблю Его...

Но более страшно, ужасно, непоправимо — преслушание Богу. Это когда человек сознательно не хочет исполнять Его святые заповеди. Когда он безумно говорит:

«Что мне Бог, я сам создам всё, что только захочу. И зачем мне Его слушать и исполнять то, что Он говорит, когда я и без Него прекрасно живу и еще больше веселюсь, чем с Ним». Это не только преслушание, но и в прямом смысле богопротивление, богоборчество. *...Выше звезд Божиих вознесу престол мой*, — говорил денница в свое время, — и *буду подобен Всевышнему* (Ис. 14, 13, 14). Какой грандиозный план, какой гордый замысел врага рода человеческого! «Я буду выше и сильнее Всевышнего, так зачем же мне Его слушаться, когда я и без Него прекрасно обойдусь». Конечно, результат такого заявления очевиден. Денница не только не поднялся выше Всевышнего, но и низвержен сильной рукой в бездну адову, то есть на самое дно тьмы и вечного мрака.

О, как страшно такое сознательное преслушание! У нас-то с вами, мои дорогие, непослушание бывает в большинстве своем по немощи нашей, по слабости нашей воли, ведь мы, как и святой апостол говорит, хотим делать доброе, но нет силы воли это осуществить, или по лености, суетности нашей не делаем. И это всё-таки большой и пребольшой грех наш, который следует исправлять и стремиться к святому послушанию и Господу и людям.

...Как-то тихим весенним утром, когда солнце еще медленно просыпалось и бросало на уснувшую землю свои первые утренние лучи, к святым вратам обители Преподобного Сергия подошел человек. Он не торопясь перекрестился, благоговейно приложился к стенной росписи и долго-долго рассматривал житие Преподобного Сергия, изображенное на стенах святых врат.

По внешнему виду человек был из духовных: одет в поношенное длинное пальто, из-под которого виднелась ряса. Волосы на голове и борода были недлинные, но всё же показывали, что это не светский человек. В одной руке он держал небольшой дорожный чемоданчик, в другой — широкополую шляпу.

Да и самое лицо его было особенное, не как у мирских людей: мирное, сосредоточенное, приветливое и благоговейно-молитвенное.

Довольно насмотревшись на стенную роспись, что во святых вратах, незнакомец не сразу пошел к проходной монастыря. Он, видимо, вполне понимал, что в такой ранний час вряд ли чего добьется толком, поэтому стал ходить, не торопясь, по пустым аллейкам святой обители и, поднимая высоко голову, рассматривал строение и красоту храмов с золотыми куполами. Всё его, видно, живо интересовало, трогало, радовало. Создавалось впечатление, что этот человек попал в родную для него атмосферу, в близкий и дорогой для него уголок, о котором он давно мечтал и молил Бога, чтобы сюда приехать.

Когда майское солнышко достаточно высоко поднялось над обителью, незнакомец, перекрестившись, шагнул по направлению к проходной. Здесь он любезно попросил разрешения свидеться с отцом наместником. Полчаса ожидания, и он был позван в покои настоятеля монастыря, где и изъявил свое заветное желание жить и трудиться до смерти в стенах этой святой обители.

Так в 1953 году* в обитель Святой Троицы под молитвенный покров Преподобного Сергия прибыл иеромонах Арсений (в миру Антон Георгиевич Ромащенко).

По монастырским книгам известно, что он родился в 1888 году где-то на Западной Украине**. Монашеский постриг принял в Почаевской Лавре. Там проходил различные послушания. Но вот судьбы Божии привели его к Сергию Преподобному в число его учеников и сподвижников. Надо сказать, что отец Арсений, видимо, происходил из образованной семьи, так что весь его облик, выдержка, умение грамотно говорить, читать, петь на клиросе — всё показывало в нем человека духовно и светски образованного.

* 8 ноября 1954 года. — *Прим. ред.*
** Родился в Киеве. — *Прим. ред.*

Послушание отец Арсений в Лавре Преподобного Сергия исполнял общее, то есть служил молебны у святой раки, нес чреду седмиц богослужения, читал и пел на клиросе, иногда исповедовал народ. Всё это он делал с глубоким чувством веры в Бога, сыновней признательности Церкви Православной, святой обители, которую полюбил всей душой.

Если говорить об особых духовных дарованиях отца Арсения, то особенно отчетливо их не было видно. Тиха, скромна была его жизнь в стенах Лавры. Как и все прочие, как и все другие монахи, он был незаметен для людей. Это вообще характерное явление в нашей жизни. Пока живет человек среди других, он как и все: его совсем не замечают или он сам старается быть незаметным. А духовные-то люди теперь так в большинстве своем и поступают, особенно мудрые, духовно опытные. А святые отцы наши?! Да разве они рисовались, величались? Нет, они старались скрыть свои добрые дела. Даже умышленно занижали свои духовные подвиги, чтобы их не прославляли, чтобы не говорили, что этот батюшка лучше, нежели вон тот. Словом, отца Арсения я помню как человека выдержанного, уравновешенного, вместе с тем скромного и братолюбивого, а главное, глубоко верующего и любящего Святую Церковь нашу Православную.

Конечно, преобладающей его добродетелью было святое послушание. По всей вероятности, он и монашеский подвиг принял, не иначе как полюбив эту добродетель Христову. *Послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя* (Флп. 2, 8), — сказал святой апостол о Христе. Святое качество послушания пронизывало, если так можно выразиться, всё существо отца Арсения. Он никогда не говорил наперекор, никогда не ослушивался лаврского начальства. Послушание было как бы его стихией, воздухом, которым он дышал, жил и даже наслаждался. Вот он стоит дежурным у святой раки Сергия Преподобного. Его среднего роста фигура облачена

в темные монашеские одежды. Тихое замедленное проникновенное чтение берет за душу. Незаметно тает холод сердца, и человек, доселе стоявший безразличным ко всему, что здесь делалось, вдруг остепеняется, подтягивается, выпрямляет руки точно по команде. Затем он тихонечко пододвигается к читающему батюшке и, вытягивая шею, ловит каждое слово.

Отец Арсений мог с каждым вопрошающим поговорить, и поговорить основательно и убежденно. Его сдержанная, неторопливая, глубокомысленная речь, отточенные фразы, мягкие интеллигентные манеры, начитанность и вместе с тем глубокий внутренний религиозный опыт делали его беседу изумительно увлекательной и духовно благодатной.

Не один раз (в ту пору я был еще иеродиаконом) мне приходилось служить Божественную литургию с отцом Арсением. Сосредоточенный, углубленный, внутренне и внешне подтянутый, он с особым молитвенным подъемом совершал служение Богу живому. Ни одного лишнего слова, ни одного резкого движения, окрика, шутки (избави Бог!) не было в его службе. Как чистая восковая свеча, поставленная любящей рукой, горел он пред Богом. И стоящий в храме народ чувствовал, что батюшка за них молится, что батюшка не просто занимает место у престола. Нет! Он горит в пламенной молитве за всех предстоящих и молящихся и за вся христианы. Волны благодати незримо лились из святого алтаря Господня и заполняли сердца людей, И как-то тепло становилось в храме, на сердце — радостно и мирно. Слезы непрошеные украдкой капали на церковный пол. Люди и не замечали, как заканчивалась служба. Хотелось еще и еще молиться, еще и еще класть поклоны, и совсем уж не было расположения уходить из храма Божия. Помню я эти службы отца Арсения, и забыть их возможно ли?

Надо сказать, что особенно теперь люди страдают от недостатка мира в своей душе. Нет той умиренности,

которая дает истинное счастье человеку, истинный покой его душе, радость и порядок в жизни. Поэтому, когда люди заметят что-либо подобное в других, увидят, например, что батюшка всегда тих и мирен, что он несет с собой неуловимое умиротворение сердцу, покой душе, тогда они по достоинству оценят такого пастыря и бесповоротно доверят ему самое дорогое — свои души. Вот отец Арсений обладал этой благодатной умиротворенностью, которая невольно переливалась в другие души и успокаивала их смятение. Особенно, как я уже сказал, это замечалось при богослужении.

Есть у каждого человека такая сторона жизни, о которой никто не знает, кроме Бога. Можно описать блестяще наружную сторону человеческой жизни, его внешность, быт, окружающую его среду, даже коснуться его внутренних качеств и прочее. Но вот глубокую сущность внутренних душевных переживаний, ночных молений и стояний, тайных слез и воздыханий, словом, того, чем особенно и красна монашеская жизнь, кто опишет, кто проследит, кому известна эта сугубо тайная сторона духовной жизни? Одному Богу. Так было и у отца Арсения. Мы даже не пытаемся проникнуть под завесу этого тайного покрова жизни игумена Арсения (ему со временем дали игуменство), но только оговоримся, что труженик Божий жил не одной внешней жизнью, но и сугубо внутренней, мало кому ведомой, одному Богу открытой. Потому и непрошеные седины скоро стали украшать отца Арсения как знак его глубокого внутреннего подвига, который особенно ненавистен диаволу, чему он крайне противится и чем поражается.

Хочется привести здесь несколько рассказов, хотя и не связанных с жизнью отца Арсения, но дающих яркую картину того, что враг-диавол воюет против рабов Божиих, особенно тех, которые совершают внутренний подвиг молитвы и живут глубокой духовной жизнью.

***

Одна почтенная инокиня приехала помолиться к Преподобному Сергию. В Лавре она особенно часто посещала Троицкий собор и молилась у раки. Однажды она стояла в народе, пела вместе с другими акафист угоднику Божию и вдруг отчетливо почувствовала сильный запах колбасы. Казалось, что позади нее поставили целую корзину со свежей колбасой. Как она потом говорила, колбаса была ее излюбленным кушаньем во время жизни в миру. Долго противилась инокиня желанию непременно оглянуться и поглядеть, кто же это прибыл на акафист с колбасой, но не уступала навязчивому помыслу. Сильнее стала петь, во весь голос, чтобы только заглушить в себе это желание. Но искушение не прекращалось. Тогда она стала думать, а может быть, и вправду кто пришел с колбасой в собор. Мало ли ходит здесь всяких экскурсантов, и чего только не занесут сюда. Она оглянулась. Позади нее стояла на коленях пожилая женщина и горячо молилась. Никакой корзины с колбасой не было и в помине.

«Ах ты, лукавый бес», — чуть ли не крикнула инокиня. Окружающие даже переглянулись. Так было обидно, что сатана и здесь не дает ей спокойно молиться.

***

Рассказ другой женщины. Она с особым чувством ответственности всегда готовилась к Причастию. И на этот раз постилась, молилась, со всеми примирилась, и наконец Господь сподобил ее причаститься Святых Христовых Таин. Однако врагу тошно бывает, особенно когда видит, что человек удостоился благодати Божией. Он и захотел нарушить душевный мир этой женщины. Причастившись за ранней литургией, она осталась на позднюю. Когда запели Херувимскую, она вдруг ясно увидела выше своей головы (как она сама говорила) темную, ужасную образину диавола. Он как бы парил в воздухе и смотрел на нее своими злыми глазами. Ей даже казалось, что

из них летели огненные искры. Женщина упала от страха ниц и долго не поднималась с пола. Когда поднялась, служба уже кончалась. И вместе с другими она тихо вышла из храма.

Но этим дело не ограничилось. Когда дома причастница встала пред иконой совершать вечерние молитвы, на дворе было уже темно, в комнате тихо. Вдруг позади нее раздалось рычание и скрежет зубовный. Она вздрогнула, сильно перепугалась, однако, употребив усилие, продолжала молиться. И тогда над самым ее левым ухом разразился такой злорадный хохот, что молиться было невозможно. Вскочив, она бросилась в постель, закрылась одеялом и долго не могла уснуть. Даже каким-то адским жаром обдало ее и зловонием, когда она услышала этот дикий бесовский хохот.

***

Евгения жила в одной комнате с пожилой монахиней. Вечером, помолившись, легли отдыхать. Проснувшись около двенадцати часов, она ясно услышала шум, гам, пение под гармонь, мужские голоса. «Матушка, — обратилась она к монахине, — проснись, слышишь, как у нас поют?» Но старушка ничего не слыхала. Тогда она оделась и вышла в коридор, в сени. Может быть, и вправду хоровод какой подкатил к дому? Но в сенях и на улице было тихо. Она снова вошла в комнату — пели еще громче, да вдобавок еще и пляска началась такая, что стены и пол ходуном ходили.

«Ах вы нечистые, — подумала Евгения, — сейчас я вам задам». Она стала громко читать молитву «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его». Стала крестить стены и окна на все четыре стороны. Стук сразу прекратился, а пение всё дальше и дальше уходило, пока совсем не стихло. Только после этого с такой силой ударили в наружную дверь, что, казалось, весь дом перевернется вверх дном.

***

В литературе описаны многочисленные случаи поселения в жилищах людей нечистой силы. Вот некоторые примеры.

В 1873 году в Симбирской губернии в доме священника происходило нечто невообразимое: предметы летали по комнате. Самовар с кипятком поднялся с пола... Кирпичи от печи отрывались, посуда и утварь падали на пол.

В 1880 году в Петербургской губернии в доме некоего Бича совершалось бросание разных вещей, преимущественно в девицу Пелагею. За нею гонялась метла, вода из ковша лилась ей на голову. Шапки прыгали по полу. Кота кто-то поднял и бросил в спину этой девушки. Как только она удалилась из дома — всё прекратилось.

В 1886 году в Ярославской губернии в доме одного купца стал слышаться стук. Ночью за печкой звучала прямо-таки звонница. Стучали ложки, вилки, тарелки, а потом они стали летать по комнате. Только святые образа стояли на месте. Пред ними горела всё время лампада.

В 1887 году в Томской губернии на кожевенном заводе бесы учинили полный погром. В окнах были перебиты все стекла. Разбилось множество разной посуды. Следователь, полицейские и сорок заводских рабочих видели, как вещи, например табуретки, сами собой стремительно поднимались и вылетали в окна, разбивая стекла.

В 1889 году в петербургской казарме ночью, когда все солдаты спали, часовой ясно услышал шаги, потом вздохи, голоса, царапание, свист... Затем — стройное пение. Во тьме были видимы человеческие фигуры, двери сами по себе хлопали...

1871 год. Оренбург. Пишет некий Шапов майору: «Это не галлюцинация, а что-то необыкновенное — летают по комнате валенки, ботинки, белье из-под койки вылетело. Ночью в комнате жены послышался стук, как мелкая дробь. За окном раздавалось мычанье, рычанье, кто-то

ломился в дверь... Из другой комнаты вдруг вылетел шар, не светящийся, а какой-то темный...»

В 1871 году на хуторе, в доме того же Шапова, на глазах у всех вдруг запрыгал тяжелый диван, на котором лежала бабка. Из-под шкафа с треском вылетела синеватая искра по направлению комнаты жены, моментально вспыхнула вся ее одежда... Летали светящиеся огоньки. Муж услышал за дверями жалобный вопль, выбежал в сени и видит: жена объята пламенем, как огненный столб, пол весь трясется, и тут же жена падает без чувств.

...Довольно, хватит писать об этом. Таких рассказов тысячи. Они говорят о том, что темная сила работает, и работает не покладая рук и днем и ночью. И особенно там, где люди стремятся жить по воле Божией, жить в послушании Ему. Там-то уж сатана совсем покоя не знает, всячески старается и вредить, и пугать, и обманывать, и обольщать.

Несомненно, что отцу Арсению знакомы были подобные проделки, и он знал, как с ними бороться. Он и боролся с невидимым врагом спасения. Только ему не пришлось завершить эту борьбу в обители Преподобного Сергия.

По воле Божией случилось так, что отца Арсения неожиданно назначили на приход. Сам ли он этого пожелал? Вряд ли. Словом, он оказался вне святой обители и стал служить на приходе где-то за Москвой*. Братия сожалели о добром монахе нашей Лавры, но, покорившись воле Божией, успокоились. Скоро об отце Арсении стали приходить добрые вести, что он очень хорошо служит, проповедует, исповедует. Мы, его собратия, слыша это, радовались и прославляли Бога и Сергия Преподобного, что его ученики и на стороне делают дела Божии с великим успехом.

* Отец Арсений пребывал в Лавре до 1957 года, затем служил в Калуге. — *Прим. ред.*

Так прошло года три-четыре. Вдруг в Лавру приходит печальная весть — отец Арсений скончался. Это было так неожиданно, что многие не сразу могли поверить. Но это был факт. Игумен Арсений действительно перешел в иной мир.

Не знаю, как его хоронили, как провожали в последний путь, как оплакивали многотрудное тело его. Только не стало среди нас и этого воина Христова. Отслужился на нашей грешной земле. В семьдесят три года от роду он умер, и теперь живет в горнем мире. Окрылился, воспарил туда, где вечная заря любви и правды сияет дивной радугой небесных самоцветов — драгоценных нетленных горних сокровищ, которых и тебя, мой милый читатель, да сподобит наш любвеобильный Господь по молитвам труженика святой обители усопшего игумена отца Арсения и великого ходатая за всех нас Преподобного Сергия. Аминь.

Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего, игумена Арсения.

В РАЗЛУКЕ

Иеромонах Никон

(Сергей Петрович Преображенский)
(1899–1961)

Блажен муж, бояйся Господа, в заповедех Его восхощет зело.

Пс. 111, 1

Теплый осенний день долго морил духотой. Даже близость моря не помогала. Хотелось прохлады. В суматохе большого города вечер был бы не так заметен, как в тишине окраины. Хочется подальше уйти от шума, грохо-

та, спешки, всего, что так неотделимо от жизни морского порта. Для этого садимся в трамвай, который делает круг почти за городом. Пустеют вагоны, приближаясь к конечной остановке. На повороте все устремляются к окнам — море! Сине-фиолетовое, темное, точно вздувшееся, оно кажется чужим, странно чужим, непривычным для приезжих, привыкших к скромной неяркой природе Русского Севера. Вот и остановка. От нее можно уже пешком дойти до маленького, скрытого садами Успенского монастыря. К его воротам по асфальтированной дорожке мимо садов со зреющими плодами айвы плетутся несколько согбенных фигурок. Старушки идут к вечерне. В будни народу немного, а вот в праздники монастырь расцветает яркими пестрыми украинскими нарядами и тишину храмов спугивают звонкие, певучие голоса нетерпеливых и беспокойных хохлушек.

Скоро к вечерне откроют двери храма. Как он не похож на те храмы, что стоят в центре России. Гладкие, сверкающие белизной стены, портик с колоннами придают ему вид скорее дворца, чем храма.

Впрочем, здесь после яркой сочной зелени, после ослепительного солнца, немилосердно жгущего непривычную кожу, даже после воздуха, напоенного густым и тягучим, как мед, ароматом зреющих плодов, особенно хорошо. Прохладно и скромно. Отдыхают глаза, уши — всё отдыхает. Сразу же, войдя в пустой еще храм, ничего нельзя увидеть, но, постепенно привыкнув, глаза различают всё и всех. Начинают собираться монахи. Проходят вперед клиросные, остальные становятся в ряд вдоль стены. Сразу же замечаешь, что здешние монахи любят четки из плодов кустарника, который зовется в народе «Богородицыны слезки».

Интересные плоды. Не больше горошинки, сероватые, отполированные самой природой до глянца, они будто специально растут для четок. Очень твердые зернышки держатся на ломком стерженьке, проходящем

каждую горошинку насквозь.· Умелым рукам остается только скрепить проволочкой каждую, соединив в привычные десятки. Более крупные узловые, отделяющие каждый десяток, режут из лоз винограда, как и крестики, лакируют — и четки готовы. Некоторые носят четки, сделанные целиком из кусочков лозы. И те и другие постукивают при малейшем движении. Может, поэтому их предпочитают плетенным из шерсти и сутажа и чаще всего носят монахи, чтобы не забываться, удерживать мысли, сосредоточивая их на одном. Наверное, такой звук сразу же может вернуть внимание, если только чуть отвлечешься.

Среди проходящих монахов вдруг мелькнуло знакомое лицо. Неужели это отец Никон? Вот почему он исчез, не видно его стало в Сергиевой Лавре. Слышно было, что перевели куда-то. Значит, здесь он, отец Никон! И здесь он такой же. Как и прежде ходит в потертой, видавшей виды рясе. И здесь ему находится масса дел, и здесь он всё куда-то спешит, чем-то занят. Всё такой же неугомонный. Такой же и... не такой. В открытом, простодушном взгляде, в выражении приветливых глаз затаилась грусть. Не минутная, под настроение, а, видимо, уже давно приютившаяся. Давно. С тех пор как северное небо над Лаврой Преподобного Сергия сменилось для него на жаркое одесское. И здесь ему находится много дел, да и сам отец Никон не умеет без них обходиться. Всё его интересует, всё хочет он знать до конца, во всё вникнуть, чтобы в любую минуту можно было кому-то помочь. Таким его помнили и в Лавре.

Братия монахи, особенно молодые, видели в нем ходячую энциклопедию. Казалось, он знал всё. И не только сам знал, но и с удовольствием, с радостью делился своими знаниями со всеми, кто только проявлял хоть малейший интерес к тому, что так увлекало отца Никона. Особенно близкой и своей была ему русская история, археология, изобразительное искусство. На всё он умел откликаться.

Увлеченность искусством, широта интересов, глубина знаний и постоянная жажда обогащаться ими не отдаляли отца Никона, не отрывали его от реальной обстановки, от людей, рядом с ним живших. Величие человеческого духа, особенно полно раскрывающееся в гениальных произведениях искусства, свободно и легко настраивало мысли и чувства отца Никона на молитвенный лад. Всю жизнь почти (он пришел в Лавру уже пожилым человеком) жажда знаний оберегала его от страшных и подчас мучительных надломов, нередко оставляющих в душе глубокие и незаживающие раны. Знания и через них постижение величия Божия, Его промысла в жизни каждого в отдельности и всех вместе.

Была ли у него мечта с юности посвятить себя монашеской жизни, или вспышки такого желания появлялись на разных этапах нелегкого пути, всё углубляясь, — трудно сейчас сказать. Одно то, что он сразу же поспешил к Преподобному Сергию, как только это стало возможным, уже говорит о вполне сложившемся намерении, будто только и ждавшем своего осуществления.

Отец Никон жил в Лавре с первых дней ее открытия. Он описывал движимое и недвижимое имущество Лавры, занимался инвентаризацией во время возвращения монастыря Церкви. Конечно, все его мысли, хотя он и жил в последние годы в Одесском Успенском монастыре, были у Преподобного игумена. Приморский монастырь не смог ни вытеснить, ни затмить самых ярких и незабываемых страниц в жизни старца. Всё его настоящее, свое, родимое осталось за лаврскими стенами. Там, далеко-далеко, у мощей Преподобного Сергия (имя которого дано было отцу Никону при крещении) постоянно, неотступно были его мысли, его мечты. И, может, не случайно именно в Сергиевой Лавре при постриге Сергею Петровичу было дано имя ближайшего ученика и последователя Преподобного Сергия — преподобного Никона. Как ни посмотри — всё, решительно всё свя-

зывало его невидимыми, неослабными узами с Лаврой. А надо было мириться с тем, что он в Одессе. Вот и осень тут ароматная, щедрая, яркая. Кругом виноград, фрукты. Недалеко, почти рядом с храмом, начинается сад. Невысокая металлическая арка у входа обвита зрелым виноградом. Его золотистые грозди свешиваются над головой, маня к себе. Казалось бы — сказка! Изобилие плодов земных, тишина, храм рядом, забот вдоволь — чего еще надо? Всё есть. Нет рядом Лавры.

И от этого жизнь наполняется неотвязными воспоминаниями, а всё, что перед глазами, кажется сном. Закрыть бы глаза — и вот сейчас всё исчезнет, и вновь приветливые лаврские храмы распахнут двери. Не пышная южная растительность, а скромные, редкие, узловатые деревца небольшого лаврского садика за Трапезной церковью, кустарнички, белый ангелочек у фонтана, арки ограды, заполненные дровами, зеленые скамейки, склад, образок над входом в братский корпус — всё свое, знакомое, родное. Отсюда уже никуда не тянет, никуда не хочется. Разве только к самому Преподобному игумену. Да, родина — она одна! Не говоря уже о том, что неповторимая красота древнего зодчества тут, у Преподобного, так укоренилась, что другого такого места нет больше, и похожего даже нет. И люди тут другие.

В Лавре — вся Россия. Со всех концов, ото всех морей всеми путями люди идут, едут, плывут, летят к Преподобному. С первых дней обновления обители, с тех памятных дней, когда еще рака Преподобного временно стояла в Трапезной, когда древние соборы обрастали ремонтными лесами, когда потускневшая роспись вновь оживала под руками реставраторов, тянулись паломники, чтоб увидеть своими глазами чудо, вновь припасть к священной гробнице молитвенника за Русскую землю, помолиться и облегчить душу, попросить совета, разрешить недоумение. За многие годы изголодались они, «скорбящии же и озлобленнии, милости Божией

и помощи требующии»*. Обновлялась Лавра, спешили к ней за обновлением и многочисленные богомольцы. Спешили простые, едва грамотные, и умудренные знаниями и опытом, спешили крепкие верой и сомневающиеся, спешили старцы и молодые. И всех их ждало благословение доброго старца-основателя — Преподобного Сергия. Благословение незримое, духовное, ощущаемое не всегда и не всеми, и благословение видимое, понятное, близкое всем в той приветливости, чуткости, внимательности, с какими встречали богомольцев лаврские монахи. В это-то отец Никон уходил всей душой. Никогда он не проходил мимо заданного ему вопроса, не отстранялся и от малейшего желания со стороны приходящих, интересующихся чем бы то ни было. И кто бы ни спрашивал — от малолетки до глубокого старца, — всем отец Никон находил время ответить, разъяснить, и так, что уже после и тени неясности не оставалось. В его ответах привлекало всегда глубокое сочувствие, понимание и нескрываемое желание как-то помочь, может, чем-то облегчить душу совопросника.

Многие, вспоминая и жалея старца, так и не дожившего до исполнения своей мечты — вернуться в родную обитель, говорили о нем, что он умел и старался всегда отогреть душу любого, кто бы он ни был. Его желание добра воскрешало в людях веру в то, что еще можно встретить в других сочувствие, хотя бы просто стремление помочь. Хотя бы только намерение! Отец Никон был тому живым примером. Он стремился ободрить — и ободрял. И утешал. Его подкупающая простота без красноречивых доводов убеждала — *жив Господь* Бог мой, *и жива* будет *душа* моя (см. 1 Цар. 20, 3; 25, 26 и др.). Если жива чья-то душа силой веры, жива тогда, когда многие, многие застыли, если эта живая душа способна откликнуться, тогда можно облегченно вздохнуть и можно надеяться, что та же сила

* Литийная молитва.

веры, тем более в Лавре Преподобного Сергия, по его святым молитвам, воскресит и обновит многих, лишь бы искали и стремились. *Жива будет душа моя и восхвалит Тя, и судьбы Твоя помогут мне* (Пс. 118, 175).

Да, он скончался бы от разлуки со своей любимой святой обителью. Трудно сказать, что послужило причиной его перевода в Одессу, в Успенский монастырь. Скорее всего совокупность условий, в которых оказалась Лавра Преподобного Сергия. Отец Никон очень уж стал заметен здесь со своей просветительской простотой и многогранными знаниями. Благодатные дарования, какими наградил его Господь, так и светились во всем его ветхом, уже старческом, облике. Так как люди нуждались в тепле, особенно теперь, в тепле духовном, то святая простота старца всегда тянула (как магнит тянет частички железа) за собой толпу людей разного вида и возраста. Он шел, например, к Троицкому собору, шаркая своими донельзя худыми и стоптанными башмаками, шел согбенный, сутуленький, но светлый и добрый, шел и всё время что-нибудь да говорил, говорил: не может же он не говорить и идти совсем молча — как это возможно? Нет, он не в силах молчать, когда около него люди. Он хочет сеять семена жизни, добра, правды. Как добрый сеятель на поле, бросает он семена полной десницей. Иные зерна попадают в борозду, иные в траву, иные совсем на сухую, утоптанную дорогу, иные на камни (см. Мф. 13, 3–8), так и слова отца Никона. Идет он совсем уж неровной походочкой, сильно шмыгает своими больными ногами и всё-таки рассыпает словеса направо и налево. Он будто уж знал, что скоро, скоро его здесь, в Лавре Преподобного Сергия, не будет и так старался и много ходить, и много говорить.

«Отец Никон, — на бегу спрашивает старца юная студентка, — а этот вот храм давно ли построен?» Старец, не останавливаясь и не разгибаясь, всё так же шаркая башмаками, отвечает, да так всё толково и точно, в каком

веке построено это сооружение, и кем, и как. Всё он знает, удивительно, как он всё помнит?!

К отцу Никону вполне приложимы слова святого апостола Павла. Обращаясь к христианам, святой апостол языков говорит: *Со слезами каждого из вас я учил день и ночь непрестанно. И ныне предаю вас, братия, Богу, могущему вас* сохранить (ср. Деян. 20, 31–32).

Никто, может быть, из братий не видел открытых слез отца Никона, но то, что он плакал много и плакал не только простыми слезами, но и слезами кровавыми, — несомненно. Очень часто ему приходилось стоять у раки Преподобного Сергия, так как он числился на послушании в Троицком соборе, а чередные иеромонахи не всегда точно приходили сменять своих собратьев, особенно молодые иеромонахи то проспят, то проболтают где-либо или вообще поленятся. «Там отец Никон подменит», — скажут себе. И вот отец Никон почти всех их подменял и выручал. И делал он это безропотно. Поэтому ему приходилось стоять у раки Преподобного по нескольку раз в день. Петь он, конечно, совсем почти не умел, да и трудно это ему было. Но возгласы давал слышно и внятно. Только стоять-то ему было очень трудно. Ноги сильно больные, сам весь слабенький, всё у него почти худое, одежда, клобук, а уж башмаки... и живого места, как говорят, на них не было — все в дырах. И стоит молится. Руками всё облокачивался на дощечку, что у раки лежит в виде полочки, держался. И вот облокотится на эту полочку, не то стоит, не то, Бог знает, как держится на ногах. А сам всё вбок глядит: не идет ли кто помоложе сменить его, выручить? Не пошлет ли кого Преподобный ему на помощь?

Преподобного Сергия и преподобного Никона, имя которого носил, он любил, наверное, больше всех монахов и служил им в Троицком соборе с большим благоговением. Конечно, чистоту он никакую не наводил в соборе, хотя и числился там как старший смотритель, скорее

сам на своих больших и махрастых башмаках мусору приносил немало.

У отца Никона было еще послушание, кроме Троицкого собора. Он являлся как бы «градусным управителем». В его ведении было до десятка, а то и больше градусников, которые были развешены по разным храмам. И вот отец Никон с бумажкой и карандашом каждый день, а то утром и вечером, ходил по храмам, проверял эти градусники, определял, какая влажность в том или ином храме. Всё это он записывал на своей бумажке, и потом Бог весть куда он эти листочки девал. Но и это дело он совершал весьма ревностно и регулярно обходил все эти места. Особенно трудно было ему с этим послушанием зимой, когда ударит сильный мороз или закрутит вьюга. Куда там идти! Сиди в своей келии. Нет, отец Никон, с головы до ног закутанный теплыми тряпками, шарфами, отправлялся на свое послушание.

Дивный был старец, трудолюбивый, терпеливый и молитвенный. Много сил положил он у Преподобного Сергия. Много потрудился он на святой земле. И вот — разлука. Всё это милое, дорогое надо было оставить; обжитое, пережитое, за столько лет ставшее родным — покинуть, и, быть может, навсегда; может, больше не придется и увидеть всё это.

Отца Никона неожиданно перевели в Одессу, в Успенский мужской монастырь. Хотя это место и является дачей святейшего патриарха, всё же трудно было отцу Никону переезжать туда. Проводя последние дни в святой Лавре, он как-то старался больше поделать, больше походить, помолиться в милом, родном месте. Всё стало ему еще дороже, еще милее и роднее. Даже со своими градусниками он стал обращаться по-другому. Теперь он их более тщательно рассматривал, вертел в руках, вешал на гвоздик, потом, постояв немного, вновь снимал и опять крутил их в руках. Видно было, что старцу тяжело было прощаться со всем, что он делал в Лавре.

Особенно же ему дорог был Преподобный Сергий. Как же ему трудно было расставаться с ним! Как же горячо он любил угодничка Божия! Добрых двадцать лет отец Никон был в его святой Лавре. Треть всей жизни своей он прожил здесь*.

Не меньшей мукой для старца было видеть своих духовных чад, которые, узнав о переезде своего духовного отца в Одессу, сокрушали сердце отца Никона своими слезами и воздыханиями. Так и ходили они за ним кучкой, стараясь чем-либо угодить старцу, сделать ему что-либо приятное.

О, это чувство святой дружбы, святой привязанности, святой преданности! Наверное, нет во всем свете более сложного и более печального чувства, чем это! Чувство разлуки, разделения, раздирания сердец, разъединения их... И вот ведь чем сильнее, чем святее привязанность одного сердца к другому, тем больше муки душевной, больше страданий должно перенести. И эта разлука, особенно на духовной почве, непременно бывает связана с сиротством.

Еще давно было сказано Господом Богом: *Дети ваши* будут *сиротами* (Исх. 22, 24). А Премудрый говорит: *Сиротам будь как отец* (Сир. 4, 10). А разве Господь наш Спаситель не говорит Своим возлюбленным ученикам об этом сиротстве? И, зная, что это сиротство мучительно и связано с глубокими тяжелыми переживаниями, Он тут же утешает учеников и нежно говорит им: *Не оставлю вас сиры* (Ин. 14, 18).

Да, у отца Никона в Лавре оставалось много сироток духовных. За двадцать лет пребывания в Лавре разве не сроднились с ним многие сердца? Узнали его душу, доверились ему полностью. И с чем только они к нему ни приходили?! «Батюшка, отец Никон, вот у меня

* Иеромонах Никон покинул Троице-Сергиеву Лавру в 1957 году. — *Прим. ред.*

большой палец на ноге заболел», — говорила ему немолодая женщина. «А у меня мама с печки упала, батюшка, да разбилась; помолись за нее, отец Никон, ее зовут Акулина...» А худенькая девочка к нему со своей личной просьбой. Здесь уже старец не мог дальше идти. Он обычно приостанавливался, наклонялся еще ниже к говорившему дитяти и внимательно выслушивал. «На экзамен я сейчас пойду, батюшка, помолись обо мне. Арифметика трудно дается». Так и отвечает старец всем. Кому маслица даст от Преподобного, кого благословит наскоро, а кого и просто потеребит ласково по головке.

И вот в последние дни перед разлукой этих «спросов» вдвое больше стало. Старцу буквально не давали спокойно добраться до Троицкого собора. Размахивая широкими потертыми рукавами своей многолетней рясы, еще сильнее поднимая пыль башмаками, спешил он в собор. А клобук у него!.. Ни у кого из братий такого не было. Это уж определенно. И свою форму-то он давно потерял, на клобук мало был похож: весь перекосился, расклеился. Да батюшка его правильно никогда и не носил. Всегда он у него на голове был надет криво. По правде сказать, он ровно-то не мог держаться на голове, потому что был ужасно широк и разлажен.

Кроме того, упомяну о том, что батюшка отец Никон от своей энергичности, всецелой напряженности очень много потел. Когда он передвигался по двору Лавры, особенно летом, то с него градом лил пот. Видимо, почки старца были сильно подношены. Особенно потной была голова, на которой волос совсем почти не было. Отсюда становится понятным, почему у старца клобук был весь развален — от обильного пота. И вот, чтобы струйки пота беспрепятственно стекали с головы и чтобы клобук хоть как-то на ней держался, старец сделал так: он пришил к внутренней его части такие — как их назвать-то? — три свернутые или скрученные из тряпок

шишки, на которых и держался клобук на голове, а между ним и головой были большие зазоры, где проходил воздух и стекал пот.

Вот сижу и вспоминаю давно умершего старца. Напрягаю свою память, хочется вспомнить всякую малость из его многотрудной жизни. Хочется нарисовать навечно его старческий образ в душах других. И что ни больше вспоминаю, то больше оживает он предо мной, как бы выходит из области тумана, проступает всё ярче и ярче, как бы встает старец из своей холодной могилки и идет навестить любимую им Лавру. И с каждым новым воспоминанием образ отца Никона, дорогого батюшки, становится всё милее и милее.

После перевода в Одессу он еще раза два бывал в Лавре. Приезжал навестить, а может быть, уже и проститься навсегда с родным местом. Видел я его и в предпоследний приезд. Это было примерно в 1960 году, то есть за год до его смерти. Всё такой же. Только как-то больше побелел, посветлел. Энергичность всё та же. Волос на голове совсем уже не было. В Одессе-то ведь ему еще жарче стало. Как-никак, а Лавра — север, Одесса — юг. Но, помню, старец нисколько не жаловался на свою судьбу. А просто в обильных словах, как и раньше, рассказывал он о своей новой жизни.

Помню, старец со слезами благодарил Бога, что духовные дети его не забыли: приезжают к нему в Одесский монастырь, рассказывают про Лавру и этим доставляют старцу большое утешение.

В связи с этой последней встречей с отцом Никоном хочется привести несколько рассказов, отвечающих этому настрою.

***

Это происходило в Сарове.

«Не оставь дев моих», — молил со слезами старец Серафим Пречистую Деву. Она же, сияя небесной красо-

той, обещала заботиться о них... Старец говорил: «Вот я собрал их, Владычица, но сам управить их не могу». Царица же Небесная, утешая старца, говорила: «Я тебе во всем помогу. Кто их обидит, оскорбит — будет наказан, ибо эти девы возлюбили Сына Моего, принесли Ему всё: и юность, и знатность, и красоту девства, за что получат венцы нетленной жизни. Скоро будешь с нами», — тихо сказала Она старцу и... видение исчезло в утренней дымке.

***

Женщину с тремя малыми детьми бросил муж. Она пришла в отчаяние и решила утопиться в Москве-реке. С грудным младенцем идет она поздним вечером на реку. Выбирает безлюдное место, но везде народ. Наконец находит место совсем пустынное, устремляется к берегу... Вдруг откуда ни возьмись появляется человек, похоже, что священник. Несчастная снова ищет безлюдное место. Находит, снова готова броситься в воду... Вдруг опять человек появляется. И так несколько раз. В конце концов подходит к ней прохожий и говорит: «Что ты здесь всё бродишь? Долго я наблюдал за тобой...» И бедная женщина со слезами рассказывает ему о своем горе. «Иди в церковь и причастись, — говорит незнакомец, — и не горюй. Господь всё устроит». Она пошла в церковь, исповедалась, причастилась. Горе ее утихло. Вскоре дети ее (двое) были взяты учениками на работу, со временем стали хорошими мастерами. Зажила мать, по милости Божией, хорошо, и дети ее вышли в люди.

***

Море бушевало. Корабль, на котором плыл Григорий, мог потерпеть крушение. Шум, плач и вопли на палубе... Григорий пламенно молился: «Господи, ради молитв моей родной мамы, спаси...» Мать в это время находилась далеко, в городе Назианзе (Каппадокия). И корабль уже по-

крывали волны, юноша и все, кто был на корабле, неожиданно увидели на волнах мерцающий образ светлой Женщины. Точно призрак, Она спешила к кораблю, грозные волны обдавали Ее брызгами. Она подступала всё ближе и ближе... Наконец, к великой радости всех, корабль стал выравниваться и направился к берегу*.

***

Она так и умерла, не дождавшись, когда сын образумится. А он вовсю гулял, пил, шарлатанил. Но вот однажды ему очень захотелось почему-то причаститься. Задумался сын и сказал себе: «Как же я всё-таки худо живу, немедленно надо ехать в Троицкую Лавру, мать моя очень любила это место...» Поехал. Был на исповеди. Причастился. Стало светлее на душе. Вернулся домой. Встречает его у калитки соседка и говорит: «Коля, а я видела твою маму, она пришла ко мне веселая, радостная, всплеснула руками да и сказала: "А Коля-то мой, Коля..." — и скрылась». Сын был поражен этим. Он еще более удивился, когда узнал, что видение соседке было в тот самый час, когда он ехал в Лавру на исповедь, то есть в 4 часа утра. Растрогался Коля и сказал: «Как же заботится мать о сыне! Так вот выразила она свою радость».

***

Он лишился матери, а вскоре и любимой жены. На руках осталось четверо малолетних детей. Годами еще не старый — сорок пять лет. «А. П., да что это ты медлишь да тоскуешь, — говорили соседи, — бери любую женщину да живи припеваючи».

«Нет, — подумал А. П., — так не будет». Положив на груди широкий крест, он сказал: «Иду в священники...» Это было вечером. Принятое решение отдать свою жизнь

* Из жития Григория Богослова.

на служение Богу и людям принесло ему спокойствие и умиротворение. Во сне он увидел сияние, будто бы два облачка вились на ветру... Из этих облачков образовались две светлые женские фигуры. Вот они совсем рядом. Лица трудно различить от сильного света. Вдруг раздается такой знакомый и милый голос: «Сынок, с праздничком!..» Это были умершие мать и жена А. П., явившиеся выразить свою радость в связи с благочестивым намерением сына и мужа.

...Мы привели подлинные истории, имеющие то или иное отношение к повествованию об отце Никоне. Горечь разлуки, радость новой встречи, утешение, забота о спасении своих оставленных сироток и, наконец, благодарная радость в связи с верными решениями тех или иных вопросов, относящихся к судьбам своих духовных детей, — всё это как нельзя лучше характеризует отца Никона как духовника, всецело болезнующего душой за свое словесное стадо.

Отец Никон за двадцать лет жизни под покровом Преподобного Сергия духовно окреп и на крыльях веры и послушания перелетел на юг, чтобы там довершить свой жизненный путь.

Но Господь судил отцу Никону успокоиться от трудов не в Одессе, а в родной ему Троице-Сергиевой Лавре. В 1961 году зимой он приехал в последний раз к Преподобному Сергию, чтобы проститься навсегда и уехать в Одессу. Взял он лаврской земельки, которой завещал своим духовным детям присыпать его могилку, и, заказав обратный билет в Одессу, отправился в Москву к поезду. Но неожиданно так сильно разболелся, что слег в Москве и скончался на руках своих духовных чад. Отпевали его в Лавре Преподобного Сергия, которого отец Никон возлюбил всей душой и который благоволил снова принять его к себе и упокоить рядом со своими учениками.

В тени густых ветвей приютилась бедная могилка. Железный крест чуть-чуть покосился. На маленькой жестяночке, что прикреплена ко кресту, надпись: «Здесь покоится прах иером. Никона, в миру — С.П. Преображенский. 1899–1961 гг.».

Так вот где он нашел себе вечный приют, этот милый Христов труженик! Вот куда привела его милостивая спасающая десница Божия! Это он здесь скончал свой многотрудный земной путь... Так и умер бедный и милый старчик в объятиях своей любимой Лавры. Кто может раскрыть нам его последние тайные переживания, кто считал его старческие слезы в предсмертный решающий час?! Но успокойся, милый подвижничек Сергиев. Лежи мирно и безмятежно. Лавра Сергиева тебя не забыла. Она, как любящая мать, хранит о тебе самую светлую, благодарную память. И если ты в свое время потрудился в ней, отдавая свои последние силы, то и она, святая обитель, останется ли в долгу, чтобы не воздать тебе должную награду?

Не скорби, милый старец, и о своих духовных чадах, что оставил ты. Ни одна душа из них не погибнет, ни одно доброе семя, брошенное тобою в их сердца, не заглохнет. Все они также помнят о тебе, о твоей безмерной любви к ним, о твоем большом отеческом сердце, в котором все они находили для себя тепло и отраду. Увидишь ты их всех там, в горнем храме Святой Троицы, увидишь и соединишься с ними вечным союзом блаженной райской любви. И никто уже нас не разлучит тогда, никто не позавидует вашему святому счастью, никто не поревнует вашей чистой, искренней, детской взаимной любви. Там нет зависти, нет клеветы, нет ревнивого ока, там одна небесная святая простота. Там дружба, радость, свет и любовь.

А теперь пока лежи в этом тихом уголке под сенью голубого неба. Твоя могилка не зарастет сорной травой и колючим кустарником. Любящие тебя сердца всегда придут к тебе, навестят тебя и тихо расскажут, как жи-

вому, о своих скорбях и радостях. Они расчистят от мусора и травы дорожки, ведущие к твоей бедной могилке, они любящей рукой посадят на ней незабудки. Они прольют здесь, у твоих ног, не одну горячую слезу. И ты, старчик Божий, услышишь их. Разлука наша скоро и, может быть, очень скоро кончится, и тогда все мы соединимся во Христе... *Мертвии о Христе воскреснут первее* (1 Фес. 4, 16)

Вечная тебе память, наш милый собрат, старец и отец. Скоро радостное свидание и... вечное блаженное единение всех во Христе.

Милому батюшке, отцу Никону

Цветы мы и любим,
И мы же их губим;
В том сами они виноваты.

Растут у дороги,
Суются под ноги —
За то и бывают измяты...

А он их лелеял,
Теплом на них веял,
Хранил, обходил, не ступая.

Каждой былинке
Прольет он слезинку,
душой за нее замирая.

За то ж и любили
Цветы полевые
Отца своего дорогого.

В разлуке искали,
Слезой утешали
Расслабленного и больного...

В разлуке страдая,
Всех нас вспоминая,
Забудешь ли нас ты вовеки?

Ведь видишь, как горько,
В слезах да и только,
Душа наша, очи и веки.

И вот — на курганчик,
Неся одуванчик,
Идут твои милые дети...

ОБЕТ

Иеромонах Иларий
(Иван Александрович Зыков)
(1876–1962)

Наста, богоносе, солнца светлейший твой праздник, озаряя приходящия к тебе верою.

Стихира Преподобному Сергию Радонежскому

Предварим наши воспоминания о старце Иларии несколькими назидательными историями, душеполезными как для монашествующих, так и для мирян.

***

В семье было одиннадцать детей. Самому старшему — шестнадцать лет. И что дивно — все ребятишки, ни одной девочки. Но все — родные дети одной матери. Мать говорила, что отец был хороший, добрый семьянин, но такая вот его судьба. То жил на стороне, то вдруг смертельно заболел, и... как-то в зимний вечер

его разом не стало. И самое скорбное, что и умер-то он на чужбине.

Одна осталась. А их одиннадцать, один другого меньше. Мать всех их любила, за всех переживала и... горячо молилась Богу о их будущей судьбе. Но особенно она была привязана к самому меньшему сыну. Он ведь последний плод ее мук, и физических и духовных, духовных — прежде всего. Да, это были годы ужасных переживаний. Мать еще так никогда не страдала, не мучилась, как в тот год. Она только-только похоронила своего любимого мужа. А как они были привязаны друг к другу! Кто измерит глубину их взаимной нежной любви?! Тогда она носила своего последнего дитя во чреве и разве что милостью Божией осталась жива. И сейчас она не может вспоминать без трепета ту темную холодную ночь, во тьме которой она, как безумная, бежала к зловещему высокому обрыву, за которым зияла бездонная пропасть...

Кто ее гнал на погибель, она не знала, только в душе ее звучали, как бы помимо ее воли, слова: «Если Ты избавишь меня от смерти, я даю обет посвятить это мое невинное дитя Тебе на служение...»

Каким-то чудом она не погибла. А через семь дней увидела того, кто должен был исполнить ее материнскую клятву...

Ребеночек был резвый, крепкий и удивительно спокойный. Он как бы один только знал тот обет, который был произнесен той страшной темной ночью у обрыва. И он как бы затаил эту тайну в своем маленьком сердце и рос тихим, вдумчивым и нежным сыном. Мать долго не говорила ему о том, что знала только она и Господь. Но вот сегодня, когда они все собрались в день памяти своего умершего отца и мужа, она решила сказать младшему об этом...

Ему было уже четыре годика, и он вполне мог осмыслить всё, что она ему откроет. Когда дети пообедали и разбежались кто куда, она нежно взяла Сережу (так зва-

ли малютку) за руку и повела в свою спальню. Там она посадила его на кровать, а сама встала на коленки около его ног и зарыдала...

Ребенок не испугался, тихо сидел и бесконечно родными глазками смотрел на свою мать. Она же от сильного волнения не могла сказать ни слова, и только обрывки речи вырывались из ее груди: «Дитя мое милое... обет... обет...» — и еще сильнее заливалась слезами.

Сережа тихо встал, подошел к ней, нежно обнял ее и не по годам серьезно и твердо сказал: «Мама, я всё знаю, я выполню твой обет...»

Отец Сергий стал хорошим священником, многие души привел он ко Христу и принес Церкви Божией немалую пользу. Он с честью исполнил обещанное матери и молил Господа и за своих родителей, и за свою семью, и за своих многочисленных родных.

Сколько людей берет на себя множество обещаний! Дают слово родным, друзьям, знакомым, ручаются что-то исполнить... Кому-то, наиболее честным, правдивым, это удается, а большинство забывает о своих словах. Но как всё-таки это низко! Кто-то, например, обещал принести другу нужную вещь или книгу. И вдруг забыл всё это по рассеянности, халатности. Друг в назначенный час ждет своего приятеля, а он давно забыл обо всем и при встрече придумывает всякие причины, помешавшие будто бы ему выполнить обещанное.

Ах, Боже милосердный! Дрожь проходит по моему телу, когда я вспоминаю о таком обещании, невыполнение которого не искупится целой вечностью. Имею в виду обещание быть ревностным христианином, свято хранить веру и любовь к Богу, данное при Крещении, — выполняем ли мы его? Монашеское обещание — обеты, данные вполне сознательно при святом пострижении, — тоже, быть может, не выполняем?.. А пастырское обещание пасти стадо Божие усердно

и самоотверженно, чтобы не погибла ни одна душа, искупленная кровию Сына Божия, — тоже?..

Да, мой милый и дорогой читатель, часто ли ты задумываешься над этим вопросом? Даже ведь не человеку обещаешь — другу или брату, а Самому Богу, у Которого нет лицеприятия, Который весьма правосуден, как сказано: *правосудие и правота — основание престола Твоего* (Пс. 88, 15) и еще: *суд Мой праведен* (Ин. 5, 30).

И какие только, спрашиваю, оправдания мы принесем Господу своему, что так халатны и беспечны своим обетам? Горестно читать вам эти строки, но мне еще горестнее их писать. Ведь умом мы любим своего Господа, и доверяем Ему свою душу, и готовы всё сделать для Него, а вот делами-то... грешим, закон Божий и обеты свои не выполняем. А святые отцы учат, что нарушение обетов равносильно духовной смерти. Ну как здесь не плакать, как не сетовать, не рыдать?!

Особенная вина лежит на нас по части монашеских обетов, в нарушении которых мы почти все виноваты пред Богом. Ведь главных обетов в монашестве три: обет девства, нестяжания и послушания. И вина в нарушении их тем ответственнее, что мы торжественно обещались их выполнять. «Ей, Богу споспешествующу...»* отвечали мы тогда на вопрос предстоятеля. Господь невидимо и ангелы, слыша наше обещание, радовались. А теперь что?..

Стыдно-то как должно быть нам от этого! Ведь кого? Самого Господа обманули: обещали стараться, а сами еще ленивее стали... Что ж нам теперь делать? Одно: каяться и плакать, плакать и снова каяться. Да еще и просить Господа, чтобы Он споспешествовал в исполнении наших обетов, а самим стараться, сколько есть сил, особенно молодым инокам, монахиням. Хотя теперь многие монашествующие живут в миру, в миру-то обеты еще труднее исполнить, чем в монастыре. Но Господь

* См. последование малой схимы (или мантии).

учтет всё это. Кто в монастыре живет, с того спрос будет один, а кто в миру спасается, спрос другой будет. Но и с тех и с других спрашивать будут строго. А чтобы вы, давшие монашеский обет, не унывали, я вам укажу верный путь к спасению в этом звании.

У каждой птицы есть два крыла. На этих двух крыльях она летает. Если одно крыло у нее подобьют или оно сильно заболит — птица не может летать, тогда она передвигается по земле. И какое это печальное зрелище! Призвана летать, а остается на земле...

У каждого хорошего или плохого монаха тоже есть два крыла, на которых он должен парить духом выше всего земного. А если у него эти крылья подбиты или одно какое совсем отпало, то монах «ползает» по земле и питается, как червь, прахом. Что же это за крылья у монахов нашего времени? Вера и покаяние. Если каждый пользуется этими крыльями как должно, то спасется и не погибнет ни за что.

***

...Он стоял на берегу бушующего моря. Волны, точно горы, поднимались и низвергались в бездну. Ветер, как лютый зверь, рвал, метал и ревел на все голоса. Вдруг он увидел нечто необычное. Не то ангел, не то человек поднялся с берега и, паря над волнами, полетел на другую далекую сторону моря, где виднелся город, освещенный дивным сиянием. Летящий продвигался очень быстро, высоко над волнами, и видно было, как он благополучно достиг того дивного города. «Это монахи первых времен христианства», — был голос с неба.

Вслед за этим поднялся другой. Он тоже полетел через яростно бушующее море. Но летел значительно ниже, нежели первый, крылья, видно, у него были грубее. Летел тяжело и со страхом смотрел на громадные волны. Но и он всё же долетел до другого берега и опустился благополучно. «Это монахи средних веков христианства», — опять был голос с неба.

Наконец с этого берега поднялся третий. Полетел в том же направлении. Но как он летел? Боже мой! Каждую минуту он мог бы упасть в море и погибнуть. И крылья-то у него были какие грубые, тяжелые. Ветер, кажется, еще сильнее ревел, волны еще выше вздымались. А он, бедный, то поднимется повыше, то изнеможет так, что вот-вот погрузится в бездну. Даже уже касался воды. Тогда он начинал кричать о помощи, молиться Богу и опять поднимался. И так весь свой путь он одолевал с великим трудом, слезами, мольбой... Но всё-таки долетел до другого берега. «Это монахи последнего времени», — был голос.

Вот мы теперь и есть такие. Летим — не летим, ползем — не ползем. А крылья-то какие? Да и есть ли они у нас?

Вера и покаяние — вот что спасет нас теперь. Вот два крыла, на которых мы худо-бедно, с великой помощью Божией, сможем преодолеть яростно бушующее житейское море.

...Восемьдесят шесть лет отец Иларий нес на себе как благое иго Христово данные Богу обеты. Восемьдесят шесть долгих лет земной жизни — трудный, опасный полет совершил он, преодолевая все тяготы. Где он родился, кто его родители, как он воспитывался, как прошли его детство, юность, зрелые годы, преклонные лета? Один Господь ведает.

Обитель Сергия Преподобного приютила отца Илария у себя в годы его старости, уже на исходе его дней. В миру его звали Иван Александрович Зыков. Родился он в 1876 году. Во святую Лавру пришел примерно в 1950 году. Это были годы восстановления, когда обитель Преподобного Сергия, напрягая все свои силы, залечивала раны послевоенной разрухи. Хотя отец Иларий был работник не очень дюжий, так как с детства страдал какой-то непонятной расслабленностью, тем не менее и он

включился в общее братское дело. Трудно припомнить, какое первоначальное послушание нес отец Иларий. Одно время он был трапезничим. Это требует от человека большой подвижности, быстроты, тем более в дни больших праздников, когда народу в трапезной собирается весьма много, особенно духовенства. Все батюшки приезжают помолиться к Преподобному Сергию о своих нуждах, а этих нужд и скорбей на приходе много у каждого. И вот духовенство слетается по большим праздникам в святую Лавру. А когда сюда прибывает сам святейший патриарх, батюшкам хочется помолиться вместе со своим патриархом, посмотреть на него, порадоваться ему.

По окончании богослужения всё духовенство идет обедать в лаврскую трапезную, к монашескому столу. Надо сказать, что лаврские обеды всем удивительно нравятся. И это потому, что они готовятся всегда с молитвой, благоговением. Тем более что и огонек-то для кухни зажигается от лампады, горящей перед ракой Преподобного. Рано утром, в половине шестого, братия Лавры собирается в Троицком соборе на молебен и полунощницу у раки Преподобного Сергия. После молебна отец наместник зажигает свечу от неугасимой лампады, что у святой раки, затем этой свечой зажигает фонарик. С этим огоньком Сергиевым один из иноков идет на братскую кухню и здесь с молитвой распаляется печь. Выходит, будто сам Преподобный готовит обед для братии, как он делал еще при своей жизни: пек просфоры, молол муку, пек хлебы, колол дрова... Потому-то и бывают кушанья в монастыре вкусные и приятные, что их невидимо готовит сам небесный игумен.

Ну, отец Иларий трапезничий-то был, конечно, неблестящий. Трудно было ему поворачиваться быстро. Ведь до трехсот и более человек бывает в праздники в братской трапезе. И всем надо подать, всех надо обслужить, накормить, напоить квасом... А отец Иларий был на вид грузноват, да ведь уже и пожилой. Ходил он, раскачива-

ясь, шаркая ногами. Но, что замечательно, он всегда улыбался. Весь оросится потом — жарко ему, но всё равно улыбается, служит с любовью и терпением.

Затем отец Иларий нес послушание в гостиной. Когда приезжают высокие духовные лица (архиереи), почетные и заграничные гости, их тоже всех надо разместить, принести им кушанья с братской трапезы.

Но в гостинице старец был не очень долго. Это послушание ему также не подходило по строгости его характера. Помню, как он однажды наделал шуму на всю Лавру. Так как по ночам он в гостинице оставался в большинстве случаев один, то к нему в одну из ночей кто-то сильно стал стучать в дверь. Может быть, это и действительно были воры, а может быть, просто кто-то захотел подшутить над отцом Иларием. Только старец сильно перепугался. Он открыл форточку и стал пронзительно кричать: «Караул!» Голос у него был тонкий, необычный какой-то. Конечно, ломиться в дверь перестали, убежали. Крик отца Илария услышал дежурный милиционер и направился к гостинице. Отец Иларий, увидев его, выбежал в белом подряснике, в каком спал, и всё бегал по двору Лавры, показывая, где могли скрыться воры, хотевшие будто бы его убить или ограбить. Отец Иларий был не очень-то труслив, но это у него по старости получилось: он был изрядно потрепан жизнью, и малейшая неприятность выводила его из равновесия. После этого случая старец уже не мог оставаться на прежнем послушании. Его перевели в канцелярию Лавры. А здесь он и совсем уж был неподходящий. И старенький, и слабенький, и слепенький, и руки- то трясутся. Но удивительно, с какой охотой и детской покорностью шел он на любое дело. Поистине он был «дитя послушания». Помнил свои монашеские обеты и был готов идти куда угодно, на любое место, даже если это было совершенно не для него.

Когда привели старца в канцелярию лаврскую, то он сразу засуетился, забегал, что-то хотел уже начать делать,

трудиться. Он не мог быть без работы ни одного часа или минуты.

«Отец Иларий, — спросил его иеромонах, заведующий канцелярией, — а ты когда-нибудь работал в канцелярии?» — «О, да как же, — ответил обычной скороговорочкой старец, — я всё здесь понимаю, всё умею». Когда дали ему напечатать на машинке расписание, то батюшка так напечатал, что трудно было разобрать, где начало и где конец. Плохо видя даже в очках, он всё буквально перепутал. Пришлось расписание печатать заново, только уже не отцу Иларию, а другому иноку. После этого случая поняли, что старец не считал для себя возможным отказаться от любого дела, какое бы ему ни предлагали, хотя физически или по каким другим причинам и не мог его толком исполнить.

В лаврской канцелярии отец Иларий также оставался не очень долго. Наверное, не более полугода. Он аккуратно приходил на свое дело, копался в письмах, кое-что путал, кое-что разбирал, но, несомненно, трудился. Это было его последнее послушание. Отсюда он уже попал в изолятор, где обычно старцы проводят свои последние дни, откуда они уже воспаряют на небо к нескончаемой, горней жизни. На последней станции его земного странствия (в изоляторе) я уже мало видел отца Илария. Он всё слабел, увядал телом, становился всё белее и белее, созревал для небесной житницы, становился как спелая пшеница или как зрелая гроздь винограда.

Всё-таки как странно наблюдать со стороны этот, особенно последний, отрезок жизни старцев Божиих. Как много во всем этом таинственного, когда человек совершенно беспомощен.

Вот, смотрите, доживает старец последние месяцы, дни, часы своей жизни. Он ведь знает прекрасно, что ему скоро конец, и, доверяясь Богу, он ждет этого неизбежного конца, как будто обреченный на казнь, не будучи в состоянии что-либо изменить. Сколько, должно быть,

вопросов волнует его душу! А что там меня ожидает? Какой будет моя смерть? А сколько дней осталось мне жить? И вот тогда выступает вера. Как же всё-таки счастливы люди, которые встречают смерть и всё неведомое с верой и надеждой на Бога!.. Я видел одну почтенную старушку, которая содрогалась при мысли, что ее должны будут опустить в могилу и там, засыпав сырой землей, оставить одну-одинешеньку. Она, бедненькая, вся дрожала при этой страшной мысли. Но вот вера, твердая и светлая вера в Господа, дает умирающему совсем иное переживание.

Как дети, тихо бродили наши старцы в монастырской больнице, покорно и терпеливо ожидая своего конца. Смотришь на них и думаешь: обреченные, их уже скоро здесь не будет. Они лягут в сырую землицу и навсегда скроются от наших глаз. Такие тихие, светлые, кроткие, они тихо передвигаются по комнатке, шепчут молитву Иисусову и в надежде на милость Божию ожидают страшную гостью — смерть.

Что есть человек, что Ты помнишь его, — восклицал когда-то пророк, — *и сын человеческий, что Ты посещаешь его?* (Пс. 8, 5). Как всё-таки устроена наша земная жизнь, сколько в ней мудреного и таинственного, находящегося в одних руках Божиих. Когда люди еще молоды, как-то иначе идет их жизнь, как-то по-иному мыслит человек и о нем думают по-другому. А вот увидишь ветхого старца, так и напрашивается мысль: обреченный, смертник. Последние денечки с нами. И так жалко-жалко становится человека, что он сам-то ничего не может для себя сделать и лишнего дня, даже часа себе прибавить. А он-то, старец, всё такой же тихий, покорный воле Божией, двигается потихоньку, задумываясь чаще, и, как дитя, ждет своего неизбежного конца... Да, действительно, как бесконечно счастливы люди, умирающие в надежде на иную жизнь — более совершенную, более продолжительную, жизнь вечную. Отсюда и начинает теплиться в человеке то тихое, светлое, даже ра-

достное настроение, которое испытывают при смерти люди веры и доброй жизни. *Мне бо еже жити, Христос, и еже умрети, приобретение,* — сказал святой апостол Павел (Флп. 1, 21).

Отец Иларий так же покорно и спокойно ожидал своего конца. Теперь он больше всего лежал на койке, закрыв глаза, тихо читал краткую молитву. Всё утешение, весь покой теперь только в ней, она, как тихий лучик света, согревает и озаряет замирающее сознание. Она, как золотая ниточка, на которой едва держится человеческая жизнь...

Когда я говорил о разных послушаниях отца Илария, то умышленно не касался внутренней духовной жизни старца. А вот теперь надо сказать и об этом, так как в последние дни жизни человека как нельзя лучше выявляются все предшествующие подвиги его жизни. Так какова же была духовная жизнь отца Илария в Лавре Преподобного Сергия?

Если сказать одним словом, то его жизнь была скромно-смиренная. Духовные дарования он не выставлял напоказ. Тем более что он петь не умел, читать — тоже, служить — что-то и не помню, видел ли я когда старца, чтобы он служил. Молебны у святой раки тоже, кажется, не служил или — очень редко. Словом, отец Иларий будто совсем и незаметен был в Лавре. Но он жил у Преподобного, и жил духовно-подвижнически. И если суд человеческий не поднимает его так высоко по сравнению с другими монахами, то иное дело — суд Божий. Как часто смерть открывала тайну величия души человека, который в жизни совершенно ничем не выделялся среди других, был как и все, даже, может быть, и похуже.

Бог смотрит не на лицо, а на сердце, говорит слово Божие (см. 1 Цар. 16, 7). Так было и с отцом Иларием. Не пел, не читал, не служил, сильно-то, кажется, и не постился, а вот созревал по-своему, окрылялся у Преподобного Сергия по-иному — тихо, незаметно, скромно, можно сказать, таинственно. И какое в этом утешение для тех,

кто не имеет от Бога блестящих талантов, особых ярких дарований. Пусть они, вот такие-то, не унывают, не отчаиваются, а благодарно, покорно делают то, что умеют, именно то малое, что им доступно и достижимо.

Или вот молодая девушка, которая хочет научиться петь в церкви. Так мечтает она об этом, что даже у бедненькой слезы на глазах, но слуха музыкального у нее совсем нет. Она стремится попеть на клиросе, хочет научиться брать тон, хочет слиться с голосами других, силится, переживает, но себя не слышит, а только видит неодобрительные взгляды других певцов и еще больше мучается душой. Талант у нее иной. А для пения таланта нет, не дан. Но, к утешению таких, скажу, что музыкальный слух со временем может развиться, и петь они с помощью Божией будут неплохо. Но всё это говорю к тому, что у Господа никто не обделен. Он каждому дал то, что ему нужно и полезно и что для него спасительно.

Забыл совсем упомянуть о том, что отец Иларий получил свой монашеский постриг и дал обеты не где-нибудь, а на старом Афоне. Он был афонским монахом, провел на Святой Горе ряд лет и обогатился особой любовью к Господу Спасителю.

Кстати, сейчас на старом Афоне есть наши православные монахи, но их осталось очень мало, да и те сильно старенькие. Поэтому Московская Патриархия послала туда молодых монахов, собрав их из Печер, Одессы и нашей Сергиевой Лавры. И вот эти иноки со свежими силами будут там трудиться и молиться за наш народ, нашу Православную Церковь, за нас с тобой, милый мой читатель и друг.

В связи с особой нежной любовью отца Илария к Спасителю, Господу нашему Иисусу Христу, хочется здесь привести несколько примеров, которые, может быть, и твою холодную душу, мой друг, согреют и озарят.

***

Четырнадцатилетний Ганя* испытывает мучительные сомнения в существовании Бога. Семья их бедная, а тут засуха всё выжгла, как огнем. Неминуемый голод ожидает всех их. «Что же это, Господи! Или Тебя совсем нет?» — вырывается из больной груди отрока. Страшно стало после этих слов. «Нет! — сказал сам себе Ганя. — Сам спрошу...» Идет он в поле. Вот одинокая сухая полянка, где они сеяли семена, а сейчас здесь треснувшая от жары земля... Опустился отрок на колени. «Господи, пошли нам дождичка, пошли урожая, — взмолился он. — У нас бедная семья, больная мама, погибаем, пожалей, Господи... Если Ты есть», — добавил он совсем тихо, шепотом. Приник к земле и... замер. Дрожь прошла по телу... Страшно-страшно стало... Вдруг где-то вдали загремел гром, и будто голос совсем-совсем рядом: «Будет у нас пшеница». И пшеница действительно уродилась на диво. Она прямо из мертвых воскресла.

***

Когда он уже был священником (отец Гавриил), то однажды совершал в храме Божественную литургию. «Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа...» — молился он на великом каноне, когда пресуществляются Святые Дары. И отверзся свод над алтарем. Господь, окруженный ангелами, архангелами, херувимами, серафимами, пророками, апостолами, мучениками, святыми, заполнил весь небосвод. Небожители стояли с поникшими долу очами, руки, сложенные на персях, в великом трепете и молчании... Свет благодатный, исходивший от язв Спасителя, падал на Святые Тайны, престол. Старец был вне себя, плакал навзрыд, и все видели его исступление.

---

* Речь идет о будущем схиархимандрите Гаврииле (Зырянове). — *Прим. ред.*

***

Один крестьянин хотел доказать другому, что для него нет ничего святого на свете. Побившись об заклад, он причастился Святых Таин Христовых, но частичку не проглотил, а оставил во рту. Придя в лес, на поляну, он прикрепил частицу Святых Даров к дереву и навел ружье: хотел расстрелять. Каково же было его изумление и страх, когда он увидел: на дереве оказался пригвожденным Иисус Христос, кроткий взор Которого был устремлен на святотатца. Несчастный бросил ружье и, не помня себя, выбежал из леса... Всю жизнь его терзала совесть в связи с этим злодеянием.

Святой апостол Павел говорит, что, когда мы после Святого Причастия снова идем на прежние грехи, мы вторицею распинаем Сына Божия (см. Евр. 6, 4–6).

***

«Если ты еще будешь говорить нам о Христе, мы убьем тебя», — грозили индусы-язычники миссионеру, который был тоже индусом. Но он продолжал говорить им о Христе. Тогда они привели его в лес, раздели и приковали цепями к большому дереву. Несколько дней пленник страдал ужасно: лесные насекомые жалили его невыносимо, звери проходили мимо, наводя страх, жажда мучила его. Он умирал. «Господи, я умираю, — взмолился он, — помоги мне...» Вдруг он почувствовал, что Господь рядом. Сердце охватила трепетная радость, он ощутил блаженство. Цепи ослабли, сверху упал зрелый, сочный плод. Он утолил им жажду и пошел опять в то селение. Увидев его, люди пришли в ужас. «Как? Кто его расковал?» — «Христос меня освободил», — ответил он и снова стал говорить им о Христе.

...Я привел здесь несколько рассказов о силе Господа нашего Иисуса Христа как приложение к жизнеописанию отца Илария, который так горячо любил Господа нашего

Иисуса Христа, что всю свою жизнь отдал Ему в служение. Теперь ему предстояло встретить смерть. И... он ее встретил тихо и покорно.

Когда утром сестра подошла к койке отца Илария, он был необычно спокоен и тих. «Батюшка, чайку горячего тебе?» Старец молчал. Но почему сестра сильно вздрогнула? Ей даже показалось, что кто-то промелькнул около нее. Она невольно отшатнулась. Вдруг в дверь постучали. «Как отец Иларий?» — спросил входящий инок. «Да ничего, только не отвечает», — отозвалась сестра. «Э, да он, милый, уже скончался», — крестясь, печально сказал пришедший.

Хоронили старца все монастырские братия. Когда его одевали, он, кажется, был доволен — лицо его сияло миром и тишиной. И как ему не быть довольным? Ведь он с Богом споспешествующим исполнил свои монашеские обеты.

Теперь, окрыленный надеждой на великую милость Божию, он совершил полет в иные края, где его живая мечта — Христос и святые ангелы встретили своего почитателя в дивных селениях.

Вечная тебе память, наш дорогой и милый собрат. Воспарив душой в небесные святые выси, молись и о нас у престола славы, докучай и Сергию Преподобному, ведь ты его там видишь. И все вместе ходатайствуйте непрестанно о святой обители нашей... Она ведь еще сильнее обуревается волнами житейских невзгод, с которыми приходят богомольцы, чем тогда при тебе...

Грозно, как горы, ходят они,
Бьют, разбиваясь о стены.
Тихо мерцают лампадок огни,
Вздохи храня сокровенны!..

ПО СТОПАМ ХРИСТА

Иеромонах Назарий
(Николай Антонович Артецкий)
(1891–1964)

Проходя оттуда, Иисус увидел человека, сидящего у сбора пошлин, по имени Матфея, и говорит ему: «Следуй за Мною». И он встал и последовал за Ним.

Мф. 9, 9

Есть мир совершенный, где все служат одному Богу. Всё бесчисленное множество ангелов и святых объединено одним славословием. Таков небесный мир. Сколько счастья и красоты в этом горнем мире, сколько блаженного единения и святой любви! «Страна лучей», «райские селения», «горний Иерусалим» — такие названия носит этот небесный мир. И какая красота жизни в этом блаженном единстве мыслей, желаний, дел! Какая гармония счастья вечного!

В нашем дольнем мире совсем иное устроение, иные условия жизни и, конечно, большое несовершенство, особенно в том, что касается нравственности. Здесь прямо какая-то неразбериха. Разномыслие полное. Кто как хочет, тот так и думает, кто как хочет, тот так и живет. Отсюда в каждом народе свои обычаи, свои порядки, своя вера. В каждой семье тоже свои обычаи и отношение к вере. Такая невнятица — удел земного мира. И это потому, что Бог дал полную свободу человеку: как хочешь, так и живи. Хочешь веровать по православной вере — веруй. Хочешь жить по католической вере — живи, хочешь быть в исламе, буддизме или еще в каком исповедании — твоя воля. А если хочешь жить атеистом, оставаться вовсе неверующим — смотри, дело твое...

В последние времена Господь сошел на нашу грешную землю. Он дал людям совершенный евангельский закон. Этот закон скрепил Своей честной кровью. Этим Он показал всему миру, что этот духовный закон истинный. Но и опять — Господь не принуждает человека принимать его. Он только показывает его гармонию, его совершенство, а выбор предоставляет самому человеку. И всё равно — неразбериха даже до сего дня. Вся наша планета полна разномыслия, особенно теперь. Дело дошло до того, что в одном доме, где живет кровная семья, и здесь полный раздор и несогласие. Родители верующие, дети — нет; или наоборот: дети верующие, а родители — нет. А сколько даже таких случаев: отец верующий, а мать — нет; или большей частью наоборот: мать верующая, а отец — нет. Сколько теперь разномыслия — уму непостижимо. Вся земля, люди, семьи перессорились, передрались. Войны, убийства — сильные и культурные народы порабощают слабых, малоразвитых.

Да вси едино будут (Ин. 17, 21), — молился Господь перед Своими страданиями в ночи Гефсиманского сада. Молился и плакал кровавыми слезами... А тут все врозь. Кто куда, кто во что горазд, кто как хочет, так и верует, кто не хочет — не верует... Вот в такой дисгармонии попробуй поживи, попробуй спасаться!

«Теперь, как никогда, народы стремятся к миру», — сказал один проповедник. Да, действительно, это стремление является всеобщим, всемирным или, как теперь говорят, экуменическим. А как усердно Церковь Божия молится «о мире всего мира, о соединении всех»*. Ее материнское сердце разрывается, видя, как немирно и во вражде между собой живут ее дети. Ее сердце обливается кровью, когда она видит, что всё больше и больше чада ее мыслят по-иному, отходят от нее и живут совсем не так, как учит она — Церковь Божия. Много, очень

* См. мирную ектению.

и очень много путей теперь в жизни, много дорог, по которым люди неопытные устремляются, бегут, несутся сломя голову. И чем ни новее эта дорога, чем ни глаже и шире она, тем больше по ней идут, перегоняя друг друга, иногда давя друг друга... Ох, жизнь земная! Недаром говорится, что это огромная арена, на которой побеждает тот, кто хитрее и сильнее.

Действительно, много на земле разных дорог, но ѐсть один, хотя и многими забытый, путь, на который следует встать, — это путь Христов! По этому пути шел Сам Он, когда жил на нашей маленькой земле. Он его указал для всех, кто только захочет пойти за Ним, кто доверится Ему, кто возлюбит Его всей душой. Это тот самый путь, о котором Он сказал: *Внидите сквозь тесные врата* (Мф. 7, 13).

Да, хорошо идти широкой дорожкой. Она и гладкая, она и ровная, она и красивая, и по краям всё в цветах. Хорошо идти или ехать с удобствами по широкой дорожке и как трудно идти по узкому пути! «Я пошел бы за Христом по узкой дорожке, — сказал один интеллигент, — но эта дорожка, этот путь теперь уж не в моде, устарел он, зарос колючками...»

Аще кто хощет по Мне ити, да отвержется себе, — говорит Господь (Мф. 16, 24). Поистине путь Христов требует самоотвержения, он требует жертвы, то есть требует от человека самоотречения, самозабвения, самоотдачи. И на этот путь самоотречения встают высокие души, благородные сердца, героически честные последователи.

Но почему путь Христов называется узким? Видимо, потому, что он подчиняет себе волю человека, отсекает своеволие. «Я охотно пошел бы в церковь, — говорил один любитель пения, — но там надо выстаивать долгие службы». — «Мне очень нравится православная вера, — говорит один образованный сектант, — но как я буду соблюдать посты? Ведь я страшно люблю колбасу и тушеное мясо». — «Ох, как мне нравятся эти молодые монахи, — искренне вздыхала одна иностранная туристка, — но я

не понимаю, почему они не хотят жениться?» Видимо, поэтому-то и называется путь Христов узким и тесным, что он требует самоограничений, добровольной жертвы. Но, спрашивается, для чего и кому нужны эти ограничения, зачем эти нелепые жертвы?

Люди через своеволие лишились рая. Чтобы вновь вернуть себе прекрасный рай, теперь требуются разного рода ограничения в жизни, требуется подвиг подчинения себя Богу. И это вполне логично и естественно. Скажите, если человек потеряет какое сокровище, разве он не ищет его днем и ночью, в бурю и непогоду, разве он не оставляет все удовольствия и развлечения? И путем этой жертвы, этих ограничений возвращает себе потерянное.

Да, много на земле разных путей, много и прекрасно устроенных дорог, магистралей, но есть один путь, которым нам с тобой, мой милый друг, суждено идти, — это путь Христов. По нему шел Сам Господь наш, Иисус Христос, шли святые апостолы, шли мученики, преподобные, праведные мужи и жены, юноши и девы, старцы и старицы, знатные и простые, ученые и неученые, богатые и бедные, — и сколько их, этих славных учеников Христовых! Смотрите, они парят, как светлые облака, как бесчисленные сонмы ангелов, озаренные дивным сиянием благодати Божией. И как светлы, как радостны их лица, сколько блаженства, немеркнущего счастья в их душах, сколько свежести, жизни в их очах!..

Вот вам и узкий путь, мои друзья. Оказывается, он оправдывает тех, кто следует по этому пути, оказывается, он единственный путь жизни.

Идущие по узкому пути за Христом должны быть готовы пожертвовать всем самым дорогим. Вот пример. Посреди ночи — дом, объятый пламенем. Повсюду быстро распространяется огонь. Раздаются тревожные крики, потому что в том доме — человек. Он спит. Но вот он пробуждается, бросает направо и налево испуганные взгляды. Видит, что только один выход остается свободным, прав-

да, узкий, но вполне достаточный, чтобы спастись. Что же он делает? Лихорадочно хватает, что может взять из своего имущества. Нагруженный вещами, сгибаясь под их тяжестью, он подбегает к узкой двери, которая отказывается пропустить его. «Ко мне! — кричит он. — На помощь!» Дверь слишком узка. Бедный безумец! Да брось там свои пожитки, которые будут стоить тебе жизни, освободись от того, что препятствует тебе бежать от огня, пожертвуй этим барахлом, которое вновь приобретешь. Твое спасение может быть куплено только такой жертвой...

Через тысячи веков неизменно слышится зов Спасителя нашего и Господа: *Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их* (Мф. 7, 13–14).

Итак, мой милый и любезный друг, теперь ты знаешь, что есть путь Христов, знаешь, что значит идти по стопам Христа. А еще надо знать и то, что, кроме пути жизни, ведущего по стопам Христа, есть путь, ведущий по стопам диавола. О, не дай Бог никому всю жизнь идти по стопам диавола. Это верная гибель, это путь к вечной смерти.

Путь по стопам диавола — это широкие врата, о которых Господь говорит, что *многие идут ими*. Это путь самоугодия, забвения Бога, путь самолюбия и потакания всяким страстям, словом, жить и идти по стопам диавола — значит быть человеком минуты, человеком настроения, значит жить исключительно земными интересами, отвергая или просто забыв всё небесное, Божие. А самое-то главное — идти за диаволом означает встать на путь противления Богу, стать богоборцем. О, как страшен и жесток этот путь!

Но с виду он совсем и не кажется страшным, наоборот, кажется очень и очень привлекательным, удобным, даже разумным. Ведь говорят же: ну что заботиться о небесной жизни, когда это будет, да и будет ли там что-нибудь вообще? Не разумнее ли человеку пользоваться настоя-

щими благами: есть, пить, веселиться, а там, что будет, посмотрим. И такое рассуждение вполне можно считать разумным, если допустить хоть на одну минуту, что Бога не существует. Тогда, конечно, для чего все наши посты, воздержание, коленопреклонения, слезы, общественное презрение? Выходит, что это впустую, если нет Бога, если совсем нет вечной жизни. И как теперь трудно, мои милые христолюбцы, идти нам за Христом, трудно отстаивать свою веру, трудно не соглашаться со всеми.

«Ну что ты, Ваня, задумал такое, — искренне-отечески говорит молодому человеку почтенный мужчина, завкадрами производства, — захотел пойти учиться в попы? Да разве ты не видишь, друг мой, сколько нас? Как полноводная река течет жизнь... А вас — единицы! И как это ты не соображаешь, ведь ты идешь против течения».

Ваня вполне был согласен с разумными доводами уважаемого всеми Петра Ивановича, уже престарелого годами и опытного в жизни человека, но всё же стоял на своем: «А что, Петр Иванович, возьму да и попробую, поплыву против течения... Один, но поплыву, а?..» И Ваня поплыл или, вернее, пошел по стопам Христа, да еще в наше-то время!..

Когда Господь вторично придет на землю, то *обрящет ли веру на земли?* (Лк. 18, 8). Вот оно, время-то это, и подходит или даже пришло. Путь Христов нынче в поношении, по стопам Христа многие ли теперь идут?! Когда Он ходил по земле Палестинской, то кто толпился около Христа и слушал слово Его? Народ. Кто шел за Ним в гору и в пустыне знойной, чтобы внимать Его поучениям? Народ. Кто расстилал ризы свои Ему под ноги и бросал цветы и пальмовые ветви, когда Он входил в Иерусалим? Народ. А кто называл Его «самарянином» и «винопийцей» и говорил: *Не бес ли в Тебе?* (Ин. 7, 20). Книжники, фарисеи и саддукеи. Кто стремился погубить Его, пылая к Нему завистью и ненавистью? Да они же. Кто утверждал, что Он обманщик и льстец, идет против кесаря и закона Моисеева? Они же.

Кто обманул народ, заставив кричать что есть силы: *Распни, распни Его!?* (Лк. 23, 21). Всё книжники и фарисеи.

Так вот и теперь. Народ простой, трудящийся народ продолжает идти по стопам Христа. Народ сердцем чувствует Его святое учение. Простые, бедные люди своей детской душой ощущают всю правду и счастье быть с Ним, быть Его учениками.

«А всё-таки как хорошо идти тем путем, которым труднее», — сказал один юноша своему собеседнику. «Я хочу любить Господа Христа, моего Спасителя, именно вот теперь, когда Его так мало любят», — выпалила с жаром девушка удивленной и почтенной даме. «Хочу кланяться и служить Богу Небесному, ибо только один Он достоин поклонения», — рассудил почтенный гражданин.

Такого же мнения был и отец Назарий (в миру Николай Антонович Артецкий), о котором и поведу речь. Он вполне сознательно пошел по стопам Христа и прекрасно знал, что этот путь за Христом всегда был трудным и презренным, тем более в его время. Но Коля был не из трусливого десятка, не из тех, которые стыдятся высказать свои убеждения, стыдятся, что их назовут отсталыми, некультурными, необразованными. С юных лет он решительно и вполне самостоятельно избрал для себя путь тесный и, кажется, ни разу в жизни не свернул в сторону.

В Лавре Преподобного Сергия отец Назарий появился примерно в 1954 году. Он уже был в звании иеромонаха. Среднего роста, всегда живой, подвижный, с уже белыми волосами, он выглядел довольно-таки солидным и почтенным старцем. Годы ранней юности отца Назария, а также его происхождение, социальное положение, образование, время и место первых его монашеских подвигов — для нас всё это сокрыто завесой тайны, ведомой одному Богу и самому отцу Назарию. Но можно быть вполне уверенным в том, что отец Назарий был образованным человеком, довольно культурным, обходительным и, конечно, до последнего дыхания верным Господу служите-

лем. По разговору, внешнему виду, умению обходиться с людьми можно думать, что отец Назарий прибыл в Сергиеву Лавру из западных областей Украины, там, где сияет славой своих мучеников Почаевская Лавра.

Основным послушанием отца Назария были требы в Михеевской церкви. Иногда он служил и молебны у раки Преподобного Сергия, а также помогал на исповеди, когда было особенно много богомольцев. Все эти послушания он исполнял с любовью и безропотно. Особенно трудно ему было в праздничные дни, когда маленькая церковочка преподобного Михея набивалась до отказа людьми — страждущими и скорбящими. Преимущественно сюда несли люди свои сердечные скорби. Здесь они залечивали раны своей изболевшей души.

Вот слабенькая старушка примостилась у оконца с помятым листочком бумаги. Обломанным карандашом ведет она неровную строчку. Сын ее единственный, на которого она возлагала все свои надежды в старости, ушел на войну и не вернулся. Бедная мать с какой-то особой любовью выводит на листочке его имя, и непрошеная слеза падает из ее выцветших глаз прямо на крупные, только что написанные буквы. Они сливаются в одно большое пятно, так как карандаш-то химический. Старушка качает своей седой головой и снова выводит рядом это же дорогое имя. «Пропал без вести сынок-то мой, — говорит она отцу Назарию. — Помолись за него, батюшка дорогой».

А вот совсем еще молодая женщина с заплаканными глазами добивается у отца Назария, кому ей отслужить молебен, так как ее жизнь с мужем становится невыносимой. Узнав, что молебен надо служить святым мученикам Гурию, Самону и Авиву, она просветляется в надежде на их помощь, берет свечку, заказывает молебен и сама становится прямо у аналоя на коленки, делая частые поклоны... «Батюшка, а у меня сын повесился, можно ли его отпеть заочно?» — «А у меня, батюшка, муж пьет беспробудно, прямо жизни нет никакой, помолись о нем. Его имя-то Иван».

Отец Назарий едва успевает отвечать своим просителям. Вот у него набралось уже много заказных молебнов, и он начинает служить, дав начальный возглас. Маленькая Михеевская церковь загудела, как дружный улей, народ запел «Царю Небесный». А потом — бесконечная народная мольба: «Пресвятая Богородице, спаси нас...», «Святителю отче Николае, моли Бога о нас», «Святии мученицы Гурие, Самоне и Авиве, молите Бога о нас...», «Святый мучениче Иоанне Воине, моли Бога о нас...» и много-много других прошений несется к небесам из маленькой Михеевской церкви. Многие стоят на коленях, утирают слезы, а та женщина, что пришла помолиться за своего пьяницу-мужа, она, бедная, плачет навзрыд. Видно, сильно тяжела ее доля, нелегкий выпал ей жребий — жить с этим пьяницей и драчуном. Вот она совсем склонила свое заплаканное лицо к полу церковному и долго-долго не встает. Только всё тело ее вздрагивает от рыданий и тихий стон вырывается из больной груди. «Святитель Николай, угодничек Божий, — стонет женщина, — вразуми ты моего мужа, спился он, сильно бьет меня, малых деток колотит...»

Немалое горе, видно, и у той юной девушки, что стоит у самой двери церковной. Она всё прячет бледное лицо за спину пожилой женщины. Ей очень неудобно плакать пред людьми. Молодая, модно одетая, да и образованная, а вот горе-то никого не щадит. Только вчера она похоронила свою любимую маму и теперь осталась совсем одна, как былиночка в поле, как цветочек, пробившийся среди большой дороги. Дунет ветер, сломает былинку, ведь одинокая она, склоняется то направо, то налево по ветру, а поддержать-то некому.

«Доченька милая, — вспоминает девушка последние слова матери, — я умираю, всё тебе прощаю, чем ты меня обидела...» Не помнит она дальше, что ей говорила умирающая мать, только сквозь рыдания врезались в память три слова: «Поручаю Матери Божией...» — «Матерь Божия, Матерь Божия, — шепчет девушка воспаленными

губами, — как я много оскорбляла свою мамочку, не слушалась, грубила ей, а она всё мне простила...»

Сложно, даже, кажется, невозможно описать хоть как-нибудь психологические трудности, внутренние душевные переживания людей. Это равносильно тому, что стоять на берегу волнующегося моря, смотреть, как поднимаются волны, летят брызги далеко на берег, ревет, бушует ветер и... всё. А что на дне этого океана, чем наполнена его глубина, какие водовороты там, в глубине, и вообще, что там происходит? Для наблюдателя неизвестно.

Но отцу Назарию, кажется, понятны были скорби его духовных детей. Хотя здесь много было и таких, которых он видел в первый, а может быть, и последний раз в жизни. Но тем не менее его отеческое сердце тоже плакало великим плачем общей скорби. Даже, может быть, он глубже всех понимал страдание каждой человеческой души. Как духовный отец и молитвенник, он не мог не раствориться в них, не мог не войти всем своим сердцем в их семейное или личное горе. «Пресвятая Богородице, спаси нас...» — слышится его громкий, но проникновенный голос. «Святителю отче Николае, моли Бога о нас...», «Вси святии, молите Бога о нас...»

Однажды я шел из Успенского собора по монастырскому двору. На пути повстречалась немолодая женщина, видимо, москвичка. «Вы не скажете, где сейчас отец Назарий?» — обратилась она ко мне. «Может быть, в Михеевской церкви», — отозвался я. «Нет, он только сейчас там был и ушел. Какой он хороший батюшка, какой нежный».

«Пожалуй, будешь нежным, если находишься в таком вот круговороте народного горя, — подумал я тогда. — Тут и каменное сердце сделается мягче воска». Слезы, воздыхания, стенания, горести всякие — вот стихия, в которой вращался каждый день отец Назарий. Пожалуй, что поневоле сделаешься нежным, сочувствующим, отзывчивым. О, если бы побольше у нас было таких батюшек, нежных да понимающих народную душу, вот тогда полегче было бы таким, как отец Назарий. Народ не бегал бы

за ними по пятам. Не искал бы их так настойчиво, не привязывался бы к ним так крепко и неудержимо. А то ведь что получается: батюшки наши — все они хорошие, верующие, многие образованные, культурные, молитвенные, но большинство из них предпочитают держаться от народа подальше. Или чтобы лишний раз их не прославили, или чтобы не замарали чистенькие рясы их, или чтобы не заговорили о них как о ревностных и любящих народ церковные и гражданские власти. Вот батюшки-то наши и делаются умышленно не очень «нежными» с нашим народом, они как бы живут с ним через каменную стену. Стена заглушает все звуки, крики, стоны человеческого сердца. И как ведь хорошо-то — совсем не слышно ничего за этой каменной стеной равнодушия. Будто всё гладко в жизни духовных детей, всё шито-крыто. А тем временем наш духовный отец понемножечку поправляется, полнеет телом, а душой худеет, блекнет любовь его к своим духовным детям, за которых он призван душу свою положить и отдать всё, что только имеет, даже свою жизнь.

Вот такая картина теперь в нашей церковной жизни. И стоит только такому батюшке нежному, как отец Назарий, показаться на арене жизни, как за ним бегут люди, оставляя других священников. И тогда-то вот и берегись, батюшка, со своей нежностью. Со всех сторон полетят в него камни клеветы всякой, сплетен хитросплетенных, угроз от своих же духовных собратий, сослуживцев. Ну и тому подобные шипы-цветочки... И не знает даже бедный батюшка, куда деваться ему со своей нежной душой, со своей любовью к людям. Тогда он начинает себя ломать — становится черствее к людям, не трогают его их страдания, не отвечает он на их запросы. Хотя в душе-то своей он и плачет кровавыми слезами, а вынужден вот так поступать с людьми.

Ну что это за служение? Что за духовная жизнь? Это пытка, мука, трагедия пастырской души. А вот если бы, как я говорю, было у нас побольше самоотверженных не-

жных батюшек, то подобных пастырских искушений могло и не быть в нашей современной духовной жизни.

Вот сижу я теперь в тихом уголке села Покровка. Полная чаша удобств и спокойствия. Ничто не волнует, казалось бы, ничто не тревожит... В большие открытые окна веет ветерок, на улице тихое июльское солнце, слышится пение петухов, редкое лаяние сельских собачек. Тишина... Достаток, удовольствие, покой. Но вот из букета, что добрая хозяйка поставила мне на стол, выпал маленький цветочек... Упал на белую скатерть. Казалось бы, что в этом важного или особенного?.. Что тут исключительного? Ведь так оно и бывает. Растения цветут, увядают, падают, засыхают — закон жизни. Но нет! Видя цветочек, выпавший из букета, оказавшийся без воды, я вспоминаю милую душу человеческую, которая, может быть, в эту самую минуту силою вражьего искушения, или под тяжестью немощной природы человеческой, или под влиянием жизненных трудностей отпала от Господа, споткнулась, бедненькая, оторвалась от духовного сада, упала и засыхает от зноя жизненных страстей.

Милая душа человеческая... да еще мне Самим Богом порученная! Так что же я спокойно отдыхаю, хотя и один, всем обеспеченный, в тихой Покровке?.. Нет! И тысячу раз нет! Мысли мои где-то там, в Лавре, среди людей, среди скорбящих и обремененных грехами, среди чающих утешения и болящих...

В связи с этими рассуждениями хочется привести ряд примеров, самых разнообразных, может быть, к этой повести имеющих малое отношение, но всё-таки духовных примеров, для того чтобы, подобно пчеле, собирающей мед на цветистой поляне, мой любезный читатель напитал свою душу.

***

1924 год. Далекий Алтай — живописные, высокие горы; как ясные зеркала — глубокие обширные озера. В одном глухом алтайском селении, в кибитке, крестили взрослого

алтайца. Дядя-крестный вдруг, как дитя, замахал руками и закричал: «Это и со мной было, так было и со мной!..» Оказалось, что он, простой сердцем алтаец, увидел огонь, сходящий с неба в купель. И когда его самого крестили, то он был также удостоен от Господа видеть огненную благодать Святого Духа, сходящую с неба.

А ведь ты, мой друг, тоже крещен силою Духа Святого и огнем! (см. Лк. 3,16).

***

Медики отказались от больной: безнадежная. Испытаны все средства человеческие. Болезнь была неизлечимая, но Екатерине Степановне хотелось жить. Она поехала к Преподобному Сергию, горячо помолилась ему, как только может молиться человек, обреченный на смерть. Взяла от святой раки маслица в пузыречек и вернулась к себе домой. Так она делала три раза. Святое масло от Преподобного она понемногу пила утром натощак. После третьего посещения Лавры ей стало значительно лучше, а затем она совсем выздоровела. Ее муж тоже не выходил из больницы, но после приема святого масла он тоже пошел на поправку.

А мы с тобой, мой дорогой читатель, получаем ли помощь от Преподобного Сергия? Ведь нередко бываем там... Где наша вера?

***

Молодой священник лишился своей любимой супруги. Затосковал. Жениться ему вторично запрещено. Что делать с двумя малышами? С горя запил. Молитва не идет на ум. Но жена, любя его и за гробом, в одну из ночей явилась ему во сне и сказала: «Что с тобой, мой милый друг? Молись больше и не тоскуй, воспитывай наших деток, там увидимся...» Очнулся вдовец от сна, голос любимой жены звучал в памяти так ясно, что сомнений быть не могло в ее приходе. Он усилил молитву, отдался весь

своим малым деткам, воспитывал их и таким образом пережил тяжелые дни искушений.

А разве о нас не заботятся наши милые умершие?..

***

В 1767 году в Царском Селе фрейлина Екатерина Ивановна занималась своим туалетом. Около нее было много барышень и знатных дам. Взглянув в окно, Екатерина Ивановна вскрикнула: «Батюшка приехал!» (отец ее жил в Риге, занимал высокое положение) — и выбежала встречать его на улицу. Но там никого не оказалось. Об этом рассказали императрице, записали день и час этого видения. Вскоре приходит из Риги известие: отец Екатерины Ивановны скоропостижно скончался в Риге в тот день и час, когда он явился своей дочери.

Человек, яко трава дние его, яко цвет сельный (Пс. 102, 15).

***

Почтенная женщина, по вере католичка, потеряла мужа. Впала в тоску и вспомнила, как, будучи еще девушкой, она занималась спиритизмом, то есть вызыванием душ умерших. И вот она взяла листок бумаги, карандаш, села за стол и положила на него свои руки. Вдруг карандаш в ее пальцах задвигался и стал писать на листке слова и разные ответы. Так она делала несколько раз. Потом, чувствуя в душе какую-то тревогу, рассказала об этом православному священнику. Священник посоветовал спросить имя того, кто движет ее рукой, предварительно закляв его именем Иисуса Христа. Женщина так и сделала. Тогда послышались жалобы на жестокость, последовали разные увертки в ответах, наконец ясный и жесткий голос произнес: «Я демон!» Женщина бросила карандаш и выбежала из комнаты. Потом она спрашивала священника: «Что же мне теперь делать?» — «Не слушай внушений и не бери больше карандаш с этой целью, а читай Святое Евангелие», — ответил батюшка.

Враг через спиритизм и ложную мистику стремится погубить человека.

***

Анна Михайловна роптала на добровольную нищету. Она ругала мужа за его доверие к старцу Серафиму Саровскому. «Что ты, такой образованный и интеллигентный человек, доверился какому-то старику?» — журила Анна Михайловна мужа.

Зимняя холодная ночь. В комнате тихо и холодно. Даже лампадочку у икон зажечь нечем. Анна Михайловна разошлась, заругалась на мужа особенно сильно. Вдруг в углу послышался треск... «Боже мой», — вырвалось у всех домашних, так как лампада у икон загорелась сама собой, сияет тихо, светло, мягко. Страшно подходить. Хозяин, перекрестившись, подошел. «Аннушка, — воскликнул он изумленно, — лампада полна масла!..» И горела она долго-долго.

В другой раз Михаил Васильевич сидел в келии отца Серафима, слушая беседу старца. Был вечер. Вдруг одна из лампад засияла в углу, затем другая, третья... Михаил Васильевич глаз не сводит: что за чудо — лампады зажигаются сами собой! «Что ты, Мишенька, удивляешься, — заметил старец Серафим, — не бойся, что так бывает у убогого Серафима», а сам всё так же тихо продолжал беседу.

***

Анна договорилась с подругой: кто из них умрет раньше, тот явится другой. Подруга умирает раньше и спустя три дня приходит... Но как? Неожиданно встретится в коридоре, пройдет и ничего не скажет. То ночью в окно постучит, то в спальне промелькнет во всем белом. «Зачем ты ходишь?» — спрашивает ее Анна. «Так надо», — отвечает. Затем стала подходить к постели и что-то шептать на ухо. «Ну что мне делать? — спрашивает Анна священ-

ника на исповеди. — Ведь она мне жить не дает». — «Отслужи панихиду и старайся непрестанно молиться», — ответил ей батюшка. Когда она выполнила сказанное, то видения прекратились.

***

Разразилось ужасное землетрясение. Падают здания, рассыпаются вековые башни, рушатся мосты, летят под откосы составы. В одном доме собралось несколько человек, чтобы всем вместе не так страшно было умирать. Вдруг со двора крик: «Иван Серапионович, выйди на минутку». И только тот вышел, как здание разом рухнуло и все погибли под обломками. Оглядевшись кругом, Иван Серапионович никого не увидел. Кто его звал? И почему только он один должен был спастись? А остальные?

Так Ангел Хранитель спас вверенную ему душу.

***

Священник познакомился с одним из местных интеллигентов и проводил с ним много времени за чашкой чая, за картами, за газетами, за... вином. Вместе кутили, гуляли. И вот однажды во время гулянки он сказал своему приятелю: «Что-то мне в голову стали приходить странные мысли. А что если действительно Бог есть, что же тогда мне будет за такое лицемерие и разгул, ведь я священник?» — «Э, ничего не бойтесь, — успокоил приятель, а сам подумал: — Если есть Бог, тогда и мне несдобровать». И с этой минуты его не покидала мысль о суде Божием, и он исправил свою жизнь.

***

«Когда я была в Глинской пустыни, — пишет одна покаявшаяся блудница, — то почувствовала, как от меня отделился человек, меньше меня ростом, черный, безобразный, корявый, точно бес. И всё оглядывался на меня, смо-

трел наглыми глазами. И видела я еще, как из моей груди, извиваясь, выползли с шипением две змеи».

Святой апостол Павел сказал: *Хотящии благочестно жити о Христе Иисусе гоними будут* (2 Тим. 3, 12) и еще: *Укаряеми, благословляем; гоними, терпим*» (1 Кор. 4, 12).

Трудно сказать, по каким мотивам отец Назарий ушел из святой Лавры Сергия Преподобного. Много было всяких толков об этом. Но верно, пожалуй, то, что иеромонах Назарий был настолько правдив, настолько нежно любил народ и народ нежно любил его, что лаврское начальство, видно, по ревности невзлюбило отца Назария, всячески притесняло и вынудило его оставить Лавру. Любил отец Назарий обитель Преподобного Сергия, и покидать ему ее было весьма трудно. Пробыв в святой обители около десятка лет, он, несомненно, духовно окреп, окрылился ее благодатным духом, соделался способным нести иго Христово и в других краях страны.

Как и при жизни своей Преподобный Сергий посылал учеников в разные края, чтобы они там основывали новые монастыри и согревали холодные края Севера благодатным духом Святой Троицы, так и теперь он невидимо направил отца Назария на другое место служения, чтобы и там прославлять Святую Троицу во едином существе. Направив свою жизнь по стопам Христа, отец Назарий и в этом увидел волю Спасителя и Господа. Он покорно пошел в другие края спасать души человеческие, согревать их своей нежной любовью, находить их среди распутий мира и подводить ко Христу Богу.

Ходили слухи, что отец Назарий служит где-то в западных областях России, что его сделали игуменом, что, как и здесь, его там любит народ, дорожит им, и он дорожит каждой душой человеческой. Шествуя за Христом, старец (он уже был белый как лунь) пошел за Ним на последний свой подвиг. Христос Спаситель повел его как бы на Голгофу, откуда отец Назарий уже не вернулся.

Тихий ветерок с запада донес до нашей святой обители печальную весть — отец Назарий умер. Как завершилась земная жизнь старца, мы не знаем, верим только, что Господь сподобил его христианской кончины, мирной и безмятежной. Верим, что тихий свет с неба ангела нежности успокоил его тревожную совесть пред смертью. Укрыл он светозарными своими крылами от злых демонов душу старца Божия, который так много потрудился, шествуя по стопам Христа всю свою многотрудную земную жизнь. Лавра Преподобного Сергия помнит о тебе, наш милый и добрый собрат. А чтобы наш читатель, узнав об отце Назарии, в жизни своей старался ему подражать, советую быть похожим на покойного старца вот в чем:

1. Нужно твердо следовать по стопам Христа, Господа нашего, куда бы Он ни повел тебя, мой милый друг, — на лишения, страдания и даже смерть.

2. Чтобы неуклонно идти за Христом, надо нежно возлюбить Его и Его братьев — всех людей, верующих и неверующих, друзей и врагов, белых и черных, ближних и дальних.

3. Идти не только самому за Господом по Его стопам, но и вести за собой других, являя собой живой пример всем прочим. Ибо Господь наш Иисус Христос за всех пострадал, всех Он нежно любит и всем хочет спастись. Аминь.

Так в Покровке, в тиши,
Дав покой для души,
Вспомнил я о тебе, мой собрат.

Нежность неба любил,
Ты в душе сохранил
То, за что мы получим в стократ.

Докучай небесам,
Чтобы нашим душам
Жаром нежности дивной пылать.

Жизни льды сокрушать,
Души братством пленять,
Скорбь в миру облегчать.

СВЯТОЕ ДИТЯ

Схииеродиакон Варнава

(Иван Федорович Зайцев)
(1873–1962)

Яко светильник света, твою душу
слезными потоки украшая.

Канон Преподобному Сергию
Радонежскому

Он продвигался по узкому коридору, не поднимая своих старческих ног, шмыгая худыми башмаками. «Батюшка, благословите», — обратился к нему встречный иеромонах. «У, какой я батюшка, я поросенок ленивый», — тоненьким голосочком ответил он.

Почти девяностолетний старец, проживший много лет на старом Афоне, претерпевший немалую борьбу с духами злобы поднебесной и теперь в Лавре Преподобного Сергия совершающий великий подвиг молитвы за весь мир, так смиренно, так просто, так по-детски говорил о себе: «Я поросенок, да еще ленивый». Это был схииеродиакон Варнава.

В своей жизни я не встречал более кроткого, более смиренного о себе самом мнения, как у схииеродиакона Варнавы. Он жил от меня совсем недалеко, в нескольких шагах. Его маленькая келейка была похожа на конуру. Одно окошко на запад впускало немного света и тепла, освещая окружающие предметы келейного обихода. Здесь будто и не было хозяина. Все предметы — одежда, разные вещи — лежали в полном беспорядке. Казалось, что обитатель этого маленького уголка совсем не живет земной жизнью, земными интересами, а целиком воспарил к небесным горним далям и там витает душой. Только передний угол келии сияет красотой: мягко и тихо горит лампада, освещая дивный лик Богоматери. Девственная

чистота Ее образа является наилучшим украшением маленькой убогонькой келейки схимника.

Таким я знал схииеродиакона Варнаву. Но каким знал его Господь — это Ему одному ведомо. Думается, и не без основания, Господь высоко оценил детское смирение старца Божия и наградил его в райских селениях недосягаемой для нас наградой.

Старец был крупного телосложения. В молодости, видно, был он настоящим великаном, имел большую телесную силу. И, будучи еще на Святой Горе Афонской, он работал там за пятерых: копал землю, таскал на себе огромные камни, ночами делал не одну тысячу поклонов, чем изумлял своих собратий. А сейчас он уже почти девяностолетний старец, согбенный телом, тихо проводящий свои последние дни под покровом Преподобного Сергия.

Я не знаю, как осмелиться и приоткрыть духовную сторону жизни этого великого старца. Просто недоумеваю, что мне предпринять: или умолчать о тайных подвигах схииеродиакона Варнавы, или трепетно поведать в поучение потомкам о том, что мне известно о его духовной жизни. Решаюсь на последнее. Хотя духовная жизнь любого человека, как я заметил раньше, является тайной, ведомой единому Богу, тем не менее всё-таки хотелось бы коснуться этой важной и поучительной стороны жизни старца.

Он постоянно творил Иисусову молитву, у него было глубокое покаянное чувство и вместе с тем — сознание своего недостоинства. Довольствовался самым малым в жизни, никогда не роптал, не многословил, тем более никого не осуждал. Горячо, всей душой любил он Бога и за всё был Ему благодарен. К братии относился с любовью и признательностью, и когда его встречали и приветствовали, то чувствовали, что от него исходит некая сила благодатная, согревающая всякую душу.

Как-то я зашел в келию схииеродиакона Варнавы. Он, как обычно, лежал на своем бедном монашеском одре и тихо перебирал лестовку. «Батюшка, дорогой, а что ты так

нервно вздрагиваешь?» (Старец часто неожиданно сильно вздрагивал всем телом, так что казалось, будто кто его пугал. В это время он устремлял свой взор куда-то вдаль, уста шептали торопливо молитву.) «О милый мой, да это у меня от перепугу. Бес меня напугал». — «А как, батюшка, и когда это было, расскажи». — «Да это было давно. — И тихим, тоненьким голоском старчик Божий стал рассказывать: Однажды я находился в своей келии. Была глубокая ночь. Прочитавши монашеское правило, лег отдыхать. Не помню, сколько времени я спал, только неожиданно проснулся и почему-то боялся открыть глаза. Всем своим существом я чувствовал, что в моей келии кто-то есть. Я боялся открыть глаза. Непонятный страх всё больше и больше овладевал мною. Наконец я решился посмотреть, что же делается? Открыв глаза, я... замер. Совсем рядом у моего изголовья стояла высокая тень. Это была не просто тень, а темное мрачное существо. Я чувствовал, как леденящий холод исходил от него и сковывал мои члены. Два огненных глаза пожирали меня. Увидев такое невероятное страшилище, я весь затрепетал от страха и мигом закрыл лицо одеялом».

Старец замолчал, и в келии воцарилась полная тишина. Видно было, как он глубоко переживал. Я боялся нарушить его молчание. Затем, перекрестившись, он снова продолжал рассказывать: «Я был ни живой ни мертвый, спрятавшись под одеяло. Я знал, что он стоит здесь надо мной, как хищник над своей жертвой. Мне казалось, что вот-вот накроет меня холодное облако, сдавит мои члены, я задохнусь под его каменной тяжестью. Но этого, по милости Божией, не происходило. Тогда я решился раскрыть одеяло. Он стоял, как и прежде, только казалось, что черты лица его, темного и холодного, исказились, на нем была страшная, злобно-насмешливая гримаса». — «Батюшка, — решился я наконец сказать, — а что же вы не прогоняли его крестом, крестом?» — «О дитятко мое, я забыл тогда про всякую молитву... С тех пор я и вздрагиваю так сильно, что меня бес испугал, лукавый». — «А как же он

ушел от вас в тот раз?» — «Я и сам не знаю. Только когда колокольчик зазвонил на братский молебен, я открыл глаза, его уже здесь не было, беса-то, он стал невидим».

Выходя из келии старца, я думал, что он рассказал мне тысячную долю из того таинственного, что ему приходилось видеть в своей жизни. Но сомнения быть не могло: схииеродиакон Варнава был тайнозрителем многих видений. И вот теперь, когда я вспоминаю об этом разговоре, то напрашивается мысль, неужели старец был так труслив и робок, что настолько сильно испугался беса?

Однажды об этом же спросили блаженного старца Серафима Саровского: боится ли он бесов и насколько они страшны. Батюшка Серафим ответил, что они не так страшны, как гнусны и омерзительны. Вот эта омерзительность бесовская, видимо, и подействовала на психику старца Варнавы, потому он и вспоминает об этом видении с неприятным чувством страха и отвращения. Да и вообще старец очень мало говорил об этих вещах. И целая книга его таинственно-мистических видений осталась запечатанной навеки.

А вот подобные же случаи бесовских страхований.

***

«Когда я стою на молитве ночью, — говорила Анна, — слышу голоса за дверью, будто ссорятся соседи, посмотрю — никого нет. Иной раз скрипят половицы, будто кто-то ходит по комнате, или — свет за окном, благоухание в келии и многое подобное творится». Анна живет совершенно одна. Ей под семьдесят. По ночам много молится, а врагу-то тошно, ведь он тоже не спит, и до сна ли ему? Старается что-нибудь натворить, напроказить. Ох и губитель же!

***

Она ясно ощущает, что после двенадцати часов ночи в комнате кто-то есть. Живет совершенно одна. Вчера легла после молитвы и еще не заснула, как видит: открывается дверь (а она была на крючке изнутри), входит муж-

чина с чемоданом. Подошел вплотную. Не испугалась. Тихонечко крестилась. Он растворился во мраке ночи. Но она чувствует, что он здесь. Вдруг слышит шепот у самого уха, нежный, ласковый. Делает крестное знамение. Умолк. Вдруг в углу раздалось хрюканье, будто свинья забралась в комнату. Да и откуда она могла взяться? Ведь во всей Москве свинью днем с огнем не сыщешь. «Господи, — встревожилась и взмолилась женщина, — да что же это такое?» Тишина. Она пожилая, образованная, глубоко верующая. Ей посоветовали на ночь класть под подушку Святое Евангелие. После этого все страхования прекратились.

***

Одна раба Божия горячо молилась. Вдруг ее со всех сторон охватило пламя. Сначала она перепугалась, а потом воскликнула: «Слава Тебе, Боже!» Тут ей показалось, что возле ее лица сыплются искры. Она решила, что горит, и выбежала в коридор. «Сейчас загорится вся моя хата», — подумала она. Но, постояв минут пять, увидела, что огонь исчез. Вошла в хату, всюду было тихо и темно... А в другой раз к ней сильно стучали в дверь. Кругом все спали, и соседи были далеко. «Кто там?» В ответ — тишина. Когда утром она осмотрела всё вокруг своего жилья, следов на снегу никаких не было.

...О, если бы теперь можно было повидать тебя, наш милый, дорогой старчик, и расспросить о подробностях твоей внутренней духовной жизни, то что бы ты ответил нам, какие бы тайны открылись нашему трепетному взору, какие переживания испытало бы наше сердце? Но ты молчишь, как и тогда, глубочайшим покровом смирения запечатлев свою жизнь... Только суд времени и суд Божий откроет эту печать в час назначенный... Как хотелось бы знать, где ты сейчас находишься, старец предобрый?

Думается, ты ныне там, дивный старец Божий, где гармония звуков, радость, блаженство любви без конца.

Аще не... будете яко дети, не внидете в Царство Небесное (Мф. 18, 3). *Братие, не дети бывайте умы, но злобою младенствуйте* (1 Кор. 14, 20). Поистине чистым, как дети, открыты высокие тайны и доступна светлая радость.

Схииеродиакон Варнава был настоящим младенцем душой. Он, как малое дитя, без исследования воспринимал Божественное учение. Потому и черпала его душа полной чашей чистую радость и созерцала тайны глубин Божиих, нам, грешным, недоступные. Сколько в наши дни душ человеческих, богатых всевозможными знаниями, гибнут только потому, что не имеют детской простоты?! «Как? Возможно ли это, чтобы была какая-то иная жизнь, иное бытие разумных существ?» — вопрошает ученый человек. Он готов ограничить жизнь ничтожными пределами нашей планеты. А Вселенная, а иные миры, недоступные чувственному восприятию, постижимые лишь верой? Это богатство, красоту и полноту жизни исключает человек рассудка и... многозначительно цедит: «Это фантазия».

А вот для человека простого, осиянного светом веры, жизнь простирается далеко за пределы чувственного мира. Для него реально ощутимо иное бытие и всё, даже невидимое, переживается им во всей своей полноте и богатстве. Как хорошо, мой милый друг, быть взрослым младенцем, дитем Божиим, и особенно теперь, в наш век, век сомнений и великих заблуждений! А как Господь наш Спаситель, когда был на земле, как Он горячо любил детей! Как Он их нежно ласкал, гладил по головкам Своей пречистой дланью! Почему у Божественного Спасителя была такая любовь к детям? Не потому ли, что дети невзыскательны, что они недалеки в познаниях, что их легче обмануть и прочее? Совсем не поэтому, а потому, что в них Он находил богатство и цельность образа Божия, красоту и полноту человечности, нерастраченность доверия к Богу и способность к восприятию полной мерой всего прекрасного.

О, насколько трогательна и умилительна евангельская картина, когда Спаситель наш, Господь Иисус Хри-

стос пребывает в окружении малолетних детей! Сколько в этом чарующей нежной красоты, сколько дивного благоухания нетронутого девства и непорочности ангельской! Смотрите, и дети по-особенному понимают Спасителя. Мало кто из них знал, что Он великий Чудотворец, что Он ходил по водам, как по суше, что мог словом запретить бурю, и разом на море водворялась мертвая тишина, что Он одним Своим гласом вызвал из гроба не только умершего, но уже и полуистлевшего Лазаря и так далее. Дети ничего этого не знали о Христе, но они так ясно чувствовали Его непосредственную близость, Его ласку, Его святую согревающую любовь... Дети, конечно, испытывали ласку своей родной матери, нежно любящего отца, но здесь, около Учителя, они ощущали неописуемое блаженство и невыразимую радость...

О, тысячу раз счастливы детки, видевшие Господа Иисуса, касавшиеся Его одежды, до милых головок которых хотя бы раз дотрагивалась Его рука... «А теперь Спаситель любит деток?» — спросила малышка свою маму. «Моя милая крошка, — ответила та, полагая на себя широкое крестное знамение, — Христос теперь еще больше любит детей, но как нынче мало их подходит к Нему, очень мало».

15 июля по старому стилю — день памяти мучеников младенца Кирика и его матери Иулитты. Как бесконечно счастлив этот малютка Кирик, что пострадал в огне за Христа вместе со своей мамой Иулиттой! А сколько их погибло за Господа в окрестностях Вифлеема, когда жестокие воины бесчеловечного царя Ирода выхватывали их из рук матерей, били головой о камни, резали и закалывали мечами...

Но это слишком тягостные картины. Нужно сказать, что детство счастливо не страданиями за Христа, но самой жизнью со Христом. Счастливо оно радужными озарениями евангельских рассказов, таинственными, дивными снами и общением с небожителями, да всем тем див-

но-прекрасным, светло-озаренным, чисто-непорочным, радостно-блаженным, что только может вместить маленькое и богатое детское сердечко. Оно обязано Христу за свою детскую веру в Него, за полное к Нему доверие. Да, малое дитя — поистине дивное существо и прекрасное творение.

Но гораздо дивнее, гораздо прекраснее взрослое дитя, то есть человек в совершенном возрасте, но с младенческой верой в Бога. Какое это мудрое сочетание! Какая непостижимая красота!

Рассказывают, что святитель Московский Филарет — великий мыслитель и богослов — сочетал в себе огромный ум и детскую веру. Далеко за пределами России восхищались его блестящими талантами, и при всем при том сердце этого великого человека дышало дивной детской простотой и глубокой верой в Господа. И вот этот раб Божий сподобился прийти на землю после своей кончины, чтобы подтвердить, что его детская вера была не глупостью и тем более не безумием. Дело в том, что довелось видеть рукопись одного дальнего родственника митрополита Филарета, которому он явился по смерти, с тем чтобы через него понудить церковное начальство восстановить памятник своей матери на Пятницком кладбище в Москве.

Святитель горячо любил и почитал свою родную мать. На ее могиле он поставил мраморный памятник. Но после революции памятник снесли, могилу забыли. Вот святитель и явился одному своему родственнику, чтобы восстановить память о своей почившей матушке. Когда читаешь запись об этом, то приходишь в трепет, подобный тому, в который пришел тот, кто пережил это явление. «Ты не бойся! Что ты так трясешься, зачем ты так трусишь? — успокаивал своего в полном смысле слова потрясенного родственника явившийся святитель Филарет. — Ведь ты так ничего не поймешь, о чем я тебе буду толковать». Он стоял около кровати этого человека, светлый, в белой мантии, и, нагнувшись, говорил: «Ну перестань трястись-то,

ну успокойся, что ты такой непослушный...» И когда тот немного пришел в себя, святитель сказал ему, чтобы он пошел к святейшему патриарху Алексию и попросил бы от имени святителя восстановить разрушенную могилу его любимой матери. Причем явившийся в деталях рассказал, где находится надгробная мраморная плита с надписью, где лежит заваленный землей крест с могилы, словом, все подробности указал, да еще всё переспрашивал: «Ну ты понял меня? Ты не забудешь обо всем этом передать святейшему патриарху?..»

В рукописи говорится, как много пришлось пройти мытарств этому человеку, прежде чем он сумел убедить церковное начальство в подлинности этого явления, прежде чем до патриарха дошла просьба святителя Филарета восстановить разрушенную могилу.

А пишу я об этом факте для того, чтобы еще раз показать, какую великую благодать на небе имеют у Бога люди, которые здесь, на земле, в простоте сердца веровали всему тому, чему учит нас Святое Евангелие и о чем говорит нам Святая Церковь.

Ведь вот снова я возвращаюсь к милому и дорогому нашему старцу схииеродиакону Варнаве. Какая же сила детской веры жила в этом уже немощном сосуде! Мне, грешному и недостойному иеромонаху, приходилось не один раз исповедовать и причащать старца Святых Христовых Таин. О, какая это была поистине детская душа! Какая искренняя, простая...

Сколько дивной простоты,
Сколько благородства.
Море детской чистоты,
Веры, с Богом сходства...

«Вот меня мучают блудные мысли, — просто, как малый ребенок, исповедует схимник Варнава, — да и почто они мне, такие гадкие и вонючие. Врач-то вот, женщина, ходит ко мне лечить меня, а я всё смотрю на ее грудь, буд-

то сам диавол направляет мои глаза на это...» — «Боже Ты мой милосердный, — думал я тогда, — какая же бесовская наглость, какое, кажется, даже насилие над душой человека. Он уже умирает, весь мертв в своих членах, а сатана — нет, всё не оставляет его, всё воюет, всё навязывает скверные помыслы: не удастся ли что, хоть напоследок...»

И вспоминается мне из романа Достоевского «Братья Карамазовы», как явившийся «приживальщик» (диавол) донимал Алешу Карамазова и говорил: «О, эти монахи, да они настоящие жемчужины, иногда целую жизнь диавольскую потратишь, чтобы только соблазнить кого из них...» (по памяти).

Да, и всё-таки правда, что монашествующим приходится больше всех бороться с врагом спасения, он больше всех воюет с ними и борет их. Конечно, тех, которые, как говорится, ни рыба ни мясо, ни монах ни мирской, словом, не разберешь, что за создание такое, называет себя монахом, а живет хуже мирского, и главное, что и не старается быть лучше, — таких враг почти совсем оставляет в покое и не борет. Зачем их трогать? Они и сами делают, что диаволу угодно. К чему их искушать, время тратить да и бесовскую силу расходовать, когда эти люди успокоились, думают, что они не простые, а совсем другие монахи, и живут себе в полном согласии со своими страстями и диаволом. Покорились, сдружились...

Старец Варнава до самой смерти боролся с бесами, не уступал им, гнал их силой Иисусовой молитвы. Конечно, и бесы не оставались в долгу: искушали его жестоко, безжалостно пугали его всякими призраками! Может быть, и били старца, хотя он об этом никому не говорил.

Когда отец Варнава уже ослабел телом и за ним нужен был неотступный уход, его перевели в изолятор — больницу, что находится во дворе Лавры, за академическим корпусом. Там он почти уже не ходил, а всё время лежал на своей коечке, закрыв глаза, тихо шептал Иисусову молитву. «Батюшка, ну что же болит-то у тебя?» — спросишь

его при посещении. «О милый мой братик, да я совсем здоров, — ответит отец Варнава, приоткрыв кроткие свои глазки, — вот только что силы нет никакой, лежу да ем, истинно поросенок ленивый». Но, как говорила санитарка, что ухаживала за больными старцами, отец Варнава почти что совсем ничего и не ел, а жил одним Духом Святым и благодатью Святого Причащения. Это было его единственное утешение и укрепление, радость и упование.

Наверное, лет пять старец прожил в лаврской больнице. Его собратия по старости, что жили с ним, уходили один за другим в горний мир, а он всё жил да жил. Когда ему замечали, что вот его Господь всё не берет к Себе, то он кротко, полушутливым тоном говорил: «Да куда еще меня забирать-то, ведь грязный поросенок, всех там перемараю собою-то, да и места-то, видно, еще никак мне там не подыщут подходящего».

О милейший отец! О предивный ангел земной! Только Сергий Преподобный может воспитать такую смиренную, кроткую душу, только под его молитвенным покровом может так прекрасно окрылиться человек!

Смирение глубокое, дивное смирение украшало душу старца Божия. А еще — святая простота, детская, наивная, пленяющая простота. А еще — любовь к Преподобному Сергию, любовь к Богу и ближним. Вот дивный, благовонный букет цветов-добродетелей, коими украшалась душа старца и... в чем, мой милый читатель, мы можем с Тобой подражать этому смиренному и святому ученику аввы Сергия Преподобного.

Говорят, что по своему глубокому смирению старец не дерзал принимать на себя и сан священства. Он был только иеродиаконом. Совсем не помню, служил ли когда отец Варнава в храме или, может быть, он уклонялся от богослужения, считая себя недостойным этого великого дела. Я также не знаю, предлагали ли старцу принять хотя бы под старость священный сан. Только сам, конечно, он никогда не домогался этого звания и предпо-

читал предстать пред Богом в звании служителя — диакона, не более того.

Да простит мне мой милый старец, что я мало знаю о его великой и духовно богатой жизни, что так бедно описываю великий подвиг его земного бытия. От всей души признаю, что взялся-то я совсем не за свое дело, что описание жизни и блаженной кончины великих людей совсем не по моим слабым силам, мне бы только, по существу-то дела, находиться за сто верст от таких рабов Божиих и взирать на них с великим страхом и трепетом, а я, как видите, неразумный и дерзкий, отважился писать о их святой жизни, да еще касаться самого таинственного и сокровенного — их смерти и блаженного перехода в иную жизнь. Еще раз говорю, да простят мне мое неразумие все мои милые старцы и да помолятся за меня Богу, чтобы Господь не вменил мне что в грех из этих воспоминаний. Тем более что если писать о святых людях, то нужно быть самому святым, иначе ничего не напишешь путевого и совсем не поймешь ни жизни, ни душу тех людей. В этом-то я особенно виноват. Пишу о святых старцах, а сам за тысячу верст нахожусь от святой жизни, сам-то и не живу так, как жили они. Вот только утром читал слова святого апостола. «*Всем нам подобает явиться пред судищем Христовым*, — говорит он, — чтобы обнаружились дела наши или добрые, или злые» (ср. 2 Кор. 5, 10).

Как же они, эти добрые, святые и милые старцы наши, как они старались в своей жизни всегда помнить о Страшном Судище Христовом и о том, чтобы дела их были добрые! А мы-то с тобой думаем ли о том же, мой любезный читатель? Конечно, и мы в чем-то стараемся: вот я особенно стараюсь побольше отдохнуть, поспать, повкуснее поесть, да от людей подальше убежать, чтобы не беспокоили, да во всем стараюсь себя оправдать. Скажет же и мне скоро Судия праведный: *Воздаждь ответ* (отчет) *о приставлении домовнем* (Лк. 16, 2), то есть как ты управлял тех, которые тебе были поручены Богом.

Вспоминая о большой и богатой подвигами жизни старца Варнавы, я хочу еще осветить тот самый момент, как он попал с Афона в Россию, то есть на свою дорогую Родину*.

За несколько лет перед революцией в России на Святой Афонской Горе произошла ужасная смута, только не социальная, а чисто религиозная. Русские иноки Андреевского скита, Пантелеимонова монастыря и некоторых других скитов и келий разделились на два непримиримых, враждебных лагеря по вопросу об имени Божием. Одни, так называемые имябожники, утверждали, что имя Божие есть Сам Бог. Имя Иисус они почитали Самим Божеством. Ведь Господь сказал: *Именем Моим бесы ижденут* (Мк. 16, 17).

Их противники опровергали это лжеучение и говорили, что имя Иисус не есть Сам Бог, а только имя, принятое воплощенным Словом, даже имени Которого боятся бесы. Различные божественные имена, встречающиеся в Священном Писании, приравниваются к священным символам Церкви, таким как крестное знамение или святые иконы. Имена Божии святы и должны почитаться христианами, но их нельзя путать с сущностью Бога, с Лицами Святой Троицы или благодатью Божией.

Лжеучение имябожников было осуждено Синодами Константинопольской и Русской Православной Церквей. Имябожники отвергли постановление Синодов, продолжали притеснять не согласных с ними русских иноков на Афоне и принуждали их к принятию своей еретической точки зрения. Чтобы попытаться убедить имябожников отказаться от своего заблуждения и водворить мир на Святой Горе, Святейший Синод командировал туда из России архиепископа Вологодского Никона (Рождественского), богослова С. В. Троицкого, а также ряд других лиц.

* Эта часть воспоминаний дополнена со слов игумена Виссариона (Остапенко), келейника отца Варнавы.

В результате этой миссии около семисот иноков остались верны Православию, а другие держались позиции имяславия и отказались вести какой-либо разумный диалог с представителями Синода. Тогда по просьбе греческого правительства и Кинота Святой Горы русское правительство решило вывезти фанатично настроенных русских иноков с Афона. Имябожники в свою очередь отказались покинуть Пантелеимонов монастырь и затворились в одном из братских корпусов. С русского военного корабля была вызвана пожарная команда, которая пустила в ход брандспойты и струями воды выдворила бунтовщиков из заблокированного здания. Несколько сот сторонников имябожия по морю были доставлены в Одессу, среди них оказался и монах Израиль (будущий схииеродиакон Варнава). В Одессе афонцам было предложено принести покаяние в своем заблуждении и противлении церковной власти, но только двое из них раскаялись, в том числе монах Израиль. При этом он так горько оплакивал свое прежнее ослепление и ожесточение, что земля под его ногами сделалась мокрой от потоков пролитых им слез. Затем афонских иноков разослали по разным монастырям России.

Монаха Израиля приютила Зосимова пустынь при Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Здесь он выполнял послушание алтарника и впоследствии был рукоположен в иеродиакона. После закрытия Зосимовой пустыни он скитался по разным обителям, затем скрывался от преследований безбожной власти у верных людей. Примерно в 1947 году пришел в Троице-Сергиеву Лавру. Большой, трудный, тяжелый путь проделал святой старец, претерпел немало искушений, злостраданий, поношений, в том числе от своих собратий по вере, но всё это он переносил со смирением, как послушное дитя Божие. Он готов был терпеть всё, что только попустит ему Господь для спасения души.

Теперь, несколько отвлекаясь, обратим свой взор на разнообразные случаи, какие бывают в нашей земной жизни, конечно, не без воли Божией.

***

Примерно в 1920 году, когда свирепствовала черная оспа, в одной семье заболели два сына. Один умер, а другой получил осложнение и не мог ходить после этого. Ему было шесть лет, и, где его ни лечили, нигде не могли вылечить. Тогда поехали к Преподобному Сергию, отслужили молебен, и мать понесла его на руках к мощам. А старенький монах, стоявший у мощей, и говорит: «Пусти его, мамаша, он сам приложится», а она ему в ответ: «Да он упадет». Мальчик даже стоять не мог самостоятельно, падал. Батюшка опять свое: «Пусти его!» Отрок, как только встал на ноги, сразу же направился к мощам, приложился и побежал как ни в чем не бывало. Тогда все, кто был в храме, расплакались, видя такое чудо. Тут же отслужили благодарственный молебен и заказали икону Преподобного в честь этого чуда. Этот образ до сих пор хранится в доме матери исцеленного, Анастасии, а сам он потом погиб на фронте...

***

В ссылке он был врачом, хотя носил сан епископа. Особое внимание старался уделять репрессированному духовенству. Владыка имел при себе Святые Дары и тайно причащал болящих. Обо всем этом стало известно начальству, написали в Москву и пообещали ему добавить еще пятнадцать лет ссылки. Километров за сто пятьдесят от того места, в бедной деревне в лесах, жила юродивая Матрона. Верующие посоветовали ему позвать ее на помощь. «Да как же это возможно, — недоумевал он, — ведь матушка живет так далеко, что и не услышит». — «А вы только покличьте ее, — посоветовала сестра милосердия, — она и услышит». Поздно вечером, когда все спали, владыка вышел в лес и стал кликать: «Мать Матрона, помоги мне!» Ночью видит сон: черная кошка шарит по всем углам его комнаты, всё переворачивает, ищет чего-то и не может найти.

Вскоре лагерное начальство сменилось, и о враче забыли. Закончился срок ссылки, и он поехал к Матроне, чтобы поблагодарить ее за помощь. В дремучей тайге стоял малый хутор. В одной ветхой избе и жила блаженная Матрона. Не успел он открыть дверь хаты, как из избы послышался голос: «Благослови, владыко!» — «Боже мой, да откуда она меня знает?» — подумал епископ и шагнул за порог. В маленьком ящике лежала скорченная женщина, это и была блаженная Матронушка. «Я вас знаю давно, — сказала она оторопевшему архиерею. — Помните, вы кликали меня, чтобы вам помочь в ссылке?» Дивны дела Божии, дивен Бог во святых Своих!

***

Он стоял в Успенском соборе — высокий, стройный, красивый. Затем медленно стал пробираться ближе к клиросу, где пели монахи. Поднявшись на амвон, он как-то странно, не оборачиваясь, сказал: «А можно попеть здесь с вами?» — «Пожалуйста», — ответили ему и показали место в уголке. Но незнакомец не двинулся с места. «Боже мой, — ахнул молодой инок, стоящий с краю, — да он же слепой!» — «Да, я совершенно ничего не вижу...» — ответил печально молодой человек. Встав на клиросе, он тихо подпевал баритоном. Во время чтения кафизм рядом стоящий монах спросил его: «Давно так?» — «С детства, — ответил тот. — Когда я был еще мальчиком, мы баловались с гранатой, их много тогда было везде (это происходило в 1942 году). Граната взорвалась, все разбежались, а мы трое остались лежать на траве. Тех двоих убило, а у меня вот... глаза». Он замолчал. «И как же вы потом?» — полюбопытствовал инок. «Да сначала было очень трудно, хотел покончить с собой. Что это за жизнь, сами понимаете. Хотя меня всем обеспечили, но всё равно жизнь была не люба. Однажды я случайно забрел в храм. Народу было мало, и я прошел вперед. Тогда в первый раз я услышал церковное пение и чтение...» — «И что же?» — снова спро-

сил собеседник. «Я воскрес для жизни, — растроганно ответил слепец. — У меня открылись другие очи, духовные. Я перестал тосковать, стал чаще ходить в церковь, причащаться, а теперь мне глаза и ни к чему, потому что я ясно вижу духовными очами. Я счастлив с Богом!»

А мы с тобой, мой друг, видим ли духовными очами, хотя со зрением у нас всё вроде в порядке?

***

В Почаеве Антонина долго ждала автобус до Тернополя. Продрогла до костей. Сразу же сковало, как железом, спину, плечи. Нагнуться, ходить, даже сидеть было невозможно. Лежать — мука. Стала пить освященное масло и мазать спину. Прошло два-три дня — все как рукой сняло. Теперь кладет по сто земных поклонов и больше, делает что угодно, и никакой боли нет.

А мы с тобой как? Пилюли, порошки, таблетки, капли, мази, змеиный яд, муравьиный спирт, скипидар, горячий песок, горячий кирпич, горячая соль и прочее, и прочее. Всё это автор знает потому, что сам лечился всеми этими способами. А вот святое маслице забыли!..

Тихо подходит корабль к заветным берегам. Он везет много разных сокровищ: золото, жемчуг, сапфиры и другие самоцветы. Всё это собрано в результате долгого и трудного плавания. Сколько было бурь и волнений, сколько перенесено опасностей и даже крушений! Сколько было бессонных ночей на вахте!.. Теперь всё это позади. Корабль с сокровищами приближается к желанным берегам родной земли...

Дорогой наш схимничек отец Варнава после Святого Причащения тихо отошел ко Господу — к берегам вечной жизни. Из всех сокровищ, что он собрал во время земного странствования, сиял неземной красотой один драгоценный камень, которому не было цены, этот драгоценный камень — святая простота.

Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби (Мф. 10, 16), — сказал Господь Своим ученикам, посылая их на проповедь. И вот эта дивная мудрость в святой простоте сохранилась до конца в сердце старца Варнавы. «Яко светильник света твою душу слезными потоки украшая»*, — читаем мы в каноне на преставление Преподобного Сергия. Да и наш старец плакал при жизни немало. И в этих слезах, как в море, потопил все вражьи корабли и орудия нападений бесовских.

Когда хоронили старца Варнаву, все были как-то особенно спокойны и даже радостны. Все знали, что старец созрел, окрылился совершенно и, как чистый голубь, вскормленный благодатью Сергия Преподобного, молнией взмыл в небеса... И, может быть, тот великан, темный и злобный, что стоял тогда ночью у его одинокой постели, намеревался преградить ему путь, схватить крылатую душу смиренного труженика Божия и низвергнуть ее в пучину земных страстей. Но нет! Сила бесовская ничтожна в борьбе с истинными детьми Божиими. Душа старца белоснежной голубкой мигом взвилась в небесную лазурь и там, на лоне прекрасного сада Божия, навечно успокоилась в тенистых благоухающих ветвях Божественной любви и радости.

А мы с тобой, мой милый читатель, где обретаемся? В юдоли земного странствия, среди скорбей и слез...

Не плачь, мой милый ангел. Я верю, что и твоя душа, окрыленная под молитвенным покровом обители Преподобного Сергия, не встретит на своем пути от земли к небу роковых препятствий, что она с быстротой молнии обойдет их и достигнет тихих райских селений.

Ей, Владыка наш Господи! Да будет так. Аминь.

* Тропарь 1-й песни канона Преподобному Сергию Радонежскому (25 сентября), глас 8.

У РОДНОЙ МОГИЛКИ

Иеромонах Гавриил
(Григорий Александрович Лихоманов)
(1886–1964)

В пристанище тихое вшед, богомудре, житейских плаваний отбегл еси.

Канон Преподобному Сергию Радонежскому

Палестина — земля святая. Палестина — небо на земле. На небе пребывает Бог, а в Палестине Он ходил Своими пречистыми стопами. Палестина — место, где Сын Божий родился как человек, жил, пострадал, умер и воскрес. Палестина! Сколько самых высоких духовных переживаний вызывает она у верующего!

Совсем недавно из нашей святой обители отправились в Иерусалим два юных иеромонаха-академиста: их послала Патриархия в Русскую Духовную миссию. Сколько глубоких чувств пережили эти юные боголюбивые сердца! «Я не знаю, где живу, — пишет из Иерусалима один из них, — на небе ли, на земле? Так и кажется, что вот-вот за поворотом узкой иерусалимской улицы покажется Христос со Своими учениками, вот-вот услышу Его Божественный голос...» И кто же из нас, верующих, любящих Господа, не желает от всего сердца подышать тем воздухом, которым дышал Иисус?!

Палестина — второе небо: здесь жил, трудился и страдал Господь.

Но на небе не умирают. А вот в Палестине много могил. И на одной из них, у гроба Лазаря, плакал Христос. А затем, после крестной смерти Спасителя, на Его святом гробе плакали те, которые пламенно Его любили, были Ему преданы. Будто и теперь еще слышится печальный плач Магдалины, которая так сильно, так жалостно рыдала у гроба Христова.

Да, поистине ни в каком другом месте не пролито столько слез, не были слышны такие горькие рыдания, как у гроба Господа Спасителя! Даже и теперь в Великую Субботу, что на Страстной седмице Великого поста, разве не льются горячие слезы у гроба Христова и разве ты, мой милый друг-читатель, не плакал в эти дни? А в дни Своей земной жизни Он Сам оплакивал Лазаря, четверодневного мертвеца.

В тихой Вифании, недалеко от Иерусалима, умер человек по имени Лазарь. Иисус любил останавливаться в его доме со Своими учениками. Когда Он на сей раз пришел сюда, то Лазарь уже четыре дня был во гробе. Сестры Лазаря, Марфа и Мария, повели Спасителя к месту захоронения своего брата. Они горько плакали, потому что любили его, плакали родные и соседи. Когда Спаситель пришел ко гробу Лазаря и увидел там плачущих друзей и родственников Лазаря, то и Сам возмутился духом и прослезился (см. Ин. 11, 1–35).

А разве мы не должны плакать у гробов своих родных, у могилы всякого умершего человека? Действительно нет более печального явления в жизни человека, чем смерть и могила. И только Христос, наш Спаситель и Господь, сделал так, что смерть и гроб стали не только не страшны истинно верующим, а даже радостны и желанны.

Христос победил смерть, *начаток умершим бысть* (1 Кор. 15, 20).

И теперь люди, как и раньше, умирают, их зарывают в могилу, но все мы снова поднимемся. Слышишь, мой милый друг, на краткое время ляжем в сырую землю, чтобы подняться из нее навсегда — лучшими и совершенными. А для того, чтобы нам не страшно было лежать в могилке, около нас — крест Христов как знак Его постоянного присутствия, как символ жизни и победы над смертью.

Однажды в день Святой Пасхи, сообщается в Прологе, игумен Киево-Печерской Лавры спустился в пещеры, где погребены сотни киевских угодников Божиих, и сказал

громко: «Отцы святии и братия, Христос воскресе!» В ответ раздалось громовое: «Воистину воскресе!» Настоятель оторопел... Около него был только один брат, держащий корзину с пасхальными яйцами. Выходит, что это умершие столько лет назад ответили громогласно, как живые!

Христос Спаситель победил смерть. Но всё-таки и поныне на могилах льются слезы... И как еще много этих слез. «Мамочка, мама милая, зачем ты обо мне так горько плачешь, — утешала умирающая слепая девушка свою мать, — ведь мы снова увидимся...» И мать успокоилась в надежде на радостную встречу в вечности.

Среди добрых христиан есть прекрасный обычай — сажать на родную могилку живые цветы и делать около нее оградку, ставить скамеечку. Для чего это? Чтобы посидеть около родного холмика, вспомнить о давно умершем, поглядеть на живые цветочки, что растут на могилке, и послушать, о чем они шепчутся... Недаром сказано в одной книге, что в доме скорби или у гроба умершего преподается самая высокая и нужная наука. Наука, как жить и как умирать... Побыть хотя бы несколько таких минут у родной могилки — это приносит порой больше пользы душе, чем тома прекрасных поучений или добрая проповедь.

Теперь настал момент спросить себя и тебя, мой дорогой приятель, любим ли мы с тобой бывать на могилках своих близких? Часто ли задумываемся о смерти, готовимся ли встретить ее?..

Все вышеизложенные рассуждения навеяны воспоминаниями о любимом собрате нашем — иеромонахе Гаврииле, которого в миру называли Григорием Александровичем Лихомановым. Вот о нем, об этом самозабвенном труженике, мне хочется рассказать моим читателям, чтобы освежить в памяти его милый и дорогой для меня образ...

Отец Гавриил был портным в Лавре Преподобного Сергия. И кто только ни носил сшитые им когда-то подрясник, или рясу, или мантию, или еще что-либо подобное! О, как бесконечно счастливы люди, оставляющие после

себя добрую память, много добрых дел сделавшие другим. Как только возьмет человек в руки памятную вещь, непременно вспомнит своего благодетеля, вздохнет о его душе с благодарностью. А если этот человек священнослужитель или монашествующий, то он еще и помянет своего благодетеля в келейной молитве и у престола Божия.

За двадцать лет службы в Лавре Преподобного Сергия отец Гавриил одел сотни, может быть, и тысячи духовных лиц в сшитые его руками одежды. Портной! Да ведь все знают, как кропотлива, тонка, утомительна эта работа! Как много она отнимает здоровья, сил, зрения! Портные очень часто рано делаются слепыми, а то и больными и нервными. Только прошу тебя, мой дорогой читатель, не бойся, если Господь дал тебе такую профессию. Трудна она, утомительна, но может быть спасительна и полезна для души, если ты будешь благоразумен.

Я хочу сказать о том, что, будучи в любой должности, нам надо стремиться делать как можно больше добра, чтобы это добро жило и после нас, и не только жило, но заступалось за нас пред Богом, избавляя душу от власти диавола. Из жития Василия Нового известно, что Феодора проходила мытарства и на каждом из них ее останавливали. Тогда она клала на весы то, что доставала из мешочка, полученного от преподобного Василия (это были добрые дела преподобного), и ее пропускали дальше.

Если говорить о жизни отца Гавриила до Лавры, то эта жизнь, как большая повесть, изобилующая многими приключениями, трудностями и опасностями, граничащими со смертью. Отец Гавриил в первую мировую войну был в плену. Не один раз пытался бежать. Его ловили и снова отправляли на каторжные работы. Он переносил ужаснейшие испытания, голод, побои и издевательства от немцев. Не одни сутки просиживал он где-нибудь в яме или скрывался в глухих лесах, на болотах, прячась от врагов. Очень уж тяжек был этот плен в тылу у неприятеля. С какой глубокой благодарностью вспоминал отец Гаври-

ил о своих благодетелях — поляках и австрийцах, которые, сострадая пленным русским солдатам, приносили им в лес картошку, хлеб, молоко, одежду и прочее. Как они на ломаном русском языке объясняли им, что в их деревне засели немецкие солдаты, которые рыщут везде, чтобы найти «руссиан» — беглых солдат, наказать их и снова отправить на каторжные работы. Ведь вот оно, добро-то, сделанное кому-либо, никогда оно не пропадет даром.

О мой милый друг, брат или дитя мое! Когда я говорю о мучительных годах плена батюшки Гавриила, бывшего русского солдата Григория Лихоманова, то невольно думаю об ином плене, более страшном, более мучительном и гибельном, — это плен души человеческой, оказавшейся во власти диавола. «*Не бойтесь убивающих тело...* — говорит Господь наш, — *а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить*, ввергнуть в геенну огненную (ср. Мф. 10, 28). Ей, говорю вам, Того бойтесь». Хочешь знать, мой друг, что такое геенна? Это место вечных мучений. На юго-востоке от Иерусалима есть долина, где во времена царей Ахаза и Манасии стоял идол Молох. Языческие обряды требовали принесения этому идолу в жертву малых детей. Ребенка клали на раскаленные протянутые руки идола, оттуда жертва падала вниз, где пылал огонь, и там ребенок сгорал. Вот какие страшные обычаи были до Христа. С того времени геенна огненная и стала синонимом страдания, вечных мучений.

Како убежите от суда (огня) *геенскаго* (Мф. 23, 33). Так вот, мой прелюбезный друг, впасть во власть злого беса и творить его бесовскую волю — плен более страшный и ужасный... Этот плен тем более страшен, что он нами не замечается. Мы и врагов, нас пленяющих, не видим и будто бы истязаний не ощущаем. А это и есть самое гибельное. Считаем себя свободными, а находимся в плену, как будто не связаны, а в действительности-то опутаны с ног до головы невидимыми путами страстей и вражиих цепей. Духовный плен — как он страшен!

Вот тебе надо рано встать на молитву, и будильник уже прозвенел. Не открывая заспанных очей, ты стонешь, потягиваешься; как же неохота подниматься, будто сто пудов навалили на тебя. «Да и вообще, — рассуждаешь ты, — зачем это мне так рано вставать, людей тревожить, себя нудить, успею еще, помолюсь...» И, повернувшись на другой бок, натянув одеяло, снова погружаешься в сладкий сон... Оказываешься в плену у врага, в цепях сна и лености. Или идешь в храм на молитву. Встречается калека. «Ради Самого Христа, помогите». Рука невольно опускается в карман: помочь хоть копеечкой. «Да стоит ли ему давать-то, — начинаешь ты рассуждать, — видать, он и так уж пьяный, да и денег мало, всего лишь на билет...» — и Христос остался без подаяния... А мы — в плену у врага, в цепях скупости и сребролюбия. О, да сколько еще можно привести случаев из жизни, показывающих нашу полную зависимость от страстей, то, что мы в духовном плену у врага спасения. А как ужасны цепи уныния, многоядения, сластолюбия, гнева, осуждения, гордости, самолюбия, блуда, высокоумия, ненависти, болтливости, рассеянности, самохваления, превозношения, недружелюбия, зависти, ревности!

Боже мой! Сколько же их, этих пут вражиих, которыми, как муха в тенетах, опутан каждый из нас! Главное, что еще и думаем: «О, я совсем не в плену, я свободный человек, я, я...» Воздохнем вместе, дорогой мой дружок, к Богу смиримся, да избавит Он нас от этих сетей вражиих и вырвет души наши из гибельного духовного плена.

Отец Гавриил жил совсем рядом с моей келией, всего через две двери, потому часто бывал у меня. И когда выпадала свободная минутка, обязательно рассказывал про свои прошлые скитания, про хороших и добрых людей. Вспоминает и плачет. «Отец мой милый, — сквозь слезы начнет он говорить, — какие же тогда были люди, какие крепкие верой и благочестием, а какие смиренные-то, а теперь посмотришь, что за народ пошел, молодежь-то

какая? Намедни вот приходит ко мне молодой иеромонах да и требует сшить ему рясу, и не какую-то там, а подай ему шерстяную, да шелковую подкладку, да рукава-то широкие, да чтобы ряса-то была по самые пяты, до полу, да сшита красиво, да пуговицы чтобы особенные были. Отец, — заплачет искренне отец Гавриил, — да что это за время такое? Какие же пошли теперь люди? Наши отцы-то, помню, нам и онуч старых не давали, всё босиком ходили, а мы теперь всё шелка да шерсть носим, а ведь монахи», — и заплачет, бывало, старец, сидит, всхлипывает, утирается тряпочкой. И как жаль станет батюшку, отца Гавриила, а вместе с тем и страшно сделается от его простых, прямо-таки проницательных слов. Ведь и вправду сказать, какие были наши отцы и какие стали мы?

И часто, бывало, забежит отец Гавриил ко мне на минутку с каким-нибудь новым горем: то молодой послушник или иеромонах огорчил его своей грубостью и требовательностью, то какой духовный начальник или даже архиерей какой приезжий требует сшить ему шелковую рясу или шикарную мантию. Батюшка и на дух не переносил эти шелка и в своей правдивой душе волновался, порой роптал на время, когда и архиереи стали любить шелка да роскошные одеяния. «Вот, когда ты будешь архиереем, — живо обращался он к собеседнику, — неужто тоже в шелка оденешься?»

Старец любил всё простое, естественное, не цветастое, не пестрое, сам он ходил во всем скромном, бедном — монашеском и такой идеал старался привить другим, особенно молодым монахам. За такой строгий взгляд на жизнь и одежду некоторые «модники» из духовенства считали его скрягой, будто жалеющим лаврское имущество и не дающим хорошо приодеться им. Старец прямо плакал от таких недовольников и скорее бежал ко мне в келию погоревать, пожаловаться немного. «Эх, отец, — с ходу начинает батюшка, — да что же это за люди пошли, что же это за времена такие? Ведь, почитай, всё есть: оде-

ты, обуты, сыты, в теплых келиях живем, и всё негоже, всё не так, дай вот такого ему материала, да всё получше — шерстяного». И старец снова всплакнет тут же.

А какое самоукорение, самоосуждение было у отца Гавриила! Стоило ему только в чем-либо ошибиться или забыть, на какое место положил катушку с нитками, как он уже вслух укорял себя: «Эх ты, кулёма (это его обычное выражение), да что же это ты всё стал забывать да обмишуриваться?» И хлопал при этом себя по голове.

Будучи крепким и хорошо сложенным физически, отец Гавриил, как истинный монах, постоянно боролся с собой, со своими немощами и держал себя строго. Однажды как-то зашел я в его мастерскую во время обеда. Он сидел и пил чай. Напомню, что старец очень мало кушал с братией. Ему некогда было рассиживаться в трапезной и ждать, когда принесут, да когда все пообедают. Ему каждая минутка была дорога. Куча скроенных одежд всегда лежала, ожидая шитья. Братия один за другим шли в его полутемную мастерскую и толклись там, подзадоривая старца скорее сшить подрясник или залатать худую мантию. По этим же причинам отец Гавриил совсем мало бывал и за богослужением, и только в большие праздники он надевал свою простенькую рясу, засаленный клобук, неизменные грубые сапоги и шел в храм на послушание за свечной ящик.

Да, его место в храме — быть «за ящиком», то есть там, где не каждый выдержит. А уж если и в большой-то праздник, то «ящик» становился местом столпотворения и накала страстей, куда рвались решительно все. Кому просфору, кому свечу, кому иконку, кому надо обязательно знать, когда день Ангела, когда будет Пасха, когда служба, да кто будет служить. О Боже, этот «ящик», что островок среди бушующего океана! Да разве можно было там помолиться или отдохнуть душой? Но отец Гавриил непременно шел туда, ибо там было его послушание: стоять, собирать записки для поминовения, свечки и просфоры раздавать, ходить с тарелкой и прочее, и прочее.

Вот что значит писать воспоминания — что вспомнится, то и пишешь. Начал я было рассказывать о том, как застал старца за чаем, да отвлекся, повело совсем в другую сторону. Прошу прощения у читателя за свою непоследовательность в рассказе.

И вот батюшка пьет чай с сухарями или со зверобоем, которого за голландкой у старца было вдоволь. «Благословите, батюшка», — обратился я к нему. «Бог тебя благословит, садись чай пить. Видишь, кулёма распился чаю, как на свадьбе. Помню, как мой старец говорил мне, — начинал вспоминать отец Гавриил. — Сижу я эдак однажды да и пью чай с кренделями, а он входит, да такой строгий был, и сурово мне говорит, тыча пальцем мне прямо в живот: “Питай, питай змейку на свою шейку”. Я тогда сильно смутился, стыдно-то как было!»

Не знаю, чем я особенно завоевал расположение отца Гавриила, только помню, что ко мне он относился как-то особенно нежно, с доверием. Я еще был послушником в Лавре, это в первые годы моего служения (1952–1953). И вот ведь до сих пор помнится, как однажды, в какой-то большой праздник, после богослужения пришли мы на братскую трапезу. Я тогда боялся руку протянуть и взять что-либо со стола, даже за обедом. Старец, видя мою робость и беспокоясь, что я останусь голодным, всё подвигал ко мне поближе то хлебушка, то тарелку с кашей, то свой паек сахара бросал незаметно в мою кружку. А когда выходили из-за стола, то всегда почти у меня в кармане подрясника оказывались или конфетка, что подавали в праздник к чаю, или пряничек, или ватрушка, словом, что-либо сладенькое, праздничное. Я догадывался, что отец Гавриил сам этого не ел, а мне тихонечко в карман совал. И это меня всегда глубоко трогало. Даже теперь, вспоминая об этом, не могу удержаться от слез. Какие же были добрые, простые души, какие святые и милые!

Отец Гавриил был выше среднего роста. Стройный, широкоплечий, с открытым русским лицом, добрыми

глазами и большой бородой с проседью. Ходил он всегда размашисто, быстро, бодро и не боялся никаких тяжестей. Часто он сам ездил в Москву на попутной машине или даже на электричке и оттуда вез целый воз купленного материала или сапог, тапочек, фуфаек, белья. Так заботился старец о братии Лавры: надо было всех обуть, одеть, чтобы никто ни в чем не имел нужды.

С особым сожалением вспоминаю о том, что старец целых двадцать лет проработал в полутемном помещении. А работа его требовала светлой и просторной комнаты. Он почти всегда имел дело с электрическим светом — и днем и ночью. Мастерская вся завалена была худыми сапогами, рваными подрясниками, стоят три-четыре поломанные ножные швейные машины; воздуха совсем нет, и он, труженик милый, безропотный ангел, копается, шьет, не зная отдыха ни днем ни ночью. «Батюшка, да ты отдохни хоть немножко, — скажешь ему, — ведь всё-то всё равно не переделаешь». Старец остановится, поднимет усталое лицо, поправит очки, посмотрит да и снова сгорбится за своим делом. «Отдохни, говорю», — в самое ухо крикнешь ему. Закивает головой отец Гавриил да и скажет, бывало: «Отдохну, отдохну, вот скоро надолго отдохну».

Последнее время, примерно за год-полтора до смерти, отец Гавриил совсем стал плохо слышать и видеть. Очки ему не помогали, помощников постоянных не давали. Помню, как он однажды прибежал в мою келию, закрыв рукою один глаз: «О кулёма, — говорил старец торопливо, — лечишь, лечишь, да здоровое искалечишь. Скорее воды давай, промой мне глаз». Оказалось, он закапал себе в глаз не те капли, которые ему принесли для лечения, а совсем другие, отчего глаз страшно щипало.

Тогда же, наверное за год или полтора до смерти, отца Гавриила и его мастерскую перевели в другое место, более светлое, просторное. Старец с неохотой шел на новое место. Он как будто чувствовал, что ему остается совсем мало времени жить и трудиться. Через силу перебравшись, он

как-то стал еще больше болеть, часто лежал в уголочке на своей койке и не мог встать. У него держалась температура, которая не спадала ни днем ни ночью. Редко, но я навещал старца на его новом месте. «Ну как, батюшка, здесь живется?» — спрашивал его. «Опять "импература" — ответит он тихо, — и откуда только она берется». Слово «температура» старец никогда правильно не выговаривал, говорил «импература». Однажды, лежа на койке, тихонечко сказал мне: «Я хочу тебе оставить на память этот посох» (а посох-то был подарен ему митрополитом Крутицким Петром*, когда отец Гавриил был у него то ли келейником, то ли еще кем, не знаю). Я тогда ответил, что, дескать, «ладно, батюшка, потом, ведь ты еще поживешь». И еще что-то из святынь старец хотел мне отдать, но я ничего не взял. Мне просто не хотелось этим признавать, что старец скоро умрет. А сейчас вот жалею, что от отца Гавриила у меня ничего не осталось на память. Хотя, когда он еще был поздоровее, то сшил мне две рясы: зимнюю и осеннюю. И вот теперь, когда надеваю их, так и вспоминаю моего милого труженика, старца иеромонаха Гавриила, которого уже нет здесь с нами, — оттрудился, отмучился и ушел на вечный покой.

А теперь немного отвлечемся от прямой темы и вспомним несколько маленьких рассказов, характеризующих в целом богатство и широту духовной жизни.

***

Один иеромонах с амвона говорил довольно неплохую проповедь. Говорил о суеверии. Говорил он убедительно, душевно, живо. По окончании службы его встретили две дамы и с явно преднамеренной целью спросили: «Вот вы сегодня говорили проповедь о вреде суеверия, но на чем же, скажите, построена ваша жизнь?» Батюшка

* Священномученик Петр (Полянский (1862–1937)), митрополит Крутицкий — местоблюститель Патриаршего Престола. — *Прим. ред.*

не растерялся, а внушительно, но мягко, ответил: «Гораздо лучше мое “суеверие”, нежели ваше неверие, всё-таки такое “суеверие” многим помогает в беде, а неверие беспомощно везде». — «Спасибо вам, — поблагодарили незнакомки. — Кажется, лучше того, что вы сказали, и сказать нельзя». Они вежливо распрощались с иеромонахом.

***

Будучи послушником Почаевской Лавры, он смертельно заболел. Врачи немного облегчили его страдания, но сказали, что жить осталось не более двух-трех дней. «Всё кончено, — думает больной, — но как хочется пожить, послужить, помочь чем-либо другим. О Боже мой, — взмолился он, — ведь Тебе всё возможно». И заплакал... Тут появился настоятель с маленьким флакончиком святого маслица. «Выпей, — сказал он ободряюще, — а мы всей братией за тебя помолимся».

Проходит три дня, братия начинают разбирать вещи, какие есть в келии, кто что успеет. «Да что вы это делаете, ведь я еще жив!» — остановил их больной. Он пролежал еще десять дней, затем встал, прошелся. Потом оделся как должно и отправился ко всенощной. Братия, увидев его, ахнули от неожиданности.

***

Юноша Григорий однажды во сне увидел, как к нему в спальню вошли две прекрасные девы. Они были одного роста и в одинаковой одежде. Встав около юноши, они весело и ясно смотрели на него. «Кто вы и почему так беззастенчиво вошли ко мне?» — спросил их юноша. «Мы сестры — чистота и целомудрие, — ответили они также без смущения и просто. — Будь с нами единомысленным и получишь нетленный венец от Господа». Встав с постели, юноша дал обет Богу жить в девстве и чистоте*.

* Из жития святителя Григория Богослова.

***

В 1964 году две колхозницы попросили благочинного Лавры отслужить молебен о дожде. По виду они были настоящие труженицы: загорелые лица, огрубевшие руки и рабочие платья... Бездождие, засуха — ужаснейшее бедствие для крестьян, ведь у них малые детки, скот. Эти женщины пришли просить у Господа милости за всё свое село, район, область. Начался молебен. «Господи Боже, — молился священник, — даждь земли жаждущей дождь благовременный»*. Низко опускаются головы. На дворе палит жара... «Помилуй создание Твое, Господи, ради младенцев, стариков, калек несчастных, невинных животных»**. Слезы, как чистые росинки, падают на пол Михеевской церковки. Люди опускаются на колени.

Вдруг где-то вдали глухо загремел гром... Среди дня небо заметно потемнело... Две крестьянки, вымокшие до нитки, но радостные и благодарные Богу, вернулись в свое село.

***

Послушник жил в маленькой хибарке, принадлежавшей монастырю, и занимался рыбной ловлей. Мужик из соседнего села, по фамилии Мухин, ночью подкрался и поджег копну сена, что стояла рядом с хибарой. Задыхаясь от жара и дыма, послушник проснулся, взяв икону Божией Матери и прижав ее к своей груди, выскочил на улицу и встал между жилищем и пылающей копной... Вдруг налетел сильный ветер. Вихрь поднял пылающую копну на воздух и понес на соседнее село... Послышались крик, шум, вопль... Куда упадет горящая копна?.. Покружившись над селом, огненный сноп упал на дом поджигателя Мухина. Всё его имущество вместе с домом сгорело дотла.

* См. последование в бездождие.
** Там же.

***

Скоропостижно скончался отец семейства, оставил сирот. Старшей из них, Параскеве, было 25 лет. На пятый день по смерти отца она неожиданно просыпается и слышит отцовский голос: «Паня, почему же вы меда не поставили на канун?» Девушка перепугалась и спряталась под одеяло. На другой день она принесла мед в церковь и стала ежедневно поминать отца. Вначале он часто снился ей, потом — всё реже и реже. И однажды Параскева видит его радостным, светлым. «Папа, ну как тебе живется?» — спросила она. «Дочка, мне теперь так хорошо, так много у нас стало света, и всё это по молитвам священника. Как же хорошо, дочка, иметь духовного отца».

***

Когда матушка Агафония преставилась, то ее духовным сестрам очень хотелось знать, в каком месте пребывает умершая. Они усилили молитву, старались подавать за нее милостыню. И вот видит одна из них, как мать Агафония сидит, окутанная холодным мраком, в темном сыром помещении. Вид у нее очень грустный и мрачный, вокруг какая-то жуть. «Что ты, сестра, тоскуешь?» — спросила она мать Агафонию. Не поднимая головы, та грустно и глухо ответила: «Не расстраивай меня, мне и так тяжело...» И видение прекратилось.

***

Она горячо рыдала у аналоя, выражая тем свою глубокую душевную муку. «Что вы так убиваетесь?» — спросил священник. «Мой муж умер скоропостижно. Несколько лет он не причащался. Умирая, сильно страдал». — «Не снится он вам?» — «Снится, но очень плохо: весь он какой-то оборванный, худой, бледный, измученный. И всё жалобно что-то просит». — «О родная, — вздохнул батюшка, — ведь он просит вашей помощи. Видимо, ему там очень тяжело. Молись, подавай милостыню, ведь жаль его, очень жаль...»

***

Инокиня Аркадия, певчая тридцати восьми лет, приехала в Рязань на лечение. Ей удалили опухоль мозга. Она поправилась. Сходила на могилку сестры Марии, которую за год до того убили уголовники. Через три дня ночью подожгли крыльцо дома, в котором остановилась Аркадия. Проснулась — всё горит. В чем была, выбежала в коридор. Пламя охватило ее, и она упала, потеряв сознание.

Другая инокиня, которая была с ней, также вскочила, взяла икону Божией Матери и со второго этажа выпрыгнула в окно. Порезалась о стекло и ушиблась о камень, но осталась жива.

Аркадия лежала в коридоре до десяти часов утра, все думали, что она выбежала из горящего дома. Она очнулась, но позже в больнице скончалась. Когда ее хоронили, она лежала в гробу в монашеском облачении и в клобуке, спокойная и тихая, как ангел.

А за несколько дней до смерти к ней приходила умершая игумения монастыря и сказала ей, что она много хлопотала за нее и «там» приготовила ей хорошее место.

...Но вернемся к милому старцу отцу Гавриилу. Последние дни он лежал в больнице-изоляторе. Температура у него не спадала. Были признаки какого-то смертельного недуга. Но старец боролся с ним благодатными средствами: его пособоровали, часто причащали Святых Христовых Таин. Как благовонный цветок, увядал батюшка Гавриил. Многие из братий его посещали, были и из приезжего духовенства, приходили даже некоторые архиереи. Всем было жалко старца, все глубоко сострадали ему и горячо молились. Но дни отца Гавриила были уже сочтены, с каждым часом он становился всё слабее и слабее. Мне передали, что он очень хотел видеть меня и недоумевал: «Что это отец Тихон не придет меня проведать?» Я пришел. Батюшка лежал на спине, узнал меня. Тихонечко поговорили. Было очевидно, что отец Гавриил и смерти не боится. Он был совершенно спокоен

и мирен. Казалось, что старец собирается куда-то в гости к родным. Душа его ощущала богатство добра, сделанного ближним в этой жизни. *Се, Отрок Мой, Которого Я избрал, Возлюбленный Мой, Которому благоволит душа Моя... трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит* (Мф. 12, 18, 20; см. Ис. 42, 1–3).

Батюшка Гавриил был также возлюблен Господом за свою кротость, безмерное трудолюбие и братолюбие, за то, как он умел любить ближнего, как он его нежно ценил. Батюшка в своей святой простоте глубоко понимал великое значение братолюбия и силу общей молитвы. Помню, как он тихо плакал от благодатного умиления, сидя в моей келии, вспоминал пение студентов нашей Духовной школы. «И какие у них чистые, ангельские голоса, — говорил батюшка, утирая слезы, — какие они счастливые, эти юноши — будущие мученики за Господа».

...Некий человек путешествовал в горах. И вот он подошел к одному месту, где громадная скала, скатившись на дорогу, совершенно завалила проход, а кроме этой дороги, не было другого пути ни вправо ни влево. Видя, что невозможно продолжить путь, он попробовал сдвинуть камень, чтобы сделать проход. Человек сильно утомился за работой, но все его усилия были тщетны. Осознав это, он сел, полный горести, и сказал: «Что будет со мной, когда настанет ночь и застигнет меня тут без пищи и без крова, без всякой защиты, когда дикие звери выходят на добычу?» И пока он был погружен в эти мрачные мысли, подошел другой путешественник; проделав то же, что и первый, и, будучи также не в силах сдвинуть скалу, он сел в молчании и опустил голову. После этого пришли еще несколько человек, и ни один не мог сдвинуть преграду, и страх у всех был велик. Наконец один из них сказал: «Братия мои, помолимся нашему Отцу, что на небесах, может быть, Он возымеет к нам сострадание и поможет нам». И эти слова были всем угодны. Они помолились вместе. Тот, кто предложил помолиться, добавил:

«Братия, то, что никто из нас не мог сделать в одиночку, кто знает, не сделаем ли мы это сообща». Поднялись и все вместе начали толкать скалу. Вскоре она поддалась, сдвинулась, и люди продолжили свой путь с миром...

Смерть, как страшная скала, неожиданно встает на пути человека, заваливает дорогу, и, кажется, больше уже некуда идти. Жизнь замирает, страх беспомощности овладевает сознанием. Братие, помолимся Господу, Он поможет душе очистить путь... Об отце Гаврииле молилась вся братия Лавры, все студенты, молились и простые люди.

Грозная, мрачная, непроницаемая скала смерти подалась, сдвинулась и открыла дальнейший путь к надзвездному светлому миру. Да, можно с уверенностью сказать, что если Господь в свое время избавил русского воина Гавриила от земного плена и вызволил его, хотя и ко многотрудной, но светлой монашеской жизни, то теперь Он же, Милосердный, и по молитвам Сергия Преподобного, избавил Христова воина от плена духовного, от врагов невидимых и открыл ему путь к необъятным небесным мирам вечной жизни.

Когда в последний раз я посетил батюшку Гавриила, то он уже меня, кажется, не узнавал. Лежал недвижим, с полуоткрытыми слезящимися глазами, уста были открыты и судорожно вдыхали воздух. Видно было, что старца томит предсмертный жар (температура держалась до конца). Рядом стоял стаканчик со святой водой. Я всё время брал ложечкой водичку и смачивал умирающему воспаленный язык. Отец Гавриил слабо глотал эту святую водичку, и слышно было, как она клокотала в горле старца и уходила внутрь. Намочив святой водичкой носовой платок, я клал его на горячую голову батюшки. Он на всё это совершенно не реагировал, но видно было, что труженик Божий внутренне сильно страдает.

Хотелось очень помочь чем-либо батюшке, но увы! Кто из людей может облегчить страдание души в этот страшный час? Только живая уверенность, что это второе рождение угодника Божия в новую жизнь, твердила душе,

что страдание кончится, и очень скоро, радостью духовной свободы, выходом души из бренного тела и легким ее взлетом в горнюю высь.

Послушание звало меня на свое дело, и когда я снова пришел к батюшке, то уже для того, чтобы на длинных белых полотенцах нести гроб с его телом в последнее место покоя. Сам не знаю, как и выразить те чувства. Но жаль было, что такие добрые люди — *соль земли* и *свет мира* (Мф. 5, 13, 14) — уходят от нас. Ну а мы-то с кем останемся? Что же будет с нами — такими плохими странниками? И теперь вот непрошеная слеза падает на рукопись... Как же мы-то?

Я верю, что родную могилку отца Гавриила посетит Христос! Он придет на нее, как тогда к гробу Лазаря (см. Ин. 11, 38–43), чтобы властно сказать: «Мой верный труженик и друг, ты много потрудился на благо ближнего, много потерпел, поплакал, настал час и твоего восстания, тебя ждет новая светлая жизнь, небесная райская радость, встань из гроба твоего и гряди вон!»

СТРЕМЛЕНИЕ К ПРЕКРАСНОМУ

Архимандрит Антоний
(Антон Иванович Семененко)
(1880–1963)

Светильник, сияя издалеча, явился
еси, словесныя зари нам облистая.

Канон Преподобному Сергию
Радонежскому

...Цветы вянут — они преходящи: настанет день, когда их не освежит более роса и свет не будет для них живительным. На земле никогда не вянет и не умирает только добродетель.

Как много на земле людей, которые, убегая от смерти, рвутся к жизни, рвутся к наслаждениям, богатству, славе, красоте. Другие более размеренны: они рассудительно, осмысленно взирают на круговорот жизни и охотнее склоняют свои колена пред Тем, Кого считают достойным этого. Не осуждая первых и ободряя последних, следует сказать, что жизнь действительно весьма сложная штука. И так как человек живет только однажды, да и то очень малое количество лет, хотя и хотел бы пожить подольше, то отсюда следует, что необходимо скрупулезно разобраться, как же всё-таки надо жить на земле, чтобы эта единственная жизнь была прожита правильно, с пользой для других и для себя.

Но взявшись решать такой сугубо сложный вопрос, я оробел. Да и решить ли мне его правильно, безошибочно?! Конечно, известно, что всякая сложная вещь — машина, организм и прочее — изучается только при свете, а иногда и при свете усиленном. Точно так же и в целом сложный организм жизни человеческой позвольте мне рассмотреть при свете слова Божия и учения святых отцов Церкви.

Да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте (1 Тим. 2, 2)*; образ буди верным житием* (1 Тим. 4, 12)*; наше житие на небесех есть* (Флп. 3, 20).

Вот эти мощные «лучи света», при которых в достаточной мере видна наша земная жизнь. Господь и Его слово призывает нас жить на земле благочестиво и в чистоте и затем напоминает, что настоящая-то жизнь наша, истинная, не на земле, а на небе. Отсюда и возникает у людей разное отношение к земной жизни. Кто верит слову Божию, тот говорит: «В конце-то концов, действительно, здесь *всё суета сует и томление духа*» (ср. Еккл. 1, 2; 2, 11). А кто не верит слову Божию, тот, конечно, совсем иначе рассудит и скажет: «О, что там будет; мы не знаем, а вот что здесь видим, этим надо скорее воспользоваться, пока не умерли; и чего там ожидать рай на небе, надо сделать рай на земле, да своими руками, совсем без Бога, ведь мы сами боги». *В них же бог века сего ослепи*

разумы (2 Кор. 4, 4); *имже бог — чрево* (Флп. 3, 19). Вот до каких узких границ доходит смысл жизни у людей, мыслящих по плоти, — жить для чрева, для славы, для удовольствия. Хотя и это считается жизнью, но какая же она несовершенная! Можно сказать, уродливая.

Вот ведь какие мы все разные люди. Каждый по-своему судит. Те, о которых мы говорим, что жизнь их несовершенная, уродливая, то же самое говорят о нашей жизни, что, дескать, мы поступаем куда неразумнее, не живем теми удовольствиями, которые — вот, совсем рядом, — бери и наслаждайся, а живем какими-то будущими, которые вряд ли кто видел и ощущал. И есть ли они вообще, эти небесные удовольствия и радости? Ну не чудаки ли все эти верующие? Живут какими-то мечтами, фантазией.

Скорее, мой милый друг, бери горящий факел слова Божия и не выпускай его из рук, беги как можно дальше от подобной философии. Разве святой апостол недостоин нашего доверия, недостоин того, чтобы его святые слова положить в основу нашей жизни? Разве он не чистую истину говорит нам? Может ли действительно быть богом наше чрево, когда оно само вместе с пищей истлеет, сгниет? Нет! Исполняя честно и добросовестно все свои земные обязанности, будем твердо помнить, что наше... житие на небесех есть, оттуда и Спасителя ждем.

Друг мой милый и дорогой, разве мы не знаем с тобой тех прекрасных и умных людей, которых мы называем святыми и праведными, или мучеников, которые пострадали за правду Божию? Всмотрись внимательно в их святую жизнь, в их поучения, наконец, в их доблестную смерть: что может быть более достовернее, убедительнее этого для нас, маловерных? Поистине они сделали правильный выбор в жизни между миром и Христом и теперь любовно манят нас за собой, говоря: «Ну, что вы там копошитесь, что еще рассуждаете? Давно уже всё решено, и не только решено, но и утверждено, проверено, что *наше... житие* действительно *на небесех есть*».

Да, дорогие мои отцы, братия, сестры, дети духовные. Нам нужен порыв, устремление, неудержимое влечение к прекрасному, истинному, вечно спасительному. Нам нужно любить такие цветы, которые никогда-никогда не увядают, никогда не засыхают.

Когда я еще учился в начальных классах семинарии, то наш воспитатель очень часто говорил нам: «Ну, ребятки, вы еще достаточно юны, чтоб разбираться во всем. Одно вам напоминаю: всегда выбирайте лучший цветочек в жизни, прекраснейший». А мы бежали в столовую и садились ближе к кухонному окну, через которое подавалась пища, чтобы нам поскорее и досыта поесть. Вот и выбрали «лучший цветочек»! Это, конечно, шутка. Но многие из нас поступают именно так. «Лучший цветочек» — значит получше одеться, приосаниться, занять даже в церкви место поудобнее, постараться создать у людей хорошее о себе мнение. Для других выбрать «лучший цветочек» — это усвоить некоторые добродетели, научиться молчанию, воздержанию, чистоте и прочее, чтобы потом думать о себе: «Вот чего я достигла, стала праведницей, а вон они все в грязи валяются, далеко ниже меня» и так далее. И получается, что вместо цветочка ты, мой друг, выбрал колючий репейник, так что трудно от него и отделаться. А вот я считаю, что наилучший цветочек — это смиренная жажда страданий, поношений, оскорбления за любимого Господа нашего Иисуса Христа. Вот это истинный цветочек, да еще и наипрекраснейший!

Да, много прекрасных вещей в мире. Господь создал прекрасное и в мире физическом, и в мире духовном. Одни стремятся к прекрасному земному, а уж мы с тобой, дорогой друг, будем стремиться к прекрасному духовному, небесному.

Святой тайнозритель Иоанн Богослов пишет: *Я был в духе в день воскресный и слышал позади себя громкий голос, как бы трубный, который говорил: «Я есмъ Альфа и Омега, первый и последний...» Я обратился, чтобы уви-*

деть, чей голос, говоривший со мною; и обратившись, увидел семь золотых светильников и, посреди семи светильников, подобного Сыну Человеческому, облеченного в подир и по персям опоясанного золотым поясом: глава Его и волосы белы, как белая волна, как снег; и очи Его — как пламень огненный (Откр. 1, 10, 12–14). О, сколь величественен этот образ Господа нашего Иисуса Христа!

И страшно и неподражаемо величественен! А ведь это Спаситель наш Господь, Который нас так любит и к Которому мы в пламенном порыве любви стремимся. И как нам, скажи, не гордиться такой Божественной силой и величием? А мы боимся порой признаться, что Ему принадлежим, что Он наш Бог. Всё это уже говорит о том, что в нашей душе живет не чувство любви к прекрасному, а чувство человекоугодия и рабской боязни, трусости и слабости.

Он положил на меня десницу Свою и сказал мне: «Не бойся, Я есмь первый и последний, и живый; и был мертв, и се, жив во веки веков, аминь; и имею ключи ада и смерти» (Откр. 1, 17–18).

Господь наш Иисус Христос, как истинное Солнце правды, есть истинная красота в Своем предивном Божественном величии. Своим светом Он осиявает весь горний мир, который являет собой красоту невыразимую, бесподобную. *Ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человека не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9). И ведь были люди, которые удостаивались от Господа созерцания несказанной красоты горнего мира: святой Иоанн Богослов, святой апостол Павел, в древности святые пророки Исаия, Иезекииль и многие-многие другие праведники Божии.

А вот мы, грешные люди, недостойны видеть духовными очами так, как видели они, нам остается верить тому, что говорят они нам о горнем мире. По милости Божией и по неизреченной любви к нам нашего Спасителя, а также по молитвам святых, мы надеемся всё это увидеть в будущем веке, когда предстанем пред Богом.

О небесная красота! Ты дивна, прекрасна, и не хватит слов человеческих, чтобы сколько-нибудь точно выразить всё это нашими ограниченными средствами. *В теле я был или вне тела: Бог весть...* Но *я слышал неизреченные глаголы*, — пишет апостол (2 Кор. 12, 3–4). Горний мир прекрасен и другими предивными созданиями (херувимы, серафимы, престолы, господства, силы, начала, власти, архангелы и ангелы) — все они неописуемы, неизреченны, предивны и в высшей степени прекрасны...

За какое же высокое дело взялись мы — описать красоту горнего мира! Возможно ли это для нас, обычных смертных людей; и не слишком ли это дерзко в очах Божиих? Наш дольний мир как малое отражение небесной красоты для многих людей, и особенно для истинных рабов Божиих, есть место изгнания, место скорбей, мук и переживаний; хотя наш земной мир и прекрасен в своем роде, но эта красота подобна лунному свету, отражающему сияние солнца. Находясь в этом мире скорбей, невзгод и болезней, страждущая душа рвется к лучшей жизни, к горнему миру, где она обретает вечный покой с Богом и вечное счастье.

...Холодной зимней ночью блаженная Ксения Петербургская, одетая в рубище, шла за город в поле и там, подняв свой взор к небу, усеянному мерцающими звездами, говорила: «Нет Тебя, Господи, краше, нет Тебя милее...» И так целыми ночами, в мороз и вьюгу, она устремляла свой взор к небу, где было всё ее счастье и отрада. Когда же она возвращалась в город, то терпела оскорбления, унижения и даже побои...

Но не все способны воспринимать красоту земную, а тем более небесную. Вот ты приходишь в храм Божий и вместо того чтобы созерцать красоту селений Божиих или трепетно взирать на предивный лик Спасителя, рассматриваешь молодых монахов или батюшек, как они хорошо поют, канонаршат, служат, или разглядываешь свою соседку, что стоит рядом, — хорошо ли она одета, что это у нее за прическа, осуждаешь ее или завидуешь ей. Вот как мы умеем созерцать божественную красоту.

Или на молитве у себя дома, когда все засыпают и дивная полунощная тишина должна уносить нашу душу в заоблачную высь, чтобы трепетно созерцать красоту горних селений, наш ум пресмыкается, как червь по земле ползает в пыли, лишь на краткое время устремляется горé, а затем снова питается прахом. Уста говорят: «Господи, Господи», глаза смотрят на святую икону, а мысли и чувства погружены в земное, суетное. И горняя красота остается недосягаемой, недостижимой, далекой-далекой.

Святые отцы советуют хотя бы полчаса в сутки пребывать в уединении, сосредоточиться умом и сердцем на мысли о Боге, помолиться и уделить хотя бы несколько минут самопроверке: как я провел день, как я живу, куда я иду и насколько далека моя заветная цель. Ведь когда путник идет дальней дорогой, разве он не останавливается, не оглядывается, разве не думает о том, так ли он идет, не сбился ли с пути? И, удостоверившись, продолжает идти к заветной цели.

Шум житейского моря заглушает звуки горнего мира, пыль земной суеты застилает красоту горних селений, над нами постоянно висят темные облака земных забот, готовых разразиться грозой всевозможных скорбей и переживаний.

А там в высоте — светлая жизнь, безоблачная тишина и красота райских селений... И всё это приготовлено для нас, для нас с тобой, мой милый друг, для тебя, житель дольнего мира.

На столе стоит букет живых цветов. Они — яркие, переливаются разнообразием дивных красок: голубые, бирюзовые, нежно-оранжевые, белые и много-много других цветов, дышащих свежестью весны. Но райская ветвь, принесенная Архангелом Гавриилом накануне дня Успения Пречистой Девы, безмерно превосходит своей небесной красотой всю красоту цветов земли.

Есть люди, которые мало чем отличаются от прочих, совсем почти ничем не выделяющиеся, никакими особы-

ми талантами, ну просто обыкновенные люди, но в глубине души имеющие необычные дарования и самые возвышенные устремления.

Он был из таких. Простой, по-детски наивный, общительный, даже, может быть, малообразованный в нынешнем понимании. Прибыл в Лавру Преподобного Сергия в 1958–1959 годах из Одессы. Господь привел Своего избранника в северные края с жаркого юга, чтобы здесь в подвиге молитвы и поста, в терпении и всенощном стоянии завершил он свое земное служение.

Архимандрит Антоний, в миру Антон Иванович Семененко, был украинцем. Место его рождения, воспитания, образования, жизнь в юношеские годы и прочее нам неведомо. Он предстал пред нами уже в довольно преклонных летах, заслужив у Бога высокое звание служителя престола Божия — архимандрита. Высокий, сутуловатый, но еще крепкий и полноватый — всё свидетельствовало о нем как о человеке в прошлом большой физической силы. О последнем особенно характерно говорило его светлое, доброе, одухотворенное лицо с ясными проникновенными глазами. Весь его облик дышал необыкновенной добротой и каким-то неописуемым очарованием невинного детства и чистоты. Было ясно, что в этом уже дряхлеющем старце Божием жила святая душа с сильным устремлением к прекрасному.

Когда он пребывал с нами — ходил, кушал, говорил, иногда и шутил, — мы его считали обычным человеком. Вот он идет по монастырскому двору со своими неизменными судками — посудой для обеда. Его взор сияет благодушием и нежностью. Так и хочет он сказать кому-либо из встречных доброе, ласковое слово, да еще на смешном украинском языке. «Э, братыц, що цэ так пригорюнився, хай тоби солнце ярче свитыть — Господь наш». Печальное лицо молодого послушника загорается улыбкой. Он поднимает свою понурую голову и уже бодро говорит старцу: «Ничего, отец Антоний,

только помолись обо мне». — «Ладно, ладно, мой хлопец, трошкы помолюсь».

И старец, гремя судками, дальше ковыляет на братскую кухню. Кажется, ничего особенного не произошло: обычные слова, обычная встреча. Но почему так легко стало на душе у юного послушника? Точно гора свалилась с плеч, и весь этот день он летал как птичка. Знать, старчик Божий вздохнул, помолился Господу за душу печального брата, и этот кроткий молитвенный вздох великой души совершил почти чудо.

Вот таким был архимандрит Антоний. В его душе жило высокое эстетическое чувство — любовь к прекрасному, которая проявлялась в приобретении хороших вещей. Ему нравилось одевать сияющую митру, драгоценный наперсный крест, особо изящные четки, иметь в келии Евангелие, обложенное золотом и прочее... Братия шушукались: «Отец Антоний собирает...» Действительно старец собирал, но имел такую мужественную, такую сильную душу, что разом со всем этим расстался. Нет, он не любил земное богатство. Он любил богатство и красоту добродетели и ценности горнего мира.

Как-то, еще задолго до его кончины, прошел слух, что архимандрит Антоний раздает все свои вещи монахам и старается всех наделить, никого не забыть. Некоторые из более дальновидных поняли, что отец Антоний совершает новую «куплю». Сказано: *Уподоблю его мужу мудру* (Мф. 7, 24); или еще: *Кто убо есть верный раб и мудрый* (Мф. 24, 45); и еще: *Мудрыя же прияша елей в сосудех* (Мф. 25, 4). Отец Антоний, оказывается, подливал обильный елей в свой сосуд, чтобы с ярким светильником встретить Жениха.

Другим духовным качеством старца Божия была тихая тайная молитва, которую почти никто из людей не замечал. Сидел ли старец в своей одинокой келии, шел ли к раке Преподобного Сергия или занимался еще каким делом, душой он всегда был привязан ко Христу. О Нем

он всегда размышлял, и Его пресвятое имя призывал в своем сердце, и в Нем одном, прекрасном и неописуемом, находил радость для своей души. Порой его видели одиноко сидящим на скамеечке, самоуглубленным и сосредоточенным. Ясно было, что старец витает душой далеко, в прекрасном горнем мире. Иногда он склонялся над маленьким цветочком или быстро бегущей крошечной букашкой и созерцал дивную, премудрую десницу Божию и красоту творения в самых ничтожных земных созданиях.

И вот теперь ты, мой друг, брат или сестра, когда идешь по своим делам и увидишь летящую разноцветную бабочку, или маленькую ползущую букашечку, или красивый цветочек, остановись, не пройди мимо, вспомни о дивном Создателе, живущем на небесех, о прекрасных творениях, витающих в горнем мире, отражение которых ты созерцаешь здесь. Но пусть твой ум при этом не пленяется красотой тленного мира, изяществом изделий рук человеческих или даже красотой человеческого лица — всё это лишь творения, которые сами по себе недостойны поклонения. Истинная красота — в Боге, и она проявляется в Его Божественном слове, прежде всего в Святом Евангелии, и постичь всё это ты можешь, во-первых, в безмолвном уединении, затем в тихой молитве и глубоком благодатном рассуждении. О, как бесконечно счастливы те души, которые имеют непрестанное стремление к прекрасному, духовному, совершенному.

Приведем некоторые истории, имеющие то или иное отношение к области духовной.

***

«Я христианин, следуйте моему примеру!» — выйдя из воды, воскликнул юный Генесий*. Он стоял на сцене,

* Вероятно, автор имеел в виду мученика Геласия — лицедея, пострадавшего за Христа в III веке. — *Прим. ред.*

пред ним — тысяча зрителей-язычников. А он, как артист, копировал, высмеивая, таинство Крещения. Когда язычники услышали Генесия, то подумали, что он прекрасно играет свою роль, но, увидев его восторг и слезы, текущие из глаз, толпа сначала притихла, а потом яростно рванулась к сцене: «Смерть ему, на крест его...» И Генесий умер, как христианин, за Господа нашего Иисуса Христа, так неожиданно и чудно просветившего его ум и сердце...

Можем ли мы, мой друг, громко и безбоязненно воскликнуть при любых обстоятельствах: «Я христианин!»?

***

Это письмо он писал, находясь в большой воронке, что вырыл снаряд. В полночь была назначена атака. Он поднял свой взор к звездному небу, где сияли мириады светил. И вдруг из его уст вырвались неведомые ему до того слова: «Боже, я до сих пор не знал Тебя. Боже, я не был Твоим другом. Но, если я в эту ночь постучусь к Тебе, пустишь меня? Мне говорили, что Тебя нет. Какой жестокий обман! Сейчас в атаку и... Я знаю, что не вернусь. Но как мне легко. Кажется, я плачу. Сигнал: "В атаку, вперед!". И странно, как легко идти с Тобой, о Боже, я скоро постучусь к Тебе...»

Он не вернулся. Это письмо нашли в кармане его солдатской шинели. А он — убитый — лежал лицом к звездному небу.

***

Иеромонах Никандр в легком сне увидел святого отца Иоанна Кронштадтского. Будто он прошел в алтарь для того, чтобы облачиться. Вынул карманные часы и показывает ему цифру восемь. Затем мягко улыбнулся и исчез. Когда отец Никандр проснулся, то недоумевал: что бы это значило? Вечером этого же дня настоятель храма подозвал его и сказал: «Давай завтра послужим литургию». — «А какой праздник?» — спросил тот. «Сто

лет со дня рождения отца Иоанна Кронштадтского». — «Во сколько же начало?». — «Ровно в восемь», — отвечает настоятель. Отец Никандр тут же вспомнил свой сон и... удивился.

***

В городе Владимире-Волынском на развалинах храма по ночам сиял свет. Заинтересованные люди учинили тщательную проверку того места, но ничего особенного не обнаружили. Однако каждый вечер в десять часов свет снова появлялся на руинах, причем в небе отражалось огненное зарево, которое то поднималось над храмом, то опускалось. Поставили ночную стражу. Дежурные клятвенно заверяли, что слышали в храме стройное пение, а наутро всё снова затихало.

...Всем было ясно, что архимандрит Антоний доживает последние дни. Он совсем редко стал появляться среди братии. Даже пищу из братской кухни носили ему в келию послушники. Увядал старец с каждым днем, но не терял своего обычного благодушия. «Ну как, отец Антоний, — спрашивал брат, пришедший навестить его, — как твое здоровье?» — «Да, ничого, по трошку молодию, ще сылы молоди».

Как и всех болящих, отца Антония перевели в больницу. Оттуда он уже не вышел. В последний раз мы увидели его в гробу, бездыханным и недвижимым. Он лежал, как юноша, светлый, тихий и прекрасный. Вся его жизнь — непрерывное стремление ко всему высокому и прекрасному — отразилась в его старческом лице.

С уверенностью можно сказать, что в последние дни своей жизни и даже в последние часы старец не переставал устремляться к тому совершенному горнему миру, который от юности возлюбила его душа. Пребывая на земле среди всевозможных искушений и соблазнов, он сделал свой выбор — возлюбил красоту

духовную, невещественную, которая дается всем возлюбившим Христа взамен земных удовольствий, ими оставленных.

Мы верим, что душа старца Антония обрела прекрасный мир. Она водворилась в сферах небесных, где нет несовершенства, нет ничего безотрадного, греховного, но — абсолютная гармония. Там живет Бог со Своими святыми ангелами. Там живут все святые, возлюбившие подлинную совершенную красоту.

Теперь же его одинокая могилка почти забыта. Может быть, раз в год и навещает ее лаврский иеромонах в дни Святой Пасхи. Но и в своем тихом одиночестве эта могилка по-своему прекрасна. Ее овевает тихий, мирный ветерок. Маленькая пташка, одолевая свой путь, утрудившись, сядет на безмолвно стоящий крест, тихо пощебечет, напомнив о том далеком прекрасном мире, и снова улетит в неведомые края.

О мои дорогие и милые! Нам надо пламенно стремиться к прекрасному, надо научиться понимать это прекрасное. Ведь прекрасное не во внешнем изяществе и яркости, тем более не в красивом платье, прическе и так далее, а совсем в ином. Если говорить о прекрасном в нашем земном понимании, то оно таится в смирении, кротости, в воздержании, милосердии, молчании, чистоте душевной, любви к Богу; прекрасное — в каждом добром поступке, в добрых словах, добрых помышлениях, добрых устремлениях. Помог больному добраться до дома — ты совершил прекрасный поступок, дело милосердия. Воздержался и не сказал ближнему дурное, обидное слово — ты поступил очень благородно, проявил терпение; безбоязненно исповедал свою веру и не отрекся, не промолчал — ты поступил прекрасно, доказал верность Богу. И вот, делая так, будешь поступать не только хорошо, но и сам постепенно станешь хорошим человеком, прекрасным христианином, всеми любим, всеми желанен; а главное — эти-то

хорошие и прекрасные дела приблизят тебя к горнему миру, где всё свято, всё великолепно, совершенно и благодатно.

О, как бы я желал этого прекрасного горнего мира, да себе-то меньше, а больше тебе, мой дорогой читатель! Вот и будем стремиться к этому доброму и прекрасному, стремиться неустанно, неуклонно, денно и нощно всю свою жизнь. Помощников в этом благом деле у нас очень и очень много: Сам Господь и Матерь Божия, святые ангелы Божии, святые праведники, мученики и преподобные. И все они готовы в любую минуту прийти на помощь и укрепить наш изнемогающий дух в борьбе против греха за прекрасную и святую жизнь здесь и в будущем мире. *Ихже бо предуведе*, (тех) *и предустави сообразных быти образу Сына Своего* (Рим. 8, 29).

О Господи, научи нас любить прекрасное! Сам влеки нас к тому, что добро и прекрасно в очах Твоих, что Тебе любо и Тебе угодно. Ведь мы, Господи, как малые дети, часто не понимаем, что хорошо и что плохо. Да и враг, диавол, обманывает нас, предлагает нам всё злое и греховное под видом прекрасного. Да не обманет он нас, вселукавый и коварный враг Бога и человеков, да минуем мы мрак жизни сей, нося в себе свет Евангелия Твоего и совершая путь только к доброму и прекрасному, воплощением которого являешься Ты, Господь наш, ибо в Тебе вся красота, величие, любовь, совершенство и абсолютно всё прекрасное!..

А ты, старче Божий, отец Антоний, помолись о нас, находящихся долу, чтобы нам идти путем твоим, идти от земных в те необъятные чудные края, где вечно сияет прекрасное Солнце правды — Господь Иисус Христос и с Ним — нескончаемая, дивно прекрасная жизнь во веки веков. Аминь.

ПОБЕДА ЛЮБВИ

Схиигумен Стефан
(Иосиф Васильевич Лазарев)
(1872–1963)

Радуйся, яко идеже Христос в телеси, таможде и ты пребываеши.

Акафист Преподобному Сергию Радонежскому

Во всей вселенной есть такая сила, против которой ничто устоять не может. Великие небесные тела, пламенеющие солнца, пылающие эфиры и даже охладевшие планеты живут и движутся этой зиждительной силой. Наша Земля, крошечная по сравнению с другими небесными телами, также совершает свое движение в необъятном космическом пространстве с помощью этой силы. Что же это за сила, которой всё движется и существует, которой ничто не может противостоять?

Однажды во времена гонений за веру Христову совсем еще юного христианина схватили и привели к игемону-язычнику, который показал ему орудия страшных мучений и сказал: «Если ты не принесешь жертвы нашим богам, то умрешь здесь». Он же отвечал: «Лучше смерть, чем унижение перед бесами!» Скажи мне, какая сила укрепляла сего юного исповедника и мученика?

Или вот юная девица-христианка. Ей всего тринадцать лет. Ее раздели и растянули на колесе. Поворачивая колесо и всё более и более растягивая члены юной отроковицы, так, что они вышли из своих суставов, мучитель произнес: «Последний раз предлагаю тебе, девица, отрекись от Христа твоего, иначе позорно умрешь здесь». Она же чуть слышно прошептала: «Я Его люблю и ни за что не отрекусь!» Скажи, мой друг или недруг, какая сила вдохновляла это немощное существо среди ужасных мук?

Да, есть такая сила, против которой ничто не может устоять. Эта сила — любовь, любовь сильнее жизни и смерти. *Страха несть в любви,* — говорит святой апостол (1 Ин. 4, 18). Любовь потому сильна, что Сам *Бог есть любовь* (1 Ин. 4, 8). Любовь понимается двояко: может быть земной, чисто человеческой, или любовью священной, одухотворенной верой в Бога. Эта последняя выше, сильнее, могущественнее первой. Вот некоторые примеры проявления любви.

Это происходило в Таджикистане. В небе появилась огромная птица. Она делала крутые и сложные виражи, то взвиваясь стрелой, то падая вниз. Находящиеся на поле люди заметили, что это был огромный орел, державший в когтях маленького лисенка, а на спине у него, вцепившись, сидела лиса. Хищник прилагал невероятные усилия, пытаясь сбросить ее на землю, но лиса держалась крепко, и, казалось, никакая сила не могла ее повергнуть. В конце концов, орел, измучившись, сложил крылья и камнем ринулся к земле... Когда люди подбежали к месту происшествия, то увидели: орел мертв, а лиса осталась невредимой, она металась около своего погибшего детеныша.

Это наглядный пример для каждой матери, которая должна бороться до последнего за спасение душ своих детей.

Посмотрите на птицу-мать. Она не знает покоя: и днем и ночью добывает своим птенцам пропитание, несет им корм, сама оставаясь голодной. А когда к ее птенцам крадется зверь, она налетает на него и... может погибнуть в зубах хищника. Это любовь. Или другой пример. Воин, бросаясь в атаку, видит, как вражеский пулемет косит его товарищей. Тогда он крадется к амбразуре и своим телом заслоняет огненный смерч. Его товарищи по оружию спасены, а он, весь изрешеченный пулями, падает на землю. Это тоже любовь. Юная сестра милосердия, видя умирающего от потери крови ребенка, дает ему свою кровь, но это подрывает ее здоровье, она смертельно заболевает и умирает.

И сколькими замечательными примерами подтверждается обычная земная, человеческая любовь! Но есть любовь более возвышенная, более благородная и могущественная — любовь Христова.

Он умер, совсем неповинный, совсем безгрешный, за весь мир, за все народы, погрязшие в грехе, чтобы даровать им жизнь не только эту, временную, но и высшую, безмерно счастливейшую — жизнь вечную. Христос умер добровольно, по чистейшей и совершеннейшей любви к ближнему. Это не просто любовь, но любовь, превратившаяся в высокую и великую жертву за многих и многих. Это любовь Божия, любовь Небесного Отца, отдавшего Сына Своего за жизнь мира.

И ответная любовь юной девицы, ради своего Нетленного Жениха и Господа с радостью выходящей на арену цирка, где ее юное тело терзают голодные звери и она с именем Иисуса Христа отдает свою чистую душу Богу. Разве не любовь, согретая верой, руководит ею в этом страшном, мученическом подвиге?..

О моя милая душа, зачем нам так углубляться в историю, когда теперь мы сами на примерах из нашей жизни убеждаемся, что и мы можем творить дела духовной любви, что они доступны людям глубокой веры в Бога, проникнувшимся к Нему пламенной любовью.

Вот ты живешь среди греховного мира, всюду окружают тебя соблазны и искушения, а если ты еще и молода, и красива, и умна, и образованна, то в таком случае пламя искушений для тебя удваивается, утраивается. И всё-таки, несмотря на всё это, ты идешь путем узким, идешь за Христом, идешь, оставляя в стороне все услады мира. Ты, моя милая душа, движима не чем иным, как любовью духовной, любовью наивысшей, такой любовью, которая обязательно должна победить.

Не забыть мне один случай. Это было примерно в 1942 году, когда наша армия несла большие потери от вероломного немца. Трудное было время. И вот я пом-

ню, как однажды в нашей роте поднялся шум необычайный. Кто смеялся, кто ругался, а кто просто безумствовал в каком-то экстазе неудержимом. «В чем дело?» — возмутился командир роты. Подошли мы и увидели следующее. В окружении солдат стоит молодой парень, видать, не деревенский, а городской. Держится спокойно, с достоинством, но не вызывающе, смело и с любовью смотрит на своих товарищей. «Ну, что вас так разобрало?» — дружески говорит он своим сослуживцам по роте. «А, — слышатся сразу несколько голосов, — ты крест носишь, ты верующий!» — «Как видите», — ответил юноша и отвернул при этом ворот своей гимнастерки. На юной загорелой солдатской груди сиял маленький крестик. «Ну и что, что я верующий? Разве это унижает человека?»

Не буду передавать подробностей этого эпизода, только задамся вопросом, как мог этот молодой парень в такое бурное, тревожное время так просто, смело решать свою судьбу? Знать, в его юном сердце горела настоящая любовь к Богу — любовь высшая, заставляющая презирать все насмешки и опасности. Этот юный солдат умер героем. В смертельном бою, выручая товарища, он погиб под гусеницами немецкого танка, запечатлев любовь к Богу и людям своей кровью. И сколько подобных героических подвигов совершили простые люди во имя любви святой! Многих из них мы не знаем, они ведомы одному лишь Богу.

И вот такая любовь — священная и воздвигнутая верой — способна побеждать и самый страх, способна стать сильнее даже самой смерти. Да разве, друг мой, не знаем мы, как святые мученики первых веков христианства с радостью шли на страшные муки, умирали за Христа? Достаточно вспомнить времена Нерона, этого изверга, жестокого мучителя не только христиан, но и язычников. Он устроил пожар в городе Риме, а вину свалил на неповинных христиан. Какие же ужасные муки претерпели христиане за веру в Господа нашего Иисуса Христа, но ни под каким видом не хотели отречься от Него.

В книге «Первые дни христианства»* раскрывается борьба новой христианской веры со старым, гниющим язычеством. Христиан хватали где попало. Мужчин, женщин, юношей, девушек, детей, стариков бросали в тюрьмы, морили голодом, холодом, болезнями, а потом отправляли на казнь. В огромном цирке собирались тысячи людей, чтобы только посмотреть, как звери будут терзать христиан или гладиаторы будут их закалывать мечами и прочее. А потом трупы растерзанных или убитых христиан выволакивали из цирка через особые ворота. Кровавая арена посыпалась свежим песком, и снова начинались «игры», следствием которых были многие неповинные жертвы.

Известно, какое мучение придумал Нерон для христиан. В Риме были так называемые Нероновы сады, где вечерами гуляло множество язычников и где сам Нерон разъезжал в своей колеснице, запряженной откормленными, украшенными лошадьми. И вот в этих садах Нерон велел наставить столбы и к ним привязать христиан, облитых горючим веществом. И таких столбов было поставлено множество. По особому сигналу эти столбы поджигали. Они горели вместе с людьми, как свечки, пылая в ночи. Весь сад освещался таким образом от живых горящих христиан. Язычники останавливались, смотрели, смеялись, издевались, а Нерон, как одержимый, носился с приближенными по этому саду. Чтобы крики и стоны мучеников не были слышны, играла музыка. А чтобы видеть страдания мучеников, отражающиеся на их лицах, рядом со столбом вбивали в землю длинную палку, которая другим концом упиралась в подбородок страдальца и не давала голове его опуститься вниз.

Да возможно ли вообще описать все те мучения, которые юная Церковь Христова перенесла от отживающего язычества! Ведь у христиан не было решительно ника-

* Автор Ф. М. Фаррар. — *Прим. ред.*

кой защиты, кроме Христа и любви ко Господу. И они не противились язычникам, но всегда были почтительны и честны. Мир и поныне удивляется, как христианство победило железное Римское царство, как завоевало почти весь мир?

Любовь — сила всепобеждающая, всепокоряющая, всемогущая. Да, победа любви как печать несокрушимой нравственной силы отразилась на христианской вере, христианской религии. Любовью наша вера жива, любовью она побеждает своих противников как самым сильным оружием. Любовью Церковь будет стоять до самого Второго пришествия Господа нашего Иисуса Христа.

Мой дорогой друг, пользуемся ли мы с тобой этим оружием в нашей обыденной жизни? Ведь теперь, как никогда, нам, христианам, надо иметь эту любовь, как никогда, этой любовью не только отражать, но и побеждать все козни лукавого, все хитросплетения его и его помощников.

Вот живешь ты среди новых язычников, которые не только не почитают Христа, но и слышать о Нем не хотят. Не только не желают Ему молиться, но и гонят Его из своих домов, семей и сердца своего. А на нас они смотрят, как на чудаков, как на отсталых, некультурных людей. И если говорят, здороваются, то только как бы по снисхождению, уважая в нас человека, а в душе унижают, укоряют, осуждают за твердость наших убеждений, за нашу веру.

Ну что, спрашиваю, остается делать? Как поступать с такими соседями, коллегами по работе, начальниками? Только по закону христианской любви. Только любовью побеждать неприязнь и холодность в отношении к себе. Твоя нелицемерная, но искренняя любовь, только она в силах преодолеть и победить всё. Трудная эта проблема, трудно поступать по любви там, где тебя не любят, где тебя только терпят и хотят, чтобы ты делал то же, что и другие, жил так же, как они, и говорил то же, что и они. А если

ты не поддаешься и живешь иначе, иначе мыслишь, не соглашаешься с окружающими тебя, то вызываешь к себе неприязнь. В чем же конкретно должна выражаться наша любовь по отношению к неверующим?

Да во всем буквально. Во-первых, в душе совершенно искренне нужно желать им добра; во-вторых, при встрече радушно приветствовать их: о чем тебя попросят — сделать всё как ближнему другу, как родному; сделают тебе выговор за что-либо — смиренно признай свою вину; осмеют — не обижайся; обидят — не раздражайся; так ты всё любовью и покрывай, молись, главное, Господу неуклонно об их спасении, об их здравии и благополучии. Такое искреннее отношение к любому человеку непременно пленит его сердце, растопит его холодность, и победа любви свершится.

Мне вспоминается история, связанная с одной благочестивой вдовушкой, которая, похоронив своего мужа и двух любимых детей, отдала себя на добровольное служение... Кому бы вы думали? Бродягам, разбойникам и убийцам. Она на оставшиеся после смерти мужа деньги построила небольшой домик на опушке леса и там жила одна-одинешенька. Только Господь хранил ее Своей силой, и ангелы покрывали от всякого зла. «Мать Варвара (так звали эту дивную старушку), да как же это ты не боишься здесь жить-то? — спрашивали ее знакомые. — Ведь столько разных бродяг, разбойников ходит здесь по лесу». — «Вот я о всех них и забочусь, — отвечает мать Варвара. — Иных отогрею, других обошью, кого накормлю, а некоторых и на добрый путь направлю». — «Да ведь они же тебя убьют, и никто не защитит, никто и не узнает!» — «Были и такие случаи, — рассказывает мать Варвара. — Вот намедни забрели трое — злые, грязные, голодные. Я их встретила с молитвой и любовью. “Что ты нас молитвой своей кормишь, старая ведьма, — зло отозвался один. — Нужна она нам! Давай жрать скорее, а то разом уложу на месте”. — “Постой, голубчик

мой, потише, — говорю, — уложишь, кто тебя кормить-то будет? Давай-ка лучше читай ‘Отче наш’, а потом и поешь досыта”».

Так мать Варвара и жила в лесу одна с Богом, под постоянным страхом смерти. «Надо только полюбить человека всей душой, — говорила она, — и тебя никто пальцем не тронет. Делай ему добро от чистого сердца, и он рано или поздно сделается по отношению к тебе добрым». Мать Варвара говорила, как однажды один бродяга чуть не убил ее. Двоим она сделала что-то доброе, а этому не угодила. Так он нагрубил ей и обещал прийти и рассчитаться. Спустя некоторое время те двое ведут этого недовольного, всего избитого, ободранного. Привели и бросили к ее ногам. «Мы ему как следует дали», — отозвался один. «Да за что же это вы его, басурмане, так избили?» — разжалобилась мать Варвара. «Чтобы больше не угрожал тебе». — «Эх, любовь, любовь истинно христианская, да она зверя и того обратит в ягненка», — говорила мать Варвара. Неужели, мой друг, любовь теперь потеряла свою силу? Неужели она перестала быть любовью?

Иисус Христос вчера и днесь Тойже, и во веки, — говорит святой апостол (Евр. 13, 8). Наши сердца охладели к истинной любви. Вместо истинной любви в них лицемерная любовь, двуличная, фальшивая, ненастоящая. Вот потому нам и трудно с такой любовью жить теперь, потому и кажется нам, что мы со своей верой в Бога чужие для всех, непонятные миру, да и ненужные, лишние для него. *Аз избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир* (Ин. 15, 19). *Не чудитеся* (т. е. не удивляйтесь), *братие моя, аще ненавидит вас мир* (1 Ин. 3, 13); *добро творите ненавидящим вас* (ср. Мф. 5, 44).

Так вот, оказывается, в чем истинное положение вещей. Мир совершенно прав, что нас не любит. Да и как нас любить, если мы не принадлежим миру. Может ли он любить то, что для него чуждо. А мы вот, мой друг, всё обижаемся на кого-то, что нас не уважают, как других,

что нас обходят, про нас плохо говорят, над нами, может быть, смеются, а, может быть, где и ущемят, явно недооценят и прочее. Всё это, оказывается, вполне закономерно, даже естественно. *Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое* (Ин. 15, 19). Так от кого же мы теперь, если не от мира? *Добро творите ненавидящим вас.* Надо делать добро всем, и тогда наша принадлежность будет Христова... А если так, если мы окончательно уверимся, что мы действительно от Бога, то тогда — всё нипочем. Давай только побольше скорбей, насмешек, унижений — всё это цветочки живые, из которых сплетается венок нетленной красоты. Итак, любовь за нас и мы за любовь. Сия победа, победившая мир!

...Девяносто один год шел он по стопам любви Христовой. И вот прошу вас, не спрашивайте меня о подробностях, где и от кого родился схиигумен Стефан. Могу ли я это знать? Знаю только, что старца звали в миру Иосиф Васильевич Лазарев*. В Лавру Преподобного Сергия старец прибыл около 1958 года. Откуда он прибыл? Будто откуда-то из астраханских краев. Был там на приходе. Служил. Много-много потрудился, и вот, уже в преклонных летах, десница Божия привела его под сень обители Пресвятой Троицы. И как это всё дивно должно быть в нашем сознании. Стоит только вникнуть в глубину Божия домостроительства, и увидишь, как Господь всё делает не только мудро, но премудро и дивно. Скольких мы вспоминали старцев Божиих, нашедших себе покой в обители Сергия Преподобного, и все были рассеяны, кто где, в разных краях. Но под конец жизни заботливая и нежная рука собрала их в одно удобное место. Точно как пшеничка собирается добрым хозяином в закрома, чтобы отсюда уже попасть в общие житницы. И эти труженики Божии с раз-

* В 1902 году был пострижен в монашество в скиту Параклит недалеко от Троице-Сергиевой Лавры. — *Прим. ред.*

ных концов страны собираются под молитвенный кров Преподобного Сергия и здесь, дозревая, идут в вечные житницы Божии.

Схимничек отец Стефан приехал во святую Лавру игуменом. Его звали Агафодор. Сложное имя-то — игумен Агафодор. Многие, особенно из народа, совсем не могли назвать его правильно. «Ты у кого нынче исповедовалась?» — спрашивает старушка свою соседку. «Да вон у того старенького батюшки», — отвечает та. «А как его зовут?» — не унимается первая. Соседка явно затрудняется выговорить имя старца и начинает припоминать. «Кажется, то ли Агапит, то ли Фарадор или Сковродор». Пусть уж батюшка простит нам это воспоминание, но ведь так оно и было. Для простых старушек имя отца Агафодора было просто неудобопроизносимым. Ни за что они не могли выговорить его, как положено. Поэтому старец постоянно был для них какой-то загадкой, тайной непостижимой. К счастью для старушек, Преподобный Сергий как бы сжалился над ними, и отцу Агафодору скоро дали другое имя. За святую и благочестивую жизнь старца постригли в схиму с именем Стефан. Тогда уж народ волной нахлынул к схиигумену Стефану, черпая от него благодатную силу и теплоту великой любви. Да, если уж говорить о душевных качествах схиигумена Стефана, то на самое первое место выступает любовь. Надо сказать, что добродетель любви как вершина или венец всех добродетелей присуща во всей своей красоте и чистоте преклонному возрасту.

Есть и молодые священники, которые беззаветно и жертвенно любят народ и ведут его ко спасению. Но в молодых летах, от двадцати пяти и до пятидесяти, любовь духовническая может быть перемешана с любовью чисто человеческой, плотской. Это вполне естественное и почти неизбежное явление. Молодой священник, и особенно иеромонах, постоянно имея дело с женским полом на исповеди, да и вообще на богослужении, особенно с молодыми девицами, юными инокинями, монахинями, естественно проникает-

ся к ним чувствами приязни, симпатии и какой-то особой человеческой любви. Да если еще молодой священнослужитель уделяет недостаточно внимания своей внутренней, духовной, жизни и при этом физически сильный, обладает хорошим здоровьем, то в его душе возникают различные плотские помыслы, осложняющие чистое духовничество. Поэтому вполне правильно поступают священники, которые в юных летах избегают близости с женским полом и уклоняются особенно от исповеди, предоставляя ее исполнение более пожилым священнослужителям. Правда, бывают особые избранники Божии, как, например, духовник Киево-Печерской Лавры отец Парфений и другие, которые с юных лет и до старости не испытывали никаких плотских влечений, и их духовничество было исключительно чистым, непорочным, хотя, может быть, и не вполне глубоким, так как, не испытав борьбы со своими страстями, они в полной мере не могут проникнуться состоянием других сердец и тем более не могут иметь должного снисхождения к грешникам, впадшим в те или иные плотские грехи. Потому святые отцы и советуют юным ревностным душам (юношам, девицам), во избежание излишней привязанности или каких-либо недозволенных отношений, искать себе духовного окормления у более опытных пожилых священнослужителей.

Абсолютно чистые отношения с другим полом обретаются неустанным подвигом борьбы с самим собой, пламенной молитвой и навыком владения своими чувствами. И если, говорим, в преклонных летах старцы питают уже только чистые чувства к своим духовным детям, особенно к женщинам, то, с другой стороны, в их духовном руководстве не хватает строгости, которая тут совершенно необходима. Почтенные старички, умудренные долгим опытом духовничества, прошедшие путь борьбы с собой, приобретшие старческую благостность снисхождения к другим, обычно теряют свою прежнюю строгость и вместе с тем строгость руководства и становятся настоя-

щими старцами, во всем снисходя по отношению к своим духовным чадам и всё покрывая любовью. Мы не хотим сказать, что будто их духовничество теряет свою благодатную силу. Совсем нет. Но отметим характерное свойство глубоких летами старцев: они, будучи нравственно безупречно чисты по отношению к своим духовным детям, вместе с тем дают послабление в духовном руководстве из-за такой своей благостности и снисходительности.

Старец Стефан обладал изумительной благостностью, добротой, всепрощающей любовью. Он готов был, кажется, всё простить кающемуся грешнику, какой бы он грех ни совершил. Своей старческой любовью он всё покрывал и... никого не наказывал. Поэтому-то к нему и шли на исповедь, особенно те из братии, которые что-нибудь такое натворят, что боятся открыть другим духовникам. Есть некая таинственная, божественная красота в том, чтобы всё прощать кающемуся грешнику, всё покрывать благостной любовью.

Христос Спаситель, живя на земле, кажется, никого никогда не наказал, не запретил, не отлучил. Но тем не менее Он дал наказ Своим апостолам и всем пастырям, чтобы не только прощать (решать), но и вязать, то есть по какой-то особой причине и не прощать, и не разрешать, но наказывать для того, чтобы пресечь подобный грех на будущее.

Когда схиигумен Стефан был уже довольно слаб телом, его отстранили от общей исповеди. Народ уже не мог попасть к нему, так как келия его находилась во внутреннем дворе монастыря. Но он исповедовал желающих из братии. И старцу хватало дел. К нему ходили молодые послушники, иеромонахи на исповедь или за какими-либо советами. Отец Стефан был туговат на оба уха, и крепко. Когда к нему заходили в келию, старец уже знал, зачем пришли. Он молча подходил к переднему уголочку, брал святую епитрахиль, крестя, надевал ее, поручи и своим старческим голосом начинал: «Благословен Бог наш...»

Не один раз и я бывал на исповеди у схиигумена Стефана. Это было уже незадолго до его смерти. Он уже на-

столько ослаб, что еле держался на ногах. Начав читать на память исповедные молитвы, батюшка спутался. С одной молитвы перешел на другую, затем на третью и начал читать снова. Тогда подали батюшке служебник с крупными буквами. Но по служебнику старец путался тоже много, потому что был слепенький и ему было трудно разобрать, что там написано. Нас было двое исповедников. Мы стояли на коленях около старца и всё ему подсказывали. А он, плохо слыша, оглядывался к нам и спрашивал: «А, а, чего, чего?» Потом снова начинал читать и путался еще больше. Такая исповедь носила на себе печать какой-то особой святой простоты, необыкновенной благостности, тихого благодатного умиления. Так и чудилось, будто ангел мира и всепрощения витает в этой убогой келии, покрывая всех присутствующих своими благодатными крылами.

Так как схиигумен Стефан, особенно в старости, был грузен, тяжеловат, то он чаще всего находился в своей келии: лежал на своей постельке или сидел безмолвно на скамеечке, неслышно читая Иисусову молитву. Его лицо с маленькой реденькой бородкой всегда улыбалось и выражало чувство неописуемого благодушия. Бывало, что он со своим келейником иеродиаконом выходил на прогулку. Здесь же, около своей келии, они ходили по монастырской аллейке-тропочке. Но старец даже уже и не шел, а, ухватившись руками за келейника, еле-еле брел за ним, не переставая улыбаться.

Но кто может описать его внутреннюю духовную жизнь? Мы схватываем только лишь внешние стороны жизни старца Божия, то есть то, что можно наблюдать чувственным взором. Но всю глубину внутреннего старческого духа кто изобразит? Кто поймет и передаст это на бумаге?

Схиигумен Стефан был человеком глубокой души и высокой жизни. Проникнуть в глубокие тайны его подвижнического духа кто может? Подняться на высоту его внутренних духовных озарений кому доступно? Было

очевидно, что старец быстро созревал для иной жизни. Его временный век заканчивался. Был на исходе уже девяносто первый год его жизни. Сосуд души его был полон благодатного елея жизненных трудов. Светильник веры ярко пламенел, чтобы трезвенно встретить Жениха...

Жизнь старца Стефана была так сложна, так разнообразна, так богата, что ее, по существу, описать невозможно. Несколько отвлечемся и приведем ряд рассказов из нравственно-духовной жизни.

***

Далеко во Франции, в Париже, умирал маститый архимандрит Дионисий (по фамилии Шамбо). Больного окружали видные особы из духовенства, из мирских, военные. Когда в комнате водворилась абсолютная тишина, архимандрит Дионисий вдруг вздохнул, открыл глаза и тихим голосом ясно и четко произнес: «В Евангелии сказано всё-всё, и особенно в главе 25». Все поразились: это было как откровение. Буквально страх объял присутствующих тогда, когда они открыли Евангелие от Матфея, нашли 25-ю главу и прочли... Там говорится о мудрых и неразумных девах, светильники которых погасли, о талантах, за которые следует дать каждому отчет, и особенно о Страшном Суде, на котором предстанут живые и мертвые.

И ты, мой дорогой читатель, чаще прочитывай это место Евангелия...

***

«Расскажи мне, авва, про какое-либо дивное видение», — попросил у преподобного Макария Великого пришедший брат. Старец подумал, потом поднял свой взор к небу, которое было на этот раз светлое, ясное, и сказал: «Самое дивное видение, которое превыше других, это когда увидишь лицо человека, на котором отпечатлевается чистота и глубокое смирение сердца. Что может быть дивнее, чем видеть невидимого Бога, обитающего в человеке, как в Своем храме».

***

Ударил ранний мороз, пошел хлопьями снег. На дворе, кажется, ни души. Но кто это возится в монастырском садике? Седой, маленький ростом монах, кряхтя, копался в своей старой сумке. Вот он вынул из нее подержанную фуфайку, покрутил ее в руках и стал ходить вокруг маленького кустика, на листочках которого налип снег. Отряхнув его, монах стал нежно окутывать фуфайкой стебли кустика, предварительно собрав их вместе. Он завязал куст, как куклу, и снова полез в свою сумку, вытащил из нее старый мешок. Отряхнув от пыли, он стал надевать этот мешок на верх обвязанного куста. Надев мешок, он вздохнул, полюбовался на свою «куклу» и затем удалился.

Что это за работа такая? Что это за тайна в этом маленьком кустике? Это юная роза. Монах посадил ее весной, она только-только стала укрепляться, только собиралась расцвести, но тут ударил ранний мороз, и гибель ее казалась неизбежной. Но вот хранит ее нежная рука да душа человеческая, которая выше всякой цены.

***

Митрополита Кирилла* столкнули с подножки на полном ходу поезда, когда состав мчался по Сибири. Он упал в глубокий снег, как в перину. Не ушибся. Выкарабкавшись, осмотрелся. Ночь. Мороз — градусов пятьдесят. Побрел по лесу. Наконец устал и присел на пень. «Господи, ведь замерзаю», — взмолился святитель. Старая ряса не грела. Вдруг треск. «Боже мой, что это такое?» Темная масса надвигалась на него. Тяжелое дыхание. Медведь. Ну, конец. Бежать нет сил. Медведь огромный, лохматый подошел к нему, обнюхал и... лег около его ног, как ягненок. Потом растянулся и захрапел. Повеяло теплом. Что делать? Замерзать? Или... И человек решился. Подойдя к медведю,

* Священномученик Кирилл (Смирнов (1863–1937)), митрополит Казанский и Свияжский. — *Прим. ред.*

он перекрестился и лег, прижавшись к теплому брюху зверя. Отогрелся и, не помня себя, заснул. Когда он очнулся, было светло. Тихонько встал, чтобы не разбудить зверя, но тот как будто и не спал. Потянувшись, он тоже встал, отряхнулся от снега, как-то по-особому умиленно посмотрел на своего приятеля и пошел в лес. Митрополит, спасенный от верной гибели, обогретый, укрепленный сном, двинулся, благодаря Бога, в глубь леса. Вскоре он нашел тропинку, пошел по ней, и она привела его к маленькому хуторку, где жили люди. Так была спасена жизнь одного из великих исповедников и страдальцев за правду Божию в наши дни.

***

Патриарх Тихон находился под домашним арестом (1919 год). Келейник был всегда при нем. Но под среду он каждый раз уходил в город к своей больной матери, оставляя патриарха одного. Об этом было известно. Знали это и подосланные убийцы. И вот ночью, как раз под среду, темным коридором они проникли в покои Святейшего, постучали в дверь. Изнутри дверь открыли. Убийцы кинулись на жертву... Короткий крик о помощи и... всё смолкло. Патриарх вышел на шум. На пороге лежал в крови его келейник, пораженный насмерть. В эту среду он не пошел к матери, остался с патриархом как будто для того только, чтобы вместо него умереть. Увидя живого патриарха, убийцы оцепенели от ужаса, а затем, опомнившись, ринулись вниз по лестнице.

***

В тепло натопленной хате шел горячий спор. Одни доказывали, что ни Бога, ни диавола нет. Другие утверждали обратное: говорили, что и Бог, и диавол существуют. «А давайте позовем Бога», — насмешливо предложил один из споривших. Нет, страшно! «Ну тогда позовем диавола». Всем это предложение понравилось. «Диавол, диавол, приди к нам», — закричал один из них. Все замерли.

Сделалось как-то жутко. Волосы шевелились на голове. В абсолютной, мертвой тишине раздался свист, а затем топот, который слышался всё ближе и ближе. Распахнулась примерзшая дверь — на пороге стоял черный, как уголь, баран. Огненно-злые глаза пожирали присутствующих. Все вскричали от страха, но бежать было некуда. Звавший диавола упал без сознания, другие оцепенели от ужаса.

***

Человек поссорился с женой. Расстроенный до крайности, он вышел во двор. Была темная ночь. «Обращаюсь к тебе, диавол, — сказал он, — познакомь меня с другой женщиной». Утром он приходит на работу, и ему подают конверт, адресованный на его имя. Он его разрывает и читает: «Умоляю вас, приходите ко мне по такому-то адресу. Я живу совершенно одна».

Так сатана познакомил этого человека с распутной женщиной, которая втянула его в бездну порока. Враг скоро слышит того, кто его зовет на помощь, и всегда готов к подобным услугам. Впоследствии этот человек сугубым постом, слезами и молитвой принес Богу глубокое раскаяние.

***

Священник пришел причастить больного, который метался на постели. Он кричал, издавая дикие вопли, извивался, отворачивался к стене, обороняясь руками от кого-то невидимого: «Батюшку, батюшку скорее!» Священник пришел со Святыми Дарами, поисповедовал кратко больного и причастил. Сделав свое дело, священник хотел было удалиться. Но больной взял его за руку и всю ночь держал не выпуская. Батюшке нужно было идти домой, где его ждала семья, а он просидел около больного, который ни за что не хотел его отпускать, боясь бесов. «Где же бесы?» — спросил батюшка больного. «Они все по углам, вон, вон попрятались». Больной еще крепче ухватился за священника, пока

не рассвело и не настал день, а потом он успокоился и тихо, с молитвой на устах предал свой дух Богу.

...В один из тихих и светлых вечеров схиигумена Стефана пособоровали, причастили Святых Христовых Таин, и старец мирно и почти совершенно безболезненно перешел грань, отделяющую нас от страшной смерти. Нам трудно описывать картину смерти старца Божия. Тайна этого непостижимого события — смерти — остается для нас запечатанной. Настанет и наш час, когда мы должны будем не понаслышке, а на самом деле испытать и проникнуться тайной смерти, но всё это, как и прочие люди, мы унесем в могилу.

Схиигумен Стефан умер, и его могилка теперь стоит одинокая. Но печать великой любви, которую старец носил в своем сердце и которой согревал других, проявилась на месте его упокоения. Окружающая природа как бы притаилась в тихих лучах солнца, сохраняя в своих недрах останки великого старца. Он жил любовью, согревал ею всех приходящих к нему. Он знал, что любовь — это великая сила, способная возродить умершие души к жизни. Он много прощал властью, данной ему от Христа. Вернее сказать, всех прощал, и в этом всепрощении совершилась победа Христовой любви над грехом и над смертью.

Теперь он лежит в своей одинокой могилке, но любовь, сказано в Писании, никогда не умрет. Вечная тебе память, наш милый отец и старец. Твое имя часто воспоминается священнослужителями Лавры на церковном амвоне. Мы тебя не забыли, и ты нас не забудь в горнем храме Святой Троицы. Твоя ангельская схима сугубой благодатью да покрыет нас, твоих детей, от бурь и напастей жизни. Научи и нас любить так, как любил ты, чтобы нам силой этой любви покорять сердца людей и вести их к Любви вечной.

Ныне же пребывают вера, надежда, любы, три сия: больши же сих любы. И любы моя со всеми вами о Христе Иисусе. Аминь (1 Кор. 13, 13; 16, 24).

ОСНОВА ЖИЗНИ

Монах Александр
(Александр Ильич Кумачев)
(1885–1963)

Радуйся, образе пустынножителей и устроителю общаго жития.

Акафист Преподобному Сергию Радонежскому

Однажды маленькую девочку спросили: «Какой ты хочешь стать?» Она, не обинуясь, ответила: «Я хочу быть красивой». А ее братец, семилетний карапуз, на подобный вопрос ответил, что он хочет быть сильным. Но это детские идеалы: быть красивым, сильным, богатым и прочее. Ну а если мы спросим у взрослых людей, каковы их устремления, каковы их идеалы, кем они хотят быть? Наверное, получим подобные ответы. Один хочет быть образованным, другой — прославленным, третий — известным, четвертый — счастливым.

А если спросить духовного человека, мало-мальски разбирающегося в жизни, то он, наверное, скажет нечто более разумное: «Я хочу спасти свою душу и помочь в этом другим». Где же искать правду о смысле жизни, о наивысшем и наивернейшем, совершеннейшем идеале бытия человека?..

В одной большой и бедной семье не было работников. Отец и мать — больные, дед и бабка — престарелые, детишки — от двух до семи лет, один другого меньше. Да к тому же недостаток буквально во всем: в хлебе, овощах, дровах, жилье, тепле, здоровье и прочем. «Машенька, да как же ты справляешься со всем этим домом, со всеми нуждами?» — спросила мимоходом соседка маленькую девочку. Семилетняя Маша подняла свое бледное лицо,

тихо и как-то болезненно улыбнулась, нагрузила на худенькие плечи коромысло с большими ведрами и, ничего не ответив, пошатываясь, пошла к дому. А когда она подросла и была уже совершеннолетней девушкой, то соседи и даже родные много раз предлагали ей выйти замуж и жить в хорошей семье. Тем более что нашелся и богатый жених, который, как говорили, очень любил Машу. На всё это она отвечала решительным отказом, и даже будто кому-то сказала, что она готова до самой смерти служить своей бедной семье, помогать ей, чем может. Люди решили, что она глупая, и осуждали девушку за ее благородный поступок. Да, пожалуй, многие из нас скажут то же самое об этой девушке и осудят ей подобных.

Ни на небе, ни на земле нет выше добродетели и жертвы, чем послужить ближнему, принести ему пользу, отдать ему свое время, здоровье, имущество или даже жизнь. Немало людей хотело бы обладать властью над ближними. Они считали бы, что достигли своей цели в жизни, если бы перед ними преклонялись, им угождали и служили. А мы говорим совсем об обратном. Величие и красота человека проявляются тогда, когда он служит другим. Когда Господь наш Иисус Христос сошел с небесной высоты на землю, то Он стремился послужить людям. Сын Человеческий явился не для того, чтобы Ему служили. *Не прииде, да послужат Ему, но да послужит...* (Мк. 10, 45). Да, Он приходил, чтобы послужить: исцелять болезни, утешать немощных, насыщать голодных, преподать слово истины жаждущим, кроме того, показать пример, как нам надо служить ближним, а еще — умереть за нас, осужденных на смерть за преслушание заповедям Божиим. Он снова придет на облаках небесных, чтобы проверить, как мы служили ближним, как мы следовали Его примеру. И вот тогда многие из нас будут оправдываться и говорить: *Господи, когда Тя видехом алчуща, или жаждуща... или нага, или больна, или в темнице, и не послужихом Тебе?* (Мф. 25, 44).

Многие думают, что служить и угождать надо только Богу, кланяться Ему, делать земные поклоны, украшать Его иконы, зажигать пред ними лампады, ходить в церковь, ставить там свечку и прочее, и прочее. Но праведный Судия еще раз тогда подтвердит, что не Ему только надо служить, но главное — Его братиям, то есть больным, хромым, недужным, старцам, голодным, холодным, обиженным, отверженным, осужденным, заключенным.

...Одна боголюбивая девица жила со своей больной матерью. Наступил праздничный день. Дочка хотела идти в церковь помолиться, отдохнуть душой, поплакать о грехах своих, но мать что-то особо разболелась. «А ты, дочка, не оставляй меня одну-то, — еле слышно говорит мать, — а то вдруг да умру без тебя». — «Нет, мама, — отвечает дочка, — я лучше там, в церкви, за тебя свечку поставлю, и Господь даст тебе здоровья». — «Больно уж мне лихо в это утро, — говорит тихо больная, — может быть, останешься со мной, дочка?» Какой сделал бы выбор ты, мой дорогой читатель?

Живет совсем одинокая старушка, больная, безродная, почти всеми оставленная. У нее и в хате-то холодно и дрова-то не распилены — лежат у окна, все уже почернели. Да и маленький огородик весь зарос травой и кустарником. У старушки болит сердце обо всем этом. Как-то, натянув на себя старую кофту, худой темный платок, вышла покопаться в грядках. Мимо дома старушки проходят две празднично одетые молодые девушки. Одна из них именинница, а другая — ее подруга, отпросившись пораньше с работы, разделяет ее радость. Они идут на доброе дело, видно, добросердечные такие: хотят в больнице посетить больного брата — сегодня приемный день. Проходя мимо знакомой убогой старушки, они услышали ее вздохи, совесть подсказала им, что надо бы помочь, старушке очень уж трудно. «Бабуся, Бог тебе в помощь», — сказали девушки в один голос. «Ах, милые мои, спасибо вам, больно мне уж тяжело», — пожаловалась бабушка. «Анна, может,

поможем немного», — предложила одна другой. «Ну что ты, Лена, запачкаемся да и опоздаем в больницу». И пошли они себе своей дорогой. А как бы ты поступил, мой дорогой друг, в этом случае? Для того чтобы послужить своему ближнему, надо непременно иметь еще одну добродетель — послушание. Служение и послушание — это две сестры, благоприятные Богу. И чтобы в вышеуказанных случаях находить правильное решение, надо иметь любовь к Господу Спасителю и быть послушным Его святому учению.

Сей есть Сын Мой возлюбленный, Того послушайте (Лк. 9, 35). Надо всей душой любить Святое Евангелие, а чтобы полюбить его, надо понуждать себя каждое Божие утро читать его, хотя бы по одной главе. Святое Евангелие есть основа жизни. Кто его любит и ежедневно читает, тот непременно полюбит Господа Иисуса Христа. А уже тогда Господь Иисус Христос Сам научит человека, как послужить своему ближнему. И сколько уж об этом говорим, сколько убеждаем — читайте, читайте слово Божие, но людям неохота, нет времени, не понимают его. Всё равно нужно читать, хотя бы по одной-две страницы в день.

Один студент Духовной школы не мог заставить себя каждое утро читать Святое Евангелие — так трудно ему было приучить себя к этому ежедневному занятию. Да к тому же у него было много всяких заданий по учебе и другие обязанности. Когда ему указывали на необходимость читать Святое Евангелие, он с радостью соглашался. Но всякий раз, когда наступало утро, он далеко обходил то место, где лежало Евангелие, и не мог взять его в руки, чтобы почитать и тем самым выполнить свое обещание. На вопрос, читал ли он Святое Евангелие, он снова обещал читать его каждый день. И так тянулось несколько месяцев. Наконец парень заставил себя читать Евангелие каждое утро. И что же? Уроки у него стали как-то лучше заучиваться, и на душе стало веселее и светлее, а главное, он горячо привязался к этому чтению, и благодатные струи

Евангелия питали его душу. А потом он и сам заговорил, как ему стало хорошо учиться, жить, как легко дышится и как ясно работает ум. Теперь ему кажется страшным его прошлое, когда он жил без слова Божия, с которым теперь он ни за что на свете не намерен расставаться.

Вот так многие из нас живут, молятся, трудятся, суетятся, а душа остается голодной, потому что не могут заставить себя регулярно читать слово Божие, которое является сокровищем из сокровищ. Святое Евангелие хорошо читать дома на свежую голову. Благоговейно прочитав главу, подумать, что особенно тронуло твою душу. Если в голове ничего не осталось, тогда рекомендуется прочесть эту же главу еще раз. В слове Божием всё важно, всё свято, но в нем есть места, которые близки именно твоей душе. А другие отрывки или главы могут тронуть душу другого человека, а тебя не тронут. «*Слово Божие живо и действенно...* — говорит святой апостол, — *оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные* (Евр. 4, 12). А самое-то главное, Слово Божие, как светильник, освещает путь нашей жизни, научает правильно поступать в тех или иных случаях, и, по примеру нашего возлюбленного Господа Спасителя, оно научает нас самоотверженно служить ближнему.

Два маленьких мальчика стали сиротками: у них умерли отец и мать, остался один дядя, который жил в другом городе. Малые детки, взяв с собой Святое Евангелие — всё, что осталось от родителей, — пошли к дяде. Город был неблизко, и отрокам пришлось ночевать в пути. В одном месте их пустил добрый хозяин, где они и переночевали. Ребятишки были голодные, они не ели целый день и даже больше. И вот хозяин, желая испытать их, сказал им: «Вот у вас имеется Евангелие, а есть вам совсем нечего. Продайте мне эту книгу, я вам хорошо за нее заплачу, у вас будет что поесть и во что одеться». — «С этой книгой, Святым Евангелием, — воскликнули в один голос малыши, — мы ни за что не расстанемся. Мы лучше будем

поможем немного», — предложила одна другой. «Ну что ты, Лена, запачкаемся да и опоздаем в больницу». И пошли они себе своей дорогой. А как бы ты поступил, мой дорогой друг, в этом случае? Для того чтобы послужить своему ближнему, надо непременно иметь еще одну добродетель — послушание. Служение и послушание — это две сестры, благоприятные Богу. И чтобы в вышеуказанных случаях находить правильное решение, надо иметь любовь к Господу Спасителю и быть послушным Его святому учению.

Сей есть Сын Мой возлюбленный, Того послушайте (Лк. 9, 35). Надо всей душой любить Святое Евангелие, а чтобы полюбить его, надо понуждать себя каждое Божие утро читать его, хотя бы по одной главе. Святое Евангелие есть основа жизни. Кто его любит и ежедневно читает, тот непременно полюбит Господа Иисуса Христа. А уже тогда Господь Иисус Христос Сам научит человека, как послужить своему ближнему. И сколько уж об этом говорим, сколько убеждаем — читайте, читайте слово Божие, но людям неохота, нет времени, не понимают его. Всё равно нужно читать, хотя бы по одной-две страницы в день.

Один студент Духовной школы не мог заставить себя каждое утро читать Святое Евангелие — так трудно ему было приучить себя к этому ежедневному занятию. Да к тому же у него было много всяких заданий по учебе и другие обязанности. Когда ему указывали на необходимость читать Святое Евангелие, он с радостью соглашался. Но всякий раз, когда наступало утро, он далеко обходил то место, где лежало Евангелие, и не мог взять его в руки, чтобы почитать и тем самым выполнить свое обещание. На вопрос, читал ли он Святое Евангелие, он снова обещал читать его каждый день. И так тянулось несколько месяцев. Наконец парень заставил себя читать Евангелие каждое утро. И что же? Уроки у него стали как-то лучше заучиваться, и на душе стало веселее и светлее, а главное, он горячо привязался к этому чтению, и благодатные струи

Евангелия питали его душу. А потом он и сам заговорил, как ему стало хорошо учиться, жить, как легко дышится и как ясно работает ум. Теперь ему кажется страшным его прошлое, когда он жил без слова Божия, с которым теперь он ни за что на свете не намерен расставаться.

Вот так многие из нас живут, молятся, трудятся, суетятся, а душа остается голодной, потому что не могут заставить себя регулярно читать слово Божие, которое является сокровищем из сокровищ. Святое Евангелие хорошо читать дома на свежую голову. Благоговейно прочитав главу, подумать, что особенно тронуло твою душу. Если в голове ничего не осталось, тогда рекомендуется прочесть эту же главу еще раз. В слове Божием всё важно, всё свято, но в нем есть места, которые близки именно твоей душе. А другие отрывки или главы могут тронуть душу другого человека, а тебя не тронут. «*Слово Божие живо и действенно...* — говорит святой апостол, — *оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные* (Евр. 4, 12). А самое-то главное, Слово Божие, как светильник, освещает путь нашей жизни, научает правильно поступать в тех или иных случаях, и, по примеру нашего возлюбленного Господа Спасителя, оно научает нас самоотверженно служить ближнему.

Два маленьких мальчика стали сиротками: у них умерли отец и мать, остался один дядя, который жил в другом городе. Малые детки, взяв с собой Святое Евангелие — всё, что осталось от родителей, — пошли к дяде. Город был неблизко, и отрокам пришлось ночевать в пути. В одном месте их пустил добрый хозяин, где они и переночевали. Ребятишки были голодные, они не ели целый день и даже больше. И вот хозяин, желая испытать их, сказал им: «Вот у вас имеется Евангелие, а есть вам совсем нечего. Продайте мне эту книгу, я вам хорошо за нее заплачу, у вас будет что поесть и во что одеться». — «С этой книгой, Святым Евангелием, — воскликнули в один голос малыши, — мы ни за что не расстанемся. Мы лучше будем

голодать еще несколько дней и ночевать под открытым небом, а Евангелие ни за что не продадим». Хозяин весьма удивился такому ответу. Накормив детей, он дал им на дорогу денег и отпустил с миром.

Как было бы хорошо и спасительно, если бы и мы с тобой, мой дорогой друг, дорожили Святым Евангелием больше, чем своей жизнью. А то смотрите: вон лежит оно на полочке или заперто в ящике. Будто и в хорошем месте находится, а пользы мало. Не читаем. «Нет, почему же? — возразите вы мне. — Я ежедневно читаю Святое Евангелие, даже очень люблю читать его». Прекрасно, мой милый друг, вы читаете Святое Евангелие очень часто, но хотелось бы, чтобы вы еще жили по Евангелию, чтобы научились служить ближним, как учит нас святое Евангелие. Ведь в этом наша задача, вся польза жизни и спасение. И удивительное дело, когда Господь наш Иисус ходил по земле и учил народ, то люди бросали всё: и лодки, и сети, отца, мать, и дом свой, и село, и город и спешили далеко в пустыню за Господом Спасителем, чтобы не пропустить из Его уст ни одного слова. И как мощно действовало это слово Христа Спасителя на этих людей. Оно, как таинство, перерождало душу, изменяло их жизнь: блудницу делало целомудренной, мытарей — честными, ленивых — ревностными, боязненных — бесстрашными. Но почему же теперь, сейчас слово Божие мало действует на нашу душу? Почему оно сегодня не преображает нашу жизнь, не меняет, не исцеляет, не освещает, не делает нас бесстрашными, ревностными к добрым делам? Может быть, за две тысячи лет оно потеряло свою силу? Или люди стали не те, что были раньше? *Слухом услышите, и не уразумеете; и глазами смотреть будете, и не увидите; ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат... и не обратятся, чтобы Я исцелил их* (Мф. 13, 14–15).

Так вот в чем беда-то. В нас самих причина того, что слово Божие стало малодейственно, потому что мы, люди двадцатого века, стали слишком горды, рассеянны, не-

внимательны, суетны, а главное-то, слишком учены. Ведь вот каждому человеку хочется подольше сохранить свою юность, молодость. И как много сейчас стариков, желающих вернуть свои юные дни. Так вот, есть книга, которая никогда не стареет, ни в какую эпоху. Святое Евангелие не только само остается вечно юным, но и дарит настоящую, светлую юность душам тех, кто его усердно читает и по нему живет. В тот страшный и ужасный час, когда небеса совьются, как свиток, море восшумит и возмутится и люди в страхе будут бегать туда и сюда, когда *начнут говорить горам: падите на нас! и холмам: покройте нас!* (Лк. 23, 30), то от лица Сидящего на престоле, по этой святой книге — Евангелию, будет совершаться великий Суд Божий над нами, над всем родом человеческим — живыми и мертвыми. Оно будет основным обвинительным и оправдательным судебным документом для всего человечества. Кто исполнил написанное — будет поставлен по правую сторону Судии, а кто не исполнил — по левую.

Да, Евангелие — основа жизни и основание для обвинения или оправдания на Суде. Не могу я дальше описывать эту невыразимо-потрясающую картину Страшного Суда. Члены цепенеют от ужаса, и где же тогда обрящемся мы с тобой, мой милый друг?

Основным обвинением и оправданием тогда будет не то, как мы молились или трудились, но как мы послужили другим...

...Я даже не знаю, читал ли когда отец Александр (Кумачев) Святое Евангелие. Было ли когда у него время для этого важного дела, уделял ли он в день хотя бы несколько минут для рассуждения над словом Божиим? Пожалуй, что нет. Да и когда ему было браться за книгу жизни? Может быть, в детстве, в юности он читал Святое Евангелие. Читал и усвоил его. А вот теперь, когда он находился в святой Лавре Преподобного, мы видели только одно, что он жил по Евангелию. Он служил братии день и ночь.

Да, монах Александр был в Лавре закупщиком, то есть он для братии закупал на рынке, в магазинах, в колхозах, в городах, селах всё необходимое для жизни. Он был как бы экономом, или, по-мирскому, заведующим хозяйством (завхозом). Ведь братии было около ста человек. Каждого надо было накормить, одеть, обуть, обогреть и прочее, и кто же будет заботиться обо всем этом? Ведь в монастыре у них нет ни отца, ни матери, ни жены, ни родственников. Они монахи. От всего мирского и суетного отреклись. Ну а кушать, одеваться-то им надо. Вот отец Александр о всех, как родная мать о своих детях, и заботился, не жалея ни сил, ни здоровья. И днем и ночью, летом и зимой, в дождь и в пургу он выходил из монастыря или выезжал на машине и добывал всё, что нужно для братии.

Это было необыкновенно тяжелое и сложное послушание, требующее многих сил, умения и расторопности. В святой Лавре отец Александр появился со дня ее открытия, то есть в 1945 году*. В то время он был молод и здоров. И как только его зачислили в число братии, так и получил он это послушание, которое нес в течение ряда лет беспрекословно, безропотно, неустанно. Если вы, мой друг, не знаете, не видели или уже забыли внешний облик отца Александра, то я вам, хотя бы в бледных красках, его нарисую.

Отец Александр был ниже среднего роста, телосложением немного полноват, но быстрый и энергичный. Лицо имел грубоватое и далеко не приветливое. Волосы на голове и борода рыжие. Он всегда спешил, пронзительно кричал или громко говорил. Голос у него был резкий. Одевался всегда в нечто на вид мешковатое и неопрятное. Словом, был непоседа-труженик, бесконечный работяга и беспрекословный послушник.

Да, послушник. Он только за два года до кончины принял монашество**, а то всё был послушником. Ведь вот вы-

* В 1946 году. — *Прим. ред.*
** В 1952 году. — *Прим. ред.*

падает же от Бога людям разная судьба. Иной — епископ, иной архимандрит, игумен, иеромонах, а этот — послушник, который должен слушаться всех и беспрекословно всё выполнять. Поистине пред Богом нет выше дела, как служение ближнему. Послужить, быть полезным другому — это благородно и в высшей степени спасительно.

Сам Господь показал нам верх самоотвержения. Он до конца исполнил послушание Небесному Отцу — принял добровольно яд наших преступлений, грехов, дал нам жизнь, а Сам умер на Кресте. К этому же идеалу послужить ближнему — стремился отец Александр. Если мы сказали, что с виду он был груб и неприветлив, а подчас даже суров и неблагодушен, то само дело служения ближнему делало его ангелом во плоти, человеком высокой жертвы, монахом абсолютного самоотречения.

Особенно трудно было отцу Александру справляться со своим послушанием в годы, когда везде и всюду ощущался недостаток самого необходимого. Тогда отец Александр буквально сбивался с ног, чтобы только раздобыть что-либо для братии. Государство старалось обеспечить прежде всего производственников — рабочих и служащих, а монахи подбирали, что останется. И хорошо, если что-либо оставалось. И это вполне правильно. За что вообще нас кормить и обеспечивать? С точки зрения государства мы настоящие трутни, живущие за счет других, не приносящие никакой пользы для общества. Монахи и одеваются как-то не по-человечески. Идет монах — не то мужчина, не то женщина, такое непонятное существо; а иной монах еще и нос задирает — на всех смотрит свысока, считая себя и правым, и красивым. А на трапезу придет — нос воротит: дай ему получше, да повкуснее, да побольше.

Вот о таких-то людях и заботился всей душой отец Александр. Если где на рынке или в магазине ему поначалу не отпускали просимое, то он всё это умел улаживать и так или иначе добивался своего.

«Рыжий, рыжий», — звали его молодые монахи, которые побойчее. Но отец Александр нисколько не обижался. Он и сам хорошо знал, что рыжее его и не сыщешь во всем свете. Его лицо расплывалось в широкой улыбке, и как ни в чем не бывало он мирно и весело беседовал с молодыми, которые так «вежливо» его величали.

Ведь вот бывает так в жизни. Иной человек и читает слово Божие, и ходит в храм не очень редко, и к людям будто бы относится по всем правилам христианской морали, а всё-таки жизнь свою духовную как следует не может наладить. Всё у него идет кувырком, всё как попало да как придется. Словом, нет настоящей духовной жизни, дыхания благодати в его душе. А иной человек совсем «ушел» в других. Он как будто совсем собой и не занимается, мало и молится, и в храм редко ходит, и книг божественных мало читает, а вот живет не собой, а другими, отдает им все свои силы и страдает о них. Они совсем ему и не родные и не близкие, а вот в них вся его жизнь. И физически, и духовно он о них болеет, о них переживает, о них заботится.

Вот такого рода человеком и был отец Александр. Всё его благочестие, вся молитва, все минуты жизни были посвящены как раз не себе, даже не своему духовному совершенствованию, а пользе ближних, заботе о них, об их здоровье, питании, одежде и прочем. И одним этим служением он восполнил в себе недостаток всех прочих добродетелей. Служение ближним заполнило всю его душу, взяло у него все силы, и... такой самоотверженный подвиг был Господом любовно принят.

Как уже было отмечено выше, за два года до кончины отца Александра постригли в монахи с этим же именем. Но монахом он был только по документам, да, может быть, числился у Бога таковым по делам, а внешне он так же, как и прежде, одевался в обычные свои мирские одежды. Иначе — в монашеском, он ничего бы не достал, а вызывал бы в городе только смех и раздражение.

О мой милый и дорогой друг, как нам с тобой еще многому надо учиться, чтобы спастись! Как бы нам со своим чисто внешним, наружным благочестием не попасть в разряд фарисеев, выделяющих себя среди прочих человеков. Языком мы часто говорим: «Я хуже всех человеков», а в глубине души своей услаждаемся своим целомудрием, своим молчанием, своими добрыми делами. О, какая эта незаметная, но страшная опасность, трясина, затянутая зеленой травой и цветами!

Руководствуясь Святым Евангелием как основой нашей духовной жизни, нам надо глубоко его понять, усвоить, вжиться в него. Вот поэтому-то, прежде чем взять Святое Евангелие в руки, надо помолиться Господу Иисусу, чтобы Он отверз наши душевные очи — да уразумеем Его Божественное слово, да коснется оно нашего холодного сердца и нашей спящей души.

Перед тем как в храме Божием диакон начинает читать Святое Евангелие, священник читает в алтаре тайную молитву такого содержания: «Возсияй в сердцах наших, Человеколюбче Владыко, Твоего богоразумия нетленный свет, и мысленныя наши отверзи очи, во еже разумети слово Твое; вложи в нас и страх блаженных Твоих заповедей, да, плотския похоти вся поправше, духовно поживем, вся ко благоугождению Твоему и мудрствующе, и деюще...» Как было бы хорошо каждому из нас выучить эту молитву и читать ее перед тем, как приняться за Евангелие дома. Ее можно читать и не священному лицу, а всем, кто искренне желает познать истину Христова учения и быть добрым христианином.

Ведь вот есть сектанты, которые называют себя евангелистами. Они день и ночь читают Евангелие, никогда не расстаются с ним. Все свои дела, слова, поступки обосновывают только на Евангелии. Но можно ли спастись без почитания Богоматери и святых, без храмов, таинств и священства, без постов и икон? Вот до чего доходят люди в своем ложном суемудрии.

Надо обязательно читать Святое Евангелие, но с великим смирением, и благоговением, и молитвой о Господнем вразумлении нашего грешного ума и сердца. Многие не читают Евангелие во время естественной нечистоты. Целыми неделями не читают слово Божие. А если женщина постоянно страдает кровотечением, тогда она обрекается на пожизненное оставление чтения слова Божия! Подобное положение на пользу только ленивым. Некоторые очень рады, что им нельзя читать Евангелие, и желают, чтобы это как можно дольше продолжалось. Это уже полная распущенность, леность первого разряда. В таком случае душа постепенно совсем оледенеет, зачахнет, огрубеет ко всему духовному. А чтобы этого не произошло, нужно читать Святое Евангелие и тогда, когда бывают подобные женские болезни, но уже читать с особым покаянным чувством, сокрушением, слезами. И таким образом развивать в своей душе трепетное осознание своего недостоинства, чувство покаяния и искреннее смирение.

Повторяю, что по прочтении главы Евангелия необходимо запомнить то место, тот стих или те слова, которые особенно тронули твою душу, которые вызвали слезы сокрушения, умиления. Это место следует еще раз прочитать, чтобы хорошо запомнить и не забывать в течение целого дня, повторяя в своем уме, памяти. Это последнее особенно важно и спасительно для нашей души: весь день душа будет, по выражению святых отцов, как корабль плавать в волнах благодати слова Божия и укрепляться в борьбе с искушениями и соблазнами мира сего.

Если кому приходится много ездить: в электричках, автобусах, поездах, трамваях — словом, быть на народе, тогда полезно выписать в записную книжечку один или два стиха из Евангелия, крепко выучить их на память, чтобы они не забылись на всю жизнь. И, поступая так каждый день, вы заучите очень многое из святого Евангелия и будете знать его почти наизусть. Мне очень хочется, чтобы эти практические советы были вами не только прочитаны, но и приняты

к сердцу, чтобы вы исполняли их на деле. Далее приведем несколько назидательных историй, большинство из которых связаны с кончиной монашествующих и мирян.

***

В одной маленькой, но содержательной книжечке рассказывается, как в ноябре 1849 года в лаврской больнице скончался старенький священник отец Андрей. Он жил в Лавре на покое по старости. Жил три года. За три дня до его смерти ему явился ангел Господень и предсказал день смерти. Отец Андрей после этого всё время ходил по келиям братий и просил у них прощения. Потом поисповедался, причастился Святых Таин, пособоровался елеем, всю ночь молился стоя, читал акафисты Господу Иисусу и Пречистой Его Матери. Он часто повторял одни и те же слова: «Се, Жених грядет в полунощи...» Поутру его хотели перевести в общую больницу, но он сказал, что его скоро обещают перевести в вечность. Так и случилось. Осеняя себя крестным знамением, он лег на свою постель, сложил на перси руки и отдал душу свою в руце Господу. И накануне бывшему у него послушнику он говорил: «О, какой прекрасный я сад вижу, какие чудные рощи и цветы». — «Да где же ты видишь?» — спрашивал послушник. «Да вот там», — указывал он на восток. «Да теперь еще ночь, что там можно видеть?» — удивлялся послушник. «А я вижу там день, да и какой светлый. О Господи, вижу там одного мне знакомого». А послушник ему свое: «Да тебе это мечтается, отче». — «Нет, — отвечает, — я не только вижу, но и зовут меня туда». Так и перешел старец в виденный им сад. Человек создан в саду и любит он сады, и в награду за труды Господь обещает ему сад.

***

В 1850 году в Лавре скончался иеродиакон Никодим — пономарь Троицкого собора. Был он малого роста, всё жаловался на одышку, но к службе ходил каждый день.

Второго января был он у вечерни, а уже утром нашли его в постели скончавшимся, в самом спокойном положении. В день его смерти один иеромонах пришел служить вечерню. Вошел в алтарь, надел мантию, епитрахиль и смотрит: Никодим стоит на своем пономарском месте. Иеромонах кланяется ему и спрашивает: «Все ли в добром здоровье?» Никодим отвечает: «Слава Богу, батюшка». Так, весело улыбаясь, говорил он. Иеромонах пред царскими вратами дал возглас и после «Отче наш» вошел в алтарь. Никодима там не оказалось, а стоял другой пономарь. «А где отец Никодим?» — спросил батюшка. «Он не приходил, — говорит послушник, — вот я на кафизмах пошлю разбудить его». — «Да он только здесь был». Но послушник утверждал обратное. Ну и правда, ни сторожа, ни свечник, ни солдаты — никто не видел ни входящим, ни исходящим отца Никодима. А когда на кафизмах пошли к нему в келию, то нашли его умершим и даже охладевшим. Так, видно, его душа по привычке и стремилась на свое пономарское место, оставив тело свое бездыханным.

***

В Лавре в те годы также скончался иеродиакон Варлаам. Накануне кончины его соборовали и причастили, а в два часа пополудни он почил о Господе. Был он в совершенной памяти, хотя слабо, но говорил до последней минуты. Велел дочери своей духовной, бывшей при нем, подать ему камилавку и прочую одежду давно приготовленную на смертное тело. Когда поднесли одежду, он сказал: «Одевайте, уже пришли за мной, отхожу при Преподобном Сергии» — и с этими словами скончался.

***

А в 1852 году скончался старец Иларий. Перед смертью он был как бы в забытьи и всё повторял множество имен. Его спросили: «Кого ты призываешь?» Отвечает: «Детей духовных к молитве за меня, ибо я умираю». — «Да

их здесь нет», — объясняют ему. «Их душам я говорю, они должны слышать». Когда его спрашивали, отвечал ясно, а когда молчали, то он читал молитвы и всматривался в нечто, видящееся ему, то руки поднимал кверху. «Кому ты молишься?» Отвечает: «Господу Саваофу». Через некоторое время опять его спросили: «Не стужают ли тебя, старец, противные силы?» — «Да, но мне нужды до них нет, я на них не смотрю, а взираю мысленно на распятие Господа Иисуса». Перед самым концом он стал вслух читать молитву «Отче наш», и когда сказал славословие: «Яко Твое есть Царство... Аминь», то вода (он был болен водяной болезнью) волной прилила к его гортани и прекратила его телесную жизнь. Любил петь и повторять слова: *Пою Богу моему, дондеже есмь* (Пс. 103, 33).

***

В 1863 году, 11 августа, в девять часов вечера был сильный гром, молния, выпал град не менее грецкого ореха. Тогда в Лавре разбилось много стекол — в келиях, храмах, у настоятеля. Настоятель читал у стола. Первая градина ударила в переплет рамы. Он подумал, что кто-то камень снизу бросил. Удар был очень сильный, и вслед посыпались градины и стекла на пол. Град шел едва ли более трех минут, а потом начался ливень. Настоятель успел рассмотреть нерастаявшую градину — треугольный осколок размером немногим более полувершка. В середине этого осколка был ясно изображен глаз, глаз открытый, зрачок темноватый. И так всё ясно и искусно запечатлелось, что можно было различить ресницы.

***

Монах Иона имел сына Косму, жившего послушником в Чудовом монастыре, а потом умершего в больнице. В пятницу, накануне Лазаревой субботы, около полуночи отец Иона встал поправить лампадочку у святых образов. Вдруг он видит, что дверь его келии отворилась и сын Косма вхо-

дит к нему в белой рубашке, а за ним два маленьких мальчика в светлых одеждах. Отец Иона, испугавшись, говорит: «Косма, зачем ты пришел? Не тронь меня, я тебя боюсь». — «Не бойся, батюшка, я тебе ничего не сделаю», — ответил ему Косма. Тогда отец поцеловался с ним по-монашески. Мальчики всё время стояли у дверей. Иона, всё еще в страхе, говорит им: «А вы, ребятишки, не уходите отсюда, не оставляйте его одного». Они ни слова не сказали и остались. Косма и отец вместе пошли в передний угол. Отец сел на стул, а сын подле него на пол. Отец говорит: «Каково тебе, Косма, там?» — «Слава Богу, батюшка, мне там хорошо». Отец говорит: «Чай, муки-то там какие?» Сын отвечает: «Ад разрушен». Но потом тяжко вздохнул и прибавил: «Только там река огненная, и редкий кто минет ее. А сколько в ней народу! Ужас, как много». Отец хотел еще спросить о реке, но сын встал поспешно и говорит: «Прости, батюшка, мне нужно навестить старца», но не сказал какого и пошел вместе с мальчиками вон из келии. Всё происходило наяву. А старец, к которому пошел Косма, был Аммоний. Он был крепкий, но в тот день скоропостижно скончался.

***

В одном добром семействе умер отец, которого все любили, особенно младшая дочь Люба. Она от переживаний даже заболела, у нее началась чахотка. Вся семья была в трауре по отцу, а больная неожиданно попросила венчальное убранство, омылась в ванне, оделась и послала за священником. Причастившись, она береглась, чтобы ничто не коснулось ее уст. Улыбающаяся, она просила читать отходные молитвы и во время чтения всё говорила с умершим отцом: «Папенька милый, папенька, подождите». С последним словом отходной молитвы улетела и ее ангельская душа. В тот же день далеко в Воронеже знакомый этой семьи архимандрит Симеон вдруг слышит голос, который говорит ему: «Вам в Екатеринославле надобно утешить скорбящих, а Любонька со мной. Но Вы

и нас не забывайте». Это говорил умерший отец Любы, который был знаком с архимандритом Симеоном. (Написал очевидец. Хотьково. 1845 год.)

Какая забота умерших о своих близких родных!

***

17 марта в Куряжском монастыре близ Харькова, во время обедни, при совершении Святых Даров, когда братия пели «Тебе поем, Тебе благословим...» — иеромонах Илиодор положил земной поклон и трижды воскликнул: «И молим Ти ся, и молим Ти ся, и молим Ти ся». И вдруг стал он глух и нем, но пребывал в необыкновенно умилительном состоянии духа. И когда через неделю после того он причастился Святых Даров, тотчас, по принятии их, прочитал громко благодарственные молитвы и рассказал, что когда он неделю назад положил земной поклон и взглянул на Святую Трапезу, то увидел на ней огонь, который, разгораясь, объял престол, алтарь и всю церковь, и всё сие сопровождалось пением ангельским: «И молим Ти ся, и молим Ти ся, и молим Ти ся...»

О, как это назидательно для всех нас! Бывая на литургии, мы присутствуем при сем Божественном пламени и при сем ангельском пении. Если кто с достойными чувствами стоит в церкви, то пламя сего Божественного огня объемлет его и пронизывает душу благодатным осенением.

***

В лаврской больнице в 1846 году жестокой нервной горячкой страдал рясофорный послушник Гавриил. Несколько дней он был без памяти. Думали, что он не перенесет болезни и умрет. В ночь на праздник преподобного Никона Гавриил видит, что душа его будто разделяется с телом и устремляется в какую-то бездну. Мысленно стал он просить преподобных Сергия и Никона о возвращении к жизни, чтобы исправиться для вечности. А лежал он всё время, как казалось другим, без памяти и движе-

ния. Вдруг Гавриил видит: двери как бы отворились, входят два светоносных мужа-старца, один с жезлом — в сем он уразумел Преподобного Сергия, а в другом — преподобного Никона. Преподобный Сергий, указывая жезлом на больного, говорит: «Помоги, преподобный Никон». Подошел и самим приближением исполнил сердце болящего неописуемой радостью. Больной приподнялся, перекрестился, и мужи стали невидимы. Больной скоро поправился, стал ходить, только слабость долго держалась.

***

Гефсиманский скит. 1846 год. Монах Феофан, канонарх скита, в эту ночь преставился Господу. Блаженной была его кончина. До последней минуты пребывал он в памяти и молитве. Часа за четыре до смерти произошло с ним как бы восхищение ума. Думали, что умер. Минут через пять снова стал дышать, говорил, что он видел такой свет, какому нет подобия ни в солнце, ни в чем. Кто бы ни увидел его, этот свет, всякий всё оставил бы и устремился бы к этому свету. «Я думал, — говорил монах Феофан, — что умру от восхищения». При нем был его отец, который читал ему акафист. На шестом икосе Феофан остановил его и сказал: «Тятенька, повороти меня». Тот взял его, чтобы повернуть, а он и дух испустил. Болящий страдал до слез от сухости в горле, но никак не соглашался пропустить хотя бы каплю воды до Причащения. Сам попросил прочесть себе отходную и, прощаясь с братией, говорил, что он здесь живет последние дни.

***

Лавра, 1848 год. В лаврской больнице умирал странник, больной чахоткой. В последние часы своей жизни он усердно молил Преподобного Сергия о предстательстве за него пред Господом и о помощи в страшную минуту разлучения души от тела. Больного в этот день приобщили Святых Таин. Это было к вечеру. Послушник, который служил в больнице,

дремал на постели рядом с больным. Вдруг, пробудившись, он увидел, как больной приподнялся и будто провожал кого-то. «Что с тобой, не хочешь ли испить?» — «Нет», — едва ответил тот, занятый смотрением на отходящего. «Да что с тобой? Скажи Бога ради». — «Умру скоро», — сказал больной. «Ну, мы тебя поминать будем», — сказал послушник. «Да, угодник Божий, Преподобный Сергий, сказал мне, что поминать будут». — «Да разве ты его видел?» — «Я молил всё его о неоставлении в час смерти моей души, и вот он сейчас стоял с несколькими монахами, и они вон туда пошли. Он еще сказал, что все странники, скончавшиеся в его обители и лаврских больницах, мужи и жены, все приняты им так же, как и братия его обители». Какое в этом утешение для нас с тобой, мой друг!

...Отец Александр, завхоз нашей святой обители, скончался совсем неожиданно. Крепкий, подвижный, всегда занятой, в нем не было и намека на скорую кончину. Но смерть не за горами, а за плечами — говорит народная пословица. Слово Божие учит: *Блюдите убо, како опасно ходите, не якоже немудри, но якоже премудри, искупующе время, яко дние лукави суть* (Еф. 5, 15–16). Отец Александр, как и прочие старцы, умер в лаврской больнице. Его поисповедали, причастили, и он мирно отошел к Богу. Братия жалели своего заботливого завхоза, горячо помолились, поплакали, погоревали, а потом и отнесли гроб, оклеенный белой бумагой и с крестиком на крышке, на новое кладбище, где покоятся другие из братии, усопшие раньше. Там была уже вырыта свежая могила, а земля, вынутая из глубины, лежала холмиком рядом. Этой свежей землей, суглинком, и готовились рабочие засыпать новый гроб отца Александра. По краям вырытой могилы разместились некоторые из братий. Стояли тут же и многие прихожане нашей Лавры: женщины, старушки, девушки, несколько монашенок — все они были молчаливы, сосредоточенны, строги, почти суровы. Иеромонах и братия отслужили по-

следнюю панихиду о почившем, и комья сутлинка с шумом посыпались на крышку гроба, что был там, внизу, в крепких объятиях родной матери сырой земли. «Земля еси и в землю отъидеши, аможе вси человецы пойдем»*.

Так похоронили отца Александра. На могилке сейчас стоит одинокий крест с надписью. Но мы не забыли нашего брата. Его имя, как и других умерших из братии, сразу было записано в лаврский заупокойный синодик. Но самое главное, что оно записано в наших сердцах, а навечно оно записано в книге жизни.

И ты, мой любезный читатель, запиши имя усопшего нашего брата отца Александра не только в свою помянную книжечку, но и в свое сердце.

Умер он. Дай Бог и нам с тобой умереть такой же тихой и благодатной смертью. Да не изгладится имя твое, брате наш, из наших сердец никогда. Вечная тебе память! Вечная тебе жизнь! Вечное тебе счастье!

ПРИСТАНИЩЕ ТИХОЕ

Иеромонах Ксенофонт
(Константин Николаевич Молокоедов)
(1884–1964)

> Притецем, людие, к тихому сему и доброму пристанищу.
>
> Кондак Божией Матери в честь иконы Ее Казанской, глас 8.

Какое отрадное чувство испытывает человек, когда он после ужасной ночной бури приближается на своей малой ладье к тихому берегу. Переживший минувшей

* Икос по 6-й песни канона из последования панихиды.

ночью страх за свою жизнь, он находит себе полное успокоение на твердой земле.

Недаром говорят, что земля — родная мать. Она успокаивает после пережитой морской бури, она укрывает воина на поле брани от вражией пули, она питает человека всю его жизнь, она объемлет его последние останки и упокоевает в своих недрах до великого дня воскресения. Земля — родная мать, но только для тела, для праха в земной жизни. Родной матерью в полном смысле слова для человека как разумного существа, созданного по образу вечного Бога, является небо с его светлым необъятным миром, миром горним, ангельским. Поэтому земля с ее удобствами, красотой, комфортом, всевозможной культурой — всё-таки мачеха, а небо с его горним миром, с совершенными формами жизни, вечным разумным строем, неумирающим личным бытием — родная мать.

Отражение вечного неба, прекрасного и совершенного, на земле — Святая Церковь Православная. Тихое пристанище от бури и непогоды, от напастей и скорбей, от болезни и даже смерти имеет человек в образе святых храмов Божиих, святых обителей, монастырей и даже тихого уголка маленькой комнатки (келейки), где кротко мерцает лампада пред святой иконой. Кто из нас не испытал тех дивных, неописуемых, благодатных мгновений, минут, а может быть, и часов, которые вкусила душа после душевной бури в тихом уголочке в благодатной молитве. И как жаль того человека, который не знает, не испытал этих утешительных минут под кровом тихого пристанища.

Земная жизнь человеческая, особенно наших дней летящего стремительно двадцатого века, полна неописуемых, невыразимых забот, тревог, суеты и увлечений. В юные годы молодому сердцу особенно хочется испытать все удовольствия, пережить их, вкусить, ими насытиться. Но потом вскоре появляются горькие плоды жизни. Цвет миновал, весна цветения прошла. Наступила более суровая полоса — знойное лето с его серьезными

жизненными проблемами. И вот тут-то, на этой стадии человеческой жизни, начинаются разочарования, сожаления о прошлом, ранее сделанном. И подчас это осмысление прошлого и трудность настоящего, поиск будущих путей выливаются в душевную бурю, сопровождаемую страданиями, от которых душа ищет глубокого успокоения. И вот здесь-то у человека возникает острая нужда в тихом пристанище.

Как трудно говорить о том, сколько прекрасных, разумных, драгоценных, измученных душ человеческих нашли себе вечные страдания в волнах разъяренной стихии жизни, опустились в пучину нравственной ночи. И все они, милые и бедные, не достигли тихого пристанища, не доплыли до желанной цели — благодатной, вечной жизни, но потерпели «кораблекрушение» в своем грандиозном, неповторимом плавании. И как хочется, чтобы этих «кораблекрушений» было меньше, как хочется, чтобы их не было совсем.

В далеком океане шел корабль. Он быстро рассекал темные волны, стремясь к своей цели. Но вот неожиданно налетел страшный шторм, небо среди дня почернело. Тяжелые, как свинец, тучи низко поплыли над водой. Волны рвались ввысь и падали стремглав в бездну. Небо и вода, казалось, слились воедино. Корабль, так гордо, так величественно ранее несшийся по океану, стал жалкой щепкой, которую бросало туда и сюда, обдавая солеными брызгами, заливая водой. Но вот страшный удар волны повернул корабль так, что он потерял всякое управление и, кренясь всё более и более на правый бок, стал захлебываться волнами. Не слышно было криков тонущих людей. Вой и свист ветра заглушали голоса людские. Отчаянный вопль, безумный смех, горячие слезы, жалобный плач детей, усиленная борьба экипажа с бурей, крики команды — всё поглощал шум ветра, а окутавший океан мрак скрыл страшную трагедию всей этой ужасной гибели. Спустя несколько минут на месте погибшего корабля

не было ничего. Но казалось, что волны здесь вздымались еще выше и ветер ревел с удвоенной силой. Катастрофа, кораблекрушение, гибель. Трудно представить картину страшнее этой. Но такое бывает. Бывает такое и в океане человеческой жизни, на просторах человеческих судеб. И надо сказать, что на этих просторах жизни «кораблекрушения» бывают куда более страшные, куда более трагичные! Я не знаю ничего страшнее, чем гибель человеческой души, ее катастрофа, хотя бы даже и одной души, как самой ценной сущности во всем творении.

...В один из весенних дней, когда уже солнце садилось за горизонт, в воротах святой обители появился мужичок. Видно было, что он шел по какому-то важному делу. Его внешний облик показывал в нем человека почтенного возраста. Сутуловатый, среднего роста, он шел мелкими шагами — ноги его как бы заплетались — к внутренним вратам святой обители. Это был Константин Николаевич Молокоедов, первоклассный специалист-позолотчик. В столичных и сельских приходах он слыл искусным мастером, украшавшим церковную утварь, иконостасы и иконы. По этой же церковной специальности он и был принят в братию Лавры Преподобного Сергия, где всегда требуется что-то подновить, подкрасить, подзолотить.

Константин Николаевич был человек исключительно высоких духовных дарований. Тихий, кроткий по нраву, уступчивый и мягкий по характеру, боголюбивый и религиозно настроенный, он сразу завоевал среди братии общее доверие. Его все полюбили — и начальство, и братия. Через некоторое время указом Святейшего Патриарха Алексия он был пострижен в мантию с именем Ксенофонт. С этой минуты Константина Николаевича не стало. На его место стал монах Ксенофонт, послушание которого было преимущественно в мастерской и храме. В храме его основным послушанием были: продажа свечей, просфор, запись на поминовение, сбор с тарелкой пожер-

твований. По мере необходимости он занимался и своим ремеслом — украшением храмов и утвари церковной. Но главным его занятием теперь являлось украшение души. Здесь он шел путем неуклонного монашеского подвига, внутреннего труда, молитвы, стояния, коленопреклонения. Как глубоко религиозный человек, достаточно образованный и целеустремленный, он прекрасно понимал необходимость новой жизни во Христе. Следуя наставлениям святых отцов, он избрал путь жизни чисто монашеский, отрешенный и подвижнический. Будучи золотых дел мастером, он теперь стремился украсить и озолотить свою душу и души окружающих его людей.

Я не смею вникать в сокровенную глубину души отца Ксенофонта, но по внешним его делам, поведению и словам могу засвидетельствовать, что он был человеком высокой духовной жизни и глубокого внутреннего опыта.

Как человека духовно зрелого, его вскоре посвятили в сан иеродиакона, но иеродиакон из него вышел не блестящий. Страдая склерозом, он с большим трудом усваивал порядок церковной службы. В ней он так много путался, что невозможно было перечесть его ошибок. Этому способствовала также его старческая рассеянность. Начиная говорить ектению, он никак не мог ее окончить. Сказанное прошение он повторял по нескольку раз. И потом, чувствуя, что говорит неладное, тушевался, еще больше нервничал, запутывался и начинал коверкать даже отдельные слова. И только, когда певчие наконец пели «Аминь», тогда братия и все молящиеся облегченно вздыхали. Хотя подобное случалось с ним довольно часто, но не вносило никакого беспорядка в церковную службу. Его внешний облик, старческая осанка, какая-то детская, даже младенческая, лепота придавали его служению особую неуловимую красоту и благодатность. И, слыша, как старец отец Ксенофонт неправильно говорит ектению или что-то он вышел совсем не из тех дверей, никто над ним не смеялся, но молились, как обычно, и даже с особым горячим подъемом.

Иеродиаконом отец Ксенофонт был очень недолго. Его посвятили во иеромонахи. Здесь он был на месте. Поисповедовать, дать совет, благословить, поговорить с кем-либо — всё это он теперь делал от души и с пользой для людей.

Жил он во втором корпусе, потом поселили его рядом со мной. Келия его монашеская была в беспорядке. Старенький, загруженный, к тому же и больной — ему некогда было заниматься внешней чистотой, внешним убранством жилища. Но зато его душа окрылялась, всё более и более крепла, украшалась и, видимо, готовилась к «великому полету».

Я вспоминаю, как часто отец Ксенофонт после трудового дня войдет, бывало, в мою келию, встанет в самых дверях, облокотится на косяк и начнет рассказывать что-либо из прошлого, а чаще о настоящем — минувшем дне. Пересказывал какой-нибудь эпизод, бывший со старушкой, или женщиной, или девушкой, которые в течение дня подходили к нему и говорили о своих скорбях. «Нуте-с, я сказал ей, что надо потерпеть, жизнь такая нагрянула», — говорил скороговорочкой отец Ксенофонт. И тема его разговора сводилась к народной жизни, к нравственному переживанию, к трудности спасения души. Было ясно, что он жил душой вместе с народом и что народная печаль была его душе родной и близкой. Иногда старец со слезами на глазах говорил о какой-нибудь девочке или обманутой девице. Говорил, вздыхая, отирая слезы рваным платочком, и всё повторял: «Нуте-с, что поделаешь, времена такие пришли, потерпеть надо».

Мы с ним жили очень дружно и благодатно, никогда не ругались, не злобились. И мне даже было иногда не по себе, когда отец Ксенофонт, старше меня по летам, хотя и младше по званию, чем-то иногда служил мне: или письмо с почты передаст, или записочку от кого, или какую передачку от знакомых принесет. «Нуте-с, вот, отец Тихон, тебе велели передать».

Тихая старческая простота в отношениях с отцом Ксенофонтом меня всегда глубоко трогала. Это был престарелый младенец с простой изящной душой и тихим благодатным нравом. Особенно же эти духовные качества проявились в старце, когда он начал болеть. У него на левой ноге появилась чернота, закупорка вен или, может быть, еще какая болезнь; сам батюшка отец Ксенофонт не знал, что это такое, даже врачи, которых призывали, и те не могли определить его болезнь. Но нога всё более и более чернела и, начиная от щиколотки и выше, делалась как уголь. Никогда не было слышно, чтобы отец Ксенофонт жаловался. Хотя он и прибегал к помощи докторов, пользовался выписанными мазями и всякими народными средствами, но более всего он возлагал надежду на Преподобного Сергия. Во все лекарства он прибавлял маслица и святой воды и ждал помощи больше от Бога, нежели от людей. Трудно судить, в какой мере небесный игумен помогал отцу Ксенофонту, но помогал, и это определенно. Бывало, призванный врач становился в тупик перед проявлением болезни и, выписывая рецепт, говорил старцу, чтобы он сидел дома, а еще лучше, если бы лежал в горизонтальном положении и не смел бы выходить на службу. Однако после молитвы и маслица старцу делалось так легко, что он невольно вскакивал, своей походочкой отправлялся на послушание и, как ребенок, радовался, что от болезни не осталось и следа. Но болезнь всё же прогрессировала. Я сам видел, что левая нога старца до самого колена была черна, как уголь, и тверда, как чугун. Не очень долго отец Ксенофонт пролежал в келии. Вначале предлагали поместить его в городскую больницу, но он отказался. А затем его перевели в лаврскую больницу, где он и завершил свой жизненный путь.

В Писании сказано: *Да не како ослабеют на пути* (Мф. 15, 32), и еще сказано: *И видев* (Иисус) *смоковницу издалеча, имущу листвие, прииде, аще убо что обрящет на ней* (Мк. 11, 13), и еще: *Да ничесоже возмут на путь* (Мк. 6, 8). Отец Ксенофонт заканчивал путь своей жиз-

ни. Его «смоковница» принесла обильные, добрые плоды для Господа и Божиих людей. Теперь пред ним открывался иной путь, ведущий в неведомые далекие края. И ничего он не мог взять в этот путь, кроме одних добрых дел, совершенных им здесь, на земле.

О мой дорогой и милый друг, задумывался ли ты когда над этим наиважнейшим вопросом: какова «смоковница» твоей жизни? Какие плоды она принесла — горькие, сладкие? Или ни тех, ни других? И что ты возьмешь в предстоящий тебе далекий путь? Что возьмешь с собой в дорогу?..

Старец часто горевал о тех забытых путях духовной жизни, которые так дороги были для него и которые могли бы быть спасительны для людей нашего времени. Особенно же он дорожил церковной жизнью, заветами Церкви, ее святыми уставами.

...*Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная* (Рим. 12, 2).

Мать всегда старается оберегать своих детей. Вот ребенок только что научился ходить. Он рвется вперед, ему всё интересно, всё ново, особенно если он отроду имеет дарования, способности, здоровье. Вот он увидел цветок, тянется к нему, хочет его сорвать. Мать удерживает его и говорит: «Дитя мое милое, колючими шипами, что в цветах, поранишь ручки и получишь заражение крови». Но ребенок рвется из рук матери, кричит... Вот он увидел красивую бабочку и бежит за ней по высокой траве. Мать знает, что на окраине луга овраг, и она бежит за младенцем, чтобы его удержать от гибели. А когда ребенок вырастет, то не хочет слушать свою мать, обижает, оскорбляет ее, считает ее отсталой, неразумной, некультурной, несовременной. Он думает, что далеко превзошел ее своими познаниями и развитием ума. Наконец он совсем отвергает мать и хочет жить независимо от нее, жить самостоятельно, счастливо. Но здесь-то он встречает то, что не предполагал...

Мать — это Церковь Христова. Юное дитя — современное поколение людей, которые говорят, что Церковь отстает от жизни, что она живет прошлым веком, что она не идет в ногу со временем, с народом, а надо жить проблемами современности. Правда ли это?

Наша Мать Святая Церковь Божия не отстает от жизни. Она охраняет жизнь и своих чад от неверных шагов, предостерегает их от опасных путей. Церковь имеет двухтысячелетний, и даже более, опыт, она не только не отстает от жизни, но своими пророчествами, предсказаниями святых книг идет далеко впереди всякого прогресса нового времени. Зная будущее народа, она охраняет молодые души, ретивых — от неверного пути. Но, когда выросшее дитя перестает ее слушать, она скорбит, плачет, молится и тихо говорит: «Чада мои милые, *не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего,* познавая, *что есть воля Божия,* святая, *совершенная*».

***

Царь-язычник спрашивал министра-христианина: «Зачем Бог христианский Сам сошел на землю? Он мог бы послать ангелов и спасти мир чрез них. Если ты мне на это не ответишь, я тебя казню». Министр попросил дать ему время на размышление. Затем он позвал к себе ваятеля и велел ему сделать куклу, похожую на дочку царя. Когда утром царь выехал на озеро покататься на лодке, то с ужасом увидел, что вроде бы его маленькая дочка упала в воду. Не раздумывая, он тотчас бросился в озеро, чтобы спасти «дочь свою». Но это была кукла. Министр спросил царя, почему он сам бросился в воду спасать дочь, а не послал кого-либо другого? Царь ответил: «Сердце отца может ли снести гибель своего дитяти?» — «Вот так и Бог, — заметил министр. — Он Сам сошел на землю, чтобы спасти нас, а не послал кого-либо другого».

***

В одном тибетском селении у горящего дерева собралась толпа людей. Люди поднимали свои лица кверху и напряженно смотрели. Там с отчаянным криком летала птица. Она время от времени спускалась к огню, но потом вновь поднималась с криком. На горящем дереве было гнездо с птенцами. Но вот огонь стал сильнее, дошел до гнезда. Все смотрели, что же будет дальше. Мать могла улететь, оставив птенчиков, но поступила иначе. Увидев, что огонь подступил к гнезду, она покрыла птенцов своими крыльями и... вместе с ними сгорела.

Так *пастырь добрый полагает жизнь свою за овец* своих (Ин. 10, 11).

***

Девушка была культурной и любила, чтобы у нее в комнате был идеальный порядок и чистота. Так она каждый день мыла пол, стены, снимала паутину с углов своей келии. Как она ее ни снимала, паук следом снова мастерил ее. Но девушка не уступала: она терпеливо убирала комнату. Однажды, смахивая паутину, она вспомнила про свое грешное сердце и сказала сокрушенно: «Господи, как я очищаю каждый день свою комнату от паутины, так и Ты, Милосердный, очисти от грехов мое сердце». — «Дитя мое, — услышала она ответный голос, — какая польза, что ты снимаешь каждый день паутину? Избавься от паука, и паутины не будет». Так и мы не избавляемся от греха до конца и беспощадно. И он снова загрязняет нашу душу и приносит всё новые и новые скорби, болезни, смерть. (Из прочитанного.)

***

Читая Святое Евангелие, скептик усомнился: «Что за книга такая, она не выдерживает здравой критики». — «Хорошо, — ответил ему другой, более рассудительный. — Посмотри на химика. Он, прежде чем выпить мо-

локо, подверг его научному анализу: разделил его на составные части — белок, воду и прочее. Молоко как таковое перестало существовать. Пить это и питаться этим можно ли? Рядом с ученым стоит девочка и пьет молоко без всякого анализа. Оно питает и дает ей жизнь и силы. Если вы хотите, чтобы Евангелие вас питало и давало вам абсолютную пользу, — сказал этот благоразумный муж скептику, — то поступайте так же, как эта девочка с молоком, и будете жить, и жить вечно».

...Отец Ксенофонт своей исключительной, безупречной добротой, тихим, детским нравом, верностью церковно-православным традициям достиг нужной святости в тихом пристанище — Лавре Преподобного Сергия. Он издавна стремился, как орел на горные вершины, в Лавру Сергия и здесь нашел успокоение и удовлетворение своим заветным желаниям.

И как всё-таки трогательно и поучительно наблюдать за неисповедимыми, спасительными путями Промысла Божия. Одинокий человек как блуждающий голубь залетел в ограду дома Святой Троицы. Здесь он прошел свой монашеский искус, облекся в ангельские одежды. Созрел, убелился, украсился, оперился и единым взмахом крыл воспарил в мир горний. И всё это на наших глазах, при нас, даже совсем близко, рядом с нами...

Вот сейчас около двенадцати ночи, сижу за своим столом в своей келии. За окном тихая августовская ночь. В келии также тихо и спокойно. Так и чудится: вот-вот откроется дверь и на пороге покажется старец с кротким, сияющим лицом, небольшой беленькой бородкой, в стоптанных келейных башмаках и скороговорочкой скажет: «Нуте-с, дорогой отец, как ты поживаешь?» Нет. Дверь остается закрытой... и не видно милого старичка на пороге моей келии. Не встанет он больше, как это было раньше, у дверного косяка и не заведет разговора о людских переживаниях, скорбях, невзгодах, трудностях, искушениях,

слезах — словом, о всем том великом, неизбежном, огромном, важном, не совсем объяснимом, чем только живет народная душа и чем жил вместе с ней отец Ксенофонт.

Его малый корабль, некогда носимый по бурным волнам грозного моря, нашел себе тихое пристанище у берегов святой обители Сергия Преподобного. Но старец, живя в святой обители, знал, что это всего лишь тихое пристанище. Это — не постоянное место обитания, а как бы тихая гавань, где успокаиваются временно пловцы, где они набираются новых сил для того, чтобы плыть дальше и дальше — в океан вечности. Ведь, как мы уже и раньше говорили, настоящее пристанище для души человека, пристанище абсолютно спокойное — это вечная жизнь, это небо с его вечной, незыблемой, блаженной тишиной и нерушимым счастьем.

Пристанище же в святых обителях и тишина в них относительные, или временные, непостоянные. Разве мы не видим, к примеру, теперь какая «тишина» в святых наших храмах, обителях, монастырях? Тишина, так сказать, условная. Буря жизни с необычайной силой врывается и в святые обители, за ограду церковную. Врывается, чтобы и там создать хаос, беспорядок смущений, недоразумений. Но тем не менее душа, обуреваемая волнами страстей, испытаниями жизни, находит здесь, в святых обителях, покой и утешение. Как островки среди безбрежного, волнующегося океана стоят они — святые обители, чтобы принимать изнуренных, измученных «пловцов». *И все прошли сквозь море* (1 Кор. 10, 1), — говорит святой апостол Павел.

Отец Ксенофонт, повторяю, знал, что настоящее тихое пристанище там, в заоблачных высях, там, в светлых небесных далях, где обитает Господь. В тихой обители Преподобного Сергия он сделал как бы остановку в своем плавании, чтобы, укрепившись, набравшись сил, двинуться дальше, выше, к пристанищу вечной тишины и вечного покоя.

О мой милый и дорогой читатель! Как же нам надо стремиться к тому, чтобы как можно чаще приставать к берегам тихой пристани. Для этого, может быть, и не надо ехать куда-то в далекую обитель, в далекие края, земли: теперь ведь и паломнические путешествия приносят немалую суету и расстройство души; а прямо дома, в уголочке (если он у тебя есть по особой милости Божией), в своем тихом уголке, в благодатной, слезной молитве пристань к тихой пристани хоть на полчасика, хоть на часочек, чтобы твои слабые силы отдохнули, чтобы душа твоя бедствующая укрепилась в благодатных струях молитвы. О, как это важно, как необходимо и полезно тебе и мне, моя милая и драгоценная душа!

А уж если у тебя нет тихого уголочка, нет пристанища, если и в доме, где ты живешь, — бесконечная сутолока, суета, немирствие, и тебе негде уединиться, тогда что же тебе, моя дорогая душа, что тебе посоветовать? Где тебе указать тихое пристанище, чтобы душа твоя, утомленная, охлажденная, отдышалась, согрелась. Пойди в храмик Божий, в святую обитель. Невозможно, говоришь? Тогда в любой парк, лесочек, где меньше людей, меньше бурной суеты, круговорота жизни.

Вот мне рассказывал один боголюбивый юноша, как он, служа в армии, во время войны с немцами не мог посетить храм Божий, не мог причаститься Святых Христовых Таин. Постоянная тревожная военная жизнь, опасности, грехи, переживания так вымотали его душу, что он даже не знал, что ему делать. Куда податься, с кем поделиться, куда свалить груз тяжести душевной? И вот он говорил, что единственно, что ему помогало, — это лес, парк, безлюдный пост. В свободную минутку душа его рвалась к тихому пристанищу, в тишину — в лес, парк, на озеро, на берег реки, — и там он, никем из людей не видимый, изливал пред Богом в обильных слезах свою тоску, тяжесть, тихую жалобу...

А после такой душевной бури как же ему было легко, как радостно, как милы были ему Божий свет, природа, все люди! И даже маленький комарик, букашечки, которые попадали ему под ноги, они радовали его, и он старался не наступить на них, чтобы только не задавить этих маленьких существ, которых в эту святую минуту становилось жаль. Ведь если Господь его, самого великого грешника, пожалел, простил, облегчил его душу и дал возможность ему жить дальше, то как же он не пожалеет малюсенькую букашечку, которая тоже ведь хочет жить.

Вот так и ты, мой милый, драгоценный друг, пользуйся самой малой возможностью. Господь ведь везде и всюду. *На всяком месте владычества Его* (Пс. 102, 22). Он везде примет твое покаяние, вздох, слезы. Даже, если бы ты закрылся глубоко под землей, и «тамо рука Владыки нашего и Господа»*.

И там Господь, и там Он видит тебя и согреет твою душу Своей любовью. Ох, какое же в этом счастье, какая радость и утешение для нас, христиан! Где бы мы ни оказались, куда бы нас судьба ни бросила, какие бы условия ни окружали нас: тайга, пустыня, горы, море, поля, звери, люди; в какое бы время: день, ночь, зима, лето, осень, весна и прочее, и прочее, — везде и всегда мы пред лицем Господним и Господь рядом с нами и даже в нас, в нашем сердце.

Вот мне из прочитанного вспоминается случай, бывший со святителем Василием Великим. Его за веру православную еретики преследовали и ненавидели. Император послал к нему своего видного сановника, дабы он склонил святителя Василия Великого к арианской вере. Сановник явился к святителю и стал его склонять на свою сторону Но служитель Божий не уступал ни на шаг. Он мягко, но решительно отстаивал правоту своего учения. Тогда са-

* Воскресная стихира на «Господи, воззвах», глас 6, на малой вечерне в 7-ю Неделю по Пасхе.

новник, не достигая цели, стал грозить святому, что если он не уступит, то будет сурово наказан. Святитель Христов нимало не смутился от этой угрозы, а только спокойно сказал: «Делайте со мной, что вам угодно, — я не боюсь. Если вы собираетесь конфисковать мое имущество, то у меня нет ничего, кроме этих трех книг; если вы хотите сослать меня на край света везде *Господня земля, и исполнение ея* (Пс. 23, 1), как говорит святой Давид. Ну а уж если вы убьете меня — *мне... еже жити, Христос, и еже умрети, приобретение* (Флп. 1, 21), как говорит святой апостол». Сановник, видя, что святителя ничем не запугаешь, весьма подивился его смелости и стойкости. Так и оставил его в покое.

Господь-то везде, мой милый друг. Он на всяком месте, где бы мы ни были: на заводе, на фабрике, в канцелярии, на поле, на море, в пути, во сне, в бодрствовании — везде, везде Он. И как это хорошо для нас, как утешительно. Только вот беда — мы не помним об этом, мы забываем эту отрадную истину. Поэтому и грешим, где только придется, унываем и трясемся от страха при малейшей неприятности.

О, если бы всегда помнили, что очи Господни на всех нас взирают и всегда и везде! Даже и тогда Господь отечески хранит нас, когда мы, как малые дети, спрятавшиеся от родителей, бедокурим и грешим. Он и это видит и терпит.

Наконец, тихое пристанище можно найти даже при отсутствии всех вышеуказанных возможностей — в святейшем имени нашего Господа Иисуса Христа. Этого уже никто не сможет отнять у нас, если мы сами этим не будем пренебрегать.

Вот находишься ты в дороге, где ни помолиться, ни перекреститься совершенно невозможно, всюду люди, насмешки, кощунство. Душа твоя мятется как бы на волнах. Вспомни имя Божие, скажи только два слова в уме своем или тихо устами: «Господи, помилуй», или «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий...», или «Матерь Божия, спаси нас»,

и ты, мой друг, разом почувствуешь, как бедная душа твоя входит в тихую пристань, как волны утихают, и тебе становится значительно легче и отраднее. *Именем Моим бесы ижденут*, — сказал Господь наш Иисус Христос (Мк. 16, 17).

Таким образом, тихое пристанище Господь наш может дать на всяком месте, во всякое время, при любых обстоятельствах. И мы с великой благодарностью Господу говорим, как всё-таки это хорошо, как прекрасно, как утешительно иметь тихое пристанище в Боге везде и всюду.

А ты, мой милый дружок, всё горюнишься, всё унываешь, да киснешь, как кислая капуста, да всё приговариваешь, ворочаешь в своем уме: «А что я буду делать, когда начнутся гонения и мучения за Господа? Или куда я пойду, если храмов не будет, что буду делать без духовного отца, если его отнимут у нас?» И многое-многое другое копошится в твоей голове, не давая покоя и лишая мира твою душу. *Призови Мя в день скорби* своея, *и изму тя, и прославиши Мя*, — говорит Господь (ср. Пс. 49, 15).

Итак, мой милый друг и собеседник, будем искать тихого пристанища везде, где бы мы ни оказались, куда бы нас судьба ни бросила, — в Боге. И, находя Его здесь, на земле, будем всегда помнить, что настоящее, истинное, самое надежное пристанище ожидает нас там, на небе, «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная»*.

Дорогой и милый мой батюшка отец Ксенофонт нашел себе пристанище тихое на земле в святой обители Преподобного Сергия. Он здесь отдохнул душой, укрепился силами, расправил свои крылья веры и, взмахнув ими, как орел могучими крыльями, понесся духом далее, к пристанищу небесному, где его встретил сам Сергий Преподобный.

Я не знаю подробностей смерти отца Ксенофонта. Как он умирал, как он прощался с братией, что он гово-

* Кондак по 6-й песни канона, глас 8, из последования панихиды.

рил под конец, какие видения открывались его духовному взору? Ничего я этого не знаю. Отец Ксенофонт умер зимой, в декабре. Были сильные морозы, и мы все сидели, закутавшись, в своих келиях. Но вот душа чувствует, что последнее его плавание (от земли к небу) было, хотя и трудное и опасное, но всё же благополучное и спасительное. Отчалив от земного пристанища тихого — обители Преподобного Сергия, он достиг пристанища вечного, блаженного, никогда не обуреваемого, которого я и тебе, моя милая душа, желаю всем сердцем наследовать от Бога нашего. Ему же слава и держава во веки веков.

Гори, лампада!.. Озаряй
Святых икон киот отрадный
И слабый свет свой проливай
В приют печали жизни хладной...

На могилке отца

Под раскидистою ивой,
На густой траве, в тени,
Собралися и тихонько
Разместилися они.

Видно, тяжка жизни доля
Привела их всех к отцу,
Чтобы выплакать на воле
Слезы горечи Творцу.

Чу!.. Завеял тихий шепот:
«Детки милые, всегда
Будьте кроткими, какими
Вы теперь пришли сюда!

И не ссорьтесь, не ленитесь,
Не завидуйте, злобясь.
Я отец ваш, а вы, детки,
С горя все пришли сюда.

Но не плачьте, не горюйте:
Вы сиротки не всегда.
Близок час, пройдет разлука,
Соединимся навсегда».

Шепот стих. Умчался ветер.
Детки вспрянули душой.
Утирая сладки слезы,
Тихо двинулись домой...

РАДОСТЬ ВОСКРЕСЕНИЯ

Иеромонах Антоний
(Алексей Васильевич Бурдин)
(1873–1965)

Его нет здесь — Он воскрес.
Мф. 28, 6

Трудно найти во всей вселенной более светлую, более радостную тему, чем тема воскресения. Весь мир, вся природа и люди лелеют сознательно или подсознательно эту смелую, желанную для всех мысль. Ведь как всем хочется жить! Самой крошечной букашечке, маленькой мошке, бабочке, тем более разумному, мыслящему человеку как же хочется жить, творить, создавать! Не отсюда ли то, что в каждом живом организме живет чувство страха перед смертью — концом своего существования. Правда, в наши дни бывает и другое желание у людей, особенно у тех, кто уже, хотя и в молодых летах, но успел себя «изжить», то есть потерял смысл жизни и ищет себе насильственной смерти.

Подобный кризис возникает у людей, в большинстве своем не ведающих Бога, особенно у потерпевших какое-либо жизненное крушение, неудачу. Но что значат земные неудачи для верующего человека? Он глубоко убежден, что другая жизнь, жизнь по воскресении, сторицей возместит ему эти неудачи, эти скорби земного бытия.

Сколько же истинного счастья таится в мысли о воскресении! Недаром праздник Святой Пасхи для людей верующих приносит какое-то особое таинственное чувство радости, а для неверующих — чувство страха, недоумения, а для иных и озлобления. Последнее возникает у людей, сознательно отошедших на сторону диавола. У них, как и у сатаны, праздник Святой Пасхи, праздник Светлого Воскресения, невольно разжигает ненависть, зависть, злобу, так как это воскресение не для них. Они сами не хотят его, не допускают в мыслях, ибо воскресение из мертвых обречет их на вечные страдания и муку.

«Нет никакого воскресения, — говорят они, — это фантазия, это обман чувств. Да и как может человек восстать из мертвых, если, допустим, его съели волки, или разнесло бомбой на мелкие кусочки, или он утонул в воде, и там его растерзали хищные рыбы, или он совсем дотла сгорел в огне, или его сожгли в крематории? Ну как он воскреснет, когда и воскресать-то нечему? Зачем себя обманывать, зачем воображать невозможное?»

А ведь и верно. Трудно поверить, что человек воскреснет, что он снова будет жить. Трудно! Тем более человеку двадцатого века. А как жаль тех людей, которые не знают Писания. Или знают его, но не доверяют ему. Не верят написанному в нем.

Была на мне рука Господа... и поставил меня среди поля, и оно было полно костей... И сказал мне: «Сын человеческий! Оживут ли кости сии?» Я сказал: «Господи Боже! Ты знаешь это». И сказал мне: «Изреки пророчество на кости сии и скажи им: “Кости сухие! Слушайте слово Господне!” Так говорит Господь Бог костям сим: “Вот, Я введу дух

в вас, и оживете. И обложу вас жилами, и выращу на вас плоть... и узнаете, что Я Господь"».

Я изрек пророчество... — говорит святой пророк Иезекииль, — *и когда я пророчествовал, произошел шум, и вот движение, и стали сближаться кости, кость с костью. И видел я: и вот, жилы были на них, и плоть выросла, и кожа покрыла их сверху, а духа не было в них. Тогда сказал Он мне: «Изреки пророчество духу... и скажи духу: "Так говорит Господь Бог: от четырех ветров приди, дух, и дохни на этих убитых, и они оживут"». ...Они ожили, и стали на ноги свои — весьма, весьма великое полчище* (ср. Иез. 37, 1, 3–10). Какая дивная и грандиозная картина! Может ли быть другая, подобная ей? Это образ всеобщего воскресения мертвых, всех людей, народов, поколений.

Эта паремия из Книги пророка Иезекииля читается в Великую Субботу пред святой плащаницей Господа нашего Иисуса Христа, когда Он, замученный, убитый, окровавленный, лежит во гробе, и, кажется, уже никакая сила не сможет поднять Его. Но вот проходит три дня и три ночи, и Он в ярком сиянии Божественного света восстает из мертвых. Воскрес! Воскрес! Воскрес! Христос воскрес из мертвых! Своей смертью победил смерть!..

И, подтверждая эту великую истину, каждый год, каждое недельное воскресенье Церковь Божия, мы, священники, как свидетели Христовы, все верующие снова говорим всему миру: «Да, Христос воистину воскрес!» И наше сердце подтверждает это опытно. Оно чувствует это, живет этим. А если Христос наш Спаситель воскрес, то и мы воскреснем из мертвых, и мы не останемся лежать в холодной могиле.

Святой апостол Павел в своих великих скорбях оживлял свой дух и укреплялся именно этой истиной, что и мы воскреснем силой Христовой. *Если Христос не воскрес,* — говорит он, — *то вера* наша *тщетна* (ср. 1 Кор. 15, 17). *Но Христос воскрес из мертвых,* — повторяет он, — *первенец из умерших* (1 Кор. 15, 20), то есть Он первый воскрес, а затем и мы все воскреснем по вере в Него.

Мне пришлось пережить одну ужасную болезнь, которая привела меня буквально к вратам смерти. И вот милостию Божией, за молитвы близких я поправился. Буквально воскрес из мертвых. Какое же сложное чувство испытало мое сердце, когда я вновь вернулся к жизни! Нет! Его невозможно передать ни на бумаге, ни словами. Только переживший опытно подобное состояние может понять это. Я не умирал, а только близок был к этому, только видел как бы смерть рядом, но не умирал. И вот вдруг снова жизнь, полная, такая юная жизнь под сияющими лучами солнца...

А то из мертвых восстать! Совсем умереть, возможно, даже быть до косточек сожженным, растерзанным на кусочки, съеденным и переваренным в кишках какого-либо зверя, а потом извергнутым в кале, и вдруг снова стать человеком? Возможно ли это? «Да вы что, в уме ли, коль утверждаете такие вещи?» — говорят вам скептики.

Я ясно представляю ужасающее, почти катастрофическое настроение книжников, и особенно саддукеев, которые отрицали воскресение мертвых, в момент воскрешения Спасителем четверодневного Лазаря (см. Ин. 11, 17–48). Кто может описать их состояние? Они во всеуслышание утверждали, что воскресения нет, его быть не может. И вдруг видят собственными глазами, как Лазарь, уже четыре дня бывший в гробе, уже разложившийся, выходит живым по слову Христа Спасителя. Какое крушение, недоумение, невыразимый страх испытали тогда эти ученые саддукеи!

Трудная эта истина, чтобы поверить в нее, и даже очень трудная, но она правдоподобна, она нужна нам, она отрадна. Христос воскрес, и мы воскреснем! И какая это радость, радость воскресения!

Однако воскресение будет для многих не к радости, а к горю. Горе воскресения. О Боже наш милостивый! Да не будет этого ни с кем!.. Воскреснуть, и потом вечно мучиться, страдать!.. Нет! Но это будет, и будет непремен-

но! Вот поэтому Церковь Божия, особенно теперь, не перестает твердить о воскресении, когда вера в эту истину угасает в сердцах чад Божиих. Церковь, хотя и сама терпит бедствия, но не перестает говорить, особенно в дни Светлой Пасхи, да и в каждое воскресенье: «Приидите, вси вернии, поклонимся святому Христову Воскресению...»*.

Да, воскресение из мертвых величайшее чудо, из ряда вон выходящее. И, конечно, человек, не просвещенный верой, не знающий Писания (а сколько в наши дни таких, особенно из молодого поколения, которые и в руках не держали Евангелия), может ли принять своим умом эту великую истину? Он вообще не в силах поверить в какое-либо чудо, как, например, вот в такое.

***

Н. Аксакова** описывает следующий случай. «К преподобному Серафиму приехал Проскудин. “Проститься хочет старый друг, отец мой духовный”, — сказал Проскудин. “Идите за мной и вы все”, — ответил преподобный Серафим. Дверь келии беззвучно и медленно отворилась... Неслышными шагами старец вышел в сени и подошел к гробу, который уже десятки лет стоял на двух поперечных скамьях. Бледно было бескровное лицо отца Серафима, глаза смотрели куда-то вдаль, как будто вглядываясь во что-то невидимое. В руке его дрожало пламя поверх пучка зажженных восковых свечей. Налепив четыре свечки на углах гроба, он поманил к себе Проскудина и затем пристально и грустно взглянул ему в глаза. Перекрестив дубовый гроб широким пастырским крестом, он глухо, но торжественно проговорил: “В Покров...” Слово старца всеми, также и самим Проскудиным, было принято как предсказание его кон-

* Воскресная песнь по Евангелии, глас 6.

** *Н. Аксакова.* Отшельник первой четверти XIX столетия и паломники его времени. Из детских воспоминаний о прп. Серафиме Саровском. Вилька, 1903. С. 20–25. — *Прим. ред.*

чины. Под потрясающим впечатлением этого предсказания мы покинули Саровскую обитель.

Наступил праздник Покрова Пресвятой Богородицы... Проскудин в этот день причастился Святых Христовых Таин. Вся знать города приехала, чтобы его поздравить». Далее читаем: «И мы с няней пошли к дому Проскудина. На колокольне ближней церкви пробило два часа дня... На балкон дома вышел врач Лендегрин. “Как наш Проскудин?” — спросила его моя няня. “Что ваш Проскудин? — ответил доктор. — Он здоровее всех нас и, вероятно, проживет до ста лет. Сейчас он прохаживается по своим кабинетам бодрым шагом, угощая своих гостей и рассказывая им о делах Спасителя на земле... Извольте после этого верить предсказанию!” И доктор после этих слов ушел обратно за стеклянную дверь. На колокольне пробило половину третьего. Вдруг стеклянная дверь распахнулась, и сбежал по ступенькам бледный как смерть лакей, он кричал: “Умирает!” Послали за духовником. Но, как ни близка была церковь и как не спешил отец Павел, всё же ему пришлось дочитать отходную над холодеющим трупом... Врачи не обнаружили в скончавшемся никакой болезни и не отыскали никаких признаков приближающейся смерти». Это — чудо предсказания смерти.

***

А вот чудо исцеления, почти воскрешения из мертвых. В сентябре 1831 года прибыл к преподобному Серафиму Мотовилов, страдавший более трех лет мучительными ревматическими болями и совершенно расслабленный. Пять человек принесли его к преподобному. Отец Серафим отказался помочь больному, заявляя, что он не доктор. Но когда Мотовилов подробно описал ему свои бедствия и выразил надежду только на милость Божию, старец спросил: «А веруешь ли ты в Господа Иисуса Христа, что Он есть Богочеловек, и в Пречистую Его Матерь, что Она есть Приснодева?» — «Верую». — «А веруешь ли, что,

как прежде Господь исцелял мгновенно, Он может исцелить по-прежнему требующих у Него помощи?» Больной отвечал, что он всей душой, всем сердцем верует этому, иначе не велел бы везти себя к старцу... «А если веруешь, — сказал преподобный, — то ты уже здоров». За плечи приподнял он больного от земли и поставил на ноги. Со светлым радостным взором повел его по траве... Мотовилов возвратился домой совершенно здоровым.

***

«Ах, брат Владимир, — сказал преподобный Серафим Владимиру Островскому, — какой же ты будешь пьяница. Впрочем, ты не смущайся и не будь печален, Господь попускает иногда усердным к Нему людям впадать в тяжкие, ужасные пороки, и это для того, чтобы они не впали в еще больший грех — высокоумия. Искушение твое пройдет по милости Божией, и Ты смиренно будешь проводить остальные дни своей жизни, только не забывай своего греха». Предсказание сбылось. Островский после смерти любимой жены спился, но в конце жизни прекратил пить, покаялся и окончил жизнь добрым христианином.

***

«Сам спасайся и брата своего спасай, — говорил отец Серафим одному послушнику Глинской пустыни. — Помнишь ли житие Иоанникия Великого? Странствуя по горам и стремнинам, он нечаянно уронил из рук жезл свой, который упал в пропасть. Жезл нельзя было достать, а без него святой не мог идти дальше. В глубокой скорби он возопил ко Господу Богу, и ангел Господень невидимо вручил ему новый жезл. Трудно управлять душами человеческими, но среди всех твоих напастей, скорбей в управлении братией ангел Господень непрестанно при тебе будет до скончания жизни твоей». Послушник этот принял монашество, а через 27 лет стал

архимандритом, настоятелем монастыря, пастырем душ человеческих.

***

«Батюшка, я умоляю вас, — говорил преподобному Серафиму иеромонах Антоний из Высокогорской пустыни, — скажите мне прямо, мысли мои о смерти не служат ли от Бога указанием на близкую кончину мою?.. Сижу ли я, выйду ли на двор обители, мне представляется, что я вижу обитель в последний раз. Из этого я заключаю, что скоро умру, потому и указал уже место моей могилы. Желаю знать о своей смерти единственно для изменения моей жизни, чтобы, отказавшись от должности, посвятить остальные дни мои безмолвному молчанию».

Но преподобный Серафим с ангельской улыбкой ответил: «Неверны твои мысли, я вот говорю тебе, что Промысл Божий вверяет тебе Лавру обширную, и прошу тебя милостивно принимать из Сарова братию, которая придет туда помолиться. Не оставь сирот моих, когда дойдет до тебя время; поминай моих родителей Исидора и Агафию и во всем покоряйся воле Божией. Будь прилежен к молитве и строго исполняй свои обязанности». Через два года иеромонах Антоний был назначен наместником Троице-Сергиевой Лавры.

***

Преподобный говорил: «Настоятель, яко пастырь словесных овец, должен иметь дар рассуждения, дабы во всяком случае мог подавать полезные советы каждому требующему его наставления, ибо, как говорит Петр Дамасский: “Несть всякий человек верен дати совет ищущим, но кто от Бога прием дар рассуждения и от многого пребывания в подвижничестве стяжа ум прозрителен”. Настоятель должен иметь дар проницательности, дабы из соображения вещей настоящих и прошедших он мог бы предусмотреть и будущее и проразумевать

козни вражии». Поистине *дивен Бог во святых Своих, Бог Израилев* (Пс. 67, 36).

***

К Преподобному Сергию Радонежскому крестьянин принес умершего мальчика, а сам пошел за гробиком. Возвращаясь, он увидел сына, бежавшего к нему навстречу, живым и здоровым... Как это всё объяснить? Да никак, а просто поверить в силу Божию и покориться живому Богу, Который и теперь творит чудеса.

...Иеромонах Антоний (Бурдин) прибыл в святую Лавру Преподобного Сергия примерно в 1947 году. Будучи от рождения не совсем здоровым, он и здесь часто страдал многими немощами телесными. Его внешний вид всегда вызывал сострадание и сожаление у братии. Ниже среднего роста, сутуленький, хроменький, с реденькими белыми волосами на голове и бороде, он был действительно какой-то странный и особый, не как все иноки обители. Помню, начальство поместило его в маленькую каморку-келию в подвале второго корпуса. Это была не то келия, не то какой-то ящик с одним маленьким окном, которое никогда не открывалось. Представляю сейчас, как мы однажды пришли к отцу Антонию проверить порядок в его келии. Он нас встретил обычным монашеским приветствием. На наше неудовлетворение в связи с плохим состоянием его жилища он спокойно и кротко ответил: «Душу я свою стараюсь очищать, да никак всё недочищу, а уж до этой келии черед не доходит». Мы заметили старцу, что в условиях общежития монашеского надо хотя бы ради братий, рядом с тобой живущих, соблюдать чистоту. Тем более что и святые отцы говорят: «Где чистая душа, там чистая и келия, а где она грязная, там и келия такая же». Старец сказал нечто не совсем понятное на наше «нравоучение» и обещал постараться привести свою келию в надлежащий порядок.

Но это обещание ему выполнить так и не удалось. У него заболели сильно ноги, да так, что он не мог совсем ходить и несколько недель подряд лежал на своей койке. Пищу ему носили из братской трапезы, хотя он и ел-то как малый ребенок.

Только-только начав вставать, он пошел было в храм помолиться — соскучился по храму. Дело было ранней зимой. Выпал снег, а потом сразу всё растаяло. Пошел дождик вдобавок, а утром-то мороз ударил. На дворе кругом был лед. Отец Антоний и пошел в такую погоду в храм своими больными ногами. Вот он шел, всё опирался на свою сучковатую палку, всё выбирал, где пошершавее лед, чтобы не упасть. Но продвигался он весьма медленно, да и помочь-то ему было затруднительно: он всех отгонял от себя. «Я сам, смотри, чтобы тебе самому не поехать», — говорил он брату, который хотел его поддержать. Но как ни старался отец Антоний идти сам, ноги его разъезжались в разные стороны, одна туда, другая сюда. Да у него и какие-то особые валенки были, что способствовали его ногам «катиться» в разные стороны. Подошвы у них были гладкие и подмороженные. Но всё-таки отец Антоний продвигался мало-мальски, лавируя руками и в нужный момент опираясь на свою палку. Однако в одном месте дорожка была так гладка и скользка, что невозможно было на ней не упасть. Старец, тихонечко двигая ногами, вдруг поскользнулся, взмахнул обеими руками. Палка-посох далеко улетела в сторону. Не издав никакого звука, он резко упал на мерзлую землю и сломал ногу. Встать он уже не мог. Корчась от невыносимой боли, он катался по земле. Подбежали иноки, взяли его кто за что: кто за руки, кто за ноги, кто за голову, подобрали разлетевшиеся в разные стороны валенки и понесли старца в его келию. Более полугода отец Антоний лежал в гипсе. Но кость не срасталась. Доктора приказывали старцу лежать и дальше. Пролежав, кажется, еще месяца три, отец Антоний почувствовал,

что ему стало лучше, показалось, что он вполне может, как и другие, ходить и сидеть и даже делать что-нибудь. И вот он решил сам освободиться от своего невольного заключения.

Однажды утром ему принесли чай. Каково же было удивление пришедшего брата, когда он увидел, что вся келия старца, весь пол, койка, табуретка, одежда — всё покрыто белой мукой. Да и пыль какая-то в виде тумана плавала по всей келии. Брат, конечно, пришел в большое недоумение от этого видения. Но его еще более удивило то, что он увидел старца не лежащим, как раньше на своей койке, а сидящим и чуть лукаво улыбающимся своими маленькими светлыми глазами. «Отец Антоний, что это у тебя делается?» — с нескрываемым недоумением воскликнул пришедший. «О, да совсем ничего, брат. У меня здесь всё в порядке, как видишь». И старец при этом показал на свою больную ногу. Брат увидел, что гипс, который окутывал ногу отца Антония, распилен на две половинки. Старец, желая освободиться от него, всю ночь распиливал его ниткой, отчего вся келия, все предметы, вещи покрылись белой гипсовой пылью. Но свобода отца Антония продолжалась совсем недолго. Нагрянули врачи, начальство, и так как кость ноги еще не срослась, то снова старца замуровали в гипс и уложили на койку. Недвижимо находясь в лежачем положении, отец Антоний был занят богомыслием и Иисусовой молитвой. Это было его утешением и отрадой. Навещать его почти никто не приходил, кроме приносящего пищу. Братья, как обычно, были сильно заняты своими послушаниями. Но старец никогда не обижался. Он всё время пребывал в благодушном настроении. Бывало и такое, что ему забывали приносить еду. Отец Антоний лежал себе на спине, и казалось, что ему ничего уже земного и не надо. Питаясь духом Божиим, он всё время беседовал с Господом и Его святыми ангелами и даже не замечал, если кто к нему входил в келию.

Много, очень много пролежал отец Антоний со своей сломанной ногой. Потом немного поправился. Однако общее состояние его здоровья было весьма плохое. Хотя теперь гипс с него сняли, но ходить ему совсем было трудно. Ноги не слушались. Они не шагали, когда надо было идти в церковь. В пище у него совсем почти не было потребности. Он очень мало кушал, мало пил, мало спал. Лежал ночью с открытыми глазами и шептал молитву.

Отца Антония решили перевести в лаврскую больницу. Он было запротестовал, но, когда братия пришли к нему с носилками, старец спокойно дал себя положить и таким путем перекочевал в больницу. Вещей у него почти никаких не было, кроме старых ряс и рваных подрясников. Однако когда после него стали чистить келию, то нашли нечто под старым стенным ковром, что висел над койкой отца Антония... Это были клопы. Нет, это было море клопов! Братия пришли в невыразимый ужас, когда, отвернув угол ковра, увидели толстый слой клопов, покрывших собой буквально всю стену. Сначала они соображали, что же им делать с этим наследием старца? Но, когда заметили, что клопы приходят в движение, один из предприимчивых иноков скатал осторожно ковер на внутреннюю сторону и с этим грузом мигом оказался на кухне, где ярко пылала большая печка... Потом многие недоумевали, как же отец Антоний мог лежать столько времени возле стены, которая буквально кишела клопами.

Да, видимо, в наши времена тоже есть мученики и даже великомученики, которых мир совсем не знает и которых он совсем недостоин... Так вот и рядом с тобой, мой милый друг, мало ли неведомых мучеников, которых ни ты, ни другой кто совсем и не замечает. Тем более что, уткнувшись в самих себя, в свое благополучие или даже занимаясь мыслями о спасении своей души, мы совсем не видим того страдания, того горя, того мученичества,

которое претерпевают наши ближние возле нас, на наших глазах... А нам следовало бы

И думы дня,
И думы ночи
Христовой правде посвящать...

Отец Антоний сознательно отдавал свое бренное тело на съедение клопам. В мучительной боли и зуде он думал, видимо, о будущем воскресении из мертвых, когда обескровленное, измученное тело вновь оживится силой Христовой, когда всемогущий Господь воздаст каждому по делам его. Радость о воскресении воодушевляла старца и тогда, когда он доживал последние дни в лаврской больнице. Он жил только одной надеждой. Жил... Но что это была за жизнь? Это была свечечка, дотлевающая, догорающая дотла, до конца. Когда приходилось бывать в лаврской больнице, то всегда можно было видеть маленький комочек на одной из коек. Этот комочек неподвижно лежал по нескольку часов. Казалось, что это свернутое одеяло и только. Но то был живой человек — отец Антоний, доживавший свои последние дни. Он почти уже ни с кем не разговаривал и не открывал глаза: весь ушел в зрение иного мира, и всё здешнее потеряло для него всякую силу. И вот так несколько месяцев жизни — дозревания, доспевания, оперения. И если его чудом не съели клопы, то постепенно его добирала смерть...

Старца часто причащали Святых Христовых Таин, готовили его душу к небесному взлету, к прохождению страшных мытарств. Готовили, и сам он готовился к этому. Как вечерняя заря тихо догорает на горизонте, так незаметно угасла жизнь отца Антония. Когда отец благочинный за трапезой объявил, что умер отец Антоний, то сразу всем стало ясно, что еще один «окрыленный сизый голубь» стрелой поднялся на небо...

Похоронили. За трапезой помянули, кое-кто всплакнул, кое-кто задумался. И сейчас «над могилкой одино-

кой веет тихий ветерок...» Но и не только ветерок. Луч радости воскресения всегда согревает одинокий холмик отца Антония. Распалось его многотрудное тело на свои составные части, приняла их матушка-земля в свои крепкие объятия. Но дух старца? На какую высь воспарил он? В какие светлые обители вселился он?..

Бывает он иногда и здесь, в родной ему святой обители. А когда настанет великий час всеобщего воскресения людей, дух отца Антония еще раз придет сюда, придет в последний раз, чтобы с трубой Архангела вселиться в бренные останки своего тела и встать из могилы.

Тогда сказал Он мне: «Изреки пророчество духу... и скажи духу: "Так говорит Господь Бог: от четырех ветров приди, дух, и дохни на этих убитых, и они оживут"». И они ожили и стали на ноги свои — весьма, весьма великое полчище (Иез. 37, 9, 10).

Ей, Господи Вседержитель! Да будет так, скоро да будет!

Воскресение — весна!

Весна, весна! Как воздух чист!
Как ясен небосклон!
Своей лазурию живой
Слепит мне очи он.

Весна, весна! Как высоко
На крыльях ветерка,
Ласкаясь к солнечным лучам,
Витают облака.

Весна, весна! Ты вечна, жизнь!
Во свете неземном,
Купаясь в радостной любви,
Играет вечный звон!..

РАДОСТЬ ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ

Иеромонах Вениамин
(Виталий Николаевич Городков)
(1886–1965)

Сподоби в день Страшнаго Суда шуия части избавитися, десныя же страны общники быти.

Молитва Преподобному Сергию Радонежскому

Если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди.

Мф. 19, 17

...По другую сторону реки, древо жизни.

Откр. 22, 2

Приходилось ли тебе, мой любезный друг, видеть первую улыбку ребенка, появившегося на свет Божий? Приходилось ли видеть невыразимую радость узника, после многолетней тюрьмы выпущенного на свободу? Может быть, тебе судьба предоставила счастливый случай видеть человека, очнувшегося после летаргического сна, и его радость возвращения к жизни?

Да, вряд ли возможно описать то чувство, которое охватывает душу человека в подобных случаях. И не только человек испытывает радость при возвращении к жизни, но даже звери, птицы и прочие животные — малые и великие — переживают эту радость.

Недавно мне пришлось наблюдать за маленькой беленькой собачкой, которая была на привязи и жила в небольшом деревянном ящике. И вот эту собачку время от времени отвязывали и выпускали на десять-двенадцать минут прогуляться. Какое же трогательное зрелище представилось моим глазам! Как только ее отвязывали,

она с пронзительным визгом бросалась в подворотню. Не чувствуя боли от удара о доску, она несколько раз переворачивалась, как шар перекатывалась через канавку и, вскочив, начинала бегать туда и сюда по зеленой траве, выражая радость жизни и свободы.

Боже мой, подумал я, как же эти бессловесные животные умеют выражать свою благодарность Господу! А мы, люди, с великими преимуществами, дарованиями, способностями часто ноем, тяготимся всем и не выражаем Богу благодарных чувств и искренней радости. Говоришь: «Грешу очень много, потому и хочу умереть, чтобы не грешить, не оскорблять Бога». Но вот этому-то как раз и надо удивляться и выражать Богу искреннее признание, что мы грешим — и всё-таки живем, оскорбляем — и помилованы, непослушны Богу — и не перестаем быть Им любимы. *Сам дая всему жизнь* (Деян. 17, 25).

Но я говорю пока всё о радости жизни земной, временной, преходящей. Как же сказать о радости вечной жизни? И смогу ли что вообще сказать об этом?

Да, есть радость жизни земной. Ведь жизнь — это дар Божий. Но есть радость жизни небесной, вечной. Нет, мои милые друзья, я решительно отказываюсь что-либо говорить об этой радости вечной жизни. Да и как я дерзну описывать эту радость, если сам от нее нахожусь не менее как за сто верст. Не испытав сердцем тех неописуемых дивных восторгов небесного счастья, как посмею говорить об этом? Предпочитаю привести вам примеры из житий тех великих людей — наших святых, которые действительно на опыте испытали сладость и радость вечной жизни, пребывая еще здесь, на грешной нашей земле.

***

Живые цветы устилали гробик умершего мальчика. В рамке зелени, разноцветных бутонов лицо ребенка было особенно красиво и очаровательно. Вдруг всеобщее молчание прорезал крик испуга. Никто не верил

своим глазам — маленький покойник зашевелился. Затем он медленно открыл свои карие глазки и поманил к себе свою мать. «Дитя мое милое», — зарыдала она во весь голос и, забыв всякий страх, рванулась к ожившему сыночку. «Нет, мама, — тихо и внушительно сказал мальчик, — ты не плачь, и пусть папа не плачет. Я пришел с вами проститься, а потом опять уйду туда, где был». Родители упали на колени и стали умолять отрока, чтобы он не покидал их, чтобы остался с ними здесь, на земле. «О нет! — решительно отвечал мальчик. — Папенька, маменька, как я вас люблю, но остаться здесь я не могу. О, какие там я видел сады, какие реки, озера, какие дома, чертоги! Видел я и Машеньку нашу, которая умерла. Какая же она веселая, радостная, а какая красивая! И дяденьку видел там и бабушку. Как же там хорошо, как светло! А здесь грязно, темно, сыро. Простите меня, папочка и мамочка, я ухожу, ухожу снова туда». И ребенок обнял в последний раз плачущих родителей, затем закрыл глаза и тихо отошел в иной мир, где радость вечной жизни.

***

А вот молодой иеродиакон вышел на церковный амвон, чтобы сказать возглас. Взглянув кверху, он остановился в оцепенении и страхе. Его юное лицо непрестанно менялось под воздействием небесных видений. Он весь сиял под лучами небесного света и красоты. Устремив свой изумительный взор кверху, он стоял пред лицом народа, как небесное изваяние, как херувим, сияя отблеском неземной красоты... Так его и увели в алтарь...

Иеродиакон Серафим несколько дней был под впечатлением небесного откровения. Он ни с кем не разговаривал, не ел, не пил, почти не спал. Тихий свет и радостная улыбка не сходили с его лица. Испытав небесную радость, он всю жизнь был духовно пламенеющим. Всю жизнь лучи Божественного света веселили его сердце. И когда

злодеи напали на него в темном лесу, топором рассекли ему голову и нанесли много ран, он укреплялся небесной радостью и перенес ужасные телесные муки...

***

Всю ночь Преподобный Сергий стоял на молитве. Когда с вечера он начинал молиться, то солнце светило ему в спину, когда же солнце освещало его лицо, он оставлял молитву и начинал трудиться. Какие дивные созерцания впитывала его душа в этой целонощной беседе с Господом! Какие светлые чертоги горных красот открывались его просветленному духовному взору! А сладость духовная в сердце... да что может сравниться с ней из земных удовольствий? Находясь еще в этой земной жизни, он уже духом витал там, где вечная красота, любовь и совершенство. Когда он в ночи горел огнем молитвы, то около него поднималась буря зловещих страхований. Злобная бесовская сила в виде всяких страшилищ и привидений поднимала невыразимый шум и гам. Страшилища являлись ему в виде отвратительных гадов, дышащих пламенем адского огня, в виде воинов в остроконечных шапках, которые в адской злобе скрежетали зубами и грозились убить его, а он стоял как гранит среди бушующего океана. Его ум молнией устремлялся к небесам, сердце горело верой и любовью к живому Богу. И что для него все эти бесовские страхи, когда сердце его было полно радости вечной жизни!..

...Можно привести великое множество ярких примеров из жизни патриархов, пророков, апостолов, мучеников, преподобных, святителей — всех праведных людей, как они, презирая временное, тленное, земное, стремились всеми силами души к вечной небесной жизни.

А что сказать о нас — теперешних христианах последних времен? Стремимся ли мы к радости вечной жизни? Враг рода человеческого изо всех сил старается отвлечь

человека от этой небесной вечной жизни, для чего он и помогает нам как можно лучше устроиться в земной юдоли, на этой малюсенькой планете Вселенной. Человек украшает ее памятниками высокой культуры, красивыми городами, строит каналы, создает искусственные озера. Человеку теперь доступны самые быстрые и удобные средства передвижения: по воздуху — сверхзвуковые самолеты, по воде — быстроходные лайнеры, под водой — атомные подводные лодки, по суше — прекрасные автомашины, мотоциклы, велосипеды и прочее, и прочее. Словом, цель цивилизованного человечества, руководимого диаволом, — сделать новый рай на земле. Оторвав человека от рая небесного, настоящего, он хочет создать свой земной рай без Бога. Какая грандиозная попытка! Какая смелая идея и какая дерзкая! Перевернуть всё вверх дном. Погрузить человека в земные наслаждения и лишить радости жизни небесной. Одним словом, отнять у человека Бога и поставить себя вместо Бога. И вот все мы видим, как он старается всё это осуществить на наших глазах и имеет огромный успех. Слов нет. Но и тем не менее ни на земле, ни на других планетах не удастся ему своими бесовскими силами и бесовским гением создать что-либо подобное небесному раю. Нет! Это под силу только одному Творцу — Богу — и никому другому, никому.

Радость вечной жизни непременно связана с радостью о Боге и о Господе нашем Иисусе Христе. Кто всем своим сердцем полюбил Господа, Его святой закон, полюбил Пречистую Его Матерь, святых ангелов Божиих, полюбил святых пророков, апостолов, мучеников, всех святых, тот душой начинает жить радостью вечной жизни.

Царствие Божие внутрь вас есть, — говорит наш Спаситель (Лк. 17, 21). Да, оно начинается изнутри, а не от внешних удовольствий мира. Зарождается начало вечной радости... Особенно это происходит в часы страданий человека, когда он невинно несет оскорбления, пору-

гания или даже подвергается смерти. Вот в эти-то минуты тесноты, всеобщего поругания и начинает в душе страждущего за правду сиять луч небесной радости.

Святой апостол говорит: «Аще *избыточествуют в* вас *страдания Христовы, избыточествует и утешение* ваше» (ср. 2 Кор. 1, 5), то есть по мере страданий воздается и радость утешения человеку. И если мы живем теплохладной жизнью и не несем искушений, если нет у нас скорбей, жертвенности за правду, за Господа, а всё тихо и спокойно, то на что же нам надеяться, за что же получать радость духовную? Мы и так уже благодушествуем, наслаждаемся покоем и довольством мира сего.

Совсем недавно посадили в тюрьму одну юную девицу. Она хотела прописаться в нашей области, чтобы жить рядом с Лаврой, и потому дала одному чиновнику небольшую взятку. А закон сурово наказывает взяточников и тех, кто дает взятки. Заступиться за нее было некому. Ее судили за подкуп, за домогательство незаконной прописки. По своему здоровью худенькая, больная — сердечница, вся бледненькая, да еще и ростиком совсем маленькая, она, как говорят очевидцы, была на суде подобна ангелу. Светлая, спокойная, даже радостная, она выслушала обвинение и теперь отбывает свой срок в тюрьме. Когда раньше приходилось ее видеть в Лавре, то казалось, что она вот-вот упадет от бессилия, от физической слабости. Только дунь ветерок посильнее, и она, как былинка, сломится и больше не поднимется. Но нет, *сила* Божия *в немощи совершается* (ср. 2 Кор. 12, 9). Там, где кончаются силы человеческие, начинает действовать сила Божия. Откуда, скажи мне, взялась у этой слабенькой, несмелой, полуживой малютки чувство радости и силы в момент, когда храбрые по природе мужчины теряют присутствие духа? «Христос моя сила, Бог и Господь, честная Церковь»*. Да, именно в этом. Душа этой юной осужденной была запол-

* Ирмос 4-й песни канона, глас 6, из последования панихиды.

нена радостью вечной жизни. И сейчас она этой радостью только и живет, ею она дышит, ею питается. Надо полагать, что с этой радостью о вечной жизни она своей чистой, девственной душой перешагнет и таинственный порог грозной смерти.

Я не знаю, сколь многочисленны были испытания, выпавшие на долю отца Вениамина (Виталия Николаевича Городкова), но по складу его характера и по внешнему виду можно было судить, что и этого раба Божия, истинного делателя на «ниве Христовой, верного пастыря словесных овец», чаша страданий физических и духовных коснулась сполна.

В святой Лавре Преподобного Сергия он, кажется, был с самого ее открытия в 1945 году. Из каких краев занес ветер этого голубя в наш северный монастырь — нам неведомо. Но одно известно, что иеромонах Вениамин, довольно уже битый жизнью, прибыл к Сергию Преподобному в обитель с чистым намерением — отдать последние свои силы на Божие служение.

Помню как сейчас: стоит он у святой раки Преподобного Сергия и служит молебен угодничку Божию. Его усталый внешний вид говорит, что старец уже довольно много сегодня потрудился. С пяти часов утра он был и на исповеди, отслужил уже раннюю панихиду, помянул в алтаре у святого жертвенника своих близких — живых и усопших — и вот теперь стоит у святых мощей. Надо сказать, что отец Вениамин был кроткий батюшка. Он никогда ни с кем не скандалил, никому не сказал обидного слова, даже ни на кого не посмотрел с укоризной. Всех он любил как своих братьев во Христе. Каждому иноку, даже самому юному, новоначальному, он готов был послужить, уступить, сделать что-либо доброе. Высокий, сутуловатый, с виду физически мощный, он постоянно недомогал — болели сердце и ноги. Он был совершенно незаметен среди братии. Быстрая, несколько сбивчивая

речь свидетельствовала о его постоянной внутренней работе, постоянном напряжении его духовных сил. Как уже маститый старец и истинный монах, он мало заботился о своем внешнем виде. Ряса и вся одежда его были в убогом состоянии. Головной убор — клобук, а также обувь на ногах — самого обветшалого вида. А если кто отваживался заглянуть в его одинокую келию, то рисковал заблудиться там и не выбраться, как из темного леса, — такой там был ералаш. Словом, внешняя сторона жизни отца Вениамина была в самом жалком состоянии.

Но скажите, мои дорогие друзья, когда же нашим милым старцам было заботиться о внешнем порядке жизни? Так сказать, о внешнем блеске? Не гораздо ли больше занимали каждого из них духовная жизнь, спасение и украшение своей души, создание красоты во внутреннем доме своего сердца? Вот эти наиважнейшие вопросы и отнимали всё время у наших старцев. И пусть никто не подумает, исходя из моих воспоминаний, что монахи — все люди некультурные, нечистоплотные, грязные, невежественные, лентяи, за собой не хотят убрать и прочее, и прочее. Или скажут, что монахи живут в самых плохих антисанитарных условиях, что о них никто не заботится.

Это совершенно не так. Условия жизни наших монахов неплохие. Есть кому о них и позаботиться. Но дело всё в том, что сама монашеская жизнь требует не внешней красоты, удобств и прочего, а полноты жизни внутренней, духовной, благодатной. Ведь и все святые отцы поступали именно так. Они внутреннее предпочитали внешнему, духовное — мирскому, душевную красоту — телесной.

Может быть, читатель хочет видеть в моих рассказах какие-либо чудеса, совершаемые нашими старцами. Нет этого в моих воспоминаниях. И я совсем не хочу брать на себя этого великого дела — писать о чудесах наших лаврских старцев. Время не настало писать об этом. Будущие историки напишут об этом. Напишут непременно. А нам писать об этом слишком рано. Мы отмечаем только

чисто внешнюю, так сказать, наружную сторону жизни этих людей — то, что было видно нам со стороны. А уж внутренних подвигов, степени святости, прозорливости, чудодейственности — их мы не смеем касаться, считаем это слишком преждевременным. Но и внешняя сторона жизни хороших людей разве не поучительна? Разве она не достойна нашего подражания? Вот, к примеру, мы говорим о глубоком смирении отца Вениамина, о его исключительной покорности и послушании старшим, о его изумительном терпении во время болезни. Да разве всё это для нас не назидательно? Разве отец Вениамин не дает нам живой пример для подражания?

Мы пишем эти строки о радости вечной жизни. Разве отец Вениамин не служит нам всем примером и в этом? Помню, когда батюшка отец Вениамин еще исповедовал народ, то весьма много волновался о том, что люди слишком привязаны, как животные на лугу, к мирской жизни, что они совсем забыли о вечной жизни, что они абсолютно не готовят себя к ней и совершенно не знают, что такое духовная вечная жизнь, вечная радость. Волновался, и очень много. Его грубоватый баритон часто брал высокие ноты, умолял, устрашая, располагая людей к истинному покаянию, к истинной жизни, к истинной радости. И скольких мы упоминаем старцев в этих воспоминаниях — все они не только звали людей к вечной жизни, но и теперь не перестают это делать. И ныне они незримо и неслышно говорят нашей душе, что надо стараться, надо спешить, надо богатеть добрыми делами. Время не ждет. Оно настолько быстро может закончиться для нас, что мы и не предполагаем насколько.

А теперь несколько о разном.

***

Святого мученика за веру посадили было в темницу. Когда ему не давали пищу по два дня и более, то он был более счастлив, чем когда ее приносили. В лишениях — в са-

мом сердце ощущается присутствие Господа. Поэтому мученик не только не уклонялся от издевательств и побоев, но и сам искал всего этого. И когда его выпустили на свободу, то он пошел туда, где его когда-то особенно преследовали, где били и мучили христиан: он добровольно искал новых пыток. Так может делать только святой человек, который проникся жаждой страдания за Господа, за правду Его.

***

В одном горном труднопроходимом районе разбойники убили двух пастухов. Бросив свои жертвы, они скрылись в неизвестном направлении. Вскоре после этого страшного события стало происходить нечто удивительное. На той дороге, где были убиты пастухи, часто, особенно в бурю или в темную ночь, можно было видеть двух незнакомцев, которые неожиданно появлялись и провожали либо заблудившихся детей до дома, либо уставшего путника. Когда пытались подойти ближе к провожатым, они исчезали... Так два убитых пастуха охраняли от злодеев невинных людей, выводили их к более безопасному месту.

***

Ей было всего двадцать лет. Звали ее Надя. Она была дочь священника, что служил в Рязанской епархии. У девушки болели почки. Медицина помочь не смогла. Она умерла, и ее похоронили в ограде церкви. При жизни она как-то сказала: «Видела сон: сижу одна на кладбище, на могилке, а меня из алтаря видно». (Ее могилка теперь действительно видна из алтаря.) Второй ее сон: «Вхожу я в собор в длинном белом платье, меня встречает сам владыка и много-много духовенства». (Замечательно то, что отпевал ее сам владыка с сонмом духовенства.) Накануне смерти девушки в окно влетела ласточка и долго-долго кружилась над больной. Потом отец Нади ее поймал и выпустил на улицу. Как ангел, лежала она в гробике, вся в цветах, точно живая, — она была очень красивой.

И вот уже третий год, как в Успенский пост отлетают девственные души. Видимо, Матерь Божия отбирает Себе более достойных. Здесь с каждым днем всё труднее и труднее жить. Мрак сгущается, буря свирепеет, но что самое страшное — люди холодеют душой и сердцем...

Вот и вспоминаю всё ее слова: «Сижу одна на могилке, а меня из алтаря видно». Ах Надюша, да какая же ты счастливая!

***

Инок Макарий шел своей дорогой. Молитва Иисусова была в его устах и в сердце. Вдруг он видит: в том месте, где ему проходить, мечется огромный пес. Он бегает вокруг чего-то, злится, готов схватить что-то, но вновь отскакивает и в нетерпении юлит хвостом. Макарий, недоумевая, подошел ближе и видит: на земле лежит просфора, та самая, что преподобный Зосима Соловецкий дал только что проезжавшим купцам. Но купцы по небрежности своей уронили просфору. Но что такое? От просфоры пышет огонь! Да-да, огонь! Так вот почему пес не мог взять святую просфору. Огонь опалял его, и он отскакивал прочь.

Ах милый читатель! Подумай, как мы обращаемся со святыней? И как только огонь не опаляет наши скверные уста и руки, когда берем святую просфору?

***

Когда император Юлиан, язычник, отрекшийся от веры во Христа, пошел войной на персов, то проходил через город, где святительствовал архиепископ Василий Великий. Отдавая должное императору, святитель со своим клиром вышел ему навстречу с хлебом-солью. Юлиан ненавидел Василия Великого как христианского пастыря и в знак своего презрения велел дать святителю сена. Кроме того, Юлиан клялся по возвращении с войны разрушить город, где служил святитель Василий Великий. Но Юлиану не суждено было вернуться. Когда он сражался,

святитель Василий Великий молился пред иконой Божией Матери, на полях которой был изображен мученик Меркурий. Вдруг святитель видит, что святой мученик Меркурий исчез с иконы... Потом он снова явился, но уже с окровавленным копьем... Отступник Юлиан в тот самый час был поражен невидимой рукой и умер со словами: «Ты победил меня, Галилеянин!» (Так он презрительно называл Иисуса Христа.)

Господь всегда слышит молитвы Своих рабов, вопиющих к Нему день и ночь.

***

Умирала маленькая девочка. Ее окружали плачущие родители, родные, соседи. Было очень жалко малютку, ведь она была единственным ребенком в семье. Вот девочка открыла свои большие глаза, полные слез. «Мамочка, милая мамочка, — тихо сказала она, обращаясь к плачущей матери. — Зачем ты так сильно убиваешься обо мне. Ведь Сама Владычица приходила в наш дом». И умирающая попросила подать ей Ее икону. Мать взяла икону Божией Матери и бережно протянула дочке. «Нет, не та», — тихо говорит болящая. Подали другую. «Нет, нет, дайте ту, что на окне...» И тогда все с удивлением заметили: в узорах морозного стекла проступил дивный образ Царицы Небесной. Явившись умирающей девочке, которая сильно любила Матерь Божию, Царица Небесная, уходя, прошла через замерзшее стекло и... оставила на нем Свой дивный девственный образ.

***

Как наступает полночь, так в доме за печкой начинается стук. Семья встревожена, какой тут сон! Стуку конца и краю нет. «Стукалка» точно пестом колотит по ступе. Что делать? Позвали священника, отслужили водосвятный молебен, окропили весь дом. Особенно батюшка кропил за печкой. Но наступила полночь — стук стал будто

еще сильнее, как бы назло: «Вот, мол, вам, освятили?!» Курили ладаном, читали заклинательные молитвы — ничего не помогает.

«А ты бы, соседка, открыла Евангелие», — сказала странница-старушка хозяйке дома. Нашли Святое Евангелие. Принесли в дом и, как только за печкой раздался снова стук, открыли его... Послышался удар неимоверной силы. Казалось, рушится весь дом. Но этот удар был последним.

Как надо хранить нам Святое Евангелие! Благоговейно брать его в свои грешные руки и читать со слезами.

***

На море страшная буря. Волной смывает с палубы юношу. Ему бросают с корабля толстый канат, но утопающий не может ухватиться за его конец. Волна отбрасывает его в сторону. Пытаются еще раз бросить канат, но и эта попытка неудачна. Бедный юноша гибнет на глазах у людей. «Шлюпку!» — раздалась команда капитана. Но как только шлюпка коснулась воды, сильный удар волны разнес ее в щепки, и их тут же разметало волнами. «Еще канат», — почти без всякой надежды сквозь свист и вой ветра кричит капитан. Канат был брошен, и... совсем уже обессиленный юноша чудом ухватился за него. Придя в себя на палубе, он потом записал день и час своего спасения. Оказалось, что его родная мать, находясь далеко от того места, почувствовала своим материнским сердцем, что сын ее в великом несчастии. Она взяла акафист Матери Божией, встала на колени и со слезами начала молиться за сына.

А нам разве не угрожают волны житейского моря? Разве мы не в опасности? Кто же помолится о нас? Кто?..

***

Война. В госпитале делают сложную операцию. Молодому воину под наркозом удаляют из брюшной полости острый осколок снаряда. Мать узнает об этом. Она рвет-

ся в госпиталь. Ее не пускают. «Сын мой, сын мой», — стонет она... Но вот каким-то чудом ей всё-таки удалось пройти, и она совсем неожиданно оказалась на пороге операционной. «Боже мой, — невольно на ходу операции воскликнул профессор, — всё пропало». Но мать не издала ни малейшего звука. При общем оцепенении присутствующих она тихо, как привидение, подошла к сыну, который лежал под наркозом, покрытый простыней, положила свою руку на пылающее чело и... совершилось невероятное: сын, будучи под наркозом, почувствовал материнскую ласку, не открывая глаз, тихо произнес: «Мама, милая мама, я знал, что ты придешь ко мне в этот трудный час» (многие из присутствующих заплакали).

А разве Она, Матерь Божия, не придет к тебе, моя милая и дорогая душа, в трудный час искушений, в трудную минуту жизни? Придет, непременно придет. Она нежно коснется Своей десницей страждущего сердца, и оно почувствует благодать великого утешения.

...Радость вечной жизни как бы освещала всё существо отца Вениамина. Она облегчала благодатным утешением всю его многотрудную жизнь. Эта радость укрепила его в последние минуты. Как много невысказанных, неоткрытых тайн уносят эти последние минуты человеческой жизни! И что переживает человек в эти последние минуты? Какая при этом нужна помощь умирающему? И кто ее подаст?.. Кто утешит? Несомненно, ангел надежды принес умирающему отцу Вениамину радость вечной жизни. И с этой тихой радостью он легко и свободно предал свою душу Господу.

Светлая юность, полная грез,
Райских безгрешных видений.
Радость поста, покаяния, слез,
Подвиг полночных молений...

Ревность к служенью, священная речь,
Гордых грехов обличенье.
Проповедь правды, как ангела меч,
Грешников бедных прощенье...

Вечная жизнь как счастье любви
В лазурных высях витает,
Снежна голубка сияньем блестит,
В да́ли небес улетает!..

В светлых великих небесах нет летоисчисления. Там неугасающий, радужный день. Милый наш собрат отец Вениамин перешел в светлый, нескончаемый, райский день, переселился в свет возлюбленного Бога нашего, Спасителя Христа.

А у нас здесь начался 1966 год. И снова время потекло как бурная река, клокоча и скача... И снова труженики и крестоносцы Лавры Сергия Преподобного, отмерив свой земной путь, идут туда, в небо, к своим братьям по вере, по труду, страданиям, слезам... Но о них уже будут писать другие.

«Вечная ваша память, достоблаженнии отцы и братия наша, приснопоминаемии»*. Сделав три земных поклона, с пением этой заупокойной молитвы, иноки святой великой Лавры в два стройных ряда, все в темном длинном одеянии, тихо возвращаются от центра Трапезного храма в святой алтарь. Так бывает в святой Великий пост на заупокойной литии, где поминаются все усопшие отцы и братия наши. Пусть будет всегда так в святой Лавре. Да будет, Господи Боже!

Когда и мы с тобой, мой милый и терпеливый читатель, умрем, то и нас помянут этими же словами: «Вечная ваша память...»

А я в конце своих воспоминаний прошу земно прощения у вас, живых, моих милых, и у вас, умерших, моих премилых. Простите Бога ради за всё...

* См. последование панихиды.

Заключение

На нивы желтые нисходит тишина...
В вечернем воздухе, во тьме плывущих теней.
Дрожа несется звон... Душа моя полна
Разлукой с вами, милых впечатлений.

А. К. Толстой

Вот и кончились мои воспоминания. И слава Богу, скажет читатель, что наконец-то кончились. Но нет, подождите, мои друзья, мне хочется сказать еще кое-что. Вы, может быть, заметили, мои дорогие, что мои описания старцев Сергиевых касаются главным образом последних дней их земной жизни. И это совсем не случайно. Я имел цель не только показать святость жизни этих добрых людей, но, главным образом, показать красоту их смерти. Ведь святые отцы наши, богоносные, учат нас не только благочестиво и богобоязненно жить, но и правильно, богоугодно умирать. И надо сказать, что это большая наука, даже очень-очень большая, больше всех других наук, — наука умирать. Только в наши дни очень мало людей, серьезно думающих об этом. «Что? Учиться умирать? А вы в своем ли уме? Надо учиться жить в свое удовольствие» — так говорят мирские жизнелюбцы. Но мы идем дальше. Мы говорим: «И жить надо достойно Бога и человека, и умирать тоже надо учиться, и учиться весьма серьезно».

Смерти предшествует старость — вечер человеческой жизни, хотя иногда умирают и дети, и люди юного и среднего возраста. Так вот, хочется сказать поподробнее о предшествующей смерти старости. Тем более что мы в своих воспоминаниях и говорили о старцах в преклонном возрасте. Хотя многие мои читатели совсем юные, молодые. Тем охотнее я расскажу о маститой старости, которая-то и дает человеку уроки, как умирать.

Некоторые считают эту пору жизни — старость — самой грустной, так как за ней неумолимо надвигается

смерть. Но в христианском смысле это далеко не так. Для нас, верующих людей, старость должна быть полна отрады и высокого значения. Каким примирением с жизнью, каким великим упованием веет от старца-христианина! Всё тяжелое, всё, что мучило и волновало, теперь осталось далеко позади и в отдалении своем кажется не только легким, но еще и милым... Страсти больше не волнуют кровь, не манят больше пустые несбыточные мечты, всё затихло, всё успокоилось, и в этой тишине душа с миром ожидает Христа. «И угодно Моей святыне, — говорит Господь душе человеческой, — чтобы люди хотя и поздно, но всё же приходили ко Мне. Радуюсь Я, долго жду их, как евангельского блудного сына, и даже если отвергавший Меня весь свой земной век на ложе смерти вздохнет и возопиет ко Мне, и того не лишу милости Своей. *Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28)». Вот эта трепетная радость — во всепрощении Христа, это надежда на спасение не своими делами, а безграничной ценой крестной жертвы Христовой, это ясное для души предчувствие, что, при всем окаянстве своем, ты пришел к милосердному Владыке и Он примет тебя, — всё это составляет источник неиссякаемой радости старческого возраста...

Всё земное может измениться: умерли или забыли тебя друзья, в могилах все близкие, не исполнились мечты, счастье прошло мимо человека. Но Бога, Его-то ничто не отымет! Он всегда стоит при душе, и радость, которую Он может дать, затопит все бедствия жизни. И если человек дошел до живого общения с Богом, то как он может страшиться момента соединения с Ним в тайне смерти?

Вот оно, это грозное, роковое чудовище, столь приветное и желанное для души христианской, начиная с великого Павла с его дивным восклицанием: *Желание имею разрешиться и со Христом быть* (ср. Флп. 1, 23).

В самом деле для верующих людей, с христианской точки зрения, страх смерти есть одно из самых больших недоразумений.

Отец ушел на время, оставляя одиноким любимого сына, и заповедал ему не идти за ним, пока сам он не позовет его к себе. Часто тоскливо сыну без отца, но сын, исполняя волю отца, всё ждет его и не смеет идти за ним. И вот наконец приходит весть: «Отец зовет тебя к себе». Радуется ли этому сын? Теперь скажем себе, что сын — это каждый из нас, а отец — Творец и Господь. Чего же тут страшиться, чего тосковать, зачем уклоняться от смерти и цепляться судорожно за жизнь? Так ли надо понимать зов Божий, так ли надо держать себя в те часы, когда должна открыться нам жизнь вечная? Как умели умирать встарь русские люди, так и теперь умирают труженики Божии — люди из простого верующего народа, и как трусливо умирают, по большей части, люди образованные, и как не умеет достойно себя вести в присутствии тайны смерти большинство людей!

Когда медицина решила, что спасение человека невозможно и что смерть неизбежна, тогда остается одно — дать человеку спокойно умереть. А вот именно этого у нас делать и не умеют. Никакое лекарство уже более не спасет человека, а его продолжают пичкать всевозможными снадобьями. Не думают вовсе о единственно важном для него деле — о примирении с Богом, а ободряют заведомо ложными обещаниями: «Да вы еще поправитесь... через месяц будете молодцом» и так далее. Вместо того чтобы направлять мысль умирающего к единственно нужному, сбивают его с толку несбыточными мечтаниями. Боятся сказать человеку правду, что он умирает и что ему пора о душе позаботиться, поисповедаться, причаститься Святых Таин и сосредоточить мысли свои на вечности. Наконец, в самую последнюю минуту, когда начинается агония, и тут мешают душе расстаться с телом. Говорят, что те вопли, стоны и кри-

ки, которые подымают вокруг постели умирающего, могут, прервав агонию, на несколько часов или даже на несколько дней отсрочить смерть... Но к чему такая пытка для умирающего? Совсем не так умирали истинные христиане. Да и сейчас среди простонародья к смерти совсем иное отношение. Верующий народ смотрит на смерть совершенно спокойно. Не редкость услышать, например, такие разговоры: «Что это ты, тетка Акулина, зажилась?» — «И впрямь, голубчик, зажилась, пора давно старым костям на покой, а Господь всё не прибирает, не готова, видно». — «А ты готовься, и умрешь». — «Пора, пора помирать мне, голубчик». Надо сказать, такое простое, ясное отношение к смерти составляет принадлежность не одного только простонародья, а вообще всех людей, верующих в вечную жизнь.

У нас в Лавре и до сих пор, милостью Божией, живет старец архимандрит, который всегда меня крайне удивляет своим простым, почти детским отношением к смерти. По праву начальника (он раньше был благочинным в Лавре), он должен был заботиться об умерших из братии. Когда весть о кончине до него доходила, он спокойно одевался, заходил за мной и как ни в чем не бывало говорил: «Скончался старец такой-то, пойдем его одевать». Ни вздохов, ни сетований, ни угрюмого лица. Он хлопотал около умершего брата, будто готовя его на свадьбу или на какую вечерю. Какая ясная, живая вера в будущую жизнь, какое светлое понятие о смерти!

Он сам из простых людей. Труженик великий. Еще довольно крепкий телом. Лучше его никто не знает, когда сорокоуст, или полгода, или год такому-то брату. Шепнет, скажет отцу наместнику или эконому, что такому-то старцу сегодня полгода или год по смерти. И будет непременно сварена кутья, эту кутью поставят на панихиду, а после понесут в трапезную. Здесь все братия встанут, споют громогласно «Вечную память» усопшему нашему брату и разнесут кутью по всем столам.

Рассказывают про одного шестнадцатилетнего мальчика, умного, жизнерадостного, достигшего впоследствии в жизни больших успехов. Он в юные годы распределил на случай своей смерти все свои вещи: книги, одежду, обувь и прочее. А есть пожилые люди, которые придут в ужас, если вы посоветуете им заблаговременно составить завещание на случай смерти. Они даже боятся произнести такие слова: «Когда я умру, когда меня не будет в живых», точно они одни из всей вселенной не будут умирать или смерть, убоявшись, не придет к ним. И наоборот, есть молодые девицы, юноши, в цветущем возрасте совершенно спокойно рассуждающие о своей смерти.

Некоторые говорят, что-де, мол, теперь жизнь стала такая тревожная, трудная, болезненная, что и совсем молодым, юным не хочется жить: умереть бы скорее... А иные хотят умереть в юном возрасте, чтобы потом в жизни не потерять веру или чтобы больше не грешить, Господа не оскорблять, душу свою не погубить в этом запутанном до невозможности, греховном до ужаса мире. Кто-то говорит: вот будут страдания в последние времена, антихрист будет мучить верующих людей, а я сильно слабая, боюсь всяких мук. Да чтобы от веры не отказаться, чтобы Господу не изменить, так, если Богу угодно, лучше уж умереть до всех этих страшных событий.

Подобные рассуждения вытекают от маловерия нашего, возникают за недостатком надежды на Бога, надежды на Его благодатную помощь. Он-то уж, Господь наш Спаситель, и в страданиях укрепит, и в гонениях защитит, и в самом пекле греха и порока, нас окружающего, сохранит наши души и подаст Свою всесильную помощь.

По-христиански умирающие люди, если смерть не приходит внезапно, непременно стараются принять таинство Елеосвящения, или, как говорят в народе, со-

бороваться, по вере, что при соборовании человеку отпускаются все грехи, забытые или утаенные. Часто верующие искренне скорбят о том, что тот или иной человек умер ненапутствованный, то есть непричащенный. Но по сильной и дерзновенной вере можно думать, что Бог невидимо посещает таких людей, которые умирают внезапной смертью или при отсутствии, по дальности церкви, священника.

Один странник, ночевавший на обширном постоялом дворе, проснувшись ночью, увидел, как чудный ангел приобщает из чаши лежащих на полатях возчиков. Потом всё исчезло, а полати вскоре обрушились, и все возчики погибли. Точно так же и преподобный Серафим Саровский однажды говорил одной молодой вдове, которая приходила в отчаяние, что ее муж умер непричащенный. Этой вдове старец говорил, что есть люди, которые видимо причащаются, но для Бога остаются непричащенными. И наоборот, есть такие, что умирают непричащенными (по причине внезапности смерти или на войне от ран, на пожаре, утонувшие и прочие), но Господь невидимо их причащает.

Как я уже говорил, весьма трудно передать состояние умирающей души. Это состояние характеризуется некоторой печалью от расставания с близкими, родными, от тревоги за них, или глубоким чувством смущения, раскаяния за прошлое, робости перед Судом Божиим, или чувством радостного ожидания вскоре увидеть те блага, о которых так мечталось и к чему так стремилось сердце при жизни, думами о тех, с кем смерть разлучила раньше. Но в эти часы вообще всё человеческое как-то ослаблено. Человек становится равнодушен к земле, пребывая в тревоге своего ожидания.

Один молодой верующий человек умирал вдали от своего родного дома. Он был так слаб, что не мог поднять головы, не мог произнести нескольких слов. Знакомые приезжали к нему с мыслью проститься навсегда,

и он улавливал их прощальные взоры. Он уже начинал жить будущей жизнью, которая вскорости должна была открыться ему. Он ждал многих радостных свиданий. И, когда он ожил, ему стало тяжело, что всё это не сбылось, — чудом он остался жив.

Но как много теперь умирает неверующих людей! Каково их состояние в этот страшный час? Писание говорит: *Смерть грешников люта* (Пс. 33, 22). И бывает, что человек до конца остается нераскаянным, до конца отрицает Бога и отвергает совет близких исповедаться и причаститься. Приглашенный священник тихо склоняется к умирающему, подает ему крест, чтобы тот приложился к изображению распятого Искупителя. Но, о ужас! Больной собирает последние силы — для чего, вы думаете? Для того чтобы дрожащей рукой оттолкнуть крест — знамение спасения. И думается, что всё кончено. Погибла душа... Но нет! Между Богом и человеком есть невидимая связь. Какими, Он Сам знает, путями Бог в последние мгновения, когда жизнь чуть-чуть теплится, силен так тронуть душу, что она вдруг познает своего Творца и в радостном трепете устремляется к Нему. И считает ли время Тот, для Кого тысяча лет — миг единый?

Приходилось ли вам видеть мать, которая вырывает из рук смерти своего ребенка? Как же Бог борется за вечное спасение созданного Им человека, хотя бы и изменившего, но безгранично дорогого Ему сына!..

Какая милость Божия почить так, как почил преподобный Серафим Саровский. Накануне смерти, в день нового, 1833 года, он приобщился Святых Христовых Таин, обошел в церкви все иконы, весь день пел в своей келии победные пасхальные песнопения, несколько раз выходил в монастырь посмотреть место, избранное им для своего погребения. А утречком его нашли тихим, спокойным... и бездыханным. Он стоял коленопреклоненный пред своей любимой иконой Божией

Матери «Умиление», которую он прозвал «Всех радостей — Радость».

Нельзя без глубокого волнения читать о блаженной кончине святителя Димитрия Ростовского. 27 октября 1709 года он писал своему старому другу и собеседнику иноку Феологу: «Поистине вещаю ти, яко немоществую. До чего не примусь, всё из рук валится. Дни мне стали темны, очи мало видят, в нощи свет свещный мало способствует, паче вредит. А недугование вынуждает лежать и стонать». Вечером того же дня святитель велел позвать своих певчих. Он сидел у печи и грелся, а певчим велел петь сложенные им канты: «Иисусе мой прелюбезный...», «Надежду мою в Боге полагаю...», «Ты мой Бог, Иисусе, Ты моя радосте...» Послушав пение и отпустив певчих, он удержал у себя одного из них — преданнейшего. Очевидно, святитель хотел иметь возле себя живую душу. Он стал рассказывать Савве (так звали этого певчего) о своей ранней юности, о порывах к Богу и заключил свой рассказ словами: «И вы, дети, так же молитесь». Затем он сказал: «Время и тебе, чадо, отойти в дом свой». Он благословил его и, провожая, поклонился ему почти до земли. Затем святитель вошел в свою келию, где он обыкновенно молился. А наутро его нашли почившим коленопреклоненно в молитве.

Мне приходилось писать эти последние строки в дни Успения Божией Матери. Кто ни умилялся душой о Ее блаженной кончине? Кто ни проливал слез у Ее святой плащаницы? И какое дивное зрелище можно было видеть в Успенском храме Лавры, когда у святой плащаницы за ранней литургией звучала проповедь. Народ плакал обильными слезами, слушая о святой блаженной кончине Пречистой Девы. Райская ветвь, принесенная архангелом Гавриилом Матери Божией, будто бы благоухала во всем храме дивным благоуханием в веянии общей народной молитвы. О дивный праздник Успения! О славная по-

беда над смертью! О радость нашей христианской веры во Христа, Спасителя нашего!.. Дай и нам, Владычице, сподобиться тихой, блаженной кончины. Прииди Ты Сама к нам в тот час, когда душа наша будет разлучаться с телом... Прииди, Пречистая!

По церковному преданию, душа человеческая в течение сорока дней по смерти бывает водима по мытарствам, где она дает отчет о своих земных делах и где Ангел Хранитель защищает душу от злых демонов, представляющих грехи человека в преувеличенном виде. Поэтому в это-то время совершается чтение Псалтири по умершей душе. Подобно тому как юный псалмопевец Давид отгонял от Саула пением псалмов злого духа (см. 1 Цар. 16, 23), так и Церковь верит, что чтение Псалтири помогает душе благополучно пройти воздушные мытарства. Избавляются от истязания на мытарствах тѐ, которые причастились в день смерти или в том случае, когда кончина приходится на дни Светлой седмицы. Какое, действительно, великое счастье отойти ко Господу в эти дни! Какая радость душе возноситься на небо в дни пасхального ликования! Когда вся вселенная оглашается вестью, выше и сладостней которой нет нигде: «Христос воскресе из мертвых».

Сильное впечатление произвела на меня смерть одного христианина, который встретил Пасху, отстоял светлую заутреню, причастился за обедней и через несколько минут отошел... Какая радость для священника скончаться в церкви у престола Божия. Так умер известный старец, духовник скита в честь Черниговской иконы Божией Матери, что недалеко от Троице-Сергиевой Лавры, иеромонах Варнава. Великим постом он исповедовал насельниц Дома призрения в Сергиевом Посаде, утомился и, тихо склонившись к подножию святого престола, отошел ко Господу.

Милостыня, творимая в память умершего, — это одно из наиболее сильных средств помощи для него.

Грустно видеть то небрежение, в котором иногда оставляют душу человека его родные, скоро забывая умершего. Вообще же нам, русским, нельзя не поставить в укор наше пренебрежительное отношение к могилам наших близких.

Один архиерей, объезжая епархию, был поражен тем, что сельское кладбище было в крайнем запустении. Там копались свиньи и кости покойников всюду были видны. Святитель в проповеди укорил верующих за такое небрежение к своим усопшим. Заканчивая проповедь, он сказал: «За такое отношение ваше к усопшим нет на вас моего благословения». Народ бросился к ногам святителя, умоляя его простить им эту вину. Когда же он приехал в другой раз, то увидел, что кладбище было обнесено новым забором, всюду была чистота. И сколько у нас людей нуждается в подобном вразумлении...

Не скорбите, якоже и прочие, не имущии упования (Фес. 4, 13). Этот завет святого апостола мы должны помнить особенно тогда, когда лишаемся своих близких. Человеку трудно не скорбеть, когда уходят люди, с которыми он был связан, ради которых он жил. Но какая глубокая пропасть отделяет просветленную скорбь христианина от дикого отчаяния неверующего человека. Мы верим, что Господь, отнимая у нас близких и любимых, делает это для их же блага.

Представьте себе, что к матери, живущей в великой бедности и еле обеспечивающей своего сына, приходит богатый человек и говорит: «Дай мне сына на воспитание. Он будет жить в прекрасном дворце, будет иметь мудрых наставников, будет здоров и красив». И вот это расставание матери с сыном во имя лучшей для него жизни весьма сходно с тем, когда мы предаем Богу своих близких и родных. Нам не следует роптать, потому что от страданий они призываются к блаженству, от уничижения — к славе. И чуткие душой люди всегда имеют духовную связь со своими усопшими. Они мо-

лятся за умерших, а те тоже помогают им в земной жизни и спасении их душ.

Рассказывают, как один молодой человек, сильно привязанный к почившему старцу Амвросию Оптинскому, через несколько недель после его смерти, находясь в Москве, говел и должен был причаститься Святых Таин в день празднования Введения во храм Богоматери. В ночь перед этим он видит во сне алтарь, себя стоящим перед священником с чашей в руках в открытых царских вратах, а из алтаря, залитого светом, смотрит на него, одетый в блестящую ризу, с золотой митрой на голове, почивший отец Амвросий. И только через несколько дней этот духовный сын великого старца вспомнил, что 21 ноября как раз день рождения отца Амвросия.

Описанные мною старцы-труженики святой Лавры живут на небе также заботой о нашем спасении. В эти бурные времена опасностей и заблуждений они особенно внимательны к нашей земной судьбе и готовы помочь в трудный и опасный час. О, если бы мы чаще поминали в молитвах наших умерших старцев, духовно общались с их душами, брали с них добрые примеры! Цель моих воспоминаний и сводится к тому, чтобы люди не только прочли их, но главное — нашли для себя в этом чтении образцы добрых примеров. Духовно связать свою жизнь с жизнью старцев, научиться у них терпению, вере, любви, воздержанию, рассуждению, покорности воле Божией, чистоте молитвы, молчанию, незлобию; в конце концов, научиться у них не только благочестиво жить, но и благочестиво умирать. И пусть никто из нас, мои милые читатели, не откладывает это великое дело на будущее. Смерть-то может совершенно неожиданно прийти за нами...

«В чем застану, в том и буду судить».

Да не умрет светлая память о тружениках-старцах в наших сердцах. Будем усердно молиться о них Богу,

подавать записочки в алтарь, подавать просфорочки об их упокоении, тогда и они не перестанут ходатайствовать о нас перед Престолом Святой Троицы, ходатайствовать о нашей святой обители, о всех нас, живущих и молящихся здесь, о всех, любящих Преподобного Сергия, о всех, терпящих скорбь, лишения, озлобления, напасти от видимых и невидимых врагов, о всех православных христианах.

Времена наши очень трудные, но ты, мой друг, как верное и преданное чадо нашей Святой Матери Церкви Православной, не спеши колебаться своим умом. Не внимай тем разногласиям, которые так усиленно раздувает враг спасения. Живи тихо, мирно и трезвенно, горячо молись Господу о спасении всех людей. Очищай свою душу от страстей и пороков, храни святое молчание и смирение, предай себя в руки Владыки всех, Господу нашему, Иисусу Христу, Его Пречистой Матери, внимай голосу своего Ангела Хранителя, который говорит с тобой через твою совесть. И еще усерднее молись за усопших и живых своих старцев и отцов духовных. Тогда Господь даст тебе разум понимания, Он просветит твое сердце познанием истины Христовой, и тогда никакой туман не затмит твои очи душевные и телесные, и путь за Христом Спасителем будет тебе ясно виден.

Аз есмь путь и истина и жизнь (Ин. 14, 6). Не бойся, только *веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься* (Деян. 16, 31). *Се, гряду скоро, и мзда Моя со Мною* (Откр. 22, 12). *Се, гряду скоро; держи, что имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего* (Откр. 3, 11).

***

Белая березонька,
Дочь родных полей,
Низко-низко свесила
Кончики ветвей.

Под ее охраною,
Тенью весь покрыт,
На сырой могилушке
Белый крест стоит.

У креста склонилася
Душечка с тоской
И усердно молится:
«Боже, упокой!

Упокой Ты батюшку
Радость всю мою,
Посели родимого
У Себя в раю!»

И рыдает, бедная,
И с ресниц струей
Слезы так и падают
На песок сырой...

Успокойся, милая,
Вопль твой не забыт,
И тебя и батюшку
Господь наградит!..

Всем отшедшим

Едва покинул я житейское волненье,
Отшедшие отцы уж собрались толпой.
И прошлых смутных лет далекие виденья
Всё ярче и ясней выходят предо мной.

Весь свет земного дня вдруг гаснет и бледнеет,
Печалью сладкою душа упоена,
Еще незримая, уже звучит и веет
Дыханьем вечности грядущая весна.

И верю я, что вы к земле свой взор склонили,
Вы подняли меня над тяжкой суетой.
И память вечного свиданья оживили,
Едва не смытую житейскою волной.

Еще не вижу вас, но в час предназначенья,
Когда сей жизни дань всю до конца отдам,
Вы въявь откроете обитель примиренья
И путь укажете к немеркнущим звездам.

Теперь же спите вы, отцы мои драгие,
Мы память вечную немолкнуще поем,
Для нас вы были, есть и будете живые,
Мы к Богу вечному в одну семью придем...

СОДЕРЖАНИЕ

Часть II. 1955–1960 годы